

Люсинда Райли
Тарри Уитмакер

Финал легендарного цикла «Семь сестер»

АТЛАС

★ ИСТОРИЯ ПА СОЛТА ★

Annotation

1928 год, Париж

Добрая и состоятельная семья знаменитого скульптора находит у себя во дворе мальчика. Он замкнутый, но не по годам развитый и талантливый ребенок. Мальчик обретает свое место в новом доме, а семья Ландовски дает ему жизнь, о которой он не мог и мечтать. Только вот ребенок отказывается произнести хоть слово. Вся его связь с миром – дневниковые записи.

Мальчик растет, посещает занятия по классу скрипки в Парижской консерватории, и ужасы прошлого почти забываются. Но в глубине души он знает, что придет время, когда ему снова придется бежать.

2008 год, Эгейское море

Семь сестер впервые собрались вместе на борту «Титана», чтобы попрощаться с загадочным отцом, которого они так нежно любили.

Ко всеобщему удивлению, именно потерянной сестре Па Солт решил доверить ключ к их прошлому. Сестры должны смириться с мыслью, что их обожаемый отец был кем-то, кого они едва знали, а его секреты могут повлиять на их будущее.

- [Люсинда Райли, Гарри Уиттакер](#)

-

-

- [Предисловие](#)

-

- [Пролог](#)

- [Дневник Атласа](#)

- [Мерри](#)

- [Дневник Атласа](#)

- [«Титан»](#)

- [Дневник Атласа](#)

- [«Титан»](#)

- [Дневник Атласа](#)

- [«Титан»](#)

- [Дневник Атласа](#)
- [«Титан»](#)
- [Последние страницы дневника Па Солта](#)
- [«Титан»](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарность автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)

- [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
-

Люсинда Райли, Гарри Уиттакер Семь сестер. Атлас. История Па Солта

Lucinda Riley and Harry Whittaker
Atlas (The Story of Pa Salt)

© Lucinda Riley, 2022

© Савельев К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

* * *

*Люсинда посвящает этот роман своим
читателям во всем мире.*

*Я посвящаю его моей матери Люсинде, которая
была для меня источником вдохновения во всем.*

– Г. У.

Предисловие

Дорогие читатели!

Позвольте представиться: меня зовут Гарри, и я – старший сын Люсинды Райли. Возможно, некоторые из вас удивятся, когда увидят два имени на обложке этого долгожданного романа.

Перед выходом «Потерянной сестры» в 2021 году Люсинда неожиданно объявила о планах работы над восьмой, заключительной частью «Семи сестер», где будет рассказана история загадочного Па Солта. В авторском примечании к седьмой книге она написала: «Этот сюжет уже восемь лет находится у меня в голове, и я не могу дождаться, когда наконец изложу его в письменном виде».

Как ни трагично, мама умерла в июне 2021 года от остеосаркомы, которая была диагностирована в 2017 году. Наверно, вы думаете, что у нее не было возможности что-либо написать. Но судьба непредсказуема. В 2016 году мама прилетела в Голливуд по приглашению продюсерской компании, заинтересовавшейся правами на экранизацию «Семи сестер». Продюсерская группа очень хотела узнать, как мама представляет окончание серии, хотя тогда у нее были запланированы еще четыре книги.

Эта просьба заставила маму собрать все свои черновики в одном документе. Она написала для потенциальных продюсеров тридцать страниц сценария, действие которого происходит в кульминационный момент повествования. Уверен, мне не нужно убеждать вас в том, что эти страницы были как всегда великолепны. Они изобиловали драматизмом, напряжением и... сюрпризами.

Кроме того, поклонники этого цикла знают о ярких эпизодах с участием Па Солта, которые присутствуют в каждой книге. Мама выстроила хронологию передвижения основных персонажей в течение десятилетий, создав таким образом полноценное «руководство для наблюдателей». Таким образом, литературное наследие Люсинды гораздо обширнее, чем может показаться.

В 2018 году мы с мамой создали серию для детей «Ангелы-хранители» и совместно выпустили четыре книги. В это время она предложила мне закончить цикл «Семь сестер», если с ней произойдет

самое худшее. Разумеется, наши разговоры останутся между нами, но я хочу подчеркнуть: она сделала меня частью системы «отказоустойчивости» на тот случай, если произойдет немыслимое. Да, именно немыслимое. Не думаю, что мама всерьез рассматривала возможность своей *смерти*, – впрочем, как и я. Несколько раз она опровергала законы науки и природы, отступая от края пропасти. В маме всегда было нечто волшебное.

После ее смерти мне оставалось только сдержать слово. В конце концов, «Атлас» обещает раскрыть секреты, заставлявшие читателя много лет теряться в догадках. Однако я всегда рассматривал эту книгу как дань памяти моей маме. Я завершил эту работу ради моей лучшей подруги и моей героини. Мною двигала не осознанная необходимость, а любовь к маме. Я готов предположить, что некоторые читатели будут оживленно обсуждать, какие сюжетные элементы принадлежат мне, а какие – моей маме, но думаю, это не важно. Проще говоря, история есть история. И я *знаю*, что в конце этой книги вы испытаете эмоциональное удовлетворение. Мама позаботилась об этом.

Пожалуй, величайшее достижение Люсинды состоит в том, что никто не смог правильно определить тайную движущую силу, стоявшую за ее книгами, несмотря на *тысячи* теорий и догадок. «Атлас» будет наградой для тех, кто с самого начала полюбил этот цикл, но там есть и новый сюжет (хотя он всегда присутствовал, скрытый среди первых 4500 страниц). Возможно, я всего лишь убираю дымовую завесу...

Работа над книгой «Атлас. История Па Солта» была вызовом и огромной честью для меня. Это прощальный дар Люсинды Райли, и я рад вручить его вам.

Гарри Уиттакер, 2022

*Есть многое на свете, друг Горацио,
О чем не снилось нашим мудрецам.*

– Шекспир

Действующие лица романа:

Атлантис

Па Солт – *приемный отец сестер*

Марина (Ма) – *гувернантка сестер*

Клавдия – *экономка в Атлантисе*

Георг Гофман – *нотариус Па Солта*

Кристиан – *шкипер*

Сестры Деппеси

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

Тигги (Тайгета)

Электра

Мерри (Меропа)

Пролог

Сибирь, Тобольск, 1925 год

Двое мальчиков уткнулись носами в воротники своих поношенных шубенок, прикрывая лица от порывов ветра, гнавшего перед ними облака снежной пороши.

– Давай живее! – крикнул старший. Хотя ему едва исполнилось одиннадцать, его голос уже был хриплым и грубоватым. – Хватит, пора возвращаться домой.

Младший мальчик, которому было лишь семь, подхватил вязанку хвороста, который они собирали, и побежал за старшим.

На полпути домой дети слышали тонкий писклявый звук где-то за деревьями. Старший остановился и прислушался.

– Ты это слышишь? – спросил он.

– Да, – ответил младший. Хворост оттягивал руки, и, хотя они только что остановились, мальчика начало трясти от холода. – Пойдем домой, пожалуйста! Я устал.

– Не хнычь, – отрезал старший. – Я пойду посмотрю, что там.

Он подошел к соседней березе и опустился на колени. Младший неохотно последовал за ним. Они увидели воробушка размером с монету, беспомощно барахтавшегося в снегу.

– Он выпал из гнезда, – вздохнул старший. – Или это... послушай!

Они стояли под деревом, пока не услышали птичий крик из двух нот.

– Ага! Это кукушка.

– Та, что в настенных часах?

– Не совсем, это жестокие птицы. Кукушка откладывает яйца в чужие гнезда. Когда кукушонок вылупляется, он выталкивает других птенцов на землю – вот что здесь случилось.

– О нет. – Младший мальчик наклонился и провел мизинцем по головке птенца. – Мы здесь, дружок, все в порядке... – Мальчик посмотрел на своего спутника. – Может быть, мы заберемся на дерево и вернем его обратно? – Он попытался разглядеть гнездо. – Нет, слишком высоко.

Внезапно раздался тошнотворный хруст. Младший повернулся и увидел, что старший раздавил птенца сапогом.

– Что ты натворил? – в ужасе воскликнул младший.

– Мать все равно не признала бы его. Лучше так, чтобы не мучился.

– Но... откуда тебе знать. – Карие глаза младшего мальчика наполнились слезами. – Мы могли бы попробовать!

Старший отмахнулся от его протестов.

– Нет смысла пробовать, все равно ничего не получится. Пустая трата времени. – Он направился вниз по склону. – Пошли, нам пора домой.

Младший мальчик наклонился и посмотрел на безжизненного птенца.

– Прости моего брата, – прошептал он, утирая слезы. – Ему очень плохо, на самом деле он не такой.

Дневник Атласа

1928–1929 гг.

1

*Булонь-Бийанкур,
Париж, Франция*

Этот дневник – подарок от мсье и мадам Ландовски. По их словам, раз уж я не могу говорить, зато умею писать, будет полезно, если я попробую записывать свои мысли. Сначала они считали меня бестолковым или слабоумным; во многих отношениях так оно и было. Но, скорее всего, им просто надоело так долго возиться со мной. Они очень устали, и я тоже.

Они поняли, что у меня сохранились какие-то остатки ума, когда узнали, что я умею писать. Для начала они попросили меня написать мое имя, возраст и место рождения. Но я давно усвоил, что изложение таких сведений в письменном виде может довести до беды, а мне меньше всего хотелось очередных неприятностей. Поэтому я сидел за столом в кухне и записывал стихотворение, которому меня научил

папа. Разумеется, это стихотворение не могло выдать, где я жил до того, как оказался под живой изгородью в их саду. Оно не принадлежало к числу моих любимых, но слова соответствовали моему настроению и могли продемонстрировать этим добрым супругам, которые волей судеб оказались у меня на пути, когда смерть стучалась в мою дверь, что я хотя бы способен на письменное общение. Поэтому я написал:

Уж месяц зашел; Плеяды
Зашли... И настала полночь.
И час миновал урочный...
Одной мне уснуть на ложе!^[1]

Я написал это стихотворение по-французски, по-английски и по-немецки, хотя ни один из этих языков не был моим родным. (Разумеется, я могу не только писать, но и говорить, но, как и слова на бумаге, все сказанное, особенно в спешке, можно использовать как разменную монету.) Признаюсь, мне доставил удовольствие изумленный вид мадам Ландовски, когда она прочитала написанное, хотя это не помогло ей узнать, кто я такой и откуда появился здесь. Горничная Эльза одарила меня взглядом, намекавшим на то, что меня нужно побыстрее выдворить туда, откуда я пришел, и шлепнула тарелку еды на стол передо мной.

Прошло больше года с тех пор, как я покинул дом, который знал с рождения. За это время я говорил лишь в тех случаях, когда это было необходимо.

С того места, где я пишу эти строки, открывается вид из крошечного мансардного окна. Раньше я видел, как по дорожке прошли дети супругов Ландовски. Они учились в школе и выглядели очень нарядно в своей форме: Франсуаза в белых перчатках и соломенной шляпке, которая здесь называется «канотье», а ее братья – в белых рубашках и блейзерах. Хотя я слышал частые жалобы мсье Ландовски на нехватку денег, его большой дом, чудесный сад и красивые платья местных дам свидетельствовали о немалом богатстве.

Я имел привычку грызть карандаш. Папа старался искоренить эту мою привычку, намазывая карандаш всевозможными дурно

пахнущими веществами. Однажды он сказал, что на этот раз выбрал отраву с приятным запахом, так что, если мне дорога жизнь, лучше держать карандаш подальше ото рта. Тем не менее, пока я размышлял над переводом, полученным от него для расшифровки, я опять сунул карандаш в рот. Когда он увидел это, то закричал, выволок меня за шкирку на улицу и набил мне рот снегом, который потом велел выплюнуть. Тогда я не умер, но с тех пор часто гадал, было ли это жестоким розыгрышем, или же выплюнутый снег на самом деле спас меня.

Хотя я стараюсь почаще вспоминать отца, прошло уже много лет с тех пор, как я последний раз видел его, и его образ начинает тускнеть в моей памяти...

Наверное, это и к лучшему. Да, во всех отношениях будет лучше, если я забуду прошлое. Тогда, если меня будут пытаться, я ничего не смогу рассказать моим мучителям. А если мсье или мадам Ландовски думают, что я буду писать в подаренном дневнике что-то важное, и надеются на замочек с ключом, который я храню в своем кожаном кошельке, то они сильно заблуждаются.

– Ты можешь записывать в дневнике свои мысли и чувства, – ласково объяснила мадам Ландовски. – Это личный дневник, предназначенный только для твоих глаз. Обещаю, что мы не будем туда заглядывать.

Я закивал и благодарно посмотрел на нее, прежде чем побежать вверх, в свою комнату в мансарде. Но я не поверил мадам Ландовски. Я по себе знаю, как легко вскрывать замки и нарушать обещания.

«Клянусь жизнью твоей любимой матери, что я вернусь за тобой... Молись за меня и жди...»

Я потряс головой, стараясь избавиться от последних слов, сказанных мне папой. Но каким-то образом, хотя другие воспоминания, которые мне хочется вернуть, улетают из моей головы, как пух одуванчиков, в тот миг, когда я пытаюсь удержать их, эти слова не хотели уходить.

Дневник в кожаной обложке наполнен тончайшими бумажными листочками. Должно быть, он обошелся мсье Ландовски по меньшей мере в целый франк (так называются местные деньги). Это щедрый жест с его стороны, и я воспользуюсь им. Кроме того, во время долгого путешествия я начал опасаться, что разучился писать. Не имея ни

бумаги, ни карандаша, я коротал холодные зимние ночи, мысленно повторяя стихотворения и представляя, как я записываю их.

Мне нравится выражение «перед мысленным взором»; папа называл это окном, распахнутым в наше воображение. Поэтому, когда я не вспоминал стихотворения, то часто исчезал на просторах этого внутреннего мира, который папа считал безграничным. Но он добавлял, что недалекие люди по определению имеют ограниченное воображение.

Хотя добрые супруги Ландовски оказались моими спасителями, мне по-прежнему было нужно исчезать внутри самого себя, плотно закрывать глаза и перебирать мысли, которые нельзя было поместить на бумаге, потому что я больше не мог доверять ни одному человеку.

«Так что, если Ландовски когда-нибудь прочитают это – а я не сомневался, что они так и сделают, хотя бы из любопытства, – они увидят лишь дневник, который начинается с моей прощальной молитвы».

Кажется, я так ничего и не сказал им; я был настолько изнурен от лихорадки, голода и упадка сил, что, наверное, мне это померещилось, но, так или иначе, в тот день я увидел самое красивое женское лицо на свете.

Пока я кратко и деловито описывал, как эта прекрасная дама отвела меня в дом, шепча ласковые слова, и впервые за много дней позволила мне спать на кровати, я вспоминал, какой грустной она казалась во время нашей последней встречи. С тех пор я узнал, что ее звали Изабеллой, сокращенно Бел. Она и мсье Бройли, ассистент в скульптурной студии Ландовски (он попросил меня называть его Лореном, хотя я все равно не произносил ни слова) были безумно влюблены друг в друга. И в тот вечер, когда Бел выглядела такой грустной, она пришла проститься не только со мной, но и с Лореном.

Хотя я был очень молод, я много читал о любви. После ухода папы я прошелся по его книжным полкам и узнал множество необыкновенных вещей о жизни взрослых. Сначала я предполагал, что описание физического акта любви предназначалось для того, чтобы придать повествованию комедийный оттенок, но оно повторялось у авторов, которые определенно не были юмористами, и я осознал, что речь идет о реальных вещах. Вот *это* я точно не собирался записывать в своем дневнике!

Я тихо рассмеялся и прикрыл рот ладонью. Это было странное ощущение, поскольку смешок был неким проявлением радости, естественной физической реакцией.

– Господи! – прошептал я. Было еще более странным слышать собственный голос, который казался более глубоким с тех пор, как я проронил последнее слово. Никто не мог услышать меня здесь, в мансарде; обе горничные находились внизу, где занимались уборкой, полировкой мебели и бесконечной стиркой белья, развешанного на веревках за домом. Но, даже если они не могли меня услышать, нужно было соблюдать осторожность, поскольку, раз я мог смеяться, значит, имел голос и умел говорить. Я постарался думать о грустных вещах, что было трудновато, ведь, несмотря ни на что, мне удалось добраться до Франции, периодически исчезая в собственном воображении и думая о хорошем. Я думал о двух горничных, чью болтовню я слышал через тонкую стенку, разделявшую нас по ночам. Они жаловались на скудную плату, слишком долгий рабочий день, комковатые матрасы и на свою холодную спальню в мансарде, не отапливаемую в зимнее время. Мне хотелось постучать кулаком в стенку и крикнуть, что им еще повезло жить в отдельной комнате и *получать* жалованье, пусть и небольшое. Что касается холодной спальни... Я успел познакомиться с французским климатом, и, хотя Париж, на окраине которого мы жили, находился на севере Франции, при мысли об ужасе перед температурой немного ниже нуля мне снова хотелось смеяться.

Я закончил первую запись в своем «официальном» дневнике и прочитал ее про себя, представив себя на месте мсье Ландовски, с его забавной бородкой и пышными усами.

Я живу в Булонь-Бийанкуре. Меня приютила радушная семья Ландовски. Их зовут мсье Поль и мадам Амели. У них четверо детей: Натали (20 лет), Жан-Макс (17 лет), Марсель (13 лет) и Франсуаза (11 лет). Все они очень добры ко мне. Они говорят, что я был тяжело болен и мне понадобится время, чтобы восстановить силы. Горничных зовут Эльза и Антуанетта, а кухарку – Берта. Она все время дает мне свои чудесные пирожные, чтобы «подкормить» меня. В первый раз она принесла мне целую тарелку. Я съел все до крошки, а через пять минут мне стало очень плохо. Когда доктор осмотрел меня, то сказал Берте, что мой желудок съезжился от недоедания,

поэтому она должна кормить меня мелкими порциями, иначе мне станет совсем плохо и я могу умереть. Думаю, это расстроило БERTУ, но надеюсь, что теперь я ем почти нормально и могу оценить ее старания по достоинству. В семье есть еще одна прислуга, с которой я пока не встречался, но здесь много говорят о ней. Это мадам Эвелин Гельсен, и она работает экономкой. Сейчас она в отпуске и навещает своего сына, который живет в Лионе.

Я беспокоюсь, что семья тратит на меня слишком много денег, со всеми расходами на еду и на доктора, приходившего ко мне. Я знаю, как дорого могут обходиться врачи. У меня нет денег и работы, и я пока не понимаю, как отплатить за их щедрость. Не представляю, как долго мне еще разрешат оставаться здесь, но я стараюсь радоваться каждому дню в этом замечательном доме. Я благодарю Бога за их доброту и каждый вечер молюсь за них.

Я погрыз карандаш и удовлетворенно кивнул. Я выбрал упрощенный стиль и добавил две-три грамматические ошибки, чтобы сойти за обычного десятилетнего мальчика. Не стоило даже намекать на образование, когда-то полученное мною. После папиного ухода я старался продолжать занятия так же прилежно, как раньше, но без его руководящих наставлений дела заметно ухудшились.

Достав из ящика старого стола лист восхитительно белой бумаги – а для меня собственный стол был невообразимой роскошью, – я приступил к составлению письма.

*Студия Ландовски
Улица Муссон-Дерош
Булонь-Бийанкур
7 августа 1928 года*

«Дорогие мсье и мадам Ландовски!

Я хочу поблагодарить вас обоих за этот подарок. Это самый чудесный дневник, какой у меня был, и я буду писать ежедневно, как вы и просили меня.

Еще спасибо за то, что приняли меня к себе».

Я едва не добавил «*Искренне ваш...*» и свое имя, но вовремя остановился, аккуратно сложил лист бумаги четыре раза и написал наверху их имена. Я собирался положить письмо на серебряное блюдо, куда поместят завтрашнюю корреспонденцию.

Я еще не достиг того места, куда направлялся, но достаточно приблизился к нему. По сравнению с уже преодоленным расстоянием, это было все равно что прогуляться по улице Муссон-Дерош и обратно. Но я пока не хотел уходить отсюда. В разговоре с Бертой врач резонно заметил, что мне нужно укрепить не только физические, но и душевные силы. Хотя он не интересовался последним, я мог бы сказать ему, что худшим для меня были не телесные испытания, а страх, до сих пор терзавший меня изнутри. Обе горничные, возможно, уставшие жаловаться на остальных жильцов, сообщили мне, что я регулярно кричу по ночам и бужу их. Раньше я настолько уставал, что засыпал, как бревно, но здесь привычка к отдыху и теплой постели размягчила меня. Я часто не мог заснуть после очередного кошмара. Даже не уверен, что «кошмары» – верное слово для описания этих видений. Жестокий разум заставлял меня заново переживать то, что произошло со мной на самом деле.

Встав и подойдя к кровати с дневником в руке, я залез под одеяло, в котором не нуждался, так как было по-настоящему душно. Я засунул дневник в пижамные штаны так, чтобы он плотно прилегал к бедру. Потом я снял кожаный кошелек, который носил на шее, и пристроил его под штанами к другой стороне бедра. Если долгое странствие чему-то научило меня, так это выбрать самое надежное укрытие для драгоценных вещей.

Я растянулся на бугристом матрасе – еще одном предмете жалоб Эльзы и Антуанетты, хотя для меня это было подобно облаку из ангельских крыльев, – закрыл глаза, произнес короткую молитву за папу, а затем за маму, где бы на небе она ни находилась, и постарался заснуть. Одна-единственная мысль не шла у меня из головы. Не хотелось этого признавать, но была еще одна причина для моего благодарственного письма супругам Ландовски: хотя я понимал, что должен продолжить странствие, мне не хотелось отказываться от восхитительного ощущения безопасности.

– Итак, что ты о нем думаешь, молодой человек? – спросил мсье Ландовски, когда я заглянул в глаза нашего Спасителя, каждый глаз которого был больше меня самого. Мсье Ландовски только что завершил голову статуи того, кого в Бразилии называли *Cristo Redentor*, – нашего Иисуса Христа. Мсье Лоран Бройли поведал мне, что статуя будет установлена на вершине горы в городе Рио-де-Жанейро. Когда соберут все составные части, ее высота будет больше тридцати метров. Я видел миниатюрные варианты этой скульптуры и знал, что бразильский (и французский) Христос будет стоять с распростертыми руками, словно обнимая город. Согласно хитроумному замыслу, издали снизу будет казаться, что он распят на кресте. Вопрос о доставке статуи на вершину горы и ее сборке был предметом жарких дискуссий и волнений в последние несколько недель. У мсье Ландовски на попечении было много других голов, поскольку он также работал над скульптурой китайского государственного деятеля Сунь Ятсена^[2] и беспокоился насчет его глаз. На мой взгляд, мсье Ландовски был настоящим перфекционистом.

Долгими летними днями я приходил в студию мсье Ландовски и прятался за многочисленными камнями, лежавшими на полу в ожидании инструментов скульптора. Обычно в студии было полно подмастерьев и помощников, которые, как и Лорен, приходили сюда учиться у мастера. Большинство из них не обращали на меня внимания, хотя мадемуазель Маргарита каждый раз улыбалась мне. Она была лучшей подругой Бел, поэтому я знал, что ей можно доверять.

Однажды мсье Ландовски выследил меня в студии; как и мой отец, он попрекнул меня в необходимости просить разрешения перед входом. Я сокрушенно покачал головой, выставил руки перед собой и попятился к двери, но он сжалился надо мной и поманил к себе.

– Бройли сказал, что тебе нравится наблюдать за нашей работой. Это правда?

Я кивнул.

– Тогда больше не надо прятаться. Если ты обещаешь ничего не трогать, то добро пожаловать, мой мальчик. Хотелось бы, чтобы мои собственные дети проявляли такой же интерес к моей профессии.

С этого момента мне разрешили сидеть за столом на козлах с куском ненужного мыльного камня и обеспечили набором собственных инструментов.

– Смотри и учись, мальчик, смотри и учись, – посоветовал Ландовски.

Я смотрел и пробовал чему-то научиться. Впрочем, у меня мало что получалось, пока я стучал молотком по зубилу, обтесывая мыльные камни. Как я ни старался придать им хотя бы простейшую форму, передо мной неизменно оказывалась кучка обломков.

– Ну, мой мальчик, что ты думаешь об этом? – спросил мсье Ландовски и указал на голову Христа. Я энергично закивал, в очередной раз ощущая себя виноватым перед этим добряком, который все еще пытался добиться от меня внятного ответа. Он заслуживал этого хотя бы благодаря своему упорству, но я понимал, что как только открою рот и начну говорить, то окажусь в опасности.

Мадам Ландовски, убедившаяся в том, что я умею читать и понимаю услышанное, вручила мне стопку старой бумаги.

Я кивнул. После этого наше общение сильно упростилось.

В ответ на вопрос мсье Ландовски я достал карандаш из кармана шортов, крупными буквами написал на листке бумаги одно слово и протянул ему. Мсье Ландовски добродушно усмехнулся.

– «Великолепно», вот как? Что же, спасибо, молодой человек, и давай надеяться, что наш *Cristo* получит такую же оценку, когда гордо встанет на вершине горы Корковадо на другом краю света. *Если* мы сможем доставить его туда...

– Поверьте, сир, – произнес Лорен у меня за спиной. – Бел говорит, что подготовка фуникулера идет полным ходом.

– В самом деле? – Мсье Ландовски приподнял кустистую седую бровь. – Похоже, тебе известно больше меня. Эйтор да Силва Коста неустанно заверяет меня, что мы обсудим, как переправить мою скульптуру через океан и воздвигнуть ее на месте, но обсуждение все откладывается и откладывается. Скоро ли настанет время ланча? Мне нужно выпить немного вина, чтобы успокоить нервы. Я начинаю опасаться, что этот проект со статуей Христа будет концом моей карьеры. Поистине, я был глупцом, когда согласился на такое безумие.

– Пойду принесу завтрак, – отозвался Лорен и удалился в крошечную кухню, каждый уголок которой я буду всегда помнить как

первое убежище с тех пор, как покинул свой дом много месяцев назад. Я улыбался, глядя, как Лорен открывает бутылку вина.

Поскольку я часто просыпался очень рано, то приходил в студию на рассвете просто ради того, чтобы посидеть среди здешней красоты. Я думал о том, как папу позабавило бы, что из всех мест, где я мог бы оказаться, – например, на заводе «Рено», лишь в нескольких километрах отсюда, – волею судеб я завершил свое странствие в таком месте, которое он назвал бы храмом искусства. Я знал, что это порадовало бы его.

В то утро, когда я сидел среди камней и глядел на кроткие черты лица *Cristo Redentor*, до меня донесся шум из комнаты за занавеской, где мы обедали. Подкравшись на цыпочках и заглянув внутрь, я увидел ноги, вытянутые под столом, и услышал тихий храп Лорена. С тех пор, как Бел вернулась в Бразилию, он стал часто напиваться, так что по утрам его глаза были покрасневшими и опухшими, а кожа приобретала землисто-серый оттенок, как будто он был готов в любой момент избавиться от содержимого желудка. (Кстати, у меня был богатый опыт знакомства с подобным злоупотреблением среди мужчин и женщин.)

Я смотрел, как он наливает себе щедрую порцию вина, и беспокоился о его печени, которая, по словам папы, больше всего страдает от выпивки. Впрочем, еще больше меня беспокоило состояние его сердца. Хотя я вполне понимал, что сердце не может физически разбиться от любви, что-то в Лорене явно надломилось после разлуки с Бел. Возможно, однажды я пойму желание утопить свою душевную боль в алкоголе.

– *Santé!*^[3] – хором произнесли они и чокнулись стаканами. Пока они сидели за столом, я отправился на кухню, чтобы взять хлеб, сыр и спелые помидоры, выращенные на огороде нашей соседки. Я заметил экономку Эвелин, которая появилась на кухне с целой корзиной овощей. Поскольку она была пожилой и весьма тучной женщиной, я побежал через всю комнату, чтобы взять у нее корзину.

– Господи, ну и жара! – вздохнула экономка и тяжело опустилась на деревянный стул. Я принес ей стакан воды еще до того, как она попросила об этом, и достал бумагу и карандаш, чтобы написать вопрос.

– «Почему вы не отправляете горничных?» – прочитала она и окинула меня взглядом. – Потому что, мой милый мальчик, никто из них не отличит гнилой персик от идеального. Это городские девушки, которые ничего не знают о свежих фруктах и овощах.

Я взял у нее листок бумаги и написал еще одно предложение:

«Когда пойдете в следующий раз, я отправлюсь с вами и понесу корзину».

– Очень любезно с твоей стороны, молодой человек. Если такая жарница будет держаться и дальше, мне понадобится помощь. Если я задам вопрос, ты сможешь написать ответ, да?

Жара продолжалась, и я стал помогать Эвелин. По пути она с гордостью рассказывала о своем сыне, который учился в университете на инженера.

– Вот увидишь, однажды его имя прославится, – добавила она, пока мы лавировали между ящиками с овощами, выставленными перед ларьками. Я шел с корзиной для тех овощей, которые прошли проверку Эвелин. Из всех домашних в семье Ландовски она была моей любимицей, хотя поначалу я страшился ее, потому что услышал из-за стены болтовню горничных о скором возвращении «драконицы». Меня представили ей как «безымянного мальчика, который не может говорить». (Это сказал Марсель, тринадцатилетний сын мсье Ландовски. Я знал, что он относится ко мне с вполне понятным подозрением; мое неожиданное появление в любой семье неизбежно привело бы к косым взглядам.) Но Эвелин лишь пожала мою протянутую руку и одарила меня теплой улыбкой.

– Я скажу так: чем больше, тем веселее. Какой смысл иметь громадный дом вроде этого и оставлять комнаты пустыми? – Эвелин подмигнула мне, а позже в тот же день, когда увидела, как я смотрю на недоеденный яблочный пирог, оставшийся после завтрака, отрезала мне кусок.

На самом деле было довольно странно, что между мною и женщиной средних лет могла возникнуть тайная и негласная (во всяком случае, с моей стороны) связь, но так оно и было. Я подметил в ее глазах особенное выражение, свидетельствовавшее о перенесенных страданиях. Вероятно, она разглядела во мне нечто похожее.

Я решил, что есть только два способа не навлекать на себя жалобы со стороны домашних – либо стать невидимым (для детей

Ландовски, и в меньшей степени для их родителей), либо активно помогать тем, кто нуждался в этом, что в первую очередь относилось к прислуге. Вскоре Эвелин, Берта, Эльза и Антуанетта осознали, что в доме есть полезный маленький помощник, который может оказаться рядом в любую минуту. Я часто убирался в комнатухах, где мы жили. Еще маленьким мальчиком я имел склонность везде наводить порядок. Папа, заметивший мою неприязнь к хаосу, пошутил, что однажды я стану образцовой женой. В моем старом доме это было невозможно, потому что все жили практически в одной комнате, но идея порядка в просторном доме Ландовски завораживала меня. Наверное, больше всего мне нравилось помогать Эльзе и Антуанетте снимать с бельевой веревки одежду и простыни, высушенные на солнце. Горничные смеялись над моим желанием идеально складывать белье, а я не мог удержаться и повсюду совал свой нос, вдыхая свежий запах стирки, который для меня был милее любых духов.

Я порезал помидоры так же тщательно, как складывал выстиранное белье, и вернулся за стол к Лорену и мсье Ландовски. Я смотрел, как они ломают свежий багет и режут сыр, но присоединился к трапезе лишь после того, как мсье Ландовски указал мне на свободное место. Папа часто рассказывал мне о восхитительном вкусе французской еды, и он был прав. Впрочем, после приступов тошноты и желудочных болей, когда я с максимальной скоростью поглощал все, что мне предлагали, я стал есть «как воспитанный человек, а не дикарь», по выражению Берты.

Разговор за столом по-прежнему вертелся вокруг статуи Христа и глаз Сунь Ятсена, но меня это устраивало. Я понимал, что мсье Ландовски был подлинным творцом: летом он завоевал золотую медаль на олимпиаде изящных искусств, а его таланты, судя по всему, были известны по всему миру. Больше всего меня восхищало, что слава не изменила его характер. А может быть, мне так казалось, поскольку он работал в любое время, когда мог, и часто пропускал ужины. Мадам Ландовски выговаривала ему за то, что он уделяет слишком мало внимания ей и детям. Его внимание к деталям и стремление к совершенству, хотя он без труда мог поручить Лорену завершение работы, вдохновляли меня. Кем бы я ни стал и что бы мне ни суждено было сделать, я дал себе обещание, что буду посвящать этому все свое время и силы.

– А ты что думаешь, мальчик? Мальчик!

Я снова затерялся в раздумьях. Те, кто проявлял интерес ко мне, уже немного привыкли к этому.

– Ты не слушал, да?

Я извинился взглядом и покачал головой.

– Я спросил, считаешь ли ты, что глаза Сунь Ятсена еще нужно поправить? Я показывал тебе его фотографию, помнишь?

Я взял карандаш, тщательно обдумывая ответ. Меня учили всегда говорить правду, но нужно было проявлять дипломатичность. Я написал нужные слова и протянул ему листок.

«Совсем немного, мсье».

Ландовски отпил глоток вина, потом запрокинул голову и рассмеялся.

– В самую точку, мой мальчик. Во второй половине дня я попробую еще раз.

Когда мужчины покончили с едой, я унес остатки хлеба и сыра, а потом сварил для них кофе так, как нравилось мсье Ландовски. Занимаясь этим делом, я рассовал остатки хлеба и сыра по карманам шортов. Мне еще предстояло побороть эту привычку: неизвестно, когда ты останешься без пропитания.

Я принес кофе, откланялся и вернулся к себе в мансарду, где спрятал хлеб и сыр в ящике стола. В последнее время я все чаще на следующее утро выбрасывал эти остатки в мусорную корзину. Но, повторяю, никогда не знаешь, что может случиться завтра...

Помыв руки и причесавшись, я спустился вниз и приступил к своим обязанностям добровольного помощника по дому. Сегодня они включали чистку столового серебра, поскольку даже Эвелин похвалила меня за усидчивость и аккуратность в этом деле. Я засиял от гордости, изголодавшись по комплиментам. Правда, это сияние продолжалось недолго, потому что Эвелин остановилась в дверях и повернулась к Эльзе и Антуанетте, которые раскладывали ножи и вилки по бархатным футлярам.

– Вам обеим стоит поучиться у этого мальчика, – сказала она и вышла, оставив горничных сердито глядеть на меня. Но поскольку они были ленивыми и нетерпеливыми, то без вопросов позволяли мне чистить столовые приборы. Я любил сидеть в тишине просторной столовой за столом из красного дерева, отполированным до блеска.

Пока мои руки занимались работой, мысли могли блуждать где заблагорассудится.

С тех пор как началось мое телесное и душевное восстановление, больше всего меня занимала мысль о зарплате. Несмотря на доброту супругов Ландовски, я всецело зависел от их расположения. В любое время, даже сегодня вечером, они могли объявить, что мое время пребывания в их доме истекло по той или иной причине. Тогда я снова оказался бы на незнакомой улице, уязвимый и одинокий. Я инстинктивно потянулся к кожаному кошельку, который носил под рубашкой. Ощущение знакомой формы было утешительным, хотя я понимал, что содержимое принадлежит не мне и я не могу его продать. Тот факт, что оно пережило путешествие, сам по себе был чудом, но его присутствие было одновременно благословением и проклятием. Оно было причиной моего пребывания в Париже и проживания под крышей у незнакомых людей.

Опустошив чайник, я пришел к выводу, что в доме есть лишь один достойный доверия человек, у которого можно попросить совета. Эвелин жила в так называемом «коттедже», который на самом деле был пристройкой к главному дому, состоявшей из двух комнат. По крайней мере, она имела отдельную ванную с уборной, а главное – отдельную входную дверь. Я еще не бывал у нее, но сегодня вечером после ужина собирался набраться храбрости и постучаться в эту дверь.

* * *

Через окно столовой я видел, как Эвелин идет к коттеджу. Она всегда уходила после подачи главного блюда, оставляя горничных распорядиться подачей десерта, уборкой со стола и мытьем посуды. Я доедал ужин и слушал семейные разговоры. Надин, старшая из сестер, еще не вышла замуж и большую часть времени проводила за пределами дома с мольбертом, кистями и палитрой. Я не видел ее работ, но знал, что она создает декорации для театральных постановок. Мне еще не приходилось бывать в театре, и, разумеется, я не мог обратиться к ней и расспросить о ее работе. Она довольно редко появлялась дома и казалась поглощенной собственной жизнью, почти не замечала меня и лишь иногда улыбалась, когда наши пути

пересекались по утрам. Еще был Марсель, который однажды встал передо мной, выпятив грудь и подбоченясь, и заявил, что я ему не нравлюсь. Конечно, это было глупо, поскольку он не знал меня, но я слышал, как в разговоре с младшей сестрой Франсуазой он называл меня лизоблюдом, потому что я помогал на кухне перед ужином. Я понимал его чувства; он не представлял, зачем его родители приютили юного оборванца, которого нашли в саду и который отказывался произнести хоть слово.

Но я все простил ему с того момента, когда впервые услышал звуки прекрасной музыки, доносившейся из его комнаты. Я оставил свои дела и стоял как зачарованный. Хотя папа научил меня основам игры на скрипке, я еще никогда не слышал звуки, извлекаемые клавишами фортепиано под пальцами настоящего мастера. Это было великолепно. С тех пор я стал немного одержимым пальцами Марселя, дивясь тому, как они умудрялись так быстро перебирать клавиши в таком безупречном порядке. Я заставлял себя отводить взгляд, чтобы не привлекать его внимания. Однажды я намеревался собраться с духом и попросить посмотреть, как он играет. Что бы он ни думал обо мне, я считал его волшебником.

Его старший брат Жан-Макс находился на грани зрелости и относился ко мне равнодушно. Я почти не знал, чем он занимался, когда уходил из дома, хотя однажды он попробовал показать мне игру в *буль*, традиционное французское развлечение^[4]. Нужно было точно бросать шары на гравийной площадке на заднем дворе, и я очень быстро усвоил основные навыки.

Была еще Франсуаза, младшая дочь Ландовски, ненамного старше меня. Она вела себя дружелюбно, хотя и казалась очень застенчивой. Я был благодарен, когда она молча передала мне сладости в саду – нечто вроде леденцов на палочке, – и мы сидели бок о бок, облизывая их и наблюдая за тем, как пчелы собирают цветочный нектар. Она присоединялась к Марселю в игре на фортепиано и любила живопись, как и Надин. Я часто видел ее перед мольбертом, обращенным к дому. Я не имел понятия, насколько хороши ее способности, поскольку не видел ее работ, но подозревал, что милые пасторальные пейзажи с видами на поля и реку, развешанные внизу, принадлежали ее кисти. Конечно, мы не могли стать близкими друзьями – довольно утомительно проводить время в обществе человека, который не может

поддерживать разговор, – но она часто улыбалась мне, и я видел сочувствие в ее взгляде. Время от времени (обычно по воскресеньям, когда мсье Ландовски устраивал себе выходной) члены семьи играли в *буль* или отправлялись на пикник. Мне каждый раз предлагали присоединиться, но я всегда отказывался, чтобы не мешать их личному общению, а еще потому, что на собственной шкуре усвоил, до чего может довести случайная неприязнь.

После ужина я помог Эльзе и Антуанетте вымыть посуду, а после того как они поднялись в спальню, я выскользнул из кухни и обогнул дом с заднего двора, чтобы никто не заметил моего ухода.

Пока я стоял перед дверью Эвелин, сердце гулко колотилось в груди. Может быть, это ошибка? Не лучше ли просто уйти отсюда и забыть обо всем?

– Нет, – прошептал я. Рано или поздно мне придется кому-то довериться. Интуиция, которая до сих пор позволяла мне оставаться в живых, сейчас подсказывала, что я поступаю правильно.

У меня дрожала рука, когда я потянулся к двери и робко постучался. Ответа не последовало; разумеется, никто не мог услышать такой тихий стук, если не стоял прямо за дверью. Тогда я постучался громче. Через несколько секунд я увидел, как занавеска на окне отодвинулась в сторону, а потом дверь отворилась.

– Так, кто у нас тут? – Эвелин улыбнулась мне. – Заходи, заходи же. Гости нечасто бывают в моем доме.

Я оказался, наверное, в самой уютной комнате, какую мне приходилось видеть до сих пор, – хотя мне говорили, что раньше здесь был гараж для автомобиля мсье Ландовски, с простым бетонным полом. Сейчас меня повсюду окружали красивые вещи. Два мягких стула с разноцветными лоскутными покрывалами стояли в центре комнаты. Стены были увешаны семейными портретами и натюрмортами, а у окна на столе красного дерева стояла ваза с изящным букетом. Маленькая деревянная дверь в дальнем конце предположительно вела в спальню и уборную, а на буфете, заполненном фарфоровыми чашками и бокалами, была установлена книжная полка.

– Присаживайся. – Эвелин указала на стул и отложила в сторону свое вязание. – Хочешь лимонада по моему рецепту?

Я энергично кивнул. До того как я оказался во Франции, мне не доводилось пробовать лимонад, и теперь я пил его при любом удобном случае.

Эвелин подошла к буфету и достала два стакана, а потом налила из кувшина молочно-желтую жидкость с толченым льдом.

– Ну вот, – произнесла Эвелин, когда устроилась на стуле, который был маловат для ее фигуры. – *Santé!* – Она подняла свой стакан. Я ответил тем же, но промолчал.

– Итак, чем я могу помочь тебе? – спросила Эвелин.

Я заранее написал вопрос и достал из кармана листок бумаги. Она прочитала записку и посмотрела на меня.

– Как ты сможешь заработать немного денег? Ты это хотел спросить?

Я кивнул.

– Пока не знаю, молодой человек, но я подумаю об этом. А почему ты решил, что тебе нужно зарабатывать?

Я жестом попросил вернуть бумагу и начал писать.

– «На тот случай, если добрые супруги Ландовски решат, что мне больше нет места в их доме», – прочитала она вслух. – Что тут скажешь? Принимая во внимание успех мсье Ландовски и размер его гонораров, весьма сомнительно, что они решат переехать в более скромный дом. Но, кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду. Ты боишься, что однажды они могут просто выставить тебя на улицу?

Я согласно закивал.

– И тогда ты окажешься еще одним маленьким голодным сиротой на парижских улицах. Это приводит меня к важному вопросу: ты сирота? «Да» или «нет» будет достаточно.

Я помотал головой.

– Где твои родители?

Она протянула мне листок бумаги, и я написал два слова:

«Не знаю».

– Ясно. Я было подумала, что они могли пропасть без вести во время большой войны, но она закончилась в тысяча девятьсот восемнадцатом году, поэтому ты слишком мал для такой версии.

Я пожал плечами, стараясь сохранять бесстрастное выражение лица. Беда с добрым отношением состояла в том, что оно притупляло

бдительность, а я не мог себе этого позволить. Эвелин помолчала, внимательно глядя на меня.

– Я знаю, что ты можешь говорить. Та девушка из Бразилии рассказала всем, что ты поблагодарил ее на безупречном французском языке в тот вечер, когда она нашла тебя. Вопрос в том, почему ты молчишь. Единственный ответ, который приходит мне в голову, – если ты с тех пор не онемел, в чем я сомневаюсь, – заключается в том, что ты боишься кому-либо доверять. Я права?

Меня обуревали противоречивые чувства. Мне хотелось сказать, что она совершенно права, и броситься в ее утешительные объятия, но... я понимал, что еще рано. Я показал, что мне нужна бумага, и написал на листке:

«У меня была лихорадка. Я не помню, как разговаривал с Бел».

Эвелин прочитала эти слова и улыбнулась.

– Понятно, молодой человек. Я знаю, что ты лжешь, но ты явно перенес какую-то травму, которая подорвала твое доверие к людям. Наверное, однажды, когда мы ближе познакомимся друг с другом, я расскажу тебе кое-что о своей жизни. Во время большой войны я работала медсестрой на фронте. Страдания, которые я там видела... это невозможно забыть. И если откровенно, то на какое-то время я утратила веру в людей и доверие к ним. И перестала верить в Бога. Ты веришь в Бога?

Я неуверенно кивнул – отчасти потому, что не знал, осталась ли она религиозной женщиной, а отчасти потому, что не был уверен в собственных убеждениях.

– Возможно, сейчас ты находишься в таком же состоянии, как и я тогда. Мне понадобилось много времени, чтобы снова во что-то поверить. Хочешь знать, что вернуло мне веру и доверие? Любовь... любовь к моему дорогому мальчику. Она все исправила. Разумеется, любовь в конечном счете исходит от Бога или, если хочешь, от невидимого духа, который объединяет всех людей. Даже если иногда кажется, что Бог оставил нас, Он не оставляет. Как бы то ни было, боюсь, что сейчас я не знаю ответа на твой вопрос. На парижских улицах есть множество мальчиков и подростков вроде тебя, которые умудряются выживать такими способами, что мне даже не хочется думать об этом. Но... послушай, мне хочется, чтобы ты хотя бы поделился со мной своим именем. Уверяю тебя, что мсье и мадам

Ландовски – добрые и хорошие люди, и они никогда не выгонят тебя из дома.

Я снова указал на листок бумаги и написал:

«Тогда что они сделают со мной?»

– Если бы ты заговорил, то они бы разрешили тебе оставаться в доме сколько угодно и отправили бы тебя в школу, как и своих детей. А так, – она пожала плечами, – это невозможно, правда? Сомнительно, что какая-нибудь школа согласится принять немомо мальчика, независимо от уровня его образования. Судя по тому, что мне известно о тебе, я бы предположила, что ты вполне образован и хочешь учиться дальше. Это правда?

Я изобразил типично французское пожатие плечами, которому научился у жильцов дома.

– Не люблю лжецов, молодой человек, – неожиданно укорила меня Эвелин. – Пусть у тебя есть причины для молчания, но, по крайней мере, ты можешь быть искренним. Итак, хочешь ли ты продолжить свое образование?

Я неохотно кивнул. Эвелин хлопнула себя по бедру.

– Так-то лучше! Ты должен решить, когда сможешь заговорить; после этого твое будущее в семье Ландовски станет куда более надежным. Ты сможешь быть нормальным ребенком и ходить в нормальную школу, а домашние будут относиться к тебе еще лучше, чем прежде. – Эвелин зевнула. – Завтра мне рано вставать, но я была рада тебе и твоему обществу. Пожалуйста, заходи, когда пожелаешь.

Я немедленно встал, благодарно раскланялся и направился к выходу, а Эвелин проводила меня. Когда я уже был готов повернуть дверную ручку, ее руки мягко легли мне на плечи. Потом она развернула меня и привлекла к себе.

– Все, что тебе нужно, – это немного любви, *chéri*. Спокойной ночи.

26 октября 1928 года

Сегодня в столовой перед ужином разожгли огонь в камине. Очень приятно смотреть на это, хотя я не понимаю, почему все жалуются на холод. Все члены семьи находятся в добром здравии и очень заняты. Мсье Ландовски еще нервничает из-за транспортировки своей драгоценной статуи Христа в Рио-де-Жанейро. Еще ему предстоит завершить работу над головой Сунь Ятсена. Я стараюсь помогать по дому, насколько это возможно, и надеюсь, что стал помощником, а не бременем для семьи. Еще я очень рад новому комплекту зимней одежды, полученному от Марсея. Рубашка, короткие штаны и свитер сделаны из прекрасной ткани, в которой легко и удобно. Мадам Ландовски благосклонно решила, что, хотя я пока что не могу ходить в школу, мне все равно нужно продолжить обучение. Она дала мне несколько математических задач и тест на правописание. Я постарался сделать все правильно, потому что благодарен этим добрым людям, приютившим меня в своем чудесном доме.

Я отложил ручку, закрыл дневник и запер его на замочек, надеясь на то, что любопытствующие не найдут в моих записях ничего предосудительного. Потом я сунул руку под ящик и достал небольшую пачку бумажных листов, обрезанных под размер страниц дневника. Там я записывал свои *настоящие* мысли. Сначала я вел дневник лишь ради своих благодетелей, на тот случай, если они будут спрашивать, пользуюсь ли я их подарком. Но я обнаружил, что невозможность высказывать свои мысли и чувства все больше тяготит меня, поэтому стал искать выход из положения. Я решил, что однажды, после расставания с семьей Ландовски, вставлю эти листы в соответствующие разделы дневника, чтобы получить более честную картину моей жизни.

Пожалуй, из-за Эвелин мне стало труднее думать об уходе. С тех пор как она предложила заходить к ней в любое время, я стал у нее частым гостем и поверил, что она испытывает ко мне некое подобие материнского чувства, которое казалось искренним и неподдельным. За последние несколько недель я много раз сидел в ее уютной комнате и слушал ее рассказы о былой жизни, которая, как я и подозревал, была полна страданий. Ее муж и старший сын так и не вернулись с войны. Поскольку я родился в 1918 году, то не застал это мировое

бедствие. Слушая рассказы Эвелин о громадных потерях на полях сражений, где людей, в буквальном смысле, разрывало на куски, я невольно содрогался.

– Больше всего мне жаль, что мои любимые Жак и Антуан умерли в одиночестве, и никто не мог дать им последнее утешение.

Я увидел, как глаза Эвелин наполнились слезами, и протянул к ней руку. Больше всего мне хотелось сказать: «Понимаю, как это было тяжело для вас. Я тоже потерял всех, кого любил...»

Она объяснила, что именно поэтому так заботилась о единственном оставшемся сыне и защищала его. Если она потеряет его, то сойдет с ума. Мне хотелось сказать, что я давно сошел с ума, но, к моему удивлению, ум постепенно возвращался.

Становилось все труднее оставаться немым, особенно потому, что я знал: если заговорю, то меня отправят в школу. А мне больше всего хотелось продолжить учебу. Но тогда начнутся вопросы о моих жизненных обстоятельствах, на которые я просто не мог ответить. Или же мне придется лгать, а эти добрые люди, которые приняли меня к себе, кормили и одевали, заслуживали лучшего.

* * *

– Заходи, заходи! – сказала Эвелин, когда я открыл дверь. Мне было известно о ее больной ноге, причинявшей ей больше неприятностей, чем она показывала. Я был не единственным, кто беспокоился о своем положении в семье Ландовски.

– Принеси какао, хорошо? – добавила она. – Я все подготовила для тебя.

Я пошел на кухню, наполненную восхитительным запахом горячего шоколада. Я был уверен, что когда-то давно пил какао, но не мог вспомнить, когда это было. Какао у Эвелин быстро стало моей любимой частью дня.

Я наполнил две кружки и поставил одну из них перед Эвелин, а другую – рядом с камином, где в маленьком очаге весело пылал огонь. Усевшись, я помахал рукой перед лицом, покрасневшим от жары.

– Ты родился в очень холодной стране, да? – Эвелин окинула меня цепким взглядом, и я понял, что она хочет выудить из меня побольше

информации, пока я отвлекаюсь на посторонние вещи.

– Когда-нибудь ты ответишь мне. – Она улыбнулась. – А пока ты остаешься экстраординарной загадкой.

Я вопросительно посмотрел на нее. Мне еще не приходилось слышать слово «экстраординарный», но мне понравилось, как оно звучит.

– «Экстраординарный» означает «выдающийся», – пояснила она. – Такие люди всегда вызывают интерес, пока к ним не привыкают.

Я кивнул, размышляя о ее словах. Такая характеристика была не слишком лестной для меня.

– Ладно, прости за мою досаду. Просто... я беспокоюсь за тебя. Терпение мадам и мсье Ландовски может закончиться. Позавчера я слышала их разговор, когда вытирала пыль в гостиной. Они думают, не стоит ли показать тебя психиатру. Понимаешь, что это значит?

Я покачал головой.

– Психиатры разбираются в душевном здоровье человека; они выясняют твоё психическое состояние и его причины. К примеру, если у тебя есть какое-то душевное расстройство, тебя могут поместить в больницу.

Мои глаза широко распахнулись от ужаса. Я отлично понимал, что она имеет в виду. Одного из наших соседей, который регулярно начинал кричать и однажды вышел голым на улицу, забрали в так называемый «санаторий». Судя по всему, это было жуткое место, где люди кричали, плакали или сидели неподвижно, как мертвые.

– Извини, мне не следовало говорить об этом, – поспешно сказала Эвелин. – Мы все знаем, что ты не сумасшедший и на самом деле скрываешь, насколько ты умен. Они хотят направить тебя к психиатру, чтобы выяснить, почему ты не хочешь разговаривать, хотя можешь.

Как всегда, я решительно покачал головой. Мое объяснение заключалось в том, что у меня была лихорадка, поэтому я не помнил, как разговаривал с Бел. И это в целом не было ложью.

– Они пытаются помочь тебе, дорогой, а не причинить вред. Пожалуйста, не пугайся. Посмотри, – добавила Эвелин и взяла коричневый бумажный пакет, лежавший рядом с ее стулом. – Это для тебя, на зиму.

Я принял пакет из ее рук, чувствуя себя именинником. Прошло много времени с тех пор, как я получал подарки. Мне хотелось

оттянуть сладостный момент, но Эвелин попросила меня раскрыть пакет. Внутри находились полосатый разноцветный шарф и шерстяная шапка.

– Примерь их, молодой человек. Посмотри, подойдут ли.

Хотя в комнате было жарко, как в бане, я подчинился. Шарф подошел отлично, да и могло ли быть иначе? Но шерстяная шапка оказалась великовата и напозвала мне на глаза.

– Дай ее мне, – сказала Эвелин и загнула передний край шапки. – Вот, так будет лучше. Как ты думаешь?

Думаю, я умру от апоплексического удара, если не сниму это...

Я энергично кивнул, потом встал, подошел к Эвелин и обнял ее. Когда я отстранился, то понял, что мои глаза наполнились слезами.

– Ладно, глупенький, ты же знаешь, как я люблю вязать, – сказала она. – Я навязала десятки таких шапок для наших мальчиков.

Я вернулся на свой стул. Слово «спасибо» едва не слетело с моих губ, но я удержал язык за зубами. Сняв шапку и шарф, я аккуратно сложил их и убрал в пакет.

– А теперь нам обоим пора спать, – сказала Эвелин, посмотрев на часы, стоявшие на каминной полке. – Но сначала я скажу, что сегодня получила замечательную новость. – Эвелин указала на письмо, лежавшее рядом с часами. – Это от моего сына Луи. Он приедет встретиться со мной завтра. Разве это не прекрасно?

Я воодушевленно кивнул, но, честно говоря, в душе немного позавидовал этому «прекрасному Луи», который был абсолютным совершенством в глазах матери. Я мог бы возненавидеть его, если бы не искренняя радость Эвелин.

– Мне хочется, чтобы завтра ты пришел сюда и познакомился с ним. Он отведет меня на ланч, и мы вернемся в половине четвертого. Почему бы тебе не зайти в четыре часа?

Я кивнул, постаравшись выглядеть не слишком хмурым. Потом взял пакет, улыбнулся экономке, помахал ей на прощание и вышел на улицу.

В ту ночь я плохо спал и долго ворочался в постели, расстроенный появлением конкурента в борьбе за благосклонное внимание Эвелин и ее словами о намерении Ландовски отвести меня к психиатру.

В воскресенье, после обеда, я умылся из тазика с водой, которую каждый день приносила одна из горничных. Здесь, в мансарде, у нас не было «удобств» (еще одна причина для жалоб Эльзы и Антуанетты, которым по вечерам приходилось спускаться в уборную на первом этаже). Я причесался и решил, что не буду надевать шерстяной джемпер, поскольку опасался, что Эвелин сильно натопит комнату в честь приезда сына. Я вышел из задней двери на кухне и начал уже привычный обход вокруг дома, когда звуки музыки заставили меня остановиться. Я закрыл глаза и прислушался, а мои губы невольно растянулись в улыбке. Я знал это музыкальное произведение, и хотя сейчас его исполнял не такой мастер, как мой отец, но явно человек с музыкальным образованием.

Когда музыка умолкла, я подошел к двери Эвелин и постучался. Мне сразу же открыл худой юноша, которому, как я знал, было девятнадцать лет.

– Привет, – с улыбкой сказал он. – Должно быть, ты тот самый юный бродяга, который появился в доме с тех пор, как я прошлый раз приезжал сюда.

Он проводил меня в комнату, где я поискал взглядом инструмент, на котором он недавно играл. Скрипка лежала на стуле, где я обычно сидел, и я обнаружил, что не могу отвести глаз от нее.

– Здравствуй, – сказала Эвелин. – Это мой сын Луи.

Я кивнул, по-прежнему глядя на простой предмет, волшебным образом превращенный из куска дерева в музыкальный инструмент, способный издавать самые прекрасные звуки на свете, – во всяком случае, по моему мнению.

– Ты слышал, как играл мой сын? – Мой интерес к скрипке не ускользнул от внимания Эвелин.

Я кивнул, отчаянно желая потянуться к скрипке, пристроить ее под подбородком, поднять смычок и извлечь несколько нот.

– Хочешь подержать?

Я посмотрел на Луи, который был похож на свою мать, с такой же нежной улыбкой. Он протянул мне скрипку, и я принял ее с таким же благоговением, как будто это было золотое руно. Потом я

автоматически пристроил инструмент в рабочем положении под подбородком.

– Значит, ты умеешь играть, – заметил Луи.

Это был не вопрос, а утверждение. Я снова кивнул.

– Тогда давай послушаем тебя. – Он потянулся за смычком и вручил его мне. Судя по его игре, я понимал, что инструмент безусловно настроен, но все-таки поводил смычком по струнам, стараясь привыкнуть к ощущению. Он был тяжелее, чем у нас с папой, и оставалось лишь гадать, смогу ли я выстроить музыкальную композицию. Прошло очень много времени с тех пор, как я последний раз держал в руках скрипку. Закрыв глаза, я стал делать то, чему учил папа, ласково прикасаясь смычком к струнам. Я даже не решил, что буду играть, когда из-под моей руки полились прекрасные звуки «Аллеманды» из «Партиты для скрипки ре-минор» Баха. Меня самого удивило, когда звуки прекратились и наступила тишина... а потом слушатели захлопали.

– Я меньше всего этого ожидала, – сказала Эвелин, обмахиваясь веером.

– Мсье, это было... – начал Луи, – ...это было поразительно, особенно для мальчика твоего возраста. Скажи, где ты научился играть?

Я не собирался выпускать скрипку из рук, чтобы достать писчую бумагу, поэтому лишь пожал плечами в надежде, что он попросит сыграть что-нибудь еще.

– Я же сказала, Луи, что он не может говорить.

– То, чего лишены его голосовые связки, с лихвой возмещается мастерством скрипача. – Луи улыбнулся матери и повернулся ко мне: – Ты выдающийся музыкант для такого юного возраста. Теперь дай-ка я заберу скрипку, а ты посиди и попей чаю.

Когда Луи подошел ко мне, у меня возникло желание прижать скрипку к груди, повернуться и убежать со всех ног.

– Не волнуйся, молодой человек, – сказала Эвелин. – Теперь, когда я знаю, что ты замечательный скрипач, я буду как можно чаще просить, чтобы ты поиграл мне. Видишь ли, эта скрипка принадлежала моему мужу. Он тоже прекрасно играл на ней. Поэтому скрипка живет рядом со мной, у меня под кроватью. Ты можешь положить ее сюда.

Она указала на футляр, лежавший на полу. Пока Луи готовил чай, я осторожно положил скрипку в ее гнездышко. Имя изготовителя было выведено печатными буквами на внутренней стороне футляра. Я никогда не слышал о нем, но это не имело значения. Качество звука было не таким хорошим, как у папиной скрипки, хотя вполне приличным. Эвелин не попросила меня убрать футляр, поэтому он лежал рядом со мной, пока мы пили чай, и я слушал, как Луи рассказывает своей матери об инженерных курсах, которые он посещал.

– Возможно, после окончания учебы меня примут в команду разработчиков новой модели «Рено», – сообщил он.

– Конечно, я буду гордиться тобой, а главное – тогда ты сможешь жить поблизости, а не в далеком Лионе, как сейчас.

– Это ненадолго. Мне осталось лишь полтора года до получения диплома, и тогда я разошлю письма во все автомобильные компании. Посмотрим, кому пригодятся мои навыки.

– Даже в раннем детстве Луи был одержим автомобилями, – объяснила мне Эвелин. – В те дни на дорогах было мало автомобилей, но Луи рисовал то, что он считал современными моделями, и они очень близки по конструкции к автомобилям, которые выпускают сейчас. Разумеется, такое могут позволить себе лишь богатые люди...

– Скоро все будет по-другому, мама. Когда-нибудь в каждой семье, включая нашу, будет собственный автомобиль.

Я решил, что у меня в желудке еще есть свободное место, и взял с тарелки последний ломтик пирога.

– Итак, что тебе больше всего нравится? – поинтересовался Луи.

Я достал листок бумаги и написал три слова:

«Еда!»

«Скрипка».

«Книги».

Внизу я добавил «чтение» в круглых скобках и протянул ему записку.

– Понятно. – Луи усмехнулся, когда прочитал это. – Первые два пункта я сегодня видел в действии. Ты когда-то мог говорить?

Я кивнул, не желая отнекиваться и тратить время на размышление.

– Можно спросить, что случилось? Отчего ты стал немым?

Я пожал плечами и покачал головой.

– Не наше дело спрашивать об этом, – вмешалась Эвелин. – Он сам расскажет, когда будет готов, правда?

Я кивнул и печально свесил голову. Мнимая немота помогала мне совершенствовать актерские навыки.

– Подложи дров в камин, Луи: ночи становятся действительно холодными. – Эвелин зябко передернула плечами. – Я не люблю зиму, а ты, молодой человек?

Я энергично покачал головой.

– Но Рождество хотя бы приносит свет в наши дома и согревает сердца. Мы всегда ждем его. Тебе нравится Рождество?

Я посмотрел на нее, потом закрыл глаза, вспоминая тот день, когда в очаге ярко пылал огонь и мы разделили скромные подарки после посещения церкви. Там было мясо на ужин и некоторые особенные деликатесы, приготовленные для этого дня. Я очень радовался, хотя сейчас это воспоминание было похоже на книжную иллюстрацию, как будто оно не принадлежало мне.

– Надеюсь, я смогу приехать к тебе на Рождество, мама, – сказал Луи. – Я буду экономить, насколько смогу.

– Знаю, милый. Конечно же, – добавила Эвелин, обращаясь и ко мне. – Рождество – это самое оживленное время в году. Мсье Ландовски любит устраивать вечеринки для своих друзей, поэтому, наверное, нам лучше встретиться после Рождества, когда билеты на поезд будут подешевле.

– Может быть, посмотрим. Очень жаль, но мне уже пора.

– Разумеется, – согласилась Эвелин, но я видел, как погрузился ее взгляд. – Позволь собрать тебе еды в дорогу.

– Пожалуйста, мама, оставайся на месте, – сказал Луи, жестом попросив ее не вставать со стула. – Мы плотно поели, и я готов поклясться, что этого пирога мне хватит, чтобы добраться без лишней крошки во рту. Наверное, ты заметил, что моя мама любит кормить людей, – добавил он в мою сторону.

Я встал, поскольку не хотел присутствовать при печальной сцене расставания матери и сына. Я обнял Эвелин, потом пожал руку Луи.

– Было очень приятно познакомиться с тобой, и спасибо за то, что составляешь маме компанию. Это полезно для нее. – Он улыбнулся.

– Ты хорошо знаешь мои слабости, – хохотнула Эвелин. – До свидания, молодой человек, увидимся завтра.

– И, может быть, во время моего следующего приезда у тебя будет имя, чтобы мы могли обращаться к тебе, – добавил Луи, когда я направился к двери.

Я пошел домой, размышляя над его словами. В принципе, я много раз задумывался над этим с тех пор, как стал немым. Я больше никому не сообщал свое настоящее имя, и это означало, что я могу выбрать любое имя, какое пожелаю. Вряд ли оно будет лучше моего настоящего имени, но было интересно думать о том, как я назову себя. Проблема в том, что у тебя уже *есть* имя, пусть даже самое ужасное на свете, но оно принадлежит тебе. Часто имя бывает первым, что другие люди узнают о тебе. Поэтому отделаться от выбранного имени гораздо труднее, чем это может показаться. За последние несколько недель я выдумал много возможных вариантов – просто потому, что мне не нравилось, когда другие люди не знают, как к тебе обращаться. Но подходящее имя так и не появилось, как бы я ни старался.

Отрезав себе щедрый ломоть багета и намазав его джемом (по воскресным вечерам члены семьи питались самостоятельно), я поднялся в свою мансарду и сел на кровать, глядя на сгущавшийся сумрак за маленьким окном. Потом я достал свой дневник и добавил несколько строк к предыдущему абзацу.

Впервые за долгое время я снова играл на скрипке. Было восхитительно чувствовать в руке смычок и извлекать звуки из этого чудесного инструмента...

Мой карандаш замер в воздухе, когда я понял, что только что нашел идеальное имя для себя.

– Итак, статуя наконец готова. – Мсье Ландовски облегченно хлопнул ладонью по верстаку. – Но теперь этот сумасшедший бразилец хочет, чтобы я изготовил масштабную модель головы и рук его Христа. Голова должна быть высотой около четырех метров, так что она едва

поместится в мастерской, а пальцы дотянутся до стропил. Нам предстоит, в буквальном смысле, испытать на себе тяжесть Божьей длани, – пошутил он. – Коста да Силва говорит, что, когда я закончу этот труд, он разделит мое творение на части, словно мясник тушу быка, чтобы доставить их по морю в Рио-де-Жанейро. Мне еще никогда не приходилось выполнять подобную работу, но... – Он вздохнул. – Возможно, я должен довериться его безумию.

– Пожалуй, у вас нет выбора, – согласился Лорен.

– Во всяком случае, Бройли, он оплачивает наши счета, хотя я не смогу принимать новые заказы до тех пор, пока голова и руки нашего Спасителя не покинут мою мастерскую. Там просто не будет свободного места. Принеси мне слепки женских рук, которые ты сделал несколько месяцев назад. Мне нужен какой-то материал для начала работы.

Когда Лорен пошел в кладовую за слепками, я решил, что пора уходить. Я ощущал напряжение обоих мужчин. После ухода из студии я опустился на каменную скамью и запрокинул голову, уставившись в ясное ночное небо. Внезапно я задрожал от холода и впервые порадовался своему шерстяному джемперу. Ночь обещала быть морозной, но я не ожидал, что выпадет снег. Я повернул голову и поискал нужное место на небе, зная, что наступило время года, когда те, кто направил меня к моему новому дому, окажутся над Северным полушарием. Я уже видел их несколько раз, когда они слабо мерцали и часто были закрыты облаками, но сегодня они сияли ярко.

Я вздрогнул, как бывало каждый раз, когда кто-то незаметно подходил ко мне, и попытался выяснить, кто это. Из темноты появилась знакомая фигура Лорена, который уселся рядом со мной, пока я продолжал смотреть в небо.

– Любишь звезды? – спросил он.

Я улыбнулся и кивнул.

– Это пояс Ориона. – Лорен указал в ночное небо. – А рядом – звездное скопление, которое называется Семь Сестер. Их родители, Атлант и Плейона, присматривают за ними.

Я следовал взглядом за его пальцем, пока он чертил линии между звездами, не осмеливаясь посмотреть на него, иначе он бы заметил мое изумление.

– Мой отец интересовался астрономией и держал телескоп в одной из чердачных комнат нашего дома, – объяснил Лорен. – Иногда в ясную ночь он выводил нас на крышу и рассказывал о звездах. Однажды я увидел падающую звезду и подумал, что это самое большое волшебство на свете. – Он опустил голову и пристально посмотрел на меня. – У тебя есть родители?

Я продолжал смотреть на звезды и сделал вид, будто не слышал его.

– Ну ладно, мне пора идти. – Он похлопал меня по затылку. – Спокойной ночи.

Я смотрел, как он уходит, и думал о том, что сейчас (по крайней мере, после эпизода со скрипкой) был как никогда близок к тому, чтобы заговорить. Из всех звезд и созвездий, которые он назвал... Я знал, что о них существуют легенды, но почему-то всегда считал их *своим* секретом и не был уверен, нравится ли мне, что кто-то другой тоже считает их особенными.

«Только посмотри на Семь Сестер, сынок. Они всегда будут там, наблюдая за тобой и защищая тебя, когда я не смогу этого сделать...»

Я наизусть помнил истории о них. Когда я был гораздо младше, то слушал папу, который рассказывал мне о древних чудесах. Я знал, что они были существами не только из греческой мифологии, но и из многих легенд по всему миру, и в моей душе они были реальными: семь женщин, наблюдавших за мной с небосвода. В то время, как другим детям рассказывали об ангелах, простиравших крылья над ними, Майя, Альциона, Астеропа, Келено, Тайгете, Электра и Мeroпа были моими приемными матерями. Я считал себя счастливым, потому что, если одной из них не было видно в ту или иную ночь, другие оставались на месте. Иногда я думал, что если собрать их вместе, то получится идеал женщины, подобный Богоматери. И хотя с тех пор я вырос, мои мечты о сестрах сохраняли реальность, и они приходили ко мне на помощь. Они не исчезали, потому что я нуждался в них. Я снова посмотрел на них, потом встал со скамьи и со всех ног побежал в мансарду, чтобы снова выглянуть из окна. И... ДА! Они были видны и оттуда.

Наверное, в ту ночь я спал так крепко и хорошо, как никогда, зная, что мои стражи были на месте и озаряли меня своим защитным светом.

По дому распространились слухи о том, что я умею играть на скрипке.

– Они хотят послушать, как ты играешь, – сказала Эвелин. – И ты поиграешь им в воскресенье.

Я надулся, но больше от страха, чем от досады. Одно дело – играть для экономки, и совсем другое – для членов семьи Ландовски, тем более что Марсель был талантливым пианистом.

– Не беспокойся, ты можешь попрактиковаться, – сказала Эвелин и вручила мне скрипку. – Приходи днем, когда все остальные заняты своими делами. Тебе не нужно репетировать, мой дорогой, но, возможно, ты будешь чувствовать себя увереннее. Ты много произведений знаешь наизусть?

Я кивнул.

– Тогда ты выбери как минимум два-три, – посоветовала она.

Поэтому следующие несколько дней я приходил в маленький дом Эвелин, пока она работала неподалеку, закрывал окна от любопытных глаз и ушей и исполнял свои любимые фрагменты. Эвелин была права: мои пальцы отчасти утратили былую гибкость, вероятно, из-за того, что мне пришлось вынести по пути во Францию. После долгих раздумий я выбрал три композиции. Первую – потому, что она звучала очень впечатляюще, но была довольно простой для исполнения. Вторая была технически сложным фрагментом на тот случай, если кто-то из членов семьи обладал достаточными знаниями об игре на скрипке, чтобы судить о моем мастерстве. А третья была моим любимым образцом скрипичной музыки, и мне просто нравилось исполнять ее.

«Представление» должно было состояться перед ланчем в воскресенье. Даже слуг пригласили прийти на прослушивание. Уверен, что супруги Ландовски старались ради того, чтобы я чувствовал себя особенным, но у меня возникало неприятное ощущение испытания на прочность. Так или иначе, я был уверен в их доброте и понимал, что у меня нет иного выбора, кроме выступления перед ними. Это было страшно, поскольку до сих пор я играл только перед своей семьей, и для меня не имело значения ничье мнение, кроме отцовского. Но речь

шла о знаменитом скульпторе и членах его семьи, обладавших немалыми музыкальными талантами.

Я плохо спал в предыдущую ночь, ворочаясь с боку на бок и желая сбежать в маленький дом Эвелин, чтобы упражняться до тех пор, пока скрипка не станет продолжением моих рук, как завещал отец.

Утром в воскресенье я упражнялся, пока у меня едва не отвалились пальцы. Потом пришла Эвелин, которая велела мне подняться в мансарду и переодеться. На кухне она «привела меня в порядок», то есть смочила мне волосы и зачесала их назад, а потом вытерла мне лицо фланелевым платком.

– Ну вот, теперь ты готов. – Она улыбнулась и притянула меня к себе. – Помни, я горжусь тобой!

Когда она отпустила меня, я увидел слезы в ее глазах.

Меня пригласили в гостиную, где члены семьи собрались вокруг жарко натопленного камина. Все держали в руках бокалы вина и смотрели на меня, я встал перед ними.

– Не надо нервничать, мой мальчик, хорошо? – сказал мсье Ландовски. – Играй что хочешь, когда будешь готов.

Я пристроил скрипку у подбородка и немного пошевелил инструмент, чтобы он лег поудобнее. Потом закрыл глаза и мысленно попросил всех моих защитников, включая папу, собраться вокруг меня. Потом я поднял смычок и заиграл.

Когда я закончил последний музыкальный фрагмент, наступила жуткая тишина. Вся моя уверенность ушла в пятки. Что мог знать папа? Что могли знать экономка и ее сын-инженер? Я почувствовал, что заливаюсь краской; мне хотелось повернуться и убежать. Должно быть, мой слух притупился от уныния, потому что когда я пришел в себя, то услышал аплодисменты. Даже Марсель выглядел изумленным и вдохновленным.

– Bravo, молодой человек! – произнес мсье Ландовски. – Bravo! Мне лишь хотелось бы узнать, где ты научился такому мастерству. Может быть, все-таки расскажешь? – добавил он почти умоляющим тоном.

– Серьезно, это очень и очень хорошо, особенно для твоего возраста, – сказал Марсель, умудрившись совместить комплимент с покровительственной манерой речи.

– Отличная работа, – сказала мадам Ландовски, похлопав меня по плечу и одарив теплой улыбкой. – А теперь нам пора на ланч, – добавила она, когда в коридоре прозвенел колокольчик.

За столом было много разговоров о моем невероятном мастерстве, а после подачи главного блюда члены семьи засыпали меня хитроумными вопросами, на которые приходилось отвечать кивком или качать головой. Хотя я испытывал определенное неудобство, поскольку они относились к загадочному периоду моей жизни как к интеллектуальной игре, я понимал, что никто из них не хотел обидеть меня. Если я не хотел отвечать на какой-то вопрос, то просто не отвечал.

– Мы должны найти для тебя преподавателя музыки, молодой человек, – сказал мсье Ландовски. – У меня есть друг в консерватории. Рахманинов должен знать, где найти хорошего учителя.

– Папа, в консерваторию принимают гораздо более старших учеников, – вставил Марсель.

– Да, но это не просто ученик. Наш юный друг обладает выдающимся талантом. Известно, что никакой возраст не препятствует развитию таланта. Я посмотрю, что можно сделать, – сказал мсье Ландовски и подмигнул мне. Я увидел, как надулся Марсель.

Незадолго до того, как все поднялись из-за стола после десерта, я принял решение. Мне очень хотелось преподнести мсье Ландовски особый подарок за все, что он сделал для меня. Я взял листок бумаги и написал несколько слов. Когда все начали выходить из комнаты, я жестом остановил мсье Ландовски и слегка дрожащей рукой передал ему листок.

– Вот оно как. – Он добродушно хмыкнул, когда прочитал три слова. – После твоего сегодняшнего выступления этого можно было ожидать. Полагаю, это прозвище связано с твоим талантом? Потому что ты *bon violoniste*^[5]?

Я кивнул.

– Отлично, тогда я извещу членов семьи. Спасибо за доверие; я понимаю, как это трудно для тебя.

Я вышел в коридор и бегом поднялся в свою комнату, где встал перед зеркалом и посмотрел на себя. Потом я открыл рот и произнес:

– Меня зовут Бо.

Для меня нашли учителя-скрипача, и после Рождества мне предстояло съездить в Париж, чтобы сыграть перед ним. Я не знал, какая перспектива была более волнующей: возможность выступить перед настоящим скрипачом или приехать в Париж вместе с Эвелин.

– Париж, – прошептал я, лежа под одеялом. Эвелин велела горничным обеспечить меня толстым шерстяным одеялом, и теперь часы, проведенные в уютной и теплой постели, были для меня одними из лучших. Я испытывал забавное ощущение в животе, которое помнил с тех пор, когда был маленьким и в моем сердце еще не поселился страх. Как будто маленькие пузырьки поднимались из моего живота к груди, заставляя мои губы изгибаться в улыбке. Думаю, для этого чувства существовало слово *предвкушение*. Я почти не осмеливался испытывать его, поскольку оно вело к подлинной радости, а мне не хотелось слишком радоваться, потому что тогда могло случиться нечто ужасное, например, Ландовски больше не захотят видеть меня под своей крышей, и тогда будет еще труднее снова справляться с голодом, одиночеством и безденежьем. Скрипка спасла меня, она сделала меня еще более «курьезным», как Ландовски сказал Лорену на следующий день в своей студии (мне пришлось поискать значение слова «курьезный», так как оно отсутствовало в моем словаре).

Итак, если я хотел остаться, мне нужно было сохранять как можно большую «курьезность», а также быть полезным по дому, что в целом было очень утомительным делом. Рождество неумолимо приближалось, а вокруг все тайно перешептывались насчет подарков. Это сильно беспокоило меня, поскольку у меня, конечно же, не было денег на рождественские покупки, а я боялся, что добрые члены семьи завалят меня ими. Во время одного из моих вечерних визитов я поделился своими опасениями с Эвелин.

Она прочитала записку «Откуда мне взять деньги на подарки?», потом посмотрела на меня, и я понял, что она тоже размышляла об этом.

– Я могла бы одолжить тебе денег на маленькие подарки для всех, но знаю, что ты откажешься брать их и что Ландовски будут интересоваться, откуда взялись деньги... если ты понимаешь, что я

имею в виду. – Она закатила глаза. Думаю, она имела в виду, что меня могли заподозрить в краже, что было бы крайне неприятно.

Эвелин попросила меня приготовить какао, пока она будет думать об этом, и я ушел на кухню. К тому времени, когда я поставил кружку перед Эвелин, у нее появился план.

– Ты проводишь много времени в мастерской Ландовски и стараешься обрабатывать камни?

Я кивнул, потом взял листок бумаги и написал: «Да, но у меня очень плохо получается».

– Ну, кто может быть хорош в таком деле, кроме гения вроде мсье Ландовски? Но у тебя есть практика в работе с резцом, так что я посоветовала бы тебе попробовать более легкий материал, вроде дерева, и вырезать маленькие безделушки для каждого члена семьи в качестве рождественских подарков. Это порадует мсье Ландовски, так как он поймет, что месяцы твоих наблюдений и учебы не пропали впустую и ты получил полезный навык.

Я энергично закивал. Хотя Эвелин часто называла себя необразованной женщиной, она иногда предлагала самые блестящие идеи.

Поэтому я нашел деревянные плашки среди кучи дров в сарае. Каждое утро, еще до того, как просыпались остальные, я садился за верстак и начинал тренироваться. Эвелин оказалась права в выборе дерева вместо камня. Это было все равно что учиться играть на жестяном свистке вместо флейты. Кроме того, я видел, как другие занимались этим делом в моем старом доме.

Мой старый дом... вот как я начинал думать о нем сейчас.

Поэтому за три недели до Рождества мне удалось вырезать для членов семьи такие подарки, которые, я надеялся, они смогут оценить. Работа над подарком для мсье Ландовски заняла больше всего времени, поскольку я хотел вырезать маленькую деревянную копию его любимой статуи Христа. В сущности, я потратил на это столько времени, сколько на все остальные фигурки, вместе взятые.

В последние недели мсье Ландовски приходилось туго, особенно после заявления бразильского архитектора, что единственным способом транспортировки того, что я называл «Христовой шубой» (бетонного покрытия, которое должно было поддерживать и защищать статую), было разделить ее на отдельные части. Судя по тому, что я

слышал, так будет меньше шансов на растрескивание статуи во время долгого пути из Франции до Рио. Мсье Ландовски ужасно нервничал, поскольку он считал, что ему нужно отправиться вместе со своим драгоценным Христом, чтобы присматривать за безопасностью, но путешествие туда и обратно было очень долгим, а у него не было столько времени, потому что голова Сунь Ятсена и его глаза еще требовали завершающей обработки.

Мне пришло в голову идеальное решение для всех: лучшей сиделкой для статуи Христа будет Лорен. Это не только означало, что мсье Ландовски сможет остаться здесь... Возможно, Лорен встретится в Рио со своей возлюбленной, что сделает его гораздо счастливее, и он перестанет проводить ночи на улицах Монпарнаса (мне отчаянно хотелось увидеть это место, хотя мсье Ландовски неоднократно жаловался, что там полно нищих, безалаберных художников и воров). Я был уже готов предложить это решение, но, к счастью, Лорен обрел здравомыслие и сам предложил свою кандидатуру. Сначала мсье Ландовски колебался, поскольку, откровенно говоря, в последнее время Лорен не производил впечатления надежного человека. Но после многократных заверений в том, что если понадобится, то он будет спать в трюме вместе с фрагментами статуи Христа и не прикоснется к спиртному, пока *Cristo* будет находиться под его опекой, все решили, что это будет к лучшему. Радостное предвкушение в глазах Лорена было приятным зрелищем, и я надеялся, что в один прекрасный день мне повезет испытать эту самую «любовь», которая зажигала его изнутри, когда он думал о встрече со своим прекрасным ангелом, Изабеллой.

Боль и удовольствие, думал я, пока заворачивал свою резную статуэтку Христа в коричневую бумагу для подарков, полученную от Эвелин.

– Ты несовершенен, но ты хотя бы цельный, – с улыбкой прошептал я, когда завернул бумагу над его не вполне симметричным лицом.

Закончив обертывание своих творений, я сложил их в своем комод. Потом, когда сгустились сумерки, я спустился вниз и на цыпочках прошел в гостиную, чтобы полюбоваться на елку, которую принесли раньше, потому что сегодня был канун Рождества. Я видел, как члены семьи украшали ее ветви сосновыми шишками,

подвешенными на лентах, и каждый из нас оставил под деревом пару носков, чтобы Пэр Ноэль, французский Дед Мороз, положил туда свои подарки. Мсье Ландовски сказал мне, что это старинная французская традиция, которая радует взрослых наравне с детьми. Потом они прикрепили свечи к концам веток и зажгли их, когда на улице начало темнеть. Это было самое прелестное зрелище, особенно теперь, в темной комнате.

– Все смотришь на нее, мальчик?

Голос человека, о котором я только что думал, заставил меня вздрогнуть. Я повернулся и посмотрел на мсье Ландовски, который пока не торопился обращаться ко мне по новому прозвищу.

– Когда я смотрю на елку в канун Рождества, мне неизменно приходит на ум музыка Чайковского. Ты знаешь партитуру «Щелкунчика»?

Я жестами показал, что знаю, но не очень хорошо. Папа не был большим поклонником Чайковского и говорил, что тот писал музыку на потребу слушателей, вместо того чтобы повышать уровень технического исполнения.

– Готов поспорить, ты не знаешь, что, когда Чайковский был в Париже, у него был инструмент под названием *челеста*. Его еще называют «колокольное пианино» из-за звуков, которые он издает. Это вдохновило его на создание «Танца феи Драже», и он вернулся в Россию с новым вдохновением для творчества.

Я этого не знал и нетерпеливо кивнул, ожидая продолжения разговора.

– Ты можешь исполнить «Увертюру»?

Я пожал плечами, что означало «может быть»; естественно, когда-то я исполнял ее, но мне нужно было попрактиковаться.

– Надеюсь, это поможет тебе вспомнить. Я собирался подняться к тебе и вручить лично. Подумал, что ты можешь засмущаться, если я сделаю это перед членами семьи.

В тусклом свете елочных свечей я увидел, как он достал из-за спины скрипичный футляр и протянул мне.

– Родители подарили мне скрипку, когда я был ребенком, но, боюсь, я никогда не выказывал особой склонности к игре на ней. Тем не менее я сохранил ее как родительский подарок. Сентиментальная ценность... ну, ты понимаешь.

Я понимал. На какое-то мгновение я оказался в ловушке между печалью обо всем, что был вынужден оставить позади во время своего бегства, и радостью от неожиданного подарка мсье Ландовски.

– Пусть лучше она будет звучать в руках талантливого скрипача, чем лежать на моем гардеробе и собирать пыль.

Я машинально открыл рот, настолько ошеломленный его щедростью и возможностями владения собственной скрипкой, что едва не заговорил. Я посмотрел на футляр у меня в руках и поцеловал его, а потом подошел к мсье Ландовски и неловко обнял его. Через несколько секунд он отстранился, взяв меня за плечи.

– Возможно, однажды ты сможешь довериться мне и произнести вслух свою невысказанную благодарность. А пока счастливого Рождества.

Я энергично кивнул и посмотрел, как он выходит из комнаты.

Наверху, – зная о том, что горничные по-прежнему находятся на кухне, пьют ликер, пахнувший, как бензин, и поют песни, вовсе не похожие на рождественские гимны, – я с сильно бьющимся сердцем положил скрипичный футляр на кровать и открыл его. Внутри лежала скрипка, сделанная для мальчика вроде меня, ее первоначального владельца. С ней было гораздо легче обращаться, чем со взрослым инструментом, который одалживала мне Эвелин в своей неизреченной доброте. Когда я вынул скрипку, то увидел признаки возраста: царапины на ореховом лаке и пыль на струнах.

Я благоговейно поднял скрипку ко рту и подул на нее, наблюдая за тем, как пылинки освобождаются из своей тюрьмы и порхают по спальне. Завтра я собирался открыть окно и выпустить их на волю. Потом я достал из кармана носовой платок и тщательно вытер струны. Я вынул смычок и пристроил инструмент у подбородка. Даже если бы я постарался, он не смог бы лечь удобнее. Потом я поднял смычок, закрыл глаза и заиграл.

Мое сердце захотело выскочить из груди и присоединиться к пылинкам, когда я услышал сочные звуки добротной изготовленной скрипки. Да, струны требовали определенной настройки после долгих лет простоя, но это было просто. Вдохновленный историей мсье Ландовски о «Щелкунчике», я исполнил несколько первых аккордов из «Увертюры». Потом я громко рассмеялся и затанцевал по комнате, наигрывая веселую народную песенку, которую часто исполнял дома,

когда дела шли хуже обычного. Задыхаясь от чувств, я внезапно ощутил головокружение и прилег на кровать, а когда в голове прояснилось, выпил воды из фляжки, лежавшей в буфете рядом со мной.

Только подумать, в то же время в прошлом году мне казалось, что я никогда не увижу следующего Рождества! Но здесь концовка оказалась счастливой, как у Клары, когда она поняла, что все происходило во сне^[6]. А возможно, это было новое начало.

Я последний раз провел смычком по струнам... моего инструмента, потом убрал его и спрятал под одеялом в ногах кровати, так что мог прикасаться к футляру пальцами ног. Устроившись на подушках, я улыбнулся и произнес:

– Меня зовут Бо, и у меня *будет* счастливая жизнь.

* * *

После очень радостных событий в семье Ландовски, особенно вечеринки в канун Нового года, когда мсье пригласил множество своих друзей из творческих кругов, я отсчитывал дни до прослушивания у моего предполагаемого учителя музыки. Никто не упоминал его имени, а я не спрашивал, так как если он работал в консерватории, где учился Рахманинов, то его компетенция была вне всяких сомнений.

Я играл так часто, как только мог, за что получил разнос от горничных, заявивших, что мое «пиликанье на этой штуке» после полуночи заставляло их накрывать головы подушками.

Я всячески извинялся, а когда посмотрел на часы, то понял, что они были правы. Я утратил представление о времени.

Великий день наступил, когда Эвелин ворвалась в мою комнату и предложила мне надеть серый блейзер Марсея на рубашку и шерстяной джемпер.

– Нам пора идти. Автобус ходит по своему расписанию, а не по тому, что висит на остановке.

Она продолжала говорить, пока мы шли по дороге к поселку, но я почти не слушал, даже когда она начала досадливо расхаживать взад-вперед, сетуя перед остальными пассажирами на ненадежность автобусных маршрутов и на то, что в Булонь-Бийанкуре теперь делают

автомобили и самолеты, но не могут вовремя подать автобус. Между тем я находился в ином мире, где видел ноты у себя в голове и старался вспомнить папины наставления о «жизни в музыке» и ощущении ее души. Даже когда мы ехали в Париж – город, о котором папа так много рассказывал, – я сидел с закрытыми глазами, зная о том, что смогу оценить его красоту в другое время, но сейчас важнее всего была скрипка, лежавшая у меня на коленях, и ноты, которые я буду извлекать из нее.

– Давай же, не отставай, – укорила меня Эвелин, поскольку я прижимал скрипку к груди обеими руками так, что экономка не могла держать меня за руку. Широкие мостовые были обсажены деревьями, заполнены людьми и... вот оно! Эта конструкция была мгновенно узнаваема – Эйфелева башня! Я все еще смотрел на нее, когда Эвелин остановилась.

– Вот мы и на месте: рю де Мадрид, дом номер четырнадцать. Теперь зайдём внутрь.

Я посмотрел на большое желтое здание, занимавшее почти всю сторону улицы, с тремя рядами высоких окон и дополнительными мансардными окошками наверху. Латунная табличка гласила, что здесь находится знаменитая Парижская консерватория.

Хотя Эвелин объявила о намерении войти внутрь, мне пришлось подождать, пока она подкрашивала губы и поправляла волосы вокруг своей лучшей шляпки. За входом находилась величественная приемная зала с портретами композиторов. Деревянный пол был натерт до блеска, в центре за круглым секретарским столом сидела женщина, к которой сразу же направилась Эвелин. Свет лился из окон, выходящих на улицу и большой парк.

Я был очень рад, когда суровая дама за столом наконец кивнула и велела нам отправиться в четвертую комнату на втором этаже. Она указала на конструкцию, похожую на клетку для медведя, и, когда я направился к лестничному пролету, Эвелин потянула меня к клетке и нажала кнопку сбоку от нее.

– Ты сошел с ума, если думаешь, что я буду подниматься пешком на два лестничных пролета, когда здесь есть лифт.

Я хотел спросить, что такое «лифт», но потом увидел большую коробку, опускающуюся в клетку, и происходящее обрело некий смысл. Хотя перспектива выглядела волнующей, я не хотел рисковать. Я

указал на лестницу и побежал наверх, прыгая через две ступеньки. Когда я оказался возле другой клетки, точь-в-точь похожей на первую, Эвелин на месте еще не было, и я заподозрил худшее, но потом услышал жужжащий звук, и коробка выскочила снизу. Дверь открылась, и Эвелин вышла наружу, целая и невредимая.

– Стало быть, ты никогда не видел лифт? – спросила она.

Я покачал головой, все еще дивясь этому чуду.

– Если захочешь, можешь присоединиться ко мне на обратном пути. Это будет интересно. А теперь давай поищем четвертую комнату.

Эвелин направилась к коридору, где из-за закрытых дверей доносились звуки игры на разных музыкальных инструментах. Мы остановились перед четвертой комнатой, и Эвелин коротко постучалась в дверь. Ответа не последовало. Через несколько секунд она постучалась снова.

– Никого нет. – Она пожала плечами, потом очень медленно и тихо повернула дверную ручку и подтолкнула дверь, чтобы можно было заглянуть внутрь.

– Да, тут никого нет. Придется подождать, верно?

Поэтому мы стали ждать. Люди склонны к преувеличениям, когда говорят о «счастливейших», «худших» или «скучнейших» моментах своей жизни, но хотя я не помню, сколько времени мы провели в ожидании человека, который должен был определить, годюсь ли я ему в ученики, мне оно показалось очень долгим. К моей досаде, каждый раз, когда кто-то выходил из жужжащего лифта, и я представлял, что это будет *тот самый* человек, он либо уходил в другую сторону, либо равнодушно проходил мимо.

– Охо-хо, – пробормотала Эвелин, переминаясь с ноги на ногу, и я понял, что ей больно стоять. – Кем бы ни был этот учитель, у него весьма грубые манеры.

Наконец, когда она начала ворчать о том, что произошла какая-то ошибка, и поговаривать об уходе, открылась дверь в дальнем конце коридора, откуда вышел высокий молодой человек с очень бледной кожей и темными волосами. Он направился к нам нетвердой походкой, и мне показалось, что он немного пьян.

– Нижайше прошу прощения, – произнес он. – Перед вашим приходом я провел урок с другим учеником и решил немного отдохнуть. Боюсь, я заснул.

Он протянул руку Эвелин, и она неохотно пожала ее.

– Извините, мадам и юный мсье, – повторил он. – Я целыми днями работаю здесь, а по ночам часто лежу без сна. Итак, мадам, поскольку вы доставили драгоценный груз, почему бы вам не спуститься на лифте и не подождать в вестибюле, где есть удобные кресла? Скажите Виолетте, что Иван просит принести вам чаю или кофе, чего изволите отведать.

Эвелин облегченно выдохнула, но она явно сомневалась, стоит ли оставлять меня с незнакомым человеком, изъяснявшимся в старомодном и высокопарном стиле. Наконец усталость победила, и Эвелин кивнула.

– Когда закончишь, сразу спускайся вниз, – обратилась она ко мне. – Ты понимаешь, Бо?

Я кивнул.

– Вы знаете, что он немой? – спросила она мсье Ивана.

– Да, но музыка будет говорить за него, не так ли?

Он открыл дверь и пригласил меня в комнату.

Даже вечером, когда я сделал запись в своем дневнике, – а потом другую запись в тайном дневнике, который вы читаете, – у меня оставались лишь смутные впечатления от времени, проведенного в обществе мсье Ивана. Я помню, что первым делом он предложил мне исполнить то, что назвал моими «композициями для вечеринки». Потом он достал партитуру для проверки моего умения читать с листа, а затем взял собственную скрипку и сыграл ряд гамм и арпеджио, которые мне нужно было воспроизвести. Все это происходило очень быстро. Наконец он подвел меня к маленькому деревянному столу со стульями и велел сесть.

Мсье Иван отодвинул стул, выругался и посмотрел на свой палец. Потом сказал что-то еще, и я понял, что он говорит по-русски.

– Вот еще и заноза, которую мне придется вытаскивать сегодня вечером. Некоторые мелочи жалят больше всего, согласен?

Я кивнул, хотя от моего согласия или несогласия ничего не зависело. Мне хотелось угодить этому человеку больше, чем кому-либо другому после разлуки с папой.

– Как мы будем общаться, если ты не говоришь?

Готовый к этому вопросу, я достал из кармана бумагу и карандаш.

– Тебя зовут Бо?

«Да», – написал я.

– Сколько тебе лет?

«Десять».

– Где твои родители?

«Моя мать умерла, и я не знаю, где мой отец».

– Откуда ты родом?

«Не знаю».

– Я тебе не верю, юный мсье, и у меня уже есть кое-какие подозрения, но мы едва знакомы. Кроме того, все мы, эмигранты, не любим просто так делиться личной информацией, верно?

«Да», – написал я, тронутый его пониманием и тем, что он не считает меня ребенком со странностями, как все остальные.

– Кто научил тебя играть на скрипке?

«Папа».

– Сколько времени прошло после твоего последнего урока?

«Три или четыре года».

– Мне еще не попадались столь одаренные музыканты в таком юном возрасте. Это весьма экстраординарно. Твое понимание музыки происходит естественным образом, что скрывает изъяны в твоей технике. Меня впечатляет, что ты не позволил нервозности одержать верх, хотя я полагаю, что шанс обучения в консерватории очень много значит для тебя.

«Да», – написал я.

– Хм-ммм...

Он уперся двумя пальцами в подбородок и поводит ими вверх-вниз и вправо-влево, словно размышляя, насколько я достоин обучения.

– Как ты можешь представить, много родителей приходят ко мне со своими маленькими гениями. С детьми, которые получили лучшие скрипки и частных учителей, и те заставляют их упражняться до изнеможения. Хотя с технической точки зрения они гораздо лучше тебя, я часто вижу, что они не вкладывают душу в свою музыку. Иными словами, это дрессированные обезьяны, проекция родительского самомнения. К тебе это определено не относится, поскольку ты безродный сирота, а твой опекун едва ли нуждается в чужом ребенке, чтобы производить впечатление на своих друзей, поскольку *он сам* очень талантлив. Так что... хотя в твоей технике есть

изъяны, в этом нет никакого неуважения к твоему отцу. Полагаю, он не был профессионалом?

Я покачал головой, как будто любое возражение было бы неуважительным *с моей* стороны.

– Не надо печалиться, юный мсье. Я вижу, что он учил тебя с любовью. И он открыл в тебе талант, гораздо более великий, чем его собственное дарование. В какой школе ты сейчас учишься?

«Ни в какой. Немых детей не берут в школу».

– Хотя это не мое дело, тут нет ничего хорошего. Я знаю, что ты можешь говорить, не только потому, что мне сообщили об этом, но и по твоим рефлекторным попыткам удержаться от ответов во время нашего разговора. Думаю, что ты находишься среди добрых и хороших людей, но, какие бы ужасные вещи ни случились в твоём прошлом, ты не осмеливаешься заговорить. Ради твоего же блага я надеюсь, что настанет время, когда это произойдет. Как бы то ни было, я говорю это как человек, тоже немало пострадавший после отъезда из России. Столько войн, столько страданий всего лишь за пятнадцать лет человеческой истории! Мы с тобой разделяем тяжесть этой судьбы. Только один совет, мой юный друг: не позволяй дурным людям одержать победу над тобой, хорошо? Они так много отобрали у тебя, твоё прошлое и твою семью. Не позволяй им захватить твоё будущее.

К моему замешательству, мои глаза наполнились слезами. Я медленно кивнул и потянулся за носовым платком.

– Прости, что довел тебя до слез. Я позволил себе слишком вольные выражения. Но хорошая новость состоит в том, что если у тебя нет школы, то мне будет гораздо проще включить тебя в расписание моих занятий. Давай-ка посмотрим...

Он достал блокнот из кармана пиджака и начал перелистывать страницы. Исписанных было немного, потому что январь наступил совсем недавно.

– Мы начнем с двух занятий в неделю. У меня есть свободное время в одиннадцать утра по вторникам и в два часа дня по пятницам. Посмотрим, как пойдет дело, но у меня есть хорошее предчувствие насчет тебя. А теперь я отведу тебя к опекунке; она производит впечатление доброй женщины.

Я кивнул. Он встал и направился к выходу из комнаты, чтобы проводить меня к лифту. Но тут я кое-что вспомнил и поспешно

написал:

«Сколько я должен за каждый урок?»

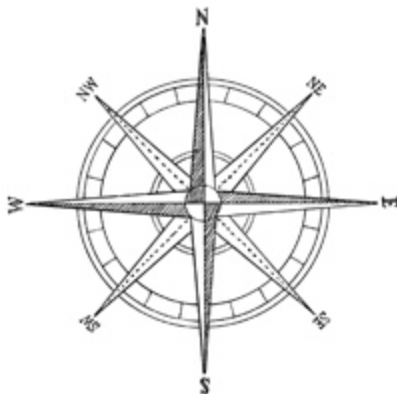
– Я поговорю с мсье Ландовски, но мы, эмигранты, должны держаться вместе, не так ли?

Он так сильно хлопнул меня по спине, что я едва не упал в лифтовую кабину. Потом закрыл дверь, нажал кнопку, и мы поехали вниз. Я подумал, не то же ли самое ощущают птицы в полете, но усомнился в этом. Тем не менее все хорошо устроилось, и я с надеждой смотрел в будущее. *Если* Иван и мсье Ландовски договорятся насчет цены.

– Мадам, ваш мальчик произвел настоящий фурор! Я, несомненно, буду заниматься с ним, в одиннадцать утра по вторникам и в два часа дня по пятницам. Передайте мсье Ландовски, что я позвоню ему, чтобы обсудить подробности. Доброго пути домой!

Мсье Иван подмигнул мне, улыбнулся и зашагал к лифту.

Мерри

*Дублин – Ницца
Июль 2008 года*

5

Я закрыла старый дневник в кожаной обложке и посмотрела в иллюминатор реактивного самолета. Мое намерение поспать испарилось после чтения письма, направившего меня к дневнику, который теперь лежал у меня на коленях. Атлас, человек, называвший себя моим отцом, писал с глубоким сожалением:

«Я не могу выразить или объяснить любовь, которую испытывал к тебе, поскольку знал о твоём скором рождении. Я не могу рассказать тебе в этом письме, какие меры я предпринимал для поисков тебя и твоей матери, ведь вы были так жестоко отняты у меня перед твоим рождением...»

Эмоциональный груз последних нескольких недель тяжело давил на меня, и я чувствовала, как мои глаза наполняются слезами. В тот момент мне больше всего хотелось оказаться в объятиях моего мужа Джока, безвременно ушедшего от меня.

– Если бы только ты был здесь. – Я промокнула глаза одной из шелковых салфеток, находившихся в боковом кармане роскошного

кожаного кресла. – Тебе бы наверняка понравилось это пятизвездочное обслуживание.

В письме от Атласа было обещано, что его дневник раскроет секрет моего истинного происхождения, но текст был огромным. После чтения первого раздела я не приблизилась к пониманию истории его жизни и тем более моего места в ней. Кем бы ни был мой «отец», он, несомненно, прожил богатую жизнь. Хотя вступительный раздел дневника был написан десятилетним ребенком, его слова были зрелыми и мудрыми, как будто в теле мальчика обитала древняя душа.

Я покачала головой при мысли о том, что схема последних нескольких недель повторяется снова и снова. Каждый раз, когда мне казалось, что я приближаюсь к правде о своем прошлом, появляются новые тайны. Почему мальчик притворялся немым? Почему он считал, что не может раскрыть свое подлинное имя? И какие события привели к тому, что его обнаружили под забором в пригороде Парижа? У меня складывалось впечатление, что Атлас слишком поздно начал вести дневник, чтобы я смогла понять полную картину.

«С другой стороны, – подумала я, – оказаться у двери знаменитого скульптора, стоявшего за созданием одного из новых семи чудес света – статуи Христа Спасителя, – было неплохим завершением первого жизненного этапа».

Я вздохнула, ощущая некую двусмысленность своего положения. Атлас доверил историю своей жизни мне, его биологической дочери, с которой он никогда не встречался, хотя мог позволить любимым приемным дочерям ознакомиться с этими записями. Это они, а не я, знали и любили своего дорогого Па Солта. Разве они не заслужили право первыми узнать его секреты?

Размышляя о своей нынешней ситуации, я старалась утихомирить тревожный трепет где-то в глубине моего существа. Я летела на частном реактивном самолете, чтобы присоединиться к группе совершенно незнакомых людей на роскошной яхте, совершавших плавание с целью возложить венок в память о человеке, связи с которым я пока не ощущала. Да, я мимолетно встретила с двумя сестрами, но этого было недостаточно, чтобы успокоить мои нервы. Я даже не представляла, знают ли другие сестры о моей предполагаемой генетической связи с их приемным отцом. Это, в сочетании с

желанием Атласа, чтобы я первой прочитала его дневник, могло настроить сестер против меня.

Я пыталась найти утешение в мысли, что это они всячески пытались выследить меня, а не наоборот.

«Они хотят видеть тебя, Мерри», – внушала я себе.

Конечно, главным утешением было осознание того, что я лечу к собственным детям, Джеку и Мэри-Кэт, которые уже находились на борту «Титана». Я знала, как они были рады моему решению присоединиться к ним в этом круизе. Даже если шесть сестер окажутся больными на всю голову, мои дети хотя бы будут рядом. Они защитят меня и помогут мне сохранить здравый смысл до конца поездки. Насколько я знала, круиз должен был продолжаться шесть дней: трехдневное плавание от Ниццы до острова Делос, возложение венка и три дня на обратный путь. Кроме того, если мне станет невмоготу, я смогу «покинуть корабль» на близлежащем острове Миконос, где имелся международный аэропорт.

Кто-то постучался в филенчатую дверь, отделявшую переднюю часть салона от задней.

– Да-да, входите, – сказала я, оторвавшись от раздумий.

Двернь отодвинулась и появилась высокая, сухопарая фигура Георга Гофмана. По-прежнему облаченный в безупречный черный костюм, он даже не ослабил узел галстука за время трехчасового полета.

– Добрый вечер, Мерри. Или, скорее, доброе утро... – Он покосился на выданные мне стюардом одеяло и подушку, которые остались неиспользованными и лежали на соседнем сиденье. – Насколько я понимаю, вы так и не отдохнули. Вы... вы открыли пакет?

– Да, Георг. Я прочитала письмо и, разумеется, принялась за дневник. Он такой огромный... Впрочем, вы знаете.

Усатое лицо Георга дрогнуло в слабом намеке на улыбку.

– Я долго хранил его, но клянусь, что не перевернул ни одной страницы. Он не мой, и я не имел права читать его.

– Значит, вы действительно не имеете представления об истории Атласа?

– О, нет, я этого не говорил. Хотя и не читал дневник. – Георг немного помедлил. – Я знаю... Я очень хорошо *знал* Атласа, вашего

отца. Он был одновременно самым храбрым и самым добрейшим человеком, какого мне приходилось видеть.

– Сколько времени осталось до посадки?

– Пилот только что сообщил мне, что мы начнем заходить на посадку через несколько минут. В Ницце мы пересядем в автомобиль, который отвезет нас прямо в порт, где пришвартован «Титан».

Я выглянула в иллюминатор.

– Все еще темно, Георг. Который час?

Он взглянул на свои часы и приподнял брови.

– Около половины четвертого утра здесь, во Франции. Прошу прощения, я понимаю, каким стремительным для вас было такое развитие событий.

– И не говорите. Я до сих пор не знаю, правильно ли я поступила. То есть... Мне хотелось бы знать, известно ли другим дочерям... ну, согласно тому, что я прочитала... что я являюсь его настоящим ребенком?

Георг опустил глаза.

– Нет. Я... они считают вас «потерянной сестрой» из-за намерения Атласа удочерить вас, хотя он так и не достиг успеха. Должен признать, что, как ни странно это звучит, они даже не знают его подлинного имени. Как вам известно, они всегда называли его Па Солтом.

– Иисус, Мария и Иосиф, Георг! – Я схватилась за голову. – Я помню, что во время нашей встречи с Тигги, она работала над анаграммой и была близка к ответу. По крайней мере, одна из них знает! – добавила я с ноткой сарказма.

Георг кивнул.

– Мерри, вы должны понять, что я всего лишь наемный работник. Хотя я практически всю жизнь был знаком с вашим отцом и считал его близким другом, я обязан следовать его указаниям даже после его смерти.

– Тем не менее, Георг, похоже, что вы все знаете обо мне. Вы знали, где можно найти меня. Вы знали, что я, по всей видимости, дочь Атласа. И вы говорите, что все это стало известно за последние несколько недель?

– Я... да. – Георг неловко переминался с ноги на ногу.

– Поскольку Атлас умер год назад, где вы могли достать всю эту информацию? Кто рассказал вам о кольце, по которому меня нашли? – Усталость и раздражение начали прорываться наружу. – И как насчет Аргидин-Хауса? Каким образом вы узнали, что я родилась там?

Георг вынул носовой платок из нагрудного кармана и вытер лоб.

– Это отличные вопросы, Мерри, и я обещаю, что вы получите ответы. Но не от меня.

Его ответ не удовлетворил меня.

– Не хочу сказать ничего плохого о сестрах, но разве они не задавались вопросом, почему незнакомый человек решил удочерить их и назвать в честь звезд из скопления Плеяд? И о том, что их фамилия Деплеси является анаграммой от слова «Плеяды»?

– Они много раз задумывались об этом. Как вы узнаете, когда познакомитесь с ними, каждая из этих девушек не менее умна, чем человек, который вырастил их. Они поверили его объяснению, что их назвали в честь Плеяд и что их фамилия была отражением его любви к небосводу. Но они упустили из виду связующее звено – тот факт, что их имена означали происхождение от Атласа.

Я закрыла глаза. Перспектива войти в рукотворную сказку на борту «Титана» казалась все менее привлекательной.

– Вы много успели прочесть из его дневника?

– Совсем немного. Атлас еще ребенок. Его приняли в семью знаменитого скульптора.

Георг кивнул.

– Понятно. Вам еще многое предстоит узнать. Я обещаю, Мерри: чем больше вы прочитаете, тем яснее будет общая картина. Вы поймете, кем он был, кто вы на самом деле... и почему он удочерил шесть девочек.

– В том-то и дело, Георг. Не знаю, правильно ли, что я первой читаю его дневник. Вы сами сказали, что шесть других девочек выросли под опекой Атласа. Они любили его. А я его даже не знала. Думаю, другие должны были познакомиться с историей его жизни раньше меня.

– Я... понимаю, Мерри. Должно быть, это очень трудно. Но, пожалуйста, поймите: Атлас хотел, чтобы вы узнали его историю, как только мы сможем найти вас. Потому что это и ваша история. Всю свою жизнь он чувствовал себя виноватым за то, что вы думали, будто

он отказался от вас, а это далеко от истины. Просто так получилось... стечение обстоятельств, над которыми мы не властны. Я не мог представить, что мы найдем вас вовремя, когда другие сестры соберутся возложить венок в честь годовщины его смерти. – Он слабо улыбнулся. – Можно сказать, что это было предначертано звездами.

– Что ж, вы можете так думать. Мне кажется, что звезды скорее разбегаются, чем складываются в предсказание. В письме сказано, что моя мать исчезла и что Атлас даже не знал, жива она или мертва. Полагаю, он также не знал, что меня подбросили на крыльцо к отцу О'Брайену?

Георг покачал головой.

– Нет. Опять-таки советую вам обратиться к дневнику. Чтобы понять, почему их удочерили, другие сестры сначала должны узнать, кто вы такая на самом деле.

– Вы слышали историю о блудном сыне, Георг?

– Мне знакомо это название, но...

– В Евангелии от Луки Иисус рассказывает о сыне, который обращается к отцу с просьбой о наследстве, а потом бездумно проматывает деньги, живя среди роскоши и плотских удовольствий. Когда деньги заканчиваются, он возвращается к отцу и извиняется перед ним, но вместо гнева отец радуется возвращению сына и устраивает пир в его честь. А знаете, какова самая важная часть этой истории, Георг? Брат блудного сына вовсе не рад его возвращению. Этот брат долгие годы оставался рядом с отцом и не получил никакой награды. Если вы уловили суть, я не хочу оказаться блудной дочерью.

Георг нахмурился, растерянный моей твердой позицией.

– Мерри, я прошу вас понять, сестры будут только рады принять вас в семью, если вы того пожелаете. Они знают, как сильно их отец желал найти потерянную сестру, и, уверяю вас, вы не увидите от дочерей Атласа ничего, кроме любви. Вы ведь уже встречались с Тигги и Стар. Разве вы почувствовали какую-то недоброжелательность с их стороны?

Я потянулась и открыла футляр из кремовой кожи, где лежали бутылочки с минеральной водой. Отвинтила крышку и сделала глоток.

– Со стороны Тигги – нет. В основном благодаря ей я нахожусь на этом самолете. Но Стар изображала аристократическую «леди Сабрину», чтобы вытянуть из меня информацию. Дело в том, Георг,

что я хорошо знаю, какими ожесточенными могут быть семейные распри. Что, если некоторые сестры будут рады узнать, что у Па Солта есть родная дочь, а другие вовсе не рады?

Я мысленно вернулась к недавнему откровению, что у меня и Бобби Нойро – того человека, который заставил меня уехать из Ирландии, – есть общая бабушка, Нуала.

– Из моих разговоров с Мэри-Кэт я узнала о другой сестре, знаменитой фотомодели Электре, которая, так сказать... не отличается мягким характером. – Я снова отпила из бутылочки.

– Мерри, в прошлом году каждая из сестер совершила путешествие в свое прошлое по завету приемного отца. Мне выпала честь наблюдать за тем, как они повзрослели и стали великолепными людьми, каждая на свой лад. – Георг тяжело сглотнул, явно стараясь совладать с эмоциями. – Все они пришли к осознанию, которое слишком поздно приходит к большинству из нас: жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на бессмысленные распри.

Я вздохнула и потерла глаза пальцами.

– Вы говорили, каким великим и мудрым человеком был Атлас. Если частица этой мудрости передалась от него ко мне, то, наверное, я должна воспользоваться ею. По вашим словам, Георг, Атлас хотел, чтобы я ознакомилась с его историей, как только меня найдут. Этим я сейчас и занимаюсь. Но мне хотелось бы, чтобы вы изготовили шесть копий этого дневника для других девушек, чтобы мы могли одновременно получать знания о нашем отце.

Георг смотрел на меня, и я представляла, как в его мозгу вращаются маленькие шестеренки. По той или иной причине он был исполнен решимости дословно исполнять указания Атласа. О чем он мне не рассказал?

– Да... да, это неплохая идея. Выбор за вами, Мерри.

– Хотя я полагаю, что поиски фотокопировальной лаборатории в Ницце в четыре часа утра могут оказаться непростой задачей.

– О, не волнуйтесь. «Титан» полностью укомплектован современным оборудованием. На борту есть специальный отсек с компьютерами и несколькими принтерами. И это прекрасно, так как в дневнике содержится... – Георг помедлил, подбирая следующие слова, – ...личная информация. Я не могу рисковать тем, что она попадет в дурные руки.

– Целый офис на борту яхты? Боже мой, а я-то думала, что шикарная яхта предназначена для всяких увеселений и отдыха от повседневных забот. Впрочем, я говорю «повседневных», но кто знает, что может означать это слово для владельца многопалубной яхты? Скажите, Георг, каким образом Атлас смог заработать такое огромное состояние?

Георг пожал плечами и указал на потрепанный дневник, лежавший у меня на коленях.

– Все ответы находятся внутри.

В дверь снова постучали, и в проеме появилось лицо стюарда.

– Прошу прощения за вмешательство, но капитан просит подготовиться к посадке. Будьте добры, пристегните ремни. Через несколько минут мы приземлимся в Ницце.

– Спасибо, разумеется, – кивнул Георг. – Что же, Мерри, тогда вам стоит на время передать дневник мне, и я распоряжусь изготовить шесть копий, как только мы окажемся на борту «Титана».

Я отдала ему дневник, но письмо оставила при себе. Георг широко улыбнулся.

– Обещаю, Мерри, вам нечего бояться.

– Спасибо, Георг. Увидимся после посадки.

Он исчез, а я снова посмотрела в иллюминатор. По мере спуска я видела, как первые лучи рассвета играют на ряби лазурно-голубого Средиземного моря. Я надеялась, что оно будет теплее, чем воды Атлантики на пляже Инчидони в Западном Корке. Откинувшись на спинку кресла, я закрыла глаза и задумалась о том, как маленький осиротевший мальчик, найденный под забором в Париже, однажды стал моим отцом.

«Титан»

Алли смотрела на полированный потолок красного дерева, украшавший все каюты на борту «Титана». Само слово «каюта» для описания этого места казалось Алли забавным, так как она привыкла пользоваться им, когда делила жилое помещение с дюжими и потными

мужчинами на борту двадцатисестифутовой «контессы»^[7]. Спальни на борту «Титана» скорее напоминали президентский люкс в Гранд-отеле Осло. Судно тоже находилось в безупречном состоянии. Хотя яхта не использовалась членами семьи большую часть года, здесь оставалась верная команда Па Солта, моряки, которые поддерживали высочайшие стандарты качества. Алли предполагала, что их работа оплачивалась из фонда, учрежденного Па Солтом незадолго до смерти. Как и многое в мире их приемного отца, такие вещи просто... случались, и Алли не ставила их под сомнение.

Солнечный луч проник через щелку в занавесках и упал на лицо Алли. Она гадала, сколько времени у нее остается, прежде чем плач Бэра в люльке у дальнего конца кровати возвестит о начале рабочего дня.

Было бы удивительно, если бы этой ночью ей удалось поспать больше получаса. Хотя тихая средиземноморская рябь в июне практически не вызывала качки, Алли настолько привыкла к ощущению воды под днищем судна, что чувствовала легкое касание каждой волны. Это, в сочетании с какофонией мыслей в голове, не способствовало здоровому отдыху. Ситуация, в которой Алли оказалась, сама по себе была довольно напряженной: ее сестры со своими любимыми собрались для того, чтобы официально почтить память отца. Но Алли предстояло согласовать еще множество других вещей.

В конце концов, именно она видела «Титан» у побережья Делоса вскоре после смерти Па Солта. У нее сохранилось яркое воспоминание о том, как она лежала на палубе «Нептуна», принадлежавшего Тео, и тот взволнованно сообщил, что его друг заметил со своего катамарана супер-яхту компании «Бенетти»^[8], название которой она знала с детства. У Алли в животе запорхали бабочки при мысли о возможности познакомить Тео с Па Солтом. Уже влюбленная по уши, она не видела смысла откладывать неизбежное. Алли радировала на «Титан», ожидая услышать знакомый размеренный голос капитана Ханса, но не получила ответа. Кто бы ни управлял яхтой, он явно принял решение уходить от Алли на полной скорости.

– Похоже, твой отец убегает от тебя, – заметил Тео.

Когда Георг и Ма уведомили сестер, что Па Солт завещал тайно похоронить его в открытом море (чтобы не причинять боли своим

дочерям), Алли пришла к выводу, что она нечаянно столкнулась с похоронной церемонией. В сущности, она даже чувствовала себя виноватой из-за того, что нарушила последнюю волю отца. Однако с учетом недавних событий она начала сомневаться во всей этой истории.

Она вспомнила, что «Титан» был не единственным судном, стоявшим в тот день на якоре у побережья Делоса. Когда друг Тео радировал ему о «Титане», он упомянул о втором «плавучем дворце», стоявшем поблизости. Это была яхта «Олимпия», принадлежавшая печально известному Кригу Эсзу, владельцу «Лайтинг Коммуникейшенс». Еще более странным фактом были сообщения о смерти магната, которые появились в тот самый день и мелькали в заголовках газет по всему миру. Волны вынесли на берег его тело; очевидно, он совершил самоубийство. Алли вдруг испытала приступ тошноты. Почему она не изучила это событие более пристально?

И это была не единственная странность, как будто связывавшая Па Солта и Крига Эсзу. Координаты Мерри (которые были выгравированы на армиллярной сфере и лишь недавно обнаружены ее сестрами) указывали на Аргидин-Хаус в ирландском графстве Западный Корк. Несколько дней назад Алли узнала от Джека тревожную новость, что поместье принадлежало некоему Эсзу. Хотя здание давно стояло заброшенным, Эсзу числился его последним зарегистрированным владельцем.

То, что раньше казалось Алли нелепым совпадением, теперь вдруг обрело очертания зловещей тайны. Не было секретом, что Зед, сын Крига Эсзу, питал нездоровое пристрастие к сестрам Деплеси, граничившее с одержимостью. То, как он заманил юную Майю в свои объятия, благодаря привлекательной внешности и вкрадчивому обаянию, лишь для того, чтобы бросить ее, когда она больше всего нуждалась в нем, по-прежнему бесило Алли. Она часто думала, что Зед умышленно вознамерился причинить вред ее сестре. Алли не сомневалась в том, что «этот урод», как она язвительно отзывалась о нем, переключил свое внимание на Электру по заранее составленному плану. Несомненно, Зед рассчитал, что если кто-то из сестер Майи и примет его в качестве любовника после того, как он обошелся с ней, то это будет Электра. Для хищника его породы пристрастие к алкоголю и наркотикам было слишком соблазнительной уязвимостью. Было

логично, что Тигги тоже оказалась у него под прицелом. Ее склонность видеть хорошее в каждом человеке в сочетании с тягой к духовным исканиям и раньше позволяла использовать ее в корыстных целях. Алли была чрезвычайно рада, что Тигги не поддавалась на обольщения Зеда и вместо этого нашла замечательного Чарли Киннарда.

Алли была уверена, что Па Солт никогда не упоминал имени Эсзу. В сущности, это был один из первых вопросов, с которыми она обратилась к Майе после возвращения в Атлантис примерно год назад.

– Я уверена, что тут нет никакой связи, – настаивала Майя. – Они не были знакомы друг с другом, верно? А Делос – просто очень красивый остров, куда направляется множество яхт.

Алли начинала беспокоиться, что поспешный ответ Майи сводился к психологическому отрицанию той ужасной ситуации, в которой она оказалась. Алли укоряла себя за невнимательность к присутствию «Олимпии». В конце концов, что они все знали о жизни Па Солта, кроме его поместья и его яхты? Пока они росли, то практически не встречались с его друзьями или коллегами. Вероятность знакомства Па Солта и Крига Эсзу была не такой ничтожной, как могло показаться.

Алли закрыла глаза в надежде поспать еще час-другой. Как всегда, когда ей было не по себе, она вообразила глубокий, успокаивающий голос отца. Ее мысли обратились к Атлантику, где маленькой девочкой она видела, как Па Солт по выходным рассекал воды Женевского озера на быстроходном катере «Лазер». Изящное судно, скользившее по водам в спокойные дни и почти не оставлявшее ряби за собой, казалось метафорой его жизни. Па Солт всегда был столпом силы и власти, но тем не менее он проходил по жизни с изяществом и сноровкой, восхищавшими всех окружающих.

Однажды осенью Па заметил Алли, завистливо наблюдавшую с берега за его катером, и подвел «Лазер» к деревянному причалу у края сада.

– Привет, моя маленькая принцесса. Здесь очень холодно. Думаю, Майя сейчас читает в гостиной. Не стоит ли тебе присоединиться к ней и посидеть в тепле?

– Нет, Па. Я хочу посмотреть, как ты едешь на катере.

– Ага. – Па одарил Алли теплой улыбкой, которая неизменно поднимала ей настроение, какие бы проблемы ни возникали в течение

дня. – Тогда, наверное, ты будешь моим старпомом?

– Ма говорит, что это слишком опасно.

– Значит, очень хорошо, что сейчас она помогает Клавдии готовить ужин, – сказал он и подмигнул ей. Его мускулистые руки подняли Алли с причала, так что она почувствовала себя легче перышка, и усадили к нему на колени. – Ты видела, что, когда катер поворачивает, он кренится на борт. Когда мне нужно повернуть в другую сторону, я должен перейти на другой борт, пригнувшись под парусом.

– Да, папа! – Алли энергично кивнула.

– Отлично. – Он снял свой оранжевый спасательный жилет и стал надевать его на Алли. Естественно, она почти утонула в нем, и Па усмехался, стараясь как можно туже затянуть шнуровку.

– А как же ты, папа?

– Не волнуйся за меня, малышка. Ветер слабый, и мы пойдем очень медленно. Видишь вон ту ямку? – Он указал на неглубокую выемку в белом корпусе. – Думаю, она как раз подойдет для тебя.

Алли кивнула и заняла место в центре катера.

– Тебе нужно только глядеть вперед и раскинуть руки для равновесия. Мы собираемся описать большой круг, который приведет нас обратно к причалу, а это значит, что я буду отклоняться только в левую сторону. Вот эта сторона, видишь?

Алли кивнула, ощущая легкую дрожь предвкушения.

– Ну, хорошо. – Он снял ногу с причала, и «Лазер» начал дрейфовать в сторону. Па взялся за большую черную ручку, которую Алли определила для себя как рулевое устройство.

– Но мы стоим на месте, Па! – разочарованно воскликнула Алли.

– Когда ходишь под парусом без мотора, не все зависит от моряка. Нам нужно подождать ветра.

Словно по сигналу Алли ощутила, как порыв ветра увлек «Лазер» прочь от причала. Ветер зашелестел в ее густых каштановых волосах, и сердце встрепенулось.

– Поехали! – крикнул Па.

Алли помнила свой восторг от близости воды; «Лазер» скользил по спокойному озеру, не движимый ничем, кроме ветра вокруг них. Она оглянулась на величественный сказочный замок Атлантис.

Заснеженные горные вершины круто вздымались за бледно-розовым домом, и Алли чувствовала себя счастливой в таком волшебном месте.

– Я собираюсь ускорить разворот, – предупредил Па. – Это значит, что лодка чуть больше накренится в мою сторону. Не забудь развести руки для равновесия.

Алли повиновалась.

– Отлично, девочка, превосходно!

Па широко улыбнулся, когда Алли без усилий приспособилась к изменению угла наклона и возвышения.

Солнечные блики плясали на стеклянистой водной глади, и Алли позволила себе закрыть глаза. В тот день она впервые ощутила свободу, которая возвращалась каждый раз, когда Алли оказывалась на воде. Когда Па умело направил «Лазер» к причалу и помог Алли высадиться на берег, сияющая улыбка дочери все объяснила ему.

– Ну вот, моя маленькая принцесса, теперь ты тоже это чувствуешь... Ничто не сравнится с плаванием по озеру. Это лучшее в мире место для размышлений.

– Поэтому ты так часто выходишь на озеро?

Он довольно хмыкнул.

– Пожалуй, это не совпадение. Совпадения случаются редко. – Он отвернулся от Алли и посмотрел куда-то вдаль, через озеро. Иногда папин взгляд затуманивался, и Алли казалось, что он мысленно переносится в другое место. – Совпадение лишь означает, что есть какая-то связь, которую предстоит обнаружить. – Он снова посмотрел на Алли. – Извини, малышка... Просто я очень рад узнать, что ты разделяешь с отцом его любовь к плаванию под парусом.

– Как думаешь, я смогу брать уроки? – прошептала Алли.

– Хм-мм. Думаю, это можно будет устроить, если ты сможешь совмещать их с уроками игры на флейте.

Он снова подмигнул ей.

– Конечно, папа! Думаешь, однажды я стану такой же умелой, как ты?

– О нет, Алли. Думаю, ты превзойдешь меня. А теперь иди в дом и погрейся. Да, и не рассказывай Ма о нашей маленькой прогулке!

– Хорошо, папа, – ответила Алли, освобождаясь от спасательного жилета. Потом она стремглав побежала по причалу к стенам и башням Атлантиса.

Агуканье Бэра пробудило Алли от ее полусонных видений. Она потерла глаза ладонями, радуясь тому, что смогла хотя бы немного отдохнуть, соскочила с кровати и подошла к колыбели. При виде матери Бэр протянул ручки и запищал от удовольствия.

– И тебя тоже с добрым утром, – сказала Алли, поднимая сына на руки. – Проголодался, маленький джентльмен? Боюсь, меню нашего завтрака будет довольно скудным.

Она привычным движением расстегнула пижамную рубашку, и Бэр принялся радостно сосать, пока Алли глядела в иллюминатор.

Она ничего не могла поделать с противоречивым ощущением вины и удовольствия, бушевавшим внутри. Разумеется, ей было приятно снова увидеть Джека. Наблюдать за тем, как он расхаживал по прогулочной палубе вчера вечером. И этого было достаточно для подтверждения не только ее чувств, но и их глубины. Вместе с тем она собиралась приплыть в то самое место, где всего лишь год назад она была ошеломительно счастлива с Тео. Если бы только сейчас он мог находиться рядом с ней, это путешествие было бы гораздо легче. Алли не была склонна потакать своим желаниям, но она остро сознавала, что оказалась единственной из сестер, не имевшей человека, которому она могла бы полностью довериться или черпать у него силы. Хотя она была искренне рада видеть своих сестер и их избранников на борту «Титана», их присутствие сыпало соль на свежую рану, оставшуюся после безвременной и жестокой гибели Тео.

– Даже Электра завела себе юриста по правам человека! – Алли усмехнулась, понимая, что ее насмешка происходит от сестринской любви, а не от ожесточения.

Она посмотрела на Бэра, у которого были ласковые глаза Тео и зачатки его непослушных темно-русых волос.

– Ох, что за путаница, – вздохнула Алли. – Хотя, наверное, не стоит особенно беспокоиться.

Алли думала, что, скорее всего, она упустила шанс на будущие отношения с Джеком, поскольку умолчала о сыне. Озадаченное выражение лица Джека, когда вчера вечером она познакомила его с Бэром, дало ей понять, что это было не лучшее решение.

– Вероятно, он считает меня сумасшедшей, Бэр. Сначала я анонимно приезжаю в Прованс и стараюсь незаметно вытянуть информацию о его семье. А как только он прощает меня за это, я

начинаю осыпать его ежедневными сообщениями, но почему-то все время забываю рассказать о тебе. И если *он* считает, что у меня не в порядке с головой, то бог знает, что обо мне подумает его мать!

Алли посмотрела на часы: было около пяти утра. Скоро Мерри взойдет на борт, если только Георг убедил ее сесть в самолет. В последний раз она слышала от Джека, что «потерянная сестра» даже отдаленно не заинтересована в присутствии на этом круизе. Хотя, судя по выражению лица Георга перед отъездом, он был готов силком затащить ее в самолет, как бы она ни отбрыкивалась. Его спешный вылет в Дублин вчера днем только усилил беспокойство Алли. Она всю жизнь знала этого человека и очень редко видела его взвинченным... как и Па Солта.

Алли застонала от расстройств. Иногда ей хотелось сделать с Георгом то, что она делала с членами своей команды перед очередной регатой: отвести в город и напоить до упаду. В ходе своей карьеры яхтсмена она обнаружила, что едва ли не лучшим способом укрепить взаимное доверие было употребление изрядного количества алкоголя, когда люди рассказывали истории и свободно делились секретами.

Едва ли это случится теперь, подумала она.

Бэр довольно заурчал, и Алли отнесла его обратно в колыбельку. Потом она пошла в смежную ванную, включила душ и начала мысленно готовиться к встрече со своей потерянной сестрой. Она думала о том, как странно будет увидеть ее воочию. Таинственный ребенок, которого Па Солт отчаялся найти. Шесть сестер прочесали весь земной шар в ее поисках, и Алли надеялась, что Па, где бы он ни был, очень гордился достижениями своих воспитанниц. Разумеется, загадку изначальной «пропажи» Мерри еще предстояло раскрыть. Может быть, что-то пошло не так в процессе удочерения? Почему Па Солт был так решительно настроен отыскать именно эту женщину?

Пока Алли нежилась под струями горячей воды (ее всегда изумляло давление в трубах, поскольку яхта находилась в открытом море), она пыталась сообразить, когда Мерри впервые появилась в жизни Па Солта. Сейчас ей было пятьдесят девять лет. Па Солт умер в прошлом году в возрасте восьмидесяти девяти лет, и это означало, что ему было около тридцати, когда он попытался удочерить ее. С учетом того, что он нашел Майю, когда его возраст приближался к шестидесяти годам, Алли оставалось только гадать, какие события в

жизни Мерри удерживали Па Солта от повторной попытки удочерить ее в течение двадцати пяти лет.

Однако возраст Мерри, безусловно, облегчал для Алли восприятие крепнущих чувств между нею и Джеком, сыном этой загадочной женщины. Она улыбнулась, размышляя о курьезности этой ситуации.

– А я-то считала нашу семью самой необычной на свете, – вздохнула Алли.

Мерри

Автомобиль, доставивший нас из аэропорта в порт Ниццы, был таким же экстравагантным, как и частный реактивный самолет. Приходилось признать, что, хотя поначалу я сомневалась насчет поездки, мне определенно нравилось ощущение роскоши. Я опустила все окна и наслаждалась свежим запахом южных сосен. Солнце едва взошло, но я уже чувствовала, что день будет жарким.

Поскольку было раннее утро, лимузин смог подъехать прямо к пристани. Каждый участок водного пространства был покрыт яхтами, которые как будто соперничали друг с другом в кричащей демонстрации богатства. Лишь считанные дюймы разделяли борта огромных судов, которые с великим мастерством направлялись на заднем ходу в невообразимо узкие проемы. Я поежилась при мысли о стоимости ремонта поцарапанного корпуса. И на каждом судне была своя команда, начищавшая, подметавшая, расставлявшая столики для завтрака... На меня накатила клаустрофобия, возможно, потому, что я привыкла к широким просторам виноградников Гиббстон-Вэлли и к ровным зеленым полям Западного Корка.

– Знаете, Георг, если бы у меня было столько денег, то я бы купила что-нибудь огромное в дикой глуши, а не торчала бы здесь, словно в банке с сардинами. Здесь не получишь никакого мира и покоя.

– Я склонен согласиться с вами. У меня такое впечатление, что большинство судов в этом порту все лето стоят на причале и редко

выходят в море. Для большинства владельцев эти яхты не более чем символ их статуса.

– Разве «Титан» не такой же?

– Нет. Тут я вынужден не согласиться с вами. Для Атласа «Титан» был безопасным местом и символом безопасности.

– Безопасности? – Я вопросительно посмотрела на него.

– Именно так. Если ему нужно было... ускользнуть от стресс и жизненных проблем, он знал, что может подняться на борт этой яхты вместе со своими дочерьми и уплыть куда угодно.

Я заметила, что Георг сделал выразительную паузу перед словом «ускользнуть». Лимузин остановился в конце пристани.

– Итак, какая же из них? По мне, так сойдет любая; в этом смысле я не придирчива.

Водитель, открывший дверь с моей стороны, пошел доставать мои вещи из багажника. Слава богу, я и без этого приключения находилась в кругосветном турне, и это означало, что в моем чемодане имелось все необходимое. Прежде чем я успела оглянуться, другой мужчина в синей рубашке поло принял чемодан у водителя.

– Вот эта, в самом конце? – Я указала на яхту у последнего причала.

– Нет, Мерри, – ответил Георг. Молодой человек, подхвативший мой багаж, пронес его мимо того судна, что я приняла за «Титан», до конца деревянного причала, который выдавался далеко в воду. – «Титан» стоит на якоре в бухте. После короткой поездки на моторном катере мы окажемся на борту.

Георг указал в сторону гавани и единственного судна, по сравнению с которым все остальные казались детскими игрушками для ванной.

– О боже! – Яхта выглядела абсолютно великолепной. Я насчитала не менее четырех палуб, а огромная радиомачта, увешанная спутниковыми тарелками, явно отличала ее от любого другого судна поблизости. – То есть Джек и Мэри-Кэт говорили мне, какая она огромная, но я... ох! Пожалуй, мне стоит взять обратно слова о сардинах в банке.

Георг улыбнулся.

– Доброе утро, сэръ, – сказал молодой человек, который отнес мой чемодан. – Это был единственный багаж?

– Да, спасибо, – ответил Георг.

– Хорошо. Капитан лично привел сюда командирский катер. – Парень посмотрел на меня. – Пожалуйста, мадам, пройдемте до конца причала.

На борту катера находился симпатичный загорелый мужчина с седеющими темными волосами, в очках в черепаховой оправе.

– Должна сказать, вы безупречно оделись для такого раннего утреннего часа, – заметила я.

– Признаюсь, обычно я посылаю Виктора забирать гостей, но вы невероятно ценная пассажирка. Я с удовольствием препровожу вас на борт. – Он пожал мне руку и помог спуститься на борт. – Меня зовут Ханс Гайя, и я шкипер «Титана».

– Огромное спасибо, Ханс. Извините, если у меня бледный вид: я не спала двое суток.

– Все в порядке, миссис Макдугал, уверяю вас. Для меня большая честь пригласить вас на борт. Я много лет был знаком с вашим отцом, и он был очень добр ко мне. Я знаю, как он был бы рад видеть вас в своем морском доме.

– Э-э, я... еще раз спасибо за такой ранний прием.

– Доброе утро, мистер Гофман. – Ганс кивнул Георгу. – И добро пожаловать обратно.

– Спасибо, Ганс.

– Что же, если все готово, давайте вернемся на яхту. Виктор, отдать швартовы. – Матрос распустил узел на бетонной свае и присоединился к нам. – Это займет несколько минут, миссис Макдугал.

– Все уже проснулись?

– Насколько я знаю, нет. Виктор, ты заметил кого-нибудь?

– Нет, капитан.

Я испытала прилив облегчения. Честно говоря, приветствие капитана Ганса было необыкновенно впечатляющим. Несомненно, что, кем бы ни был Атлас, его подчиненные оставались безмерно преданы ему. Я не думала, что готова к немедленному «воссоединению с семьей», как только окажусь на борту. Мне хотелось лишь найти кровать, где можно преклонить голову хотя бы на несколько часов.

– Я распорядюсь изготовить шесть копий дневника, как только мы окажемся на борту, – заверил Георг, пока катер рассекал воду.

– Спасибо, Георг. Не стоит торопиться. Честно говоря, я хочу поспать.

Когда Виктор выгрузил багаж и капитан Ганс помог мне подняться на борт, меня отвели вверх по лестнице на палубу, а оттуда – в главный салон, где Георг показал план яхты, припиленный к огромной пробковой доске.

– Давайте посмотрим... вторая палуба, первая каюта. Вас разместят прямо рядом с вашими детьми. Они будут в двух каютах справа от вас.

– Георг, здесь так много имен... Неужели все сестры приехали со своими семьями?

– Да, вы правы. Как вы понимаете, этот вояж подразумевает сильные переживания, поэтому девушки пришли к общему выводу, что будет лучше иметь рядом спутников жизни, на которых можно опереться.

– А... у всех сестер есть *спутники жизни*? – Охранительное материнское чувство сразу же заставило меня подумать о Джеке. Я хорошо понимала, что главной причиной его желания присоединиться к этому круизу была некая молодая женщина с золотисто-каштановыми волосами.

– У всех, кроме Алли, второй сестры. Но она здесь со своим маленьким сыном Бэром.

Видимо, из-за усталости я не смогла удержаться от удивления, и Георг вопросительно посмотрел на меня.

– С вами все в порядке, Мерри?

– Да, спасибо. На борту много детей?

– Есть еще двое. Валентина, дочь Флориано, избранника Майи, и Рори, сын Мауса, избранника Стар. Должен сказать, что юный Рори глухой, хотя он прекрасно умеет читать по губам.

– Прямо настоящий ковчег. Надеюсь, они снисходительно отнесутся к тому, что я не сразу запомню все имена.

– Можете не сомневаться. Проводить вас в каюту?

– Да, спасибо... – Салон неожиданно поплыл у меня перед глазами, и вернулось знакомое ощущение звенящей пустоты. До меня дошло, что, кроме бессонницы, моей последней едой была чашка ирландского кофе в Белфасте вчера ранним вечером. – Можно мне немного отдышаться, Георг? У меня кружится голова.

– Разумеется, возьмите меня под руку.

Георг вывел меня на прогулочную палубу и усадил на огромные диванные подушки в зоне отдыха ближе к корме.

– Разрешите, я найду для вас минеральную воду. Сейчас еще рано, и вокруг мало сотрудников. Сможете подождать минуту-другую?

– Да, не беспокойтесь.

Георг ушел быстрым шагом. Я старалась дышать размеренно и уменьшить агрессивную частоту сердцебиения. Как я и опасалась, я в самом деле чувствовала себя совершенно ошеломленной. Мысль о том, чтобы оказаться посреди океана в окружении незнакомых людей, их детей и избранников, уже не говоря обо всех откровениях, обрушившихся на меня в последнее время, была почти невыносимой. Я закрыла глаза и услышала другой звук: топот быстрых шагов по палубе. Я открыла глаза, ожидая увидеть Георга, спешащего ко мне с бутылкой воды «Эвиан», но передо мной стоял мужчина, которого я никогда не видела раньше. Он был высоким и жилистым, с бугристыми узлами мышц, рельефно выделявшимися под его облегающим спортивным костюмом. Судя по легкой проседи в кудрявых волосах, ему было около сорока лет.

– Доброго дня, – сказал он с американским акцентом.

– Вам тоже, – робко ответила я.

– С вами все в порядке? У вас... немного изможденный вид.

– О да, все в порядке. Георг пошел за водой для меня.

– Георг... это нотариус, верно?

– Да. Разве вы его не знаете?

– Прошу прощения, разрешите представиться. Меня зовут Майлз, и я сопровождаю Электру.

– Она знаменитая фотомоделль, не так ли?

– Верно. А вы, должно быть, та самая Мэри.

– Да. Но люди обычно зовут меня Мерри.

– Вот, глотните отсюда. – Майлз протянул мне бутылочку такой ярко-синей жидкости, что я заподозрила химикаты. – Это «Гаторад»^[9]. Насколько я понял, здешний запас маловат, поэтому я захватил с собой побольше из США.

Я отхлебнула прохладную сладковатую жидкость. Вкус оказался не таким ужасным, как я думала.

– Спасибо.

– Без проблем. Я обычно встаю перед рассветом и тренируюсь. Собирался посетить беговую дорожку в местном спортзале, но здесь такой простор, и пока вокруг никого нет, было бы жаль пропустить восход солнца. После нескольких кругов по палубе я буду готов к началу дня.

– Успехов вам в этом деле. – Я отхлебнула еще глоток. – Простите, я расходуя ваш драгоценный запас.

– Вовсе нет. Похоже, вы не спали целые сутки.

– Вы очень наблюдательны, Майлз. Так оно и есть.

– Я знаю, как Электре не терпится встретиться с вами. Честно говоря, как и всем, кто находится на борту. Здесь вы более желанны, чем знаменитая фотомоделль. – Майлз широко улыбнулся.

– Если откровенно, Майлз, это-то меня и беспокоит.

– Могу вас понять. Конечно, мы в разном положении, но здесь и для меня все новое. Я лишь несколько недель знаком с Электрой и немного удивился, когда она попросила меня приехать. Сказать по правде, я уже несколько дней сижу как на иголках.

– Чем вы занимаетесь? Актер, фотограф или спортсмен?

– Нет, мэм, ничего столь увлекательного. Я – юрист.

Я мысленно выбрала себя за предубеждение, основанное на его отношениях с супермоделлью. По сути дела, в этом человеке было некое качество, невероятно успокаивавшее меня. Я пыталась понять, прояснилась ли моя голова от «Гаторада» или от присутствия этого вежливого мужчины, проявившего симпатию ко мне.

– Как вы познакомились с Электрой?

Майлз посмотрел в морскую даль.

– О, у нас были... взаимные интересы. Наши пути пересеклись на ферме в Аризоне. Кстати, Мерри, вчера вечером я был очень рад познакомиться с вашими детьми. Джек и Мэри-Кэт были бесподобны за ужином. Они отлично поработали, чтобы разговоры за столом были оживленными и не прекращались ни на секунду. Это было нелегко, понимаете? Масса незнакомых людей, непростое эмоциональное время для сестер...

– Узнаю своих детей. Если мы что-то и умеем, так это вести приятную беседу.

– Но это правда! Подруга Сиси, – кажется, ее зовут Крисси, – родом из Австралии. Она утверждает то же самое.

– Ну, да. Вы из Америки, Крисси из Австралии... Кто еще приехал из экзотических мест, о которых мне нужно знать?

– Это зависит от того, что вы понимаете под экзотикой. Флориано, избранник Майи, и его дочь Валентина родом из Бразилии. У всех сестер есть свои поразительные истории. Их отец – *ваш* отец – оставил им путеводные нити после своего ухода. Он выгравировал координаты их мест рождения на скульптуре в семейном саду; они называют ее армиллярной сферой. Похоже, он удочерял детей со всех концов света...

– У него была богатая жизнь, это точно.

– Как и у вас, судя по рассказам. Джек и Мэри-Кэт поведали нам о ваших странствиях за последние несколько недель. Мерри, я сожалею о том, что вам пришлось пережить. Не знаю, как вы справились. Сестры преследовали вас по всему миру и напугали до полусмерти. Должно быть, вы невероятно волевая женщина, если решились приехать сюда. И ваши дети тоже. Вчера вечером они неустанно восхваляли вас.

В спокойной искренности Майлза было нечто подкупающее. У меня навернулись слезы на глаза.

– Спасибо, Майлз. Это очень великодушно с вашей стороны.

– И еще, Мерри... Я недолго знаком с ними, но это хорошие люди. Я немного разбираюсь в человеческой натуре. Видите ли, я специализируюсь в области прав человека, поэтому научился хорошо судить об этой стороне вещей. Обещаю, здесь вы находитесь в безопасности, и все ждут не дождутся, когда смогут познакомиться с вами.

– Я просто надеюсь... не обмануть их ожидания. – Я вдруг снова почувствовала себя ошеломленной.

– По-моему, они всю жизнь знали о вас, во всяком случае, о вашем существовании. Ваш отец часто упоминал о «потерянной сестре». Он сокрушался, что так и не смог найти вас. Поэтому теперь они в восторге от того, что смогли доставить вас сюда и исполнить давнее отцовское желание.

– Майлз, вы юрист, поэтому должны разбираться в болезненных чувствах внутри семей, особенно после смерти любимого человека.

– Да, это так.

– Разумеется, вы обратили внимание, что я гораздо старше остальных девушек.

– Я... я бы никогда не заметил, но слышал об этом от других.

– Вы *действительно* юрист, Майлз; это было очень тактично с вашей стороны. Так или иначе, полагаю, что в силу вашей профессии вы умеете хранить секреты?

Майлз улыбнулся и кивнул.

– О, да. Есть немало секретов, которые я унесу с собой в могилу.

– Слава богу, это не понадобится, но мне было бы интересно узнать ваше мнение по одному вопросу.

Он сделал паузу и серьезно посмотрел мне в глаза.

– Можете рассчитывать на мое благоразумие.

Я порылась в сумочке и достала письмо от Атласа.

– Прочтите, пожалуйста.

– Вы уверены, что хотите этого?

– Мне нужно мнение человека со стороны, а не только Георга. Отец оставил мне это письмо. Оно вроде бы подтверждает, что я... впрочем, сами увидите.

Майлз стал читать письмо, а я следила за выражением его лица. Вскоре я заметила, что в его глазах стоят слезы.

– Прошу прощения. – Он протянул мне листок. – Это очень сильное послание.

– Да.

– Если вы не против, скажите, что вас так беспокоит? Тот факт, что вы являетесь его родной дочерью?

– Да! И еще тот факт, что он доверил мне историю своей жизни раньше, чем всем остальным.

Майлз ненадолго задумался, подбирая слова.

– Я могу это понять. Конечно, я не вправе говорить за всех, но думаю, что, с их точки зрения, вы являетесь ответом на основополагающий вопрос. Всю свою жизнь они пытались понять, почему их загадочный приемный отец поставил перед собой задачу удочерять девочек со всего света. Если в юности он потерял жену и родную дочь, то, возможно, это дает какое-то объяснение?

Я откинулась на подушки и обдумала услышанное.

– Кажется, я не смотрела на это с такой стороны.

– Так или иначе, Джек и Мэри-Кэт уже проделали основную работу. Все любят их так сильно, что они практически стали частью семьи.

– Могу себе представить. Спасибо, Майлз.

– Только не волнуйтесь. А если в следующие несколько дней атмосфера будет слишком насыщенной и вам понадобится взгляд со стороны, просто дайте мне знать.

Я снова услышала топот бегущих ног, повернулась и увидела Георга, который появился из салона, потрясая бутылкой воды.

– Прошу прощения, Мерри, мне пришлось спуститься на кухню. Оказалось, что получить ученую степень по юриспруденции в Базельском университете проще, чем найти нужную вещь в кухонной кладовке.

– Все в порядке, Георг. Майлзу удалось спасти меня этой голубой смесью. – Я показала бутылочку «Гаторада».

– Я внесу небольшую надбавку к вашему счету за пребывание на борту, мадам, – сказал Майлз и подмигнул мне. – Желаю вам хорошо устроиться на новом месте, Мерри. А я пробегу трусцой еще несколько кругов, пока не встала Электра, а потом выпью кофе. – Он выпрямился и кивнул Георгу. – И помните о моем предложении. Я всегда к вашим услугам: третья палуба, каюта номер четыре.

Майлз рассмеялся, и я помахала ему, когда он продолжил свой путь по палубе «Титана».

– Извините, Мерри. Я не подумал, что кто-то мог встать так рано.

– Все в порядке, Георг. Мне было приятно познакомиться с ним. Он умеет успокаивать людей.

– Да. Ему пришлось многое преодолеть в жизни, и я считаю его идеальным спутником для Электры. Ну как, вам стало немного полегче?

– Да, спасибо, Георг. Я, безусловно, достаточно окрепла, чтобы добраться до спальни.

– Возьмите меня под руку, и я отведу вас вниз. Виктор уже доставил ваш багаж на место.

Я опиралась на Георга, пока мы блуждали по огромному судну. Не знаю, но то ли из-за моего состояния, то ли оттого, что все коридоры были обшиты темно-коричневым деревом, отполированным до зеркального блеска, мне казалось, будто я нахожусь внутри одной из

картин Эшера. Мы проходили мимо многочисленных членов команды, которые уже встали и готовились к плаванию. Некоторые были одеты в рубашки поло, другие – в белые рубашки с коротким рукавом и эполетами. Георг бормотал что-то вроде «палубной команды» и «внутренней команды», но я почти не слушала. Форму моряков объединяла одна черта: на каждой рубашке было вышито название «Титан», а ниже находилось золоченое изображение армиллярной сферы. После нескольких лестниц и коридоров Георг указал на дверь на второй палубе.

– Вот ваша каюта, – прошептал он. – Мэри-Кэт и Джек находятся рядом, справа от вас.

Он открыл дверь каюты.

– Какая красота, Георг! Скажите, я должна еще что-то сделать, прежде чем рухну на кровать и на несколько часов отрешусь от этого брэнного мира?

– Ничего, Мерри. Пожалуйста, отдохайте сколько понадобится. Разумеется, вскоре мы снимемся с якоря, и должен предупредить, что шум двигателей может быть немного... назойливым, – смущенно добавил он.

– Ничего страшного, Георг. Думаю, что я достаточно устала, чтобы проспать что угодно. Полагаю, вам тоже захочется отдохнуть, но, пожалуйста, попросите кого-нибудь уведомить моих детей, что их мать уже находится на борту.

– Без проблем. Я прослежу за этим и за подготовкой дневников. Спокойной ночи, Мерри.

– Скорее похоже на доброе утро. – Я устало вздохнула, вошла в комнату и осторожно закрыла за собой дверь. Меня вовсе не удивило, что каюта была скорее похожа на номер в пятизвездочном отеле. Фактически она была даже лучше моего недавнего номера в шикарной гостинице «Кларидж». Мой чемодан стоял у кровати, но у меня не было сил открывать его и рыться в поисках подходящей ночной рубашки. Вместо этого я скинула туфли, сбросила на пол полотенца (красиво расшитые маленькими слониками) и упала на кровать. Поплотнее закутавшись в одеяло, я закрыла глаза и заснула.

Майя потянулась и зевнула, глядя на пустой столик для завтрака. Она посмотрела на часы: было без десяти одиннадцать. Общая встреча на прогулочной палубе была запланирована на одиннадцать часов. Примерно час назад заработали двигатели «Титана» и началось плавание к Делосу. Впрочем, Майя подозревала, что количества вина, выпитого вчера вечером, было достаточно, чтобы шум не разбудил некоторых особо рьяных гостей. Сама она, разумеется, не выпила ни капли, но остальные слишком буквально восприняли пожелание «сохранять ясную голову в ближайшие несколько дней».

Сначала Майя беспокоилась, что она будет тосковать по утешению в виде одного-двух бокалов провансальского розового вина перед сном, но после вчерашнего вечера решила, что опасения были напрасными. В сущности, она была чрезвычайно довольна тем, как все расслаблялись за ужином. Где-то глубоко внутри она уже несколько месяцев страшилась этого круиза, вероятно, как и большинство остальных пассажиров. Она со своими сестрами в прошлом году шагнула далеко вперед, приспособившись к жизни без путеводного света Па Солта. Старшая сестра Делеси боялась, что это путешествие лишь послужит напоминанием об огромной утрате, понесенной ею и ее родными. Даже вчерашнее прибытие в порт оказалось болезненным, поскольку «Титан» всегда был символом летнего воссоединения семьи, безопасным местом для отдыха и разговоров. Но теперь, отпивая глоток воды, Майя призналась себе, что вчерашний вечер был почти... радостным?

Честно говоря, это присутствие «избранников» превратило вечер в жизнерадостное событие. На борту собралась довольно пестрая компания, которую Па Солт, несомненно, одобрил бы. Здесь был трудолюбивый доктор Чарли Киннард, приложивший немало усилий для «приземления» высокодуховной сестры Тигги. Электра была вместе с Майлзом, спокойным и рассудительным человеком, который не рассматривал ее как знаменитую модель, она осталась такой же уязвимой и страстной, как раньше. Крисси отдавала то, что она получала от Сиси (хотя Майя была рада, что ей не придется жить под этой особенно шумной крышей). Даже застенчивый Маус прошлым вечером явил себя столпом красноречия и смирения. Вместе со своим очаровательным сыном Рори он дал безмятежной Стар уверенность, в которой та нуждалась.

И, разумеется, Алли. Майя с трудом представляла душевную боль, которую ее сестра была вынуждена перенести в прошлом году после утраты ее любимого Тео. Она восхищалась силой и стойкостью сестры, встретившей вызов материнства в самых сложных обстоятельствах... Сделавшей то, что ей самой когда-то не удалось сделать.

– Доброе утро, Майя, – сказала Тигги, которая пересекла палубу и опустилась на стул напротив.

– Доброе утро, Тигс.

Тигги провела пальцами по своим каштановым волосам, которые искрились на солнце.

– Какой чудесный день, – сказала она.

Майя думала о том, как хорошо выглядит ее сестра. Тигги всегда обладала естественным изяществом и непринужденностью, но смерть Па Солта, пожалуй, ранила ее глубже, чем остальных. Теперь, вместе с неутомимым Чарли и своей осуществившейся мечтой о возрождении популяции диких кошек в горной части Шотландии, Тигги почти постоянно улыбалась.

– Боюсь, завтрак будет гораздо тише, чем ужин, – вздохнула Майя.

– Я бы не была так уверена. На нижних палубах уже кипит бурная деятельность. Чарли сидит в бортовом офисе и пишет обзор о лабораторном исследовании крови, или что-то вроде того. Я рада, что не стала врачом: у них нет ни минуты покоя! А где твои?

– Флориано только что пошел за Валентиной. Вчера вечером команде пришлось выделить свободную каюту для нее и маленького Рори. Они настаивали на этом. Рори начал учить Валентину языку жестов, а она, в свою очередь, дает ему уроки португальского... – Майя и Тигги дружно захихикали. – Теперь они как брат и сестра.

Тигги вскинула брови, потом оглянулась и убедилась в том, что прогулочная палуба по-прежнему пустынна.

– Кстати, о братьях и сестрах... – Она покосилась на живот Майи и выразительно усмехнулась.

Майя выдохнула, покачала головой и улыбнулась в ответ.

– Будь вместо тебя кто-то другой, я бы подумала, что ты намекаешь на мой вес. Но, поскольку это ты, то полагаю, вопрос был задан по другой причине.

Тигги пискнула от восторга.

– Я знала, знала! Ты уже сказала им?

– Ш-шш... Да, я сказала Флориано, но не Валентине. Откуда ты всегда все знаешь, Тигги?

Тигги пожала плечами с чрезвычайно довольным видом.

– Ну, давай же. Я всегда отпускала тебя с крючка, даже когда мы были детьми. Я никогда не забуду, как ты сказала Мадлен, что ее кошка родит ровно шестерых котят. И в тот же вечер все исполнилось. Потом, мы слышали от Алли историю о рождении Бэра. Она клянется, что никто из них не был бы сейчас здесь, если бы не ты и Ангелина. Скажи, как ты видишь невидимое?

Тигги посмотрела на океан за кормой «Титана», где огромные яхтенные моторы оставляли на воде белые буруны.

– Это дар предков, – сказала она. – Я *bruja*^[10].

– Постой, ты ведьма? – спросила Майя.

Тигги рассмеялась.

– Ах да, ты же переводчица. Нет, Майя, я не ведьма. Быть *bruja* – значит быть частью духовного наследия.

– Извини, Тигги, – смущенно сказала Майя. – Я не хотела преувеличивать, просто у меня голова так устроена.

– Не стоит извиняться. А теперь слушай внимательно, не то я огрею тебя своей метлой. – Тигги указала на воду. – Когда ты смотришь на океан, то видишь голубизну, воду и волны. Но это лишь часть истории. Ты не можешь видеть, что происходит под ватерлинией, где «Титан» создает течение. Для подводной жизни, для рыб и водорослей, это течение создается непреодолимой внешней силой, источник которой остается неведомым.

Она закрыла глаза, как будто представляла то, что хотела описать.

– Здесь примерно то же самое. Нас окружают силы или энергии, неуловимые или непостижимые для большинства людей. Но я могу кое-что разглядеть. – Тигги открыла глаза и посмотрела на Майю. – Это не волшебство и не магия; все находится перед нами. Просто я знаю, как и куда нужно смотреть.

– Ты невероятная, Тигги. Поэтому я спрошу, кого ты видишь в скором будущем, племянника или племянницу. Кому ты станешь тетушкой?

Тигги изогнула бровь и выразительно посмотрела на сестру.

– Я предлагаю выкрасить детскую комнату в нейтральный цвет, – ответила она и подмигнула.

Из бара наверху вышла улыбающаяся светловолосая стюардесса. Майя бросила взгляд на Тигги, и та покачала головой. Ни одна из сестер раньше не видели эту девушку. Внутренний персонал «Титана» менялся почти ежегодно, и появлялась новая команда молодых стюардов.

– Доброе утро, мисс Деплеси и... мисс Деплеси. Могу я предложить вам кофе? Или, может быть, сока? – робко спросила она.

Майя посочувствовала ей. Она понимала, что обычные завсегдатаи шикарных яхт редко снисходят до вежливого отношения к обслуживающему персоналу.

– Пожалуйста, называйте нас Майей и Тигги, – сказала она. – И я бы предпочла латте.

– Мне то же самое, – добавила Тигги. – С овсяным молоком, пожалуйста!

– Чудесно, сейчас принесу. И еще, шеф-повар спрашивает, подавать ли общий завтрак в одиннадцать часов, как было заказано?

– Да, можно приступать, – ответила Майя. – Я уверена, что аромат бекона и кофе быстро выманит остальных. А если нет, мы спустимся и соберем их.

– Отлично, – сказала стюардесса и направилась в бар.

Майя глубоко вздохнула.

– Знаешь, сейчас все это богатство и роскошь кажутся немного чуждыми. Если честно, я даже чувствую себя неловко.

– Понимаю, что ты имеешь в виду, – согласилась Тигги. – Лично я больше чувствую себя дома в брезентовой палатке посреди лесной поляны.

– Ну, для меня это слишком. Не знаю, смогу ли я долго прожить без бразильской жары. Во всяком случае, я считаю, что мы при любой возможности должны делиться тем, что имеем. В Рио я начала каждую неделю посещать *фавелы* и учить местных детей английскому и испанскому.

– Это здорово, Майя, – тихо сказала Тигги. – В конце концов, твоя жизнь тоже началась в бразильских трущобах.

– Да, это правда. Поэтому я готова предложить любую помощь, чтобы улучшить их будущее. Вряд ли загадочный миллиардер придет

спасать их, как это случилось с нами.

– Папа определенно дал каждой из нас новую биографию. Насколько иной была бы наша жизнь, если бы он не собрал нас со всего света! – Тигги покачала головой и посмотрела на сестру. – Мне так его не хватает, Майя. Я как будто осталась без надежного якоря. С какими бы проблемами я ни сталкивалась, он находил нужные слова, чтобы ободрить меня. Полагаю, у тебя было то же самое?

– Да. Думаю, у всех нас было то же самое.

– Горькая ирония состоит в том, что теперь, когда он больше всего нужен, его с нами нет.

– В физическом смысле – нет. Но, думаю, он остается с нами, – ответила Майя.

Тигги покосилась на сестру.

– Майя, ты собираешься поделиться с *bruja* частицей духовной мудрости?

– Я бы не стала заходить так далеко, но смотри, что мы сделали: мы нашли потерянную сестру. Нам не удалось бы это сделать без его направляющего влияния.

– Он был бы счастлив, если бы узнал, что она едет сюда, – улыбнулась Тигги.

– Это точно.

– Просто... – Тигги положила голову на руки. – Помнишь, что я раньше говорила о способности чувствовать разную энергию, влияющую на нашу жизнь?

– Да.

– Пожалуйста, не считай меня чокнутой, – умоляюще произнесла Тигги.

– Обещаю, Тигги. Я никогда так не думала.

– Хорошо. Ну вот... обычно, когда кто-то из моих знакомых близок к смерти, я чувствую это. Точно так же я могу ощущать новую жизнь, вроде той, которая сейчас растет в тебе. – Майя искренне кивнула. – А после того, как мои знакомые уходили в мир иной, я всегда могла... проститься с ними. То есть с их духом, жизненной силой или как угодно, – прежде, чем они уйдут навсегда. Это очень утешительно для меня и, думаю, для них тоже.

– Понимаю.

– Но, Майя, я так и не почувствовала этого с Па Солтом. Я не ощущала, что он готов покинуть нас, и с тех пор определенно не ощущала его присутствие. Именно поэтому прошедший год был таким трудным для меня. Я так и не смогла попроситься с ним.

– Боже мой. Мне очень жаль, Тигги; должно быть, это было невероятно трудно.

– Да. Он был всем для меня, и я не могу поверить, что он не пришел проститься со мной. – Тигги опустила голову и стала изучать свои руки, как обычно, когда размышляла о метафизических вещах.

Майя напряженно думала, что сказать своей сестре.

– Может быть, это потому, что он знает, как сильно это расстроит тебя, Тигги?

– Может быть. Я начинаю думать, что он послал ко мне Чарли и что именно *это* было его прощальным подарком.

– Это очень похоже на него, – заметила Майя.

– Да. Но в последние несколько недель мне снова стало не по себе.

– С Чарли все в порядке?

– О да, в полном порядке. Просто в последнее время мне вдруг стало очень тревожно за папу. Это очень странно, принимая во внимание, что он умер год назад.

– И правда. Но, Тигги, мне это кажется естественным, если вспомнить, ради чего мы здесь собрались. Уверена, все остальные испытывают сходные чувства.

Тигги немного подумала.

– Наверное, ты права. Извини, Майя, я не хотела нагружать тебя этими духовными делами. Особенно после вчерашнего вечера – кто мог ожидать такого шумного застолья?

– Да уж. Но Джек и Мэри-Кэт были очаровательны.

– Абсолютно. Кстати, Георг вернулся вместе с Мерри?

– Да, он сообщил мне. За столом появилось два новых места. Вчера вечером нас было шестнадцать человек, а сегодня уже восемнадцать.

– Не могу поверить, что все наконец познакомятся с потерянной сестрой. После стольких лет, когда она была лишь частью истории... А сегодня утром она будет пить апельсиновый сок вместе с нами.

– Бедная Мерри. Ей пришлось так много пережить за последнее время. Просто чудо, что Георгу удалось доставить ее на борт. Нам нужно приложить все силы, чтобы в следующие несколько дней она ни в чем не нуждалась.

– Согласна. У нее действительно прекрасная душа, Майя. Хотя я лишь мимоходом встретила с ней в Дублине, но уверена, что она прекрасно впишется в нашу компанию.

Последовала короткая пауза, пока обе сестры размышляли о значении новой пассажирки. Наконец Майя заговорила:

– Было довольно забавно, когда вчера Георг практически убежал с яхты, правда? Мы уже год знакомы с этим человеком, и, кажется, я даже ни разу не видела его вспотевшим. Он был вне себя от желания убедить Мерри, чтобы она присоединилась к нам.

Тигги снова устремила взгляд куда-то вдаль.

– Думаю, у него не было выбора в этом вопросе, Майя. – Она улыбнулась. – Знаешь, у меня такое странное чувство...

Ее перебили голоса, которые донеслись из салона.

– Мой папа говорит, что яхта «Ор Бразил» еще больше этой, – с гордостью сказала Валентина, обращаясь к Рори.

– Ого... А ты знаешь, что такое «Титаник»? – поинтересовался Рори на языке жестов.

Дети вышли на палубу в сопровождении Флориано.

– Ладно, ладно. – Флориано приподнял брови и улыбнулся Майе. – Не думаю, что сейчас нам стоит говорить о «Титанике», мой юный сэр.

– Bom dia, Майя!

– Bom dia, Валентина. Apenas ingles, por favor. На борту мы говорим по-английски.

– Хорошо...

– Спасибо, Валентина, – сказала Тигги. – Некоторые из нас не такие умные, как ты. И, кстати, не такие хорошенькие.

– Прошу вас, тетя Тигги, не балуйте ее, – сказал Флориано. Он приподнял Валентину под мышки и пощекотал ее.

– Другие уже встали, Флориано? – осведомилась Майя.

– Мы постучались во все двери, правда, Валентина? – вмешался Рори. – Потом наперегонки пробежались по яхте и нашли Ма вместе с

Алли и Бэрм на носу. Скоро они придут сюда. А у нас будут сосиски на завтрак?

– Я уверена, что шеф-повар приготовит тебе отдельную порцию, Рори. Это твоя любимая еда? – спросила Тигги.

– Смею сказать, что да, не так ли, старина? – донесся голос из салона, и на палубу вышел Маус, державший за руку Стар.

– Доброе утро, Стар! Доброе утро, папа!

– Привет, Рори. Всем доброго утра. – Стар помахала им. – По пути наверх я столкнулась с Мэри-Кэт. Она сказала, что они с Джеком собираются зайти к маме, и попросила нас позавтракать без них.

– Разумеется, – сказала Майя. – Ты нервничаешь, Стар?

– Да. По правде говоря, сегодня у меня с утра душа не на месте. Во время нашего последнего разговора я разыгрывала глупый замысел Орландо. Теперь мне стыдно за это.

– Не волнуйся, Стар. Когда я встретила с Мерри в Дублине, она дала понять, что все прощено и забыто, – заверила Тигги.

– Уверена, так оно и есть, – добавила Майя и взяла Тигги за руку. – Наступает великий момент, когда шесть сестер примут седьмую.

Мерри

Хотя я проспала только шесть часов, мой сон был глубоким и восстановил силы. В Гиббстон-Вэлли, где наш дом стоял посреди огромного виноградника, ночи были совершенно безмолвными. Единственный недостаток этого покоя состоял в том, что я ужасно спала, когда не находилась в собственной постели. В отелях даже легкие шаги в коридоре могли разбудить меня. Но на борту «Титана» я легко погрузилась в глубокий сон. Лишь когда я встала с кровати и подошла к бортовому иллюминатору, до меня дошло, что мы находимся в открытом море. Даже шум двигателей не разбудил меня. Я открыла крепление иллюминатора, выдвинула стеклянный кружок, насколько это было возможно – примерно на десять сантиметров, – и вдохнула теплый, соленый воздух Средиземного моря, ощущая прилив

новых сил. После смерти Джока я пообещала себе приключение, и вот, оно произошло. Да, это было не мировое турне, которое я представляла, зато я находилась на борту огромной яхты и собиралась обнаружить свою истинную фамильную историю.

Я взяла телефон с прикроватного столика и увидела два сообщения, от Джека и Мэри-Кэт. Оба просили меня сообщить, когда я проснусь. Я ответила, что буду готова встретиться с ними через полчаса, когда приму душ.

После душа с мылом и шампунем я достала из чемодана чистое хлопчатобумажное платье и фен. Стоя перед зеркалом, я вспомнила рисунок угольным карандашом, который показал мне Георг вчера вечером. Не оставалось сомнений в том, что женщина на портрете была мною. Оставалось лишь гадать, какова была история моей родной матери и что заставило ее бросить меня на крыльце отца О'Брайена много лет назад. Я не могла представить ситуацию, которая бы вынудила меня так же поступить с Джеком или с Мэри-Кэт. При мысли об этом у меня по спине пробежал холодок.

Через несколько минут после того, как я выключила фен, послышался знакомый стук в дверь – точно такой же, какой раздавался у двери моей спальни четверть века назад, когда моему сыну снились кошмары и он хотел забраться в кровать ко мне и Джоку.

– Заходи, Джек, – позвала я.

Дверь открылась, и я увидела его добродушное лицо, волнистые светлые волосы и пронзительные голубые глаза.

– Привет, мама! Добро пожаловать на борт славного «Титана»! – Он лучезарно улыбнулся.

– Мама, ты все-таки решилась! Как же радостно видеть тебя! – Мэри-Кэт, одетая в бикини и пляжный халат, последовала за братом.

Я обняла их одновременно и долго прижимала к себе. Хотя мы находились в другом полушарии, посреди огромного моря, в тот момент я снова была дома.

– Ты не представляешь, как я рада тебя видеть, Мэри-Кэт. Садитесь, дети. – Я указала на два кресла, стоявшие по обе стороны от кофейного столика, а сама опустилась на край кровати.

– Скажи, мама, почему ты передумала? Алли сказала нам, что Георг вчера просто умчался с яхты, как будто собирался похитить тебя.

Если он не запихнул тебя в джутовый мешок, то что он сказал, чтобы убедить тебя присоединиться к нам?

– На самом деле это заслуга моего старинного друга Амброза. Ты знаешь, как я доверяю ему. Он знает меня дольше, чем любой другой человек. Он сказал, что я должна ехать, и я послушалась.

– Ну, теперь ты что-то вроде местной знаменитости. Даже больше, чем *настоящая* знаменитость. Ты вообще знаешь об Электре, мама? Она произнесла речь на концерте для Африки сразу после Обамы, и...

– Да, да. Кажется, я читала об этом еще в Новой Зеландии. – Я повернулась к сыну. – Как тебе Алли, Джек?

– Ну, она очень хорошая.

Я удержала его взгляд.

– Кроме того, э-э... у нее есть ребенок.

– Я слышала что-то от Георга, – сказала я. – И как ты относишься к этому? Немного странно, что она не упомянула об этом раньше.

– Ребенок – не проблема. Он – славный малыш, и его зовут Бэр.

Мэри-Кэт толкнула Джека под локоть.

– Но она определенно не замужем, мама. Ты бы только видела эту парочку: прелестное зрелище!

– Ладно тебе, Эм-Кей. Она потеряла отца Бэра около года назад. Как я догадываюсь, она не сказала мне о ребенке, потому что не хотела ранить мои чувства. Ничего, я переживу. Да и в любом случае я здесь не главная достопримечательность, мама! Ты готова выйти и *познакомиться с семьей*?

Я набрала в грудь побольше воздуха.

– Есть еще кое-что, о чем я узнала совсем недавно и хотела бы поговорить с вами. Особенно перед этим великим знакомством.

Ощувив мое волнение, Мэри-Кэт встала, опустилась на кровать рядом со мной и накрыла мою руку своей.

– Разумеется, мама.

Я взяла сумочку и достала письмо Атласа вместе с портретом.

* * *

– Черт побери, мама. Это уже перебор, особенно после того, что тебе довелось пережить за последние несколько недель. Как ты себя

чувствуешь? – ласково спросил Джек и положил руку мне на плечо.

– Сначала мне было нехорошо, но теперь, после крепкого сна, вроде бы стало лучше. Еще я познакомилась с Майлзом...

– Со спутником Электры?

– Да. Он очень рассудительный и сумел успокоить меня. Георг делает копии дневника и, по моему предложению, собирается раздать их остальным сестрам, чтобы они все могли читать одновременно.

– Значит, ты действительно родная дочь Па Солта? – спросила Мэри-Кэт.

– Судя по всему, Атлас – мой отец. И твой дед, Джек.

В комнате повисла тишина, пока мои дети старались переварить услышанное и понять, что это означает.

– Ну да, конечно! – воскликнула Мэри-Кэт, вспомнившая, что она сама была моей приемной дочерью. – Вы оба являетесь его кровными родственниками! – Она провела пальцами по длинным светлым волосам. – Какое-то безумие!

– Боже, неудивительно, что Георгу так не терпелось доставить тебя на борт, мама, – пробормотал Джек. – Ты... мы с тобой потомки Па Солта.

– Да, но разве это подтверждено? – поинтересовалась Мэри-Кэт.

– Ты имеешь в виду анализы ДНК? Это довольно трудно организовать в открытом море.

– В любом случае, не думаю, что сейчас это необходимо. Эта женщина на портрете – твоя точная копия, мама! Ты так и не узнала, что с ней случилось? – спросил Джек.

– Нет. Надеюсь, в дневнике найдутся ответы.

– Ясно. Может, мы побольше узнаем оттуда и об Аргидин-Хаусе в Корке.

Мэри-Кэт указала на потолок:

– Как насчет остальных? Как они отнесутся к этому?

– Не знаю. Важно помнить, что я не стремилась оказаться здесь. Эти девушки в буквальном смысле разыскивали меня по всему миру. – Я обвела взглядом просторную каюту с декоративной люстрой и ореховым изголовьем ручной работы. – И у меня нет желания отобрать у них *все это*.

Джек выглядел удрученным.

– Буду честным с тобой, мама. Я думаю, когда Алли узнает, что я ее племянник, то ее умолчание насчет ребенка покажется детской игрой.

– Не глупи, Джек, – твердо сказала Мэри-Кэт. – Па Солт удочерил Алли, но на самом деле она – дочь музыканта из Норвегии. Между вами нет абсолютно никакой кровной связи. Так или иначе, от себя не убежишь... С тобой все в порядке, мама? Мы можем как-то помочь тебе?

– Да. Вы можете украсть спасательную шлюпку, если остальные шесть сестер решат выбросить меня за борт.

– Это вряд ли, – сказала Мэри-Кэт и положила руку мне на плечо. – Они все чрезвычайно милые люди. Кстати, какой у тебя план? Ты собираешься подняться и просто все рассказать?

– Думаю, мне придется это сделать. – Я вздохнула. – Любое умолчание по этому поводу будет нечестным. Я уже сказала, что никогда не знала Атласа, но для них он был самым близким человеком.

– Знаешь, мама, ты потрясающая женщина. Ты столько пережила, но до сих пор ставишь чужие интересы выше своих.

– Спасибо, Мэри-Кэт. Кстати, твой отец взял с меня обещание, что я устрою себе бурные приключения, если с ним что-то случится. И вот мы здесь. – Мы втроем взяли за руки и немного посидели в тишине. – И мой отец тоже хотел бы этого. Бог знает, но они были едва ли не самыми бескорыстными людьми на свете. Поэтому если я... Если *мы* в силах помочь этим шести женщинам в самый трудный момент их жизни, то мы это сделаем. – Я крепко сжала их руки. – Все уже наверху?

– На самом деле нет. Все сидят за поздним завтраком. Мы сообщили, что присоединимся к ним после разговора с тобой.

– Вот и хорошо. – Я сделала глубокий вдох, хлопнула себя по коленям и встала. – Давайте пойдем и поздороваемся с ними.

Джек и Мэри-Кэт повели меня по коридорам «Титана». С двумя детьми, образовывавшими миниатюрную фалангу вокруг меня, я была спокойна. Что бы ни случилось, они были рядом и защищали меня.

Мы поднялись по центральному трапу мимо огромных гостиных, столовых и офисного отсека, о котором упоминал Георг. Теперь, после отдыха, я могла оценить подлинные размеры этой плавучей крепости.

– Ты готова, мама? – спросил Джек, одарив меня очередной широкой улыбкой. – Осталось только выйти на палубу.

Мое сердце забилось чаще, когда я услышала какофонию голосов. *«Должно быть, так чувствовали себя первые христиане, когда их выпускали на съедение львам»*, – подумала я. Среди остальных я слышала размеренный голос Георга, и это придало мне уверенности, чтобы переступить порог. Мэри-Кэт взяла меня за руку, и мы втроем вышли на палубу.

За столом сидело множество людей, и все лица повернулись ко мне. Джек заговорил первым:

– Доброго утра вам всем! Я хочу познакомить вас с моей мамой, Мэри. Наверное, все уже слышали о ней...

Наступила странная тишина. Я уверена, что она длилась лишь несколько секунд, но мне они показались вечностью. Люди как будто впитывали и переваривали меня, словно мое присутствие было труднодостижимым. Две или три девушки переглянулись и заулыбались. Остальные просто смотрели на меня широко распахнутыми глазами, приоткрыв губы, словно увидели какое-то чудо. Так или иначе, никто не заговорил, так что я решила снять напряжение:

– Всем привет. Меня обычно зовут Мерри, вроде поздравления на Рождество. Если хотите, можете называть меня так.

Из-за нервозности я неосознанно перешла на диалект Западного Корка.

Женщина с густыми каштаново-золотистыми волосами, качавшая ребенка на коленях, встала первой. У меня не было сомнений в том, кто она такая. Ее белая кожа и большие глаза приковывали внимание, тонкие брови и высокие скулы подчеркивали красоту. Я определенно могла понять увлечение Джека.

– Здравствуйте, Мерри. Я... все мы очень рады видеть вас на борту.

– Спасибо. Вы приложили немало усилий, чтобы я оказалась здесь.

В этот момент другая девушка, с карими глазами и волнистыми темными волосами, захлопала в ладоши. Почти мгновенно все остальные присоединились к аплодисментам. Один за другим все поднялись на ноги, и я невольно рассмеялась при виде такого

энтузиазма. Георг, стоявший во главе стола, едва заметно кивнул мне. Увидела ли я слезы, стоявшие в его глазах? Наверное, мне почудилось... Но все лица сияли искренними улыбками, и это человеческое тепло было очень воодушевляющим.

Ко мне приблизилась высокая женщина. На вид ей было около семидесяти. Она была элегантной, с точеными чертами лица и орлиным носом.

– Здравствуйте, Мерри. Меня зовут Марина. Эти девочки, – извините, что я их так называю, – зовут меня Ма. Я ухаживала за ними, пока они росли. Могу сказать, что все здесь рады вашему приезду. Вы осчастливили многих людей и наполнили радостью много сердец, *chérie*.

– Я слышу французский акцент?

– О, у вас тонкий слух! Я француженка, но, наверное, вы знаете, что я живу в Швейцарии.

– Разумеется. Я слышала о вашем замечательном доме на берегу Женевского озера.

– *Oui, chérie!* Вы обязательно должны посетить нас!

Я невольно улыбнулась, зараженная ее энтузиазмом.

– Ладно, Ма! Ради бога, не пугай ее. Если ты будешь продолжать в том же духе, она прыгнет за борт и поплывет к берегу.

Эти слова исходили от статной девушки с кожей цвета черного дерева и гривой курчавых черных волос. Она была так поразительно красива, что я едва не лишилась дара речи.

– Привет, я – Электра. Для меня большая честь познакомиться с вами.

Ее золотисто-желтые глаза уперлись в меня, и я невольно поддавалась очарованию профессиональной фотомодели.

– О, я видела вас по телевизору. Кажется, вы недавно рекламировали духи?

Электра усмехнулась и покачала головой.

– Возможно. Мне жаль, если мое лицо убедило вас потратить деньги, прежде чем мы успели познакомиться лично.

– Ну, я могу подтвердить, что в жизни вы так же очаровательны, как на телеэкране.

– Вы очень любезны. А это моя сестра Сиси. – Электра указала на коренастую девушку с миндалевидными карими глазами и короткой

мальчишеской стрижкой.

– Здравствуйте, Мерри. Позвольте сказать, у вас славное имя.

– О, спасибо, и у вас тоже! Сиси, не так ли?

– Да, сокращенное от Келено, для большей простоты. Впрочем, это имя придумал мой отец.

За спиной Сиси стояла стройная блондинка, немного похожая на Мэри-Кэт. Мы с ней уже встречались в отеле «Кларидж». Наши взгляды встретились.

– Добрый день, Мерри, – робко сказала она. – Я...

– Боже мой! – воскликнула я. – Единственная и неповторимая Сабрина Воган! Забавно видеть вас здесь. А как поживает виконт?

Бледное лицо несчастной девушки залилось краской.

– Я ужасно сожалею, Мерри. Это была глупая идея моего чудаковатого друга Орlando. Он немного эксцентричен.

– Это слишком мягко сказано. Он, безусловно, с большими странностями, а я имею несчастье быть его братом, – чопорно произнес мужчина типично английской аристократической внешности, сидевший за столом.

– Мне не следовало идти у него на поводу. – Блондинка протянула руку. – Если мы можем начать все сначала, меня зовут Стар. Это сокращение от...

– От Астеропы. – Я приняла ее рукопожатие. – Вас назвали в честь Семи Сестер из скопления Плеяд. Это очень красиво.

– Да, вы совершенно правы! Обычно это требует долгих объяснений, – добавила Стар.

– Ну, со мной вам повезло: я писала диссертацию об Орионе, который преследовал Меропу. И не беспокойтесь, леди Сабрина, все прощено. Приятно познакомиться с *настоящей* Стар.

Рядом со Стар появилось еще одно знакомое лицо.

– Еще раз здравствуйте, Мерри, – мягко сказала Тигги. – Рада снова видеть вас.

Она подошла ближе, и мы обнялись. Когда мы встретились в Дублине, ее сдержанная, мягкосердечная манера убедила меня в том, что их семья не хочет причинить вред моей семье.

– Здравствуйте, Тигги, я тоже очень рада, – ответила я.

Тигги удержала мой взгляд и глубоко заглянула мне в глаза.

– Трудно поверить, что вы здесь. Это многое значило для нашего отца. Спасибо вам.

Если бы это был кто-то другой, момент выглядел бы неловким, но спокойная аура Тигги возобладала, и, как и раньше, я ощутила некую связь между нами. Она смотрела на меня так, как будто у нас был общий секрет, недоступный для остальных.

– Полагаю, остаемся только мы, – сказала Алли. – Я – Алли, а это моя старшая сестра Майя. Мы несколько раз беседовали по телефону.

– Здравствуйте, Алли. Джек много рассказывал мне о вас. – Я поискала румянец на ее лице, и он немедленно появился. – Приятно познакомиться с вами, Майя.

– Мы все взволнованы, Мерри. – Голос Майи едва не сорвался. – Извините, это важный момент для нас.

– Могу лишь догадываться. Должно быть, вы все переживаете нелегкие времена, но прекрасно, что вы вместе. – Я обратилась ко всем, включая тех, кто остался сидеть за столом. – В детстве у меня было много родственников, но я много лет не виделась с ними.

– Готова поспорить, что вы проголодались, Мерри. Садитесь за стол, давайте заморим червячка! – воскликнула смуглая девушка такой же комплекции, как Сиси. – Кстати, меня зовут Крисси. Рада познакомиться!

– Я тоже рада. Приятно видеть на борту обительницу моего полушария.

– Знаю, знаю. Хотя с таким акцентом, очевидно, из вас так и не смогли сделать настоящую австралийку...

Я заняла место между Джеком и Мэри-Кэт. Стол был загроможден тарелками со свежей выпечкой, и металлические крышки были сняты с бекона, сосисок, яиц и всевозможных деликатесов. За завтраком меня познакомили с врачом, который был наследником огромного сельского поместья в Шотландии, с бразильским писателем, с благовоспитанным английским джентльменом, который реставрировал дом, плюс к тому я узнала, что в прошлом Крисси была профессиональной пловчихой, потерявшей ногу после несчастного случая.

– Это Майлз, Мерри, – сказала Электра, указав на мужчину, сидевшего рядом с ней.

– Вообще-то мы уже имели удовольствие познакомиться друг с другом сегодня утром.

– Ох. – Электра с деланой свирепостью уставилась на Майлза. – Ты не упомянул об этом.

– А ты не спрашивала. – Он ответил на ее взгляд широкой улыбкой и подмигнул. Я отметила, что это имело обезоруживающий эффект. – Надеюсь, Мерри, вам удалось выспаться?

– Спасибо, просто замечательно. – К тому времени, когда я очистила тарелку, у меня голова шла кругом. – Знаете, это все равно, что оказаться в романе Агаты Кристи, где на борту собрались все интересные персонажи.

– «Убийство на “Титане”», – усмехнулся велеречивый Маус.

Стар цокнула языком и закатила глаза.

– Такая опасность вам точно не угрожает, Мерри.

– Я просто поражаюсь, как Георгу удалось убедить вас, – сказала Сиси.

Я посмотрела на Георга, сидевшего во главе стола. Он устремил взгляд на меня в ожидании ответа.

– Ну... Он рассказал, сколько сил вы потратили на мои поиски и какое ужасное время вы переживаете, – осторожно сказала я. – Он был очень убедителен.

– Да, он определенно умеет убеждать, если хочет, – поддразнила Электра. – В конце концов, он юрист, правда, Георг?

– Вы знаете, что я здесь ради исполнения воли вашего отца. Когда мы подтвердили личность Мерри, я понял, что ваш отец не остановился бы ни перед чем, лишь бы доставить ее сюда, – невозмутимо отозвался Георг.

Сиси снова обратилась ко мне:

– Он должен был сказать вам что-то такое, что изменило ваше мнение, верно? Поскольку мы все понимаем, что вы не хотели приезжать...

– Сиси, – перебила Алли.

– То есть понятно, почему вы не хотели приезжать. Черт возьми, я бы точно не захотела, если бы меня по всему свету преследовала группа незнакомых людей, называющих меня своей *потерянной сестрой!*

Я не знала, добивалась ли этого Сиси, но за столом воцарилась тишина.

– Что изменилось? – продолжала Сиси. – Это все, что я хочу знать.

Я снова посмотрела на Георга. Он обводил взглядом стол, всматриваясь в лица присутствующих.

– Прошу вас извинить мою сестру. Она никогда особо не думает, прежде чем говорить, правда, Сиси? – Стар выразительно посмотрела на Сиси, заставив ее помедлить с дальнейшими вопросами.

– Извините. Возможно, я была грубой. Простите меня, Мерри, но я...

– Что? Не волнуйтесь, я не расстроилась. Можете задавать любые вопросы, – заверила я.

– Думаю, Георг что-то скрывает от нас, – предположила Сиси.

Все дружно повернулись к человеку во главе стола. Это было почти комичное зрелище.

– Рори! Иди сюда, старина. Кажется, ты обещал отвести меня на капитанский мостик, чтобы посмотреть на море, а? – тактично вмешался Маус. – Хочешь с нами, Валентина? Я уверен, что, если мы хорошо попросим, капитан Ганс даст нам порулить.

Дети пребывали в блаженном неведении о напряженной атмосфере, которая быстро сгущалась за столом, и послушно ушли вместе с Маусом, который, как я полагала, сам был рад покинуть застолье.

– Пожалуйста, продолжай, Сиси, – сказал Георг. – Что значит «Георг что-то скрывает»?

– Как вы думаете, что я имею в виду, Георг? Вы без нашего ведома выгравировали координаты на папиной армиллярной сфере. Судя по всему, уже давно. Далее, последние несколько недель вы где-то пропадали, пока мы бегали по всему свету в поисках потерянной сестры. Мы слышали от Майи и Алли о ваших загадочных телефонных звонках. А вчера вы практически убежали с «Титана» и улетели в Дублин, чтобы притащить бедную Мерри на борт яхты, хотя она уже дала понять, что не хочет этого.

Наступила тишина. Мэри-Кэт успокаивающим жестом положила руку мне на колено, пока мы ожидали, что скажет Георг.

– Бог ты мой. Спасибо за искренность, Сиси. Вы все так думаете? Что я скрываю от вас важную информацию?

– Ради всего святого, Георг, – вмешалась Электра. – Вы всегда что-то утаивали от нас. К примеру, смерть Па Солта. Вы молчали до тех пор, пока не состоялись его тайные похороны. Потом появились координаты на армиллярной сфере, письма от Па. Вы всегда знали больше, чем мы, хотя мы вроде бы считаемся его дочерьми. Но мы мирились с этим.

Тогда заговорила Марина, которую здесь называли Ма:

– Пожалуйста, *chérie*, не сердись на Георга. Я не знаю человека, который был бы больше предан своему делу и одному-единственному другу. Поверьте, он любит каждую из вас не меньше меня.

– Спасибо, Марина, все в порядке, – вздохнул Георг. – Я вполне понимаю их досаду.

– Пожалуйста, Георг, не надо думать, что вы должны оправдываться перед нами, – спокойно сказала Алли. – Мы все переживаем, но мы должны почтить память Па Солта именно так, как ему хотелось бы. Особенно после воссоединения с нашей потерянной сестрой.

Она указала на меня, и я послала ей самую одобрительную улыбку, на какую была способна. Но, по правде говоря, у меня в животе запорхали бабочки.

– Извини, Алли, я не хотела выглядеть раздосадованной, – сказала Сиси. – Просто иногда мне кажется, что мы на три шага отстаем от реальности. А ведь *он* был нашим отцом.

– Понимаю, Си. Может, обсудим это попозже?

– Да, конечно. Я извиняюсь перед всеми. И я хотела сказать, как замечательно видеть вас здесь, Мерри. В определенном смысле, мы все выросли вместе с вами. Вы были историей, волшебной сказкой. И вот вы здесь.

– Да. Но все это время я и не знала, что я куда-то пропала! – Я отчаянно старалась разрядить сгустившуюся атмосферу.

– Знаете, я хочу узнать, почему вы вообще *пропали*, – сказала Сиси. Она напоминала собаку, не желавшую отпускать любимую косточку. – Вот что я имела в виду, когда сказала, что Георг что-то утаивает от нас. Может быть, Мерри, он рассказал вам об этом вчера ночью? Поэтому вы и решили приехать? Я просто расстроена, что он ничего не рассказал нам.

– Сиси, что ты делаешь? – с укоризной воскликнула Стар. – Прошу прощения, Мерри.

– Ничего страшного, – спокойно отозвалась я. – Я вполне понимаю причину вашего расстройства, Сиси. Но клянусь, что Георг совершенно точно не говорил мне, почему я считаюсь «потерянной сестрой». И я сама пока что не могу ответить на этот вопрос.

Я вопросительно посмотрела на Георга.

– Девочки, – начал он, – ваш отец был моим клиентом. Пожалуйста, поймите, что я никогда *сам по себе* не утаивал от вас никакую информацию. – Он тяжело вздохнул. – Однако иногда я был вынужден следовать строгим указаниям, оставленным вашим отцом незадолго до смерти. К примеру, для него было очень важно, чтобы все вы могли выбрать, хочется вам или не хочется узнать правду о ваших биологических семьях. Поэтому, хотя я знал о вашем происхождении, я не имел права раскрывать эти сведения. Ма права, я всех вас очень люблю.

Я посмотрела на Чарли Киннарда. Он выглядел так, как будто был готов провалиться сквозь землю. Мне было жаль его. Сейчас он находился не среди британцев, которые скорее попрыгали бы за борт, чем столкнулись с конфронтацией в результате выражения своих подлинных чувств. Но неловкая ситуация никак не повлияла на Флориано и Майлза, которые наблюдали за событиями, как за театральной пьесой.

– Вы должны верить мне: любые тайны, которые при жизни хранил ваш отец, были предназначены для вашей защиты, – продолжал Георг.

– Для защиты? – спросила Стар. – От кого нас нужно защищать?

– Все в порядке, Стар, – примирительно сказала Майя. – Думаю, Георг имеет в виду, что Па хотел гарантировать наше положение после своего ухода.

– Да, – сказал Георг. – Но и при его жизни тоже. Есть причины, почему вы хорошо знали его как отца, но очень мало знали о его жизни за пределами Атлантиды.

Я заметила тревожный взгляд Ма, обращенный к Георгу.

– О чем вы, Георг? – спросила Майя.

Тот покачал головой, словно примирившись с мыслью, что грузовой поезд сошел с рельсов и уже поздно жать на тормоза.

– Я говорю, что никто не был ближе к Па Солту, чем вы, шесть его приемных дочерей. Вы видели его тепло, его доброту и любовь к жизни. Вы все выросли на этом.

– Продолжайте, – сказала Сиси.

– Тем не менее ваше происхождение было необычным. Я знаю, что большинство из вас считает странным решение Па Солта удочерить шестерых девочек со всех концов света. Возможно, вы задавались вопросом, почему он так и не женился, хотя был завидным женихом – добрым, красивым и богатым. Никто не объяснял вам, почему это так, ради вашей безопасности.

– Георг, мы не понимаем, – твердо сказала Алли. – Пожалуйста, перестаньте говорить загадками.

– Во всем в жизни есть причина, девочки. Я лишь пытаюсь объяснить, что, если ваше воспитание или мое поведение были необычными, в этом есть своя логика.

Напряжение за столом приобрело гнетущий оттенок. Я не знала, куда клонит Георг, но подозревала, что скоро мне придется сыграть свою роль.

– Ваш отец создал надежную гавань для семьи, безопасное убежище, где он мог гарантировать ваше благополучие. Поэтому он построил Атлантис – идиллический уголок вселенной, где вы были изолированы от грубой реальности жизни. Здесь он мог заботиться о вас, растить вас и обеспечивать любовью, в которой нуждается каждый ребенок. Поэтому он нанял меня, Марину и Клавдию. Его мир был создан для вас, его детей.

– Георг, – процедила Майя. – Если вы хотите что-то сказать, то давайте, скажите.

– Я извиняюсь. Вам нужны ответы. Что же, начнем с прозвища вашего отца, Па Солта. Все вы так называли его, как и я в вашем присутствии, а также все гости Атлантиса. То же самое относилось к вашим учителям и друзьям... ко всем вокруг него.

– Да, он был просто... Па Солтом, – пробормотала Тигги.

– Да. Такова была его воля.

– Помню, мы много раз спрашивали его об этом, – нахмурилась Сиси. – Он только смеялся и говорил: «Вы знаете, как меня зовут!»

– Каждый раз, когда нам приходилось заполнять официальные бумаги, мы писали «мистер Деплеси», – припомнила Стар.

– Да, так и было. Поэтому я не хочу, чтобы вы испытывали... противоречивые чувства насчет вашего невнимания к этим странностям.

– Боже, – простонала Электра. – Мы даже не знаем, как его звали. Он был самым важным человеком в нашей жизни, а мы не знаем его имени.

– Опять-таки, Электра, вы не должны винить себя в этом. Это был его замысел. Ваш отец с самого начала стремился к этому, – заверил Георг. – Его заслуга в том, что он построил целый мир, в котором вы не сомневались до самого конца.

– Георг, вы пугаете нас. Как его звали?

Георг посмотрел на меня и сочувственно кивнул. Похоже, наступил мой черед. Я набрала в грудь побольше воздуха и собрала с силами.

– Атлас, – сказала я. – Думаю, его звали Атласом.

Все за столом повернулись ко мне. Я смотрела в глаза сестер, жаждавших новых сведений.

– Флориано, Чарли, Майлз, Крисси... Вы не могли бы ненадолго оставить нас наедине? – спросила Майя.

– Ох, конечно же. Мы оставляем вас наедине. Тигги, только позови, если тебе что-то понадобится. – Чарли встал из-за стола и быстро увел всех остальных.

– Все в порядке, мама? – прошептал Джек, наклонившись ко мне.

– Да, спасибо, мой дорогой. Вы с сестрой можете прогуляться, а я справлюсь.

– Уверена? Мы будем на палубе, если понадобится.

Джек и Мэри-Кэт встали и ушли. Остались только сестры, Георг и Марина.

– Извини, Мерри, что ты сказала? – начала Майя.

– Ваш отец. Его звали Атласом.

Сестры смотрели на меня со смесью подозрения и смятения во взглядах. Только Тигги сидела с широкой улыбкой на лице. Я посмотрела ей в глаза, и она одобритительно кивнула.

– Так звали отца Семи Сестер, – сказала Алли, комкая салфетку. – Мы знаем, что папа ничего не оставлял на волю случая, – кивнула Стар.

– Что ж, это решает загадку наших имен, – сказала Майя. – Мы – дочери Атласа.

– Я помню историю о том, что его называли Па Солтом, поскольку от него всегда пахло морем. Он это выдумал? – спросила Электра.

– Честно говоря, не знаю, – ответила Майя. – Я принимала это на веру.

– Мы все так делали, – кивнула Алли. – Но, Мерри, как вы узнали имя нашего отца?

– Он написал мне письмо.

– Письмо?

– Да. Вчера вечером, когда Георг приехал в Дублин и убедил меня присоединиться к вам, он вручил мне пакет. Я открыла его в самолете; там находились письмо и дневник.

Я говорила медленно и осторожно, не желая упускать подробности или оказаться неправильно понятой.

– Письмо было от Па? – спросила Стар.

– Да. Думаю, я не ошибусь, если предположу, что каждая из вас получила письмо от него? – Сестры дружно кивнули. – Вот и я получила. Как вы понимаете, все это сильно действует на нервы... особенно после вашей страстной речи, Сиси.

Я заметила, что некоторые девушки покосились на свою сестру, которая смотрела в пол. Раскрыв сумочку, я достала письмо вместе с копией угольного портрета моей матери. Когда я положила их на стол, мои руки дрожали.

– Пожалуйста, Мерри, не надо нервничать, – успокаивающе произнесла Алли. – Мы просто хотим узнать, что происходит.

– Сначала я хочу показать рисунок. – Я взяла лист и показала его присутствующим.

– О боже, Мерри... – пробормотала Стар. – Я знала, что ваше лицо почему-то кажется мне знакомым. Все остальные помнят, что это за портрет?

– Твою ж мать, простите мой французский! – воскликнула Электра. – Эта штука висела в папином кабинете, сколько я себя помню.

– И это вы! – добавила Сиси. – Вы всегда были на этом портрете!

– Вообще-то это не мой портрет. Но я согласна с вами, сходство поразительное. Вчера Георг подтвердил, что это портрет моей матери.

Когда я впервые увидела его, он пробудил во мне какую-то первобытную эмоциональную реакцию, – призналась я.

– Все эти годы в папином кабинете висел портрет вашей матери... – тихо сказала Майя, обводя взглядом своих сестер. Я ощущала, что они начинают складываться одно с другим.

– В прошлом году я как-то обратила внимание, что портрет исчез из папиного кабинета. Теперь все понятно. – Алли повернулась к Георгу: – Полагаю, вы взяли его и сделали копию для поисков Мерри?

Георг кивнул.

– Интересно, оригинал по-прежнему хранится у вас? – поинтересовалась Сиси.

Георг немного помешкал.

– Да, я знаю, где находится оригинал, – ответил он.

Я снова приняла эстафетную палочку:

– Сказать по правде, я приехала не только ради знакомства с вами, но и ради себя. Я хочу узнать свое истинное происхождение, и эта загадка начинается с вашего отца. – Я покачала головой. – Георг дал мне понять, что о личной жизни Па Солта вам известно так же мало, как и мне.

– Это правда, – пробормотала Электра.

– Он был *вашим* отцом. Он вырастил вас, и вы любили его. Поэтому я надеюсь, что мы будем вместе узнавать о его жизни. – Я извлекла письмо из конверта. – Хотите, чтобы я прочитала его?

Они нетерпеливо закивали.

– «Моя дорогая дочь...»

* * *

Я отложила письмо и обвела глазами сидевших за столом. Тигги подошла и крепко обняла меня.

– Мне казалось, что он где-то рядом, – сказала она. – Но это были вы.

– Никаких трудностей в процессе удочерения, – прошептала Майя. – Вы были *его*...

– Его плотью и кровью, – закончила Алли. – Это поразительно.

– Все это время у него была *настоящая* дочь, – сказала Сиси.

– Это неподходящее слово, Сиси, – произнес Георг назидательным тоном юридического советника. – Вы все его *настоящие* дочери, и он любил вас, как родных. Я искренне надеюсь, что вы согласны с этим.

– Разумеется, – подтвердила Стар.

Наступила пауза, сестры пытались осмыслить услышанное.

– Значит, род Па Солта продолжается, – заговорила Электра. – Потрясающе!

– Думаю, это прекрасно, – рассудительно сказала Тигги. – И ваши глаза, Мерри. Теперь я вижу, что они... папины.

– Боже, а ведь ты права, *chérie*, – сказала Ма, приоткрыв рот от изумления.

– Полагаю, вы стали потерянной сестрой, поскольку что-то случилось с вашей матерью, – сказала Стар. – Должно быть, он потерял вас обеих одновременно. Это так грустно! – добавила она и прикрыла рот ладонью.

– Но он никогда не сдавался, – заявил Георг. – Он всю свою жизнь посвятил поискам. Откровенно говоря, именно поэтому его часто не было дома.

– А я думала, что Па часто отлучался по делам, – сказала Сиси.

– Ваш отец отошел от дел много лет назад. Он заработал свой основной капитал в очень юном возрасте. Со временем его доли росли в цене, проценты накапливались, и он сколотил состояние.

– Чем же он все-таки занимался, Георг? Каждый раз, когда мы спрашивали его, он отделялся расплывчатыми ответами вроде инвестиций и финансов, пока нам не становилось скучно и мы не отставали от него.

Георг посмотрел на меня, и я поняла его намек.

– Атлас доверил мне свой дневник, а в письме попросил меня поделиться с вами его содержанием после прочтения. Однако, несмотря на его указания, я не считаю себя вправе изучать историю жизни Па Солта раньше дочерей, которые с детства знали его. – Я указала на Георга. – Поэтому я попросила изготовить шесть копий. Если вы захотите, мы будем изучать его историю одновременно.

– Спасибо, Мерри, – сказала Алли после небольшой паузы. – Это очень великодушно с вашей стороны.

– Жаль, что мы не можем услышать все это из его уст, – грустно добавила Электра.

– Как я уже говорил, ничего не делалось без причины, – сказал Георг. – Атлас был самым умным человеком из всех, кого я знал. Он хранил тайну происхождения Мерри ради вашей защиты и безопасности.

– Георг, вы то и дело говорите про защиту и безопасность, но я понятия не имею, о чем идет речь, – сказала Майя. – Пока я росла, я ни разу не ощущала никакой угрозы.

– Тогда его план сработал.

– Что за план? Серьезно, я хочу знать ответы! – Я не ожидала, что Майя окажется первой, кто повысит голос.

– Георг, – поспешно вмешалась я, – вы уже изготовили копии дневника?

– Да, Мерри. Они лежат внизу, в надежном месте.

– Не пора ли принести и раздать их? – решительно спросила я. – Думаю, все будут гораздо спокойнее, когда возьмут в руки нечто вещественное.

Нотариус кивнул. Когда он проходил мимо Ма, я заметила, что она взяла его за руку и слегка сжала ее. Оба явно предчувствовали этот момент.

– Эта поездка планировалась для того, чтобы почтить память Па Солта, – пробормотала Электра, опустив глаза. – Вместо этого у меня возникает такое ощущение, как будто мы вообще не знали его.

– Он создал для нас *целый мир*, – сказала Сиси. – Почему мы все воспринимали это как должное? Нас ведь нельзя назвать глупыми, правда? – Ее голос прервался, и она резко задышала, когда потекли слезы. Стар встала и обняла сестру за плечи. – Извините, девочки, просто я устала. Нам всем пришлось быстро повзрослеть в прошлом году. Учиться жить без папы, путешествовать по миру, находить наших кровных родственников – это был настоящий водоворот. Я полагала, что этот вояж станет для нас возможностью попрощаться с прошлым и открыть новую главу. Но знаете, что? Оказалось, что это далеко не все! Я просто устала.

Речь Сиси произвела кумулятивный эффект на остальных. Они явно сочувствовали своей сестре и разделяли ее мнение. Я неловко заерзала на стуле.

– Девочки мои... – начала Ма. – Мои дорогие, талантливые, милые девочки! Мне жаль, что ваша жизнь в последнее время

сложилась так драматично. В прошлом году вы все испытали много горя. Но помните, что были и радостные моменты.

Я заметила, как сестры смотрели на нее. Взрослые люди вдруг снова стали детьми, испуганными и ищущими родительского утешения.

– Знаете, что я думаю? – продолжала она. – Я думаю, что наша жизнь похожа на линию кардиограммы на мониторе. Линия идет то вверх, то вниз. Но о чем это говорит? О том, что вы *живы*, мои дорогие. – Некоторые сестры обменялись улыбками. – Если бы ваша жизнь была скучной и однообразной, то линия была бы ровной. А что это означало бы? Отсутствие жизни, вот что! – Улыбки превратились в смешки. – Поэтому, как видите... лучше испытывать сильные чувства, потому что дни проходят один за другим, как автобусы, снова и снова...

– Па говорил, что для переживания лучших моментов жизни сначала нужно узнать худшие, – заметила Тигги.

– Правильно, *chérie*. Вы скоро узнаете, что ваш отец пережил такие худшие моменты, какие только бывают в жизни. Но потом он испытал лучшие моменты, и все они были связаны с вами, его детьми.

– Значит, вы с Георгом знали о папином прошлом, Ма? – спросила Майя. – Тогда почему вы ничего не рассказывали?

– *Non!* Хватит об этом. Дело не во мне и не в мсье Гофмане, а в вашем любимом Па Солте и том пути, который он подготовил для вас.

– Извини, Ма, – смиренно сказала Майя.

– Я хочу, чтобы вы знали, как я горжусь каждой из вас. Вы встретили события прошлого года с храбростью, мудростью и решимостью, которые бы очень порадовали вашего отца. И я знаю, что вы останетесь терпимыми, умными и великодушными, какими вас воспитывал отец, да и я тоже приняла в этом посильное участие.

Это произвело сильное впечатление на сестер. Судя по тому, что я до сих пор видела, Ма была женщиной, аккуратно выбиравшей моменты для утверждения своего авторитета.

Алли первой нарушила молчание:

– Мерри, я скажу за нас всех. Мы рады и горды, что вы находитесь здесь. Извините, если мы позволяли нашим эмоциям одерживать верх над нами.

– Все в порядке, – заверила я. – Если кто и знает ощущение, когда мир переворачивается вверх тормашками, так это я.

Георг вернулся из салона с высокой стопкой бумаги в руках, на которой лежал оригинал дневника в потертой кожаной обложке.

– Вот шесть копий и оригинал.

Он принялся раскладывать копии перед сестрами и вручил мне дневник.

– Боже, какой огромный, – сказала Стар. – Должно быть, здесь сотни страниц.

Она подняла свою стопку со стола и взвесила на руках.

– Да, это правда, – подтвердила я. – Должна сказать, я уже кое-что прочитала, но совсем немного. Он все еще маленький мальчик, и это необыкновенная история.

– Очень похоже на Па, – улыбнулась Тигги.

– Это еще и просветительский проект. Пожалуй, мне нужно внести Рио в список ближайших визитов.

– Прошу прощения? – Майя наклонилась ко мне.

– Извините, просто мысли вслух. Дневник начинается со встречи вашего Па со скульптором, изготовившим статую Христа Спасителя. Вот так. – У Майи вдруг приоткрылся рот. – Простите, это важно?

– Можно сказать и так, – сказала Алли. – Его ассистент был прапрадедом Майи.

Настала моя очередь для непритворного изумления:

– Вы шутите? Его звали... Лорен?

– Бройли, – пробормотала Майя.

– Бог ты мой, это невероятно. Простите, Майя, я не хотела заранее раскрывать подобные секреты.

– Ничего. Это просто... удивительно. – Майя медленно покачала головой. Девушки за столом обменивались взволнованными взглядами.

– Вот о чем этот дневник? – спросила Электра. – Мы узнаем, почему Па удочерил нас? Правда, Георг?

– Вы должны сами прочитать и все выяснить, – стоически ответил он.

Тигги хлопнула в ладоши.

– Итак, как мы это сделаем? Будем читать вместе?

Майя ответила первой:

– О, нет. Мне понадобится время для раздумий, когда я буду узнавать новое. А вам?

– Думаю, это правильно, Майя, – ответила Алли. – Судя по всему, этот круиз не станет для нас беззаботной прогулкой. Мы будем с головой погружены в историю Па Солта.

За столом раздались согласные возгласы.

– Я читаю не так быстро, как вы, – робко сказала Сиси. – Особенно если меня заставляют читать побыстрее. Из-за моей дислексии слова превращаются в кучу букв.

Она опустила голову и уставилась в пол.

– Ничего страшного, Сиси, – сказала Стар. – Хочешь, будем читать вместе? Я не против чтения вслух: у меня есть большая практика с Рори.

Сиси благодарно улыбнулась.

– Спасибо, Стар, это было бы отлично. Если ты не возражаешь.

– Не глупи. Конечно, я не возражаю.

Алли встала из-за стола.

– Тогда решено. У нас есть три дня; этого будет достаточно, чтобы все узнать.

– В некотором смысле это очень правильно, – сказала Электра. – Мы узнаем, кем на самом деле был Па Солт, когда окажемся на месте прощания с ним.

Майя начала подниматься на вторую палубу. Ее мысли разбегались в разные стороны с тех пор, как Мерри упомянула о Бройли. При чем тут Па Солт? Год назад она совершила путешествие в поисках себя и своего семейного наследия. Фрагменты фамильной головоломки наконец встали на место, и Майя была вполне уверена в своих генах, подаривших ей блестящие темно-русые волосы и гладкую кожу медового оттенка. Но теперь Майя начала понимать, что картина была неполной. Почему Па захотел спасти именно ее? И как ему удалось так много узнать об истории ее семьи?

Майя обнаружила Флориано, с книгой в руке нежившегося в глубоком кожаном кресле в углу библиотеки. Это зрелище вызвало

ощущение пустоты в ее животе. Оно напомнило ей о Па Солте, который любил проводить много времени на борту «Титана» именно в этом месте. Эта комната была его любимым местом на яхте – огромная плавающая библиотека с книжными шкафами ручной работы со всех сторон, наполненными его любимыми книгами. Майя вспоминала бесконечные, беспечальные летние дни, когда она выбирала книги и удалялась на прогулочную палубу, чтобы провести время за чтением под ласковыми солнечными лучами. Она закрыла глаза и вдохнула сладкий, мускусный книжный аромат. Он ничуть не изменился с тех пор, как ей исполнилось десять и она впервые проявила интерес к книгам. Она мысленно перенеслась в прошлое...

– Па, – тихо сказала Майя, не желая прерывать отцовские размышления над «Отверженными» Виктора Гюго. Он посмотрел на дочь.

– Моя дражайшая Майя, тебе нравится наш круиз?

– Да, спасибо, Па. Но я закончила книгу. Можно взять еще одну?

Он сверкнул глазами.

– Разумеется, моя *petite princesse*^[11]! Я буду только рад.

Он встал, взял Майю за руку и подвел к самой большой полке.

– Здесь у меня художественная литература.

– Выдуманные истории?

– Ах, дорогая, выдуманных историй не бывает. Все это когда-то случилось на самом деле.

– Правда?

– Полагаю, да. – Он посмотрел на потрепанный томик «Отверженных». Книжка показалась Майе зачитанной до дыр. – Итак, что бы ты хотела почитать?

Майя подумала над ответом.

– Думаю, историю про любовь. Но не скучную.

– Хм-мм, разумный выбор, да еще и тест на мои библиотечарские способности. Давай посмотрим...

Па Солт провел пальцем по рядам книг, собранных за долгие годы, пока не остановился на одном корешке.

– Ну да, разумеется! – Па снял книгу с полки и улыбнулся, разглядывая обложку. – Это «Призрак Оперы» мсье Гастона Леру.

– Призрак? Звучит страшновато, папа.

– Это романтическое произведение. Уверен, оно тебе понравится. В противном случае я разрешаю тебе столкнуть меня в плавательный бассейн.

Майя рассмеялась, и Атлас протянул ей книгу, но тут его рука застыла в воздухе.

– О, нет! Извини, дорогая, но это английский перевод. Давай я поищу французское издание.

– Ничего, папа, я попробую прочитать по-английски.

– Тогда ты действительно храбрая девочка. Уверена, что мне не стоит искать французский вариант? В конце концов, у тебя каникулы, и нет надобности что-то учить дополнительно.

– Это не похоже на учебу. Мне нравится читать на иностранном языке.

– Хорошо, моя *petite princesse*.

Голос Флориано вторгся в воспоминания Майи.

– С тобой все в порядке? – спросил Флориано, привстав со стула.

– Извини, я задумалась. Где Валентина?

– Ма отвела ее и юного Рори поплавать в бассейне. Иди сюда, посиди со мной. Расскажи, что произошло наверху. Что это за куча бумаги? – добавил он, забрав у нее из рук стопку отпечатанных листов и положив рукопись на дубовый кофейный столик.

Она пересказала ему утренние события.

– *Meu Deus*, Майя. Это неожиданный попорот. Как ты себя чувствуешь?

– Думаю, нормально. Мерри замечательная, и она отлично справляется посреди такого хаоса, который мне даже трудно представить. Она *настоящая* дочь Па Солта.

– А дневник... ты говоришь, что она упомянула имя Лорена Бройли? Возможно ли, что твой Па Солт был знаком с ним?

– Судя по всему, да.

– Тогда зачем тратить время на разговоры со мной? Почему ты еще не читаешь? – Флориано указал на один из диванов с ярко-синей бархатной обивкой посреди комнаты.

– Это может показаться странным, но я немного нервничаю. Как быть, если я обнаружу нечто ужасное и огорчительное? Не знаю, Флориано... Что, например, если наш папа был международным наркобароном?

Флориано положил руку ей на колено.

– Понимаю. Хотя я не думаю, что международные наркобароны восхищаются произведениями Шекспира и Пруста. – Он обвел взглядом комнату.

– Да, но ты знаешь, что я имею в виду, – вздохнула Майя.

– Разумеется. Но если раньше ты шла во тьме без свечи, то в конце пути обрела свет. Поистине, в семье Деплеси не соскучишься по впечатлениям.

– Тут ты прав. Жалеешь, что не нашел себе кого-нибудь с тихой *фазенды* с курятником, дворовой собакой и больной бабушкой?

Флориано рассмеялся.

– Моя дорогая Майя, мне не нужно ничего иного, кроме того, что уже есть. Если помнишь, это я посоветовал тебе вернуться в дом Кабрал и продолжить расспросы. А сейчас я говорю: что бы ты ни обнаружила в этом дневнике, будет важно узнать все обстоятельства связи твоего отца с Бразилией. Что бы подумали мои читатели, если бы я познакомил их с историей, рассказанной лишь наполовину? – Флориано передвинул ладонь на живот Майи, наклонился ближе и прошептал: – Помни, чтобы иметь надежду на будущее, нужно заглянуть в прошлое.

Майя сразу же испытала облегчение. Добродушный нрав Флориано придавал ей уверенность, необходимую для новой встречи с прошлым.

– Кстати, что мы скажем остальным? – спросил Флориано. – Знаю, ты обсуждала это с Алли, но, конечно же, твои сестры начнут спрашивать, почему ты заменила вино на воду?

– Боже! Я хотела объявить об этом после отплытия, но случилось столько всего... Не возражаешь, если мы еще немного подождем.

– Конечно, нет, моя милая. Я готов следовать за тобой. – Он наклонился и поцеловал ее. – И я рад, что наш малыш будет точно знать, кем был его дед.

– *Его*? Почему ты так уверен, что это будет мальчик?

Флориано усмехнулся и пожал плечами.

– Извини, я оговорился. Хотя могу сказать, что было бы здорово заполучить маленького болельщика, который разделит бы со мной страсть к футбольному клубу «Ботафого».

– Согласна. Тогда ты будешь меньше донимать меня своими футбольными страстями.

– О, да. Полагаю, теперь тебя нужно оставить в покое, чтобы ты смогла приступить к чтению дневника?

– Спасибо, Флориано.

– Не за что. Помни, что я рядом, если понадобится.

Он направился к открытой двустворчатой двери и закрыл ее за собой. Майя обвела взглядом пустую комнату, прежде чем подойти к дивану с рукописью в руке. Тишина, нарушаемая лишь ровным тихим гулом двигателей «Титана», располагала к тому, чем она собиралась заняться.

Дневник Атласа

1929 г.

11

*Булонь-Бийанкур,
Париж, Франция*

Мсье Ландовски посчитал нужным выйти из своей мастерской и встретить меня и Эвелин после нашего возвращения из Парижской консерватории.

– Ну, как все прошло? – осведомился он, как мне показалось, с неподдельным интересом.

– Мсье Иван объявил Бо исключительно одаренным и согласился обучать его два раза в неделю, – ответила Эвелин.

Выражение лица мсье Ландовски застало меня врасплох. Его глаза засияли, и он расплылся в широкой улыбке.

– Превосходно! Мои поздравления, мальчик, вполне заслуженные. – Он взял мою руку и энергично встряхнул ее. На моих губах тоже появилась невольная улыбка. Прошло так много времени с

тех пор, как другой человек выказывал интерес к моему благополучию, что я не знал, как реагировать.

– Это добрая весть, – продолжал Ландовски. – С твоего разрешения, сегодня за ужином я подниму тост в твою честь и расскажу семье о твоих успехах.

Я достал из кармана листок бумаги, написал одно слово и протянул мсье Ландовски.

«Деньги?»

– Юный мсье, один творческий человек почитает за честь для себя помогать другому творческому человеку. Мне выпала удача, мои заказы чрезвычайно щедро оплачиваются, и я без колебаний помогу тебе.

«Спасибо, мсье», – написал я, борясь со слезами.

– Тебе известно о *Prix Blumenthal*, мальчик? – Я покачал головой. – Это крупная денежная премия, учрежденная американской благотворительницей Флоренс Блюменталь и ее мужем Джорджем для юных художников, скульпторов, писателей или музыкантов. Я – один из членов жюри здесь, во Франции. Мне всегда было немного... неловко заведовать раздачей чужих денег, но в данном случае я буду рад оказать личное содействие. Кроме того, я уверен, что однажды ты сам сможешь помогать другим. Не забывай об этом, мой мальчик.

Я выразительно кивнул.

В тот вечер все члены семьи Ландовски были искренними в своих поздравлениях, кроме Марсея, который выглядел так, словно наелся кислого крыжовника.

Лежа в постели, я размышлял о том, как мне повезло рухнуть без сил в саду именно этого дома. Я был настолько обессилен лихорадкой и изможден от голода, что просто упал, где стоял, и заполз под ближайшую живую изгородь для укрытия. Если бы эта изгородь принадлежала кому-то другому, то мою участь могла бы решить местная жандармерия. Меня бы отправили в сиротский приют, в работный дом или даже в психиатрическую клинику, ведь я отказывался говорить. Но, разумеется, скорее всего, в ту ночь я бы просто умер под звездным небом Франции. Вместо этого Бел стала моей спасительницей и ангелом-хранителем. Она нашла меня, но было ли это случайностью? Я подумал о Семи Сестрах, моих звездных

блюстительницах. Возможно, это они прислали Бел ко мне и оберегали меня во время моего невероятного путешествия...

Я не сомневался, что члены семьи Ландовски видят некую романтику в образе немого мальчика, найденного под забором, у которого обнаружился талант к игре на скрипке. Вероятно, они сочиняют истории о том, кто я такой на самом деле. Но какой бы вымысел они ни изобрели, правда была более умопомрачительной, чем они могли представить.

Я продолжал напоминать себе, что мастерская Ландовски не является конечным пунктом моего странствия. Я отправился в мир с определенной целью, и она еще не была достигнута.

Я закрыл глаза и подумал о том, что отец сказал мне в тот день, когда я последний раз видел его:

«Сынок... Боюсь, настал момент, когда у меня больше нет выбора, уйти или остаться. Наше положение крайне неустойчиво. Я должен попытаться найти помощь».

Я пал духом, поглощенный неотступной тревогой.

«Пожалуйста, папа! Ты не можешь уйти. Что мы будем делать без тебя?»

«Ты силен, мой мальчик. Может быть, не телом, но духом и разумом. Это будет поддерживать тебя в мое отсутствие».

Я бросился к нему в объятия, и его тепло окутало меня.

«Сколько времени это займет?» – спросил я в промежутках между всхлипываниями.

«Не знаю. Много месяцев».

«Мы не выживем без тебя».

«Тут ты ошибаешься. Если я не уйду, то не думаю, что у кого-то из нас останется будущее. Я поклялся жизнью твоей любимой мамы, что вернусь за тобой... Молись за меня и жди».

Я покорно кивнул.

«Помни слова Лао-цзы: “Если ты не изменишь направление пути, то можешь оказаться там, откуда ты вышел”».

Я перевернулся на живот в надежде, что перемена позы избавит мой мозг от этого воспоминания. Я почувствовал режущую боль в груди и осознал, что так и не снял кошелек, висевший у меня на шее. Возможно ли, что впервые за много месяцев я забыл о его существовании?

Я снял через голову кожаный ремешок и позволил себе заглянуть внутрь. В комнате было темно, но за окном ярко светила луна. Свет заиграл на острых гранях предмета, лежавшего внутри, и я полюбовался на желтовато-белые блики, плясавшие на стенах. Мне было больно думать, что нечто столь прекрасное может причинять столько бед и страданий. Зависть заставляет людей совершать страшные поступки.

Я размышлял о том, каким будет мой следующий ход. Я пересек заполярные пустыни и горные хребты в надежде снова увидеться с отцом. Верил ли я, что он все еще жив? Хотя я признавал, что шансы весьма малы, как я мог прекратить поиски, если зашел так далеко?

Правда заключалась в том, что в доме Ландовски я обрел кров, безопасность, а теперь, после обещания учебы от мсье Ивана, и нечто гораздо большее. Я откинул одеяло, опустил ноги на деревянный пол и подошел к окну. Молочный лунный свет озарял двор внизу, но я смотрел на сияющую небесную сферу, висевшую над нашей планетой.

– *Ты там, papa?*

Я осторожно отворил окно и впустил в комнату прохладный ночной воздух. Я пришел с холода, и мне до сих пор нравилось ощущение бодрящей свежести на коже. Снаружи все было тихо, и я упивался ночью. Я смотрел в ясное небо и искал взглядом своих защитниц. Они были на месте, Семь Сестер из скопления Плеяд. Их присутствие было постоянством; возможно, поэтому я находил в них такое утешение. Как бы ни изменилась моя жизнь, какие бы утраты мне еще ни предстояло вынести, звезды всегда будут там, вечно взирая на землю. Я отметил, что сегодня ночью Майя сияла ярче других, как это всегда бывало зимой.

– Майя, – прошептал я, – что мне делать?

Я каждый раз был преисполнен ребяческой надежды на то, что, раз я продолжаю говорить со звездами, они однажды ответят мне. Когда я закрыл окно и повернулся, собираясь улечься в постель, то зацепился ногой за какой-то предмет и едва не упал. Это был футляр моей скрипки, который я не полностью задвинул под кровать. Мысль об игре на скрипке в консерватории была настолько волнующей, что у меня закружилась голова, и я поспешил забраться под одеяло.

Спрятав кожаный кошелек между ног, я плотно закутался в одеяло. За свою короткую жизнь я успел испытать больше страданий,

чем некоторым выпадает за всю жизнь. Впервые за годы я нашел безопасное место и был окружен благожелательными людьми. Так ли плохо будет провести некоторое время в мастерской Ландовски? Если папа действительно был жив, стал бы он укорять меня за то, что я отложил свои поиски? Скорее, он бы немного гордился достижениями своего сына. Ради избавления от ужасов моей бывшей жизни я пересек опасные границы, подружился со знаменитым скульптором и, самое невероятное, стал учеником прославленной Парижской консерватории. Отцовский голос закрался в мою голову:

«Если ты не изменишь направление пути, то можешь оказаться там, откуда ты вышел».

Да... да. Если сейчас я продолжу свое странствие лишь со смутным представлением о цели поисков, та участь, которой я опасался больше всего, вполне может воплотиться в действительности. Я вернусь к краже еды и питью дождевой воды, уже не говоря о попытках найти крышу над головой. Я сомневался, что мой отец хотел такой жизни для своего сына.

* * *

– Когда у тебя день рождения, мальчик? – осведомился мсье Ландовски, когда Эвелин принесла ему кучу формуляров из консерватории. – В этих документах запрашивается много сведений, которые мне неизвестны. Дата твоего рождения, описание твоего опыта игры на скрипке... и особенно твое имя. – Он издал смешок и покачал головой. – Юный Бо. Знаешь, тебе понадобится фамилия. Ты уже придумал ее?

Я замешкался.

– Такая фамилия, которой ты был бы готов поделиться со мной ради твоего поступления в консерваторию.

Я немного подумал и достал бумагу для письма. Потом стал записывать свои любимые слова: звезды, заря, благосклонность, Плеяды... Это дало мне достаточное количество гласных и согласных букв, чтобы придумать нечто интересное. Я продолжил свой труд, пока мсье Ландовски заполнял формуляры, а потом протянул ему листок:

«Меня зовут Бо Деплеси».

Он вскинул бровь.

– Bravo, юноша. Ты придумал имя, которое хорошо послужит тебе в консерватории. Что касается твоего предыдущего опыта... кто напишет об этом лучше тебя?

Он протянул мне бумаги, и я написал в графе под названием *l'expérience antérieure de l'élève*:

«Никакой технической подготовки и профессионального опыта».

Мсье Ландовски посмотрел на написанное и сказал:

– Боже мой, мальчик, ты *действительно* очень мал! Одна из самых важных вещей в жизни артиста – это умение продавать свое имя. – Он заметил удивление на моем лице. – Только не путай это с высокомерием. Нужно оставаться скромным, но знать себе цену. Вероятно, ты сможешь заговорить после того, как начнешь играть.

Он вернул мне формуляры. Я немного подумал и начал писать:

«Я играл на скрипке с тех пор, как мои руки смогли обхватить ее гриф. Я наблюдал за игрой моего отца и восхищался тем, как смычок танцует на струнах. Он был так добр, что поделился со мной своим мастерством. Сначала я учился играть на слух, копируя одну ноту за другой. Это остается моим любимым методом, хотя другие считают это волшебством. Однако мой отец уделил достаточно времени, чтобы научить меня нотной грамоте, и я стал понимать «естественные гармоник» как отдельный язык. Отец часто говорил, что игра на скрипке улучшает память и концентрацию внимания, а также умственные способности и здоровье в целом. Не знаю, было ли это так полезно для меня, но знаю, что когда я начинаю играть, то время останавливается, и я переносюсь в совершенно иное место. Я танцую на крыльях Вселенной».

Я вернул бумаги мсье Ландовски.

– Кажется, ты еще и поэт, – сказал он. – Скажи мне, кто твой отец? Где он сейчас?

Я покачал головой.

– Что ж, молодой человек, где бы он ни находился сейчас, – в этой вселенной или в следующей, – я уверен, что он гордился бы твоими достижениями. Как и я, если не возражаешь.

Я встретился с его взглядом.

– Юный Бо, я – скульптор. Моя работа – навеки запечатлевать в камне духовную сущность других людей. Заказчик должен *ощущать* мою работу, он должен чувствовать нечто особенное. В этом смысле я научился хорошо понимать, что находится под внешней оболочкой личности. И ты, юный мсье, познал много страданий.

Я вздохнул и кивнул, не поднимая взгляда.

– Разумеется, поэтому я рад принимать тебя в своей семье. Надеюсь, это немного восстановит твою веру в человечество. – Он выглянул в окно мастерской. – Иногда это понимается с трудом, особенно после тех горестей, которые я ощущаю в тебе... но в этой жизни больше хороших людей, чем плохих.

«Вы – хороший человек», – написал я.

– О да, я стараюсь. Хотя у меня будет припадок смертоносной ярости, если Бройли не сможет доставить моего Христа в Рио в целостности и сохранности.

Я невольно хихикнул.

– Это был смех, мой дорогой мальчик? Боже, сегодня мне *и впрямь* повезло. – Ландовски вернулся к заполнению формуляров, присланных мсье Иваном для моего зачисления в консерваторию.

Я вдруг ощутил желание продемонстрировать свою благодарность мсье Ландовски. Его бескорыстие было непривычным для меня, а его желание тратить на безродного подкидыша свое драгоценное время побуждало меня к действию. Несмотря на нервный комок, накопившийся в моем животе, я собрался с духом и открыл рот.

– Спасибо, мсье, – робко произнес я.

Потом я приложил палец к губам и умоляюще посмотрел на него.

– Не волнуйся, мальчик. Твоя благодарность останется между нами. А теперь я попрошу Эвелин отправить эти документы в консерваторию. Мсье Иван предложил начать занятия на следующей неделе. Так что, я думаю, нужно обновить твой гардероб.

14 января 1929 года

Сегодня Эвелин отвезла меня в Париж. Мы прибыли к громадному зданию под названием «Бон-Марше». Я еще никогда не видел такого магазина, где под одной крышей можно было купить еду, мебель и одежду. Эвелин сказала, что это называется универсальным

магазином. Я признателен мсье Ландовски и его семье за то, что мне приобрели коричневые ботинки, блейзер, а также несколько шортов, рубашек, трусов и маек. Раньше мне не приходилось пользоваться услугами портного – джентльмена, который снимает мерки и подгоняет одежду так, чтобы она сидела превосходно. Эвелин велела ему сделать пиджак посвободнее, потому что я быстро расту. Пока мы ждали, когда мастер закончит свою работу, Эвелин любезно купила мне шоколадный эклер в «Grande Épicerie» на первом этаже; это огромный фудкорт, который тянется на целые мили. Потом мы гуляли по набережной реки Сены. Мне казалось, будто я попал в знаменитую картину мсье Сера. После того, как мы забрали одежду и вернулись домой, я побежал в свою комнату, чтобы разучивать музыкальные упражнения для мсье Ивана, ведь мое обучение начнется завтра.

12

– Бо Деспеси! Заходи, пожалуйста. – Мсье Иван поднял худую руку и поманил меня в маленький учебный класс.

Хотя фасад консерватории был очень величественным, учебные классы оставляли желать лучшего. Облезлые обои были покрыты красным фетром для поглощения звука, и воздух был довольно затхлым. Впрочем, меня это не смущало.

– Разреши похвалить тебя за славную фамилию, о которой я узнал после нашей предыдущей встречи. – Мсье Иван провел пальцами по костлявому подбородку. – Весьма необычно.

Я наклонил голову.

– Ах, да! Мальчик, который не разговаривает. Ладно, я не буду тратить время на болтовню, *petit monsieur*. Давай приступим.

Я пошел открывать скрипичный футляр.

– *Non!* Нужно, чтобы инструмент акклиматизировался к помещению. В январе на парижских улицах очень свежо, и он должен согреться. Кстати об этом: смотри и повторяй за мной.

Мсье Иван поднял левую руку и растопырил пальцы.

– Раз, два, сжали! – Он быстро сжал кулак, и я последовал его примеру. – Мы должны повторить это пять раз, обеими руками.

После этого мсье Иван велел положить руки на стол. Потом он предложил мне поднимать каждый палец так высоко, как только можно, и удерживать в таком положении на счет «раз-два». Он явно почувствовал мое замешательство, поскольку это упражнение отсутствовало на уроках с папой.

– *Petit monsieur*, тебе не кажется, что бегун должен проводить разминку перед стартом? Когда мы готовимся к игре, то проявляем уважение к инструменту.

Я кивнул. Лишь через несколько минут разминки для пальцев и запястий мне позволили достать скрипку из футляра.

– Теперь повторяй за мной, пожалуйста, – сказал мсье Иван. Я копировал его трели и этюды, прежде чем мы перешли к гаммам и арпеджио. – Очень хорошо, маленький Бо. Я заметил, что твоя техника улучшилась после нашей первой встречи. Ты занимался?

Я снова кивнул.

– Весьма многообещающе. Эта черта иногда помогает музыканту среднего уровня подняться к величию. Как твой наставник, я буду учить тебя сложным струнным техникам, таким как *вибрато*, мастерство владения смычком и гармонические серии. Я постараюсь скорректировать проблемы твоей техники и буду поощрять тебя к расширению границ музыкальной интерпретации. Ты готов к этому?

Я был более чем готов. В сущности, складывалось впечатление, что сам Бог предложил показать мне врата Царствия Небесного.

Остаток урока был очень утомительным. Мне удавалось сыграть не более нескольких нот, когда мсье Иван останавливал меня и делал замечания насчет аппликатуры, моей осанки или понимания музыки. Это был вихрь увещаний и наставлений, так что я начал задаваться вопросом, зачем я вообще взял в руки скрипку. Когда мне уже хотелось плакать, мсье Иван объявил, что наш первый урок окончен.

– Для первого раза достаточно, мсье Бо.

Я убрал подбородок со скрипичного грифа и бессильно опустил руки со скрипкой и смычком.

– Устал, да? Не беспокойся, это нормально. У тебя раньше не было надлежащих тренировок. Многие наши уроки будут не менее трудными, как для твоего тела, так и для разума. Но обещаю, что с каждым следующим разом будет легче. Увидимся в пятницу, а тем временем прошу тебя научиться расслаблять плечи. Каждый раз, когда

я останавливал твоё исполнение, твоё поза становилась всё более жесткой. Это нехорошо.

«Как мне научиться этому?» – написал я.

– Хороший вопрос. Ты должен попробовать найти «священное место» в своём сознании. Можешь представить момент из своей жизни, когда ты ощущал совершенный покой. Это твоё задание на следующие несколько дней. До пятницы и... спасибо, *petit monsieur*.

Я убрал скрипку в футляр и вышел из класса мсье Ивана. Большинство людей не могли определить, в каком состоянии – радостном или расстроенном, – находится молчаливый мальчик, но Эвелин заметила, что что-то не так.

– Сегодня был трудный урок, дорогой?

Я посмотрел на свои ботинки.

– Ты должен помнить, что мсье Иван не привык наставлять таких юных учеников. Консерватория – это место для студентов, где они занимаются много часов каждый день. Пока я ждала тебя в приемной, то видела студентов вдвое старше тебя, которые приходили и уходили. Сомневаюсь, что он обращается с тобой как-то иначе, чем с ними. – Я посмотрел на Эвелин и улыбнулся. – Должно быть, в свои десять лет ты являешься самым юным учеником консерватории, *chéri*. Это более чем выдающееся достижение.

В течение следующих недель я работал в бешеном темпе. По вечерам я приходил в коттедж Эвелин, где играл гаммы, показывал ей мою осанку и исполнял «Венеру» из «Планет» Холста^[12]. Бедная женщина, должно быть, сто раз слышала эту композицию, но она каждый вечер аплодировала и говорила, что ей нравится больше, чем в прошлый раз. В те дни, когда я не уезжал в консерваторию, я проводил время в мастерской мсье Ландовски. Мсье Бройли находился далеко, на пути в Рио, и я фактически стал новым ассистентом скульптора, который подавал инструменты, варил кофе и слушал восторженные восклицания или раздосадованные выкрики, когда мсье Ландовски работал над своими заказами. В качестве награды мне было дозволено брать книги из его личной библиотеки. Он удостоил меня этой чести однажды вечером после ужина, когда заметил мой жадный взгляд, устремленный на одну из книжных полок. В результате я стал поглощать тома Флобера, Пруста и Мопассана. После того, как я

вернул на место третью книгу за неделю, мсье Ландовски вытаращил глаза.

– Боже мой, мальчик, с такой скоростью чтения мне придется купить целую *Bibliothèque de la Sorbonne*! – Я ответил широкой улыбкой. – Должен признаться, я почти не встречал молодых людей с такой страстью к литературе. Ты разумен не по годам. Ты уверен, что не был сорокалетним странником, обнаружившим фонтан вечной юности?

Мои уроки в консерватории с мсье Иваном продолжались своим чередом, и с каждым разом я все больше привыкал к его манерам.

– Расслабь плечи, *petit monsieur*! Отправься в свое священное место! – Признаться, мне было еще трудно справляться с этим. – Каждый раз, когда я делаю тебе замечание, ты становишь напряженным. Но это уроки, маленький Бо, и ты здесь для того, чтобы учиться!

Ирония заключалась в том, что мсье Иван убеждал меня расслабиться, повышая голос и потрясая руками. Если бы я решился подать голос, то, наверное, закричал бы от досады. Вместо этого я стискивал зубы и продолжал играть. Хотя я раздражался, но определенно не таил обиду на своего учителя. Он не был агрессивным или злым. Он лишь страстно относился к своему ремеслу и хотел, чтобы мое мастерство улучшалось. Мое собственное раздражение тоже происходило от стремления к совершенству. Каждый вечер я доводил себя до седьмого пота, пока разучивал все, что узнавал от мсье Ивана. Я исходил из того, что благодаря моему упорному труду его критика постепенно сойдет на нет.

Через несколько недель мсье Иван разрешил мне без перерывов исполнить сольную партию.

– Хорошо, Бо. Твое *legato* стало лучше. Это прогресс.

Я слегка поклонился.

– Итак, поскольку я не думаю, что ты сможешь сделать это самостоятельно, давай составим список вещей, которые радуют тебя. Потом, когда ты будешь обижаться на мои замечания, сразу думай об этих вещах, и напряжение исчезнет. Садись. Пожалуйста. – Он указал на табурет, стоявший у стола рядом с его стулом. – Молодой человек, у тебя такой вид, как будто ты держишь весь мир у себя на плечах.

Я замер, ошеломленный подозрением, что мсье Иван каким-то образом узнал мое настоящее имя. Он уже определил, что мы с ним происходили из одной части света. Что еще он мог узнать? У меня свело живот, когда я подумал о последствиях.

– Это нехорошо, Бо. Даже великий скрипач не в состоянии играть, когда на него давит такая тяжесть. Поэтому мы вместе попробуем снять этот груз.

Я понял, что его аналогия была обычной случайностью, и мое сердце забилось медленнее. Я опустился рядом с ним и достал писчую бумагу.

– Хорошо, давай составим наш «список радостей».

Мое перо застыло над бумагой, и мсье Иван усмехнулся.

– Ладно, начнем с меня, – сказал он. – Что меня радует? Ах, да... «Хорошая водка», – написал он. – Вот так, теперь твоя очередь.

Я продолжал колебаться.

– У тебя есть друзья, *petit monsieur*?

«Ландовски», – написал я.

– Да, а кроме членов семьи?

«Я не хожу в школу и не встречаюсь с другими детьми».

– Хм-мм, дельное замечание. Когда я мысленно возвращаюсь к тому, что меня радовало в десятилетнем возрасте, то думаю о своих школьных друзьях. Мы целыми часами безобразничали на московских улицах. – Мсье Иван сложил руки на груди своего жилета и откинулся на спинку стула. – Мы играли в снежки и строили снежные крепости. Но сейчас у тебя нет такой возможности.

«Скрипка, книги», – написал я.

– Да, это замечательные вещи, но они способствуют уединению. Когда я предлагаю тебе отправиться в «священное место», они не помогают. Тебе нужны *впечатления*, молодой человек. Посмотрим, смогу ли я устроить так, чтобы ты проводил какое-то время со сверстниками. Мой бывший ученик несколько раз в неделю посещает сиротский приют «*Apprentis d'Auteuil*» и играет для детей на скрипке. Я свяжусь с ним и спрошу, можешь ли ты присутствовать на этих мероприятиях в те дни, когда ты приезжаешь в Париж. – Он заметил мой перепуганный взгляд. – Не надо так пугаться, *petit monsieur*! Чего ты боишься? Что тебя самого отправят в сиротский приют?

Я энергично закивал, и мсье Иван рассмеялся.

– Можешь не волноваться на этот счет, молодой человек. Я часто беседую с мсье Ландовски и знаю, как он ценит твое присутствие в своем доме. Ну как, договорились? – Я упрямо покачал головой. – Ба! Можешь поверить мне на слово: жизнь происходит в общении с другими людьми, и нет худшего наказания, чем одиночество. Я действую в твоих интересах.

Я смотрел в окно, но мсье Иван продолжал:

– Кроме того, эти молодые люди остались без родителей и рано познакомились с жизненными тяготами, как и ты. Я считаю, что тебе будет полезно проводить время с ними. – Когда я не отреагировал, он вздохнул. – Ну, хорошо. Если ты согласишься, я обещаю воздерживаться от критики в течение целого урока, и ты сможешь играть все, что захочешь. Это редкая возможность. Со старшекурсниками я не позволяю себе идти на такие послабления. Ты согласен?

Я чувствовал, что отказ от его предложения невозможен, и молча пожал протянутую руку.

– Превосходно. Я позвоню мсье Ландовски и получу его разрешение, потом свяжусь со своим бывшим учеником. *Merci, petit monsieur*. Увидимся во вторник.

– Боже мой, мальчик! Даже не говоря об остальном, эти визиты только усилят твою благодарность мсье и мадам Ландовски.

Эвелин не ошиблась в своей оценке сиротского приюта «*Apprentis d'Auteuil*». Он имел поистине готический вид с прогнившими оконными рамами и замшелой кирпичной кладкой. У железных ворот нас встретила высокая, костлявая женщина по имени мадам Ганьон, которая впустила нас внутрь и провела по бетонному переднему двору.

– Я оказываю эту услугу лишь по просьбе молодого мсье Будена. На самом деле у нас нет времени следить за дополнительным ребенком. Известно ли вам, мадам, сколько сирот у нас собралось после великой войны? У меня не осталось даже квадратного дюйма свободного места.

– Мадам Ганьон, я знаю, что мсье Ландовски и мсье Иван чрезвычайно благодарны вам за то, что вы разрешили Бо проводить немного времени вместе с этими детьми.

– Не знаю, что хорошего это может дать мальчику. Он не говорит, поэтому я не смогу понять, какую пользу ему принесет наша игровая площадка.

– Мадам Ганьон, мсье Ландовски просил передать, что он собирается внести вклад в содержание приюта.

– Пусть будет так, мадам, если это очистит его душу. Многие парижане, страдающие от угрызений совести, делают пожертвования, которые пока что позволяют нам держать двери открытыми и кормить детей. Если бы мсье Ландовски действительно хотел внести вклад, он считал бы уместным обеспечить некоторых детей любящими приемными родителями.

При этих словах Эвелин сердито нахмурилась и указала на меня. Мадам Ганьон приподняла брови.

– Ну что ж, детям пора выходить на свежий воздух. Они пробудут здесь только час, так что я прошу вас вернуться вовремя, мадам Эвелин. После отдыха и игр я выведу мальчика за ворота, и он больше не будет у меня на попечении.

– Понимаю, мадам Ганьон, – сказала Эвелин.

Костлявая женщина повернулась на каблуках и вошла в приют. Массивная деревянная дверь захлопнулась со стуком, от которого по двору раскатилось гулкое эхо.

– Бог ты мой! Не мне судить эту женщину, Бо; у нее трудная работа, но мне кажется, что у нее в жилах течет не кровь, а раскаленная лава. Все же я верю, что дети, за которыми она ухаживает, окажутся приветливее. Помни, я отлучусь только на час. Постарайся интересно провести это время, *cheri*. Хочешь, я возьму это?

Эвелин взялась за футляр со скрипкой, который был у меня в руках после недавнего урока с мсье Иваном. Я рефлексивно вцепился в него. Это была моя самая большая ценность, и мне пришлось бороться с мыслью, что Эвелин хочет отобрать ее у меня.

– Хорошо, Бо. Можешь оставить скрипку при себе, если хочешь.

Двери «*Apprentis d’Auteuil*» снова распахнулись, и дети высыпали на передний двор.

– Ну и ну. – Эвелин покачала головой. – В некоторых зимних пальто больше дырок, чем в швейцарском сыре. Удачи тебе, маленький Бо. Скоро увидимся, – добавила она и вышла через железные ворота.

Я часто гадал, что чувствовали древние рабы, когда ждали выхода на арену многолюдного римского Колизея, где им предстояло встретиться со львами. Теперь я знал.

Разница в возрасте поразила меня. Некоторых обитателей приюта едва ли можно было назвать детьми, в то время как другие были не более двух-трех лет от роду, и их выводили за руку. Передний двор быстро заполнился людьми, и на меня стали бросать подозрительные взгляды. Некоторые дети доставали мелки из карманов и начинали рисовать квадраты на земле. Другие перебрасывались старыми резиновыми мячами. Я просто стоял посреди этой бурной деятельности и оглядывался по сторонам, не представляя, что делать дальше.

По правде говоря, я никогда не ходил в школу, поэтому не привык к общению с другими детьми. Разумеется, кроме одного человека: мальчика, который был моим лучшим другом, которого я любил как брата... мальчика, от которого я сбежал. Это из-за него я исчез за снегопадом в худший день моей жизни. По моей спине пробежал холодок, когда я подумал о возможных последствиях нашей следующей встречи. Он поклялся убить меня, и, судя по его суровому взгляду тем ужасным утром, у меня не было причин сомневаться в этом.

– Кто ты такой? – Мальчик с угловатым лицом, в поношенной вязаной шапке остановился передо мной.

Я достал бумагу из кармана и начал писать.

– Что ты делаешь? – осведомился другой мальчик с густыми темными бровями. – Он задал тебе вопрос.

«Привет. Меня зовут Бо, и я не могу говорить». – Я развернул листок перед собой.

Мальчишки прищурились. До меня вдруг дошло, что я был самонадеянным в своем предположении, что все вокруг умеют читать.

– Что там написано, Морис? – спросил мальчик в шапке.

– Там написано, что он не может говорить.

– Какой тогда толк от него? На что ты годен? – Я отчего-то почувствовал, что этот вопрос не имеет отношения к жизненной

философии моего соотечественника Достоевского. – Отчего умерли твои родители?

«Я всего лишь посетитель», – написал я.

– Не понимаю. Зачем ты решил посетить эту помойку?

«Хочу с кем-нибудь подружиться», – добавил я.

Мальчишки рассмеялись.

– Подружиться? Ты что, клоун из цирка? А это что такое?

Тот, которого звали Морис, схватил мой скрипичный футляр. Меня захлестнула волна паники. Я энергично затряс головой и умоляюще сложил руки.

– Скрипка, да? Зачем ты принес ее сюда? Кем ты себя возомнил – этим щеголем Буденом?

– Похоже на то, Жандрет. Только посмотри на его одежду. Похоже, он считает себя модным мальчиком, а?

– Думаешь, это смешно? Пришел сюда посмеяться над теми, у кого ничего нет?

Я продолжал качать головой и опустился на колени в надежде, что они поймут мое отчаяние.

– Притворство тебе не поможет! Давай-ка посмотрим, что тут внутри.

Жандрет стал открывать футляр. Мне как никогда сильно захотелось закричать на них, испугать или попросить вернуть мою скрипку. Но я знал, что не могу привлечь к себе внимание.

– Дай сюда, слабак. – Морис вырвал футляр из рук Жандрета и стал дергать застёжки, пытаясь оторвать их. Вскоре ему это удалось, и он бросил металлические пряжки на пол. Потом Жандрет жадно распахнул футляр и извлек мой драгоценный инструмент своими грязными короткопалыми руками.

– Только посмотри на это! Еще красивее, чем у Будена. Как думаешь, Жандрет, попробуем продать ее?

– А ты знаешь того, кто может хорошо заплатить за такую штуку и не сообщить в жандармерию о торговле краденными вещами?

– Да, ты прав. Сдается мне, это хорошая возможность задать небольшой урок нашему *мсье моднику*.

Жандрет поднял скрипку над головой. Я закрыл глаза и приготовился услышать треск дерева, ломающегося о бетон. К моему удивлению, звука не последовало.

– Что ты тут творишь, гнусный крысеныш?

Я открыл глаза и увидел светловолосую девушку, схватившую Жандрета за руку.

– Ой! – крикнул он. – Отвяжись от меня! – Но девушка лишь усилила хватку. – Ох!

– Ты вернешь ему инструмент, Жандрет, а не то я скажу мадам Ганьон, что вы двое вскрыли кладовку и украли бисквиты.

– У тебя нет доказательств, ябеда!

– Думаю, крошек под твоей кроватью будет достаточно, Морис. – Девушка указала на дверь, где мадам Ганьон курила сигарету и наблюдала за младшими детьми. – Если я сейчас побегу к ней и расскажу, она тут же проверит, и ты знаешь об этом.

Морис и Жандрет обменялись взглядами.

– Зачем тебе этот червяк? Разве ты не видишь, как он богато наряжен? У него водятся деньги, и он пришел сюда поиздеваться над нами.

– Не все на свете хотят унижить тебя, Морис. Жандрет, отдай ему скрипку.

Жандрет помедлил, и девушка закатила глаза.

– Ладно, как хочешь. – Она повернулась к зданию и повысила голос: – Мадам...

– Ладно, ладно, – вмешался Жандрет. – Вот. – Он вырвал руку из ее хватки и вручил мне скрипку. – Тебе всегда нужны девчонки, чтобы постоять за себя? – прошипел он.

– Довольно! – сказала моя спасительница. – Бегите отсюда, глупцы.

Морис и Жандрет неохотно отступили, но последний лягнул сломанный футляр от моей скрипки, отлетевший в сторону. Девушка пошла за футляром и вернула его мне. Я сидел на земле и баюкал скрипку, словно больного щенка.

– Извиняюсь за них. Я бы не стала принимать это близко к сердцу, они гадко ведут себя со всеми. Давай я помогу тебе.

Она стала собирать бумажки, которые разлетелись в стороны, пока я препирался с мальчишками. Потом посмотрела на верхний листок.

– Ты не можешь говорить? – Я покачал головой. – Боже, а я удивилась, почему ты не кричал. Как тебя зовут?

Я быстро перебрал листки и нашел нужный.

– Бо?

Я кивнул, и девушка залилась смехом. Звук был таким приятным, что мне показалось, будто мое сердце вот-вот остановится.

– Мне нравится твое имя, Бо. Зачем ты носишь скрипку?

Я пожал плечами и невольно улыбнулся. Потом достал ручку из кармана и начал писать.

«Как тебя зовут?»

– Да, извини. Меня зовут Элле. Рада познакомиться, Бо.

* * *

20 марта 1929 года

Мсье Иван настоял на том, чтобы я присоединился к играм в сиротском приюте «Apprentis d’Auteuil» и получил ценный опыт восприятия от общения с другими детьми. Он думает, что если я заведу друзей, то мировое бремя будет снято с моих плеч и я стану лучшим скрипачом. Я уважаю его волю, и в последние несколько дней я ездил туда на ланч по вторникам и на вечерние прогулки по пятницам. Я благодарен за новые переживания и понимаю, как мне повезло попасть в щедрую семью Ландовски. Многие дети из приюта потеряли родителей во время Великой Войны. По правде говоря, мне довольно трудно знакомиться с другими людьми. Я не могу крикнуть, чтобы мне кинули мяч, или распевать стишки во время игры в классики. Тем не менее я решительно настроен стать скрипачом-виртуозом, поэтому буду продолжать. В «Apprentis d’Auteuil» я познакомился с девушкой, которая мне очень понравилась. Ее зовут Элле, и ей все равно, что я не могу говорить. Она гораздо больше интересуется музыкой и несколько раз просила меня поиграть на скрипке. Признаюсь, я еще не набрался храбрости для этого, но не из страха перед другими детьми (хотя, по моему опыту, это обоснованное беспокойство). Я так боюсь разочаровать ее, что замираю от тревоги. Ее золотистые волосы и голубые глаза наводят меня на размышления об ангелах, а мысль об исчезновении ангела невыносима для меня.

Я отложил ручку. Записывать свои чувства в *официальном* дневнике едва ли было уместно, если супруги Ландовски решат ознакомиться с его содержанием. Поэтому я перешел на тайные страницы, которые вы читаете сейчас. Если еще не ясно, то ужасы «*Apprentis d'Auteuil*» меркли перед возможностью проводить два часа в неделю в обществе Элле Лепэн.

За краткое время нашего знакомства я узнал, что она немного играет на скрипке и флейте. Инструменты принадлежали родителям Элле и остались единственным напоминанием о них. Ее родители погибли во время войны. Отец Элле сгинул в траншеях, а мать умерла во время вспышки испанки в 1918 году. Сейчас ей двенадцать лет, и она не помнит своих родителей. Наверное, тяжелее всего мне было узнать, что у Элле был младший брат, которому исполнилось лишь несколько недель, когда умерла ее мать. Приют смог организовать его быстрое усыновление, поскольку тогда существовал высокий спрос от семей, потерявших во время войны собственных детей. А Элле не повезло: она уже одиннадцать лет жила в «*Apprentis d'Auteuil*».

Когда я находился рядом с ней, то не мог думать ни о чем другом. В такие моменты я не размышлял о своем прошлом, о пережитой боли и страданиях. В этом смысле она была похожа на музыку, переносившую меня в иные миры. Боже мой, кем я себя возомнил – лордом Байроном?

По правде говоря, его поэзия тяжеловата для меня. Но теперь она вполне соответствует моим душевным устремлениям. Стыдно сказать, но после знакомства с Элле меня мало волнует все остальное. Мои вечерние визиты к мадам Эвелин отошли на второй план, как и книги, которые я беру у мсье Ландовски. Даже скрипичные уроки с мсье Иваном теперь приобрели второстепенное значение. Мои поездки в Париж дважды в неделю теперь полны не восторгами от уроков в консерватории, но предвкушением от встреч с моей новой подругой.

Мне известно об эффектах «любви» и о том, что она может сотворить с человеческим разумом. Из литературных сочинений я узнал, что даже самый устойчивый мозг может лишиться всякой логики и рассудка. Но, несмотря на это знание, мне все равно.

Элле сказала, что она дважды прочитала все книги из приютской библиотеки. Поэтому я стал приносить ей романы из собрания мсье

Ландовски. Если это не свидетельствует о временной утрате здравомыслия, то не знаю, что и сказать. Книги не принадлежали мне, чтобы одалживать их, и мне страшно подумать, что скажет мсье Ландовски, если узнает о моей проделке. Но я не могу остановиться; желание угодить Элле превосходит любые возможные последствия моих поступков. Когда она заканчивает книгу, мы совместно обсуждаем прочитанное (я пользуюсь словом «обсуждение» в вольном смысле: она говорит, а я пишу). Поразительно, но она часто знает, что я хочу сказать, прежде чем мое перо прикасается к бумаге.

Завтра вторник, и я надеюсь, что Элле закончит читать «Призрак Оперы». Я краснею, когда думаю об этом, поскольку в романе идет речь об одаренном музыканте, который пытается завоевать сердце прекрасной и недостижимой женщины своими талантами. Мне нравится думать, что у меня есть существенное преимущество, поскольку мое лицо не обезображено, как у Призрака. Хотя должен признать, что, если я хочу произвести впечатление на Элле, мне придется наглядно продемонстрировать ей свое музыкальное мастерство.

Я убрал дневник и забрался в постель. В тот вечер я исполнил для Эвелин особенно трудный набор арпеджио; я играл с закрытыми глазами и представлял нежное лицо Элле. Я перевернулся на живот и снова ощутил режущую боль в груди. Мысль о том, что я все чаще стал забывать о заветном кошельке, висевшем на шее, начинала тревожить меня. Дни сменялись неделями, и становилось все проще забывать, кто я такой и почему нахожусь здесь.

* * *

По пятницам мне разрешали заходить в «*Apprentis d'Auteuil*» и отправляться в общую залу на втором этаже вместе с другими детьми. Мы с Элле устраивались на скамье у окна и смотрели вниз, на улицу Жана де Лафонтена.

– Не могу поверить, что Кристина была по-настоящему счастлива с Раулем! – Элле имела в виду роман Гастона Леру. – Музыка – ее страсть, и только Призрак понимает это. А Рауль – просто зануда. Он всего лишь... богатый и симпатичный.

«Но Призрак – убийца!» – написал я в ответ.

Элле рассмеялась.

– Тут ты прав, Бо!

«Кого бы ты выбрала?»

Она смотрела на меня, и ее голубые глаза как будто проникали мне в душу.

– Хм-мм, – задумчиво протянула она. – Богатый зануда или интригующий убийца? Может быть, это прозвучит безумно, но я бы попытала удачу с Призраком. Полагаю, лучше короткая и страстная жизнь, чем долгая и скучная.

«Ты очень умная».

– Нет. Думаю, ты перепутал меня с собой, Бо: это ты очень умный. Ты не разговариваешь, но можешь в одном предложении передать то, что я бы объясняла целыми часами.

«Это необходимость».

– Правда? – Она улыбнулась и выглянула в окно. – Иногда кажется, будто ты хочешь заговорить.

Мой живот завязался в узлы. Слова уже готовы были сорваться с моих губ, когда она спросила:

– Почему ты до сих пор не играл для меня на скрипке, Бо? Обещаю, что Морис и Жандрет больше не посмеют приставать к тебе.

«Ты тоже не играла для меня...»

– Я всего лишь любительница и самоучка, которая упражнялась по книгам. По правде говоря, я даже не знаю, есть ли у меня какие-то способности! Мне было бы стыдно играть перед тобой, ведь ты ученик мсье Ивана!

«Я еще не достиг совершенства», – написал я.

– Никто не может достичь совершенства, но тебе дают уроки в Парижской консерватории. Я не знаю никого из наших сверстников, кому удалось бы поступить туда. Сама мечтаю однажды попасть в консерваторию, но... – Она обвела рукой комнату. – Как я смогу найти деньги на обучение?

Элле опустила голову, и в тот момент я почувствовал, что мое сердце разрывается пополам.

«Однажды ты сделаешь это».

– Спасибо, но сомневаюсь, что это возможно. Я даже не представляю, что будет, когда меня выпустят отсюда, не говоря уже о

приеме в консерваторию.

В глазах Элле заблестели слезы. Мне как никогда сильно хотелось заговорить и утешить ее, заверить в том, что я – живое доказательство безграничных возможностей. Но я воспротивился этому желанию.

У меня появилась идея.

Я быстро развязал веревочки, которые удерживали мою скрипку в сломанном футляре, и поднес инструмент к подбородку. Потом взял смычок, закрыл глаза и заиграл бетховенскую «Сонату № 9». Я играл для Элле и ощущал, как мое исполнение совершенствуется, как повышается значение каждой ноты. Когда я оторвал смычок от струн, то осмелился открыть глаза, чтобы увидеть ее реакцию.

Элле смотрела на меня широко распахнутыми глазами. Она больше не плакала.

– Бо... это было невероятно. Я знаю, что твой талант убедил самого мсье Ивана, но все-таки...

Я опустил голову. Адреналин курсировал по моим жилам, и понимание того, что мое исполнение возымело желаемый эффект, наполняло меня восторгом. Внезапно до меня дошло, что моя аудитория далеко не ограничивалась Элле. Я медленно повернулся и увидел целое море потрясенных лиц, обращенных ко мне. Брови мадам Ганьон, стоявшей у дальней стены, взлетели так высоко, что, кажется, могли оторвать ее от пола. К моему изумлению, она медленно вскинула руки и зааплодировала. Остальные понемногу присоединились к ней, и вскоре я услышал настоящие овации. Даже Морис и Жандрет, хотя они и не хлопали, удивленно таращились на меня. Должно быть, Элле поняла мое смущение, поскольку она взяла меня за руку, и это был едва ли не самый сладостный момент в моей жизни.

Аплодисменты стихли, и мадам Ганьон решила похвалить меня:

– Bravo. Несмотря на свой возраст, похоже, ты заставил бы мсье Будена побегать за деньгами.

– Видишь, – прошептала Элле, – ты отлично справился. – Она поцеловала меня в щеку. – Спасибо тебе, Бо.

Я моментально залился краской и попытался скрыть замешательство, убирая скрипку в футляр.

«Когда я услышу твою музыку?» – написал я.

– Думаешь, мне захочется играть после *этого*? Это все равно что новорожденный младенец, читающий Шекспира.

«Я был бы очень рад».

Элле спрятала улыбку в ладонях.

– Ах! Ну, ладно. Я потренируюсь в выходные и буду готова, когда ты придешь в следующий вторник. По крайней мере, ты сможешь посоветовать мне что-нибудь дельное.

Когда Эвелин вернулась за мной, мадам Ганьон проводила меня до ворот и рассказала о случившемся.

– У него большой талант, и мы рады видеть его здесь.

В автобусе по дороге домой Эвелин ощутила мое восторженное настроение.

– Не могу поверить, что ты играл для детей! Это фантастическая новость, Бо. Я знаю, как обрадуется мсье Ландовски, когда узнает о твоей растущей уверенности.

Разумеется, Эвелин не могла знать, что мое исполнение предназначалось не для детей, а только для одной девочки, которая быстро меняла направление моей жизни.

Во вторник, когда я вернулся в «*Apprentis d'Auteuil*», Элле взяла меня под руку и велела следовать за ней. Мы пересекли передний двор; к моему удивлению, мадам Ганьон открыла дверь и разрешила нам войти.

– Она разрешила мне играть одной в общей комнате. Мне слишком неудобно устраивать представление для всех, как недавно сделал ты.

Мы быстро прошли по коридорам. Элле тащила меня с такой силой, что мне приходилось бежать трусцой, чтобы поспевать за ней. Когда мы пришли, я устроился на одном из старых стульев, где кожаная обивка протерлась до металла. Элле достала и быстро собрала свою флейту.

– Я решила, что буду играть Дебюсси, «Полуденный отдых фавна». Пожалуйста, не надо слишком резко критиковать мои способности, у меня никогда не было профессионального учителя.

Мне не верилось, что самое прекрасное человеческое существо на свете собиралось устроить личный концерт для меня.

– Я начинаю. – Она поднесла флейту к губам и сделала глубокий вдох.

Мне стало ясно, что она была одаренной исполнительницей. Но самым удивительным было то, что Элле научилась играть по книгам. Наверное, мне бы такое не удалось. И ее причина для выбора инструмента была благороднее моей. Это было данью уважения к ее потерянным родителям, способом связаться с ними, хотя их больше не было рядом.

Я закрыл глаза. Резонанс зала в старинном здании гарантировал приятное звучание. Тем не менее я заставил своего внутреннего «музыкального критика» оценивать технические особенности исполнения Элле, как она и просила. Я отметил ее неровное дыхание и поспешную игру, а потом взялся за перо.

«Расслабься». – Я показал ей записку.

Она прочитала мое сообщение и убрала флейту ото рта.

«Помни, я всего лишь десятилетний мальчишка!» – добавил я.

К моему восторгу, она рассмеялась и кивнула. Потом снова набрала побольше воздуха и заиграла фрагмент с самого начала. На этот раз ноты зазвучали без резкого *стаккато*, и я вдруг понял ценность перемещения в «священное место», описанное мсье Иваном. Когда она закончила, я встал и зааплодировал.

– Прекрати. Да, это было получше, но ты прав: в первый раз вышло ужасно. – Я покачал головой. – Не нужно быть снисходительным ко мне. Просто я очень нервничала, когда играла перед тобой, Бо. С прошлой встречи я только и думала о том, как бы произвести впечатление на тебя.

«Тебе удалось!» – Втайне я был чрезвычайно рад, что мое мнение многое значило для Элле.

– А теперь я поиграю на скрипке. Мне кажется, тут у меня получается не так хорошо, как на флейте.

Элле подняла инструмент к подбородку и заиграла «Дон Кихота» Штрауса. Ее оценка была правильной: на флейте она играла лучше, но продемонстрировала обнадеживающий талант и на скрипке. Когда она закончила, я зааплодировал так же бурно, как и раньше.

«Не могу поверить, что ты самоучка».

– Спасибо. Мне самой иногда трудно поверить в это. Наверное, от одиночества. Но все равно скажи, что ты думаешь, Бо? Как мне учиться дальше?

«Флейта – не мой инструмент, но я постараюсь давать общие советы». – Я добавил список основных приемов, которым научился на занятиях с мсье Иваном.

– Боже мой, спасибо тебе. – Она внимательно изучила список. – Я постараюсь применить все это на практике. Здесь ты написал: *«тренируй положение смычка»*. Можешь показать, что это значит?

Я подошел к Элле и забрал ее смычок. Потом встал у нее за спиной, взял ее за правую руку и аккуратно вытянул вперед, повернув ладонь в ее сторону. Потом я протянул смычок и совместил его с ее пальцами.

– Так? – спросила Элле.

Я кивнул, согнул ее большой палец и убедился в том, что он достаточно плотно прилегает к дереву. Затем я поместил ее средний палец прямо напротив, чтобы сустав только прикасался к смычку. Разумеется, скрипка была гораздо крупнее, чем полагалось для музыканта ее возраста (инструмент принадлежал ее матери), поэтому моя корректировка должна была казаться Элле вдвойне непривычной.

– Господи, я не понимала, насколько я ошибалась!

Я повернулся лицом к Элле и продолжил укладывать ее пальцы в положение, накрепко вбитое в меня уроками мсье Ивана. При этом я встретился с ее взглядом. Она смотрела на меня со странным выражением, как будто хотела, чтобы я что-то сделал, но не говорила, что именно. Я ответил вопросительным взглядом, и она захихикала, а потом наклонилась вперед и поцеловала меня. Ее мягкие губы прижались к моим, и мой мир изменился навсегда.

– Вижу, вы закончили музыкальный урок.

По моей спине пробежал холодок, когда я повернулся и увидел фигуру мадам Ганьон, маячившую в дверном проеме. Элле моментально принялась укладывать свою скрипку в футляр и разбирать флейту. Потом она побежала к двери.

– Я уберу инструменты в спальню, мадам Ганьон.

Мадам Ганьон выразительно изогнула бровь, но позволила Элле проскользнуть мимо нее в коридор. Мы остались в зале вдвоем, и мадам Ганьон окинула меня взглядом, который мог бы остановить скачущую лошадь. Мне вдруг стало очень стыдно. Элле получила особое разрешение играть для меня вдали от глаз других детей, и теперь создавалось впечатление, что я злоупотребил

снисходительностью мадам Ганьон. Я поспешно достал ручку и начал писать извинения.

– Не пиши, просто сядь. – Мадам Ганьон указала на стул.

Я не сомневался, что она запретит мне приезжать в сиротский приют; разумеется, это означало, что я больше не смогу встречаться с Элле. Мой мир в считанные секунды начал разваливаться на части, и моя надежда превратилась в отчаяние. Я опустил на стул. К моему удивлению, мадам Ганьон закрыла дверь и уселась напротив меня. Должно быть, она заметила ужас в моих глазах, потому что неожиданно заговорила сочувственным тоном:

– Она не на шутку увлеклась тобой, юный мсье. Надеюсь, тебе известно, как хрупки девичьи сердца. Ты должен очень деликатно относиться к ней. – Я кивнул. – Не стоит и говорить, что если я снова увижу нечто... такое, то без колебаний угощу тебя палкой. Ты хорошо меня понял?

«Да, мадам Ганьон».

– Отлично. Теперь я хочу кое-что обсудить. Я проработала в «*Apprentis d'Auteuil*» последние двадцать лет и видела сотни детей, проходивших через двери приюта. Моей первоочередной задачей всегда были поиски новых домов и приемных семей для моих подопечных, как можно быстрее, но только не ценой их благополучия. – Мадам Ганьон помедлила и глубоко вздохнула. – После войны мы столкнулись с чрезвычайно тяжелым периодом, с отсутствием средств и множеством осиротевших детей. Я сомневалась, что мы сможем прокормить столько голодных ртов, уже не говоря о лекарствах, одежде, постельном белье и других вещах, необходимых для ухода за детьми. Положение было очень трудным, и это означало, что иногда я была вынуждена принимать жесткие решения. Элле и ее брат появились здесь вскоре после того, как их мать умерла от воспаления легких. За месяц до этого события супружеская пара, богатые иностранцы, попросили меня сообщить, если в приют попадут новорожденные, поскольку они сами не могли зачать ребенка. Я заверила их, что так и сделаю, и обычно я была бы только рада сразу передать ребенка в любящую семью. Но... у этого малыша была старшая сестра. В нормальных обстоятельствах я бы не допустила усыновления, если бы новая семья не согласилась принять их обоих. Насколько мне известно, когда дети теряют родителей, для них

особенно важно оставаться вместе. Однако, как уже было сказано, я опасалась за судьбу приюта, поэтому, к своему стыду, должна признаться, что позволила прагматизму одержать верх над моралью. Короче говоря, я не должна была разлучать Элле с ее младшим братом. С каждым годом, который она проводила в приюте, обойденная другими приемными семьями, моя вина возрастала. Конечно же, она сказала тебе, что играет на музыкальных инструментах, чтобы чувствовать связь со своими родителями?

Я кивнул.

– Возможно, ты понимаешь, как это расстраивает меня, ведь я одна виновата в том, что забрала ее младшего брата – единственную живую связь с ее прошлым.

«Кто забрал брата Элле?»

Мадам Ганьон опустила глаза.

– Думаю, ты не сомневаешься, что скрупулезная особа вроде меня хранит аккуратные записи о каждом ребенке, который попадает сюда. Но в данном случае супруги, которые забрали малыша, пожелали сохранить полную анонимность, чтобы никто не мог обнаружить, что это не их родной сын. Как уже было сказано, я находилась под огромным давлением. Кроме того, эта семья согласилась сделать значительное пожертвование в пользу приюта. Однако в результате Элле не только разлучена с ее братом, но и не имеет надежды когда-либо найти его.

«Какой национальности были эти богатые люди?» – написал я в надежде получить хоть какие-то сведения, которые мог бы передать Элле в случае необходимости.

– Я правда не помню. Так или иначе, я вкратце рассказала тебе эту историю и теперь хочу кое о чем попросить. За всю свою многолетнюю работу в приюте я не знала более нежной и чистой души, чем юная Элле Лепэн.

«Почему никто не захотел удочерить Элле?»

– Многие хотели, но каждый раз передумывали. У меня есть предположение... – Мадам Ганьон покачала головой. – Лепэны, родители Элле, бежали от ужасных погромов в Восточной Европе и эмигрировали в Париж. Ты знаешь, что такое погром?

Я грустно кивнул. Мой отец часто говорил о безумии и порочности расовых предрассудков.

– Хм-мм... Не знаю, известно ли тебе, молодой человек, но ходят слухи о крепнущей в Германии партии, которая вполне может оказаться угрозой для еврейского населения. Французы знают о мощи немецкого государства после ужасов прошлого десятилетия. Думаю, поэтому потенциальные родители не хотели навлекать на себя неприятности в случае дальнейших конфликтов.

«Элле отказывали из-за ее еврейского происхождения?»

– Это предположение, но, думаю, вполне обоснованное.

«А ее брат?»

– Как я сказала, младенца увезли в другую страну и зарегистрировали под новым именем. Пожалуй, тогда в мире никто еще не думал об этом. Но в любом случае Элле по-прежнему здесь, и я чувствую огромную вину перед ней. Ты с ней знаком лишь несколько недель, но у вас, очевидно, есть много общего. Все, что воодушевляет эту девочку, облегчает мое бремя, поэтому я благодарна тебе.

Я хотел улыбнуться, но подумал, что это будет выглядеть неестественно, так как откровенность непреклонной мадам Ганьон сильно нервировала меня.

– Итак, вот моя просьба. Из разговоров с мадам Эвелин я знаю, что ты берешь уроки у мсье Ивана в Парижской консерватории. Элле мечтает поступить в консерваторию. С тех пор, как она смогла удержать в руках музыкальные инструменты, она играла на них и самостоятельно училась по книгам, которые я покупала на библиотечные пожертвования. Как ты понимаешь, у меня нет никаких музыкальных способностей, но с годами я заметила, что талант Элле начал расти и расцветать. Я часто просила ее играть для мсье Будена во время его визитов, но она всегда отказывалась, опасаясь жесткой критики. Ты молодец, что убедил ее поиграть для тебя.

«Для меня это было удовольствием».

– Ты разбираешься в музыке. Скажи, у нее есть талант?

«Да, она многообещающая ученица».

На лице мадам Ганьон отразилась тень облегчения.

– Я рада, что мой музыкальный слух не настолько плох, чтобы не распознать хорошую музыку, когда я ее слышу. Ты считаешь, что она достаточно хороша для обучения в консерватории?

«Несомненно».

– Как ты можешь догадаться, ее шансы на поступление в консерваторию ничтожны, хотя бы по причине стоимости уроков. Ей понадобится полное обучение, и, насколько я понимаю, оно обойдется дороже сапфиров. – При этой аналогии у меня перехватило дыхание. – Наверное, ты понимаешь, о чем я хочу попросить, Бо. Мне интересно, сможешь ли ты убедить мсье Ивана взять Элле в ученицы?

Я напрягся. Как, ради всего святого, я могу добиться этого? Кто будет платить? Что, если Элле узнает о моей неудаче?

«Мсье Иван учит играть только на скрипке», – написал я.

– Я уверена, что он знаком с нужными людьми, которые помогут развить таланты Элле.

«А деньги?»

– Разумеется. У меня есть банковский счет, и все эти годы я была очень экономной в своих расходах. Я накопила немалую сумму на пенсию, но теперь думаю, что для моих накоплений нет лучшего применения, чем исправление того зла, которое я причинила.

Мадам Ганьон замолчала и посмотрела мне в глаза. По ее жесткой осанке и напряженной позе я ощущал, что она нервничает в ожидании моего ответа. Угрызения совести, терзавшие ее, были искренними, и спустя много лет она решила, что я могу каким-то образом спасти ее от них.

«Я попробую, мадам Ганьон».

– Отлично! Я очень довольна. Разумеется, я не скажу Элле о твоём секретном задании. Это останется между нами, пока все не устроится.

«Спасибо».

Ее облегчение было физически ощутимым.

– Я уверяю тебя, что ты получишь награду за свои усилия. А пока что во время твоих визитов тебе разрешат уединяться вместе с Элле здесь или в одном кабинетов, а не на шумном дворе.

Я посмотрел на нее с надеждой.

– Разумеется, только ради улучшения ее музыкального мастерства. Я буду следить за вами, как ястреб с небес. – К моему удивлению, мадам Ганьон улыбнулась. – Спасибо тебе, Бо. Ты хороший мальчик.

– Что угнетает тебя сегодня, *petit monsieur*? – Мсье Иван всплеснул худыми руками. – За последние несколько недель твоя техника значительно улучшилась. Твои плечи движутся свободнее, и это очень хорошо. Полагаю, что общение со сверстниками пошло тебе на пользу.

Я не стал поправлять мсье Ивана и говорить, что улучшение было связано не со *сверстниками*, а со *сверстницей*.

– Сегодня ты похож на ледяную статую, такой напряженный и расстроенный. Скажи, что тебя беспокоит?

Мсье Иван не ошибся в оценке моего душевного состояния. В течение последних нескольких уроков я стал тщательно следовать его наставлениям, улыбаться его критическим замечаниями и кивать, когда он возмущался гонорарами от некоторых оркестровых выступлений. И сегодня я решился задать ему вопрос об Элле. Я начал писать.

«Спасибо за предложение посещать “*Apprentis d’Auteuil*”. Это изменило мою жизнь».

Мсье Иван довольно кивнул.

– Не стоит благодарить меня, юный Бо. – Он постучал по виску указательным пальцем. – Я знаю, как выявлять лучшие качества моих учеников, независимо от возраста. Но ты не ответил на мой вопрос. Почему ты сегодня такой напряженный? Все ли хорошо в семье Ландовски?

«Да, спасибо. Мсье Ландовски и члены его семьи пребывают в хорошем настроении. Но я хочу задать вам личный вопрос».

– Ну, значит, мне надо подготовиться к испытанию. Не смущайся, молодой человек. Помни о том, что эмигранты должны помогать друг другу. Вот например... – Мсье Иван откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. – Возможно, этот вопрос... имеет анатомический характер? Тебе стыдно спросить об этом мсье Ландовски или мадам Эвелин? Не бойся: я хорошо помню тот период, когда был мальчиком и удивлялся определенным телесным переменам...

Я лихорадочно замахал руками и затряс головой. Это была *не та тема*, которую я собирался обсудить с мсье Иваном или с кем-либо еще:

«Речь идет о ребенке из приюта и о его музыкальном таланте», – поспешно написал я.

– О, тогда понятно. Я свяжусь с Буденом и попрошу его послушать этого мальчика. Потом он даст критический разбор и подскажет, как можно повысить шансы на поступление в консерваторию. Хорошо? Видишь, некоторые проблемы нетрудно решить, так что тебе не стоило нервничать. А теперь давай снова займемся Чайковским.

«Это девочка», – дополнил я свою предыдущую запись.

– Прошу прощения, я упустил из виду пол ребенка. Просто я думал, что ты в основном проводишь время с другими мальчиками, играешь в шарики и так далее. Но не переживай, Буден послушает ее и даст оценку.

«Я хотел узнать о возможности брать ей уроки в консерватории, как это было устроено для меня».

После долгой паузы, когда мсье Иван недоуменно смотрел на меня, он рассмеялся.

– Боже мой! Кажется, я совершил ошибку, когда отправил тебя в «*Apprentis d’Auteuil*». Теперь ты постарайся протащить в консерваторию любого мало-мальски разумного ребенка. – Мсье Иван хлопнул ладонями по коленям, продолжая смеяться. – Полагаю, ты понимаешь, что это невозможно. Консерватория предназначена для студентов, для очень углубленного изучения музыки. Не надо путать ее с детской музыкальной школой. Кроме того, есть много частных педагогов, готовых тратить время на детское пикирование и дудение. Я уверен, что смогу навести справки об учителях и найти того, кто пожелает обучать твою юную подружку. Хорошо? А теперь перейдем к Чайковскому.

«Она несколько лет училась самостоятельно. Я прослушал ее исполнение, она чрезвычайно талантлива. Думаю, ей подходит только учеба в консерватории».

– Ага, понятно. Это все меняет. – Мсье Иван сложил ладони рупором и изобразил крики глашатая: – Юный пророк объявил, что его подружке поможет только учеба в консерватории! Отменяйте ваши расписания и готовьте педагогов! Наш маленький скаут обнаружил следующего великого гения!

Я опустил голову.

– Юный Бо, я не сомневаюсь в твоих добрых намерениях, как и в твоём желании помочь подружке. Но не забывай, что ты десятилетний

мальчик и приходишь сюда по особой договоренности, потому что у мсье Ландовски есть связи с мсье Рахманиновым. Увы, но без таких связей я никогда бы не согласился устроить прослушивание для тебя. По правде говоря, сначала я сделал это из вежливости, не более того. Мы продолжаем обучение лишь благодаря твоим необыкновенным способностям. В тебе есть... некая зрелость, что крайне необычно для твоего возраста. В консерватории не учат детей, и этим все сказано. А теперь, пожалуйста, приступим к Чайковскому.

«Она уникальна, потому что сама научилась играть по книгам. Я не могу представить такой мощный разум...»

Мсье Иван вырвал листок и бросил его на пол.

– Довольно! Чайковский, мальчик!

Я дрожащими руками пристроил скрипку в рабочее положение, потом взял смычок и заиграл. Прежде, чем я успел осознать это, по моему лицу заструились слезы, мое дыхание стало прерывистым, и я наделал массу ошибок. Мсье Иван обхватил голову руками.

– Стой, Бо, прекрати! Я извиняюсь, моя реакция была чрезмерной. Прости...

Его извинения были бесполезны; шлюзы открылись, и я ничего не мог с этим поделать. Я уже очень давно не плакал с такой силой. Темными ночами во время моего странствия мое тело иногда содрогалось от спазмов плача, но я был слишком обезвожен, чтобы проливать настоящие слезы. Мсье Иван пошарил в ящиках стола и достал носовой платок.

– Возьми, он чистый, – сказал он, протягивая мне платок. – Еще раз, молодой человек, мне не следовало кричать на тебя. Ты просто хотел кому-то помочь, а такие вещи нуждаются в поощрении.

Он утешающе положил руку мне на плечо, но это не помогло. Я плакал и плакал. Раздраженный окрик мсье Ивана стал катализатором, высвободившим то, что было накоплено за много месяцев. Я плакал по своему отцу, по своей матери и по тому мальчику, которого я считал своим братом и который теперь желал мне смерти. Я оплакивал множество жизней, которые мог бы прожить, если бы меня не принудили к бегству. Я плакал, когда думал о щедрости мсье Ландовски и о желании мсье Ивана учить меня. Я плакал из-за усталости, горя, отчаяния, благодарности, но прежде всего я плакал из-за любви. Я плакал, потому что не мог дать Элле ту возможность,

которую она заслуживала. Должно быть, я рыдал целых пятнадцать минут, а мсье Иван стоически держал руку у меня на плече и повторял: «Ну-ну, будет тебе». Бедняга. Я сомневался, что он мог предвидеть такую драматическую реакцию, когда повысил голос на меня. Вряд ли он сталкивался с такими проблемами, когда учил студентов.

В конце концов мой резервуар слез опустел, и я хватал ртом воздух, делая глубокие, судорожные вдохи.

– Бог ты мой. Должен сказать, хотя я был не прав, твоя реакция оказалась крайне неожиданной. Теперь все в порядке? – Я кивнул, утирая нос рукавом. – Тогда я рад. Не стоит и говорить, что сегодняшний урок лучше закончить.

«Извините, мсье», – написал я.

– Не нужно извиняться, *petit monsieur*. Мне ясно, что здесь скрыто еще многое другое. Поможет ли тебе дружеское ухо или, вернее, пара дружеских глаз? Ведь мы оба эмигранты, и, даже если мы кричим друг на друга, между нами существуют вечные узы.

Я начал писать и снова остановился. Вероятно, подействовала внутренняя химия, вызвавшая слезы, но теперь я ощущал невероятное спокойствие. Что плохого может случиться, если я заговорю? Вероятно, это приведет к моей смерти, но тогда я хотя бы окажусь в загробном мире вместе с мамой, а может быть, и с отцом. Все казалось абсолютно и прекрасно бессмысленным. Желание облегчить душу наконец одержало верх над здравомыслием, поэтому я совершил немислимое. Я открыл рот и заговорил.

– Если вы пожелаете выслушать меня, мсье, то я расскажу свою историю, – сказал я на языке моей матери.

Мсье Иван пристально посмотрел на меня.

– Я дал тебе слово...

– Я живу недолго, но история длинная. Едва ли я смогу рассказать ее целиком за десять минут, оставшиеся до конца урока.

– Нет, конечно же, нет. Так давай я освобожу место в своем рабочем графике. Это очень важно. Как насчет твоей мадам Эвелин? Я оставлю ей записку в приемной, что собираюсь продлить сегодняшний урок для подготовки к концерту.

Он так резко вскочил с места, что едва не опрокинул свой стул.

– Спасибо, мсье Иван.

Пользоваться голосом было все равно, что напрягать мышцу, утратившую тонус после долгого постельного режима. Это казалось странным, как будто мой голос принадлежал кому-то другому. Разумеется, время от времени я шепотом говорил сам с собой, напоминая себе, что еще не утратил дар речи, а несколько недель назад вслух поблагодарил мсье Ландовски. Но слова, с которыми я обратился к мсье Ивану, были моей самой длинной речью за последний год.

– Мне зовут... Бо, – сказал я. – Меня зовут Бо. Меня. Зовут. Бо.

Мой голос стал заметно глубже, чем был раньше, но даже не начал ломаться. Очень странное ощущение.

Мсье Иван вернулся в комнату.

– Хорошо, все готово. – Он опустил на стул и жестом предложил мне начинать.

Я закрыл глаза, сделал глубокий вдох и рассказал ему правду.

История заняла большую часть следующего урока. Мсье Иван сидел тихо, с широко раскрытыми глазами, совершенно поглощенный шокирующими подробностями моего рассказа. Когда я наконец замолчал, поведав о том, как Бел нашла меня под живой изгородью мсье Ландовски, наступила потрясенная тишина.

– Боже мой, боже мой, боже мой... – повторял мсье Иван, качая головой и обкусывая ногти, он явно приходил в себя. – Юный Бо... или *не Бо*, как мы оба знаем... у меня просто нет слов.

Он встал и так крепко обнял меня, что выдавил воздух из моих легких.

– Но я понимаю! Мы эмигранты, и нам приходится быть сильными, Бо. Сильнее, чем все остальные.

– Мсье Иван, если кто-то узнает...

– Пожалуйста, *petit monsieur*. У нас с тобой общая родина. Помни, я хорошо знаю страну, из которой ты пришел, и страдания, которые ты пережил. Клянусь могилами моих родителей, я никому не скажу ни слова о том, что узнал от тебя.

– Спасибо, мсье.

– Должен добавить: я убежден, что твои родители очень гордились бы тобой. Твой отец... ты действительно веришь, что он еще жив?

– Не знаю.

– А... вещь, о которой ты упомянул, она по-прежнему у тебя?

Пожалуй, это была единственная часть моей истории, которую я утаил от мсье Ивана. Я знал, что алчность развращает и превращает разумных людей в безумцев. Он ощутил мое колебание.

– Заверяю тебя, я не испытываю интереса к этой вещи. Хочу лишь сказать, что ты должен защищать ее во что бы то ни стало. Не из-за ее материальной ценности, как ты понимаешь, а потому, что ее вполне можно будет использовать в качестве предмета для сделки ради спасения твоей жизни.

– Да. Я так и сделаю.

– Рад это слышать. А теперь, будь добр, расскажи мне об Элле. После всего, что ты вынес, я понимаю, как важно иметь такого друга.

Я поведал ему историю Эллы.

– Она совершенно особенная, мсье Иван, если остается такой храброй и доброжелательной, несмотря на обстоятельства. Думаю, она немного похожа на силу тяготения, привлекающую к себе все остальное.

Мсье Иван издал добродушный смешок.

– Ах, Бо, я понимаю. Однако думаю, что она привлекает к себе не *все остальное*, а главным образом тебя. Бог тебе в помощь, молодой человек, ибо ты влюблен, как будто у тебя без того мало проблем!

– Не знаю, может ли десятилетний мальчик быть влюбленным в кого-то.

– Не глупи, *petit monsieur*! Разумеется, да! Любви все возрасты покорны. Она держит тебя в своей власти, и отныне ты ее раб.

– Мне очень жаль.

– Жаль? Прошу тебя, ни о чем не жалея! Это скорее повод для радости. Честно говоря, если бы ты был постарше, я бы налил нам водки, и мы бы еще долго говорили о твоей возлюбленной.

– Вы встретитесь с ней, мсье Иван?

– Если я обнаружу, что ты поделился со мной хитроумным вымыслом, чтобы провести свою подружку в консерваторию, то обрушу на тебя адское возмездие... – Он удержал мой взгляд, а потом расплылся в широкой улыбке. – Я шучу, *petit monsieur*. Разумеется, мы послушаем ее. Мсье Туссен учит играть на флейте, а мсье Мулен – на скрипке. Мы устроим ей прослушивание. Но не стоит и говорить, *если* мы сумеем организовать ее обучение, то профессора не станут работать бесплатно.

– Об этом позаботится щедрая дама из сиротского приюта.

– Вот и хорошо. Я все устрою и сообщу во время твоего следующего визита. Следует ли мне ожидать, что когда ты вернешься, то снова станешь немым?

Я немного подумал.

– Нет, мсье Иван. Как вы сказали, у нас общая родина.

– Спасибо за доверие, *petit monsieur*. Ты не пожалеешь об этом. – Я кивнул и потянулся к дверной ручке. – И еще одно. Ты рассказал мне все, но не назвал своего настоящего имени. Поделишься им со мной?

Я сказал свое имя.

– Да, теперь все ясно.

– Что ясно?

– Почему ты чувствуешь бремя всего мира на своих плечах.

* * *

В конце концов прослушивание Элле оказалось формальностью. Мсье Иван недвусмысленно намекнул на это, когда мы встретились в следующий раз.

– Маленький Бо, мне пришлось использовать ложь во спасение, чтобы твоя возлюбленная получила гарантированное прослушивание.

– Она не моя возлюбленная, мсье Иван.

– А кто же? Так или иначе, профессора были далеко не рады тому, что консерватория превращается в детский сад.

– Что за ложь? – нервно осведомился я.

– Что твоя юная подруга связана с мсье Рахманиновым и он лично заинтересован в развитии ее музыкального таланта.

– Мсье Сергей Рахманинов?

– Точно. Настоящий гений, не так ли?

– Но я не понимаю, мсье Иван. Элле живет в сиротском приюте.

– Как бы выразиться потактичнее... Хотя мсье Рахманинов очень добрый и одаренный человек, он известен своими связями... со многими парижанками. Поэтому вполне правдоподобно, что мадемуазель Элле является плодом его связи с одной из таких женщин, и чувство вины вынуждает его принимать меры.

– Мсье Иван, я не уверен, что Элле сможет поддержать такой нелепый розыгрыш, – возразил я.

– Здесь не понадобится никакого розыгрыша. Я сообщил Туссену и Мулену, что юная дама не знает о своем происхождении, а мсье Рахманинов придет в ярость, если она узнает об этом. Я могу гарантировать их молчание; они не хотят расстраивать великого русского композитора.

– Мсье Иван...

– Бо, полагаю, ты хочешь, чтоб вы обучались одновременно? Разумеется, нам придется перекроить расписание уроков, а эта подробность насчет мсье Рахманинова гарантирует, что все пройдет гладко.

Я неохотно согласился поддержать план мсье Ивана при условии, что он косвенно обеспечит Элле еще один уровень защиты. Туссен и Мулен не осмелятся на резкую критику дочери Рахманинова. Хотя, должен признать, мысль о пятне на репутации великого композитора наполняла меня ужасом.

После наших уроков и перед возвращением в «*Apprentis d'Auteuil*» мы с Элле завели привычку покупать мороженое в маленьком кафе на авеню Жан-Жар, а потом гулять по набережной Сены. Эта привилегия была получена от мадам Ганьон, которая сохраняла неувядающую благодарность за то, что мне удалось обеспечить высшее музыкальное образование для ее подопечной. За последние недели мы раздвинули границы дозволенного, возвращаясь обратно все позже и позже. Иногда мы берем с собой книги и рисовальные принадлежности. Элле читает вслух, а я рисую. Я не считаю себя одаренным живописцем, но мои пейзажи постепенно становятся лучше.

Несколько дней назад Элле положила голову мне на плечо и стала пересказывать «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго. Я прекратил попытки изобразить цветущий конский каштан и посмотрел на ее светло-русые волосы, а потом на спокойную реку. Лучи майского солнца танцевали на водных струях.

– Любовь подобна дереву: она произрастает сама по себе, ее корни находятся глубоко внутри нашего существа, и она продолжает властвовать даже над сердцем, которое обращено в руины, – процитировала Элле. – Это необъяснимо, но чем более она слепа, тем

более привязчива. Она сильнее всего, когда совершенно неразумна... Думаешь, это правда, Бо? Люди могут быть ослеплены любовью?

Она посмотрела на меня. Я покачал головой и взялся за перо.

«Наоборот. Я думаю, любовь позволяет человеку открыть глаза».

Я удержал ее взгляд. Элле подняла голову и поцеловала меня. Поцелуй был более долгим, чем первый, ее теплые губы нежно прикасались к моим. Когда она отстранилась, я ощутил легкую невесомость, головокружение и приятное щекочущее чувство в животе. У меня вырвался невольный смешок, и Элле тоже рассмеялась. В приливе смелости я взял ее за руку. При каждом нашем следующем свидании я снова и снова делал это.

Она вселяет в меня ощущение безопасности. Раньше я думал, что это ощущение связано с теплым домом, с едой на столе и деньгами в банке. Но Элле научила меня, что можно спокойно обходиться без этого, пока ты вместе с...

После множества внутренних дискуссий и размышлений я пришел к определенному выводу.

Да, я полностью, безусловно и безнадежно влюблен в Элле Лепэн.

Надеюсь, моя способность к прозаическим излияниям не уменьшилась за последние несколько месяцев. По правде сказать, решившись заговорить с мсье Ландовски несколько месяцев назад, я не ощущал потребности вести дневник ради моего доброго хозяина, и если вы каким-то образом читаете эти строки, то обратите внимание, что я оставил привычку вставлять благодушные замечания ради ублажения любопытных глаз. Это потому, что я стал полностью доверять членам семьи Ландовски. Они продолжают кормить меня и обеспечивать крышу над головой.

Я нахожу целебным поверять бумаге мои сокровенные мысли. Разумеется, большинство людей могут выразить их в разговоре с другом или членом семьи, но, когда я начинал, у меня не было такой роскоши. Теперь я могу беседовать с мсье Иваном, который умеет хранить секреты. В начале осеннего семестра он поделился со мной некоторыми соображениями.

– Бо, у меня было время подумать о твоём прогрессе во время летних каникул. Многие бы позавидовали твоей жизни: учеба в Парижской консерватории, возможность работать рядом со всемирно знаменитым скульптором... не говоря уже о благосклонном внимании некой голубоглазой блондинки.

Я покраснел.

– Да. И я очень благодарен за это, мсье Иван.

– Тем не менее... нам до сих пор не удалось научиться *расправлять плечи*.

– Что вы имеете в виду?

– Я убежден, что ты сможешь стать виртуозом. Твои музыкальные способности далеко превосходят способности тех, кто зарабатывает игрой себе на жизнь.

– Спасибо, мсье Иван.

– Но твои плечи – это проблема, которую так просто не решить.

– Ох. – Его непредвзятая оценка была острее кинжала.

– Не падай духом, юный Бо. Разумеется, я буду продолжать твоё обучение. Но я настаиваю на расширении репертуара. – Он встал и подошел к большому футляру у стола. – Ты заметно подрос за это лето, и это очень поможет нам. – Я смотрел на футляр. – Что ты думаешь насчет виолончели, Бо?

У меня не было особого мнения, и я честно признался в этом.

– Это чудесный инструмент, необыкновенно глубокий и полнозвучный. У него широкий тональный диапазон: от сурового, торжественного басового регистра до страстных вспышек в верхнем регистре. Как по мне, так он немного похож на тебя. Ты познал огромную боль и страдания, однако в тебе есть нечто героическое. Я невольно думаю, что, несмотря на все, тебе суждено стать великим.

– Виолончелистом? – простодушно спросил я.

Мсье Иван добродушно усмехнулся.

– Возможно, виолончелистом. А может быть, кем-то другим. Я хочу сказать, что виолончель обладает свойством раздвоенной личности. С одной стороны, это мощный, хотя и меланхоличный басовый инструмент, но с другой стороны, она может возвышаться до героического тенора. Думаю, она подойдет для тебя.

– Я никогда не играл на таком большом инструменте, мсье Иван. Но, конечно, я готов попробовать все, что вы предлагаете.

– Хорошо. Лучшая часть моего замысла состоит в том, что виолончель удобно размещается между ногами. Тут не будет надобности напрягать плечевые мышцы, чего от тебя требует скрипка. Это мой второй инструмент, так что я сам буду учить тебя.

Так я начал играть на скрипке по вторникам и на виолончели по пятницам. Сначала было странно помещать такой крупный инструмент между ногами и держать смычок на уровне живота. Но я всей душой предался новому занятию и был доволен своим прогрессом. Разумеется, у меня не было собственной виолончели, поэтому я не мог заниматься дома. С другой стороны, это обострило мое восприятие и усилило желание получать максимальную пользу от уроков в консерватории.

Сегодня я решил снова взяться за перо, потому что наступил канун Рождества, а мой отец говорил, что это время для размышлений о прошедшем годе и о том, какой след оно оставило в вашей жизни. В этом смысле я много думал о Бел... хотя, наверное, не так много, как мсье Бройли, который был безутешен после своего возвращения из Бразилии. Не стоит и говорить, что я продолжал помогать в мастерской, между тем как Лорен, хотя и присутствовал физически, мысленно витал в иных местах. Несколько дней назад он услышал, как я играю «Утреннее настроение»^[13] на скамье перед мастерской, и подошел ко мне со слезами на глазах.

– Где ты научился так играть?

Я молча посмотрел на него.

– Кто дал тебе скрипку? Ландовски?

Я кивнул.

– Понятно, – тихо сказал он. – Как любой художник, ты говоришь через свое творчество. Действительно, у тебя есть талант. Настоящее сокровище, правда?

Я улыбнулся, снова кивнул, и мсье Бройли положил руку мне на плечо. Потом он помахал мне на прощание и побрел заливать свое горе в барах Монпарнаса, где он проводил все время, свободное от работы.

Вчера ночью меня разбудил странный скулящий звук за окном. Я посмотрел на часы: было начало третьего. Если только Дед Мороз не сделал особенно раннюю остановку в мастерской Ландовски, то звук принадлежал более реальному персонажу. Я достал кожаный кошелек, который перед сном прятал между ног, и повесил его на шею. Потом

приоткрыл окно и выглянул во двор, где заметил фигуру мсье Бройли и несколько бутылок рядом с ним. Я пришел к выводу, что любые попытки заснуть будут тщетными, а отец учил меня, что перед Рождеством нужно искать возможности, чтобы помочь своим братьям. Я надел самую теплую куртку, потом тихо спустился вниз и вышел из дома. Во дворе я пошел на звук и вскоре обнаружил мсье Бройли, обхватившего голову руками. Мне показалось благоразумным, что он решил выплакаться под моим окном на заднем дворе, а не под хозяйскими окнами перед домом.

Приближаясь к нему, я старался побольше шуметь, чтобы он заметил меня и в своем алкогольном ступоре не принял за призрак прошлого Рождества. Это возымело желаемый эффект, и Бройли круто развернулся, опрокинув бутылку. Я рефлекторно приложил палец к губам и оперся щекой на ладонь, изобразив «сон».

– Извини, Бо. Я разбудил тебя? – Я кивнул. – Боже, как мне стыдно.

Я уселся рядом с ним, и он с легкой озадаченностью уставился на меня.

– Уверяю тебя, теперь я буду вести себя тихо. Пожалуйста, возвращайся в постель.

Я указал на луну, а потом на сердце мсье Бройли.

– Мсье Ландовски великодушно разрешил мне остаться при нем, хотя в данный момент от меня не больше пользы, чем от растаявшего шоколада. – Бройли горько усмехнулся. – Он даже согласился послать меня в Бразилию, хотя прекрасно знал, что мое намерение не ограничивалось безопасной доставкой статуи Христа. Он великий человек.

Я указал на себя.

– Совершенно верно. Он по-человечески обошелся с нами обоими. – Бройли посмотрел на меня. – Ты заметно подрос, пока меня не было. И не только физически. Приятно видеть, как ты начинаешь взрослеть. Бел была бы очень рада... если бы я только мог рассказать ей.

Я приподнял брови и пожал плечами.

– Хочешь знать, что случилось? Честно говоря, я сам до сих пор стараюсь это понять. Мы были вместе в Рио, но мы оба знали, что я должен буду вернуться в Париж. Я не мог упустить возможность,

предоставленную мсье Ландовски. Я умолял Бел уехать со мной и бросить этого жалкого слизняка Густаво. Я думал, что она выберет меня, Бо. Но этого не случилось, вот и все. Наверное, я никогда не пойму, почему.

Бройли заплакал, и я положил руку ему на плечо.

– Насколько мне известно, после моего отъезда ты нашел себе подругу?

Я сочувственно кивнул.

– Теперь ты не представляешь свою жизнь без нее?

Я покачал головой.

– Тогда, наверное, ты сможешь понять, какая судьба меня постигла. – Бройли снова расплакался. – Ты лучше других знаешь доброту Бел. В конце концов, без нее тебя бы здесь не было.

Это не вызывало сомнений. Честно говоря, я был немного удивлен, что мсье Бройли вообще вернулся в Париж. Судя по моим наблюдениям за Бел и Лореном в мастерской, они были влюблены друг в друга. Если бы я мог заключить пари, то поставил бы все на то, что они сбегут и найдут убежище в каком-то далеком уголке, где будут счастливы друг с другом. Разумеется, я уже усвоил, что иногда любви бывает недостаточно, чтобы удержать людей вместе.

– Знаешь, она даже не пришла попрощаться со мной. Вероятно, это показалось ей слишком болезненным. В конце концов, она прислала свою горничную вместе с этим. – Бройли сунул руку в карман и достал нечто белое и гладкое. – Знаешь, что это такое, Бо?

Я прищурился и разглядел в лунном свете то, что показывал Лорен.

– Это мыльный камень от внутренней облицовки статуи Христа. Среди рабочих появилась традиция писать на обороте послания о неувядающей любви, а потом запечатывать их навеки внутри статуи. Вот.

Он протянул мне камешек, и я поднес его ближе, чтобы рассмотреть надпись:

30 октября 1929 года

Изабелла Айрис-Кабрал

Лорен Бройли

– Я много думал о ее решении вручить мне этот камень. Поступив таким образом, она решила не связывать нас узами вечной любви. Поэтому я не хочу, чтобы этот камень оставался у меня. Пожалуйста, возьми его себе.

Я попытался втиснуть камень обратно, но Лорен отказался принимать его.

– Наверное, ты не понимаешь, Бо. Если появление статуи Христа будет таким великим событием, как я ожидаю, этот маленький камешек однажды станет ценной реликвией. Это подарок. Возможно, в будущем ты продашь его. – Лорен встал, слегка покачиваясь, и уперся рукой в стену. – Или ты навсегда сохранишь его как напоминание о том, что нельзя терять любимого человека. Иначе ты станешь таким, как я!

Я тоже встал.

– Утрата любви – это проклятие, Бо. Это очень больно. Это не только душевные переживания: само твое существо изнывает от боли. Надеюсь, что тебе никогда не придется испытать ничего подобного.

Он наклонился, подхватил бутылку с остатками вина и сделал большой глоток, а потом посмотрел на луну.

– Как странно, тебе не кажется?

Я вопросительно посмотрел на него.

– Сейчас она на другом краю света, но видит то же самое. – Лорен закрыл глаза и немного постоял в тишине. – Спокойной ночи, маленький Бо. Надеюсь, я еще поработаю в мастерской рядом с тобой. И счастливого Рождества!

С этими словами Лорен Бройли побрел в ночь.

Я вернулся в свою спальню и положил камешек в кошель рядом с предметом, который продолжал охранять. Потом забрался в постель и снова спрятал кошелек между бедер. Боль, которую испытывал Бройли, была глубокой и беспощадной. Я вознес безмолвную молитву Семи Сестрам, чтобы они присматривали за ним... и за Бел.

* * *

Рождество было волшебным. Я был изумлен, когда под большой елкой, великолепно украшенной свечами и бумажными орнаментами,

нашелся подарок и для меня.

– Дед Мороз был очень тронут твоей помощью мсье Ландовски, пока мсье Бройли находился в отъезде, поэтому решил вознаградить тебя, – с улыбкой сказала мадам Ландовски.

Пакет имел узнаваемую форму. Я осторожно снял коричневую оберточную бумагу, потом расстегнул большой кожаный футляр. Внутри лежал один из самых великолепных инструментов, какие мне приходилось видеть. У виолончели была гладкая сосновая верхняя дека, блестящие кленовые обечайки и нижняя дека. Она была так хорошо отполирована, что я видел в ней собственное отражение, а когда я целиком вынул ее из футляра, вокруг распространился приятный аромат миндаля и ванили.

Мсье Ландовски положил руку мне на плечо.

– Она изготовлена немецким мастером Г. А. Претцнером, поэтому, при надлежащем отношении, прослужит тебе всю жизнь. Мсье Иван предсказывает, что ты будешь быстро расти, поэтому я думаю, что взрослый размер вполне уместен. – Мадам Ландовски покосилась на мужа. – Я хочу сказать, что Дед Мороз попросил меня позаботиться об этом.

Я благодарно обнял его.

Но щедрый подарок был еще не лучшим событием того дня. Вся семья знала об Элле благодаря частым беседам мсье Ландовски с мсье Иваном. В результате они любезно предложили мне пригласить ее на рождественский ужин. Хотя сначала я нервничал, это оказалось радостным событием, и моя душа ликовала, когда я смотрел на собравшихся за столом людей, которые так много значили для меня. Элле, конечно же, проявила себя с лучшей стороны, пленив Ландовски своим обаянием и непринужденностью.

После еды в комнате воцарилось меланхолическое настроение. Члены семьи Ландовски один за другим выходили из-за стола, чтобы устроиться на одном из диванов в гостиной с книжкой, головоломкой или за тихой беседой. Мы с Элле помогли вымыть тарелки, а потом надели пальто, и я отвел ее на скамью перед мастерской.

Я взял Элле за руку и собрался с духом. Последние несколько недель я планировал этот момент и предвкушал его. Наступило Рождество, Элле была рядом, и я знал, что мне хочется сделать. Я посмотрел на своих лучезарных небесных покровительниц с просьбой

дать мне сил, и слова, которые я так долго хотел произнести, наконец сорвались с моих губ.

– Я люблю тебя, Элле.

Она крепче ухватила мою руку и распахнула глаза.

– Скажи, что мне это не снится, Бо.

– Нет, не снится, – ответил я.

Она просияла.

– А я и не думала, что сплю! – Она рассмеялась и обняла меня. – Здравствуй, Бо!

– Здравствуй, Элле. – На меня накатила волна эйфории. – Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю! – Она едва не взвизгнула от восторга. – Ох, Бо, я так долго ждала, когда ты заговоришь со мной. Я знала, что ты можешь! Но скажи, почему это заняло у тебя столько времени?

Я посмотрел в ясное парижское небо, где мерцали Семь Сестер.

– Прежде чем я объясню, почему дал обет молчания, скажи мне... Ты знаешь о звездном скоплении Плеяд, Элле?

Она покачала головой, словно не в силах поверить, что мы на самом деле разговариваем друг с другом.

– Нет... Должна признаться, я не знаю.

– Не могу придумать лучшей темы для нашего первого разговора. Я так долго не мог поделиться их историей!

Она положила голову мне на плечо.

– Тогда расскажи мне, Бо.

– Видишь ту яркую звезду на небе? Там, прямо над церковным шпилем?

– Да. Какая красивая!

– Ее зовут Майя. Теперь, если присмотреться, ты увидишь другие яркие звезды вокруг нее, расположенные в форме убывающего полумесяца.

– Я вижу...

– Это шесть других сестер: Альциона, Астеропа, Тайгете, Келено, Электра... и Меропа, потерянная сестра.

– Потерянная сестра? Почему ее так называют? Я ее вижу.

– Да, это интересно. Могу лишь предположить, кто когда-то она пропала, но потом ее нашли. Мне нравится думать о ней как о звезде, которая дает надежду. А слева от Меропы есть еще две звезды, одна

над другой. Присмотрись. Меньшая – это Плейона, а большая... это Атлас. – Я глубоко вздохнул. – Это родители Семи Сестер.

– Ты говоришь о них как о реальных людях, Бо.

– А кто мы такие, чтобы сомневаться в их существовании? Легенда гласит, что, когда их отец был обречен нести на своих плечах бремя всего мира, неутомимый Орион устроил охоту за сестрами. Поэтому всемогущий Зевс превратил их в звезды, чтобы утешить Атласа.

Ее глаза сверкали, когда она смотрела на небо.

– Как прекрасно!

– Да. Само собой, есть и другие толкования, далеко не такие романтичные. Но я решил верить в эту историю. – Я посмотрел на Элле. – Большую часть жизни я провел в одиночестве, но надо мной всегда светили звезды. Это мои защитники. – Я опустил голову. – Так говорил мой отец.

– Твой отец? Где он, Бо?

Я покачал головой.

– Не знаю. Я уже больше года не видел его. Я отправился в путь, чтобы найти его, но... хотя это трудно признать, я больше не верю, что он жив.

– А твоя мать?

– Умерла.

– Мне очень жаль, Бо.

Я осмелился положить руку ей на плечо.

– Ты всю жизнь была сиротой.

– Поэтому я так сочувствую тебе, Бо. – Она погладила меня по щеке. – Правда, мне очень жаль.

У меня в горле встал комок.

– Спасибо, Элле.

– Так скажи мне... Почему ты сегодня решил заговорить со мной? Ты мог сделать это в любое время, дорогой!

Я немного подумал над ее вопросом.

– В конце концов, сегодня Рождество. Этот день напоминает, что мы живем только раз и не должны тратить впустую ни одного момента.

– Чрезвычайно мило, но совершенная чепуха. Прошу тебя, пока мы здесь одни. Скажи правду.

Я снова посмотрел на звезды. Их безмолвное величие придало мне уверенности.

– Я молчу, потому что боюсь сказать слова, которые навлекут на меня большую беду.

– Ох, Бо. Молчание защищает тебя, но от чего?

– Я нахожусь в бегах, Элле. Я прячусь от человека, который поклялся убить меня. Единственное, что сейчас защищает меня, – это мое местонахождение, преследователь не знает, где я. Если я заговорю, то эта информация может дойти до него, а я не хочу идти на такой риск.

– Боже мой, Бо. Кто хочет убить тебя?

Я немного помедлил.

– Другой мальчишка.

– Мальчишка? Бо, почему ты не сказал об этом раньше? Мне бы очень хотелось познакомиться с ним. Знаешь, чего боятся маленькие мальчишки больше всего на свете? Более взрослых и умных девочек. Ты же видел, как я справилась с Морисом и Жандретом.

Ее доброта глубоко тронула меня.

– Спасибо за предложение защитить меня, Элле. Но, при всем уважении, такие мальчишки, как Морис и Жандрет, тут ни при чем. Тот парень, от которого я сбежал, считает, что я совершил нечто ужасное, и это делает его очень опасным.

– Насколько опасным может быть один подросток?

– Он считает меня виновным... в смерти одного человека.

– Правда? – ахнула Элле.

– Да. – Наши взгляды встретились, и в разговоре наступила неловкая пауза.

– Ты... убил этого человека?

– Нет. Но тот парень не верит в мою невиновность. Поэтому я был вынужден бежать от него. Боюсь, я обречен на скитания до конца моих дней.

– Где он сейчас? Во Франции?

– Нет, не думаю. Надеюсь, между нами еще остается несколько стран.

– *Несколько стран*, Бо? Ты пересекал границы?

Я серьезно кинул.

– Я бежал от него и одновременно искал своего отца. Отец отправился в Швейцарию, где он родился, в попытке спасти мою жизнь... и семью того мальчика. Именно туда я хотел попасть, когда меня обнаружили под забором больше года назад.

– Бо... тут много непонятного. Как этот мальчик, кем бы он ни был, может узнать, где ты находишься?

– Есть нечто особенное. – Я набрал в грудь побольше воздуха и снял с шеи кожаный кошелек. – Эта... вещь... причина всех несчастий.

Я осмотрелся по сторонам и убедился, что вокруг нет любопытных глаз, потом достал предмет из кошелька. Даже в темной ночи, испачканный в клее и обувной смазке, он заблестел у нас перед глазами.

– Бо... – потрясенно прошептала Элле.

Я поднял его, чтобы она могла разглядеть.

– Это алмаз.

– Не может быть. Он такой огромный.

– Уверю тебя, он настоящий. Тот, другой мальчик, считает, что я украл алмаз у его матери и убил ее. – Элле прижала ладонь ко рту. – Пожалуйста, поверь, что это абсолютная неправда. Но, пока камень у меня, тот парень не остановится ни перед чем, чтобы убить меня и забрать его. Он умен...

– Как ты?

Я выдавил улыбку в ответ на ее добрые слова.

– Пожалуй. Ты понимаешь, почему я изображаю немого, Элле? И почему ты никому не должна рассказывать о том, что узнала сегодня вечером?

Я убрал алмаз в кошелек и закрепил его на шее.

– Ты должен рассказать мне твою историю, Бо. Всю, до конца.

Я покачал головой.

– Она длинная и горькая.

Элле выпрямилась и заговорила строгим тоном:

– Посмотри на меня. Я – твоя Элле, и я люблю тебя сильнее, чем кого угодно. Я обещаю хранить твой секрет до самой смерти. Клянусь тебе в этом перед Семейю Сестрами.

По правде говоря, я жаждал поделиться с нею всеми подробностями. Но я считал себя обязанным предупредить ее о последствиях.

– Элле, – начал я, – с тех пор, как ты появилась в моей жизни, я снова чувствую себя *живым*. Я получаю удовольствие от аромата крепкого кофе мсье Ландовски, от теплого одеяла, от плеска волн Сены. И все потому, что я встретил тебя.

– Я чувствую то же самое, – нежно ответила она.

– Ты должна понять, что когда я расскажу тебе свою историю, то подвергну опасности и твою жизнь. Если с тобой что-то случится, я никогда не прощу себя. – Я отвернулся. – Тогда моя жизнь потеряет смысл.

Элле повернула мое лицо к себе.

– Хорошо, – сказала она. – Я тоже не хочу жить без тебя. Но, наверное, ты понимаешь, что я хочу *знать о тебе все*.

Как я мог устоять перед ее голубыми глазами?

– Хорошо. Я расскажу тебе историю моей жизни.

Я рассказал ей все, начиная с моего рождения в железнодорожном вагоне в 1918 году и до настоящего дня. Я рассказал о моем отце, о жестоких зимах, о звездах и скрипках, о разлученных семьях и голоде. Я рассказал ей о происхождении прозвища «Бо» и назвал свое настоящее имя, которое она не должна была произносить.

Пока я говорил, Элле потрясенно молчала. Когда я закончил, то заметил, что она плачет.

– К чему эти слезы?

– Потому что ты добрый человек, а мир жестоко обошелся с тобой.

– Я могу сказать о тебе то же самое. Но теперь мы вместе...

– И навсегда, – добавила Элле.

Мы обнялись под холодными взглядами Семи Сестер. В тот момент мы были не детьми, а двумя душами, состарившимися прежде времени.

– Это что-то меняет? – спросил я.

– О, да, – ответила Элле, и я тут же пал духом. – Моя любовь к тебе стала только сильнее, и я еще больше хочу защитить тебя.

– Это замечательно, – отозвался я. – Честно говоря, я думал, что тебя отвратит мой голос, который теперь срывается в неподходящие моменты.

Она захихикала.

– Это очень мило. И не беспокойся, я видела других мальчишек, у которых были такие же проблемы с голосовыми связками. Это пройдет.

– Что ж, хоть одно облегчение.

– Бо...

– Что, Элле?

– Ты кое-что не сказал. Тот мальчик, который поклялся убить тебя, – как его зовут?

Я посмотрел на звезды, зная о том, что на другом краю света он делает то же самое.

– Криг Эсзу.

«Титан»

Июль 2008 года

16

Плач Бэра вернул Алли к реальности, и она дрожащими руками положила страницы дневника на туалетный столик в своей каюте.

– Ну, ну, миленький. – Алли подняла Бэра из колыбели, где он мирно спал до недавнего времени. Рев огромных двигателей «Титана» стал тише, и странным образом казалось, что изменение уровня шума разбудило малыша. – Должно быть, капитан Ганс нашел место для якорной стоянки на ночь, вот и все.

Она опустилась на кровать и привычными движениями начала укачивать ребенка. У нее закрывались глаза после нескольких часов чтения дневника. Алли включила ночник и приложила Бэра к груди. Мысли вихрем кружились у нее в голове, и она понимала, что остальные испытывают сходные чувства после недвусмысленного указания на то, что Па Солт *знал* Крига Эсзу и, более того, даже скрывался от него. Алли беспокоилась за Майю, которой было особенно тяжело принять эту правду. Она порадовалась, что Флориано находится рядом с ее сестрой.

Но у Алли было много другой пищи для размышлений. Папин псевдоним «Бо» и его возлюбленная Элле... Алли знала эти имена. Их обладатели были близкими друзьями ее деда и бабушки, Пипа и Карин

Халворсен, и о них часто упоминалось в рукописи *Grieg, Solveig og Jeg*, главном документе, благодаря которому Алли узнала о своем происхождении. Оказывается, Бо был Па Солтом! На глаза Алли навернулись слезы, когда она вспомнила, что Па не любил говорить об этом, но он был самым талантливым музыкантом в Лейпцигской консерватории. Она отчаянно старалась вспомнить любую другую информацию о друзьях своего деда и бабушки, но кроме факта их бегства в Норвегию, поскольку Элле и Карин были еврейками, ей почти ничего не приходило на ум. Что с ними стало? Помнит ли она что-нибудь об их путешествии в Шотландию?

Стук в дверь нарушил ход ее мыслей.

– Заходите, – машинально сказала Алли.

Дверь открылась, и за ней возникла высокая фигура и симпатичное лицо Джека.

– Привет, Алли! Я... – Тут он заметил, что она кормит Бэра. – Упс... извини, я лучше зайду попозже. Я не собирался...

Алли почувствовала, что краснеет.

– Это ты извини, Джек, я заблудилась в собственных мыслях... Все в порядке, заходи, пожалуйста. Кормление скоро закончится.

– Хорошо. – Джек опустился на стул возле буфета. – Я лишь хотел узнать, как твои дела. Все в порядке?

– Да, Джек. – Алли слабо улыбнулась.

– Ты поела? Хотя бы попила воды или чая?

Алли немного подумала.

– Знаешь, вообще-то нет.

– Это объясняет, почему ты бледная, как простыня. – У нее не было сил объяснять значение всего, что она узнала из дневника за последние полдня. – Давай я включу чайник, а ты пока что начни с этого.

Он попытался вручить ей закрытую бутылку минеральной воды «Эвиан» из холодильника.

– Спасибо. Ты не мог бы... – Алли кивнула в сторону бутылки.

– Ох, извини. – Джек быстро отвинтил крышку. Алли взяла бутылку свободной рукой и сделала большой глоток.

– Так-то лучше. Кстати, чем заняты остальные? – спросила Алли, глядя в потолок.

– Честно говоря, «Титан» превратился в город-призрак. Все погрузились в чтение. Я даже не видел маму сегодня вечером; должно быть, она так же увлеклась, как и ты. А мы, «запасные части», просто бродим вокруг, занимаемся неуклюжей болтовней и слишком стесняемся попросить о чем-то людей из обслуживающего персонала.

– Не глупи, Джек. Вы вовсе не «запчасти». Фактически, судя по тому, что я прочитала, все вы будете играть важную роль в поддержке моих сестер.

– И тебя, разумеется. – Джек улыбнулся, заваривая чай, и ее сердце затрепетало, словно у девочки-подростка.

– Это очень мило с твоей стороны, Джек. Спасибо тебе, но я в полном порядке. У меня есть *он*. – Она посмотрела на Бэра.

– Ну, я не специалист, но из того, что я помню о младенцах, они обычно не лучшие собеседники.

Алли рассмеялась.

– Полагаю, ты здесь вроде лидера. Другие сестры обращаются к тебе за советами. Но у них есть спутники, которым они могут выплакаться или высказать свои печали за закрытой дверью каюты. У тебя нет такой поддержки, кроме этого маленького проказника. Поэтому я хотел сказать... – Он развел руками. – Я здесь для тебя.

– Это очень любезно, Джек, спасибо тебе, – искренне сказала Алли. Он поставил заварочный чайник на стол и вернул молоко в холодильник. – Джек...

– Что, Алли?

– Я просто хотела сказать... – Бэр залопотал, глядя на Алли. – Извини, дай мне минуту-другую.

– Само собой, не торопись.

Алли отняла Бэра от груди. Она заметила, что Джек отвел глаза, и это ей понравилось. Когда она положила сына на кровать, тот с довольным видом отрыгнул.

– Так о чем ты говорила?

– Да так, ни о чем.

Алли вспыхнула. Джек кивнул и устался в пол. Она мысленно выбрала себя и поспешила сменить тему.

– Я не сказала тебе о главном откровении из дневника. – Она взяла рукопись и перелистала страницы. – Как назывался тот дом в Ирландии? В Западном Корке, куда твою маму привели координаты...

- Аргидин-Хаус?
 - Да. Ты помнишь, как проследил имена его владельцев до фамилии Эсзу?
 - Помню.
 - Так вот, мой отец знал его. И, похоже, очень хорошо.
 - Интересно. Какие выводы можно сделать из этого?
 - У меня пока нет ответов, но я приближаюсь к ним. Если подумать, то мне нужно встретиться с Майей. Эта информация в наибольшей степени затрагивает ее.
 - Можно спросить, почему?
 - Извини, Джек. Это не моя история.
 - Разумеется. Тогда скажи, нужно ли мне присмотреть за малышом, пока ты будешь встречаться с сестрой?
 - Правда?
 - Конечно, никаких проблем.
 - Спасибо, Джек. Не стесняйся отнести его куда-нибудь прогуляться, если не захочешь оставаться здесь. А если устанешь, то Ма будет рядом.
- Она взяла чашку чая и направилась к двери.
- Отлично. Давай, медвежонок гризли, почему бы нам не прогуляться? А ты иди, Алли. Увидимся позже.

* * *

Майя в буквальном смысле ощущала подступающую тошноту. Ужасные воспоминания о вкрадчивом, угодливом Зеде Эсзу, сыне Крига, наполняли ее разум. От мысли о том, что много лет назад Па Солт был вынужден бежать от его отца, ей хотелось плакать. Зед знал ее семейную историю? Вполне возможно. Вероятно, это объясняло причину его нездорового интереса к сестрам Деплеси. Майя хорошо знала, что он был близок с Электрой, а Тигги рассказала ей о его появлении в горной части Шотландии. Должно быть, присутствие Зеда в жизни сестер причиняло Па Солту немало душевной боли.

- Ублюдок! – воскликнула Майя и швырнула рукопись на пол.
- Майя? – вымолвила Стар. Они с Сиси появились в дверях библиотеки, когда Майя обхватила голову руками и разрыдалась.

Сестры подбежали к ней и обняли ее. – Мне так жаль, Майя. Должно быть, это ужасно.

– Как бы то ни было, Майя, я согласна с тобой, – добавила Сиси. – Он жалкий кусок дерьма.

– Он знал, верно? Он знал о Криге и Па Солте? Поэтому он жужжал вокруг, словно шершень, от которого невозможно избавиться. *Я была беременна от него!* – выкрикнула Майя.

– Знаю, знаю, моя милая. Но ты не виновата. Мы появились, как только прочитали об этом.

– Спасибо, Стар. – Майя шмыгнула носом. – О господи. Все это слишком эмоционально, правда? Мне страшно подумать, каким одиноким и отчаявшимся был наш папа.

– По крайней мере, он нашел Элле. Она изменила его жизнь. Даже почерк у него стал более... размашистым, – сказала Сиси. – Понимаешь, что я имею в виду?

Майя то ли всхлипнула, то ли рассмеялась.

– Как ни странно, да. И я рада тому, как хорошо семья Ландовски обошлась с ним.

– Я еще не обдумала этот момент, – тихо сказала Стар. – Должно быть, для тебя было очень странно читать о работе Па в мастерской Ландовски и о его отношениях с мсье Бройли.

– Да. Он был тем самым молчаливым мальчиком. Я читала о нем в письмах Бел и не могла этому поверить.

– Это объясняет, откуда он взял тот мыльный камень, который Па оставил в письме для тебя, – добавила Стар.

– Да.

Алли вошла в комнату. Она взяла Майю за руку и крепко пожала ее.

– Ох, милая, мы все с тобой. Мы сделаем все, что понадобится.

– Знаю. Извини, мне нужно собраться с силами. – Майя утерла слезы рукавом. – Зед – тот еще подонок, но что в этом нового?

Алли достала из кармана платок и протянула ей. Майя благодарно приняла его и вытерла глаза.

– Итак, Па был знаком с Кригом.

– Думаю, что «знаком» – это слишком мягко сказано, – резко вставила Сиси.

– Почему он никогда не говорил об этом? – Майя передернула плечами. – Наверное, он был близок к сердечному приступу, когда я впервые упомянула, что познакомилась с молодым Зедом Эсзу.

– Не знаю, милая. Может быть, они разрешили свои взаимные обиды? В конце концов, мы знаем лишь часть этой истории, – добавила Стар, гладившая ее волосы.

– Что-то подсказывает мне, что этого не произошло, Стар, – ответила Майя. – Нам известно, что в день смерти Па Солта Криг совершил самоубийство. Алли, кажется, ты говорила, что в тот день видела «Олимпию» рядом с «Титаном»?

– Сама не видела, но друг Тео сообщил об этом по радио. – Алли вздохнула и провела пальцами по волосам. – Вообще-то я думаю, что я как-то ускорила ход событий.

– Что ты имеешь в виду, Алли? – резко спросила Сиси.

– Ты помнишь, что координаты Мерри привели нас в Аргидин-Хаус в Западном Корке? – Ее сестры задумались и кивнули. – Так вот, хотя этот дом давно заброшен, он принадлежит семье Эсзу. Джек узнал об этом, когда навел справки по моей просьбе.

Наступило молчание, сестры пытались осмыслить значение этих слов.

– Что это значит? – наконец спросила Стар.

– Если честно, пока не знаю. Но кое-что ясно: взаимоотношения между Па и Кригом являются ключом к пониманию всего остального.

– Согласна, – хмыкнула Майя.

– Я соберу остальных и узнаю, до какого места они успели дочитать. Потом мы можем все обсудить за парочкой бутылок розового вина.

– Хорошая мысль, Алли, – кивнула Стар. – Мы еще незнакомы с большей частью этой истории. Откуда появился Па Солт, почему Криг считал его убийцей своей матери... и об алмазе...

– Мы можем лишь надеяться, что дела будут проясняться по мере чтения, – сказала Алли и положила руку на плечо Стар.

Георг Гофман покрутил виски в бокале и сосредоточился на звяканье ледяных кубиков. Сидя на верхней палубе в гостиной с панорамным обзором, он смотрел на итальянское побережье Средиземного моря, отливавшее золотом в лучах заходившего солнца. Он различал очертания Неаполя, а за ним – древний город Помпеи, чьи жители на тысячи лет застыли во времени. Это казалось ему подходящей метафорой для нынешнего вояжа: события прошлого продолжали формировать настоящее.

Георг перебирал в памяти события предыдущих двенадцати месяцев. Каким вихрем они были для сестер Деплеси! Все они без исключения проявили зрелость и благоразумие, разбираясь с правдой о своем прошлом.

– Ты бы гордился ими, – сказал он в пустоту.

Последние несколько ночей были почти бессонными. Особенно утомляли телефонные звонки с постоянными «обновленными сводками» текущей ситуации. Хотя Георг старался, как только мог, его терзало внутреннее противоречие между профессиональным юристом, обязанным выполнять желания клиента, и обычным человеком, который любил эту семью, как собственную.

Кто-то постучал в дверь. Георг обернулся и увидел Ма, сунувшую голову в комнату.

– Хотела узнать, как ты, *cheri*. Все нормально?

– Да, спасибо. Заходи, Марина; не желаешь немного выпить со мной?

Она тихо прикрыла дверь за собой.

– Знаешь, Георг, я присоединюсь к тебе.

Он потянулся к графину и налил бокал своей старинной подруге.

– Это виски принадлежало ему, «Макаллан» тысяча девятьсот двадцать шестого года. В сущности, я не сомневаюсь, что он был последним, кто прикасался к этому графину.

Он протянул ей бокал.

– Спасибо. Помню, он рассказывал, что пристрастился к местным сортам виски после того, как провел определенное время в Шотландии. – Она сделала маленький глоток и почувствовала, как тепло ароматной жидкости движется по пищеводу и растекается в желудке. – Думаешь, девочки уже достигли этого места в его дневнике?

– Не уверен. Как думаешь, Марина, какой будет их реакция?

– Трудно угадать. Определенные элементы этой истории им будет легче переварить, чем другие. Но я рада, что мы наконец придем к полному согласию.

– Да.

– Могу я спросить о последних новостях? – Марина испытующе посмотрела на Георга.

– Ничего нового после того, о чем я рассказал тебе сегодня утром. Дело быстро ухудшается, и осталось уже недолго.

Марина перекрестилась.

– Что бы ни случилось, ты не должен винить себя, Георг. – Она накрыла ладонью его руку. – Ты вел себя достойно.

– Спасибо, Марина. В твоих устах это многое значит. Мы столько пережили за эти годы... Я обязан ему тем, чтобы все было сделано *правильно*.

– Что бы ты ни выбрал, Георг, я знаю, что это будет правильно. Боюсь, об этом никто не говорит, но Атлас тоже чрезвычайно гордился бы тобой. И твоей сестрой, разумеется. Извини, что я не спрашивала... как она справляется с этим?

– Ей очень трудно, как и любому другому человеку в таких обстоятельствах.

– Могу представить. – Марина смотрела на море. – Он всегда любил это побережье.

Георг не ответил. Марина повернула голову и увидела слезы в его глазах.

– Пожалуйста, *cheri*, не надо плакать. Это разрывает мне сердце.

– Я всем обязан ему, Марина. Абсолютно всем.

– Как и я. Мне давно хотелось спросить... Когда Атлас нашел вас обоих на берегу Женевского озера, ты не задавался вопросом, почему он не сдал тебя властям?

Георг поднял графин и наполнил свой бокал.

– Разумеется, задавался. Мы были всего лишь парочкой перепуганных детей. Но он сам бежал от гонений. – Георг медленно сделал глоток виски. – Атлас был очень добр к нам.

– Ты отплатил ему за добро, Георг. Ты посвятил жизнь служению ему.

– Это меньшее, что я мог сделать, Марина. Без него у меня не было бы никакой жизни.

Марина тоже осушила свой бокал, и Георг снова наполнил его.

– Спасибо. Как долго это еще продлится, по мнению твоей сестры?

Георг пожал плечами.

– Считанные дни.

– Это повлияет на твое решение, Георг? О том...

– Возможно, – перебил он. – Признаюсь, что поиски Мерри и доставка ее на борт «Титана» как раз перед отплытием могут определить мой курс действий.

– Это вполне уместно. И похоже на знак свыше.

– Его мир всегда был таким.

В дверь снова постучали, и на пороге появилась Мерри.

– Добрый день, как дела?

– Мерри! – воскликнула Ма. – Спасибо, неплохо. Но важнее знать, как вы себя чувствуете, дорогая?

– Замечательно. Дневник чрезвычайно увлекателен. У Атласа был дар красноречия. Для такого юного мальчика у него великолепный стиль изложения.

– Он всегда был лингвистически одаренным, – улыбнулась Ма.

– Я хотела спросить об этом Криге Эсзу. До сих пор он был лишь кратко упомянут в тексте, но Джек сообщил мне, что члены его семьи были владельцами Аргидин-Хауса. Вы можете рассказать, как это произошло?

Ма посмотрела на Георга, который одним глотком допил виски.

– Ах, да. Полагаю, вы очень заинтересованы этим стечением обстоятельств. – Мерри заметила, как Ма строго посмотрела на Георга. – Но, честно говоря, мы не знаем.

– В самом деле?

– Да. Думаю, лучше сказать об этом сейчас, чем после того, как вы дочитаете дневник до конца и будете разочарованы.

– Ясно. Что ж, это весьма досадно.

– Возможно, однажды мы узнаем, как это вышло, Мерри. А может быть, это простое совпадение, – солгал Георг.

Мерри сморщила нос и цокнула языком.

– Ну да, вы совершенно правы. Я наверняка что-то перемудрила, в конце концов, это популярное ирландское имя. Уверена, что там тысячи Мэрфи, О’Брайенов и Эсзу. – Она подбоченилась и вопросительно посмотрела на Георга, отчего тот достал носовой платок и промокнул вспотевший лоб. – А теперь, если это возможно, я хотела бы позвонить в Дублин и проинформировать Амброза о последних событиях. Трудно поверить, что прошло менее суток с тех пор, как мы попрощались. Больше похоже на целую жизнь.

– Тут я согласен с вами, – ответил Георг. – В офисе есть спутниковый телефон, и большинство сотрудников знают, как он действует. Марина, ты не против помочь Мерри?

– Разумеется. Пойдемте, моя дорогая. А потом почему бы нам не пропустить по бокалу вина перед ужином?

Женщины ушли, и Георг снова остался в одиночестве. Он тяжело вздохнул. Прискорбно, что ему пришлось солгать дочери Атласа. Может быть, ему следовало сказать всю правду, что, несомненно, избавило бы его от тяжелейшего бремени. Но это бы противоречило желанию его клиента.

Телефон в кармане Георга завибрировал, и он поспешно достал аппарат. Хотя на экране светилась надпись «неизвестный номер», он точно знал, кто находится на другом конце линии. Он набрал в грудь побольше воздуха и принял звонок.

– Плейона, – сказал Георг.

– Орион, – последовал ответ.

Обмениваясь этими словами, стороны давали друг другу понять, что разговор безопасен. Георг собрался с духом для вечерней сводки новостей.

Алли ворочалась с боку на бок в своей душевной каюте. Ужин прошел в тягостной обстановке; каждая сестра пыталась осмыслить серьезность прочитанного, не обращаясь к другим. Флориано и Кресси, как могли, старались заполнить неловкие паузы, а Рори и Валентина радовали собравшихся очаровательными проявлениями своей крепнувшей дружбы. Тем не менее атмосфера была довольно

напряженной. За столом Алли несколько раз ловила на себе взгляды Джека, но он отворачивался, стоило ей посмотреть на него в ответ. Она жалела, что не поговорила с ним о «ситуации с Бэром», когда он зашел к ней в каюту, но тогда она слишком нервничала. Теперь она чувствовала себя глупо: чем дольше эта тема будет оставаться нераскрытой, тем более странным это покажется Джеку.

Телефон Алли зажужжал, и она увидела, что пришло новое голосовое сообщение. Мобильная связь в море была нестабильной, но, очевидно, капитан Ганс встал на якорь в зоне досягаемости одной из вышек. Она открыла сообщение.

– Здравствуй, Алли, это Селия... – Голос матери Тео слегка потрескивал в трубке. – Надеюсь, милая, что с тобой и Бэром все хорошо. Мне не терпится снова увидеть вас в Лондоне; дай знать, если у тебя будут планы на приезд. Если нет, то я соберу теплые вещи и отправлюсь в Норвегию! Послушай, я знаю, что сейчас ты совершаешь круиз в честь своего замечательного отца... Я решила записать это сообщение и дать тебе знать, что я часто думаю о тебе. И я уверена, что Тео, где бы он ни был, улыбается тебе сверху. Люблю тебя, моя дорогая. До свидания.

Алли отложила телефон, на нее нахлынула новая волна вины. Голос Селии Фэйлис-Кинг был полон искренней симпатии. Да, Алли испытывала чувства к Джеку, но содрогалась от мысли о неуважении к памяти Тео.

– Прости, Тео, – прошептала она.

Хотя сестры старались подбадривать ее, Алли размышляла о том, что могут подумать другие. Что скажет ее брат Том, если они с Джеком когда-нибудь встретятся? Выбор нового ухажера меньше чем через год после смерти прежнего избранника, мягко говоря, выглядел некрасиво. Кроме того, ей меньше всего хотелось расстраивать Мерри, которой все происходящее должно было казаться фантаσμαгорией и без того, чтобы ее новая приемная сестра проявляла неуместные чувства к ее сыну.

– Бог ты мой, – вздохнула Алли.

– Алли, ты не спишь? – прошелестел голос снаружи. Она на цыпочках прошла и отворила дверь. Там стояла Тигги в фирменном халате «Титана». – Привет! Извини, я не хотела стучать, чтобы не разбудить Бэра.

– Можешь не беспокоиться, он крепко спит. Хочешь зайти?

– Спасибо. – Тигги обладала сверхъестественной способностью проскальзывать внутрь, подобно грациозной фее. Алли всегда восхищалась этой неземной легкостью. – Я хотела кое-что проверить, поскольку отвлеклась за ужином. Правда, что мы договорились прочитать еще сто страниц дневника к завтрашнему ланчу?

– Да, это так. Потом мы хотели снова собраться и обсудить прочитанное.

– Отличный план. Спасибо, Алли. – Тигги повернулась к двери, но помедлила возле кровати Бэра и посмотрела на спящего племянника. – Маленький Бэр, – прошептала она. – Трудно поверить, что лишь несколько месяцев назад в пещере Гранады ты решил удивить нас всех... и особенно свою маму!

Алли улыбнулась при этом воспоминании.

– Знаешь, я не думаю, что Чарли остался прежним после того, как увидел работу Ангелины в тот вечер. Пять лет обучения в медицинском колледже не могут заменить *bruja* и ее знания о внезапном появлении Бэра.

– Ну, ему не стоило впадать в уныние. В конце концов, *bruja* может сделать только то, что в ее силах... Уверена, что ты была благодарна за болеутоляющие препараты, которые он прописал тебе потом. – Тигги подмигнула сестре и снова посмотрела на Бэра. – Кстати, он говорит тебе: «Посмотри письмо».

– Прошу прощения?

– Он хочет, чтобы ты перечитала письмо. – Тигги широко улыбнулась.

– Кто? Бэр? Что ты имеешь в виду? Я...

– Точно не знаю, но надеюсь, что это будет полезно. Я иду спать. Спокойной ночи, Алли.

Тигги обняла сестру и направилась к выходу. Когда дверь за ней закрылась, сердце Алли затрепетало в груди. Тигги могла иметь в виду только одну вещь.

Она подошла к своему чемодану и открыла застежку внутреннего кармана. Оттуда она достала письмо Тео, которое повсюду носила с собой. Алли ни с кем не делилась содержанием этого письма, и никто другой, кроме нее, не видел его. Слегка дрожа от напряжения, она

медленно открыла конверт, и ее взгляд, как всегда, заскользил по последним строчкам.

«Если, по воле случая, тебе придется читать это, посмотри на звезды и знай, что я гляжу на тебя с небес. И, может быть, пью пиво с твоим папой, ведь я все знаю о вашем детстве.

Моя Алли – Альциона, – ты не представляешь, какую радость ты доставила мне.

Будь СЧАСТЛИВА! Это мой дар тебе.

Тео».

Образ Тео и Па Солта, распивающих пиво с широкими улыбками, доставлял Алли огромную радость. Она знала, как сильно отец одобрял ее выбор, и очень надеялась, что они смогут встретиться в иной жизни. Что там сказала Тигги?

«Он хочет, чтобы ты перечитала письмо».

Алли смотрела на единственное слово, написанное крупными буквами. Ее взгляд тянуло туда как магнитом.

«Будь СЧАСТЛИВА!»

В горле у Алли встал комок. Она подошла к иллюминатору и нагнулась, чтобы посмотреть на звезды.

– Спасибо тебе, Тео. Обними папу за меня.

Она убрала письмо на прежнее место и легла в постель. Алли сразу поняла, что попытки заснуть будут тщетными, поскольку в ее голове стоял оживленный гомон, почище, чем на центральной площади Осло. Она снова взяла телефон и отправила Джеку сообщение.

«Спасибо, что сегодня присмотрел за Бэрром. Хороших снов!»

Ответ пришел почти мгновенно.

«Я был рад помочь. Тебе тоже приятных снов!»

Алли посмотрела на страницы дневника, лежавшие на туалетном столике. Ответы находились внутри. Утром сестры договорились прочитать еще по сотне страниц, поэтому она взялась за чтение.

Дневник Атласа

1936–1940 гг.

19

Если случайный читатель погрузится в изучение этих страниц, он может удивиться более чем шестилетнему отсутствию записей и спросить, как могло случиться, что маленький мальчик, который жил в парижском пригороде, теперь, на грани зрелого возраста, находился в новом европейском городе. Это весьма бурная история. По правде говоря, за последние шесть лет я часто вел дневниковые записи. Вероятно, их содержание могло показаться чересчур сентиментальным для некоторых литературных вкусов, но они оставались хроникой радостей, пережитых во время моего пребывания во Франции. К сожалению, я вынужден сообщить, что эти записи остались в доме Ландовски после того, как я был вынужден внезапно и

несвоевременно уехать оттуда в силу обстоятельств, возникших в результате моей тяжелой ошибки, когда я открыл рот и заговорил.

Хотя я пишу эти строки в 1936 году, в восемнадцатилетнем возрасте, я понимаю, что с моей стороны было бы небрежностью оставить такой большой пробел. Разрешите объяснить. С 1930 по 1933 год жизнь в Париже продолжалась для меня во многом так же, как в предыдущие два года: я помогал мсье Ландовски и мсье Бройли в мастерской и посещал уроки мсье Ивана в консерватории, как делала и Элле. По мере нашего взросления, наши строгие блюстительницы, мадам Ганьон и Эвелин, предоставляли нам все большую свободу действий. По утрам мы безмятежно коротали время за кофе в парижских кафе, а по вечерам гуляли по улицам и каждый раз находили новые архитектурные подробности, пробуждавшие восторг и увлечение. Мое решение заговорить в тот день перед Рождеством действительно помогло расцвету моих отношений с Элле... кто бы мог предсказать это? Я был счастлив читать *ей вслух* во время наших пикников и интересоваться ее мнением обо всех аспектах моей быстро налаживавшейся жизни. Увы, это самое решение привело к беде.

Однажды утром в начале 1933 года, когда мы были в мастерской, мсье Ландовски сделал объявление:

– Господа, у меня есть новости! Они довольно важные, поэтому слушайте внимательно. Наше совместное плавание подошло к концу.

– Мсье Ландовски? – произнес Бройли с внезапно побледневшим лицом. В конце концов, он принял решение уехать из Рио, чтобы продолжить свою карьеру в Париже.

– Сегодня утром я получил предложение занять должность директора Французской академии в Риме!

Бройли промолчал. Я тоже встревожился, поскольку мсье Ландовски обеспечивал мне еду и крышу над головой, но самое главное – щедро оплачивал мою учебу в консерватории.

– Мсье Бройли, вам нечего сказать?

– Прошу прощения, мсье. Примите мои поздравления. Они сделали прекрасный выбор.

Я присоединился к поздравлениям Бройли с широкой, немного натянутой улыбкой и вежливо зааплодировал.

– Спасибо, господа. Только представьте, они выбрали меня! Какое место и какое жалованье!

– Мир оскудеет без вашего таланта, мсье, – с неподдельной печалью произнес Бройли.

– Ох, друг мой, давайте обойдемся без глупостей. Я все равно останусь скульптором. Я всегда буду заниматься скульптурой! Но главная причина моего согласия занять эту должность состоит в том, что... Полагаю, это вина и заслуга нашего юного друга. – Ландовски указал на меня, упиваясь моим потрясением. – Я имею в виду, что получил огромное удовольствие, как творческое, так и личное, наблюдая за успехами Бо в последние несколько лет. Мсье Иван сообщил, что он имеет все задатки будущего виртуоза-виолончелиста. И все это сделал мальчик, который едва мог встать на ноги, когда я впервые увидел его! Честно говоря, я немного завидую твоему учителю, Бо. Хотя я помогал тебе материально, но сожалею о том, что кто-то другой развивал твои художественные таланты. Поэтому я надеюсь, что во Французской академии я смогу развивать таланты других молодых людей в моей области.

Моя натянутая улыбка стала искренней.

– Это замечательное намерение, мсье, – мрачно сказал Бройли.

– Не надо так печалиться, мой дорогой Бройли! – Мсье Ландовски подошел к своему помощнику и положил руку ему на плечо. – Ты правда подумал, что я оставлю тебя без ничего? Перед тем, как принять предложение, я договорился с нашим коллегой, мсье Бланшеттом из Школы изящных искусств. Через неделю, когда я уеду в Рим, ты займешь должность младшего педагога.

– Правда, мсье? – Бройли распахнул глаза.

– Да. Бланшетт был чрезвычайно доволен, когда получил рекомендательное письмо от меня. Это прекрасное учреждение, и ты будешь отличным преподавателем. Они, определенно, будут платить тебе больше, чем я, и это еще мягко сказано. У тебя появится регулярный доход и возможность продвижения.

– Спасибо, спасибо, мсье Ландовски! – Бройли энергично пожал руку своего учителя. – Я никогда не забуду, что вы для меня сделали.

– Ты это заслужил. В конце концов, я вряд ли закончил бы Христа-Искупителя без тебя... – Ландовски еще раз пожал руку Бройли и подмигнул ему. – Твой труд останется в веках.

Потом он повернулся ко мне.

– Юный Бо! Твоя жизнь не претерпит значительных изменений. У меня нет планов по продаже этого дома, и, разумеется, мы будем возвращаться на летние каникулы, а также на Рождество. Многим слугам придется уйти... но Эвелин останется. Это тебя устраивает? – Я кивнул. – Хорошо! Тогда, я думаю, можно по традиции отметить это бутылкой шампанского...

Как и обещал мсье Ландовски, моя жизнь практически не изменилась, разве что я стал проводить больше времени с Эвелин, которая теперь одна заведовала домашним хозяйством. Я часто переписывался с мсье Ландовски. Он рассказывал мне истории о юных талантах, проходивших через двери Французской академии, и о событиях в его семейном кругу.

«Марсель неистово работает над техникой игры на фортепиано. Как тебе известно, он надеется поступить в консерваторию в ближайшие два года... Думаю, у него хорошие шансы. Я не сомневаюсь, что твой пример дал ему необходимый толчок для достижения его заветной мечты».

Было необычно иметь в своем распоряжении целый дом со свободным доступом в библиотеку и на кухню. Я даже осмелился на короткие беседы с Эвелин. Когда я впервые заговорил с ней, она расплакалась. Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что мое тогдашнее существование было похоже на сон; я жил, зачарованный пьянящей смесью из музыки, Элле и ощущения полной безопасности.

Каким же наивным я был!

Начало конца наступило осенью 1935 года.

Мы с Элле сидели в кафе на улице Жана де Лафонтена. Поскольку Элле исполнилось восемнадцать лет, она покинула *«Apprentis d'Auteuil»* и жила в темной обшарпанной комнате в мансарде у подруги мадам Ганьон. Элле получала скудное жалованье за уборку дома мадам Дюпон, но мирилась с этим, так как по договоренности она по-прежнему могла дважды в неделю ходить на уроки в консерватории. Я откинулся на спинку металлического стула и посмотрел на Элле, которая с отсутствующим видом таращилась в чашку кофе. Что-то явно тяготило ее.

– Все в порядке, любимая? – спросил я.

– Да... просто мсье Туссен накричал на меня во время последнего урока.

Я послал ей обнадеживающую улыбку.

– Как тебе известно, это не редкость в консерватории.

Элле пожала плечами.

– Я знаю. Но, честно говоря, не думаю, чтобы я когда-либо нравилась мсье Туссену. Он считает ниже своего достоинства учить девочку-подростка. И, разумеется, он прав. Но в последние несколько недель, когда он учил меня правильно читать партитуру, его замечания были особенно ядовитыми.

– Не беспокойся об этом. Я уверен, его просто раздражает то обстоятельство, что ты не училась музыке *должным образом*. У меня были сходные моменты с мсье Иваном.

– Ты прав. Но во время сегодняшней вспышки он сказал нечто странное.

– Что именно? – поинтересовался я.

– По его словам, если бы я не была отпрыском «великого русского», то он бы заставлял меня учиться по ночам, без отдыха и сна. У меня кровь застыла в жилах. Я спросила его, что это значит. Он рассмеялся и обозвал меня дурочкой, если я думаю, что он согласился учить меня только из-за моего музыкального таланта. Я продолжала настаивать. Тогда он разъярился и заявил, что у него нет времени возиться с детьми и что мсье Рахманинов должен слезть со своего трона и сам заниматься этим.

– Ох, – вырвалось у меня.

Элле нахмурилась.

– Когда я призналась, что не понимаю, он снова засмеялся и пообещал написать «великому русскому» и сообщить, что его дочь совершенно бестолковая. Тут появился мсье Иван и предложил Туссену выйти в коридор для разговора. Какое-то время они говорили, потом он вернулся и отпустил меня домой. – Элле вопросительно посмотрела на меня. – Как думаешь, что он имел в виду, когда говорил о Рахманинове?

Я медленно отпил глоток английского чая.

– Возможно, мне удастся пролить свет на эту ситуацию.

Она выглядела растерянной.

– Что ты хочешь этим сказать, Бо?

Я со вздохом объяснил ей выдумку мсье Ивана. Когда я замолчал, Элле казалась совершенно подавленной.

– Значит... значит, я получила место в консерватории не из-за своего таланта?

– Это не так. Мсье Иван сказал, что, как дочь Рахманинова, ты получишь право на прослушивание. Уверяю тебя, все остальное было достигнуто только благодаря твоим музыкальным способностям.

– Они все считают меня брошенной дочерью Рахманинова?

– Только Туссен и Мулен. Пожалуйста, постарайся не беспокоиться. Я поговорю с мсье Иваном на следующем уроке и получу от него разъяснение ситуации.

Но мне так и не представилась возможность поговорить с мсье Иваном. Спустя несколько дней, когда я спал в доме Ландовски, меня разбудил какой-то треск. Я распахнул глаза и сбросил одеяло. Несмотря на новую жизнь под домашним кровом, я был рад тому, что на подсознательном уровне сохранял повышенную бдительность. Мое бывшее существование на мерзлых пустошах гарантировало сон «вполглаза», как выражался мой отец.

Часы на моем столе показывали два часа ночи. Я окончательно проснулся и услышал второй характерный звук: скрип открывшейся входной двери.

Я был не один. Я выглянул в окно и не увидел света в коттедже Эвелин, но не стал утешаться мыслью о том, что она почему-то решила посетить хозяйский дом глухой ночью. Я как можно тише подкрался к двери спальни и повернул ручку. К счастью, дверь открылась бесшумно. Внимательно прислушавшись, я различил скрип половиц под чьими-то шагами вниз и рефлекторно нащупал кошелек у себя на шее.

Неужели это *он*? Значит, ему каким-то образом удалось найти меня?

Этого момента я боялся с самого начала.

Несмотря на ужас, пронизавший мое существо, я имел одно тактическое преимущество перед взломщиком. Я хорошо знал дом Ландовски, а стуки и скрипы свидетельствовали о том, что пришелец незнаком с обстановкой. Я подумал, не стоит ли спрятаться, но решил, что это бесполезно: среди ночи поиски могли продолжаться до тех пор, пока меня не найдут. Я думал и о побеге, о возможности метнуться к

входной двери и убежать в ночь. Но если это был *он*, то вряд ли дистанция в несколько миль между нами будет достаточной, чтобы защитить меня. К сожалению, я пришел к выводу, что лучшим выходом будет нападение.

Я медленно вышел на лестничную площадку и прислушался к шагам внизу. Казалось, что пришелец методично обыскивает дом. Разумеется, предметом его поисков мог быть только я. В конце концов, звук шагов удалился к восточному крылу дома, в сторону гостиной и библиотеки, и я решился действовать. Я украдкой спустился на первый этаж и пошел в противоположную сторону, к мастерской, где хранились резцы и зубила мсье Ландовски. Я взял самые острые инструменты и вернулся в коридор, держась ближе к стене, чтобы не попасть под лунный свет. Там было тихо. Где же он?

Когда я снова шагнул вперед, кто-то, затаившийся сзади, обхватил меня руками и с силой оторвал от пола. Я лягнул ногой, целясь в колено нападавшего, и сдавленный вскрик дал понять, что удар достиг цели. Незнакомец споткнулся и разжал руки, когда мы оба повалились на пол. Во время схватки я выронил зубило и зашарил по полу, стараясь найти его в темноте. За эти несколько секунд нападавший успел подняться на ноги и метнулся по коридору в гостиную. К счастью, я нащупал зубило и сразу же побежал за пришельцем.

– Покажись! – крикнул я с нескрываемой яростью. В гостиной было тихо, и я видел лишь силуэты мебели в лунном свете.

– Ты никогда не был трусом, Криг, – продолжал я, но никто не ответил. – Давай посмотрим друг на друга. Ты знаешь, что я не хочу драться с тобой. Я взял это зубило только для защиты. Есть вещи, которых ты не понимаешь... вещи, о которых я давно хочу рассказать тебе. Пожалуйста, покажись, и я все объясню.

По-прежнему тишина. Я почувствовал слезы, подступившие к глазам.

– Почему ты вообще решил, будто я способен на такое? Мы были друзьями. Мы были братьями. – Я смахнул слезы и постарался сосредоточиться. – В тот день я убежал лишь потому, что узнал о твоём намерении убить меня. Я был маленьким мальчиком, как и ты, Криг. Теперь мы молодые люди и можем все решить спокойно. – Поколебавшись, я сделал последнее заявление в надежде выманить его из укрытия: – Алмаз у меня. Я не стал продавать его. Я могу отдать его

тебе прямо сейчас: он лежит в кошельке у меня на шее. Просто покажись, и мы договоримся. Потом ты уйдешь, и мы больше никогда не встретимся, если ты так захочешь.

За шкафом в дальнем конце комнаты скрипнула половица. Я знал, что упоминание о драгоценном камне должно выманить его из укрытия.

– Алмаз, говоришь? Так вот что ты носишь в этом кошельке!

Я узнал голос, который принадлежал вовсе не Кригу. Из сумрака появилась фигура, и я увидел лицо.

– Мсье Туссен?

– А знаешь, ты удивительно красноречив для немого мальчика.

– Что вы здесь делаете? Чего вы хотите?

– Я не люблю, когда меня надувают, мальчик. Парижская консерватория – это величайшее музыкальное учреждение на свете, а не детский сад. Тебе отлично известно, что этот русский крысеныш Иван заставил нас поверить, будто твоя подружка – незаконная дочь Рахманинова. Когда я пригрозил написать Рахманинову, Иван раскололся и признался в своей лжи.

Он шагнул ко мне.

– Я спросил его насчет тебя. Он сказал, что ты был подопечным Поля Ландовски... который, как мне известно, получил должность в Риме. Поэтому, в качестве наказания за обман, я решил прийти сюда и забрать парочку его фарфоровых ваз. Но теперь оказалось, что здесь есть нечто куда более ценное.

Он сделал еще шаг.

– Вы не понимаете.

– В сущности, здесь есть две ценные вещи, мой мальчик. Алмаз, который ты носишь на шее... и ты сам.

– Я?!

– Похоже, что этот «Криг», о котором ты упомянул, будет очень рад узнать, где ты находишься. Уверен, что он щедро заплатит за информацию о тебе.

– Он лишь немного старше меня, Туссен. У него нет денег. И если он узнает, что вы украли у меня алмаз, то убьет и вас.

Туссен фыркнул.

– Бывают разные сделки, малыш. Возможно, если сейчас я убью тебя и верну алмаз молодому мистеру Кригу, мы найдем способ

поделить деньги...

Речь Туссена становилась все более невнятной. Очевидно, он был пьян.

– Пожалуйста, мсье, – взмолился я. – Вы флейтист, а не убийца!

– С этим алмазом я могу стать кем захочу. Ну-ка, иди сюда, мальчик!

Туссен набросился на меня, но я предвидел этот маневр и отпрыгнул к дивану. Имея преимущество в росте, я попытался напасть на него со спины. Но учитель оказался удивительно силен и бросил меня через бедро, так что мы оба покатались по полу. Он придавил меня своим весом так, что я начал задыхаться. Ухватившись за эту возможность, Туссен развернулся и сорвал кошелек с моей шеи. Он отбросил кошелек в сторону и принялся душить меня.

Я помню странное ощущение покоя, когда жизнь начала покидать мое тело. Я не испытывал паники... пока передо мной не возник образ Элле, и тут я моментально преисполнился жаждой борьбы. Собрав последние силы, я взмахнул зубилом и вонзил его в руку Туссена.

– А-ууу! – взвыл он. Теперь уже я воспользовался возможностью и нашарил кошелек, а потом сунул его в карман.

Внезапно в комнате зажегся свет, и кто-то громко закричал в дверях. Я откатился в сторону и увидел Эвелин: она держала одну руку на выключателе и прижимала другую ко рту. Туссен встал, баюкая раненую руку, и низко пригнулся, чтобы она не увидела его лицо. Потом он пулей пролетел мимо Эвелин и выбежал из дома.

– Что происходит, Бо? Боже мой, это кровь на полу? – Я кивнул. – Ты цел? – Я снова кивнул, стараясь отдышаться. Эвелин опустилась на колени рядом со мной и принялась лихорадочно ощупывать меня. – Говори со мной! Кто этот человек? Почему он был здесь?

Я ошеломленно смотрел на нее.

– Пожалуйста, Бо. Расскажи мне все.

Я объяснил положение дел так быстро, как только смог.

– *Mon Dieu*, Бо. Алмаз у тебя? – Я похлопал по карману. – Хорошо. Но теперь тебе опасно оставаться здесь. Он может вернуться, и не знаю, кого еще он приведет с собой. Тебе пора уходить отсюда.

– Уходить? Куда?

– В квартиру мсье Бройли на Монпарнасе. Он приютит тебя, и вы будете в безопасности, пока я не найду решение.

– Я боюсь, что Туссен может прийти к Элле. Он ее учитель, и, наверное, он знает, где она живет.

Эвелин закрыла глаза и кивнула.

– Думаю, твое беспокойство оправдано. Тебе нужно сначала отправиться к ней.

– Но, Эвелин, как насчет вас? Что, если Туссен вернется сюда?

– Пускай вернется. Едва ли ему что-то нужно от меня. Завтра я извещу Бройли, и он временно поселится здесь. А теперь поспеши. Ты сможешь добраться до Эллы примерно за час быстрой трусцой. Иди наверх и собери вещи, только самое нужное. Я запишу для тебя адрес мсье Бройли.

Я побежал наверх и запихал в кожаную сумку несколько рубашек и нижнее белье. Потом взял адрес у Эвелин, обнял ее и после долгой семимильной пробежки оказался возле дома Эллы, отдуваясь и истекая потом. Ее окно находилось на самом верху, и я выругал себя за то, что не предусмотрел этого. Пришлось собрать с обочины мелкие камешки и бросать их в ее окно. Это была рискованная затея, но у меня не оставалось выбора. Через несколько минут она принесла результат, и в окне появилось заспанное лицо Эллы.

– Бо? – одними губами прошептала она. Я жестом попросил ее спуститься, и она кивнула. Через минуту тихо открылась входная дверь, и передо мной появилась Эллы в белой ночной рубашке. Она обняла меня.

– Что происходит, Бо?

– Я все объясню, когда мы окажемся в безопасности... Но сейчас нужно, чтобы ты ушла со мной.

Она изменилась в лице.

– Это *он*?

– Не совсем. Но нужно, чтобы ты собрала одежду и спустилась сюда. Мы пойдем на квартиру к мсье Бройли.

Дальнейших объяснений не понадобилось. Через несколько минут Эллы вернулась, и мы молча направились по переулкам в сторону Монпарнаса. К счастью, поиск квартиры Лорена оказался довольно легкой задачей, так как его окно было украшено розовыми орхидеями, национальной гордостью Бразилии. После нескольких нажатий дверного звонка появился красноглазый Бройли, который после короткой процедуры моего опознания впустил нас внутрь. Он любезно

заварил крепкий кофе, и я пересказал ему и Элле события сегодняшнего дня.

– Бог ты мой! Бог ты мой! – повторял Бройли. – Ты – настоящая загадка, Бо. Немой мальчик, который заговорил о чудесах.

Элле держала меня за руку. Ее присутствие было невыразимым утешением для меня.

– Спасибо, что пришел ко мне, – сказала она.

Я помедлил, разглядывая тесную квартиру Бройли. Тусклая лампа освещала коллекцию его наполовину законченных скульптур и полусырых эскизов. Статуэтки, холсты и инструменты были разбросаны повсюду. Хаос не способствовал моему психическому состоянию, и я обхватил голову руками.

– И зачем я проснулся? Туссен украл бы эти вазы и убрался восвояси.

– Мне бы хотелось, чтобы Бел услышала, как ты говоришь, – меланхолично произнес Бройли.

Я посмотрел на него. Даже после описанных мною событий его мысли блуждали где-то еще.

– Вы поддерживаете связь с ней, мсье Бройли? – спросил я. У моего бывшего партнера по скульптурной мастерской был загнанный вид.

– Нет, – тихо ответил он.

В конце концов Бройли принес пару одеял. Я настоял на том, чтобы Элле легла на маленьком диване, а сам положил подушку на пол. Элле опустила руку, за которую я держался, пока изнеможение не одолело меня и я не погрузился в сон.

Рано утром звякнул дверной колокольчик, и Бройли открыл дверь Эвелин.

– Мои дорогие, как хорошо видеть вас. – Я устремился вперед и крепко обнял ее. – Здравствуй, Элле, рада, что с тобой все в порядке. Я связалась с жандармерией.

– С жандармерией? – в ужасе спросил я.

– Да, Бо. Не забывай, что вчера в дом моего работодателя проник взломщик, вернее, пьяный учитель Элле, который пытался убить тебя. Туссена необходимо задержать и разобраться с ним. В конце концов, мы имеем дело с буйнопомешанным, который не может вернуться в Парижскую консерваторию и учить ранимых молодых людей.

– Но, Эвелин, люди из жандармерии захотят поговорить со мной! У них возникнут вопросы об алмазе. Вы не понимаете, я не могу...

– Я отлично понимаю, Бо. – Она взяла меня за руку. – И всегда понимала, с тех пор, как маленький мальчик впервые постучался в мою дверь. Ты пережил больше ужасов, чем выпадает на долю многим взрослым людям. Тебя преследуют силы, выходящие за рамки понимания простой женщины, вроде меня. Поэтому да: когда жандармы захотят срочно побеседовать с тобой, я скажу им, что не имею ни малейшего понятия, где ты находишься.

Она подмигнула мне.

– Когда полиция задержит Туссена, он исказит факты и расскажет, что это Бо напал на него, – сказала Элле и грустно посмотрела на меня. – Помнишь, что вчера ночью ты упомянул при нем об... убитой женщине?

Я раздраженно стиснул кулаки.

– Нет! Я сказал, что *никогда* не стал бы убивать женщину!

Элле сочувственно похлопала меня по спине.

– Я искренне сомневаюсь, что Туссен точь-в-точь повторит твои слова. К тому же ты ранил его зубилом.

Глаза Бройли широко распахнулись от изумления.

– Это была самозащита, – честно признался я.

– Знаю. Но у тебя нет доказательств, поэтому Туссен получит преимущество.

У меня защипало в глазах от подступивших слез.

– Мне снова нужно бежать. Вам известно, что у меня большой опыт в этом деле. В конце концов, я должен завершить поиски моего отца. Если он где-то и может быть, то в Швейцарии. Я доберусь до границы, Элле, а потом...

– Вместе со мной, – перебила она.

Я энергично покачал головой.

– Нет, ты не понимаешь. Ты уже убедилась, к чему приводит близкое знакомство со мной. Я не могу подвергать тебя опасности.

Элле взяла меня за руку.

– Бо, пока я не познакомилась с тобой, моя жизнь была унылой и монотонной. Ты все изменил. Если ты уезжаешь, то и я тоже.

Она обняла меня. Эвелин прижала руку к груди, и я увидел, как Бройли недовольно качает головой.

– Пожалуйста! – взмолился я. – Ты должна находиться в безопасном месте.

– Ради всего святого, Бо, почему ты не слушаешь ее? – воскликнул Лорен и раздраженно всплеснул руками. – Разве ты не понимаешь, что любовь – это самое главное? Поверь на слово тому, кто знает. Эта девушка боготворит землю, по которой ты ходишь, и ты явно отвечаешь ей взаимностью. Не повторяй моих ошибок, Бо. Жизнь коротка. Живи ради любви, и ни для чего больше.

Я посмотрел Элле в глаза и понял, что вопрос больше не подлежит обсуждению.

– Хорошо. Мы направимся к границе сегодня вечером, после наступления темноты.

– Границы то, границы сё! – воскликнула Эвелин. – Бо, неужели ты на самом деле думаешь, что тетушка Эвелин позволит обречь тебя на такую участь?

Я растерянно посмотрел на нее.

– Не понимаю.

Она вздохнула.

– С того самого дня, когда ты появился в Париже, мсье Ландовски понял, что ты от чего-то убегаешь и что ты решил притвориться немым, поскольку был испуган. Он был достаточно прозорлив и предусмотрел, что на каком-то этапе тебе придется покинуть Париж. Он решил помочь тебе и составил соответствующий план. – Эвелин протянула мне конверт кремового цвета. – Рада сообщить, что на сегодняшнее утро ты являешься обладателем престижной премии Блюменталья.

У меня отвисла челюсть.

– Что это такое, Эвелин? – спросила Элле.

– Ты помнишь, Бо? – Эвелин посмотрела на меня, и я понял намек.

– Это премия, учрежденная американской благотворительницей Флоренс Блюменталь для молодых художников и музыкантов. Мсье Ландовски входит в жюри. Но, Эвелин, я не понимаю... Каким образом мне удалось получить премию?

– Мсье Ландовски договорился с Флоренс незадолго до ее смерти в тысяча девятьсот тридцатом году. Очевидно, мисс Флоренс была глубоко тронута твоей историей и согласилась, что если ты

подвергнешься опасности в Париже, то премия достанется тебе вместе с денежными средствами, которые обеспечат твою безопасность.

Я недоверчиво хлопал глазами.

– Мои поздравления, Бо, – ласково сказала Элле.

– Прошу прощения. – Эвелин улыбнулась. – Мне следовало упомянуть, что премия будет разделена.

– Каким образом? – поинтересовалась Элле.

– Ты тоже являешься обладательницей премии Блюменталья. Мсье Ландовски позаботился, чтобы вы не остались без средств, если произойдет несчастье.

– О господи, – потрясенно пробормотала Элле. Я взял ее за руку и, несмотря ни на что, довольно улыбнулся.

– Разумеется, вы будете рады узнать, что по условиям конкурса вы оба должны будете продолжить музыкальное образование. В конце концов, вас наградили за музыкальные таланты.

– Как это устроено, Эвелин? – спросил я.

– Вам обеспечат перевод из Парижской консерватории в другую европейскую консерваторию. К счастью, у мсье Ландовски хорошие связи, и я ожидаю вестей от него с инструкцией о вашем дальнейшем продвижении.

– Этот человек с нелепыми усами поистине гениален, – пробормотал Бройли.

– Так и есть, Лорен. Сегодня утром я телеграфировала ему. Он разрабатывает план и вскоре сообщит мне о своем решении.

У меня не было слов.

– Эвелин, я не знаю, что и сказать...

Эвелин добродушно рассмеялась.

– Разве это не всегдашняя твоя проблема, юный мастер Бо?

Я снова обнял ее.

– Спасибо, Эвелин. Спасибо за все.

– Держи ее при себе, Бо, – прошептала она мне на ухо. – Она – твой дар небесный. – Когда я отстранился, ее карие глаза влажно блестели. Потом она хлопнула в ладоши, собираясь с духом: – А теперь мне нужно вернуться домой и дождаться телеграммы от мсье Ландовски. Когда я снова приду сюда, то принесу твои инструменты. Элле, ты могла бы написать записку для мадам Дюпон и подтвердить, что я твоя тетя, чтобы я смогла забрать твои пожитки?

– Хорошая мысль. – Элле взяла лист бумаги со стола Бройли и начала писать.

– Кстати говоря, если есть какие-то дела, которые вам нужно завершить до отъезда из Парижа, то сейчас самое время. До свидания, мои милые.

С этими словами Эвелин повернулась и вышла из квартиры. Мы немного постояли в молчании, осмысливая услышанное. Наконец я повернулся к Элле:

– Нам нужно составить письма. Нет ничего хуже, когда кто-то без объяснения исчезает из твоей жизни. Я напишу мсье Ивану.

Элле кивнула.

– А я напишу мадам Ганьон.

Я постарался, чтобы мое письмо мсье Ивану было кратким, но сердечным.

«Дорогой мсье Иван!

Надеюсь, что Эвелин связалась с вами и что это письмо будет доставлено по назначению. Мне жаль, что во вторник я не смог прийти на урок. Сейчас мне хочется поблагодарить вас за все. Вы не только были лучшим наставником, какого мог бы пожелать любой начинающий музыкант, но и кем-то гораздо большим: первым настоящим другом, которого я приобрел.

Надеюсь, однажды мы еще встретимся. В любом случае я всегда буду внимательно прослушивать все записи Парижского симфонического оркестра в надежде различить характерное звучание вашего инструмента. Возможно, вы сделаете то же самое, и тогда мы сможем навсегда сохранить друг друга в наших сердцах.

Хочу, чтобы вы знали: я ни в коей мере не считаю вас ответственным за прискорбные события последнего времени. Без вашей изобретательности и... помощи мсье Рахманинова не было бы никакой возможности устроить музыкальное обучение для Элле. Я бесконечно благодарен за то, что вы предоставили шанс нам обоим.

И наконец, пожалуйста, берегитесь некоего учителя игры на флейте. Ему нельзя доверять. Я хотел поделиться с вами этой информацией, поскольку... мы, эмигранты, должны помогать друг другу, верно?

Бо Деплеси».

Вечером Эвелин вернулась на такси вместе с нашими инструментами. Я пошел помогать с разгрузкой, но она вскинула руку, останавливая меня.

– Оставайся внутри, Бо. Никогда не знаешь, кто может следить за тобой.

Они с Бройли быстро выгрузили вещи, и она отпустила шофера.

– Я здесь ненадолго. У меня инструкции от мсье Ландовски. Во Французской академии у него есть коллега, другой парижский скульптор. Его зовут Павел Розенблюм. Сейчас удачное время: его дочь Карин собирается начать свой первый семестр в Лейпцигской консерватории. Он сделал несколько телефонных звонков, и теперь вы оба будете приняты туда студентами на старший курс.

– Лейпциг? – нервно спросила Элле. – В Германии?

Я обнял ее за талию.

– Да, ты права. Ясно, что для старшего курса нужно будет немного подправить ваш возраст. Я не вижу никаких проблем: вы оба выглядите старше своих лет.

– Когда мы уедем, Эвелин? – спросил я. – И как мы попадем в Германию?

– Ты помнишь, что мой сын Луи работает на заводе «Пежо»? По счастливому стечению обстоятельств, завтра утром он отправляет новый автомобиль клиенту из Люксембурга. Он перевезет вас через границу, а оттуда вы спокойно доберетесь до Лейпцига на поездах. Что касается документов, Бо, то ты позаимствуешь некоторые бумаги Марсея, а ты, Элле, воспользуешься бумагами Надин. Поскольку вы очень молоды, я не предвижу каких-либо осложнений при досмотре. После прибытия в Германию вам нужно будет отослать документы обратно.

Такая доброта была поистине неоценимой.

– Вам известно, где мы будем жить, Эвелин?

– Мне сообщили, что у вас будет жилье в квартале Йоханнисгассе, устроенное через мсье Розенблюма. Там же остановилась и его дочь Карин. У меня нет особых подробностей, все было организовано за один день, но, по всей видимости, это хорошее место.

Я мысленно перебрал оставшиеся практические вопросы.

– Как насчет денег?

– Мои дорогие, вы получили премию Блюменталья. Могу вас заверить, что материальная компенсация будет более чем достаточной для вашего содержания в течение трех лет обучения. Учеба будет оплачена, банковские счета открыты... Фонд Блюменталья обо всем позаботится. А пока что вот немного денег на еду и железнодорожные билеты. – Эвелин вручила мне коричневый конверт. – Внутри вы найдете адрес вашего жилья.

Я заглянул в ласковые глаза Эвелин.

– Эвелин, я никогда не смогу... – Мой голос сорвался. Я понял, что, возможно, мы видимся в последний раз, и у меня защемило сердце. Она молча привлекла меня к себе, и я уткнулся лицом в ее пальто.

– Спасибо, что был моим маленьким спутником, Бо. Помни: несмотря ни на что, хороших людей на свете больше, чем плохих. Я очень люблю тебя. – Она отстранилась и сунула руку в карман. – У меня есть телеграмма для тебя от мсье Ландовски.

Я взял телеграмму и положил ее в свой карман, изо всех сил стараясь не расплакаться. Эвелин с видимым усилием овладела собой.

– Элле, мне жаль, что твой отъезд из Парижа происходит в такой драматической обстановке. – Она обняла Элле. – Присматривай за ним, ладно?

– Конечно, – ответила Элле.

– Вот и хорошо. Итак, Луи приедет сюда ровно в шесть утра. У вас есть письма?

– Да. – Я шмыгнул носом и передал Эвелин послание для мсье Ивана, а Элле – письмо для мадам Ганьон.

– Не сомневайтесь, я доставлю их по назначению. Надеюсь, когда все уляжется, мы еще встретимся. Я постараюсь писать вам в Лейпциг, но это зависит от того, как тщательно жандармерия намерена расследовать события вчерашней ночи. До встречи, дорогие мои, и хорошей вам поездки. – На этот раз голос Эвелин задрожал, и она поспешно вышла из квартиры.

– А знаешь, за все это время я обменялся лишь несколькими словами с мадам Эвелин, – сказал Бройли. – Тебе повезло, что она взяла тебя под свою опеку.

– Знаю, – ответил я.

Последовала бессонная ночь, а когда на часах было шесть утра, мы услышали рокот автомобильного мотора под окном. Полусонный Бройли помог загрузить наши инструменты в блестящий новенький автомобиль «Пежо».

– Доброе утро, Бо! – Мой старый знакомый Луи широко улыбнулся, и мне стало легче на душе. – Приятно иметь такую прекрасную компанию в долгой поездке.

Перед тем как отойти в сторону, Бройли положил руку мне на плечо.

– Бел знала, что тебя стоило спасти. Пожалуйста, не забывай о ней, а я буду мысленно с тобой.

Я пожал ему руку и забрался в автомобиль. Вскоре мы выехали из Парижа и помчались навстречу будущему. Когда я попытался устроиться поудобнее и немного вздремнуть, что-то острое врезалось мне в бедро. Я вспомнил о телеграмме от мсье Ландовски, которую забыл распечатать утром.

«Если ты не изменишь направление пути, то можешь оказаться там, откуда ты вышел». – Лао-цзы.

Воппе chance, мой мальчик.

*Германия, Лейпциг
1936 год*

Надеюсь, я достаточно подробно описал обстоятельства, которые привели к нашему бегству из Парижа. Путешествие в Лейпциг прошло без осложнений, а Эвелин и мсье Ландовски были верны своему слову. Фонд Блюменталья оплачивает наше жилье и учебу, а также выделяет регулярное пособие на личные нужды. Увы, после отъезда из Парижа я не имел прямых контактов с моими дорогими друзьями. Тем не менее вечером после моего первого сольного выступления в Лейпцигской консерватории в мою раздевалку доставили большой букет роз с открыткой «Привет из Рима».

Наша новая жизнь в Германии оказалась неоднозначной. Мы с Элле живем в отдельных квартирах в Йоханнисгассе с кофейней на полпути, которая за прошедший год стала нашим любимым местом. В отличие от меня, у Элле есть соседка по комнате, здесь это является общепринятым для молодых женщин. То ли случайно, то ли преднамеренно, но это та самая Карин Розенблюм, они с Элле стали близкими подругами. Мисс Розенблюм – полная противоположность Элле во всех отношениях, поэтому удивительно, что они так хорошо ладят между собой.

Карин ведет богемный образ жизни и часто носит брюки с жакетом на манер французских художников, в отличие от традиционного наряда Элле, состоящего из юбки, блузки и джемпера. Грива черных бархатистых волос Карин напоминает мне шкуру пантеры, а блестящие темные глаза контрастируют с очень бледной кожей. Мы часто проводим вечера в обществе ее родителей, которые развлекают нас своими историями, особенно ее мать, которая оказалась русской оперной певицей! Кстати, о членах семьи: я не упоминал о мсье Ландовски и о ком-либо еще из моих близких. Это привело бы к вопросам, на которые я не сумел бы ответить. Я стараюсь держаться тише воды, ниже травы и позволяю Элле говорить за нас обоих.

Что касается Элле, ей не нужно уклоняться от правды. Она сообщила Карин, что является сиротой, но имела в Париже учителя музыки, который заметил ее талант и направил сюда для дальнейшего обучения. Если кто-то спрашивал о моей истории, я отвечал, что родом из скромной артистической парижской семьи. Обычно этого хватало. По иронии судьбы, с возрастом я усвоил, что немота вызывает гораздо больше вопросов, чем сдержанные речи.

Консерватория обеспечивает первоклассное образование. Полноценные музыкальные занятия вместо моих привычных двух уроков в неделю доставляют безграничную радость. Местные педагоги быстро приняли решение, что я должен сосредоточиться на виолончели; они считали меня более одаренным в игре на этом инструменте. Тем не менее я продолжаю хранить скрипку под кроватью, как делал в Париже, и часто играю на ней для душевного утешения. Честно говоря, скрипка позволила мне заново открыть мои

детские музыкальные восторги. Как говорит Элле, теперь у меня есть «одно для работы, другое для удовольствия».

Здесь, в Лейпциге, мы познакомились с богатым спектром консерваторской деятельности: мы играем в оркестрах, даем концерты, пишем музыкальные композиции... Большой частью я живу в состоянии, похожем на сон. Это принципиальная ошибка, поскольку окружающая реальность более пугающая, чем я мог предполагать.

В марте 1933-го в Германии пришла к власти нацистская партия во главе с Адольфом Гитлером. К моему стыду, я был слабо знаком с отвратительной идеологией этого человека с маленькими усиками. Естественно, Элле пристальнее следила за растущим нацистским движением, но лишь по немногочисленным статьям во французских газетах. Карин, будучи еврейкой, поведала нам об истинных политических злодеяниях нацизма. Нам сказали, что одним из первых действий Гитлера после прихода к власти было издание указа, позволявшего кабинету министров принимать законы без согласия парламента. Это фактически наделило Гитлера диктаторскими полномочиями, и в Германии началось становление тоталитарного режима. Нацисты упразднили все остальные политические партии, распустили профсоюзы и теперь стараются упрятать за решетку всех, кто противостоит режиму. Ходят мрачные слухи о концлагерях, куда они отправляют своих противников и подвергают их бесчеловечным пыткам.

Гитлер не скрывает свою ненависть к соотечественникам Элле. Он обвиняет их в поражении Германии после Великой войны, и это отвратительное измышление глубоко возмущает меня. В результате безумного фанатизма одного-единственного человека антисемитизм теперь стал официальной государственной политикой. И кажется, что большинство граждан готовы принять это и верят, что Гитлер восстановит статус Германии как всемирной супердержавы.

В Лейпциге мы живем в напряженных условиях главным образом из-за того, что мэр города Карл Фридрих Гердлер является жестким оппонентом идеологии Гитлера. Никто из нас точно не знает, почему ему до сих пор удается сохранять свою должность, тем более что его заместитель, неприметный коротышка по фамилии Хааке, был и остается преданным членом нацистской партии. Когда я пишу эти строки, Гердлер находится в Мюнхене, где встречается с подручными

Гитлера, которые, несомненно, будут давить на него с целью распространения антисемитской риторики в Лейпциге. Пока Гердлер в состоянии защищать нас, жители Лейпцига чувствуют себя в относительной безопасности. Но, честно говоря, я не знаю, как долго это будет продолжаться.

У меня каждый день разрывается сердце, когда я вижу неизбывную тревогу на лице Элле. В городе появилось немало офицеров СС, а члены гитлерюгенда, молодежной организации, пронизанной нацистскими доктринами, часто устраивают парады на улицах. Скоро здесь появится новое поколение горожан, воспитанных на идеях расовой ненависти.

Представляется все более вероятным, что мы с Элле не успеем завершить обучение в Лейпцигской консерватории. Мы обсуждали возвращение в Париж или в другой город во Франции, но меня беспокоит, что, если Германия решит развязать войну, это коснется и родной страны Элле.

Сегодня вечером мы с Элле собираемся встретиться с Карин за кофе и обсудить положение вместе с ее ухажером, норвежцем по имени Йенс Халворсен (хотя друзья называют его Пипом). Насколько я знаю, он слишком благодушно относится к текущей ситуации. Он убежден, что нацисты не тронут студентов консерватории, и утверждает, что, несмотря на все остальное, Гитлер поддерживает музыку и культуру в целом. Его призывы к спокойствию все больше раздражают Карин.

Это был он. Криг Эсзу.

Я бы повсюду узнал эти пронзительные зеленые глаза.

Как он нашел меня? Удалось ли ему проследить мой путь до Парижа и найти человека, который дал ему нужные сведения? Возможно, это был Туссен? Я нахожусь в смятении и обращаюсь к дневнику, чтобы привести в порядок мои мысли.

Как и было условлено, мы встретились с Пипом и Карин в кафе, и разговор быстро перешел на политическую обстановку в Лейпциге.

– Элле и Бо тоже беспокоятся, – повторяла Карин Пипу. – Элле тоже еврейка, но ей повезло хотя бы в том, что по внешности этого не скажешь, – добавила она.

– Мы считаем, что рано или поздно здесь начнется то же самое, что и в Баварии, – тихо сказала Элле. – Это лишь вопрос времени.

Пип ощетинился.

– Нам нужно подождать и посмотреть, что сделает мэр, ведь не зря он сейчас находится в Мюнхене. Но, даже если произойдет худшее, я уверен, что они не тронут студентов консерватории.

Карин покачала головой и вздохнула. Тогда Пип повернулся ко мне.

– Как поживаешь, Бо? – поинтересовался он.

– Спасибо, пока нормально, – ответил я.

– Где собираешься провести Рождество?

Я взял короткую паузу для размышления.

– Я...

И тут я увидел, как в кафе входят два офицера СС, заметные благодаря своим характерным серым мундирам и пистолетам в кожаной кобуре на поясе. Когда я увидел лицо младшего из них, то физически ощутил, как кровь отхлынула от моего лица.

Хотя прошло более десяти лет, Криг по-прежнему обладал волевым подбородком и пронзительным взглядом зеленых глаз, глубоко сидевших над высокими скулами с кожей светло-оливкового цвета. Он ответил на мой взгляд. Сохраняя бесстрастное выражение лица, я медленно отвел глаза и отвернулся. Эсзу и его коллега расположились за столиком лишь в нескольких футах от нашего. Человек, поклявшийся убить меня, находился в зоне прямой досягаемости.

– Мы пока не уверены насчет наших планов, – сбивчиво обратился я к Пипу, который ожидал ответа. Потом я повернулся к Элле и прошептал: – Он здесь. Криг Эсзу.

Ее глаза широко распахнулись.

– Не шевелись. Мы подождем несколько минут, а потом спокойно выйдем из кафе.

Она крепко сжала мою руку.

Появление Крига стало потрясением для меня, но появление его в сером мундире СС было подобно удару под дых. Детьми мы строили

снежные домики, карабкались на мерзлые деревья и рассказывали друг другу разные истории, чтобы скоротать время долгими сибирскими вечерами. А теперь он служил нацистам. Я смотрел в пол. Мне хотелось вскочить и убежать, но я знал, что это бесполезно. Я не протянул бы и минуты.

– Было приятно встретиться, но нам с Бо действительно пора домой; нам нужно закончить кое-какие композиции, – объявила Элле. Я кивнул. – До скорого, Карин. Пока, Пип!

– Ну, ладно, – отозвался Пип. На лице Карин отразилось сочувствие. Она решила, что нам просто стало не по себе при виде эсэсовцев.

По-прежнему сжимая мою руку, Элле спокойно встала и направилась к двери. Я не смотрел в сторону Крига, но ощущал на себе его взгляд, пока мы шли к выходу. С каждым шагом шанс получить пулю в спину повышался, но выстрела так и не последовало. Когда мы подошли к двери, я не удержался от искушения и бросил быстрый взгляд в сторону Крига. К моему удивлению, он повернулся спиной ко мне и потягивал кофе, только что принесенный официанткой.

Мы как можно быстрее вернулись в мою квартиру, стараясь не бежать, чтобы не привлекать внимание.

– Ты уверен, что это был он, Бо? – выдохнула Элле.

– Почти уверен. Прошло столько лет... но его глаза остались такими же. Боже мой, боже мой! – Мое ожесточение нарастало с каждой секундой.

– Пожалуйста, любимый, постарайся сохранять самообладание. Думаешь, он проследил твои перемещения?

Я пожал плечами.

– Должно быть... У меня нет другого объяснения. Но когда мы выходили из кафе, он не смотрел нам вслед. Он повернулся спиной.

Элле облегченно кивнула.

– Хорошо. Возможно, он не узнал тебя. Но, Бо, вы ведь оба русские. Как Криг мог стать членом СС?

– Его отец был родом из Пруссии. Помнишь, я рассказывал тебе о Кронесе Эсзу?

– Ну да, конечно, – ответила она, припоминая мой рассказ.

Мы подошли к выветренному известняковому фасаду в ряду одинаковых зданий на улице и торопливо поднялись по узкой лестнице на третий этаж. Оказавшись в комнате, я запер дверь и задернул тонкие занавески. К счастью, фрау Шнайдер, которая была владелицей дома, тоже принадлежала к местной богеме и разрешала женщинам посещать жильцов, если те не задерживались позже девяти вечера.

Я опустил на скрипучую кровать и обхватил голову руками.

– Если мы искали повод для того, чтобы уехать из Лейпцига, то серьезнее не придумаешь. Нам нужно как можно скорее подготовиться к бегству. – Я провел пальцами по волосам. Мое дыхание было резким и неглубоким, и меня бросало то в жар, то в холод. – Не знаю... Мне не кажется...

Мир расплылся у меня перед глазами, а потом начал сжиматься в точку. Элле заметила мое состояние и немедленно опустилась рядом.

– Не бойся, милый, все в порядке. – Она обвила меня рукой. – Успокойся. Ты в безопасности, и я здесь. У тебя был шок, но ты скоро придешь в себя.

– Нам пора уезжать, Элле. Он придет за мной... за нами.

– Согласна, любимый. Но послушай меня, хорошо? – Я собрался с силами и кивнул. – Спасибо. Судя по твоему рассказу, у Крига Эсзу есть одна жизненная цель: убить тебя. Так?

– Ты знаешь ответ на этот вопрос.

– Тогда если бы он узнал тебя в кафе, то не стал бы колебаться, невзирая на последствия. Ты согласен?

Я немного помедлил, прежде чем кивнуть.

– Полагаю, да.

– Поэтому разумно предположить, что он не распознал, кто ты такой на самом деле. Отсюда следует, что тебе не угрожает непосредственная опасность. Ты следишь за моей логикой?

Я колебался.

– Точно так же и нынешняя политическая ситуация в Лейпциге не представляет прямой угрозы для меня. Никто не врывается в наши дома и не разделяет нас по национальному признаку... пока что. Разумеется, положение может быстро измениться, но в данный момент мы вместе и мы в безопасности. Поэтому, пожалуйста, мой дорогой, сохраняй спокойствие. Хотя бы ради меня.

Я замедлил дыхание и посмотрел ей в глаза.

– Извини.

– Любимый, нет надобности в извинениях. Я просто хочу, чтобы ты знал: я здесь и с тобой все в порядке.

Она погладила мои волосы, что неизменно оказывало успокаивающее действие. Через несколько секунд я встал с кровати.

– И все равно пора действовать. Я начну составлять план нашего отъезда. – Я вытащил свой чемодан из гардероба и положил его в центре комнаты. – Завтра ты должна сходить в банк и снять все доступные средства. Потом мы просто уедем из города на последнем вечернем поезде.

– Куда ты предлагаешь бежать, Бо? Обратно во Францию? К жандармам, которые, по всей видимости, по-прежнему намерены арестовать тебя? Мы не сможем поговорить с Эвелин или с Ландовски. В Булонь-Бийанкуре пойдут слухи о твоём возвращении после таинственного исчезновения, и полиция найдет тебя.

– Ты права. Мы не поедem во Францию, это слишком большой риск. Мы отправимся в Швейцарию. Настало время выяснить, что могло произойти с моим отцом.

Элле вздохнула.

– Сколько лет ты говоришь об отъезде в Швейцарию, Бо? Неужели ты все еще веришь, что он жив?

Она застигла меня врасплох.

– Нет... конечно же, нет. Но что ты предлагаешь – остаться здесь, в Германии? Должен ли я примириться с тем, что Криг может убить меня? Или что Гитлер может сделать то же самое с тобой?

Я раздосадованно лягнул чемодан и сразу почувствовал себя виноватым. Элле старалась помочь, а я снова поддался панике.

– Послушай, – умоляла она. – Мы ничего не можем поделать с Гитлером, но, возможно, сумеем что-то предпринять насчет Крига.

Я подбоченился.

– И что же, Элле?

– Я думала об этом в последние годы, – сказала она. – Почему бы тебе просто не вернуть алмаз?

Я невольно рассмеялся.

– Ох, Элле. Тебе известно, что я пытался вернуть ему алмаз в Сибири. Но он ничего не захотел слушать и просто напал на меня.

Элле кивнула.

– Знаю, но с тех пор многое изменилось. Вы были детьми. А с учетом той ситуации, которую ты описал, я не знаю, о чем еще Криг мог подумать. – Она помедлила, тщательно взвешивая следующие слова: – В конце концов, ты стоял над телом его матери.

Меня передернуло от этого воспоминания. Я устал от многолетних попыток стереть его из своей памяти.

– Зачем напоминать об этом?

– Любимый. Ты должен помнить, что никого не убивал. Меня беспокоит, что порой ты как будто забываешь об этом. Ты невиновен, и тебе нечего бояться перед Творцом.

– Перед Творцом – да. Но мой брат... Криг – это другая история.

– Криг считает, что ты убил его мать, чтобы завладеть алмазом. Мы оба знаем, что это не так. Он должен примириться с правдой.

– И как ты предлагаешь это сделать, Элле? Подойти к нему на улице, хлопнуть по плечу и обнять его? Или бросить ему алмаз и сказать: «Давай без обид, братишка»?

– Я понимаю твои чувства, Бо, – упавшим голосом сказала она. – Но не надо вымещать их на мне.

– Прости, любимая, но, боюсь, ты забыла, почему мы оказались здесь. Криг поклялся выследить меня и отомстить за свою мать или умереть. Я хорошо его знаю, Элле. Наверное, лучше всех на свете. Он сдержит свое слово.

– Понимаю, но есть несколько вещей, о которых нам следует помнить. Во-первых, он не знает твое новое имя. Здесь тебя зовут Бо Деплеси. Во-вторых, ты повзрослел. Да, ты моментально узнал Крига, но совсем необязательно, что он так же просто узнает тебя. В-третьих, Криг знает, на каком инструменте ты играешь?

– На скрипке... – Потом до меня дошло. – Ага!

– Вот именно. Он определенно не будет наводить справки о студенте консерватории Бо Деплеси, который играет на виолончели. Если он и спрашивал о тебе, то, скорее всего, начал терять надежду на то, что ты находишься здесь.

– Думаю, это возможно, – согласился я.

– Тогда у нас есть шанс на успех. У Крига нет элемента внезапности, которого ты так боишься. Если мы придумаем, как вернуть ему алмаз, – возможно, в посылке с полным и правдивым

описанием обстоятельств смерти его матери, – то, может быть, он откажется от преследования.

Я грустно покачал головой.

– Никакой правды ему не хватит, Элле. Он хочет отнять мою жизнь.

Она погладила меня по щеке.

– Давай попробуем, любимый? Тогда мы с тобой сможем жить спокойно.

– Я боюсь, Элле. Я боюсь его.

– Знаю. Но у тебя есть Элле. – Она встала и принялась расхаживать по комнате, размышляя вслух. – Во-первых, ты должен оставаться в квартире, пока я не выясню, где проживает Криг и каково его рабочее расписание. Разумно для начала?

– Да, – со вздохом согласился я.

– Хорошо! Тогда приступим.

– Элле...

– Да, любимый?

– Умоляю тебя быть осторожной. Мы лишь предполагаем, что Криг не узнал меня сегодня вечером. Он проницателен и очень опасен. Если с тобой что-то случится, я добровольно сдамся в его руки.

– Знаю. Поэтому мы, так или иначе, должны постараться и довести это до конца. – Элле поцеловала меня. – До свидания, любимый. Я вернусь с информацией, когда получу ее.

С этими словами она отперла дверь и вышла на лестницу, а я остался сидеть, застывший от страха перед тем, что может случиться с Элле, если Криг все-таки узнал меня в том кафе. Время от времени я отодвигал занавеску и выглядывал на улицу, почти ожидая увидеть человека в мундире СС, смотревшего на меня в ответ. Ночь обещала быть долгой.

Элле вернулась в десять утра, бледная и потрясенная. От волнения она не могла говорить, поэтому я усадил ее и принес кружку сладкого чая из кухоньки на первом этаже. Пока Элле пила, я обнимал ее, и краска мало-помалу начала возвращаться на ее щеки.

– Это было ужасно, Бо. Так ужасно!

Когда Элле пришла в себя, она описала жуткую сцену, которую недавно видела возле Гевандхауза – самого большого концертного зала в городе. На площади перед зданием стояла статуя великого Феликса Мендельсона, еврейского композитора и основателя Лейпцигской консерватории. Сегодня утром молодчики из гитлерюгенда повалили статую и превратили ее в кучу камней.

– Они пучили глаза и скрежетали зубами, Бо. Они были похожи на бешеных животных, ослепленных яростью и ненавистью. Я сдержалась и прошла мимо, стараясь не реагировать.

Элле зажмурилась, словно хотела отогнать страшное воспоминание.

– Гердлер будет крайне возмущен, – сказал я. – Как можно ненавидеть человека, который так много подарил миру?

– Готова поспорить, что это организовал его вероломный заместитель, Хааке. С его стороны даже разумно сделать угрожающий ход, пока Гердлер находится в Мюнхене. Теперь, конечно же, Гердлера сместят, и Лейпциг будет потерян.

– Мне очень жаль, Элле.

Она промокнула глаза носовым платком.

– Это еще не все. Я видела Крига, который стоял возле кучи камней и раздавал команды этим детишкам. Думаю, он курирует бригаду гитлерюгенда. Теперь мне нужно будет узнать их график, и я пойму, где бывает Криг.

– Если в плохом можно найти что-то хорошее, то это твои последние слова.

Элле уставилась в пол.

– Я бы так не сказала, Бо.

Я мысленно выбранил себя.

– Это было глупо с моей стороны. Клянусь, любимая, я не позволю им причинить тебе вред. – Она грустно улыбнулась. – Кстати, у тебя сегодня есть занятия?

– Нет. Ректор Дэвисон закрыл консерваторию. Он счел занятия слишком опасными для студентов, поэтому я собираюсь встретиться с Карин в «Вассерштрабе».

Она встала.

– Элле, не думаю, что это разумно. Карин выглядит как типичная еврейка. Если сегодня на улицах разгул антисемитских настроений, то я опасаясь за твою безопасность.

– Бо, мы должны помнить, что у нас есть обязательства перед нашей подругой. Мы оба знаем, что Пип недооценивает серьезность положения. Ему гораздо больше хочется завершить свой экзаменационный проект.

Я кивнул.

– Сегодня я должен был играть на виолончели в оркестре... – Я отмахнулся от этой мысли. – В любом случае, сегодня я не могу отпустить тебя одну. Я хочу сопровождать тебя.

Элле ненадолго задумалась.

– Признаюсь, мне будет легче, если ты будешь рядом. Криг и его парни из гитлерюгенда собираются устроить сожжение книг на руинах статуи Мендельсона. Они требуют, чтобы студенты бросали в огонь партитуры, написанные еврейскими композиторами...

Ее голос прервался. Я поспешно встал и привлек ее к себе.

– Надень большое пальто, – наконец велела она. – И шляпу. Нам нельзя рисковать.

Мы сидели в уединенной нише в кафе «Вассерштрабе» и ждали прихода Пипа и Карин. Когда они появились, стало ясно, что Карин недавно плакала. Тем не менее она рассудительно обратилась к остальным:

– Теперь, когда это случилось, у нас нет никакой защиты. Хааке – известный антисемит. Посмотрите, как он старается навязать жуткие законы, принятые в остальных землях Германии. Сколько времени пройдет, пока они не запретят практику еврейским врачам в Лейпциге?

Пип поднял руки, призывая к спокойствию.

– Нам нужно не паниковать, а дождаться возвращения Гердлера. В газетах пишут, что он будет через несколько дней. Сейчас он уехал из Мюнхена в Финляндию по поручению Торговой палаты. Уверен, если он узнает о случившемся, то немедленно вернется в Лейпциг.

– Но город отравлен ненавистью! – выпалила Элле. – Все знают, как много евреев учатся в консерватории. Что, если они решат пойти дальше и сровнять ее с землей, как делали это с синагогами в других городах?

– Консерватория – это храм музыки, она вне религии или политики, – повторил Пип. – Прошу вас, мы должны сохранять спокойствие.

– Тебе легко говорить, – вполголоса заметила Карин. – Ты не еврей и можешь сойти за истинного арийца. – Она указала на рыжеватые волосы Пипа и его голубые глаза. – Я – другое дело. Сразу после разрушения статуи я прошла мимо группы молодежи по пути в консерваторию, и они кричали мне вслед: «Jüdische Hündin!»

Она вытерла глаза от набежавших слез. Все мы знали, что эти слова означали «еврейская сука».

– И более того, – продолжала Карин, – я даже не могу поговорить с родителями: они в Америке, и отец готовится к новой выставке.

У Пипа вдруг словно кровь вскипела под кожей. Он взял Карин за руку.

– Любимая, я защищу тебя, даже если нам придется уехать в Норвегию. Никто не причинит тебе вреда.

– Обещаешь? – с душераздирающей искренностью спросила Карин.

Пип нежно поцеловал ее в лоб.

– Обещаю.

Мы с Элле были довольны, что Пип впервые осознал серьезность нашего положения.

Следующие несколько дней я не выходил из квартиры и послал с Элле записку для преподавателей, что я слег с зимней простудой. Элле каждый вечер приходила ко мне и сообщала о передвижениях Эсзу. На третий вечер у нее появились новые сведения.

– Сегодня я проследила за несколькими офицерами СС в центре города. Я узнала, что они живут в гостинице рядом со штабом НСДАП.

– Что такое штаб НСДАП?

– Штаб-квартира нацистской партии. Полиция тоже расквартирована там.

Я оперся на хрупкую крышку стола.

– Думаешь, Криг живет там?

– Да, я практически уверена. Хотя... – Она посмотрела в сторону.

– Что, Элле?

– Я обнаружила, что там введена система ротации личного состава. Криг ездит по округе и посещает разные бригады

гитлерюгенда, чтобы убедиться в эффективности местной пропаганды. Скоро он уедет из Лейпцига.

Я изумленно хохотнул.

– Как ты это узнала?

– Я поговорила с одним из нацистов.

Мое настроение моментально изменилось.

– *Что?* Элле, о чем ты только думала? Я согласился на этот план лишь при условии, что ты не будешь подвергать себя опасности!

Она взяла меня за руки.

– Что может быть лучшей защитой, чем поддержка правого дела? Я подошла к одному из этих румяных подростков, который курил в колоннаде консерватории. Сказала ему, какой он красавец в этом мундире и как славно он позавчера разрушил статую.

Я отпустил ее руки и принялся массировать виски.

– Ох, Элле... Продолжай.

– Я спросила солдатика о его работе, и он сказал, что помогает тренировать бригаду под руководством старшего лейтенанта Эсзу... который завтра уезжает из города.

Мой гнев выплеснулся наружу:

– Ты играешь с огнем, Элле. Что, если бы он узнал, что ты еврейка?

Элле закатила глаза.

– Ради всего святого, посмотри на меня! Мои светлые волосы и голубые глаза вполне соответствуют немецкому представлению об арийской расе, не так ли? И просто удивительно, чего можно добиться, если похлопать ресницами...

Я вздохнул.

– Не знаю, что и думать. Полагаю, мне нужно радоваться, что если я затаюсь на ближайшие сутки, то Криг уедет из Лейпцига и эта угроза временно исчезнет. С другой стороны, мы не сможем осуществить твой план.

– Да, но тот молодой солдат сообщил, что Эсзу вернется через полгода для проверки «чистоты моральных стандартов». У нас будет время составить более конкретный план, чтобы вернуть ему алмаз и гарантировать твою безопасность.

Я начал расхаживать по маленькой спальне.

– Но это не меняет наше нынешнее положение, Элле. Нацисты не будут собирать вещи и уезжать вслед за Кригом. Здесь по-прежнему опасно.

Элле ненадолго задумалась.

– Как и предсказывал Пип, Гердлер вернулся. Сегодня днем он пообещал восстановить статую Мендельсона. План Хааке по его отстранению от должности провалился. Я думаю, обстановка стабилизируется. Пока Гердлер остается мэром города, для нас нет прямой угрозы.

Я перестал ходить по комнате и заглянул ей в глаза.

– Ты серьезно предлагаешь остаться, Элле?

Она медленно кивнула.

– У меня есть обязательства перед Карин. Пип пока что не собирается никуда уезжать, а она нуждается в нашей поддержке. Не забывай, Бо, что без ее отца нас здесь вообще бы не было. Мы должны остаться и защищать ее.

Я не мог с этим спорить. Если Карин оставалась, то мы должны были поступить так же.

– Понимаю, – ответил я.

– Спасибо, Бо. – Элле наградила меня поцелуем в щеку. – Ты знаешь, что осталось лишь несколько дней до рождественских каникул? Пип и Карин собираются провести неделю в маленькой гостинице, зарегистрировавшись как муж и жена. А фрау Фишер, моя домохозяйка, собирается посетить членов своей семьи в Берлине. – Элле слегка покраснела. – Я подумала... если ты захочешь, то можешь на неделю перебраться ко мне.

Мое сердце учащенно забилось. Хотя мы с Элле были «вместе» уже семь лет, наши отношения никогда не доходили до интимности. Извините, я немного смущаюсь, когда пишу об этом. Обстоятельства нашего подросткового периода практически гарантировали нашу невинность. Но теперь, в двадцать и восемнадцать лет, безусловно, появились плотские желания, отсутствовавшие в детском возрасте. Несколько раз мы были близки к их удовлетворению, но всегда что-то мешало, обычно другие жильцы. Мы обсуждали возможность снять номер в гостинице, но решили, что это будет как-то неуважительно по отношению к мсье Ландовски и Фонду Блюменталья.

– Жизнь коротка, Бо. – Элле подмигнула мне и направилась к выходу.

Начались рождественские каникулы, и консерватория опустела: ученики и преподаватели разъехались по домам на праздники. Квартиросъемщики тоже в основном уехали, поэтому я собрал свой маленький чемодан и перебрался в спальню Элле.

В ту ночь мы впервые занимались любовью. Мы оба невероятно стеснялись, и событие получилось коротким и неуклюжим. Потом, когда я держал ее в объятиях, мы смотрели друг на друга в эксцентричной попытке сымитировать романтический момент в таком виде, о котором читали в книгах. По правде говоря, сам акт был... немного заурядным, и последующий обмен взглядами привел к тому, что мы оба залились смехом. Потом смех перешел в поцелуи, потом в нечто большее, и... что ж, я рад сообщить, что вторая попытка была гораздо успешнее. Здесь я воздержусь от подробностей для сохранения благопристойности, но это было нечто совершенно замечательное.

Мы провели эту неделю, обучая друг друга искусству физической близости и радостно предаваясь плотским утехам. После фальстарта мы обнаружили, что это совершенно естественный процесс для двух влюбленных людей. Наши тела были созданы для того, чтобы получать удовольствие, так зачем лишать себя этого?

* * *

Начался новый учебный семестр. Как и предвидела Элле, с возвращением Гердлера политическая температура в городе заметно понизилась. Я вернулся к занятиям, и жизнь в основном продолжалась так же, как до появления (и отъезда) Крига Эсзу. Пип неистово трудился над своим музыкальным сочинением в надежде, что оно будет исполнено до того момента, когда у Карин не останется другого выхода, кроме бегства из Лейпцига. Время от времени он проводил репетиции новых частей партитуры, и я, сидевший за виолончелью, искренне восхищался его работой. В других отношениях ему, возможно, чего-то и не хватало, но Пип Халворсен был чрезвычайно талантливым композитором.

– В этом есть толк, Бо? Я доверяю твоему мнению.

– Думаю, это будет настоящий триумф, – честно ответил я.

– Очень любезно с твоей стороны. – Он закрыл крышку фортепиано и наклонился ко мне: – Знаешь, в консерватории ходят слухи, что ты взял прозвище «Бо», поскольку всегда ходишь со смычком от виолончели^[14]. Это правда?

Я усмехнулся, скрывая укол беспокойства.

– Боюсь, это чепуха. Хотя, разумеется, именно поэтому я с самого начала взялся за смычок!

Я мысленно поздравил себя с правдоподобно прозвучавшей ложью. Пип обвел взглядом комнату для репетиций, обшитую деревянными панелями.

– Знаешь, Гердлер выдвинул свою кандидатуру на выборы мэра в марте. Сегодня он объявил об этом.

Я встал и начал убирать виолончель в футляр. Пип пристально смотрел на меня в ожидании ответа.

– Несомненно, это хорошие новости.

– Да, – согласился он. – Я очень надеюсь, что поскольку вся консерватория и большинство горожан стоят за него, то его переизбрание избавит нас от нежеланных гостей. Ради блага наших ближних.

Я застегнул футляр и повернулся к нему.

– Это оптимистичное предсказание, Пип. Пока Гердлер даже не восстановил статую Мендельсона.

Пип пожал плечами.

– Да, еще не восстановил. Но ведь, когда общее мнение станет ясным и он вернется на свой пост, у рейха не будет иного выбора, кроме его поддержки?

– Не уверен. Мы знаем, что Хааке открыто выступает против его переизбрания. Разрушение памятника наглядно показало, как он относится к евреям.

Пип тяжело вздохнул. Мой ответ явно не обнадежил его.

– Понимаю. Я все время стараюсь убедить себя, что это нереально. Я на финишной прямой и надеюсь завершить музыкальное образование здесь, в Лейпциге. Но, конечно, для тебя, Элле и Карин... возможно, вам придется уехать еще до начала вашего последнего учебного года.

– Это небольшая цена за гарантию безопасности, Пип.

Он помедлил и кивнул.

– Да, ты прав.

В течение следующих нескольких недель, когда проходила предвыборная кампания Гердлера, Элле, Карин и многие другие студенты консерватории собирали голоса в его поддержку. Ночью, когда голоса были пересчитаны, мы присоединились к толпе у городской ратуши и возликовали, узнав о его переизбрании. Впервые за долгое время нам показалось, что мы одержали победу.

Несмотря на все усилия Гердлера, памятник так и не был восстановлен. После этой неудачи он подал в отставку 31 мая 1937 года и отказался официально признать свое переизбрание.

Я вынужден извиниться за качество моего почерка, которое, как читатель, без сомнения, заметит, существенно ухудшилось после предыдущей записи. К несчастью, я повредил правую руку, и мне больно отрывать ее от стола. Каждый раз, когда я начинаю новую строку, боль простреливает через локоть в плечо, а потом взрывается в шее. Это служит напоминанием, что человеческое тело представляет собой сложную массу переплетенных нервов, и я повредил его таким образом, чтобы боль одновременно ощущалась в нескольких местах. Сейчас я ношу импровизированную перевязь, изготовленную Элле из ее шарфа, и она несколько раз в день помогает мне снимать и надевать ее. Кроме того, мое лицо сейчас имеет оттенок *глинтвейна*, которым мы согреваемся зимними вечерами.

Нужно объяснить, что сейчас я нахожусь в каюте старого проржавевшего парома, который везет меня и Элле в новую страну, где мы еще никогда не были. Несмотря на все последние события, я нахожусь в радостном предвкушении и хочу увидеть зеленые края. Вместе с нами на паромах находятся Карин и Пип, которым, по моему мнению, мы с Элле обязаны жизнью. Пип бескорыстно согласился, чтобы мы с Элле присоединились к нему и Карин в его семейном доме в Норвегии. Двухдневное плавание предоставило желанную возможность вернуться к моему дневнику, и я опишу события, которые привели к нашему отбытию из Лейпцига.

Последние несколько месяцев мы оставались бдительными, особенно Элле, которая следила за возможным возвращением Крига в бригаду гитлерюгенда. Несмотря на отсутствие тревожных новостей, мы с Элле считали, что пора для отъезда настанет в начале мая. Мы согласились подождать до конца семестра, чтобы сдать экзамены, а потом собрать вещи и уехать навсегда. Теперь, после ухода Гердлера, национал-социалисты могли объявить любые репрессивные меры против еврейского населения. Элле в конце концов убедила Карин покинуть Германию вместе с Пипом или без него, но Пип признал серьезность положения и предложил Карин поехать вместе с ним в Норвегию в конце семестра.

Мы с Элле полагали, что для нас разумным выбором будут Соединенные Штаты. У нас было достаточно денег для переезда через океан, и я лелеял смутные планы на то, чтобы найти семью Блюменталь, поблагодарить их за спасение моей жизни и получить достойную работу.

При наличии планов на будущее казалось подобающим, что моим заключительным актом в Лейпцигской консерватории будет участие в исполнении музыкальной композиции Пипа. Был теплый летний вечер, и сотни студентов собрались перед Гевандхаузом в предвкушении концерта молодых композиторов, выпускников консерватории. Площадь перед концертным залом выглядела идиллически, несмотря на кричащее отсутствие памятника Мендельсону. Студенты бродили вокруг (многие были во фраках ради участия в концерте), потягивали вино, обсуждали музыку и перешучивались друг с другом. Украшенные гирляндами фонари заливали эту сцену мягким желтоватым сиянием, и, если бы кто-то спустился туда на парашюте, не зная о напряжении, сгустившемся в городе, он, несомненно, восхитился бы такой безмятежной атмосферой.

Думаю, именно так я буду вспоминать о консерватории до конца моих дней – как о мирной гавани для творческого самовыражения, безмерно способствовавшей моему музыкальному и личностному росту.

– Ты выглядишь очень симпатично, Бо, – сказала Элле, взяв меня под руку. – Фрак тебе к лицу.

– Спасибо, любимая. Но фрак красит любого мужчину, у нас все просто. С другой стороны, мужчины судят о своих сверстниках по

модным фасонам, которые вы выбираете. На самом деле это глупо.

– Мне ждаться комплимента или беспокоиться? – пошутила Элле.

– Ты знаешь, что всегда выглядишь блестяще, но особенно сегодня вечером.

Я не преувеличивал. Элле надела темно-синее бальное платье без бретелек, которое плотно облегалo ее стан, мягкими складками расходясь в юбку.

– Спасибо, Бо. И ты прав насчет женской моды. Полагаю, бедная Карин сегодня весь вечер будет выслушивать едкие замечания!

Как было свойственно нашей подруге, она отвергла платье и вместо этого выбрала черный костюм с огромным белым галстуком-бабочкой, дополнявшим ансамбль.

– Думаю, она выглядит безупречно, – заметил я.

– И я тоже так думаю. Она так... похожа на себя. Для нас такое недостижимо.

Я рассмеялся.

– Наверное, тут ты права. Послушай, вам пора занимать места в зале. Сегодня проход без билетов, так что не упустите возможность занять хорошие места.

Элле чмокнула меня в щеку.

– Удачи тебе. И постарайся не разрушить карьеру Пипа.

Элле отошла в сторону, и вскоре они с Карин направились в Гевандхауз. Пип заметно нервничал, и не без причины. Вокруг его музыкального сочинения ходили оживленные слухи, и на концерт собралось больше народу, чем обычно. Пока все рассаживались по местам, он озабоченно мерил шагами фойе концертного зала.

– Не волнуйся, друг мой, – обратился я к нему. – Сегодня мы постараемся отдать должное твоему шедевру.

– Спасибо тебе, Бо. Ты вносишь ценный вклад со своей виолончелью.

Я положил руку ему на плечо.

– Пойду займу место в оркестре. Удачи, Пип.

Уже заняв место в оркестре, я увидел, как Пип появился на сцене в сопровождении ректора Дэвисона и пяти других молодых композиторов, принимавших участие в экзаменационном концерте. Они заняли места в первом ряду, один бледнее другого от нервного напряжения. Потом Дэвисон снова поднялся на сцену под плеск

аплодисментов. Он, как и Гердлер, стал олицетворением здравого смысла и спокойствия в эти бурные времена. Все, кто учился в консерватории, считали Дэвисона нашим лидером и защитником.

– Спасибо, спасибо. – Он поднял руку, и аплодисменты стихли. – Добро пожаловать на выпускные слушания в Гевандхауз. Уверен, все вы с нетерпением хотите ознакомиться с результатами усердных трудов и таланта ваших современников, поэтому я буду краток. Хочу похвалить собравшихся за этот невероятный год, потребовавший всей нашей стойкости и решимости. Большинство из вас знакомы с моим советом опустить на глаза воображаемые лошадиные шоры, чтобы не отвлекаться на происходящее в окружающем мире. Сегодня мы отмечаем не только успехи шестерых молодых композиторов, чьи произведения вы услышите, но и достижения всех вас за прошедший год. Я чрезвычайно горд быть вашим ректором. Давайте поаплодируем в вашу честь. – Слушатели подчинились, и зал наполнился хлопками и приветственными возгласами. – В предстоящие годы люди будут обращаться к вам за утешением, радостью и... спасением. Вы можете обеспечить им все это. Постарайтесь как можете.

В зале наступила тишина, собравшиеся размышляли об услышанном.

– А теперь я представляю нашего первого композитора, Петру Вебер. Ее композиция называется «Восход надежды»...

Пока Дэвисон продолжал свою речь, я смотрел на Пипа, который обшаривал взглядом концертный зал. К сожалению, Пип был последним в списке, поэтому ему предстояло примерно полуторачасовое ожидание. Наверное, это было мучительно.

В конце концов, после пяти успешных представлений, настала его очередь выйти на сцену. Я заметил, что его ноги слегка дрожат. Пип отвесил короткий поклон и уселся за фортепиано. Дирижер взмахнул палочкой, и мы начали.

Пипу не стоило беспокоиться. Свет был приглушенным, а слушатели погрузились в эйфорическое состояние. Изящные гармонии и мощные крещендо партитуры Пипа нашли благодатную почву. Его композиция каким-то образом казалась заряженной эмоциями и захватывала внимание аудитории. Для меня было удовольствием принимать участие в этом исполнении. После финальных аккордов – долгих трелей на струнах арфы – наступила короткая тишина, которая

взорвалась бурными овациями. Все дружно встали, поздравляя Пипа, и на этот раз его осанка была гордой.

Последовали радостные торжества в фойе Гевандхауза. Я посмеивался, наблюдая за тем, как сверстники и профессора хлопали Пипа по спине и с равным энтузиазмом поздравляли его. Там был даже журналист из газеты, попросивший у Пипа интервью. Было совершенно ясно, что после многомесячной вдохновенной работы Пип получал заслуженную награду. Я видел, как Карин пробилась через толпу и обняла его.

– Мой дорогой Григ, – сказала она. – Милый, это начало твоей блестящей карьеры!

Трудно было не согласиться с ее оценкой.

Консерватория выставила шампанское, и казалось, что этот год, вопреки всему, будет благополучным. Игристое вино лилось рекой, поэтому студенты не стеснялись излишеств. Трудно было винить их: они жили сегодняшним днем и наслаждались моментом. Мне предлагали бокал за бокалом, но я отказывался при любой возможности.

За последние годы я стал мало-помалу убирать защитные барьеры, заговорил и даже поделился с другими моей историей, на что никогда не осмелился бы раньше. Но алкоголь развязывает язык и притупляет чувства, поэтому я считал за лучшее избегать того, что многие считают сладчайшим нектаром. Уже ранним вечером стало ясно, что я нахожусь в ничтожном меньшинстве, поэтому я принял решение вернуться на квартиру – довольным, но трезвым.

Я пошел сообщить Элле о своем решении.

– Думаю, я еще немного побуду здесь с Карин, – сказала она.

– Как хочешь, любимая. Встретимся утром за кофе?

– Отлично. – Она поцеловала меня в щеку.

Я повернулся к ее соседке:

– Спокойной ночи, Карин. Пожалуйста, передай Пипу, что для меня было удовольствием исполнять его музыку сегодня вечером.

– Хорошо, Бо, спасибо тебе. Доброй ночи!

Когда я вышел из Гевандхауза, было около полуночи, и трамваи уже не ходили, поэтому я отправился на двадцатиминутную прогулку до дома. Днем это был бы приятный променада, но ночной воздух охлаждал шею, поэтому я поднял воротник. Дорога от Гевандхауза до

Йоханнисгассе была длинной и пустой, обрамленной двумя рядами высоких елей и тускло освещенной газовыми фонарями с интервалом примерно пятьдесят футов. По обе стороны от дороги расстилались огромные поля, которые использовались жителями Лейпцига в основном для активного отдыха и для выгула собак. Ночью это зрелище производило странный эффект, словно я шел над бездной по понтонному мосту. В такое позднее время вокруг не было ни души.

Я уже шел минут десять, когда услышал треск ветки за спиной. Я обернулся, ожидая увидеть лису или, возможно, оленя, переходившего через дорогу с одного поля на другое. К моему удивлению, там ничего не оказалось. Я помедлил, выискивая признаки движения, потом развернулся и зашагал дальше. Но еще через двадцать футов, я мог бы поклясться, я услышал шаги по другую сторону от деревьев.

– Эй! – крикнул я. Никто не ответил.

Мной овладело беспокойство, и я пошел быстрее. Между тем шаги сзади стали громче; мой преследователь перестал соблюдать осторожность. Решив, что в данном случае лучшей защитой будет нападение, я снова развернулся и побежал к деревьям, за которыми слышал шаги.

– Зачем ты идешь за мной? Почему не показываешься? Не будь трусом: если ты хочешь что-то сказать мне, я готов выслушать!

Я несколько раз пробежал между деревьями в надежде увидеть чей-то силуэт. Ничего не обнаружив, я вышел в поле, где меня обступила темнота. Я замер и прислушался. Секунду спустя я снова услышал характерный шорох и поскрипывание шагов по сухой земле. Теперь они отступали в темноту, удаляясь от меня. Удовольствовавшись этим результатом, я вернулся на дорогу и пробежал остаток пути легкой трусцой.

Я запыхался и, когда в полутьме перед дверью начал возиться с ключами, то уронил их на пол. Повернувшись, чтобы подобрать их, я увидел темную фигуру, метнувшуюся за угол соседнего дома.

Криг вернулся в Лейпциг? Он знает, где я живу?

Я оценил свои ограниченные возможности. Если загадочной фигурой был Криг, то глупо бегать вокруг и бросать ему вызов. Скорее всего, он вооружен и попросту застрелит меня. Моим немедленным желанием было защитить Элле, но если я отправлюсь в долгий обратный путь к концертному залу, то выведу Эсзу прямо на нее и

подвергну опасности не только любимую, но и друзей. Было ясно, что остается лишь укрыться в своей квартире. Я быстро поднялся в свою спальню, запер за собой дверь и не стал включать свет. Потом я осторожно подошел к окну и выглянул на улицу, выискивая признаки темной фигуры внизу. Там никого не было.

Тем не менее я счел разумным принять меры предосторожности. Я достал карманный нож из тумбочки возле кровати, потом вернулся к наблюдательному пункту у окна и задернул занавески, оставив лишь узкую щелку. Отсюда я различал угол дома, где жила Элле. По крайней мере, я смогу увидеть, что они с Карин благополучно вернулись домой.

Ночь обещала быть долгой.

Я пододвинул стул и подложил за голову подушку. Вероятно, у меня оставалось еще несколько часов на составление плана бегства от Крига... если это на самом деле был он. Я бдительно наблюдал за пустой улицей внизу. Проходило время, и снаружи по-прежнему не было намека на фигуру, которая преследовала меня. Но почему я был так уверен, что меня преследовали? Может быть, мое сознание разыгрывало меня? В последнее время я находился под огромным давлением, и возможно, мое воображение стало неуправляемым.

Поскольку моя комната находилась на верхнем этаже, там было тепло, и пощелкивание железных радиаторов звучало успокаивающе. Я почувствовал, что у меня слипаются глаза. В попытке взбодриться я чуть приоткрыл окно, и в комнату хлынул прохладный ночной воздух. На какое-то время это подействовало, но в конце концов природа взяла свое, и я погрузился в сон.

Я проснулся от того, что задыхался. Мои глаза распахнулись, но я ничего не видел перед собой. Я рефлекторно встал и сделал несколько шагов вслепую, после чего зацепился за ножку стола и рухнул на пол. Несмотря на боль от падения, мое зрение моментально прояснилось. Когда я перекатился на спину, то с ужасом осознал, что моя комната наполнена едким черным дымом.

Меня захлестнула паника. Я кое-как поднялся на ноги, но при этом наглотался дыма и снова начал задыхаться. Тогда я с сильно бьющимся сердцем опустился на пол и пополз к двери, пользуясь углами комнаты в качестве ориентиров. Когда я достиг двери, то в страхе осознал, что дым валит внутрь из коридора. Очевидно, мне

придется прорываться с боем, но какой выбор у меня оставался? Ухватившись за дверную ручку, я сделал глубокий вдох и поднялся на ноги. Когда моя рука нащупала задвижку, металл был обжигающе горячим. Я стиснул зубы, изо всех сил рванул задвижку, и она, к моему облегчению, вылетела из паза.

Я встал за дверной створкой и распахнул дверь. Бушующее оранжевое пламя ворвалось в комнату, словно язык огромной разъяренной змеи. С упавшим сердцем я понял, что этот путь к отступлению для меня отрезан.

Я закрыл дверь. Огонь должен был уничтожить ее за считанные минуты, и мне оставалось гадать, умру я от удушья или сгорю в пламени. Я сполз на пол и лег на живот.

– Извини, – прошептал я, хотя и не вполне представлял, к кому я обращаюсь. Возможно, к Элле, – за то, что оставил ее одну в Лейпциге перед лицом огромной опасности. Возможно, к отцу, которого я так и не нашел, несмотря на обещание. Возможно, к супругам Ландовски, к Эвелин, мсье Ивану и всем, кто верил в меня, когда я ничего не имел. А может быть, даже к Кригу Эсзу, – за обычное недоразумение, которое привело к таким страданиям и душевной боли.

Теперь он заставил меня платить за это.

Я пересек континенты, пережил холод и голод. Несмотря ни на что, я нашел человека, ради которого стоило жить... а теперь все это закончится. Бесцеремонно, в треске пламени и клубах дыма.

Я перевернулся на спину и закрыл глаза. Когда я был маленьким мальчиком, отец пользовался методикой успокоения и расслабления, придуманной театральным режиссером Константином Станиславским, чтобы я быстрее засыпал. Я вспомнил голос отца.

«Сейчас мышечный регулятор находится в мизинце твоей ноги. Он начинает с самой мелкой мышцы твоего тела... и отключает ее. Потом он переходит к следующему пальцу, и к следующему... а теперь он в подошве твоей ноги. Она очень напряжена, потому что весь день удерживала вес твоего тела. Но это не проблема для мышечного регулятора. Он отключает мышцы так же легко, как ты выключаешь свет. Теперь он движется по твоей лодыжке...»

Голос моего отца, воображаемый или нет, погрузил меня в сон. Но, скорее, это был дым, которым я надыхался. Что касается дальнейшего, то я пришел к выводу, что оно мне приснилось.

Я увидел звезды над головой.

Помню, как я обрадовался, что они явились ко мне перед самым концом. Семь Сестер сверкали и мигали у меня перед глазами – мои путеводные звезды, мои неизменные спутницы. Потом звезды начали превращаться в семь незнакомых женских лиц. Каждое из них лучилось теплом и любовью. В этот момент я ощущал совершенный покой... Я был готов.

Потом я услышал голос.

– Не сейчас, Атлас. Тебе еще многое нужно сделать.

Семь лиц скрылись из виду, и звезды перестроились в единственную женскую фигуру. У нее были длинные волосы и ниспадавшее волнами платье, которое как будто простиралось за ее спиной в бесконечность. Потом сами звезды потускнели, а фигура появилась передо мной, как в цветном кино. Ее платье было темно-красным, и она была украшена гирляндами бело-голубых цветов. Пышная грива ее светлых волос была изящно уложена вокруг сердцевидного лица. Ее большие голубые глаза как будто лучились и мерцали внутренним светом, и я был зачарован ими. Она снова обратилась ко мне:

– Мальчик, который держит бремя мира на своих плечах. Тебе придется потрудиться еще какое-то время. От тебя зависят другие.

Я заметил европейский акцент в ее речи, хотя она говорила на языке моей матери.

– Что ты имеешь в виду? – одними губами прошептал я. – Кто ты? Женщина улыбнулась.

– Ты смотришь на меня через окно, Атлас. Для меня окна предпочтительнее дверей, потому что оттуда можно видеть путь перед уходом.

До меня дошел смысл ее слов.

– Окно... Но я нахожусь на третьем этаже и разобьюсь, если упаду!

– Здесь ты точно не выживешь. Соверши «прыжок веры»^[15].

Женщина начала исчезать, поглощаемая клубами черного дыма надо мной.

Еще не вполне проснувшись, я перевернулся на живот и пополз к окну. Пробираясь по полу, я задел рукой длинный тонкий предмет, оказавшийся смычком от моей виолончели. Я подхватил его. Свет за

окном был едва виден из-за дыма, вырывавшегося через приоткрытую щель. Она создавала тягу, прогоняя дым через комнату.

Ухватившись за занавеску, я кое-как выпрямился и толкнул вверх оконную раму. Дым на мгновение рассеялся, а потом с новой силой окутал меня. Я посмотрел на улицу, где различил фрау Шнайдер и других людей, спасшихся от пожара. Она заметила меня.

– Господи, он жив! – вскричала фрау Шнайдер. – Жди там, юноша! Пожарные уже едут, они спасут тебя!

Позади раздался страшный треск. Я обернулся и увидел, что дверь вместе с косяком рухнула в комнату, объятая пламенем. Мое решение широко открыть окно раздуло пожар, и огненные языки расползлись по комнате, словно щупальца осьминога, заползающего в пещеру. Последним, что я взял из комнаты, был мой дневник, валявшийся на столе у окна. Потом я забрался на подоконник.

– Не смей! – закричала фрау Шнайдер. – Оставайся там!

По моей оценке, высота составляла более пятидесяти футов. Я заправил смычок и дневник за пояс штанов. Потом осторожно ухватился за подоконник и медленно опустился вниз, теперь мои ноги свисали из окна. Каждый дюйм, сокращавший мое падение, мог иметь жизненно важное значение. Я мысленно приготовился к дальнейшему.

– Клумба, клумба! – крикнула фрау Шнайдер. – Я полила ее только сегодня вечером!

Я отцепил левую руку от подоконника и повис, чтобы наклонить голову и попытаться рассмотреть, что находится внизу. Хотя было темно, белые и голубые цветы служили своеобразными посадочными огнями. Если бы я мог слегка оттолкнуться и приземлиться на мягкую землю, то у меня был бы какой-то шанс. Из моей спальни донесся громкий треск, и я понял, что нужно действовать: сейчас или никогда. Продолжая держаться за подоконник одной рукой, я качнулся вправо, потом влево и разжал руку.

Хотя мое приземление не было идеальным, но, с учетом обстоятельств, мне повезло. Я упал на клумбу, согнул колени в момент удара и покатился по земле. Истинная сила удара дошла до меня лишь после того, как моя правая рука ударилась о каменную мостовую, а за ней последовало мое лицо. Я вскрикнул от боли.

– Мой мальчик, мой мальчик! – кудахтала фрау Шнайдер, склонившись надо мной. – Где больно? Ты чувствуешь свои ноги?

Можешь пошевелить пальцами?

– Да, – ответил я. – Дело в руке, а не в ногах.

Я закатал рукав здоровой рукой и увидел крайне неприятное зрелище. Локоть явно был выбит из сустава, и мои глаза слезились от острой боли.

– Мы должны убрать его подальше от дома. Помогите мне!

К фрау Шнайдер сразу же присоединились еще двое молодых жильцов, подхвативших меня за руки.

– Нет! – завопил я, но было уже поздно. Когда они оторвали меня от земли, правая рука издала тошнотворный хруст. Жаркая боль из локтя расплескалась по всему телу. Я заходился криком, но парни решительно тащили меня от огня. Когда они отпустили меня, я свернулся в клубок, содрогаясь от боли.

– Дыши, молодой человек, – сказала фрау Шнайдер, которая снова оказалась рядом со мной и гладила меня по голове. – Ты выжил.

– Все остальные... они выбрались? – выдохнул я.

– Все, кто был дома. К счастью, осталось мало жильцов, большинство еще в городе после сегодняшнего представления... Хотя я не стану говорить за другие дома.

– Другие дома? – промямлил я.

– Боюсь, что так, молодой человек. Все началось всерьез, и мне очень жаль. Это произошло из-за меня.

Я озадаченно нахмурился.

– Не понимаю, фрау Шнайдер.

– Я еврейка. Они подожгли дом, чтобы отобрать мой заработок и показать, что я здесь не нужна. К сожалению, сегодня им это удалось.

Шестеренки начали вращаться в моей голове.

– Простите, фрау Шнайдер.

– Тебе нечего извиняться. Сегодня ночью ты мог погибнуть, и все из-за меня. – Фрау Шнайдер опустила голову.

– Нет, фрау Шнайдер, – ответил я. – Вы не виноваты... – Я ощутил свинцовую тяжесть в животе. – Вы упомянули о других домах. Значит, эсэсовцы приходили в другие дома, где живут евреи?

– Боюсь, что да.

Я поднялся на нетвердых ногах. Волны боли расходились по телу из сломанной руки. Я скривился и глубоко задышал.

– Будь осторожен! – взмолилась фрау Шнайдер. – Я пошлю за доктором.

Я побежал к кофейне и увидел, что дом Элле не пострадал. Облегчение, охватившее меня, было более эффективным болеутоляющим средством, чем морфий.

– Мне не понадобится врач, фрау Шнайдер. Спасибо, у меня все будет в порядке. Нужно только найти Элле...

Фрау Шнайдер кивнула.

– Я ее не видела. Возможно, если ты расспросишь соседей... – Она прикрыла рот ладонью и заплакала, внезапно сраженная событиями сегодняшней ночи.

Я положил ей на плечо здоровую руку.

– Это страшная несправедливость, фрау Шнайдер. Сожалею о вашей утрате.

– Спасибо. – Фрау Шнайдер шмыгнула носом. – Но странно, как они смогли вычислить меня? Моя вера не выставляется напоказ, как и у многих других горожан.

Меня пронзил укол вины. Я понял, что сегодня ночью не фрау Шнайдер была мишенью поджигателей. Этой мишенью был я.

– Бо! – Из-за плеча фрау Шнайдер я увидел Элле, бежавшую ко мне в сопровождении Карин. Когда я подошел обнять ее, вспышка боли пронзила мою руку, и я скривился. – Любимый, что случилось? Ты ранен?

– Ох, Бо, – прошептала Карин.

Я указал на дымившееся здание.

– Мне пришлось спрыгнуть. Они поджигают дома, которые принадлежат евреям. Но, Элле... это был он. Он знает. Нам нужно уехать, сегодня, если возможно.

– Кто такой *он*? – спросила Карин.

Элле повернулась к своей подруге:

– Он имеет в виду одного... особенно мерзкого офицера СС, которого мы видели в городе. Верно, Бо?

– Да, – отозвался я, радуясь тому, что Элле соображает лучше меня. – Просто он очень агрессивен. Моя домохозяйка фрау Шнайдер оказалась еврейкой, так что мы попали в список сегодняшних поджогов. А где Пип?

– Все еще в городе, празднует свой успех, – сказала Карин. – Всем удалось выбраться?

– Судя по всему. Но теперь каждый из нас находится в опасности, и нам нужно составить план немедленного отъезда.

Я обнял Элле левой рукой, и она опустила голову мне на грудь. Потом я посмотрел на свой бывший дом, рядом раздавались пожарные сирены, и ощутил жесткий смычок от виолончели за поясом. Моя земная участь повторялась, и я снова потерял все, что имел. Но на этот раз Элле находилась рядом со мной.

– Куда вы отправитесь? – спросила Карин.

– Как можно дальше. Наверное, в Америку.

– Мы будем скучать по тебе, Карин. – Элле расплакалась. – Ты была мне как сестра.

– И ты, Элле. – Карин закусила губу. – Но что, если бы у нас был способ остаться вместе? Вы бы согласились?

Мы с Элле переглянулись.

– Разумеется, Карин, – ответила она. – Мы будем очень рады видеть тебя рядом с нами. Хочешь присоединиться к нам в Америке?

– Вообще-то я думала о том, чтобы *вы* присоединились ко мне. Как вам известно, Пип предложил увезти меня в Норвегию. Я уверена, что после сегодняшних событий он будет только рад распространить свое предложение и на вас. Ну, что скажете?

– О, да! – ответила Элле, прежде чем я успел осмыслить услышанное. Она повернулась ко мне. – Это превосходный план, Бо.

Я кивнул, все еще пребывая в оцепенении.

– Если Пип согласен, то, разумеется, мы поедем вместе с ним. Спасибо, Карин. Ты не представляешь, как много это предложение значит для нас.

– Тогда решено. Остается лишь несколько дней до конца семестра, а потом мы сможем получить пропуск в Берген.

– Нет, – твердо возразил я. – Я совсем не шутил, когда сказал, что нам с Элле нужно уехать завтра вечером. Это чрезвычайно важно для нашей... для *ее* безопасности, нам необходимо немедленно уехать из Лейпцига.

Я выразительно посмотрел на пылающий дом.

– Понимаю, – сказала Карин. – Я первым делом поговорю с Пипом. Он хотел, чтобы его произведение было исполнено на сцене, и

вчера вечером это произошло. Надеюсь, завтра мы сможем покинуть Лейпциг.

– Между тем, Бо, тебе нужно где-то переночевать, – сказала Элле. – Уверена, что фрау Фишер не будет возражать, если ты переночуешь на нашем этаже. Ты согласна, Карин?

– Ну конечно!

К счастью, домохозяйка не стала возражать. Я устроился на деревянном стуле в комнате Элле и Карин, готовый принести извинения за недавние события. Если бы я был осторожнее, всего этого можно было бы избежать. Теперь, когда Элле находилась под моей ответственностью, я не мог допустить очередного промаха. Я подождал до восхода солнца, прежде чем растянуться на полу и немного поспать, пребывая в уверенности, что Криг не станет ничего предпринимать при свете дня. В семь утра я услышал, как Карин ушла для разговора с Пипом.

Через несколько часов она вернулась и сообщила, что его семья будет рада видеть нас у себя дома и что Пип пытается устроить срочный звонок из кабинета Вальтера Дэвисона, чтобы оповестить своих родных в Бергене.

Остаток дня прошел в поспешных сборах. Я помог Элле разобраться в ее пожитках, испытывая странное удовлетворение от того, что мои собственные вещи превратились в кучку пепла. Иногда я забывал о своем локте, слишком энергично что-то поднимал и вскрикивал от боли.

– Ох, Бо, тебе нужно к врачу, – сказала Элле. – Вот.

Она выбрала один из своих шарфов и повязала его мне на шею как самодельную перевязь. Потом нежно поцеловала меня в щеку и провела рукой по синякам на моем лице.

– Бедняжка. Скоро ты станешь похож на свеклу.

– А через неделю – на горчицу, – добавил я.

– Забыла сказать, – вмешалась Карин. – Астрид, мать Пипа, – профессиональная медсестра. Она позаботится о твоей руке.

– Ну вот, Бо. – Элле выдавила улыбку. – Видишь, все устраивается.

Несмотря на события, происходившие за последние полгода, я все равно испытывал определенную горечь из-за нашего отъезда из Лейпцига. Ведь именно здесь я возмечтал о том, что мы наконец

станем свободными людьми и сможем жить вместе, не оглядываясь на прошлое. Однако, как это всегда бывает, прошлое настигло нас, сговорившись с настоящим причинить вред не только мне, но и Элле.

Я эгоистично надеялся, что Норвегия слишком далека для Крига.

*Норвегия, гавань Бергена,
канун 1938 года*

Дорогой читатель, прошу прощения за мое долгое отсутствие. Мне трудно поверить, что со времени моей предыдущей записи прошло полтора года. Мое «падение» в Лейпциге привело к тяжелому вывиху локтя и сложному перелому. Очевидно, факт моего стоического ведения записей во время двухдневной поездки от Лейпцига до Бергена не способствовал выздоровлению.

По прибытии в Норвегию добрая и прекраснодушная Астрид Халворсен обеспечила мне немедленное лечение в Хоклендской клинике. Мою руку на полтора месяца заковали в гипс и сказали, что восстановление займет больше года. Хотя мое состояние ежедневно понемногу улучшается, писать все еще трудно. Я много раз пробовал поднимать локоть и подносить перо к бумаге, но сдавался из-за боли. Но теперь я рад сообщить, что некогда палящий жар в моей руке превратился в тупое нытье, и теперь я могу продолжать записи. Что за роскошь!

Я постараюсь более или менее подробно описать события, так как если вы до сих пор читаете эти строки, то, очевидно, испытываете некий интерес к моей истории.

После того, как мы сошли с парохода, Астрид посмотрела на мой локоть и объявила, что мне почти обязательно потребуется операция. Она оказалась права. Несмотря на возражения членов семьи Халворсен, я настоял на самостоятельной оплате всех больничных расходов. На это ушли все средства, остававшиеся у меня после получения премии Блюменталю.

К счастью, Халворсены проявили к нам огромную щедрость. С самого начала они обеспечили нам кров, пропитание и бесчисленные

счастливые вечера, наполненные музыкой и смехом. Пип и его родители относились к нам с Элле как к членам семьи (разумеется, и к Карин тоже).

Хорст, отец Пипа, – мой коллега-виолончелист и играет в Бергенской филармонии. Все это время я ощущал неизменное сочувствие с его стороны, потому что больше не могу нормально поднимать руку со смычком. Она двигается слишком жестко. Поэтому я не принимал участия в традиционных вечерних представлениях, когда Пип садился за фортепиано, Элле играла на флейте или на скрипке (в зависимости от произведения), Карин – на гобое, а Хорст – на виолончели. Печаль жгучими волнами разливалась в моей груди, когда я смотрел на свой бывший инструмент.

Первые несколько месяцев в Норвегии принесли покой, так необходимый после головокружительного бегства из Германии. Здесь мы с Элле чувствовали себя в безопасности. Возможно, Норвегия – самая красивая страна на нашей планете. За короткое время, проведенное здесь, я влюбился в мглистые горы и водоемы, словно уходившие в бесконечность. Одним из моих любимых занятий были пешие прогулки в местном парке Фелльстрекниир с альбомом и набором карандашей, с помощью которых я пытался уловить частицу природной красоты здешних мест. Даже воздух здесь обладает несравненной чистотой. Ты как будто упиваешься им, опьяненный резкой, пронзительной свежестью.

Я прекрасно понимал, что мы не можем вечно полагаться на Халворсенов, каким бы уютом они ни старались нас окружить. Мы с Элле были не супругами, а обычными беженцами. В Париже я позволял мсье Ландовски содержать меня и оплачивать мое обучение, а в Лейпциге премия Блюментала гарантировала достаток. Я решил, что пора начинать зарабатывать на жизнь для себя и Элле.

Во время моих прогулок по Бергенской гавани я отметил лавку картографа под названием «Шольц и Шольц». Из разговоров с Шольцем я узнал, что пожилой владелец был немцем, а его сын недавно уехал в Германию, чтобы присоединиться к растущему нацистскому движению, что сильно расстроило старика. Я предположил, что он согласится взять меня в помощники, даже с большой рукой. В конце концов, мое знание звездного неба было трудно превзойти, да простят мне это небольшое хвастовство.

Рад сообщить, что мое предположение подтвердилось, и с тех пор я стал работать у мистера Шольца. Он – добрый старик, а его жена – мастерица в искусстве выпечки хлеба из ржаной муки грубого помола. По правде говоря, у меня немного работы. Я не беру на себя ответственность по самостоятельному изготовлению карт, но помогаю мистеру Шольцу в разных мелочах. Жалованье у меня заслуженно скудное, но я умудрился произвести такое приятное впечатление, что, когда супруги Шольц узнали о моей жизненной ситуации, они предложили мне маленькую квартиру над лавкой, которую раньше занимал их сын. Я ухватился за эту возможность и спросил, не может ли моя «жена» присоединиться ко мне. Они согласились при условии, что Элле будет помогать миссис Шольц с уборкой.

Элле сначала беспокоилась, что Карин будет завидовать. Они с Пипом объявили о своем желании пожениться через несколько месяцев после приезда в Берген, и Карин вся извелась от нетерпения покинуть дом Халворсенов.

– Им нужно свое место, – вздохнула Элле.

– Уверен, скоро оно у них будет, – ответил я. – Если Пип успешно пройдет прослушивание, он присоединится к Хорсту в Бергенской филармонии. Тогда у них хватит денег на содержание собственного дома.

– Ты прав. – Она взяла меня за руку. – Как думаешь, однажды мы сможем...

Она замолчала. После объявления о помолвке наших друзей появилась невысказанная печаль о том, что мы еще не можем присоединиться к ним в супружеском счастье.

Я взял Элле за руки.

– Любимая, в нашей жизни верно лишь то, что мы всегда будем вместе. Обещаю, мы поженемся, как только у нас будет достаточно средств и безопасное место для жилья.

Вот так мы с Элле жили как «муж и жена» в течение полутора лет. Мы проводили вечера в крошечной квартире, сидя перед дровяной печкой и глядя на домики, карабкавшиеся вверх по склону холма. По ночам окна светились сочным желтым цветом тающего сливочного масла. Пока мы были вдвоем, отделенные защитным коконом от остального мира, так легко было забыть, откуда мы спаслись бегством.

Я изо всех сил стараюсь жить настоящим, как и наши друзья. Пип и Карин поженились год назад, на Рождество 1937 года, и Карин обратилась в лютеранскую веру. Она обсудила эту формальность с Элле и сказала: «Несколько капель воды и крест, приложенный ко лбу, не делают меня христианкой в душе и сердце». Тем не менее ее новая фамилия и документы обеспечивали защитный буфер в том случае, если нацисты однажды появятся на берегах Норвегии, что оставалось вполне вероятным.

Пип успешно выдержал прослушивание и теперь сидит рядом со своим отцом в Бергенской филармонии. Любой намек на зависть к его успехам с моей стороны сводится на нет фактом моего спасения, уже не говоря о том, что его положение является абсолютно заслуженным. Помимо работы в филармонии Пип усердно трудится над своим дебютным концертом, до завершения трудов отказываясь делиться с кем-либо промежуточными результатами. По его словам, он собирается посвятить это произведение своей жене. Я не сомневаюсь, что мой друг создаст новый шедевр.

Весной 1938 года Пип и Карин накопили достаточно средств для аренды дома на Театергатен, совсем недалеко от Бергенского концертного зала. Карин попросила меня найти фортепиано для их гостиной, и я постарался найти самый лучший инструмент в рамках ее бюджета. Наш с Элле подарок на новоселье был куда более скромным: мы преподнесли скамейку для нового фортепиано, вырезанную моими руками и обитую Элле. Не самый дорогой подарок, но сделанный с заботой и любовью.

Вскоре после этого Карин объявила, что ждет ребенка, а в ноябре родился маленький Феликс Халворсен. Когда мы познакомились с малышом, я заметил выражение сдержанной тоски в глазах Элле. Я взял ее за руку.

– Когда-нибудь, – пообещал я и легко поцеловал ее в лоб.

Мы не были настолько наивными, чтобы поверить в невозможность нацистского вторжения. Да и как мы могли поверить после всего, что нам довелось пережить? Оставалось лишь ждать, когда несчастье постучится в двери Норвегии – в виде войны или человека, который желал моей смерти. Или и того, и другого.

Газетные новости становились все мрачнее. Напряжение в Европе росло день за днем. В марте Германия аннексировала Австрию. В

сентябре появился кратковременный проблеск надежды на то, что конфликта удастся избежать. Британия, Франция, Германия и Италия подписали Мюнхенский договор, по которому Судетская область Чехословакии отходила Германии в обмен на отказ Гитлера от дальнейших территориальных претензий. Но через три месяца осталось мало оптимистов, веривших в прочность этого договора.

Руководствуясь нашей философией «жизни в настоящем», перед началом 1939 года мы с Пипом, Карин и Элле забронировали места на борту парохода «Хуртигрутен» для новогоднего круиза вдоль живописного западного побережья Норвегии. Это было мое предложение, поскольку плавание должно было проходить мимо разных головокружительных ландшафтов, включая самое желанное зрелище: водопад Семь Сестер на краю Герангерфьорда.

Невозможно словами выразить природные красоты, которые я наблюдал с палубы «Хуртигрутен». Никто не в силах уловить безмятежное величие застывшего водопада или ошеломительную красоту светового представления, которое последовало за этим. Я вынужден обратиться к дневнику, чтобы дать читателю некоторое представление о чуде, которое я сейчас переживаю.

Примерно в одиннадцать часов утра «Хуртигрутен» обогнула изгиб Герангерфьорда, и появился водопад Семь Сестер. Судно подходило все ближе и ближе, и мне не стыдно признаться, что я трепетал от детского предвкушения, пока не увидел одно из самых замечательных зрелищ в моей жизни. По каменистому выступу фьорда ниспадали семь ручьев полупрозрачного белого льда, украшенных бесконечными ответвлениями. Я в жизни не видел ничего подобного. Замерзшие струи для меня были эфирными локонами Семи Сестер, развевавшимся на космическом ветру. Ощущая мое ошеломление, Элле крепко взяла меня за руку.

– Это действительно потрясающее зрелище, *cheri*, – обратилась Карин к Пипу и обняла его перед тем, как повернуться к группе. – Почему водопад назвали Семь Сестер?

– Бо может ответить на этот вопрос. – Элле улыбнулась.

– Разумеется, – сказал я. – В данном случае легенда гласит, что семь струй, или Сестер, игриво спускаются с горы, где они «флиртуют» с тем водопадом. – Я указал на отдельный поток на другой стороне фьорда. – Его называют кавалером. Признаться, это не самая моя любимая легенда о Семи Сестрах, но я рад встречаться с ними в любой культуре или историческом периоде.

– Пожалуйста, продолжай, Бо, – с искренним интересом попросил Пип.

– Люди разных культур верят в разное. Но они тысячи лет почитали звездное скопление Плеяд, и предания о нем существуют во всем мире. Истории о Семи Сестрах хранятся в устных сказаниях, в поэзии, музыке, архитектуре и живописи... они вплетены в ткань нашего мира.

– Знаешь что, Бо Делеси, – сказал Пип. – За три года нашего знакомства ты сказал самую длинную речь, которую мне приходилось слышать.

Он был недалек от правды, и его замечание вызвало общий смех.

Во время плавания от Тромсё поднялось такое волнение, что Карин решила вернуться в свою каюту, и Элле вызвалась проводить ее. Стюард объявил, что здесь лучшее место для наблюдения за полярным сиянием, поэтому Пип задержался на палубе.

– Ты так задушевно говорил о Семи Сестрах, – обратился он ко мне. – Скажи, откуда ты так много знаешь о звездах?

– Мой отец был учителем.

– Правда? И что он преподавал?

Я не видел ничего страшного в том, чтобы поделиться с Пипом этой информацией.

– Музыку и классические дисциплины. Последнее включает философию, антропологию, историю, искусство... плюс астрологию и мифологию. Его особенно интересовала связь между двумя последними дисциплинами. – Я улыбнулся этому воспоминанию. – Естественно, он передал свое увлечение мне.

– Это было в Париже? – поинтересовался Пип.

– Э-э... да, в Париже. Он работал частным учителем у... состоятельных клиентов. – Последнее, кстати, не было ложью.

Пип усмехнулся.

– Это объясняет твою эрудицию, Бо. Мне не стыдно признать, что она намного превосходит мою собственную.

Я покачал головой.

– Друг мой, это я должен завидовать тебе! Только посмотри на свою жизнь. Ты играешь в филармоническом оркестре Бергена! Твой новый концерт ожидает невероятный успех, и у тебя прекрасная семья, – искренне добавил я. – Неудивительно, что малыш Феликс сегодня будет скучать по тебе.

Пип оперся на поручень парохода.

– Я уверен, что он вполне счастлив с дедушкой и бабушкой. Но спасибо за добрые слова, Бо. Хотя мы оба знаем, что если бы не твоя несчастная рука, то мы бы смотрели друг на друга в оркестровой яме.

Я улыбнулся.

– Возможно, в другой жизни.

Пип задумчиво посмотрел на черную воду.

– Я очень люблю Карин, Бо. Сейчас я чувствую себя счастливейшим человеком. – Он запустил руку в карман и достал какое-то маленькое украшение. – Отец дал мне это перед отъездом на учебу в Лейпцигскую консерваторию.

– Что это? – спросил я.

– Это счастливая лягушка... во всяком случае, так говорит мой отец. Еще говорят, что Эдвард Григ держал такие амулеты по всему дому, чтобы они приносили ему удачу. А этот принадлежал моей бабушке Анне. Вот. – Он протянул мне амулет. – Теперь она твоя.

– Боже мой, Пип, я не могу ее взять. Это семейная реликвия.

– Бо, она принесла мне небывалую удачу, поэтому будет только справедливо, если я передам ее человеку, которому она принесет пользу. – Пип немного подумал. – Мне хочется, чтобы вы с Элле жили без страха.

Я был глубоко тронут.

– Не знаю, что и сказать, Пип. Спасибо.

– Не за что. Знаешь, мне пора идти к Карин; бедняжка страдает от морской болезни. Ты будешь здесь? – спросил он.

– Всю ночь, если это понадобится, чтобы увидеть северное сияние.

Пип дружески похлопал меня по плечу и спустился вниз. Я смотрел в ночное небо, которое оставалось кристально ясным. Не

знаю, сколько я простоял там. Возможно, часы, купаясь в звездном свете и общаясь с моими лучезарными хранительницами.

В какой-то момент Плеяды скрылись из виду. Я заморгал, а когда распахнул глаза, небо надо мной было затянуто мерцающей радужной вуалью, колыхавшейся и пульсировавшей наверху. Я стоял в благоговении, омываемый этим неземным сиянием, ярким блеском полярных огней. Для меня было великой честью созерцать необъятную красоту Вселенной, более величественную, чем любая рукотворная картина или архитектурное сооружение.

Через несколько минут северное сияние исчезло так же внезапно и таинственно, как и появилось. Я не удержался от восторженного смеха. Я даже вскинул руки к небу и крикнул «Спасибо!», напугав нескольких соседей по палубе, тоже наблюдавших за ночным небом.

Вскоре над безмятежными водами Северного мыса забрезжил рассвет. Отсюда нам предстоял обратный путь к Бергену. Я пошел внутрь, чтобы разбудить Элле и рассказать ей об увиденном. По пути в нашу каюту я миновал столовую, где увидел Пипа и Карин, сидевших за завтраком. Я трусцой подбежал к ним.

– Друзья, я видел его! Я видел чудо! Его величия было достаточно, чтобы убедить даже самого стойкого неверующего в существовании высшей силы. Эти цвета... синий, желтый, зеленый... все небо было озарено сиянием! Я... – У меня закончились слова. Я протянул руки к Пипу и обнял его, чему он явно удивился.

– Спасибо, – повторял я. – Спасибо тебе!

Ощущая себя легким, как пушинка, парящая в воздухе, я спустился в каюту, где мирно спала Элле.

Я никогда не забуду ту ночь, когда небо танцевало для меня.

*Шотландия, Инвернесс,
апрель 1940 года*

Когда я перечитываю эти страницы, написанные на борту «Хуртигрутен», водопад и огни северного сияния кажутся впечатлениями из предыдущей жизни. К моим глазам подступают

слезы, когда я читаю о наших дорогих, любимых друзьях, которые больше не... Прошу прощения, уважаемый читатель, я забегаю вперед.

На этот раз я не буду извиняться за тот факт, что больше года не делал новых записей в дневнике. После нашего круиза на «Хуртигрутен» в 1939 году мой локоть пошел на поправку, я ощутил прилив новых сил и заполнил множество страниц своими воспоминаниями. Но с сожалением вынужден сообщить, что история повторилась, и эти страницы остались в комнате над лавкой картографа в Бергене после того, как мы с Элле снова были вынуждены бежать.

Германская военная машина обрушилась на Норвегию 9 апреля 1940 года. Страна была застигнута врасплох, пока ее военный флот помогал Британии обеспечивать блокаду Ла-Манша. В итоге битва за Берген была короткой и жестокой; вскоре город был полностью оккупирован. Солдаты патрулировали улицы, а на городской ратуше висели знамена с огромными свастиками. Разумеется, новый режим отменил все культурные события в Норвегии, включая премьеру «Героического концерта» Пипа.

За несколько недель до вторжения Карин буквально обезумела от тревоги. Она умоляла Пипа уехать из Европы вместе с ней, но ее муж был полон решимости оставаться дома. Несколько раз она в слезах приходила к нам на квартиру.

– Он думает, будто моя новая фамилия и переход в лютеранство защитят меня. Я люблю его, но он такой наивный! Солдатам достаточно будет посмотреть на меня, и они все поймут. Начнется дознание, а потом... – Карин уронила голову на руки, потом указала на Элле: – Тебе тоже нужно бояться. Светлые волосы и голубые глаза не смогут надежно защитить тебя. В Европе для нас не осталось безопасного места.

– Знаю, Карин, – ответила Элле. – Мы собираемся уезжать.

– И вы правы, несмотря на разговоры моего мужа. Нельзя недооценивать их дотошность. Они не остановятся ни перед чем, чтобы уничтожить нас. И, разумеется, у маленького Феликса тоже есть еврейская кровь. Что, если они заберут и его?

Элле обняла подругу.

– Моя дорогая Карин. Даже не представляю, как тебе тревожно. Но твой муж должен отложить свою жизнь в сторону ради защиты

сына. Я уверена, что Пип готов на все ради его безопасности.

Карин разрыдалась.

– Я хочу в это верить, Элле, я правда хочу. – Она покачала головой. – Но он думает только о своем «Героическом концерте». Мои родители умоляли нас присоединиться к ним в Америке. Они даже присылали деньги, но Пип просто отказывается. По его словам, в новой стране он будет всего лишь еще одним многообещающим композитором. А здесь он *великий Йенс Халворсен!*

– Ты действительно думаешь, что он может поставить самолюбие превыше вашей личной безопасности? – спросила Элле.

– Мне не хочется так думать. Он утверждает, что в Норвегии безопасно, потому что она сохраняла нейтралитет во время предыдущей войны. Но мы с тобой знаем этих людей, Элле. Они никогда не останавливаются. Уверена, что они вторгнутся в нашу страну, и тогда нам нужно быть готовыми.

Мы были готовы. Ночью во время нацистского вторжения мы с Элле укрылись высоко в холмах Фроскехасета вместе с семейным кланом Халворсенов. В ходе моей подготовки к этому событию я заручился услугами местного рыбака Карла Олсена, работавшего в гавани Бергена. Карл согласился благополучно доставить нас в Великобританию. Он был хорошим человеком, добрым и дружелюбным, и я ежедневно беседовал с ним с тех пор, как стал работать в лавке «Шольц и Шольц». Но должен добавить, что Карл не был альтруистом: я полтора года снабжал его бесплатными картами.

В первое утро после оккупации я встал очень рано и встретился с Карлом в гавани. Он пообещал, что в течение суток все подготовит и будет ожидать нас для переправки в Шотландию.

Я вернулся к Элле и сообщил последние новости.

– Мы должны сказать Пипу и Карин, – сказала она.

Я колебался.

– Карин – да. Но Пип и его родители... чем больше людей будут знать о нашем плане, тем скорее нас раскроют.

– Но мы *должны* дать им шанс уехать вместе с нами, – настаивала она.

– Разумеется. Но ты знаешь, какой упрямый этот Пип. Последнее, что нам нужно, – это семейная сцена. Обещаешь поговорить с Карин и сначала оценить ее реакцию?

В тот наш последний вечер в Норвегии мы встретились с Халворсенами. Я побеседовал с Астрид и Хорстом, пока Элле разговаривала с Карин. Я видел лицо Карин, когда Элле поделилась с ней новостью о нашем скором отъезде. Зрелище их с Элле прощания было душераздирающим.

– Что сказала Карин? – спросил я, когда мы вышли на улицу и направились к крошечной охотничьей хижине, где остановились на время.

– Она сказала, что всегда будет ждать меня здесь и что я должна написать ей после приезда в Шотландию.

– Она даже не рассматривала возможность уехать с нами?

Элле покачала головой.

– Она сказала, что Пип не хочет и думать об этом, и она скорее умрет, чем бросит его здесь.

Я взял Элле за руку, мы молча размышляли о том, на какую участь Пип обрекает свою жену.

На следующее утро, ровно в пять утра, мы с Элле встретились с Карлом в гавани. Мы поднялись на борт его траулера и пережили штормовое, но в остальном непримечательное плавание до Инвернесса. Плавание в Шотландию заняло около шести часов, и я молился о том, чтобы мы избежали столкновения с вражескими судами. Однако Плеяды улыбались нам, и наш переезд в Британию прошел без происшествий. Я крепко обнимал Элле, мы мысленно прощались с нашей прежней жизнью. Мы уже привыкли к трагическим ситуациям, но от этого было не легче. Я хорошо понимал, как тяжело сейчас Элле. Карин много значила для нее, и никто не сомневался, что мы оставили ее подругу в опасности. Но, кроме физического похищения Карин и маленького Феликса, мы ничего не могли бы предпринять.

– Карл, нас нужно высадить в уединенном месте. Как ты помнишь, у нас нет документов.

Карл отмахнулся.

– Никаких проблем, Бо. Мы найдем пустынный пляж; насколько я помню, здесь их хватает. Но вам придется как следует прогуляться по берегу.

Мы с Элле обменялись взглядами и приподняли брови.

После небольшой рекогносцировки Карл нашел удобное место и подвел траулер к берегу так близко, как только мог.

– Это все, что я могу сделать. – Он пожал плечами. – Дальше справляйтесь сами.

Я кивнул и неохотно спрыгнул в ледяную воду, доходившую до бедер.

– Боже! – раздраженно воскликнул я. – Лучше я отнесу тебя на берег, Элле. Возьми наш чемодан.

Она обхватила руками единственный кожаный портплед, который нам удалось собрать, и Карл опустил ее ко мне на руки.

– Если сможешь, передай Карин, что мы добрались благополучно! – крикнула Элле. – Я напишу ей!

Карл поднял вверх большие пальцы.

– Удачи вам. Спасибо за карты, Бо.

– Спасибо за все, Карл. Ты уверен, что не хочешь остаться здесь?

Он рассмеялся.

– Берген – это мой дом. Я хочу вернуться и избавить его от нежеланных гостей. Уверю вас, норвежцы победят.

С этими словами он завел двигатель и пустился в обратный путь.

Я выбрел из океана на пляж с мягким белым песком, где аккуратно поставил Элле на ноги.

– Спасибо, любимый, – благодарно сказала она.

День был пасмурным и ветреным, вполне подходившим этому суровому берегу. Я огляделся по сторонам. Если Норвегия казалась живописной и безмятежной, то мое первое знакомство с Шотландией – это скопление грозных скал, но и то, и другое было одинаково прекрасным. Скалистые выступы, травянистые склоны и свинцово-серое небо наверху были нашими первыми впечатлениями. Мы поднялись по дюнам и вышли на пустынную дорогу.

– Думаю, отсюда нам недалеко до Инвернесса, – сказал я. – Судя по тому, что я видел с борта, не более двух миль.

Менее чем через час мы достигли пределов крупного портового города, который называли центром Горной Шотландии. Я не знал, чего можно ожидать от этого места, но оно выглядело совершенно заброшенным. Я полагал, что отчасти это вызвано мобилизацией, вступившей в силу после того дня, когда Невилл Чемберлен объявил войну Германии. Меня передернуло при мысли о местных семьях,

опустошенных этим решением. Должно быть, население сократилось практически вдвое.

Приближаясь к центру города, мы подошли к замку из рыжего песчаника, впечатляющего сооружения на берегу реки Несс. Я вспомнил, что в пьесе Шекспира именно здесь Макбет убил короля Дункана, и по моей спине пробежал холодок.

Когда мы вышли на булыжную мостовую, мои штаны уже просохли, чего нельзя было сказать о ботинках. Ноги превратились в ледышки, и мне очень хотелось попасть в тепло. К счастью, вскоре мы заметили потрепанную вывеску, раскачивавшуюся на сильном ветру. Она гласила:

«Гостиница Шип-Эйд, ночлег и еда».

– Что думаешь? – обратился я к Элле.

Она энергично кивнула.

– Давай зайдем туда.

Мы открыли дверь ветхого террасированного дома и вошли внутрь. Там было темно и тесно, лишь тусклая лампочка горела над столом в прихожей. Я осторожно звякнул колокольчиком, и из следующей комнаты появился пожилой джентльмен в очках.

– Слушаю вас?

– Добрый день, сэр. У вас найдется свободная комната для меня и моей жены?

Он окинул меня подозрительным взглядом.

– На какое время? – с тягучим акцентом спросил он.

– По меньшей мере, на несколько дней. Может быть, дольше.

Он приподнял бровь.

– Что у вас за дело в Инвернескайе?

– Прошу прощения, где?

Он закатил глаза.

– В Инвернесе. Что вам нужно в городе? Вы явно не отсюда.

– У вас хороший слух. Мы родом из Франции, приехали посетить больную бабушку.

– И где она живет? – осведомился он.

– В Манлохи, – моментально ответил я. Я заметил указатель на подходе к городу, и название мне понравилось. Хозяина, похоже, это

удовлетворило.

– Комната на двоих. Вам нужно быть очень осторожными. Мистер Чемберлен, знаете ли, насторожил всех в здешних краях.

– И это правильно, сэр.

Нас проводили в сырую и обшарпанную комнату, под стать погоде снаружи. Матрас был жутко тонким, и когда я осмелился лечь, то пружины впились мне в спину. Правда, убогость компенсировалась низкой ценой, но и это пробило брешь в наших скудных сбережениях.

– Нужно кое-что обсудить, любимая, – сказал я, когда Элле улеглась рядом со мной. – Как мы только что узнали, для местного слуха у нас непривычный говор. Последнее, что нам нужно, – это привлекать к себе внимание. Не хватало еще, чтобы нас приняли за шпионов!

Она повернулась ко мне.

– Ты прав. Но что мы можем сделать?

– Ну, если мы здесь надолго, то первым делом надо как-то адаптировать наши имена. Если я Бо, то, наверное, смогу называть себя... – Я задумался, подбирая английский эквивалент. – Бобом!

Элле нахмурилась.

– Я не могу называть тебя Бобом и сохранять серьезное выражение лица. Как насчет Роберта?

Я обдумал ее предложение.

– Хорошо, пусть будет Роберт. А ты, наверное, будешь... Элеонорой? Как Элеонора Дэшвуд из «Чувства и чувствительности»^[16].

Она слабо улыбнулась. Как я и думал, упоминание о Джейн Остин было ей приятно.

– Ладно, мы будем Робертом и Элеонорой. А как насчет фамилии? Деспеси, мягко говоря, звучит необычно.

– Согласен. Мы не можем рисковать, особенно когда мобилизация идет полным ходом. Я молод, и могут начаться расспросы, почему я не на фронте.

Я раздосадованно вздохнул. Незнание понемногу начинала угнетать меня.

– Бо, даже если бы ты хотел воевать, тебе бы не позволили, – напомнила Элле. – Ты до сих пор не можешь поднять смычок

виолончели, уж не говоря о винтовке! Любой врач сразу подтвердит это.

Я выдавил ироничный смешок.

– Ах, да. Как удобно.

Элле повернулась на спину и уставилась в потолок.

– Если люди будут задавать вопросы о нашем прошлом и захотят знать, что мы делаем в Британии, думаю, будет разумно сообщить, что мы еврейские беженцы, которые эвакуировались из Франции под угрозой нацистского вторжения. По крайней мере, это объяснит наш акцент. Кроме того, это наполовину правда.

– Ты права. – Я задумчиво потер виски. – Нам нужно найти тихий уголок в сельской местности, где мы сможем укрыться.

– И зарабатывать на пропитание, – добавила Элле.

– Как насчет Хайленда? Мы можем уйти еще дальше на север, в горную местность. Я не вижу оснований менять ситуацию, которую мы имели в Бергене, когда работали вместе. Возможно, нам удастся найти работу в каком-нибудь поместье? Сейчас там явно недостаток слуг из-за войны.

Элле села и посмотрела в мутное окно на унылую улицу.

– Я скучаю по нашей квартирке с видом на Бергенскую гавань. Я могла бы навсегда остаться там вместе с тобой.

– Я тоже. Но нужно помнить, что мы здесь по необходимости. Я верю, что в этой стране мы будем защищены от нацистского вторжения. Британская армия сильна, а народ держится стойко. – Я крепко сжал руку Элле. – Обещаю, любимая, у нас все будет хорошо.

Элле провела вечер за составлением письма для Карин, а я воспользовался возможностью для изучения ближайших окрестностей. Несмотря на погоду, Инвернесс обладал своеобразным очарованием. Я попытался вообразить это место в разгар мирного лета со множеством туристов. Мой путь лежал вдоль реки Несс, которая разделяет город пополам и служит связующим звеном между Северным морем и озером, где обитает знаменитое чудовище. На обратной дороге в гостиницу я миновал множество мелких кафе, в каждом из которых предлагали «лучший шотландский завтрак в городе». Я осмелился просмотреть несколько меню и убедился, что в большинстве мест предлагались сытные варианты черного пудинга, который, насколько я

понял, готовится на основе свиной крови. У британцев действительно странные вкусы.

Мы с Элле отправили письмо в Норвегию и устроились скоротать вечер в баре гостиницы «Шип-Эйд». По контрасту с нашей спальней бар был сравнительно уютным, особенно на закате. Мы сидели на старой деревянной скамье и смотрели на огонь, ярко пылавший над каминной решеткой. Когда на улице стемнело, бармен начал развешивать светомаскировочные шторы на случай вражеского воздушного налета. Я встал и помог ему.

– Спасибо, приятель, – с улыбкой сказал он. – Могу я предложить капельку виски?

Я заколебался. Читатель должен помнить о моем сдержанном отношении к употреблению алкоголя. Однако сегодня утром я почти по пояс погрузился в ледяную воду Северного моря, и холод еще не ушел из моих костей. Я решил сделать исключение, тем более что был наслышан о согревающих качествах этого напитка.

Янтарная жидкость была крепкой, но восхитительной на вкус. Она вызывала приятный мягкий жар в теле, и мы с Элле в тот вечер употребили несколько порций виски разных сортов. Дружелюбный бармен Хэмиш явно получал удовольствие, наставляя двух «беженцев из Франции» в тонком мастерстве дистилляции и объясняя преимущества виски по сравнению с вином. Я мысленно взял на заметку больше не увлекаться этим напитком.

Следующие несколько дней мы приспособивались к жизни в новой стране. По моим наблюдениям, местные жители становились дружелюбными, приветливыми и многословными, стоило лишь преодолеть их настороженность. С едой выходило гораздо труднее: казалось, что британский рацион почти целиком состоит из мяса, густой подливки и картофеля. Я не представлял, как с таким питанием им удалось вырастить так много знаменитых спортсменов.

На пятый вечер нашего пребывания в Инвернесе мы отправились поужинать в местную таверну, или «паб», как это называется в Британии, под названием «Дроверс-Инн». В Инвернесе есть множество пабов, и, на мой взгляд, они очень похожи друг на друга. Однако местные жители видели разницу и с жаром расписывали достоинства своих любимых мест. Мы направились в «Дроверс» по рекомендации Хэмиша. Хотя паб был не особенно просторным, он

обладал живописной атмосферой, с лошадиной упряжью и клетчатой тканью, развешанными на стенах. За стойкой находилась коллекция оловянных кружек с выгравированными именами, принадлежавших постоянным посетителям. Я сразу заметил кружку с надписью «Хэмиш».

Когда я пробежал глазами меню, то обрадовался, наконец-то увидев хаггис. Хэмиш сказал, что это национальное блюдо, но, когда я спросил его про ингредиенты, он рассмеялся и посоветовал попробовать, прежде чем задавать вопросы.

Высокий, дородный хозяин паба подошел принять наш заказ.

– Мне хотелось бы попробовать хаггис, – уверенно произнес я, но потом решил не бросаться в слепую атаку. – Можно спросить, из чего его готовят?

– Из печени, сердца и легких молодого барашка, – последовал ответ.

Я передернул плечами.

– О боже... А в чем его подают? – спросил я, гадая, смогу ли выдержать подобное зрелище у себя на тарелке.

– Не волнуйтесь, все это будет славно упаковано в бараньем желудке! – добродушно сообщил хозяин паба.

Это не вселяло особой уверенности.

– Его подают с чем-то еще? – поинтересовался я.

– С отварными кореньями, – ответил он.

– С кореньями? Я не вполне понимаю...

– С картошкой и репой, – произнес звучный баритон в другом конце бара. Мужчина лет пятидесяти улыбнулся нам с Элле, сидевшим за угловым столиком. С седеющими волосами, темными глазами и волевым подбородком, он выглядел симпатично.

– А для вашей *кобылки*?

– Для кого?

– Для вашей юной дамы, – со смехом пояснил незнакомец. На нем был бутылочно-зеленый костюм, а его выговор был типично британским.

– Мне суп, пожалуйста, – обратилась Элле к хозяину.

– Как пожелаете. – Он кивнул и удалился на кухню с нашим заказом.

Когда англичанин подошел к нашему столу, я обратил внимание, что он заметно хромает. Он поставил на стол пивную кружку с шапкой пены и пододвинул табурет.

– Шотландцы живут за соседней дверью, но даже мне иногда трудно понимать их мудреные речи! – Он протянул руку. – Меня зовут Арчи Воган. Приятно познакомиться.

– Нам тоже, – отозвался я. – Меня зовут Роберт, а это – Элеонора.

– Мы очень рады, – добавила она.

Арчи широко улыбнулся.

– Вот и славно. Простите за грубость, вы не возражаете, если я поставлю вам выпивку?

Я посмотрел на Элле, которая спокойно ответила на его улыбку.

– Разумеется, нет, – ответила она и подняла свой бокал с портвейном и ломтиком лимона.

– Превосходно! – воскликнул Арчи. – А теперь расскажите, откуда у вас такой необычный акцент, если вы носите типично английские имена?

– Мы – французы, недавно бежавшие от нацистского вторжения. – Элле выдержала многозначительную паузу, придерживаясь нашего сценария. – Наш народ повсюду находится под угрозой, – добавила она.

– Кто, французы? – Арчи фыркнул в комичном недоумении. Элле покачала головой, и Арчи прикрыл глаза в знак понимания. – Господи, теперь ясно. Ну, вам здесь рады. И не беспокойтесь: я уверен, что мы отобьемся от этих гуннов. – Он с болезненной гримасой переставил ноги под столом. – Что конкретно привело вас в Инвернесс?

– Мы пытаемся найти работу, – честно ответил я.

Арчи хохотнул.

– Мне жаль приносить дурные вести, но вы обратились не по адресу. Кто бы ни посоветовал вам приехать в северную Шотландию, он был глубоко не прав. Наверное, вы уже поняли, что здесь сплошные горы и озера, насколько может видеть глаз.

– Вы родом отсюда? – поинтересовалась Элле.

– Нет, определенно нет. Но я хорошо знаю эти места. С юности приезжал сюда поохотиться на выходные. Именно поэтому сейчас я здесь. У меня недельный отпуск, я служу в королевских ВВС, приехал подышать горным воздухом.

– Где вы расквартированы? – спросил я.

Он немного помедлил, тщательно выбирая слова.

– На юге Англии, точнее в Кенте. Едва ли это о чем-то говорит вам.

– Это родина Чарльза Диккенса, – заметил я.

Арчи казался искренне удивленным.

– Боже мой, вы уверены, что родились во Франции? Ваши знания о британской литературе весьма похвальны. – Он выпрямился и сложил руки на груди. – Но не забывайте, что мисс Вита Сэквилл-Уэст тоже из Кента!^[17]

Мы с Элле смотрели на него непонимающе.

– Ах, ну да. Пожалуй, это уже перебор. – Он отхлебнул пива, прежде чем остановить взгляд на мне. – Могу я поинтересоваться, как вам удалось избежать отправки на фронт, Роберт?

Я немного нервничал, но был уверен в своем ответе.

– Я не могу сражаться из-за искалеченной руки. Но мы все равно хотим найти работу.

Арчи вскинул брови.

– О, собрат-инвалид! Сочувствую, старина. Должно быть, вы заметили мою хромоту, так что я тоже не боец. – Он хлопнул себя по колену. – Это тоже работа бошей, но меня ранили на прошлой войне. Теперь я расквартирован за столом.

– Прискорбно это слышать, – отозвался я.

Он с симпатией посмотрел на меня.

– Я знаю, каково приходится молодому человеку, который не может сражаться. У меня есть сын чуть помладше вас, Роберт. Его зовут Тедди, и у него плоскостопие. – Я покачал головой. – Очень неприятная штука. Хотя не сказал бы, что он сильно переживает из-за этого. – Арчи закатил глаза.

– Чем он занимается? – поинтересовалась Элле. – Сидячей работой, как вы?

Арчи сдержанно улыбнулся.

– Нет. Тедди двадцать один год, и он является наследником моего огромного сельского поместья. – Я насторожил уши. – Несмотря на все усилия, мне так и не удастся приучить его к работе. Он слоняется без дела и ввязывается в передраги, которые обычно приходится улаживать моей многострадальной жене Флоре.

Я ухватился за эту возможность.

– Сельское поместье? Должно быть, у вас много прислуги, чтобы содержать его.

Арчи хохотнул.

– Боюсь, лучшие времена Хайвельда миновали. После прошлой войны дела продвигались... не лучшим образом. И слуги, которые у нас были, теперь либо находятся на фронте, либо работают на оружейных заводах. – Он вздохнул. – Флора почти все делает сама, и это очень несправедливо. Но, к сожалению, сейчас нет выбора.

Арчи смотрел в свою почти опустевшую пивную кружку. Элле похлопала меня по ноге, чтобы я продолжал.

– Похоже, ей приходится трудно. Может быть, мы сможем быть полезны? – осведомился я.

Арчи поднял голову; он внезапно смутился.

– Ну да, конечно. Извините, до меня порой не сразу доходит. Вы говорили, что ищете работу. – Он огляделся по сторонам, как будто подыскивал причины для отказа. – У вас вполне честный и достойный вид, но я ведь уже сказал, что семья Воган сейчас испытывает кое-какие финансовые затруднения. Мой дом в Хайвельде мало-помалу приходит в упадок, и я вкладываю в его содержание почти каждый пенни, который мне удастся заработать. – Он потер глаза. – Дом много поколений принадлежал моей семье, и я не хочу оказаться тем Воганом, который закончит эту традицию. Короче говоря, я едва ли смогу предложить вам нормальное жалованье.

Я был готов смириться с возражениями Арчи, но Элле не собиралась сдаваться.

– О, мистер Воган, мы привыкли к мизерным заработкам. В Париже мы жили в крошечной квартирке.

– Вообще-то, если соблюдать все формальности, то я *лорд* Воган. – Он подмигнул нам. – Ну, хорошо. Расскажите, какой работой вы занимались в Париже.

– Прошу прощения, лорд Воган... – Арчи со смехом отмахнулся. Элле выразительно посмотрела на меня.

– Мы с Робертом работали в сиротском приюте, – солгала она. – Роберт был сторожем и садовником, а я готовила для детей и помогала с уборкой. Естественно, средства приюта были ограничены, поэтому нам платили очень мало.

Ее выдумка звучала непринужденно и правдоподобно.

– Это был большой приют? – спросил лорд Воган, приподняв брови.

Элле энергично кивнула.

– О да, огромный. Он называется «*Apprentis d’Auteuil*»; если хотите, можете проверить. Я гарантирую вам, что бы там ни вытворял мастер Тедди, это ничто по сравнению с хаосом, который может сотворить сотня детей!

Арчи запрокинул голову и допил остатки пива из пинтовой кружки.

– Пожалуй, я не представляю, что может вас смутить после *такой* работы. Что же, не отрицаю, Флора будет очень благодарна, тем более что я занят на авиабазе. – Он немного подумал. – Слушайте, хотя с оплатой будет трудновато, в поместье Хайвельд есть несколько коттеджей, в данное время необитаемых. Крыша над головой и дичь для пропитания будут достойным вознаграждением?

Элле просияла.

– О, сэр, мы будем вечно благодарны!

Я присоединился к ее заверениям.

– Правда, лорд Воган, мы в долгу перед вами.

– Ну, тогда... – он хлопнул себя по бедрам и встал, – ...добро пожаловать на борт! – Он обменялся с нами теплым рукопожатием. – Что за удачная встреча!

Еще бы, он не знал и половины нашей истории.

– Но я должен вернуться к себе на квартиру. Мой *спальник* отходит через несколько часов.

Я вопросительно посмотрел на него.

– Ох, прошу прощения, это ночной поезд. Он идет из Глазго в Лондон. Кстати, где вы сейчас остановились? Я организую билеты для вашего переезда. Сможете приступить на следующей неделе?

Мы с Элле переглянулись.

– Разумеется, и будем благодарны за это, – ответил я. – Мы проживаем в гостинице «Шип-Эйд».

– Превосходно. – Он хлопнул в ладоши. – Я пришлю туда ваши билеты.

– Но мы можем сами заплатить... – начала Элле.

Арчи поднял руку.

– Чепуха. Теперь вы работаете у меня, а я еще не настолько беден, чтобы не обеспечить вам переезд по Каледонской железной дороге. Прошу прощения, но, кажется, я еще не слышал вашу фамилию? – Он вопросительно посмотрел на нас. – Роберт и Элеонора...

– ...Танит, – быстро подсказал я.

– Отлично. Я закажу билеты на имя мистера и миссис Танит.

Одарив нас прощальным кивком и улыбкой, Арчи Воган снял с крючка у двери длинное серо-голубое пальто и вышел из таверны.

Мы с Элле снова переглянулись и дружно рассмеялись.

– Вот видишь, моя дорогая, – сказал я. – Теперь ты понимаешь, почему я верю во Вселенную, несмотря ни на что?

Она взяла меня за руки.

– Определенно, начинаю понимать. Какая удача!

– И правда. – Я посмотрел на небо и едва заметно пожал плечами. – А может быть, нечто гораздо большее, чем удача. Как знать?

Какое-то время мы смотрели друг на друга, немного ошеломленные таким стремительным развитием событий. Потом Элле нахмурилась.

– Что за фамилию ты ему сообщил? О чем ты думал?

Да, читатель. В тот момент чистой паники я назвал Арчи Вогану свое настоящее имя, – то, которое было написано в моем свидетельстве о рождении где-то среди бескрайних просторов Сибири. *Танит*.

Я провел пальцами по волосам.

– Знаю, это было глупо с моей стороны. Но я не хотел ни секунды промедления, особенно после его вопросов о нашем акценте. Это было первое, что пришло мне на ум.

Элле закатила глаза, но потом улыбка вернулась на ее лицо.

– Значит, мы будем мистером и миссис Танит.

– Полагаю, если Криг когда-нибудь проберется в Британию, он и не подумает искать меня под моей настоящей фамилией, – рассудил я.

За ужином мы подробно обсудили возможности, которые могла предоставить новая загородная жизнь. Мы предались фантазиям насчет обещанного домика и пышных зеленых лугов в английской глубинке. В тот момент опасность, исходившая от Крига и нацистского вторжения, казалась очень далекой.

Мы вернулись в гостиницу, где хозяин вручил нам письмо, адресованное «Бо и Элле»; к счастью, мы зарегистрировались под этими именами. Лицо Элле озарилось, она бегом поднялась в нашу комнату.

– Должно быть, это от Карин! – взволнованно сказала она. – Не терпится рассказать ей, что произошло сегодня вечером. Она оценит, как это забавно! – Элле осмотрела конверт и нахмурилась. – Странно, непохоже на почерк Карин.

– Открой и посмотри, – посоветовал я.

Элле разорвала конверт и вытащила два листа бумаги.

– Тут еще послание от Хорста, – озабоченно сказала она.

– От Хорста? У них все в порядке?

Я следил за выражением лица Элле, пока она читала.

– Не понимаю...

– Читай вслух, – предложил я.

– Дорогой Бо, дорогая Элле... – начала она.

«Надеюсь, это послание найдет вас. Я обнаружил этот адрес в последнем письме, которое вы отправили Карин. Извините, что открыл его, но скоро вы поймете, почему у меня не было выбора. Я рад, что вы благополучно попали в Шотландию, и надеюсь, что ужасы этого бессмысленного конфликта не будут преследовать вас там. Мне тяжело писать вам о таких ужасных событиях, но я считаю своим долгом отправить это письмо, согласно желанию моего дорогого сына.

Умоляю, не надо плохо думать о нем. Он не был порочным человеком. Он лишь совершил тяжкую ошибку и заплатил за это самую высокую цену. Спасибо за то, что вы были близкими друзьями Карин и моего сына. Знайте, что они очень любили вас.

Пожалуйста, цените друг друга, любите и слушайте друг друга.

Ваш друг

Хорст Халворсен».

Элле отложила письмо и с беспокойством посмотрела на меня. Испытывая тягостную пустоту внутри, я подошел и осторожно взял другое письмо.

«Дорогой Бо, дорогая Элле!

Когда вы получите это письмо (если такое случится), меня уже не будет. С бесконечной скорбью сообщаю вам, что моя любимая Карин Элиана Розенблюм была застрелена захватчиками.

Ее преступление состояло в том, что она посмела выйти в город за хлебом и молоком.

Вы оба знаете, что Карин хотела уехать из Норвегии. Я эгоистично отказывался слушать ее предупреждения, и теперь мне нет никакого оправдания. Моя жена была добрее, умнее и ЛУЧШЕ меня, и мне следовало послушать ее.

Мое сердце разбито навсегда.

Элле, я должен в особенности извиниться перед тобой. Ты была лучшей подругой Карин, и твоя связь с ней, возможно, была даже глубже моей. Это я, и никто другой, виноват в том, что вы больше не встретитесь.

Друзья мои, я вверяю себя на милость Господа нашего, но не жду прощения. Составление этого письма – мой последний поступок в этой земной жизни. Потом я возьму из сарая отцовское охотничье ружье и покончу с собой в лесу над домом. Феликс останется с моими любящими родителями, которые обожают моего сына, как собственного ребенка.

Я всегда хотел прославиться своими музыкальными талантами. Поэтому прошу вас, дорогие друзья, не поминайте меня: пусть это будет моим вечным наказанием. Пускай я превращусь в прах и пепел.

Но помните о нашей дорогой Карин. В мире, объятom тьмой, она была светом, и она должна сиять вечно.

Ваш

Йенс «Пип» Халворсен».

У нас с Элле не было слов. Мы сидели в молчании, пока она не начала трястись и не потекли слезы. Я часами удерживал ее в объятиях, пока она не уснула у меня на руках, измученная бременем этого известия.

Вместе с утренним светом пришли и билеты на ночной поезд для «мистера и миссис Танит», что вызвало недоразумение в приемной, потому что мы зарегистрировались под фамилией Деппеси. К счастью,

хозяин принял мое объяснение, что «Танит» – это фамилия моей больной бабушки, и мы просто ошиблись.

В тот вечер мы сели на поезд из Абердина в Глазго и сделали пересадку незадолго до одиннадцати вечера. Устроившись в маленьком купе, состоявшем из металлической койки, небольшой раковины и складного столика, я присоединился к Элле на матрасе и сжал ее руку.

– Мы будем жить ради нее, – заверил я. – Ради *них*. Наше счастье будет памятью о них.

Я был расстроен сокрушенным видом Элле.

– Не могу не думать о маленьком Феликсе, – всхлипнула она. – Что с ним будет? Потерять обоих родителей... я знаю, каково это. – Она посмотрела мне в глаза. – Разве мы не обязаны вернуться за ним?

Я задумался над ее вопросом. Поискав ответ в своем сердце, я понял... да, у нас есть долг, но мы не можем вернуться в Берген прямо сейчас. Это было бы самоубийством.

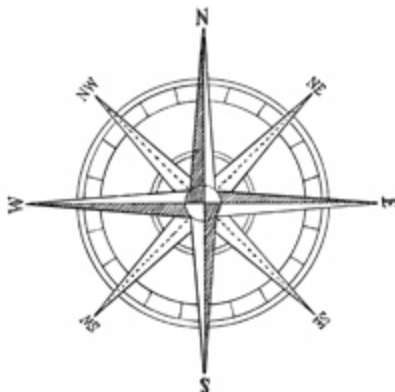
– Феликс будет в надежных руках, вместе с Хорстом и Астрид. Мы знаем, что они хорошие люди. А Карин может покоиться с миром, зная о том, что до него никто не доберется. Он находится под надежной защитой.

Элле поднесла руку ко рту.

– Я так обязана им обоим. Кто знает, где бы мы были без них? А теперь... слишком поздно благодарить за их доброту.

Слова Элле вращались у меня в голове, пока поезд мчался в ночи. В конце концов мерный перестук колес убаюкал меня, и мы уехали из Шотландии навстречу новой жизни.

«Титан»

Сентябрь 2008 года

27

Мерри

Как бы то ни было, но этой ночью я нормально выпалась. Вероятно, я была обязана этим короткому разговору с Амброзом. Он собирался поужинать, но его ровный голос, исполненный доброжелательности, успокоил меня. Я обещала позвонить ранним утром, когда появится новая информация.

Я зевнула и оглядела каюту, купавшуюся в приятном оранжевом сиянии рассвета в иллюминаторе.

Снизу донесся уже знакомый рокот, капитан Ганс завел двигатели для продолжения нашего круиза. Я определенно радовалась тому, что нахожусь в роскошной обстановке «Титана», а не пересекаю бурное Северное море на борту рыболовного траулера, как это было с моими родителями. При мысли о том, что им довелось пережить, на мои глаза снова навернулись слезы. Теперь я испытывала глубокое эмоциональное увлечение их историей и не сомневалась, что, когда мы дойдем до возложения венка в память Атласа, я буду так же бороться со слезами, как и остальные его дочери.

Все они с искренней любовью говорили о своем отце. Довольно неожиданно для себя я обнаружила, что немного завидую им, ведь я никогда не испытывала радости личного общения с ним, хотя и была его родной дочерью.

Зазвонил будильник, но он был уже не нужен. Я села в постели, а затем потянулась к спутниковому телефону, предусмотрительно оставленному рядом молодым и дружелюбным членом команды. Я набрала номер Амброза, и после нескольких гудков он поднял трубку.

– Полагаю, меня соединили с Русалкой Средиземноморья?

– Доброе утро, Амброз, – рассмеялась я. – Ты хорошо провел время вчера вечером?

– Божественно. Мой бывший студент пригласил меня на ужин в «Друри-Билдингс». Это был славный *кутеж*^[18], как здесь говорят... – Амброз остановился, что было великодушно с его стороны, поскольку он мог говорить целыми часами. – Но хватит обо мне; я настаиваю, чтобы ты рассказала мне обо всем!

Я откинулась на подушку.

– Спасибо, что убедил меня прилететь сюда, Амброз. У меня такое ощущение, что это изменит мою жизнь.

– Ты это знаешь, дорогая, как и я. А теперь давай расскажи мне самое вкусное.

– Хорошо, тогда держись...

Я поведала ему все, что мне удалось узнать до сих пор. Амброз был ошеломлен.

– Бог ты мой, Мерри. Извини за клише, но это настоящие русские горки.

– Ты еще и половины не слышал, – продолжала я. – Судя по дневнику Атласа, друг его детства, который превратился во врага, преследовал его по всему миру. Возможно, ты слышал о нем. Это магнат телекоммуникаций Криг Эсзу, тот самый, который год назад совершил самоубийство.

На другом конце линии повисла пауза, Амброз размышлял над моими словами.

– О, да... Как странно! Насколько мне известно, отделение его компании обеспечивает интернет в моем доме. Вот ведь бред!

Я не удержалась от смеха.

– Уверена, что все на борту «Титана» будут рады слышать об этом. Криг и его сын Зед – здесь абсолютные *персоны нон грата*.

– Неудивительно, – отозвался Амброз. – Судя по моим воспоминаниям, этот тип запустил свои щупальца повсюду, не так ли? Широкополосная связь, мобильные сети... Кажется, у него даже есть контрольный пакет в нескольких телеканалах.

Я свесила ноги с кровати и встала.

– Очевидно, это так. Зед принял дела после смерти Крига.

Амброз цокнул языком.

– Ну, если тебе доведется встретиться с ним, я прошу послать его в Дублин, чтобы он усилил мощность моего сигнала.

Я покачала головой.

– Обещаю, Амброз.

– Спасибо, – фыркнул он. – Итак, ты приблизилась к разгадке своего появления у двери отца О’Брайена в Западном Корке?

Я со вздохом посмотрела на солнце, восходившее за иллюминатором.

– Пока нет. Хотя есть загадочное обстоятельство, о котором я не упомянула.

– Превосходно, – проворковал Амброз. – Я люблю загадки, так что давай, рассказывай.

– Как ты помнишь, Джек навел кое-какие справки насчет Аргидин-Хауса. Выяснилось, что последним официальным владельцем был не кто иной, как Криг Эсзу.

– Хммм... – протянул Амброз. – Что за интригующее совпадение. Если, конечно, это совпадение...

– Вот именно. Ты, случайно, не знаешь, что происходило с этим домом, начиная с тысяча девятьсот пятидесятих годов?

Он вздохнул, явно досадуя на себя.

– Должен признаться, нет. Я практически не имел дела с Аргидин-Хаусом во время моих визитов в Западный Корк. Но, наверное, в дневнике есть ответы?

– Похоже, что нет, по словам мистера Гофмана. Хотя не думаю, что я всецело доверяю ему. Могу поклясться, что он утаивает часть правды.

Амброз тихо рассмеялся.

– Юристы вообще склонны к этому. Я буду рад провести небольшие раскопки, если ты считаешь, что это может быть полезно. У меня все еще остается масса знакомых в Западном Корке. Тебе известно, что там все знают друг друга. Обязательно найдется кто-то, кто кое-что помнит об этом времени.

– Спасибо, Амброз. – Я улыбнулась. – Буду невероятно рада, если ты это сделаешь.

– Даже не говори, Мерри. Мне всегда хотелось попробовать свои силы в роли сыщика.

– Пуаро будет кусать ногти от досады, – пошутила я.

– И то верно. Можешь не сомневаться, я постараюсь узнать о бывших обитателях Аргидин-Хауса.

– Спасибо, Амброз. Я позвоню тебе завтра. Перед возложением венка.

– Вот и хорошо! Радуйся своему путешествию и поискам твоего истинного происхождения. До свидания, Мерри.

– До свидания, Амброз. – Я отложила спутниковый телефон, потянулась и направилась в душ.

Алли потягивала латте и смотрела на Средиземное море через иллюминатор. Сегодня море напоминало мельничную запруду, и она оценила великолепные условия для плавания под парусом. Как ей хотелось на несколько часов покинуть «Титан» и пройтись на своем «Лазере»! Она нуждалась в этом, чтобы прояснить голову.

Ей до сих пор было трудно примириться с решением Пипа остаться в Норвегии. Если бы только ее бабушка послушала Па Солта и Элле, все сложилось бы по-другому. Карин могла бы уехать вместе с ними в Шотландию и начать новую жизнь...

Алли покачала головой. Поразительно, как любовь может ослеплять человека и лишать его здравого смысла.

Знакомство с историей Атласа лишь усилило симпатию Алли к ее биологическому отцу, Феликсу Халворсену. Он был настоящей жертвой этого ужасного эпизода войны. Стоило ли удивляться тому, каким он вырос? Алли внезапно захотела отправить текстовое

сообщение своему брату Тому и достала телефон из кармана. Она проверила сигнал, но «Титан» находился в движении и сейчас был за пределами досягаемости мобильной связи.

– Алли?

Она вздрогнула и умудрилась пролить половину кофе на белую льняную рубашку.

– Боже мой, прости, пожалуйста! – Джек подбежал к ней.

– Ты не виноват, Джек. Я витала в своих мыслях, не более того.

– Да? – Он ласково положил руку ей на спину, и по позвоночнику Алли пробежала приятная дрожь. – Ты в порядке?

– Да, – кивнула Алли. – Спасибо, Джек.

Он приподнял брови.

– Теперь ты готова вернуться в реальность и ответить на вопросы?

Она смиренно улыбнулась.

– Да. Эта часть дневника оказалась особенно трудной для меня.

Джек вздохнул и облокотился на леер.

– Мне жаль, Алли. Для тебя это, должно быть, очень тяжело.

– Для всех нас, – отозвалась Алли. – Даже не могу представить, что испытывает твоя мама.

– Она стреляная птица.

– Джек! – Алли невольно хихикнула, когда услышала это возмутительное замечание.

Он тоже хохотнул.

– Эй, она сама признается в этом! – Джек внезапно стал серьезным. – Но я в самом деле беспокоюсь за тебя, если подумать о Бэре и обо всем остальном. Кстати, где он сегодня утром?

– Сейчас он вместе с Ма.

– Счастливчик... Она умеет обращаться с малышами, правда?

– Разумеется. – Алли сложила руки и опустила глаза, стараясь подобрать слова для похвалы, которую ей хотелось высказать. – Вчера ты тоже отлично справился. У тебя прекрасная манера обращения с детьми.

– Ну, спасибо. Я часто воображал, каким отцом я буду. – Он поморщился. – Нет, не то... Я и есть его отец или... когда-нибудь буду его отцом.

Вконец смущенный, он покачал головой и ухватился за леер.

– Все в порядке, не переживай. – Алли нежно рассмеялась.

Джек глубоко вздохнул.

– Я болтаю всякий вздор, Алли. Но на самом деле я хотел сказать... Я понимаю, что ты много думаешь о Тео. Должно быть, тебе ужасно не хватает его.

Прочувствованные слова Джека и его заботливость глубоко тронули Алли.

– Я очень ценю твои слова, Джек. Спасибо тебе.

– Серьезно, он очень гордился бы тобой, – продолжал Джек. – И Бэрром, разумеется.

Алли с трудом сглотнула комок в горле.

– Спасибо...

Какое-то время они молча стояли рядом и глядели на море. Потом Алли медленно протянула руку.

– Мы тут ведем неловкие разговоры, а между тем я должна извиниться перед тобой.

Джек взял ее руку, но он выглядел искренне озадаченным.

– За что, Алли?

– За то, что не рассказала тебе о Бэре, когда мы познакомились во Франции. Должно быть, было очень странно увидеть его, когда вы поднялись на борт.

– Да ладно. – Он пожал плечами и попытался представить это с другой стороны. – В конце концов, это совершенно не мое дело.

– Но, Джек... – мягко настаивала Алли. – Вообще-то это *твое* дело, и я чувствую себя глупо из-за того, что промолчала. Мне правда жаль.

Он покачал головой.

– Не глупи, Алли. Как ты можешь считать, что это «мое дело»?

Алли собралась с духом.

– Господи, Джек... Я не сказала тебе, потому что не хотела...

Он крепче сжал ее руку.

– Чего ты не хотела, Алли?

– Я не хотела оттолкнуть тебя, – призналась Алли.

Последовала короткая пауза.

– Ох, – только и сказал Джек.

– Я просто подумала – верно или ошибочно, – что известие о моем малыше может отпугнуть тебя, – продолжала Алли. – Не говоря уже о том, что это ребенок от моего погибшего жениха... – Она

обхватила голову руками. – Честно, Джек, я не знала, как ты отреагируешь.

Джек нервно рассмеялся.

– По правде говоря, я думал, что ты не упомянула о нем, поскольку не рассматривала меня как серьезного кандидата.

– Серьезного кандидата?

– Ну, ты понимаешь. – Джек обвел взглядом палубу. – Как потенциального кандидата для серьезных отношений.

– Нет, вовсе не поэтому. – Алли широко улыбнулась. – Ты в самом деле пользуешься такими фразами, как «потенциальный кандидат для серьезных отношений»?

На этот раз Джек обхватил голову руками.

– Боже мой, извини.

Алли похлопала его по спине.

– Все в порядке. Но, раз уж мы разоткровенничались, могу я спросить, что ты думаешь о ситуации в целом? Говори как есть.

Джек вытаращил глаза.

– Ты имеешь в виду Бэра?

Алли кивнула.

– Ну... – Он постарался найти нужные слова. – Я думаю, это великолепно! То есть он великолепен! И все... так хорошо.

Алли невольно рассмеялась при виде его смущения, и вскоре Джек присоединился к ней.

– Прошу прощения, я никогда не отличался красноречием. Но я совершенно серьезен, Алли. Я думаю о том, как это прекрасно, что Тео продолжает жить в твоём малыше. И это все, что я могу сказать, пока не ляпнул очередную глупость.

Секунду-другую они смотрели друг на друга, потом Алли подалась вперед и нежно поцеловала его.

– Чтоб мне провалиться, – пробормотал Джек. – Мы должны были покончить с этой неловкой беседой несколько недель назад!

Он заключил Алли в объятия, страстно поцеловал ее и почувствовал, как она обмякла у него в руках.

– Спасибо, Джек, – прошептала Алли.

– За что?

– За то, что ты здесь.

К одиннадцати часам пять из шести сестер Деплеси расселись на больших удобных диванах в главном салоне. Большинство из них принесли соки и свежеиспеченные круассаны, чтобы подкрепиться после долгого ночного чтения.

– Я не могла отложить дневник, – сказала Тигги.

– И я тоже, – согласилась Майя. – Знаешь, что мне показалось самым интересным? Пожар в комнате Па, когда ему явилась женщина в красном платье...

– Поразительно, как небольшая порция дыма может повлиять на мозг, да? – Электра фыркнула и отправила в рот пирожное.

– Я бы не была так в этом уверена, Электра, – заметила Тигги и постаралась не раздражаться, когда ее младшая сестра закатила глаза.

– Думаю, все упускают из виду главное, – нахмурилась Сиси. – Этот мерзавец Криг в буквальном смысле попытался сжечь его заживо. Не знаю, как вы, а я испытываю... огромную ярость.

– Понимаю, Сиси, – сказала Стар. – Но самое удивительное, что Криг потерпел неудачу. Ему так и не удалось убить Па Солта, и оба они умерли стариками. Вопрос в том, что случилось: Криг прекратил преследование или они помирились?

В комнате наступила тишина, пока сестры гадали, что могло произойти на самом деле. Молчание было нарушено Алли, которая вошла в комнату в сопровождении Джека.

– Всем доброе утро, – объявила она.

– Доброе утро, дамы. – Джек неуклюже отошел в сторону от Алли, явно неуверенный, стоит ли ему оставаться рядом с ней. Она сцепила руки перед собой.

– Судя по разговору, все выполнили задание по знакомству с дневником? – Сестры дружно кивнули. – А где Мерри?

– Она проснулась, – ответила Стар. – Думаю, она принимает теплую ванну, чтобы поразмыслить о прочитанном. Ты в порядке, Алли? – озабоченно добавила она. – Наверное, было ужасно читать про судьбу твоего деда и бабушки.

Алли кивнула с натянутой улыбкой.

– Все хорошо. Там не было ничего, о чем бы я уже не знала.

– О боже! – вдруг воскликнула Майя.

Старшая сестра Деплеси указывала на телевизор, стоявший в углу комнаты, где шла передача BBC News. Хотя звук был отключен, присутствующие оказались лицом к лицу с изображением Зеда Эсзу.

– Что там делает эта скотина? – осведомилась Электра. – Прошу прощения, Майя. Кто-нибудь, выключите телевизор!

– Нет! – твердо ответила Майя. – Я хочу это слышать. Давайте включим звук.

Сиси взяла пульт дистанционного управления и увеличила громкость.

– ...а теперь в нашей еженедельной программе «Контурь будущего» к нам присоединяется генеральный директор «Лайтинг Коммуникейшенс» Зед Эсзу, который обсудит планы развития оптоволоконного интернета. Добро пожаловать в студию, мистер Эсзу.

– Большое спасибо, – отозвался тот со своей характерной приторной улыбкой. Зед был облачен в один из своих тошнотворных блестящих костюмов. Его рубашка была расстегнута настолько, что зрители частично могли видеть накачанные грудные мышцы. Черные волосы были гладко зачесаны назад, и он казался скользким во всех смыслах слова.

– Господи, только посмотрите на него, – взвизгнула Электра. – Он наслаждается каждой секундой!

– Шшш, – сказала Майя, напряженно смотревшая на экран.

– В первую очередь, – продолжал ведущий, – примите наши искренние соболезнования в связи со смертью вашего отца Крига, который десятилетиями возглавлял компанию.

– Да, около тридцати лет, – подтвердил Зед.

Ведущий сочувственно кивнул.

– Между тем он достиг многого и способствовал появлению интернета в каждом доме по всему миру. Разумеется, это сделало его очень состоятельным человеком.

Зед делано рассмеялся, отчего у Майи поползли мурашки по коже.

– Деньги не имели значения для моего отца. – Он выразительно развел руками. – Он хотел помогать людям. Это было его истинной страстью.

– Что за дерьмо? – прошипела Электра.

– Тише, пожалуйста, – попросила Майя.

– Мой отец любил людей. Он хотел, чтобы все жили лучше, чтобы связи между людьми стали более тесными и... – Зед посмотрел в объектив кинокамеры, – ...чтобы они не теряли связи с теми, кто им действительно дорог.

Интервьюер сложил руки на коленях и ненадолго задумался.

– Думаете, это воодушевляло его?

Зед откинулся на спинку стула и выдал очередную слащавую улыбку.

– Знаете, ему не нравилась мысль о том, что кто-то может просто исчезнуть с лица земли. Каждый заслуживает связи со всеми остальными. Думаю, именно это привлекало его в сфере коммуникаций и интернета.

– Поистине воодушевляющая история. Вы были назначены директором после смерти вашего отца и теперь уже больше года руководите компанией. Вы и раньше собирались этим заниматься?

– О да, разумеется. Мой отец был кропотливым создателем планов. У него все было... невероятно хорошо проработано. – Зед торжественно кивнул.

– У меня от него голова идет кругом, – пробормотала Тигги. – Почему мне кажется, что он обращается прямо к нам?

– Понимаю, что ты имеешь в виду, – тихо ответила Алли.

– В рамках нашей программы вы собирались рассказать о планах расширения «Лайтинг Коммуникейшенс», – продолжал ведущий. – И о том, как увеличится скорость нашего общения по интернету!

– Спасибо, это совершенно верно. – Зед постучал пальцами по столу, разыгрывая роль губокомысленного бизнесмена. Разумеется, все это было одно большое представление, и сестры Деплеси знали об этом. – Сегодня я могу объявить, что «Лайтинг Коммуникейшенс» собирается заменить нашу устаревшую спутниковую сеть современнейшими оптическими кабелями, которые соединят наши континенты надежнее, чем любые спутниковые устройства.

Ведущий выглядел сконфуженным.

– Кабели? Разве это не шаг в прошлое от спутниковой связи?

– Спасибо за отличный вопрос, – улыбнулся Зед.

– Чертовщина какая-то, – проворчала Сиси.

– Мои кабели значительно расширят полосу пропускания и объем передачи данных. Согласен, что это трудно для понимания некоторых

ваших зрителей. – Зед покровительственно улыбнулся. – Эти кабели переносят информацию посредством передачи световых импульсов по прозрачным световодам. Похоже на волшебство, – хохотнул он. – Так что можете считать меня волшебником.

– Волшебником, которого хочется убить на месте, – заметил Джек. Ведущий продолжил свои вопросы:

– Эти кабели будут проходить у нас над головой, как телефонные линии?

– Боже мой, сегодня у вас масса превосходных вопросов. – Попытки Зеда изображать искренность выглядели все более натужными. – На самом деле эти кабели будут проходить по дну океанов. Только представьте... само морское дно станет технологическим ложем!

– Звучит очень амбициозно, мистер Эсзу. Естественно, я вынужден обратиться к вопросам экологии. Вы сможете осуществить этот проект без угрозы для морской жизни?

Зед нахмурился, и обаятельная маска на мгновение соскользнула с его лица.

– Эта новая сеть станет основой новых глобальных телекоммуникаций для человечества. Если в процессе пострадает несколько рыбок, то уверен, что человечество примет эту жертву.

– Ну, не все согласятся...

– Это вопрос риска и преимуществ, – перебил Зед. – Ради победы приходится мириться с потерями. – Он расплылся в тошнотворной улыбке. – Разумеется, мы приложим все силы к тому, чтобы Немо и все его маленькие рыбки остались невредимыми.

– Уверен, что многие слушатели будут рады слышать это, – слегка нервно заметил ведущий. – Я собирался спросить...

Зед снова перебил его:

– Видите ли, мой отец на самом деле не умер. Он живет – благодаря этому проекту, и, если все пойдет по плану, он будет жить вечно. Все будут помнить имя Эсзу.

– Это, э-э... будет замечательно. Но если вернуться к настоящему, вам предстоит громадная работа, не так ли?

– Верно. – Зед скромно пожал плечами. – Но я рад объявить, что «Лайтинг Коммуникейшенс» заключит партнерское соглашение с банком «Бернерс», дабы обеспечить завершение проекта.

Эсзу-младший явно был доволен собой.

– Вы будете получать прямое финансирование от банка? – спросил ведущий.

– Это довольно упрощенное представление, но, в общем, да, глава банка Дэвид Раттер – мой личный друг. Это великий человек, и он разделяет мое видение будущего.

– Дэвид Раттер... – прошептала Сиси. – Где я слышала это имя?

– Телефонный номер мистера Раттера, безусловно, полезен в списке контактов, – неловко пошутил ведущий.

Зед приподнял безупречно выщипанные брови.

– Тут я склонен согласиться с вами.

– Откуда вы начнете этот грандиозный проект?

– Мы начнем с установки соединения между Австралией и Новой Зеландией. Это будет наш маленький тест на другом конце света, – ухмыльнулся он. – Сейчас мы собираемся послать небольшую армию «копальщиков» в Тасманово море.

Ведущий кивнул Зеду.

– Мы с интересом будем следить за вашими успехами, мистер Эсзу. Но вы должны пообещать, что вернетесь сюда и сообщите зрителям о вашем прогрессе.

– Спасибо, с удовольствием. – Эсзу сверкнул белоснежной улыбкой. – Но перед уходом я должен сказать, что мы любим давать нашим начинаниям звучные названия. Хотите узнать, как называется этот проект?

Ведущий снова ненадолго растерялся.

– Разумеется, – произнес он сквозь зубы.

– Поскольку этот проект будет тяжелой ношей для человечества, думаю, вполне уместно, что мы назвали его... «Атлас»!

Электра схватила пульт и выключила телевизор. В салоне стояла тишина.

– Ну хорошо, девочки. Я уверена, он знает о нашей поездке. И я уверена, что ему все известно насчет прошлого Крига и Па Солта. – Электра указала на телевизор. – Этому ублюдку нужна наша реакция, но он ее не дождется, правда?

Сиси встала.

– Это похоже на заключительный акт возмездия. Весь мир собирается узнать о его замысле, и теперь он пользуется именем Па

Солта.

– Прошу прощения, кто этот тип? – прошептал Джек на ухо Алли.

– Сын Крига Эсзу, – ответила она.

– Боже. Кажется, я отсюда чую его масло для волос. – Он помедлил, ощущая перемену в общей атмосфере. – Послушайте, я собираюсь принести кофе. Думаю, нам всем нужно встряхнуться.

– Принеси еще розового вина, пожалуйста, – сказала Стар.

– Уже бегу. – Джек направился к выходу из салона.

– Господи, мне нехорошо. Он просто... – Голос Майи пресекся от комка в горле.

– Знаю, милая. – Электра взяла сестру за руку. – Но давай будем держаться вместе. Подумай, что сделал бы Па Солт. Он бы все рассчитал заранее. Помнишь, что он говорил насчет шахмат?

– Нужно терять фигуры с умом, – прошептала Стар.

– Вот именно. Думаю, он имел в виду, что нам нужно выбирать свои битвы, – сказала Электра. – А это битва, в которой мы пока что ничего не можем поделать. Уже понятно, что он не случайно выбрал время. Он пытается испортить нашу поездку в память о Па Солте. Значит, мы не должны этого позволить.

* * *

Алли вышла на палубу, испытывая легкое головокружение. Утро выдалось бурное – от переживания ужасной гибели ее бабушки и дедушки до появления Зеда Эсзу на экране телевизора в качестве всемогущего и злобного божества. И, конечно, она не забыла о Джеке... Ее сердце застучало чаще, когда она вспомнила об их утреннем поцелуе. Она надеялась, что теперь глупая неловкость и напряжение остались позади и что у них есть шанс... Она продолжила путь на корму, думая о том, что пора найти Ма и освободить ее от обязанности ухаживать за Бэром.

Когда Алли вышла на корму, то увидела Георга Гофмана, который запустил одну руку в волосы, а другой прижимал к уху мобильный телефон. Он расхаживал взад-вперед и энергично тряс головой. Потом Алли увидела, как Георг опустился на колени и стал колотить по тиковой палубе. Она устремилась к нему.

– Георг, вы в порядке?

Он вздрогнул всем телом и вскочил на ноги.

– Простите, Алли. Думал, что я тут один.

– Что случилось? С кем вы говорили?

– Ох. – Он запнулся. – С сестрой. Она сообщила мне... тяжкие новости.

– Мне жаль, Георг. Если кто-то здесь и понимает, что такое тяжкие новости, то это я. Не хотите рассказать, что случилось?

Георг покраснел.

– Спасибо, но нет. Примите мои извинения. Я очень редко, так сказать, выхожу из себя.

– Не волнуйтесь, Георг, – утешила Алли. – Это очень трудное время для всех нас. Вы уверены, что не хотите поделиться со мной?

Он шумно вздохнул.

– В общем, ничего особенного. Клавдия сообщила мне о личной проблеме, которую я в данный момент не могу решить. Это моя работа, Алли, – решать проблемы. И мне очень досадно, когда я бессилён помочь важному для меня человеку.

Алли нахмурилась.

– Прошу прощения, Георг, вы говорили о Клавдии? О *нашей* Клавдии, из Атлантиды? Мне показалось, вы беседовали с вашей сестрой.

Георг разинул рот, как рыба, выловленная из воды.

– М-да, извините. Я ошибся... вернее, нет, – поправился он, – мою сестру тоже зовут Клавдией, да?

– Вы не ошибаетесь, Георг? Или для разнообразия говорите чистую правду?

Георг обхватил голову ладонями.

– До какого места вы дочитали дневник?

– Па Солт живет в Хайвельде.

Он мысленно сверился с какими-то своими сведениями.

– Да, Алли. Клавдия – моя младшая сестра. Обстоятельства нашего знакомства с вашим отцом изложены на страницах его дневника. Пусть вы узнаете об этом с его собственных слов.

Алли на мгновение лишилась дара речи.

– Георг, я... ради всего святого, зачем было держать это в секрете?

Георг пожал плечами, полностью овладев собой.

– Ваш отец хотел для вас только лучшего, прочитайте и убедитесь сами.

Алли подумала, что этот день оказался полным кошмаром. Маниакальное возбуждение Георга само по себе выглядело неестественно, как будто Волшебник из страны Оз вдруг начал раздавать оплеухи. Ей вдруг захотелось взять ситуацию в свои руки.

– Скажите, Георг, что за новости вы получили от Клавдии? И почему они буквально заставили вас бить кулаками по палубе?

Георг развел руками.

– Правда, Алли, это не имеет отношения к...

Алли сорвалась с места и схватила Гофмана за лацканы пиджака.

– Георг Гофман, теперь вы впервые в жизни *точно* скажете мне, что происходит на самом деле. Я хочу знать, что вам сказала Клавдия и почему вы так рассердились. Потом я хочу знать, почему вы совершили так много секретных телефонных звонков в прошлом месяце и почему они начались сразу же после отъезда Клавдии из Атлантиды. Помните, Георг: вы работаете на меня и моих сестер. И нам нужны ответы. Это не подлежит обсуждению.

Георг сгорбил плечи, и Алли глубоко заглянула в его покрасневшие глаза.

– Хорошо, Алли. Я выполню ваше требование, но, пожалуйста, не вините меня. Поверьте, я старался изо всех сил.

Георг тихо заплакал.

– Я в этом не сомневаюсь, Георг. – Она отпустила его и снова заглянула в заплаканные глаза мужчины. – Но мы готовы к правде.

– Да, вы готовы, – решительно сказал он.

Дневник Атласа

1944–1951 гг.

30

*Англия, Хайвельд,
графство Кент*

Лично я представления не имею, почему Воганы хотят жить в своем старом, обветшавшем особняке, если на территории поместья есть такой прелестный коттедж, где живем мы с Элле. Там имеется дровяная плита, большие деревянные балки без дополнительной обшивки и открывается замечательный вид на холмистые зеленые луга Английского сада. Я люблю это место.

Что касается работы, мы с Элле находим удовлетворение в повседневных занятиях. Элле готовит кушанья для благодарных хозяев, а я ухаживаю за живописными землями, которыми славится Хайвельд. Иногда мы сотрудничаем, и Элле пользуется продуктами, которые я выращиваю на огороде. По правде говоря, мне казалось, что

наши умы будут мятущимися и неустроенными из-за невозможности выразить наши чувства в музыке, но тихая, здоровая жизнь, которую мы ведем сейчас, осмелюсь сказать, выглядит... предпочтительнее? Никогда в жизни я не чувствовал себя так спокойно и безмятежно. Качество моих пейзажных этюдов ощутимо улучшилось, и Элле даже разрешила мне повесить одну-две картинки на стенах нашей гостиной.

По вечерам мы собираемся перед камином и читаем книги. Иногда мы переключаемся на радио и убеждаемся, что союзные войска по-прежнему сдерживают атаки держав Оси, но, откровенно говоря, складывается впечатление, что война бушует за миллион миль от нашей пасторальной идиллии. По мере разрастания конфликта Арчи Вогану приходится проводить все больше времени на авиабазе в Эшфорде, но он сохраняет неизменную бодрость. Его жена Флора – поистине чудесная женщина. Она целыми часами работает в саду вместе со мной. Страсть к выращиванию цветов утешает ее душу и как будто переносит в иной мир. Я распознаю в ней это состояние, поскольку музыка делает для меня то же самое.

Флора особенно терпелива со мной, так как она очень быстро поняла, что я не садовник по призванию. Каждый день я узнавал от нее что-то новое и научился ценить красоту природы – хрупкую, изощренную и гармоничную в своем величии. Долгими послеполуденными часами, пока мы ухаживали за многолетниками и подстригали кусты, Флора поведала мне свою историю, способную посоперничать с моей по накалу драматизма. Я очень рад, что они с Арчи в конце концов нашли друг друга.

– Я много лет пыталась отрицать любовь, мистер Танит, – призналась она мне. – Но я пришла к пониманию, что она сильнее всего, с чем может справиться человек.

Я улыбнулся.

– Здесь вы правы, миссис Воган.

– Знаю, что права. – Флора отщипнула побуревшую почку с розового куста. – Расскажите, мистер Танит, как вы познакомились с Элеонорой?

Я поразмыслил над ответом, пока выкапывал цепкий сорняк.

– Мы познакомились как двое сирот в Париже, леди Воган.

Флора подбоченилась.

– Боже мой! Я не знала, что вы оба остались без родителей. Знаете, наш Тедди... – Флора замолчала и покачала головой. – Как бы ни было, вы смогли отлично приспособиться к жизни. – Она осмотрела изящный белый лепесток. – Чем старше я становлюсь, тем чаще думаю, что любовь просто начертана звездами.

Я поднял голову и встретился с ее взглядом.

– О, да, миссис Воган. Это я знаю точно.

Она цокнула языком в притворном негодовании.

– Пожалуйста, мистер Танит, сколько раз можно повторять? Вы можете называть меня Флорой.

– Прошу прощения, Флора. Пожалуйста, называйте меня Бо... Бобом. Робертом.

Она хихикнула.

– Хорошо, Бо-Боб-Роберт! Как скажете.

Я покачал головой и занялся следующим сорняком.

– Извините. Когда я думаю по-английски, а не по-французски, то иногда начинаю путаться.

– Все в порядке. Представить не могу, что вам обоим пришлось пережить. Но я рада, что вы остались вместе; в том, как вы смотрите друг на друга, есть нечто волшебное. Когда вы поженились?

Я был рад, что могу сосредоточиться на рыхлой земле перед собой.

– Несколько лет назад, перед отъездом из Франции. Это была очень простая церемония.

Флора меланхолично вздохнула.

– Думаю, так оно лучше. В конце концов остаются двое, и никого больше.

У Арчи и Флоры есть дочь, очаровательная и умная Луиза. Она очень милая и заботливая и руководит группой «женской поддержки», состоящей из девушек, которые находятся в Хайвельде и собирают урожай в поместье, чтобы направлять его на нужды армии. Она вдохновляет их, и подопечные просто обожают ее.

Совсем недавно мы отпраздновали помолвку Луизы с Рупертом Форбсом, вежливым, педантичным молодым человеком, который не смог пойти в армию из-за сильной близорукости. Тем не менее превосходные аналитические способности Руперта и его уверенные

манеры привлекли внимание британской разведслужбы, чем Арчи особенно гордился.

Молодые переехали в Хоум-Фарм, по другую сторону дороги от Хайвельда, который стоял пустым с тех пор, как управляющий фермой был мобилизован в ряды вооруженных сил. Мне всегда приятно, когда они останавливаются поболтать со мной в саду, и я почитаю за честь принимать их за ужином.

Единственным членом семьи, с которым у нас не сложились отношения, является Тедди, сын Вогана. Недавно его по не вполне понятной причине исключили из Оксфордского университета. С тех пор он попытался вступить в ополчение, но попытка была обречена на провал, потому что Тедди не хочет и не умеет выполнять приказы. На короткий срок ему разрешили занять пост управляющего фермой в Хайвельде, но под его руководством сбор урожая сократился почти на сорок процентов из-за невнимания к делу. В качестве жеста отчаяния Арчи подыскал ему административную работу в министерстве авиации, которая продолжалась лишь несколько недель.

Мы с Элле часто слышали рев спортивного автомобиля, рано утром проезжавшего мимо нашего коттеджа после очередной бурной вечеринки в городе, – без сомнения, в обществе всевозможных женщин, которые необъяснимым образом приходили в восторженное состояние от его присутствия. Бог знает, что они находили в нем.

Ко мне он относится как к куску дерьма на своей дорогой туфле. Но самолюбие этого юнца мало волнует меня; по сравнению с таким злобным ротвейлером, как Криг Эсзу, Тедди Воган всего лишь жалкий щенок.

Однако недавно этот щенок начал слишком агрессивно показывать зубы. Он перешел черту, когда стал делать непристойные предложения Элле, к ее немалой досаде и расстройству. Тедди может безнаказанно обзывать меня, как ему заблагорассудится, но любое угрожающее поведение по отношению к *ней* непростительно.

– Я хочу немедленно поговорить с ним! – Когда Элле рассказала мне о его похотливых шуточках, я вышел из себя. Я встал, схватил пиджак и направился к выходу.

– Нет, Бо! – (наедине мы оставались Элле и Бо). Она удержала мою руку и умоляюще посмотрела на меня. – Мы не можем рисковать

тем, что имеем здесь. Все было так хорошо... На самом деле он бессилён что-либо предпринять.

– Мне все равно. Его слова причиняют тебе беспокойство, и я этого не потерплю.

Элле взяла меня за руку и подвела к выцветшему розовому дивану в центре гостиной.

– Мы не можем забывать о нашем положении в поместье. Мы всего лишь прислуга. Нам не подобает говорить о лорде Вогане как о своей ровне.

Я был в ярости, но неохотно согласился.

– Если он попытается приставать к тебе, то... – Мне не хотелось заканчивать фразу.

– Да, – кивнула Элле.

– Ты знаешь, что везде ходят слухи о его распущенности. Я слышал разговоры в группе «женской поддержки». Судя по всему, одна из девушек беременна от него!

Элле со вздохом опустилась на диван.

– Да, Тесси Смит. Это правда, и ее беременность уже становится видна. Хуже того, у нее есть жених, который сражается во Франции.

Я покачал головой.

– Боже мой. Меня до сих пор поражает, что эти дворянчики считают себя всемогущими правителями.

– Я ношу ей еду, – продолжала Элле. – Сейчас она должна есть за двоих, а рационы, которые им выдают, – это сущие крохи.

Доброта Элле рассеяла мой гнев, и я обнял ее.

За последние несколько месяцев ухаживания Тедди Вогана становились все более недвусмысленными. Элле говорила мне о его нелепых предложениях и попытках приставать к ней. На днях он дошел до того, что положил руку Элле на спину, когда Флора находилась на кухне. Наглость этого парня не имеет пределов.

Позавчера я допоздна работал в огороде, заключая растения в проволочные клетки от ночных набегов местного кроличьего воинства. Я резал проволоку, когда услышал знакомый рев спортивного автомобиля, ехавшего по длинной гравийной дорожке Хайвельда. На этот раз вместо того, чтобы доехать до своего дома, Тедди остановил автомобиль перед нашим коттеджем. Я увидел, как он, спотыкаясь, вышел на улицу и исчез за автомобилем. Понимая, что дело неладно, я

бросил горелку и побежал к коттеджу. Когда я оказался на месте, дверь была распахнута, а Тедди взгромоздился на Элле на нашем диване.

– Давай, твой муж не обязан знать об этом, – пыхтел он.

– Пожалуйста, отстань от меня! – кричала Элле.

Ослепленный яростью, я ухватил Тедди за шиворот и отбросил его в сторону. Элле спряталась за моей спиной.

– Он вошел и набросился на меня! – прорыдала она.

Тедди неуклюже поднялся и бросился на меня с кулаками, но промахнулся, когда я отступил от него.

– Вон из нашего дома! – заорал я. – Немедленно!

– Что это еще за *ваш дом*? – заплетаящимся языком выкрикнул он. – Это мой дом. Здесь все вокруг – мой дом!

– Нет, мелкий придурок. Этот дом принадлежит твоим родителям.

– Ага, только они умрут, а вы будете работать на меня. – Он ухмыльнулся. – И тогда я получу все, что захочу.

– Мы никогда не будем работать на тебя. А теперь убирайся отсюда! Ты пьян.

– Да, я пьян. – Он споткнулся и подошел на шаг ближе ко мне. – Может быть, но я хотя бы не вру!

Он ткнул пальцем мне в грудь. Я похолодел от ужаса.

– Что ты имеешь в виду, а?

– Ты не француз. У меня был товарищ по комнате, француз, еще в Оксфорде. Он говорил совсем не так, как ты. Ты – маленький лжец, Танит. – Он попятился и всплеснул руками. – А может быть, ты шпион? Я должен сообщить о тебе в министерство обороны.

– И как ты думаешь, за чем я шпионю в Хайвельде? – не уступал я. – За картошкой?

– Мой папаша – важный человек. Может, ты хочешь узнать, чем он занимается на авиабазе? – Он потряс указательным пальцем перед моим лицом. – Один звонок, и полиция заберет тебя отсюда. Тебе это не понравится, а, Танит? Все копаешь вокруг, задаешь разные неудобные вопросы... Наверное, они посадят тебя под замок. Но не беспокойся: я позабочусь о твоей жене...

Он похотливо улыбнулся Элле. Я схватил его за шиворот, снова сбил с ног и поволок к двери.

– Эй, руки прочь от меня! Ты просто негодный слуга, и ты всегда будешь...

Я захлопнул за ним дверь и повернулся к Элле:

– Ты в порядке?

– Да, я читала. Он ворвался сюда, и... Не знаю, что было бы, если бы ты не пришел! – зарыдала она.

– Я всегда буду рядом и защищу тебя, Элле. – Я крепко обнял ее. – Знаю, что он часто посещает местный паб, но до сих пор я не видел его таким пьяным. Этот парень просто сорвался с катушек.

Элле начала дрожать всем телом.

– Иди сюда, любимая, я сделаю тебе сладкий чай.

Я усадил ее на диван и пошел в нашу уютную кухню, где поставил на плиту маленький бронзовый чайник. Я обводил взглядом наше благословенное убежище, и на сердце у меня было тяжело. Я понимал, что остался только один выход.

– Думаю, я знаю, почему Тедди так напился. – Элле шмыгнула носом. – Судя по всему, леди Воган недавно устроила серьезный разговор по поводу Тесси Смит. До меня дошли слухи из «женской поддержки».

– Пожалуй, это правдоподобное объяснение. – Я со вздохом присоединился к ней. – Первым делом мы должны уведомить Флору о нашем отъезде завтра утром.

Элле опустила голову.

– Нет...

Я обвил рукой ее талию.

– Понимаю, любимая. Но тут не может быть никаких дискуссий. Нам опасно оставаться в поместье. Мы не можем допустить дальнейших приставаний Тедди, а я не могу рисковать его звонком в полицию или в министерство обороны. У нас нет выбора, – сурово добавил я.

Элле посмотрела на меня.

– Ты правда думаешь, что Тедди позвонит туда?

Я печально пожал плечами.

– Кто знает? Я понимаю, что он был пьян. Но, думаю, риск того не стоит.

– Бо, мы были так счастливы здесь! – всхлипнула Элле. – Я не уверена, что снова смогу скитаться по миру. Это уже слишком.

Я встал и подошел к засвистевшему чайнику.

– Мне хотелось бы навсегда остаться здесь. Но, если мы хотим оставаться вместе, нам нужно двигаться дальше, Элле.

Я налил в кружку кипятка и заварил чайные листья в ситечке.

– Ты можешь начать все сначала, Бо? Построить жизнь заново? Бросить все, что мы создали здесь?

Я вручил Элле горячий напиток и сел рядом.

– Элле, когда я был мальчиком, то думал, что «дом» означает крышу над головой, безопасность и еду на столе. – Я взял ее свободную руку. – Ты показала мне, что дом – это не физическое место, а ощущение близости к любимому человеку. Пока я с тобой, я дома.

Некоторое время мы сидели взявшись за руки и размышляли о нашей потере и о ее последствиях. Наконец Элле заговорила:

– Куда мы отправимся на этот раз?

Я опустил голову на руки. Вспышка адреналина после стычки с Тедди окончательно выдохлась, и я ощущал безмерную усталость.

– Как насчет Лондона? – спросил я. – Там нет недостатка в работе.

– Что, на оружейной фабрике? – фыркнула Элле.

Я покачал головой.

– Нет, любимая. По словам Арчи, операция по освобождению Франции может начаться в любое время. Он говорил об огромной десантной высадке на пляжах Нормандии. Я считаю, что в Лондоне будет безопасно.

Элле пила чай, и краска постепенно возвращалась на ее лицо.

– Ты понимаешь, что будет означать конец войны. Наверное, я освобожусь от гонений, но Криг Эсзу будет волен уехать, куда захочет. Если он найдет нас...

– Знаю, – перебил я. – Тем больше причин оставаться в движении.

На следующее утро я дожидался Флору в кухне Хайвельда, пока Элле собирала наши вещи в коттедже. Величие старинного особняка лишь усиливало боль от нашей скорой разлуки.

– Доброе утро, мистер Танит! – Флора просияла, искренне радуясь моему появлению. – Редко приходится видеть вас здесь, на кухне. – Она вдруг смутилась. – Что, миссис Танит нездорова?

– Нет, все в порядке. Спасибо вам за все, миссис Воган.

Теперь Флора выглядела встревоженной.

– Пожалуйста, мистер Танит, я не понимаю. В чем дело?

Я помедлил. Она заслуживала правды о поведении Тедди, но меня беспокоило, что после инцидента с Тесси Смит ее терпение может лопнуть.

– Не буду задерживаться на причинах происходящего, миссис Воган, – ответил я. – Но мы хотим от всего сердца поблагодарить вас за все, что вы сделали для нас. Не будет преувеличением сказать, что мы провели в Хайвельде самые счастливые годы нашей жизни.

Флора решительно покачала головой.

– Я не приму беспричинную отставку, мистер Танит. Думаю, я заслуживаю хотя бы этого.

Я принял ее довод.

– Хорошо, мэм. – Я помедлил. – Миссис Танит больше не считает, что она находится в безопасности в Хайвельде.

Флора закрыла глаза и глубоко задышала.

– Тедди, – прошептала она.

– Повторяю, леди Воган, мне не хотелось бы задерживаться на причинах.

Флора помассировала виски.

– Мне правда жаль, мистер Танит. Мальчик совершенно неуправляем. – Она посмотрела из кухни на огород, за которым мы так долго ухаживали вместе. – Мне будет не хватать наших разговоров о мировой справедливости. – Она повернулась ко мне. – Не говоря уже о вашем мастерстве огородника.

– Это очень любезно с вашей стороны, – честно ответил я.

– Куда вы теперь направитесь? – поинтересовалась она.

Я слегка пожал плечами.

– Мы собираемся в Лондон. Это лучший шанс найти работу.

– Вам хватит денег? Я хочу быть уверена, что у вас все будет в порядке, если уж вам приходится уезжать отсюда из-за моего негодного сына.

– Я не говорил, что ваш сын...

– И не надо, мистер Танит. – Глаза Флоры вдруг вспыхнули. – Вы обождете минутку? Я хочу вам кое-что дать.

Прежде, чем я успел ответить, Флора вышла из кухни и бегом поднялась по главной лестнице. Когда она вернулась, у нее в руке была маленькая синяя шкатулка.

– Это мой подарок вам. Скажу без преувеличения, он невероятно ценный. Если вам понадобится продать его, вы получите достаточно средств, чтобы начать все сначала.

Я был потрясен.

– Флора, я бы никогда...

– Вы еще даже не видели, что это такое! – Она аккуратно открыла шкатулку. Внутри лежала маленькая ониксовая пантера. – Может быть, выглядит не слишком впечатляюще, но эта пантера была изготовлена в мастерской Фаберже. Невероятно престижная вещь.

Флора не знала, что я был хорошо знаком с торговым домом Фаберже. Отец часто рассказывал мне о ювелирных шедеврах его мастерской.

– Пожалуйста, Флора. Я понимаю ценность этой вещи и абсолютно не могу принять ее. Спасибо... но нет.

Но Флора не отступала.

– Мистер Танит, моего отца – человека, подарившего мне эту пантеру, – больше нет на свете. Думаю, он оставил ее мне ради того, чтобы я могла при необходимости улучшить свои жизненные обстоятельства, если это когда-либо понадобится. – Ее глаза на мгновение подернулись дымкой. – После смерти отца в моей жизни появился Арчи, и теперь я живу в Хайвельде, в довольстве и комфорте. Мне не нужна эта вещица, которую я храню в ящике стола и никогда не смотрю на нее. Я абсолютно уверена, что отец захотел бы передать ее вам. – Она втиснула шкатулку мне в руку. – От одного хорошего человека другому хорошему человеку.

– Флора, это же семейная реликвия.

Она лукаво улыбнулась.

– Да, это семейная реликвия... но не в традиционном смысле, мистер Танит. Уверяю вас, я буду очень рада расстаться с ней. Если вы не найдете ей другого применения, пожалуйста, храните ее как память о хороших днях, проведенных в Хайвельде.

Спорить не имело смысла. Флора хотела, чтобы я взял ее подарок.

– Хорошо, я сохраню ее. Спасибо вам за все.

Она неожиданно заключила меня в объятия, и я неуклюже ответил.

– Спасибо *вам*, мистер Танит. – Я повернулся к выходу из кухни. – Вы совершенно уверены, что хотите покинуть Хайвельд сегодня

вечером?

– Да. – Мысль о новой встрече с Тедди была нестерпимой. – Именно сегодня.

– Вы наводили справки насчет жилья? Лондон – дорогой город.

Я протяжно вздохнул.

– Точно не знаю, но мы что-нибудь найдем, – заверил я.

Флора немного подумала.

– Быть может, вам не придется... Я ведь рассказывала вам о моей подруге Беатрис Поттер?^[19]

– Разумеется, – ответил я. Мне очень нравились ее детские сказки, и я помнил, как безутешна была Флора, когда узнала о ее смерти на прошлое Рождество.

– Я упоминала, что она завещала мне свой книжный магазин?

Я порылся в памяти.

– Нет, не думаю.

– Это чудесное место в Кенсингтоне, – увлеченно сказала она. – Я собираюсь передать его Луизе и Руперту в качестве свадебного подарка, но пока что оно мое, и я могу делать с ним что захочу. Я упомянула о нем потому, что над магазином есть небольшая квартира. Пожалуйста, пользуйтесь ею, пока не уладите ваши дела.

У меня не было слов.

– Вы уверены, Флора?

Она широко улыбнулась.

– Совершенно уверена. Дайте я запишу адрес. – Она открыла ящик буфета и достала бумагу и карандаш. – Не думаю, что квартира в хорошем состоянии, но, надеюсь, она пригодна для обитания.

Она вручила мне адрес:

*«Артур Морстон Букс»,
Кенсингтон-Черч-стрит, 190
Лондон, W8, 4DS*

– Флора... спасибо вам... – сказал я, стараясь овладеть нахлынувшими чувствами.

– Это меньшее, что я могу сделать, мистер Танит. А теперь я отдам вам ключи.

Я вышел из кухни и направился к нашему коттеджу. На полпути я остановился и посмотрел на особняк. Хотя внешняя отделка частично осыпалась и оконные рамы заметно подгнили, он все равно выглядел роскошно. Он *выдержал* столько лет, столько перемен, столько войн и поколений Воганов. И все еще стоял, внушая благоговение одним своим видом.

Потом я отвернулся и пошел навстречу новому будущему.

Мы с Элле с двумя чемоданами прибыли в «Артур Морстон Букс» на Кенсингтон-Черч-стрит, и я повернул ключ в замке. Когда я открыл дверь, звякнул колокольчик, и я нашарил выключатель. Я включил свет, и перед нами предстало величественное зрелище. Вдоль стены выстроились огромные дубовые полки, наполненные книгами всех жанров. Несколько столов были загромождены неразобранными книгами, как будто кто-то искал одну-единственную фразу среди тысяч страниц.

– Потрясающе! – воскликнула Элле.

Мы прошли через магазин, вдыхая слабый аромат ванили, таинственным образом пропитавший страницы старинных томов. В конце концов мы обнаружили дверь за кассовой стойкой, которая привела нас в слегка обшарпанную квартиру. По сравнению с антикварным величием книжного магазина внизу, оставшиеся зеленые обои и протертый ковер производили жалкое впечатление. Тем не менее это было отличное место для временного убежища. Мы распаковали чемоданы, спустились вниз и, словно дети в лавке сладостей, жадно набросились на полки «Артура Морстона».

Книги определенно помогали отвлечься от мыслей об идиллической жизни, которую мы были вынуждены оставить позади.

– Здесь достаточно книг, чтобы занять нас на долгие годы, Элле! – рассмеялся я.

– Да. Жить над книжным магазином – это настоящее волшебство.

Я подошел к Элле.

– Знаешь, я думаю, что Лондон будет снисходителен к нам. Мы снова сможем посещать концерты и ходить в театр... мы сможем

гулять вдоль Темзы, как гуляли по набережной Сены, когда были детьми.

Она со вздохом вернула на полку раскрытый томик стихов.

– Ты прав. Я постараюсь видеть все это в позитивном свете, но... – Она помедлила. – Я правда думала, что мы навсегда останемся в Хайвельде. Я думала, что мы наконец поженимся, родим детей... А теперь остается лишь гадать, когда это случится и случится ли вообще.

Я ласково поцеловал ее в лоб.

– Понимаю. Знай, что я тоже не хочу ничего иного. В один прекрасный день мы поженимся.

Элле шмыгнула носом.

– Я знаю, что это лишь клочок бумаги.

– Но очень важный, – заметил я, глядя ее волосы. – А потом мы с тобой родим тысячу детей.

– Целую тысячу? – хихикнула она.

– По меньшей мере, – продолжал я. – Нам понадобятся дети, чтобы не расслабляться, когда мы осядем на одном месте.

– Почему бы не начать с одного и не посмотреть, как оно пойдет?

– Как пожелаешь, Элле. Но, если мы начнем с одного, кого бы ты хотела: мальчика или девочку?

Она немного подумала.

– Если ребенок будет твой, мне все равно. Я буду любить его всей душой. – Она склонила голову мне на плечо.

Следующие несколько дней мы с Элле провели за сортировкой и распределением тысяч книг. Это занимало все наше внимание, и мы снова втянулись в рутинную работу.

– Интересно, Флора разрешит нам продавать эти книги? – спросила Элле. – Бессмысленно, когда такой ценный товар собирает пыль на полках. Мы могли бы отправлять деньги прямо в Хайвельд, – с внезапным энтузиазмом добавила она. – Мы даже могли бы заказывать новые книги, с разрешения Флоры... естественно, до приезда Луизы и Руперта.

Я немного подумал.

– Пожалуй, стоит узнать.

Мы написали Флоре, но получили ответ только через десять дней. Когда письмо наконец пришло, магазин «Артур Морстон Букс»

находился в безупречном состоянии и был готов к открытию. Увы, новости оказались неутешительными и объясняли причину задержки.

«Дорогие мистер и миссис Танит!

С глубоким сожалением вынуждена сообщить, что через сутки после вашего отъезда мой муж вместе с четырнадцатью другими сотрудниками базы Королевских ВВС в Эшфорде погиб от прямого попадания авиабомбы в палатку, где он спал. В результате Тедди моментально унаследовал Хайвельд и все активы своего отца, связанные с поместьем, как и полагается по праву рождения.

Пожалуйста, будьте уверены, что «Артур Морстон Букс» остается в моей собственности, и Тедди не в состоянии отобрать магазин у меня. Я по-прежнему намерена передать его моей дочери и ее мужу после их свадьбы, которая состоится летом, но до тех пор я с большим удовольствием разрешаю вам продавать книги и пополнять ассортимент. Возможно, если ваши дела пойдут успешно, то Руперт и Луиза захотят оставить вас в качестве управляющих... хотя, разумеется, они сами будут принимать решение.

К сожалению, со мной больше нельзя будет связаться по адресу Хайвельда, поскольку Тедди собирается завести жену, а потому я должна буду переехать в Дувр-Хаус, принадлежавший моим родителям. Я сообщу вам дальнейшие подробности. Очень любезно с вашей стороны, что вы хотите направлять в Хайвельд прибыль от продажи книг, но я убедительно прошу вас оставлять все вырученные средства при себе.

*С наилучшими пожеланиями,
Флора В».*

– Он вышвырнул из дома собственную мать! – бушевала Элле. – Как он посмел?!

Эти новости потрясли нас обоих.

– Бедная Флора. Ее любимый муж погибает, а подлый сын получает все. Чудовищная несправедливость.

– Думаешь, это из-за нас, Бо? – спросила Элле. – Мы прокляты? Кажется, куда бы мы ни отправились, везде оставляем за собой след человеческого отчаяния.

Мы провели тот вечер, делясь историями об Арчи Вогане и о его всевозможных благодеяниях, изменивших нашу жизнь к лучшему.

Через три дня мы открыли «Артур Морстон Букс». Вскоре мы обнаружили, что это чрезвычайно благодатный бизнес; горожане истосковались по книгам, позволявшим временно ускользать от действительности после мрачных дней лондонских бомбежек.

После года нашей успешной торговли, 8 мая 1945 года, радиостанция Би-би-си» объявила о военной победе в Европе, и вся страна отпраздновала официальное принятие безоговорочной капитуляции Германии. Война на континенте завершилась. Мы с Элле танцевали на улице вместе со счастливыми британцами. Потом, в начале июня, я достал конверт из кремовой веленовой бумаги, опущенный в почтовый ящик «Артур Морстон Букс» и адресованный «мистеру Таниту». Я отнес письмо к своему маленькому письменному столу в задней части магазина и вскрыл его.

«Дорогой мистер Танит!

Искренне надеюсь, что это письмо получит тот человек, для которого оно предназначено.

Меня зовут Эрик Кехлер, и я работаю в юридической фирме в Женеве, столице Швейцарии. С прискорбием должен сообщить, что ваша бабушка Агата Танит скончалась в 1929 году в возрасте девяноста одного года. Я нахожусь в довольно затруднительном положении, не зная о том, как тесно вы связаны с членами вашей семьи, поэтому заранее извиняюсь, если написанное мною шокирует вас.

Наследник поместья Агаты, ваш отец Япет Танит, к сожалению, тоже скончался. Его обнаружили в Южной Осетии (Грузия) зимой 1923 года. Причиной смерти названо переохлаждение организма в суровых зимних условиях.

Его тело было опознано солдатами, которые нашли его, и весть об этом очень медленно дошла в Европу до вашей бабушки.

Когда Агата узнала о смерти своего сына, она попыталась разыскать вас, ее единственного внука, и потратила на поиски большое количество времени и денег. В итоге она смогла установить, что вы находитесь в Сибири, но к тому времени, когда туда прибыли ее представители, вас уже не было на месте.

Уже более десяти лет я обыскивал континент в поисках фамилии «Танит» и мужчины приблизительно вашего возраста. Фактически должен признать, что я написал и разослал несколько вариантов этого письма, но не имел успеха с предыдущими адресатами. Недавно во время моих ежемесячных запросов по воле вашей покойной бабушки я обнаружил ваше имя, а также вашу нынешнюю должность управляющего этим книжным магазином в Лондоне.

Мистер Танит, я искренне надеюсь, что вы действительно являетесь внуком Агаты и наследником ее имения. Однако для того, чтобы гарантированно убедиться в этом, я вынужден попросить, чтобы вы приехали в Женеву для личной встречи со мной, мне необходимо задать вам несколько вопросов, которые определяют итог нашего собеседования. Разумеется, ваши путевые расходы будут оплачены. Если вы будете любезны сообщить мне о возможности нашей встречи, я с удовольствием организую вашу поездку.

*С наилучшими пожеланиями,
Э. Кехлер».*

Я положил письмо на стол, и мои глаза вдруг наполнились слезами. Я чувствовал себя так, как будто рука отца потянулась ко мне через эту страницу.

– Что случилось, Бо? – спросила Элле, когда увидела мои слезы. Я передал ей письмо, и она быстро изучила содержание.

– Ох, Бо... у меня нет слов. Не могу представить, что ты сейчас чувствуешь. – Она крепко обняла меня. – Соболезную насчет твоего отца.

Я покачал головой.

– Я был глупцом, Элле. Разумеется, я уже все понимал, но, когда видишь это написанным черным по белому... тайное становится явным. – Я глубоко вздохнул. – После стольких лет гаданий теперь я знаю, что ему удалось добраться только до Грузии.

Элле нежно погладила меня по спине.

– Это делает твое путешествие в Париж еще более замечательным достижением. Но как насчет твоей бабушки Агаты... Ты знал о ней?

Я покачал головой.

– Нет. Когда отец ушел от меня в тот ужасный день тысяча девятьсот двадцать третьего года, он сказал, что направляется в Швейцарию за помощью. – Я встал, подошел ко входу в магазин и поменял табличку на двери с «открыто» на «закрыто». – Я понятия не имел, где он собирался искать помощь. Теперь ясно, что он пытался связаться с матерью. – Я не удержался и шмыгнул носом.

Элле нахмурилась.

– Я не понимаю одного. Если у Япета была такая богатая мать, как он оказался в столь бедственном положении в Сибири?

Я пожал плечами.

– Я же рассказал тебе, кем он был. Насколько ты могла понять из письма, его часто видели в обществе Романовых. После революции скрытый образ жизни был необходим как гарантия нашей безопасности.

Элле опустила на один из больших стульев с изогнутой спинкой, которые мы установили для посетителей магазина.

– Просто не могу поверить, что этому юристу удалось найти тебя.

– Должно быть, Флора направила официальные документы с нашими именами в те или иные инстанции. – Я погладил подбородок, пытаюсь восстановить цепочку событий, которая привела к моему обнаружению. – По иронии судьбы, я назвал Арчи Вогану мою настоящую фамилию, когда мы познакомились с ним в Шотландии. Хотя меня и впрямь беспокоит, что мистеру Кехлеру так легко удалось найти меня. Теперь, когда война закончилась, Криг может направиться в любое место, куда ему заблагорассудится.

– Если он выжил, – напомнила Элле. – Многим это не удалось.

Я покачал головой.

– Сомневаюсь, что мне могло так повезти.

Элле сочувственно улыбнулась.

– Ты встретишься с мистером Кехлером? – спросила она.

– Да, – уверенно ответил я. – Когда я мальчишкой отправился в путь из Сибири, пунктом моего назначения была Швейцария. Пора наконец завершить это странствие.

– Когда ты поедешь?

– Как только мистер Кехлер сможет организовать поездку. – Я обвел взглядом книжные полки нашего магазина. – Понятия не имею, сколько денег было у Агаты, но представляешь, что бы мы с тобой могли сделать, имея значительную сумму? Деньги могли бы стать залогом нашей безопасности. – Я позволил себе немного помечтать. – Мы могли бы поселиться в маленьком домике в далекой глуши. Элле, при достаточном количестве денег и толике хитроумия...

– Мы сможем навсегда защититься от Крига.

Через неделю, когда я навел справки и обнаружил, что фирма «Кехлер и Швейкарт» существует на самом деле, я погрузился на паром, курсировавший между Англией и Францией. Еще через три дня железнодорожных переездов я прибыл на встречу с Эриком Кехлером в величественном здании его фирмы на рю де Рон в Женеве. Во впечатляющей приемной имелся даже маленький фонтан, и я двадцать минут наблюдал за пузырьками в воде, пока ожидал встречи. Наконец большая дверь из полированного ореха отворилась и появился безупречно одетый мужчина с гладко причесанными светлыми волосами.

– Мистер Роберт Танит? – Я кивнул, и он пожал мне руку. – Эрик Кехлер. Пожалуйста, следуйте за мной.

Он отвел меня в кабинет с неправдоподобно высоким потолком. Его стол был расположен между двумя огромными венецианскими окнами с панорамными видами на царственно-спокойные воды Женевского озера.

– Садитесь. – Кехлер указал на стул с зеленой кожаной обивкой по другую сторону стола.

– Благодарю вас.

Эрик внимательно посмотрел на меня. Полагаю, он искал какие-либо черты сходства с бабушкой Агатой.

– Надеюсь, ваше путешествие было приятным? – осведомился он.

– Да, спасибо. Не думаю, что раньше мне приходилось совершать железнодорожный переезд с такими удобствами. У вас поистине замечательная страна.

Эрик улыбнулся.

– Мне нравится так думать. Маленькая, но идеально обустроенная. – Он сделал широкий жест в сторону окна. – К тому же с большим озером.

Его дружелюбная манера немного успокоила меня.

– Хотя, мистер Танит, меня немного удивляет, почему вы называете Швейцарию *моей* страной. Это и ваша страна, разве нет?

– О. – Я ненадолго задумался. – Пожалуй, в том смысле, что это родина моего отца. Но я родился не здесь и никогда не посещал Швейцарию.

Эрик кивнул.

– Вы родились в России, да?

Я помедлил с ответом, не зная, что ему известно.

– Да.

– Хмм. – Эрик откинулся на спинку стула. – Нам многое нужно обсудить. Но прежде чем продолжить, мне нужно подтвердить вашу личность. У вас есть документы?

– У меня есть паспорт и британское удостоверение личности, – ответил я после некоторого колебания.

– Превосходно! – Кехлер хлопнул в ладоши.

– Но, мистер Кехлер, я должен сообщить, что эти документы были предоставлены моим бывшим работодателем, мистером Арчи Воганом. Он имел обширные связи в британской армии и любезно обеспечил документами меня и мою подругу. – Мистер Кехлер прищурился. – Я хочу довести до вашего сведения, что информация о моем возрасте и месте рождения может не совпадать с вашими записями.

Эрик сложил ладони домиком и подался вперед.

– Мистер Танит, можно спросить, почему у вас нет оригинальных документов?

– Если мое свидетельство о рождении еще существует, то оно похоронено глубоко в сибирских снегах. У меня не было выбора, мистер Кехлер. Я спасал свою жизнь. Мой отец уже давно покинул нас, и я решил...

– Вам пришлось бежать. – Эрик прервал мои откровения понимающим кивком. На его губах играла такая же понимающая улыбка. Знал ли он о намерении Крига Эсзу покончить со мной? – Я предполагал, что так и случится, мистер Танит, – продолжал он. – Ваша бабушка подготовила меня к этому.

Охваченный нервозностью пополам с любопытством, я решил быть максимально осторожным.

– Прошу прощения, мистер Кехлер. Не уверен, что я вас правильно понимаю.

– Здесь нет секретов, мистер Танит. Мне все известно.

Я собрался с силами и невозмутимо посмотрел на него.

– Ваш отец, Япет Танит, до революции был членом свиты царя Николая Второго. Это верно? – Я медленно кивнул. – Он учил царевича и его сестер музыке и классическим предметам. В результате его имя было хорошо известно большевикам, как и имена всех, кто был тесно связан с царской семьей. После Октябрьской революции, когда царь был свергнут и убит, ваш отец бежал, опасаясь за свою безопасность. Потом, когда он не смог вернуться за вами, вы последовали за ним, опасаясь за собственную жизнь. – Эрик явно был доволен своей осведомленностью. – Это близко к истине?

Все сказанное было правдой. Но он упустил из виду главное: историю Крига и алмаза. Я решил уступить из уважения к нему.

– Да, мистер Кехлер. Вы правы во всем.

Он встал и принялся неторопливо расхаживать перед окном, словно Эркюль Пуаро, излагающий суть дела.

– По вышеупомянутым причинам вы всю жизнь находились в бегах, поскольку в любой момент какой-нибудь вояка из Красной Армии мог перерезать вам горло как члену царской свиты. – Кехлер выразительно приподнял брови. – Этот страх заставил вас пересечь Европу, меняя занятия и имена, если я не ошибаюсь.

Его объяснение было довольно близким к истине.

– Вы очень проницательны, мистер Кехлер, – сказал я.

– У меня было много времени, чтобы сложить воедино фрагменты этой истории. – Он снова сел на стул и запустил руку в ящик стола. – Теперь, когда мы вышли на чистую воду, я хочу, чтобы вы назвали ваше настоящее имя, ибо мы оба знаем, что вас зовут не Роберт.

Я промолчал.

– Полагаю, вы помните его? – почти сочувственно спросил Кехлер.

– Да, – пробормотал я. – Просто... это было в другой жизни.

– Понимаю. Хочу заверить вас в одном, мистер Танит: сейчас вы находитесь в безопасности от гонений со стороны советской власти. Их охота за сторонниками царизма завершилась более десяти лет

назад, и ребенок учителя не представляет интереса для них. Обещаю, вам ничего не угрожает.

– Это... вселяет уверенность, – ответил я. – Спасибо, мистер Кехлер.

– В целом больше нет надобности убегать и менять имена. Вы гражданин Швейцарии по праву рождения, и если вы решите поселиться здесь, то будете радушно приняты в наше общество. А теперь, пожалуйста, назовите ваше имя.

– Атлас, – пробормотал я.

– Отличное начало! – жизнерадостно произнес Эрик.

Многие годы я прилагал все силы, чтобы скрыть свое настоящее имя. Конечно же, внимательный читатель заметит мое нежелание пользоваться им в этом дневнике. Тем не менее Криг все равно выследил меня.

– Как уже было сказано, мистер Танит, ваша бабушка хорошо подготовила меня, – продолжал Эрик. – Она рассказала мне, что царь взял под крыло ее сына после того, как музыкальные студии привели его в Россию. За это вам нужно благодарить ее, а не меня.

– Я... мне хотелось бы это сделать, – честно ответил я. – Вы сказали, что я гражданин Швейцарии и буду радушно принят здесь. Но у меня нет паспорта и свидетельства о рождении. Как это возможно?

Эрик помахал рукой.

– Если я смогу доказать, что вы являетесь внуком Агаты Танит, что я и собираюсь сделать в ближайшее время, то путь к вашему гражданству будет сравнительно простым. – Он поправил галстук. – При поддержке моей фирмы, которая имеет весьма высокую репутацию, процесс получения документов не составит труда. Хотя, разумеется, это потребует времени.

Я был озадачен идеей подлинного гражданства.

– Вот так новость.

Эрик запустил руку в другой ящик стола и достал папку.

– Другие «Таниты», сидевшие на этом стуле, удостоверили свою личность, но после этого начались трудности. Зная о том, что у вас может не оказаться официального подтверждения вашей личности или происхождения, Агата придумала несколько вопросов, на которые мог бы ответить только ее настоящий внук.

– Как интересно. – Меня немного нервировала эта перспектива. – Что, если я не смогу ответить на вопросы?

Эрик пожал плечами.

– В таком случае, мистер Танит, мы будем вынуждены расстаться, согласно воле Агаты.

Я сглотнул комок в горле.

– Ясно.

– Здесь только три вопроса, мистер Танит. Можно продолжить?

Я передвинулся на край стула.

– Да, пожалуйста.

– Отлично. – Эрик откашлялся. – Итак, первый вопрос. Как называется пространство между звездными скоплениями Гиады и Плеяды?

– Золотые Ворота эклиптики, – без колебаний ответил я.

На лице Эрика заиграла широкая улыбка.

– Правильно. Это замечательно, мистер Танит. Я еще ни разу не доходил до второго вопроса. – Он подался вперед. – Можно спросить, откуда вы знаете ответ?

– Мой отец увлекался астрономией. Он научил меня всему, что я знаю о ночном небе.

Эрик издал смешок.

– Точно так же, как его мать научила его всему, что она знала. Теперь второй вопрос: кто изготовил скрипку Япета Танита?

– Джузеппе Гварнери дель Джезу, мистер Кехлер.

Он широко улыбнулся.

– Совершенно верно, мистер Танит. Это был подарок от Агаты перед его отъездом в Россию. Вы знали об этом? – Я покачал головой. – Тем не менее вы правы. Итак, перейдем к третьему, и последнему вопросу... вы можете сказать, почему Япет Танит получил скрипку Гварнери?

Я нахмурился и пожал плечами.

– Боюсь, мистер Кехлер, здесь мы едва ли придем к нужному ответу. По словам отца, он предпочитал более глубокое звучание скрипок Гварнери.

– Хмм, – пробурчал мистер Кехлер, явно не уверенный, стоит ли принять такой ответ. – Япет отдавал предпочтение скрипкам Гварнери перед...

Я фыркнул.

– Да, перед скрипками Страдивари. Он часто говорил, что Страдивари «слишком велик для его башмаков».

Несмотря на то, что я почти несомненно провалил тест моей бабушки на определение личности, на моих губах заиграла улыбка. Мистер Кехлер посмотрел на меня, потом развернул лист бумаги, который держал в руках, и указал на одну фразу, написанную великолепным каллиграфическим почерком.

«Страдивари был слишком велик для его башмаков».

Не обращая внимания на мой разинутый рот, Эрик заговорил:

– Судя по всему, ваша бабушка очень хорошо подобрала свои вопросы. Пятнадцать лет назад на этом самом месте я горячо разубеждал ее в этой стратегии. «Нет, мистер Кехлер, – сказала она. – Мой сын постоянно говорил, что Страдивари слишком велик для его башмаков, поэтому все должны были слышать это!»

– Но... Агата никогда даже не видела меня, – ошеломленно пробормотал я.

– Да. Однако она была исключительно умной женщиной, которая знала своего сына лучше всех остальных.

– Мне очень жаль, что я не имел возможности познакомиться с ней.

– О, да. Так или иначе, мистер Танит, примите мои поздравления. Я рад официально познакомиться с вами, Атлас. – Он протянул руку, и мы снова обменялись рукопожатием. – Итак, позвольте мне познакомить вас с историей вашей семьи. Что вы уже знаете?

– Очень мало, – честно признался я. – Мои родители были членами царской свиты в России. Моя мать умерла при родах, но отец много рассказывал о ней. Я также знал, что он родом из Швейцарии... но не более того.

– В таком случае я рад сообщить, что вы происходите из аристократического рода. Корни семьи Танит уходят в историю Священной Римской империи. Вы слышали о доме Габсбургов? – Я покачал головой. – Это одна из самых знаменитых династий, но она зародилась в северной Швейцарии. Оттуда происходят короли Испании, Хорватии, Венгрии... я могу продолжить.

Я вытаращил глаза.

– Мистер Кехлер... вы говорите, что я Габсбург?

Юрист рассмеялся.

– О, нет. – Я почувствовал, что краснею. – Но есть исторические хроники о том, что семья Танит помогала Габсбургам как минимум с тысяча сто девяносто восьмого года. Ваши предки составляли гороскопы для Габсбургов и были их астрологическими советниками. Габсбурги доверяли им, даровали им дворянские титулы и... много денег. А вы, Атлас, являетесь последним потомком рода Танит. Вам принадлежит состояние... – Он перелистал бумаги. – ...примерно в пять миллионов швейцарских франков. Естественно, после того, как мы приведем в порядок ваши документы.

Должно быть, выражение моего лица было комичным.

– Пять... миллионов? – прошептал я.

Эрик кивнул:

– Да. Вероятно, теперь вы понимаете мое желание связаться с вами. Вы не только наследуете много денег, но и являетесь последним потомком знаменитой швейцарской династии!

У меня не было слов. Эти деньги могли обеспечить нам с Элле все, о чем мы мечтали. От одной мысли об этом у меня перехватило дыхание.

– Не знаю, что тут сказать.

– Не надо ничего говорить, Атлас. Я начну официальный процесс вашей регистрации как гражданина Швейцарии. Как я уже сказал, существует длинная очередь, и этот процесс займет скорее годы, чем месяцы.

– Понятно, – ответил я. У меня кружилась голова. Мы с Элле сможем поселиться здесь и завести семью. Я сторал от нетерпения передать ей эти новости. – Мистер Кехлер, можно спросить, где я буду ночевать сегодня? В доме Агаты?

– О, я забронировал вам номер в гостинице на следующие несколько дней. Вот адрес. – Он протянул мне карточку. – Агата завещала свой городской дом супружеской чете, которая ухаживала за ней в преклонные годы. Когда ваш отец уехал в Россию, они были единственными близкими людьми, которые у нее оставались. Однако... – Эрик поднял палец, как будто вспомнил о чем-то. Он вернулся к столу и снова раскрыл папку. – Примерно за год до своей смерти Агата приобрела большой участок земли на уединенном полуострове возле озера. – Кехлер нашел нужный документ и изучил

его. – Теперь он принадлежит вам. Вот карта этого участка. Посетите его, если захотите. – Я взял листок у него из рук. – Там очень красиво. – Эрик повернулся и посмотрел в огромное окно. – Можете поехать хотя бы сегодня, во второй половине дня.

– Пожалуй. – Я выпрямился на нетвердых ногах. – Могу я взять такси отсюда?

Эрик фыркнул.

– Тут у вас будут трудности: на полуостров можно попасть только по воде! Тем не менее вы можете за разумную цену нанять любой водный транспорт с ближайшей пристани. Покажите шкиперу эту карту, и он отвезет вас на место.

– Лодки можно брать напрокат, как машины? Обращение с картой не составит труда для меня.

– Если вы убедите их в этом, у вас не возникнет никаких трудностей. Ах, да, вот еще что!

Он вынул из папки маленький кремовый конверт.

– Это письмо от вашей бабушки. Знаете, – хохотнул он, – я не надеялся, что настанет день, когда я передам его по адресу. Посмотрите! – Кехлер указал на свой висок. – Это же седина! Когда я познакомился с вашей бабушкой, я был совсем молодым человеком.

Он встал, протянул конверт и вежливо попрощался со мной.

– Я свяжусь с вами через гостиницу. Нам нужно будет подписать массу документов, пока вы находитесь в Женеве. До свидания, Атлас. Надеюсь, увидимся завтра.

– Спасибо, мистер Кехлер.

Через сорок минут я бороздил воды Женевского озера на утлом прогулочном катере. Несмотря на качку, я был зачарован огромными горами, высившимися вокруг озера. Прикрыв глаза, я наслаждался дуновениями прохладного ветра. Я любил находиться на открытой воде, когда вокруг не было ничего, кроме чистого воздуха и моих мыслей.

Путешествие от причала на рю де Рон, занявшее около двадцати минут хода на деревянном катерке, создавало впечатление, что

полуостров Агаты действительно был уединенным местом. В конце концов участок суши, обозначенный на карте, показался впереди. Я смотрел на пологий мыс и полумесяц живописной местности, уступами поднимавшейся сзади.

Я выключил двигатель и позволил суденышку медленно скользить к берегу. Стояла полная тишина, и я благоговел перед величием сказочного пейзажа, отражавшегося на водной глади. Вскоре корпус мягко уткнулся в песок. Я выпрыгнул наружу с причальным канатом в руке, подтащил лодку на пляж и закрепил веревку на валуне. Потом перевел дух и достал из кармана письмо Агаты.

«Дорогой Атлас.

Мой милый внук, если ты читаешь это письмо, то мистер Кехлер сдержал свое обещание и наконец смог найти тебя; увы, мне самой это не удалось.

Я пишу эти строки, зная, что близится конец моего земного срока, но, если у тебя на глаза наворачиваются слезы, пожалуйста, не плачь, ибо скоро я буду вместе с твоим отцом, моим любимым сыном.

Несмотря на то, что работа твоего отца удерживала его вдалеке от меня, он регулярно писал мне. Таким образом, я была в курсе твоего взросления и воспитания. Он с гордостью отзывался о тебе, Атлас, и часто говорил, что ты умен не по годам и достигаешь большего, чем он считал возможным. Я не сомневаюсь, что это наследственная черта рода Танит.

Япет сообщил мне о твоём таланте в игре на скрипке и о твоём увлечении звездами, которое вполне естественно для тебя, учитывая историю нашей семьи. Возможно, мистер Кехлер отчасти поделился с тобой этой историей; в противном случае обязательно расспроси его. Она чрезвычайно интересна, но у меня не хватит сил поведать ее здесь в письменном виде.

Как бы мне хотелось, чтобы мы могли встретиться, посидеть вместе и посмотреть на звездное небо над моим любимым Женевским озером! Кстати, тебе, несомненно, сообщили, что теперь ты являешься владельцем уединенного земельного участка на берегу озера.

Я купила его для тебя, внучек. Я тщательно выбрала это место. Разумеется, ты обратишь внимание, что оно доступно только по

воде и хорошо скрыто от посторонних глаз.

Я чувствовала, что тебе может понадобиться собственный уголок, Атлас, спокойное и надежное место на земле. Надеюсь, мой подарок обеспечит тебе это и, возможно, станет домом для будущих поколений рода Танит.

Но, может быть, я ошибаюсь, и тебе не понадобится такой подарок. Если ты сочтешь необходимым продать эту землю, сделай это с моего благословения.

Теперь я быстро устаю и больше не могу много писать. Будь благоразумен со своим наследством, но помни о том, что жизнь чрезвычайно коротка. Я искренне желаю, чтобы ты воспользовался деньгами ради благополучной жизни моих правнуков и их будущих потомков.

Я ожидаю встречи с тобой в будущей жизни. А до тех пор, Атлас, если ты захочешь найти меня, посмотри на звезды.

*С любовью,
твоя бабушка Агата».*

Письмо было таким трогательным, что у меня снова защипало в глазах. Я посмотрел на небо.

– Спасибо, – прошептал я.

На какой-то безумный момент показалось, что Вселенная ответила мне, ибо я услышал хруст ветки за спиной. Я обернулся, но не увидел ничего подозрительного.

– Эй! – позвал я. Разумеется, это могло быть дикое животное, поэтому я направился к линии деревьев. Приблизившись к подлеску, я услышал звук удалявшихся шагов.

– Эй, кто тут?

Когда я вошел в лес, то наткнулся на брезент и остатки костра, залитого водой из ведра, которое валялось поблизости. Шаги продолжали отдаляться, и я погнался за звуком.

– Пожалуйста, остановитесь! Я хозяин этой земли, и у меня нет дурных намерений!

После короткой пробежки я остановился и прислушался. Услышав только птичьи трели, я подбоченился и огляделся по сторонам.

Внезапно резкий удар под колено подкосил мою левую ногу, и я повалился на землю, вскрикнув от боли. Когда зрение прояснилось, я

увидел мальчика с большой деревянной палкой в руках. Он замахнулся, готовясь нанести удар мне в лицо, и я рефлекторно вскинул руку.

– Прекрати! – раздался голос из-за деревьев. Оттуда вышла девочка, на вид еще младше мальчика. – Пожалуйста, не делай этого.

– Чего тебе нужно? – крикнул мальчик, не выпуская палку из рук.

Я обратил внимание, что они говорят по-немецки, и ответил на немецком:

– Это моя земля... ну, скоро она будет моей. Но я не хочу ничего плохого для вас. Я даже не знал, что вы здесь.

Мальчик переглянулся с девочкой, прежде чем повернуться ко мне.

– Ты немец? – спросил он. – Раньше ты говорил по-французски.

– Это потому, что я швейцарец, – солгал я, чтобы не усложнять положение.

– Почему ты говоришь по-немецки? – спросил мальчик.

– До войны я жил в Германии. В Лейпциге.

– Клавдия, иди сюда. – Девочка подошла к мальчику и встала у него за спиной. Он опустил палку. – Прости, что мы оказались на твоей земле. Сейчас мы соберем вещи и уйдем.

– Не понимаю, – сказал я и медленно поднялся на ноги. – Почему ты ударил меня? Вам никто не мешает оставаться здесь, но зачем нападать на незнакомых людей?

– Вот видишь! – прошипела девочка. – Извините за поведение моего брата. Я говорила ему, что вы не причините нам зла.

– Извините, – угрюмо сказал мальчик. – Мы уйдем отсюда.

Я впервые заметил, что их одежда была рваной и невероятно грязной. Ко всему прочему, она была им невероятно велика, это была одежда взрослых людей, а дети были чрезвычайно худыми.

– Я уже сказал, что вы можете спокойно оставаться здесь. У вас тут походный лагерь?

– Да, просто временный лагерь, – ответил мальчик.

– Похоже, вы уже долго живете здесь, – заметил я.

– Да, но теперь мы уйдем.

– Куда, в горы? Я не вижу лодки, и вам будет очень трудно подняться.

– Мы справимся, – пробормотал мальчик.

– Пожалуйста, мсье, никому не рассказывайте, что вы нас видели, – попросила девочка. – Я не хочу, чтобы они снова пришли за нами.

– Клавдия! – сурово одернул мальчик.

– Все в порядке, – заверил я. – Тебя зовут Клавдия?

Девочка робко кивнула.

– Можно узнать ваше имя, молодой человек? – Мальчик покачал головой, и я пожал плечами. – Хорошо, меня зовут Атлас. Скажите, что вы имели в виду, когда говорили, что не хотите, «чтобы они снова пришли» за вами? Кто они такие?

– Плохие люди, – ответила Клавдия.

– Плохие люди? – повторил я. Девочка кивнула, и я догадался, в чем дело. – Вы пришли из Германии?

– Да, – сказал мальчик.

Я с огромным сочувствием посмотрел на него.

– Вы сбежали из концлагеря?

Мальчик кивнул, и я опустился на колени, чтобы мои глаза оказались на одном уровне с ними.

– Клянусь, я не один из них. Я – друг. – Мальчик со вздохом кивнул. – Сколько вам лет?

– Мне одиннадцать, – ответил он. – Моей сестре семь.

– Вы еще очень малы, чтобы самостоятельно справиться с этим, поверьте тому, кто знает. Как долго вы одни?

Он пожал плечами.

– Точно не знаю. Думаю, около двух месяцев. – Он обнял сестру и с вызовом посмотрел на меня. – И мы не одни, а вместе.

– Разумеется, – сказал я. – И это замечательно. – Я понимал, что эти невинные души могли пережить невиданные ужасы, поэтому старался осторожно подбирать слова. – Можно узнать, как вы добрались сюда?

Мальчик опустил глаза. Сестра ласково взяла его за руку.

– Наша мама отвлекла охранника, и мы перебрались через ограду. Мы... – Он попытался продолжить, но сдавленно замолчал. Ответила Клавдия:

– Мы не хотели уходить, но мама приказала нам, – тихо пробормотала она. – После того, что они сделали с папой.

Мое сердце разрывалось от жалости к ним. В таком юном возрасте эти дети испытали худшее зло. Если кто-то мог понять их страдания, это был я.

– Вы долго были здесь, поэтому ничего не знаете, но у меня есть новости для вас. Война закончилась. Концлагеря, вроде того, откуда вы сбежали, освобождены. Я помогу найти вашу маму, – мягко добавил я.

Мальчик покачал головой.

– Нет, мсье, вы не поможете. Она пожертвовала своей жизнью ради нас. Мы слышали выстрелы, когда перелезали через ограду. Потом мы убежали. Мама сказала, чтобы мы укрылись в Швейцарии, потому что там безопасно. Поэтому я взял Клавдию и сделал все, что мог.

Он тихо заплакал. Я очень медленно и осторожно положил руку ему на плечо.

– Не могу сказать, как мне жаль. Я тоже потерял родителей, когда был ребенком. Но помните, – я постучал себя по груди, – они всегда будут живы вот здесь.

Мальчик посмотрел мне в глаза.

– Тебе удалось спасти сестру. Мама очень бы гордилась тобой. – Тут я кое-что вспомнил. – Должно быть, вы очень голодны. – Я сунул руку в карман брюк и достал пакет с орехами, оставшийся после железнодорожного переезда. – Вот, возьмите.

Мальчик благодарно принял пакет и сразу поделился с сестрой.

– Как вы оказались на этом полуострове? – поинтересовался я.

– Мы украли лодку на другом берегу озера и приплыли сюда, – объяснил он, жуя орехи. – Потом мы выбрались на берег, а утром лодку унесло ветром.

– Значит, вы попали в незнакомое место без средств к передвижению? Это очень тяжело.

Мальчик пожал плечами.

– Лодки часто проходили мимо, но мы боялись звать на помощь, потому что нас могли вернуть обратно.

Я потер глаза ладонями, размышляя о том, какие невзгоды им довелось пережить.

– Ну да, конечно. Как вы добывали еду?

Мальчик высыпал последние орехи и предложил львиную долю своей сестре.

– Я умею рыбачить, но наловил очень мало. Мы пробовали разные ягоды и однажды сильно отравились.

Я понял, что должен как можно быстрее вернуть этих детей в лоно цивилизации. Они нуждались во врачебном осмотре и в теплой постели.

– Понимаю, мы только что познакомились, – осторожно начал я. – Но не хотите ли вы присоединиться ко мне в этой лодке? Я собираюсь вернуться в город и знаю людей, которые могут помочь.

Мальчик замер на месте.

– Как мы можем доверять вам?

Я поразмыслил над вопросом.

– Ты прав... но я не могу дать такой ответ, чтобы ты мне поверил... – Я досадливо нахмурился. – У меня нет с собой газеты, и я не могу доказать, что война в Европе закончилась. Но я могу показать вот это.

Я достал свой британский паспорт и передал его мальчику.

– Британец? – Он отступил на шаг. – Кажется, вы назвались швейцарцем.

– Да, верно подмечено. – Я мысленно выругал себя. – А ты хорошо соображаешь! Мой отец был швейцарцем, а я приехал сюда для того, чтобы унаследовать бабушкино поместье.

Тут меня озарило.

– У меня есть письмо от нее. Ты умеешь читать по-французски?

– Немного, – прищурившись, ответил мальчик.

Я протянул ему письмо Агаты.

– Пожалуйста, прочитай это. – Я опустил на землю и скрестил ноги. – Если понадобится помощь с переводом, не стесняйся.

Мальчик отошел примерно на десять ярдов и сел напротив меня, рядом с сестрой. Он медленно прочитал письмо, шевеля губами, потом встал.

– Хорошо, мы пойдем с вами, – сказал он.

Лицо Клавдии озарилось радостью.

– Правда? – обратилась она к брату.

Он кивнул.

– Рад это слышать. – Я облегченно вздохнул и поднялся на ноги. – Спасибо за доверие. Положим ваши вещи в лодку?

– Нет, – сказал мальчик и взял сестру за руку. – Мы можем оставить все здесь.

– Понимаю, – ответил я. – Теперь, раз уж мы познакомились, может быть, ты скажешь, как тебя зовут?

Мальчик серьезно посмотрел на меня.

– Меня зовут Георг.

* * *

Мистер Кехлер был немного ошарашен, когда снова увидел меня во второй половине дня, тем более что я вошел в его кабинет в сопровождении двух истощенных и чумазных детей.

– Что стряслось? – спросил Эрик, едва не опрокинув чашку чая со стола. Я постарался как можно короче описать ситуацию.

Дорогой читатель, просто поразительно, что могут сделать деньги. В тот же вечер мистер Кехлер смог организовать визит врача, социального работника и неограниченный доступ к сытной еде. Все было оплачено из средств Агаты Танит; Кехлер сразу же выделил определенную сумму, учитывая чрезвычайные обстоятельства, он был уверен в том, что моя бабушка одобрила бы это.

– Что с ними будет, мистер Кехлер? – поинтересовался я.

Юрист пребывал в недоумении, и я не мог винить его за это.

– Если мы сможем подтвердить их личность, то посмотрим, можно ли будет вернуть их к оставшимся родственникам в Германии.

Я изогнул бровь.

– Думаете, это возможно?

Эрик обхватил голову руками.

– Нет. Скорее всего, швейцарское правительство профинансирует опеку и отправит их в детский дом, где они, если повезет, смогут обрести приемных родителей. Поскольку они стали беженцами в таком юном возрасте, я надеюсь, что они без особых проблем получат швейцарское гражданство.

Я опустил на кожаный стул напротив мистера Кехлера.

– Вы хотите сказать, их отправят в сиротский приют?

Эрик кивнул, и я мысленно вернулся в «*Apprentis d’Auteuil*». Такой приговор для Георга и Клавдии после всего, что им довелось

пережить, казался очень жестоким. Как и я, они бежали от гонений. Я вспомнил Буйонь-Билланкур. Что там говорил мсье Ландовски?

«...Я уверен, что однажды ты сам сможешь помогать другим. Не забывай об этом, мой мальчик».

Я понял, чего хочу на самом деле.

– Мне хотелось бы позаботиться о детях, – обратился я к Эрику.

– Прошу прощения?

– Георг и Клавдия нашли себе убежище на земле Агаты, на моей земле, и я хочу, чтобы с ними хорошо обращались. Я имел честь познакомиться с вами лишь из-за доброты незнакомого, пусть и родного человека. До сих пор в моей жизни было мало поводов для альтруизма, но теперь мои жизненные обстоятельства изменились.

Мистер Кехлер откинулся на спинку стула, обдумывая мое предложение.

– Это очень великодушно с вашей стороны, Атлас, но не думаю, что это поможет Георгу и Клавдии избежать отправки в детский дом. Если только вы не собираетесь забрать их в Лондон.

Настал мой черед задуматься. С учетом угрозы, по-прежнему исходившей от Крига, брать детей с собой значило подвергать их опасности. Я оторвал взгляд от высокого потолка и тяжело вздохнул.

– В данный момент это невозможно, мистер Кехлер. Тем не менее мне бы очень не хотелось отправлять этих детей в приют. Они потеряли родителей, и их мир перевернулся вверх тормашками. Им нужны уют и безопасность, а неопределенность и неуверенность в своем положении будут губительны для них. Вы можете что-нибудь придумать?

Эрик побарабанил пальцами по крышке стола.

– Полагаю... что ж, я не могу ничего обещать. Но супруги, которые ухаживали за вашей бабушкой в ее преклонные годы, могут принять их, если вы оплатите издержки за проживание.

– Правда? – спросил я, немного изумленный его предложением.

Эрик кивнул.

– Они весьма благодарны за то, что Агата завещала им свой городской дом. – Он вдруг захихикал. – В сущности, мне пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться их согласия на такой подарок. Я позвоню им сегодня вечером.

Я встал и пожал руку Эрику.

– Спасибо, мистер Кехлер! Мне хотелось бы познакомиться с ними после вашего телефонного звонка. Как их фамилия?

– Гофман.

* * *

Супруги Тимео и ДжоЭлле Гофманы оказались приветливыми и удивительно скромными людьми, и я несколько раз встречался с ними во время моего пребывания в Женеве. Они с любовью вспоминали Агату и ее доброту и были искренне рады тому, что Эрику Кехлеру наконец-то удалось найти меня. Юрист не ошибся в своем предсказании, и супруги охотно согласились разместить Георга и Клавдию в своем городском доме, впечатляюще просторном и превосходно оборудованном.

– Это будет честью для нас, мистер Танит! – заверила ДжоЭлле. – По правде говоря, мы чувствовали себя немного бесполезными с тех пор, как потеряли вашу бабушку.

Тимео кивнул.

– Этот огромный дом с четырьмя свободными спальнями слишком велик для нас. Здесь полно места. Это самое меньшее, что мы можем сделать для бедных малюток после всего, что они пережили.

Я был тронут их безоговорочным великодушием.

– У вас есть собственные дети? – поинтересовался я.

Супруги удрученно молчали.

– Нет, – наконец ответила ДжоЭлле. – Мы были лишены этого благословения. – Она вдруг с беспокойством посмотрела на меня. – Но мы весьма умелые опекуны, мистер Танит, и мы никогда бы...

Я поднял руку, останавливая ее.

– Я понимаю, ДжоЭлле. Не могу выразить, как я рад, что вы готовы принять Георга и Клавдию в вашем доме. Обещайте мне, что будете обращаться к мистеру Кехлеру за оплатой любых расходов, будь то еда, одежда или обучение.

Я подошел к ним, чтобы обменяться рукопожатиями, но ДжоЭлле обняла меня. Тимео тихо рассмеялся.

– Прошу прощения, мистер Танит. Моя жена хочет показать, как счастлива была бы Агата, если бы узнала, что вы стоите здесь, в ее

гостиной.

ДжоЭлле отстранилась и посмотрела мне в лицо.

– Вы рассчитываете вернуться в Швейцарию и обустроиться здесь? – спросила она. – Это чудесное место для жизни!

Я тепло улыбнулся.

– Возможно, ДжоЭлле. Но мне нужно решить несколько дел в Англии, прежде чем я рассмотрю такую возможность. – Я направился к двери. – Пожалуйста, сообщайте мистеру Кехлеру, как продвигаются дела у детей. Я буду чрезвычайно рад их успехам.

Остаток моего времени в Швейцарии ушел на подписание документов, встречи с управляющими банками и разбор дел с Эриком Кехлером, который официально перестал работать на Агату и начал сотрудничать со мной.

– Я пришлю ваш паспорт и любые другие документы в «Артур Морстон Букс», мистер Танит. Пожалуйста, сообщите заранее, если вы решите переехать в другое место; я не хочу гоняться за вами еще пятнадцать лет. – Он добродушно хохотнул и покачал головой, когда я закрыл громадную ореховую дверь и вышел из его кабинета.

Как и предсказал Эрик, процесс приобретения гражданства оказался медленным. Я привык к ежемесячным письмам от него, где он рассказывал об очередной досадной задержке в рассмотрении моего прошения, обычно с приложением множества документов для подписи. Помимо административных дел мне всегда было приятно узнавать о том, как улучшается жизнь детей с полуострова. Оба стали ходить в местную независимую школу, рекомендованную мистером Кехлером, и Георг выказывал особенно многообещающие академические способности.

К счастью, мне не понадобилось долго убеждать Элле, что наше будущее в Швейцарии.

– Как только я получу официальные документы, мы приступим к строительству надежного убежища для нас обоих, – пообещал я. – Только представь, у нас будет собственный уединенный рай!

Она просияла при мысли об этом.

– Ох, Бо, это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой! Но когда ты получишь гражданство, мы сможем пожениться, открыто и официально. Жду не дождусь, когда это наконец случится.

Я знал, как сильно ей хочется иметь постоянное жилье. Несмотря на жгучее желание, я не мог ускорить процесс получения швейцарского гражданства, но между тем мне хотелось сделать ей предложение, которое стало бы залогом на будущее. С разрешения мистера Кехлера я получил кое-какие средства из состояния Агаты и отправился в ювелирный магазин на Бон-стрит в Лондоне.

Хотя я перебрал множество колец, ни одно из них не произвело на меня особого впечатления. Мне еще не приходилось тратить такую значительную сумму, и я не торопился обменять ее на ювелирную безделушку, которая, несмотря на цену, мало чем отличалась бы от остальных. Мне хотелось, чтобы кольцо имело некий смысл. После целого часа рассматривания и прищуривания я осведомился, можно ли изготовить кольцо на заказ.

– Все возможно за соответствующую цену, сэр, – ответил ювелир.

Я знал, что центральным камнем должен быть алмаз – высший символ прочной любви. Что касается оправы, то я попросил добавить семь дополнительных точек вокруг центра, чтобы придать кольцу подобие сияющей звезды.

– Превосходно, сэр, – осклабился ювелир. – Поскольку оправа выйдет довольно большой, то, наверное, стоит подобрать второй камень для этих точек? Может быть, сапфир?

Я немного подумал, прекрасно понимая, что ювелир старается заработать побольше денег, но вместе с тем желая, чтобы кольцо было совершенно уникальным.

– Есть камень, который символизирует надежду? – спросил я.

– О да, сэр, – кивнул ювелир. – Это изумруд. Он традиционно связан с романтическими отношениями, возрождением... и плодородием, – добавил он, выразительно изогнув бровь.

– Это будет идеально! – Я хлопнул в ладоши.

На изготовление кольца ушло семь месяцев, но когда курьер наконец доставил его в книжный магазин, а я распаковал шкатулку и заглянул внутрь, то лишился дара речи.

В тот вечер я отвел Элле на ужин в Альберт-Билдинг в лондонском Сити. Она надела сине-зеленое платье, которое каким-то

образом делало ее голубые глаза еще ярче обычного. Пока мы сидели за бутылкой «*Côtes du Rhône*» при свечах, я рассказывал ей о будущем, которое планировал для нас на берегу Женевского озера. Обстановка ресторана как будто растворилась, и я проводил вечер, окутанный аурой моей возлюбленной.

– Думаю, наступает наше время, Элле. Мы наконец можем оставить прошлое за спиной.

Она улыбнулась той самой улыбкой, которая сразила меня наповал в Париже, когда я был мальчишкой.

– Ты правда веришь в это, Бо? Я почти боюсь мечтать об этом.

Я взял ее за руку.

– Конец нашей сказки будет счастливым. – Я аккуратно опустился на колени и сунул свободную руку в карман пиджака. Потом глубоко вздохнул и посмотрел в ее сияющие глаза. – Элле Лепэн, нам суждено быть вместе. Прошу тебя принять это кольцо как символ всего, что ты значишь для меня.

Я достал шкатулку и открыл ее. Элле ахнула и прикрыла рот руками.

– Ох, Бо...

Я осторожно надел кольцо на ее левый безымянный палец.

– Не знаю, что и сказать, – пробормотала она. – Я никогда не видела ничего подобного. Какая красота!

– Семь изумрудов – это мои Семь Сестер, мои путеводные огни, которые привели меня к тебе... к алмазу в центре Вселенной.

После свадьбы Луизы и Руперта Флора, как и было обещано, передала им право собственности на «Артур Морстон Букс». К счастью, супруги предложили нам с Элле остаться в качестве управляющих магазином. Они были довольны нашими успехами в книжном бизнесе и всю занялись реконструкцией домашней фермы. Кроме того, роль Руперта в британской разведслужбе явно стала более значительной. Хотя он страстно увлекался литературой, долг перед страной был для него первостепенной задачей.

Тихим январским утром 1947 года я закинул ноги на письменный стол и раскрыл «Финансовые новости». Поскольку мне вскоре предстояло стать владельцем крупного капитала, я старался быть в курсе событий на финансовых рынках, даже если многие из них оставались непонятными для меня. В газете содержался обзор за 1946

год. Одним из главных событий было создание Всемирного банка, группы из пяти международных организаций с целью предоставления восстановительных займов для нуждающихся стран. В первый же месяц Всемирный банк одобрил выделение 250 миллионов долларов на послевоенную реконструкцию Франции. Я вытаращил глаза, когда прочитал предпоследний абзац статьи.

«Юджин Мейер, первый президент организации, известен большинству из нас как издатель газеты «Вашингтон пост» в США. Мистер Мейер тратит миллионы долларов из собственных денег для содержания убыточной газеты с целью улучшения ее качества в духе независимой журналистики. Можно предполагать, что мистер Мейер был идеальным кандидатом на роль президента Всемирного банка. Он происходит из семьи филантропов. Его сестра, Флоренс Мейер Блюменталь, известна своей благотворительной франко-американской организацией Фонд Блюменталья, которая до сих пор награждает молодых творческих людей премией Блюменталья».

Я вскочил на ноги и побежал наверх, чтобы показать статью Элле.

– Боже мой! – Она изумленно рассмеялась. – Я уже так долго ничего не слышала о Флоренс.

– И я тоже. Странно, не правда ли? Мы стольким обязаны ей! Мне хотелось бы как-то поблагодарить ее за все, что она сделала для нас.

Я опустился на наш протертый диван, который Элле постаралась украсить покрывалом ручной вязки.

– Знаю, Бо. Но Флоренс умерла задолго до того, как мы с тобой получили премию Блюменталья.

– Тем больнее снова слышать о ней, – отозвался я.

Элле согласилась со мной.

– А как насчет Юджина Мейера? – спросила она. – Мы можем написать ему и рассказать, как его сестра помогла нам.

Я вздохнул.

– Боюсь, наше письмо вряд ли дойдет до президента Всемирного банка.

Элле кивнула и немного подумала.

– Ну, ладно. Тогда давай поедем и встретимся с ним.

– Что?

– Почему бы и нет? Что нам теперь терять, когда война закончилась раз и навсегда? Кроме того, – она улыбнулась, – мне всегда хотелось побывать в Соединенных Штатах.

Я рассмеялся. Мысль о поездке в новую страну без необходимости бежать от угрозы все еще была непривычной для меня.

– Это хорошая идея, Элле. Но я сомневаюсь, что Юджин Мейер согласится встретиться с нами.

Элле похлопала меня по колену.

– А на что годится твой высокопоставленный швейцарский юрист? Разве ты не можешь уговорить его, чтобы он направил официальное уведомление в офис мистера Юджина в Америке?

– Ну, я... – Внизу звякнул колокольчик, возвещавший о приходе посетителя.

– Подумай об этом! – хихикнула Элле, встала и направилась к двери.

Мистеру Кехлеру понадобилось меньше недели, чтобы получить ответ от личной секретарши Юджина Мейера. Она сообщила Эрику, что ее работодатель очень любил свою покойную сестру и согласен на короткую встречу. Не стоит и говорить, что мистер Мейер – чрезвычайно занятой человек. Тем не менее через неделю он собирается быть в Нью-Йорке. Сможем ли мы успеть к этому времени?

Я поблагодарил Эрика и повесил телефонную трубку на рычаг.

– Или через неделю, или никогда, – сообщил я Элле, с нетерпением ожидавшей моего ответа.

– Я же говорила, что мистер Кехлер добьется результата! – ликующе воскликнула она. – Я иду паковать наши вещи.

– погоди. – Я невольно рассмеялся. – Ты думаешь, мы можем просто сорваться с места и уехать? Кто позаботится о магазине?

Элле закатила глаза.

– Бо, у нас было всего лишь несколько выходных за десять лет. Я позвоню Луизе. Обещаю, что с ней не будет никаких проблем. – Она подбежала ко мне, ухватила за воротник рубашки и нежно чмокнула в нос. – У нас будет отпуск! Настоящий отпуск!

Через два дня мы пересекали Атлантику на лайнере «Королева Мария». Хотя наша каюта второго класса была весьма удобной, как и комнаты отдыха с барами и ресторанами, я проводил долгие часы на

верхней палубе. В бесконечной пустоте океана было нечто, успокаивавшее меня. Это помогало привести в порядок мысли – примерно так же, как расположить книги на полках в прежнем порядке после рабочего дня, когда посетители оставляли их где попало.

Элле была в восторге от морского путешествия. Мое сердце преисполнялось любовью от того, как она радовалась каждой мелочи – от свежего кофе за завтраком до джазовой певицы, выступавшей по вечерам. После четырехдневного плавания мы зарегистрировались в отеле «Винтер Куэй» на Манхэттене. Юноша в красном жилете и кепке доставил нас с Элле в номер на «современном лифте». Он с гордостью продемонстрировал потрясающий вид, открывавшийся из окна на двадцатом этаже. Я не стыжусь признаться, что это произвело головокружительный эффект, и мне пришлось опуститься на кровать. Когда принесли наш багаж, юноша в красной кепке одарил нас широкой улыбкой и занял выжидательную позицию у двери. Мистер Кехлер предусмотрительно подготовил меня к американскому обычаю давать чаевые, и я заранее разменял несколько долларов. Когда я достал купюру из кармана и протянул ему, он вежливо прикоснулся к головному убору.

– Спасибо, сэр. Приятного отдыха.

– Мы как будто оказались на вершине мира! – сказала Элле, прижавшись носом к оконному стеклу и впитывая окружающие виды.

– Мне тоже так кажется, но мой желудок еще не готов примириться с этим... А теперь мне нужно спуститься в фойе и позвонить мистеру Мейеру. Как ты помнишь, он уезжает сегодня вечером.

– Хорошо, любимый. Я пока разберу наш чемодан.

Я спустился в бездушный белый вестибюль и подошел к одной из деревянных телефонных кабинок рядом со стойкой регистрации. Достав из кармана номер телефона, полученный от мистера Кехлера, я опустил монету в четверть доллара и набрал номер.

– Алло? – отозвался хриплый, неприветливый голос.

– Мистер Мейер? Это Бо Деплеси.

Он как будто смягчился при упоминании моего имени.

– Бо! Тот паренек, который был знаком с моей сестрой, верно?

– Да, – машинально ответил я и тут же поправился: – На самом деле, нет. Если вам объяснили, я не был знаком с ней, но я был

лауреатом премии Блюменталя.

Он мощно выдохнул, и я предположил, что он затянулся сигаретой.

– Славно, славно. Послушай, чтобы сэкономить время: по завещанию моей сестры, предыдущим победителям больше не выдаются никакие деньги. Надеюсь, мои люди сообщили об этом твоему адвокату.

Я был шокирован.

– Боже мой, мистер Мейер, вы не понимаете... Я всего лишь хотел поблагодарить вас.

– Поблагодарить *меня*? – фыркнул он. – Я для тебя ничего не сделал, приятель.

– Да, но ваша сестра сделала и даже не узнала, к чему это привело. Я надеялся встретиться с ней лично и все рассказать.

– Мне жаль, старина, но ты опоздал на десять лет, – вздохнул он.

– Знаю и сожалею о вашей утрате. Послушайте, мне не нужны никакие деньги. Я просто хотел рассказать вам, как ваша сестра случайно изменила мою жизнь.

Наступила пауза, а потом я услышал хриплый смех Юджина.

– Ну, надо же! Кто мог знать, что британцы такие вежливые?

– Вообще-то я не британец.

– Смотри, вот мы и познакомились! – Он сделал паузу для очередной затяжки. – Значит, ты хочешь встретиться? Я как раз собираюсь покинуть отель ради одной истории, которая завтра будет во всех газетах.

– Готов встретиться, где вы скажете, – ответил я.

– Отлично. Я направляюсь на перекресток Сто тридцать второй Западной и Сто тридцать восьмой улицы. Встретимся там через полчаса.

Эти цифры ни о чем не говорили мне.

– Где это?

– Это в Гарлеме, парень. Слушай, просто повтори адрес водителю такси. Там есть ресторанчик рядом с церковью, где можно встретиться.

– Хорошо. Мы с женой скоро приедем.

Он громко кашлянул.

– Эй, погоди-ка. С женой? Ты не говорил о жене.

– Извините, я должен был написать понятнее. Она тоже получила премию Блюменталья и хотела бы выразить свою благодарность вместе со мной.

Мейер поцокал языком.

– Выбор за тобой, приятель, но сегодня на тех улицах будет довольно горячо. Советую оставить ее в отеле. Ладно, увидимся в забегаловке.

Мистер Мейер повесил трубку. Я вернулся в номер немного ошарашенный и пересказал Элле мой разговор с ним. Сначала она расстроилась, но обещание подняться на обзорную площадку Эмпайр-стейт-билдинг подняло ей настроение.

– Как думаешь, что он имеет в виду, когда говорит, что на улицах может быть опасно? – спросила Элле.

– Честно говоря, понятия не имею. Но мне пора идти; меньше всего я хочу пропустить встречу с ним.

Я поцеловал Элле и поспешно спустился по лестнице в холл. Швейцар подозвал мне ярко-желтое такси, и я попросил водителя отвезти меня на перекресток 132-й Западной и 138-й улицы. Он повернулся и посмотрел на меня.

– Уверены, мистер?

– Мне дали этот адрес, – ответил я.

Водитель пожал плечами:

– Как скажете.

Пока мы ехали в Гарлем, я обратил внимание, что огромные блестящие небоскребы Мидтауна стали попадаться все реже.

– Можно спросить, приятель, что вам понадобилось в этом районе? – поинтересовался водитель.

– У меня там назначена встреча, – сказал я.

– Ну-ну. Судя по всему, вы не из здешних мест. Первый раз в Нью-Йорке?

– Да, это верно.

Он хмыкнул.

– Так я и думал. Немногие гости захотели бы поехать в Гарлем.

– Почему?

– Ну, большинство туристов хотят увидеть статую Свободы, Центральный парк и музей Метрополитен. Они не желают видеть *настоящую Америку*.

Район, куда мы приехали, мягко говоря, находился в запущенном состоянии. Сияющие стекла и неоновые огни Манхэттена сменились заколоченными окнами, ржавыми вывесками и переполненными мусорными баками. Автомобиль свернул на Ленокс-авеню, и я обратил внимание, что лица прохожих там были в основном черными или смуглыми. Мое сердце сжалось при виде детей, сидевших на ступеньках перед ветхими домами, иногда явно непригодными для жилья.

Наконец такси подъехало к внушительной готической церкви, на вывеске перед которой было написано: «Абиссинский баптист». Кто-то снаружи устанавливал маленькую сцену с микрофоном, и я заметил нескольких полисменов, с важным видом скрестивших руки на груди.

– Ну вот, приятель, мы и приехали, – сказал таксист. – Перекресток Сто тридцать второй Западной и Сто тридцать восьмой.

– Спасибо. – Я огляделся по сторонам. – Мне сказали, что где-то тут есть небольшой ресторан.

– Должно быть, это «Дабл-Эр». – Он обернулся и указал назад. – Немного пройдетесь пешком.

– Отлично. Сколько я вам должен?

– Три доллара двадцать центов. – Я пошарил в кармане. – Будьте осторожны, мистер. Я слышал, сегодня здесь может случиться заварушка.

– Хорошо, и еще раз спасибо. – Я расплатился и вышел на улицу, по-прежнему не понимая, что имели в виду водитель и Юджин Мейер.

Пока я возвращался к «Дабл-Эр» по Ленокс-авеню, на улице стало больше людей, и некоторые из них с самодельными плакатами в руках начали собираться в небольшие группы.

Старинная электрическая вывеска ресторана смешно жужжала и помигивала, а дверной косяк был прогнившим и скособоченным. Поднажав плечом, я смог войти внутрь и удивился, что интерьер оказался еще более обшарпанным, чем фасад. В воздухе плавали клубы сигаретного дыма, и мне пришлось помахать рукой перед лицом, чтобы разогнать зловонный туман. В нескольких футах от меня сидел хорошо одетый мужчина, на нем были костюм в полоску, красные подтяжки и шерстяной галстук. Я отметил его, поскольку он был единственным белым посетителем.

– Мистер Мейер? – осведомился я, приблизившись к нему.

Он посмотрел на меня через круглые очки.

– Бо Делпеси, верно?

– Да, сэр, – ответил я.

– Что за адское имечко! – воскликнул он, крепко пожал мне руку и встряхнул ее. – Садитесь. Судя по тому, как все идет, у нас мало времени.

– Прошу прощения, мистер Мейер, но я не вполне понимаю.

Он глотнул кофе.

– Пожалуйста, зовите меня Юджином. Мистер Мейер был моим отцом. Кроме того, это звучит похоже на *мистер мэр*, а он как раз будет здесь через минуту.

– Хорошо, Юджин. – Я пребывал в полном недоумении. – Вы хотите сказать, что мэр придет сюда? В этот ресторан?

Юджин огорченно покачал головой.

– Без обид, парень, но неужели моя сестра раздавала деньги недоумкам? Нет, мэр О’Дуайер появится на той самой сцене примерно через пятнадцать минут. – Юджин указал в сторону церкви. – Мне нужно быть там, когда он начнет говорить. Я приехал в Нью-Йорк ради редакционной статьи для «Вашингтон пост». У меня есть личный интерес в этой истории.

Я посмотрел ему в лицо.

– Простите мое невежество, Юджин, но что это за история?

– Чернокожие горожане заперты в гарлемском гетто. Ты видел состояние местного жилья? Мягко говоря, оно чертовски паршивое. Здесь жуткая перенаселенность, не говоря о том, что местные постоянно сталкиваются с жестокостью полиции. Копы обращаются с ними, как с животными.

Я наконец сообразил, в чем дело.

– Значит, сегодня здесь будут протесты?

Он щелкнул пальцами и указал на меня.

– В самую точку. Мэр О’Дуайер выступит с речью. Думаю, он славный парень. Он дает обещания местной общине, а мы в «Вашингтон пост» следим за тем, чтобы он эти обещания выполнял.

– Можно спросить, а в чем состоит ваш личный интерес к этой истории?

Юджин тяжело вздохнул и кивнул.

– Да. Видишь ли, я еврей. Я знаю, что нацисты делали с моим народом в Европе. Я хочу гарантировать, что мы не будем делать то же самое с афроамериканцами.

– Разумеется, – пробормотал я, смущенный тем, что даже не потрудился разобраться в ситуации.

– В желтой прессе могучая и славная Америка спасла положение на другом континенте, но никто не задумывается, как мы обращаемся с собственными гражданами... Это карикатура на действительность... – Он потер лицо ладонями. – Так или иначе, у нас есть время до прибытия О’Дуайера. Расскажи мне свою историю. – Он достал из кармана сигару, срезал кончик и закурил.

Немного раздосадованный, я постарался объяснить ценный вклад его сестры в нашу с Элле жизнь. К его чести, мистер Мейер внимательно слушал, попыхивая сигарой в определенных местах моего рассказа.

– А знаешь, парень, мне кажется, что Фло упоминала о тебе перед смертью, – сказал он, когда я замолчал. – Мальчишка, который не умел говорить.

– Все верно.

– А теперь ты поешь, как канарейка! Это настоящее чудо.

– Я лишь хотел подчеркнуть, что ваша сестра спасла мне жизнь...

И моей жене, разумеется.

Он хлопнул меня по плечу.

– Да, я понял. Послушай, я действительно ценю, что ты проделал такой долгий путь ради личной встречи со мной. Уверен, Флоренс бы гордилась тобой. – Он глубоко затянулся и выпустил облачко дыма. – Знаешь, она сохранила свою девичью фамилию после того, как вышла за Джорджа. Она была Флоренс Мейер-Блюменталь.

Внезапно на улице раздались дружные приветственные крики, и несколько посетителей поспешно вышли из ресторана.

– Слышишь, парень? Мне пора идти. Но если ты вдруг окажешься в Вашингтоне, позвони моей секретарше. Мы встретимся за чашкой кофе, и ты побольше расскажешь мне о себе. – Юджин сунул руку в карман и положил на стол два четвертака. – Может, мы даже напишем статью о тебе.

– О, я не уверен...

– Ты прав, – перебил он. – Все равно никто не поверит в такую историю.

Он улыбнулся и подмигнул мне, прежде чем выйти на улицу.

Я сидел один в ресторанной кабинке, обитой красной кожей, сомневаясь в возможности нашей следующей встречи с мистером Мейером. Моя встреча не привела к эмоциональному катарсису, на который я надеялся. Как и его сестра, Мейер имел твердые моральные принципы, и было очевидно, что протестующие занимали его в первую очередь.

С улицы донесся дружный рев голосов; я встал и вышел посмотреть, что происходит. За двадцать минут нашего разговора с Юджином толпа на улице выросла десятикратно. Я оказался среди моря протестующих, многие из которых размахивали рукописными плакатами с лозунгами вроде «Равноправие!» и «Жилье для всех!». Со сцены доносился усиленный микрофоном голос с мягким ирландским акцентом, и я начал протискиваться через толпу в надежде увидеть мэра О’Дуайера.

– Гарлем! – воскликнул мэр. – Для меня честь быть вместе с вами!

Толпа взревела в ответ, наэлектризованная его присутствием. Пока О’Дуайер произносил речь о коммунальных реформах и лучшем финансировании для школ, протестующие дружно подались вперед, и я оказался стиснутым со всех сторон. После окончания речи мэра и бурных аплодисментов его место занял офицер полиции, который посоветовал митингующим разойтись по домам. Атмосфера моментально изменилась. В воздухе сгустилось напряжение, и я заметил, как много полицейских стоит в оцеплении вокруг митинга. С опущенными козырьками синих фуражек и деревянными дубинками в руках они выглядели угрожающе.

Какая-то женщина, стоявшая рядом со сценой, крикнула «Убийцы!» в адрес офицера, а затем повернулась к толпе.

– Эти копы напали на Роберта Бэнди и застрелили его, хотя он был безоружным и просто старался спасти женщину. Проклятые свиньи!

По толпе пробежал гневный ропот, и звуки из микрофона потонули в яростных криках. Волнение в массе протестующих становилось все агрессивнее. Когда я отвернулся от сцены в поисках выхода, то увидел юношу, заслонившегося руками от полицейской

дубинки. Я не знал, что спровоцировало такую реакцию, но полисмен выглядел оскорбленным, для удара он занес дубинку над головой. Картонный плакат не давал никакой защиты, и парень оказался на грязной мостовой, стараясь защитить голову от дальнейшего избиения. Ближайшие свидетели этой сцены ударились в панику и начали разбегаться. Вскоре толпа превратилась в неуправляемое стадо, а из соседнего переулка выехали конные полицейские.

Лошади надвинулись на протестующих, и за считанные секунды произошла жесткая стычка. С громко стучащим сердцем я старался выбраться из толпы, где начались открытые потасовки с полицейскими. Дубинки с тошнотворным стуком врезались в человеческие тела.

Я низко пригнул голову и пустился в бегство. Двое мужчин, бежавших передо мной, споткнулись о лежащего на мостовой человека. Когда я приблизился, то, к своему ужасу, увидел, что это миниатюрная белая женщина.

– Вы можете идти? – спросил я.

– Я подвернула лодыжку, – ответила она, скривившись от боли.

– Держитесь за меня. – Я крепко обхватил ее и поднял на ноги. Потом обвил рукой за талию и повлек через толпу.

– Мой водитель... – выдохнула она. – Он ждет меня на Ленокс-авеню, в конце улицы.

Ее американский акцент был очень слабым.

– Тогда давайте побыстрее доберемся туда, пока здесь не началась бойня, – отозвался я.

Повсюду вокруг нас завязывались жестокие потасовки, протестующие объединялись в группы и начинали драться с полицейскими. Когда мы приблизились к перекрестку, женщина указала на шикарный автомобиль «Крайслер».

– Это Арчер! – воскликнула она, перекрывая шум и крики.

Увидев цель, я подхватил ее на руки и побежал к автомобилю. Водитель уже открыл заднюю дверь.

– Слава богу, вы целы, мисс Сесили! – с чувством сказал он и завел двигатель.

Я убедился, что с ней все в порядке.

– Будьте осторожны, мадам, – сказал я. Прежде чем закрыть дверь, я заметил двух полисменов с дубинками, направлявшихся к

автомобилю. Оставалось только спастись бегством.

– Пойдите, Арчер! – крикнула женщина и повернулась ко мне. – Залезайте немедленно!

Она с силой потянула меня внутрь.

– Поехали, Арчер, поехали!

Водитель переключил передачу, и машина сорвалась с места. Когда мы отъехали от кошмарной сцены, все облегченно вздохнули.

– Не могу выразить, как я благодарна... – начала женщина.

– Пустяки, – отозвался я. – Скорее, мне следует благодарить вас за благополучное бегство.

Я откинулся на спинку сиденья, ощущая, как паника мало-помалу рассеивается и покидает мое тело.

– Мы можем вас куда-нибудь отвезти? – спросила женщина. – Где вы живете?

Я пожал плечами, не желая навязываться.

– Просто высадите меня у ближайшей станции подземки.

– Мы как раз подъезжаем к станции на Сто десятой улице, – сообщил водитель.

– Это меня вполне устроит, – ответил я.

Водитель остановился у тротуара.

– Можно хотя бы узнать ваше имя? – спросила Сесили.

Я немного помедлил, потом пошарил в кармане и протянул ей свою визитную карточку из «Артур Морстон Букс». Потом кивнул, вышел из машины и захлопнул за собой дверцу.

* * *

Вечерний визит в Эмпайр-стейт-билдинг был отложен; мне нужно было прийти в себя после утренних событий.

– Я рад, что тебя там не было, Элле. Не уверен, что мне удалось бы защитить тебя.

– Ох, Бо, просто не верится! Мы отправились в отпуск, и ты умудрился попасть в самое пекло. – Она ласково погладила меня по голове. – Но давай постараемся забыть о протестах, о разочаровании от встречи с Мейером и проведем остаток недели как обычные туристы. Так хорошо быть здесь вместе с тобой!

Следующие пять дней мы с Элле открывали для себя «Большое яблоко». Этот поразительный город пульсировал энергией и создавал у местных жителей впечатление, будто они находятся в центре Вселенной. В Нью-Йорке были самые высокие здания, самые большие торговые центры и самые большие тарелки с едой, какие мне приходилось видеть. После нескольких лет жесткого дозирования пищи в Британии у меня глаза лезли на лоб от размера бургеров с говяжьими котлетами и горок жареной картошки, подаваемых посетителям кафе и ресторанов.

Думаю, больше всего в этом городе мне понравился оптимизм, излучаемый его жителями. Еще недавно они пережили тяжелый экономический спад Великой депрессии и участие во Второй мировой войне. Тем не менее почти все, с кем мы встречались, были преисполнены добродушной уверенности, приятной для собеседника.

За день до того, как нам с Элле предстояло взойти на борт «Королевы Марии» и вернуться домой, в нашем номере зазвонил телефон.

– Алло? – сказала Элле. – Да, он здесь.

Она пожала плечами и передала мне трубку.

– Слушаю, – машинально сказал я.

– О, как славно! Я так рада, что наконец-то смогла найти вас. Я обзвонила практически все отели на Манхэттене!

– Простите, кто вы? – поинтересовался я.

На другом конце линии послышалось женское хихиканье.

– Извините, мистер Танит. Это Сесили Хантли-Морган, та самая неразумная женщина, которую вы спасли во время гражданских протестов в Гарлеме.

– Ох, добрый день. – Я был немного удивлен. – Как ваше здоровье?

– Лодыжка слегка побаливает, но теперь, найдя вас, я чувствую себя гораздо лучше. На карточке есть адрес вашего книжного магазина в Лондоне, но мне хотелось лично поблагодарить вас за чудесное спасение. Поэтому я стала выяснять, в каком отеле мог остановиться мистер Танит.

Настал мой черед рассмеяться.

– Очень мило с вашей стороны, Сесили, но я поступил так же, как и любой другой поступил бы на моем месте. Рад, что с вами все в

порядке.

– Неправда, мистер Танит. Люди спотыкались и наступали на меня. Но вы увидели мое состояние и остановились, чтобы помочь. Я в долгу перед вами и хочу пригласить вас на ланч.

Теплые слова Сесили рассеяли напряжение, но мне не хотелось быть обузой для нее.

– Спасибо, но в этом нет надобности. Хотя я очень ценю ваше предложение.

– Нет, так не пойдет. Как насчет после полудня в «Уолдорфе»?

– Я...

– Это ваша жена взяла трубку?

– Да.

– Превосходно! Я забронирую столик на троих, и мы встретимся в час дня.

Прежде чем я успел ответить, Сесили повесила трубку. Я сказал Элле, что говорил с женщиной, которую на прошлой неделе спас от толпы и посадил в автомобиль. Элле, в свою очередь, восхитилась предложением.

– Почему бы нам не пойти? Ланч с американкой в престижном отеле – это же замечательно!

Я считал за лучшее не спорить с ней. Мы с Элле облачились в лучшие наряды, какие нашлись в наших чемоданах, и к часу дня стояли перед изящной стеклянной башней отеля «Уолдорф». Нас проводили в ресторан – гулкий и просторный зал со сверкающим канделябром, который, вероятно, стоил больше, чем все имущество «Артур Морстон Букс». Светлые волосы Сесили, уложенные безупречными волнами, выделяли ее на фоне остальных посетителей, и я моментально узнал ее. Я взял Элле за руку и подвел ее к столику.

– Сесили?

– Здравствуйте, мистер Танит! – Сесили встала и крепко пожала мне руку, а потом посмотрела на Элле. – А вы, должно быть, миссис Танит? Кажется, я обязана жизнью вашему мужу.

Я рассмеялся.

– Не думаю, что все было так драматично.

– Не думаю, что я впадаю в излишний драматизм. Когда люди напуганы, они теряют рассудок, – серьезно сказала Сесили. – Посмотрите! – Она порылась в сумочке, достала мою визитку и

показала нам. – Я даже написала «добрый человек» на обратной стороне!

Она подмигнула мне.

– Садитесь, пожалуйста. – Она указала на два стула, обитые красным бархатом. – Пора заказать шампанское! Эй, официант...

Ланч с Сесили Хантли-Морган был восхитительным. Она подробно рассказала о своей жизни: о разорванной помолвке, о поездке в Кению со своей крестной матерью Кики Престон и о браке с фермером-скотоводом по имени Билл.

– Вы видели уличные протесты, мистер Танит, а значит, вы противник мерзких расовых предрассудков, до сих пор распространенных в этой стране. – Я не сказал ей, что мое присутствие на митинге было случайным. – Мне стоило с самого начала быть откровенной с вами.

Она отпила глоток шампанского «Вдова Клико», которое заказала для всех нас.

– Когда я жила в Кении, молодая принцесса Ньяла из племени масаи родила дочь на нашей земле. Она бросила ребенка, поэтому я взяла девочку к себе и назвала ее Стеллой. Зная о предстоящем возвращении в Нью-Йорк, я была вынуждена нанять африканскую горничную по имени Ланкенуа. Членам моей семьи я сказала, что она является матерью девочки, хотя, по сути дела, это я ее приемная мать. Но так лучше для нее.

– Вы поразительно добры, Сесили. – Я искренне улыбнулся. – Если бы не вы, кто знает, что случилось бы с маленькой Стеллой.

– Как вы сказали, мистер Танит, я поступила так же, как и любой другой поступил бы на моем месте.

– И как вы ответили мне... это не вполне правда, – возразил я.

Сесили рассмеялась и подняла бокал.

– Ну, хорошо. За доброту!

Мы с Элле рассказали Сесили о нашей жизни в Британии: о том, как мы сначала работали на семью Воган в Хайвельде, а потом в «Артур Морстон Букс». Сесили поинтересовалась французским акцентом Элле, и мы повторили историю о том, как бежали из Франции, спасаясь от нацистской оккупации.

– Но недавно нам выпала удача, – сообщила Элле. – Роберт унаследовал участок земли в Швейцарии, на берегу Женевского озера.

Мы надеемся как можно скорее переехать туда.

– Это же замечательно, – сказала Сесили. – Нет ничего лучше жизни на природе, не так ли? Полагаю, мирное озеро будет для вас лучшим местом после всего, что вы пережили.

После великолепного яблочного пудинга пришла пора прощаться.

– Огромное спасибо за ланч, Сесили, – сказал я, пожимая ее руку. – Это чрезвычайно щедро с вашей стороны.

– Не глумите, мистер Танит. Я очень рада, что смогла вернуть вам душевный покой перед возвращением в Англию. Но, если не возражаете, я сохраню вашу визитную карточку. В конце концов, никогда не знаешь, когда тебе может понадобиться ангел-хранитель!

*Англия, Эссекс,
порт Тилбери*

Участие в нью-йоркских беспорядках довольно долго оставалось моим последним неприятным переживанием. В начале 1949 года мистер Кехлер сообщил, что процесс получения швейцарского гражданства находится на последнем этапе. Кроме того, книжный магазин демонстрировал рекордные продажи. После всех этих лет напряжение начало покидать меня.

Мне стало легче дышать.

Я стал крепче спать.

Возможно, главной причиной моего расслабленного состояния было отсутствие Крига Эсзу. Я не видел его после той жуткой ночи в Лейпциге. Читатель, я позволил себе поверить, что он умер, был убит на войне, как и множество его коллег из гестапо.

А потом я увидел его.

Это было холодным днем в Лондоне. Руперт и Луиза Форбс находились в городе и зашли в магазин посетить нас. Как всегда, мы были очень рады видеть их обоих. Я с удовольствием узнал, что Флора здорова и благополучна, несмотря на то, что Тедди и его новая жена-американка продолжают разорять Хайвельд.

Супруги привели с собой маленького сына, резвого и неугомонного мальчика по имени Лоренс, с которым Элле постоянно возилась, она ворковала над ним, как настоящая мать. Когда ребенок заснул, Элле с гордостью показала Луизе и Руперту наш новый ассортимент, а я вернулся к рабочему столу, чтобы просмотреть бухгалтерские записи. Мысленно проверяя расчеты, я обнаружил, что смотрю в витринное окно магазина, выходящее на Кенсингтон-Черч-стрит. В этот момент там появилась высокая фигура мужчины с сигаретой во рту, в длинном пальто и мягкой фетровой шляпе. Я видел, как мимо прошла молодая женщина, обернувшись с каким-то укором на его замечание. Мужчина запрокинул голову и рассмеялся. Я увидел его лицо, и кровь застыла у меня в жилах.

– Элле! – крикнул я.

Трое остальных обернулись и увидели, как я тычу пальцем в окно. Элле сразу же бросилась к выключателю, и в магазине погас свет.

– Что случилось, старина? – спросил Руперт. Я молча опустил на пол, ниже уровня окна. – Боже мой, что происходит?

– Мистер Танит, что-то напугало вас? – встревоженно поинтересовалась Луиза. Я осторожно выглянул в окно и увидел, как Криг переходит улицу, направляясь в «Артур Морстон Букс».

– Элле, быстрее сюда!

Она пробежала через магазин, и мы юркнули в заднюю дверь, ведущую в квартиру наверху. Она закрылась, когда звякнул колокольчик над входной дверью. Элле устремилась наверх, но я удержал ее из опасения, что вошедший услышит ее шаги. Ее зрачки расширились от страха, и я крепко взял ее за руку. Потом я приложил палец к губам и прислушался.

– Доброе утро, – сказал Руперт. – Добро пожаловать в «Артур Морстон Букс».

– Большое спасибо, – отозвался Эсзу глубоким, хриловатым голосом. – Что за чудесная книжная лавка.

– Очень любезно с вашей стороны. Вас интересует какая-то конкретная книга?

– Вы владелец?

– Прошу прощения?

– Я спросил, являетесь ли вы владельцем этого магазина, – холодно повторил Криг.

– Да, меня зовут Руперт Форбс. Мы с женой – хозяйева этого магазина.

– Луиза Форбс, – сказала Луиза. – Приятно познакомиться.

– Меня зовут Гус Зикер. Мне тоже очень приятно, миссис Форбс.

Я посмотрел на Элле, которая нахмурилась, когда распознала анаграмму.

– У вас интересный акцент, мистер Зикер, – сказал Руперт. – Откуда вы родом?

– О, это сложный вопрос, мистер Форбс. Я предпочитаю называть себя гражданином мира.

– Весьма впечатляюще. Но даже граждане мира должны *где-то* рождаться, не правда ли, старина? – со смехом отозвался Руперт.

Эсзу ответил сдержанным смешком.

– Мистер Форбс, вы кажетесь мне разумным человеком. Разве вы оцениваете людей по месту их рождения?

– Разумеется, нет. Я всего лишь поддерживаю разговор. Видите ли, я горжусь своей способностью определять разные акценты. У вас очень необычный выговор, не более того.

На этот раз перед ответом наступила ощутимая пауза.

– Повторяю, я называю себя гражданином мира, – сказал Эсзу.

– Да. Но мне интересно, на какой стороне сражался «гражданин мира» во время войны.

Смелость Руперта произвела на меня впечатление, но Криг снова рассмеялся.

– Разве мы все теперь не друзья, мистер Форбс? – После этих слов наступило угрюмое молчание. – Извините, вы упоминали о помощи в поисках определенной книги.

– Да, – коротко ответил Руперт. – Мы можем помочь?

– Вы могли бы дать полезный совет. В сущности, позавчера я заходил сюда и беседовал с другим человеком. Высокий, темноволосый, с карими глазами. Кто бы это мог быть?

Я крепче сжал руку Элле.

– Хммм, – услышал я голос Руперта. – Вы уверены, что заходили в «Артур Морстон Букс»? Должен признать, рядом есть несколько очень похожих книжных магазинов. У нас нет сотрудников, соответствующих вашему описанию.

Я не мог поверить, что Руперт защищает меня.

– Да, вполне уверен, – медленно произнес Эсзу. – Еще там была молодая блондинка. Очень красивая женщина.

– Прошу прощения, мистер Зикер, – сказал Руперт. – Когда вы вошли, то похвалили наш магазин так, как будто впервые оказались здесь. Мы сказали, что у нас нет сотрудников, соответствующих вашему описанию, поэтому я вынужден спросить еще раз: вы *вполне* уверены, что посещали магазин «Артур Морстон Букс»?

Я услышал, как старые половицы закрипели под медленными, тяжелыми шагами Эсзу.

– Что за прелестный ребенок, – произнес он. – Он ваш?

– Да, это мой сын, – ответила Луиза.

Криг протяжно вздохнул.

– Только посмотрите на этого младенца. Такой кроткий и беззащитный. Наверное, он во всем полагается на вас, миссис Форбс?

– Полагаю, что так. Его зовут Лоренс.

– Лоренс? Разрешите похвалить вас за выбор имени, миссис Форбс. Оно имеет французское происхождение и означает «яркий, сияющий». Поскольку все дети рождаются безгрешными, думаю, вы не могли выбрать лучшее имя.

– Я... не знала об этом, – ответила Луиза. – Очень увлекательно.

– Так обычно и бывает с именами. Как мы себя называем... меня всегда изумляло, что нечто очень личное почти всегда используется другими людьми.

– Прошу прощения, старина, но мы с женой собираемся закрыть магазин и пойти на ланч, – вмешался Руперт. – Что за книгу вы искали?

– Конечно, мистер Форбс. Позавчера я наводил справки насчет старого атласа.

Я закрыл глаза. Разумеется, эта аналогия ни о чем не говорила Руперту или Луизе. Но я подозревал, что Криг знал о нашем присутствии поблизости и устроил это представление ради меня.

– Как я и сказал, очень сомневаюсь, что это был наш магазин, но географический раздел находится вон там, – сказал Руперт. – Какой атлас вам нужен?

– Это уникальное издание, мистер Форбс. Но я узнаю его, как только увижу.

– Отлично. Похоже, вам понадобится какое-то время на поиски, поэтому будет лучше, если вы вернетесь после перерыва на ланч.

– Я уверен, что это находится здесь, мистер Форбс, – твердо ответил Криг. – В поисках нет надобности.

– Послушайте, я не понимаю, что вы имеете в виду...

Диалог был прерван хныканьем проснувшегося Лоренса.

– Бедняжка. Возьмите его на руки, миссис Форбс. Наслаждайтесь временем, проведенным вместе; нет ничего более священного, чем узы между матерью и ребенком. – Элле посмотрела на меня, и я опустил глаза. – Можно спросить, миссис Форбс, как бы этот малыш обошелся без вас?

– О чем вы? – потрясенно спросила Луиза.

– Позвольте выразиться яснее: если бы с вами... и с вашим мужем произошло нечто очень скверное, что стало бы с маленьким Лоренсом?

Руперт повысил голос:

– Это уже слишком, старина. Как вы смеете угрожать нам в нашем магазине!

– Просто слова, мистер Форбс, просто слова. Тем не менее я понимаю, что вам трудно ответить на подобный вопрос. На самом деле вы не знаете, что может случиться с вашим ребенком.

Лоренс громко заплакал.

– Вам нужно уйти, – твердо сказал Руперт. – Вы расстраиваете мою жену.

– Мать – это все для ребенка, – продолжал Криг. – Она его хранительница, защитница и лучшая подруга. Без этого якоря ребенка уносит прочь, и никто не знает, где он найдет убежище.

– Я совсем не понимаю, о чем вы, мистер Зикер. Будьте добры покинуть мой магазин, – снова потребовал Руперт.

– Только представьте, миссис Форбс, что сейчас я могу похитить вас и обречь вашего ребенка на жалкое существование. Как думаете, разве Лоренс не захочет отомстить мне, когда вырастет?

– Вы угрожаете моему ребенку? – Теперь в голосе Руперта звучала откровенная ненависть.

– Я? Нет-нет, мистер Форбс. Это противоречит моей натуре. Но высокий кареглазый мужчина, который служит у вас... Насчет него я совсем не уверен.

– Ради бога, старина, с меня хватит. – Я услышал скрип половиц и быстрые шаги Руперта, который собирался выдворить Крига на улицу. Потом Луиза сдавленно вскрикнула.

– Отпусти его! – взвизгнула она.

Я взялся за дверную ручку, готовый выбежать навстречу Кригу. Я не мог допустить, чтобы он причинил вред Руперту.

– Я с радостью отпущу вашего мужа, миссис Форбс, как только вы скажете, где находятся супруги Танит, – прорычал Криг.

– Кто они такие?! – закричала Луиза. Мое сердце болезненно сжалось от такой преданности, ведь жизнь ее мужа была под угрозой.

Раздался глухой стук и оханье; похоже, Криг отпустил Руперта и бросил его на пол.

– Я знаю, что они работали на вашу семью, – продолжал он. – Позавчера у меня состоялась очень интересная беседа с вашим пьяным братом. Он высосал почти целую бутылку виски и сказал, что они покинули ваше поместье и теперь управляют вашим магазином.

– Мы не знаем такую фамилию, – выдавил Руперт, еще не восстановивший дыхание. – И вы сами назвали Тедди пьяницей. Его словам нельзя доверять, а у нас нет причин лгать вам.

– Разве? – спросил Криг. – Что бы вам ни сказал Танит, это неправда. Вы наняли убийцу, мистер Форбс. Полагаю, он не сказал об этом, правда? Можете поверить, я с радостью избавлю вас от этой угрозы для вашей семьи.

– Я звоню в полицию, – заявил Руперт. Я услышал, как он побежал в заднюю часть магазина и снял телефонную трубку. – Лучше убирайтесь отсюда. Вам лучше быть подальше, когда придут полицейские. Похоже, вы не понимаете, на кого напали. Мой пьяный брат забыл упомянуть, что магазин – это хобби. Я работаю на британское правительство.

– Сожалею, мистер Форбс. Ладно, я ухожу и желаю вам приятного дня. Однако перед уходом... в начале нашего разговора вы упомянули о войне. Скажите, вы видите разницу между солдатом, который убил вашего друга, и теми, кто пытался защитить его?

– Вон отсюда! – закричала Луиза, когда рев Лоренса стал громче. – Просто вон отсюда!

– Как пожелаете. – Я услышал, как звякнул дверной колокольчик. – Кстати, его зовут не Роберт.

– Шшш, маленький, все хорошо, – пробормотала Луиза, когда Руперт открыл дверь, за которой прятались мы с Элле.

– Спасибо, Руперт, что не сдали нас. – Я пожал его руку.

– Все в порядке, старина. Может быть, я близорук, но в состоянии разглядеть дерьмо. Хотя после того, как этот субъект едва не сломал мне шею, думаю, вы должны кое-что объяснить.

Я в общих чертах описал Луизе и Руперту положение вещей: Криг считал меня виновным в смерти его матери и поклялся отомстить.

– Как это ужасно, мистер Танит, – сказала Луиза. – Мне очень жаль, что вы попали в такую страшную ситуацию.

– Мне тоже, Луиза. Мы бесконечно благодарны за то, что вы сделали. Вы подвергли риску собственную жизнь ради нашего спасения... – Их смелость была поразительной. – Я никогда этого не забуду. Но, пожалуйста, имейте в виду, что я бы никогда не подверг опасности вашу семью. Мы считали, что он был убит на войне.

– Но нам не повезло, – грустно добавила Элле.

– Так что вы собираетесь делать? – поинтересовался Руперт. – Вы не можете оставаться здесь, это опасно.

– Может, нам отправиться в Швейцарию? – спросила Элле. – По словам мистера Кехлера, твое гражданство будет оформлено со дня на день.

– И что потом? – отозвался я. – Да, я стану гражданином Швейцарии, но буду зарегистрирован под своим настоящим именем. Он выследит нас и там. – Я обхватил голову руками. – У меня такое чувство, что сеть затягивается.

– Вы предпочитаете жить в Америке? – спросил Руперт.

– Боюсь, Америка нам не подходит. Я подумывал об этом, но с такими развитыми коммуникациями и официальными записями Кригу не составит труда найти нас.

Руперт прищурился и кивнул.

– Вообще-то я не имел в виду Америку. – Я вопросительно посмотрел на него. – У меня есть старый школьный товарищ, потерявший жену из-за пневмонии. Бедняга больше не смог жить здесь. Все вокруг напоминало о его утрате. Поэтому он взошел на борт корабля и отправился на край земли.

– На край земли?

– Ну, не совсем, но близко к этому, – ответил Руперт. – Я говорю об Австралии.

– Австралия! – воскликнула Элле.

Руперт заложил руки за спину и принялся расхаживать по магазину.

– Судя по всему, это замечательная страна. Прекрасный климат у побережья, величественная природа... не говоря уже о сотнях квадратных миль первозданной незаселенной земли. Полагаю, если захотеть, там можно затеряться без следа. Начните с чистого листа. Как сотрудник разведслужбы Ее Величества, я определенно рекомендую это.

Элле посмотрела на меня.

– Я ничего не знаю об Австралии, – сказала она. – Но нам нужно что-то делать. Руперт прав, мы больше не можем оставаться здесь.

– И если этот демон решит преследовать вас, вы заставите его хорошенько потрудиться, – со слабой улыбкой добавила Луиза.

– Если он вернется сюда, мы можем... направить его по ложному следу, – заметил Руперт. – Сделать вид, будто мы раскололись из-за страха перед ним. Допустим, мы скажем, что вы бежали в Америку.

– Это будет очень любезно с вашей стороны, – признал я. – Но этот человек опасен. Вы должны быть чрезвычайно осторожны с ним.

– Это понятно, старина. Но вы забываете, что я работаю в MI-5. Несмотря на чудаковатый вид, я привык иметь дело с подозрительными типами. Кстати говоря, я собираюсь как можно скорее разобраться, что это за личность. Возможно, я найду зацепку, которая позволит арестовать или даже депортировать его. Уже сейчас я могу упрятать его в камеру на несколько дней за попытку задушить меня. Подскажи мне, как пишется фамилия Зикер...

– Это псевдоним. На самом деле его зовут Криг Эсзу. Сомневаюсь, что вам удастся много узнать о нем. Как и я, он старается оставлять за собой поменьше следов.

– Тем не менее я постараюсь, старина. Ну как, вы решили насчет плавания в Австралию?

Мы с Элле неуверенно переглянулись. Казалось, мы были так близки к счастливому завершению наших странствий... но коврик снова жестоко выдернули у нас из-под ног.

– Австралия... она так далеко, – наконец пробормотал я.

– Прошу прощения, Роберт, но разве смысл заключается не в этом? – мягко спросил Руперт.

– У нас ничего не будет, – прошептала Элле. – Нам придется все начинать сначала.

– Постойте, – рассудительным тоном произнес Руперт. – Никто не предлагает навсегда остаться в Австралии. Рассматривайте это как академический отпуск. Вы какое-то время поживете за границей, – может быть, несколько месяцев или немного дольше, – а я посмотрю, что можно сделать здесь. Это похоже на план?

Я взял Элле за руку и тихо ответил:

– Да.

Руперт положил руку мне на плечо.

– Хорошо. Нам нужно доставить вас в Тилбери. Если повезет, то найдется судно, которое отплывает в Австралию в течение ближайших двух суток.

– Вы так добры к нам, Руперт, – сказала Элле.

– Ради бога: это меньшее, что мы можем сделать для вас, – отозвался он.

– Моя мама по-прежнему с нежностью вспоминает вас, – добавила Луиза. – И вы замечательно управляли нашим книжным магазином.

– Мы будем очень скучать, – искренне призналась Элле.

– Кстати, путешествие к антиподам обойдется недешево, – заметил Руперт. – У вас достаточно средств?

– Спасибо, вполне достаточно. – Я указал на свой рабочий стол в задней части магазина. – Вы положили нам щедрое жалованье.

– Отлично, старина. Тогда предлагаю собрать вещи, и мы доставим вас в Эссекс. Автомобиль уже стоит внизу.

– А я останусь в магазине вместе с Лоренсом, – сказала Луиза.

– Нет, не надо, – возразил я. – Я опасаясь за вашу безопасность; этот человек может устроить поджог.

– Что вы говорите? Книжный магазин Беатрис Поттер не заслуживает такой участи! Я кое-куда позвоню и организую скрытое наблюдение. Если он подойдет ближе, чем на десять футов, его тут же схватят.

– Иногда от тебя бывает польза, рыцарь Руперт. – Луиза подмигнула ему.

– Я сделаю все возможное. Элле и Роберт, почему бы вам не подняться наверх для сборов, пока я буду заниматься охранными мероприятиями?

Мы с Элле поднялись в нашу маленькую квартиру и приступили к давно знакомой процедуре сборов. Чемоданы извлекли из-под кроватей и наполнили только самыми необходимыми вещами. Мы работали молча и автоматически, размышляя о неизбежных последствиях так быстро принятого решения.

– Уверен, что Руперт поможет нам с переводом банковских счетов и с другими формальностями, – сказал я. – У него очень хорошие связи.

– Но как быть с твоими делами в Швейцарии? – поинтересовалась Элле. – Разве мистер Кехлер не просил, чтобы ты не исчезал из его поля зрения?

– Да, ему нужна связь со мной. Я что-нибудь придумаю во время плавания, которое само по себе займет несколько недель.

– Но я... – Элле замолчала, и ее глаза вдруг наполнились слезами.

– Ох, любимая. – Я отложил рубашки, которые старался запихнуть в чемодан, и обнял ее. – Мне так жаль. Все это несправедливо. Я стал бременем для тебя...

Ее сдавленные всхлипывания переросли в настоящие рыдания, и она припала к моей груди.

– Прости меня, Элле. Я действительно осложнил твою жизнь.

– Не в том дело, Бо. Просто я думала, что все плохое закончилось. Ты всегда настаивал на том, чтобы я доверяла мирозданию. Я думала, что Криг умер. Я посмела мечтать о *настоящей* семейной жизни. О супружестве, о детях... Это я виновата.

Я крепко прижал ее к себе.

– Пожалуйста, Элле, не надо так говорить. Во всей этой жуткой неразберихе нет ни капли твоей вины. Это мой крест, и ты была моей надежной опорой все время, пока мы были вместе. Не знаю, что бы я делал без тебя...

Теперь уже к моим глазам подступили слезы.

– Прекрати, Бо. Жизнь – это бесценный дар. Так что... – Она выдержала многозначительную паузу. – ...Австралия.

– Австралия, – отозвался я.

Элле высвободилась из моих рук и хлопнула в ладоши, стараясь изобразить оптимизм.

– Новое приключение! Там я точно не буду жаловаться на погоду, но до меня доходили слухи о каких-то жутких пауках.

– Не волнуйся, Элле, я с тобой. В конце концов, пауки могут кусаться, но они не могут поджечь дом, – с усталой улыбкой добавил я.

– Ты прав, – вздохнула она. – Если нам хоть немного повезет, Криг не сможет выследить нас на другом конце света. Наверное, вместо того, чтобы сожалеть о нашей безопасности в Швейцарии, мне нужно радоваться надежному убежищу в Австралии. И не важно, где мы окажемся, мой дорогой Бо. Пока мы вместе, мы дома.

Я скосил глаза на кольцо Элле и некоторое время рассматривал его.

– Что такое? – спросила она.

– У меня такое же ощущение. – Я снова взял ее за руку. – Пока мы вместе, мы дома. И я слишком долго откладывал нашу свадьбу, Элле Лепэн.

Элле посмотрела на меня со смесью восторга и замешательства.

– У тебя появилась идея?

– Капитан судна имеет официальное право произвести бракосочетание в открытом море и выдать брачное свидетельство. Элле, мы можем стать супругами уже по пути в Австралию. – Я опустил на одно колено. – Элле Лепэн, ты несомненная, несравненная, непревзойденная любовь моей жизни. Ты выйдешь за меня замуж?

– Ох, Бо... – Она прикрыла рот ладонями. – Да, конечно!

Взявшись за руки, мы стояли в маленькой квартире над «Артур Морстон Букс» и заливались радостным смехом. На короткое время мир как будто растворился вокруг нас.

* * *

Переезд в порт Тилбери в графстве Эссекс прошел гладко и благополучно. Руперт продемонстрировал свои профессиональные качества, когда вывел нас из магазина и посадил в автомобиль своего друга, тот поехал на север, чтобы обмануть Крига, который мог

следить за нами издалека. Потом мы с Элле пересели в автомобиль Руперта точно такой же модели и поехали навстречу новой жизни.

– Есть пароход, который отчаливает завтра, старина, – заверил Руперт. – Он остановится в египетском Порт-Саиде, а оттуда поплывет в Аделаиду. Готов поспорить, что, когда ты почувствуешь под ногами австралийскую землю, я упрячу этого Крига в тюрьму за попытку покушения на жизнь. Можешь не беспокоиться.

Суховатый британский юмор Руперта подбадривал меня, но я не верил ему. Криг был скользким и изворотливым, как змея.

– Насколько мне известно, рядом с портом есть довольно приличная гостиница. Я высажу вас там. Кстати, местный персонал сможет организовать покупку билетов на пароход. Он называется «Ориент».

– Спасибо, Руперт.

– Не за что, старина. Когда вы обустроитесь на новом месте, напиши мне по адресу книжного магазина. Если повезет, ты скоро вернешься в Европу и построишь себе громадный замок в Швейцарии!

Когда мы остановились у гостиницы «Вояджер», я обменялся рукопожатием с Рупертом и открыл дверь автомобиля.

– Удачи вам, мистер и миссис Т. Помните, если этот негодяй будет наводить справки, мы собьем его со следа, а тем временем я постараюсь сделать так, чтобы его арестовали.

Мы помахали Руперту на прощание и вошли в гостиницу. В холле сохранились следы бывшего блеска, включая запыленное фортепиано и несколько увядающих растений в горшках. Наверное, когда-то это был Гранд-отель, но он пришел в запущенное состояние во время войны.

– Добрый вечер, сэр, – сказал администратор за стойкой, блеснув стеклами очков.

– Здравствуйте. Нам хотелось бы снять номер.

– Превосходно. Как долго вы намерены гостить у нас?

– Всего одну ночь. И мне сообщили, что вы можете помочь нам с приобретением билетов на пароход, который отплывает завтра утром.

– Без проблем, сэр, мы можем организовать это. Только понадобятся некоторые подробности...

– Прошу прощения, я невольно ошибся, – сказал я. – На самом деле нам нужны *два* номера.

Элле недоуменно посмотрела на меня.

– Два номера?

– Да, пожалуйста. Видите ли, – я наклонился над стойкой, – мы с моей невестой завтра собираемся пожениться.

– О, мои поздравления, – с улыбкой отозвался администратор. – Значит, два номера. Мне даже завидно, что завтра вы отправитесь в плавание. Начинается новая жизнь, верно?

Он не знал, что попал в самую точку.

– Да, в некотором смысле, – признался я.

– Замечательно. Как по мне, нам всем не помешало бы начать новую жизнь после военных лет, мистер...

– Танит. А это мисс Лепэн.

– Спасибо. Я забронирую билеты на ваше имя, сэр. Каким классом вы хотели бы путешествовать?

– Э-э... – Я даже не подумал об этом. – Пожалуй, вторым.

– Превосходно. Я пришлю билеты в ваш номер, сэр, а вы сможете оплатить счет завтра утром. Пароход отчаливает ровно в десять утра. Вам нужно будет подняться на борт как минимум за полчаса до отплытия.

Мы оставили багаж возле стойки, забрали ключи от номеров и поднялись наверх.

– Что происходит, Бо? – прошептала Элле. – Почему ты устроил нас в отдельных номерах?

– На этот вопрос легко ответить. Считается, что жених не должен видеть невесту в ночь перед свадьбой.

– Как романтично! – хихикнула Элле. – Хотя нам понадобится каждый пенни, пока мы не обустроимся в Австралии. Ты мог бы сэкономить деньги.

– Чепуха. Разве мы не можем отдать дань хотя бы одной старинной традиции? Кроме того, – добавил я, – у меня хватит средств на свадебные наряды. Думаю, нам нужно отправиться за покупками.

– Это очень мило, Бо, но, право же, в этом нет надобности.

– Напротив, это совершенно необходимо, – возразил я. – Золушка *получит* платье и отправится на бал!

Остаток дня был волшебным. Мы с Элле провели холодный январский вечер, гуляя рука об руку, щурясь от зимнего солнца и потягивая согревающий английский чай из картонных стаканчиков. Мы даже подошли к судну, на котором собирались переправиться через океан. Болтая ногами на скамейке у края воды, мы рассматривали огромный и величественный пароход «Ориент». Его длина превышала пятьсот футов, а трубы поднимались на высоту сто футов. У корабля был обтекаемый черный корпус и две ярко-белые палубы с десятками круглых иллюминаторов.

– Может быть, мы просто поселимся на пароходе? – предложила Элле. – На море мы всегда будем в безопасности.

Я немного подумал.

– А знаешь, ты права. Это хорошая идея. Может быть, мне стоит потратить деньги Агаты на одну из тех громадных яхт, о которых пишут в глянцевых журналах?

– Только если там будет три плавательных бассейна, Бо!

Она рассмеялась, и косые лучи зимнего солнца вдруг сделали ее лицо одним из самых прекрасных образов, которые мне приходилось видеть. Я мгновенно ощутил прилив вдохновения.

– Подожди здесь! – сказал я и вскочил на ноги.

– Что ты делаешь, Бо? – воскликнула Элле.

– Только не шевелись!

Я перебежал дорогу и вернулся на прибрежную улицу, где мы недавно проходили мимо художественной лавки. Там я купил несколько маленьких листов бумаги для этюдов и угольный карандаш, а потом трусцой побежал обратно к Элле.

– В чем дело? – спросила она.

– Я хочу нарисовать тебя.

– Нарисовать меня? – Она снова захихикала.

– Да. Мсье Ландовски однажды рассказал мне в своей мастерской, как важно уловить нужный момент. Он *знал*, как должна выглядеть его скульптура, когда получалось *представить* ее. Думаю, теперь я понимаю, что это значит. Твоя красота вдохновила меня, и я хочу запечатлеть ее.

– Рада, что после стольких лет ты все еще можешь польстить мне.

– Я никогда не осмеливался рисовать портрет, только пейзажи. Надеюсь, я смогу уловить то, что вижу перед собой...

Я начал работать угольным карандашом, изо всех сил стараясь запечатлеть огромные глаза Элле, ее изящный нос и полные губы на лице привлекательной сердцевидной формы. Через пятнадцать минут дело было сделано. Я посмотрел на свою работу, потом на Элле и был приятно удивлен результатом моих трудов.

– Покажи, – попросила она. Я протянул ей лист бумаги, и она изучила его, прежде чем посмотреть на меня. – Спасибо, это чудесный портрет.

– Я понимаю, что он далек от совершенства. Но он всегда будет напоминать мне об этом моменте.

– А почему ты хочешь сохранить напоминание об этом моменте, Бо?

Я закрыл глаза. Соленый морской воздух бодрил меня и будоражил чувства.

– Потому что меня радуют наши планы на будущее... несмотря ни на что. И завтра я собираюсь жениться на любимой женщине.

Она легко прикоснулась губами к моей щеке.

– Я навсегда сохраню этот портрет.

В конце концов, мы встали, расспросили прохожего насчет ближайших модных ателье и пошли в указанную сторону.

– Выбирай первой, Элле, – сказал я у двери маленького ателье. – Я определенно не должен видеть твое платье до свадьбы: это нарушает все правила. Не торопись с выбором.

Я пропустил ее вперед и обратил внимание на собственное отражение в зеркальной витрине. Моя внешность надежно скрывала мой подлинный возраст. Волосы на висках совсем поседели, а морщин на лбу заметно прибавилось. Оставалось лишь надеяться на то, что, когда между нами и Кригом окажется целый океан, этот процесс немного замедлится.

Я послушно ждал около двадцати минут, пока не звякнул дверной колокольчик и Элле не вышла на улицу с голубым бумажным свертком в руках и широкой улыбкой на лице.

– Спасибо, Бо. Надеюсь, тебе понравится.

Когда мы вернулись в гостиницу, я проводил невесту в ее номер, расположенный этажом выше моего.

– Здесь мы должны расстаться. – Я пожал плечами. – Правда, я не должен видеть тебя до самой свадьбы, но я хочу убедиться, что ты

поднялась на борт. Поэтому давай встретимся у посадочного трапа «Ориента» в половине десятого утра.

– В половине десятого, – подтвердила Элле.

Я отодвинул от ее лица упавшую прядь светлых волос.

– Твоя последняя ночь жизни во грехе...

– Ха! – рассмеялась она. – Я не принимаю на себя абсолютно никакой ответственности; это ты виноват!

Я всплеснул руками.

– Готов признать, что я втянул тебя в беспутную жизнь. Ты сможешь когда-нибудь простить меня? – И я сложил ладони в пародии на мольбу.

– Поскольку завтра ты собираешься исправиться, то я склонна к милосердию. Но поскольку это *действительно* наша последняя ночь греховной жизни, то, может быть, нам стоит побаловать себя?

Она игриво расстегнула верхнюю пуговицу моей рубашки.

– Ага, понятно. – Я приподнял бровь. – Ты и впрямь думаешь, что после нашей свадьбы все будет по-другому?

– Разумеется. Это не будет и наполовину так волнительно... и восхитительно.

– Ладно. Тогда, думаю, мы можем себе это позволить. – Я поцеловал ее, и она толкнула меня в свою спальню.

В ту ночь мы часами утопали друг в друге. Казалось, что Вселенная перестала существовать за дверью номера, но никто из нас этого не замечал и не беспокоился об этом. Пока Элле лежала в моих объятиях, ровный звук ее ритмичного дыхания убаюкал меня. Я проснулся несколько часов спустя и медленно освободился из объятий, собираясь спуститься в мой номер. Она пошевелилась, и я поцеловал ее в лоб.

– Прости, что разбудил тебя, – прошептал я. – Я собираюсь спуститься к себе и кое-что организовать для поездки.

– Хорошо. Увидимся на борту «Ориента», как договорились?

– Да, встретимся в половине десятого, поспи еще немного, моя милая.

Я взялся за ручку двери, повернулся и посмотрел на мою будущую жену, мирно лежавшую в кровати. Разметавшиеся волны светлых волос и жемчужно-белая кожа делали ее похожей на ангела, сошедшего с одного из полотен Микеланджело.

Я часто пытался найти определение для любви. Думаю, теперь я знаю, что это такое – беззаветно и радостно раскрывать свою душу перед другой, невзирая на последствия. Когда я наконец отвернулся и аккуратно закрыл за собой дверь, мое сердце было преисполнено любви и гордости за эту поразительную женщину, которая уже двадцать лет находилась рядом со мной. И на которой я завтра собирался жениться.

*Атлантический океан,
1949 год*

Без тебя я превращаюсь
В горстку космической пыли.
Звезды черны, ночь бесконечна,
И Плеяды рыдают.
Мой свет ушел,
Моя жизнь прошла,
Я один в постели^[20].

Моего мира больше нет. Если вы читаете эту дневниковую запись, то, думаю, она будет последней, и на этом завершится история Атласа Танита. Все эти годы я выживал благодаря основополагающей энергии, которая заставляет людей двигаться вперед, несмотря ни на что, энергии надежды. Но теперь даже этот огонь погас, и у меня больше нет сил продолжать. Когда наступит ночь и на палубе не останется никого, я собираюсь броситься в океан, чтобы ледяная вода поглотила меня. Надеюсь, волны будут милосердны ко мне, и моя смерть будет быстрой.

Я решил оставить эту последнюю запись лишь из долга перед тобой, читатель. Это не тот конец, о котором я мечтал мальчишкой, когда впервые стал доверять свои мысли бумаге. Возможно, кто-то обнаружит мой дневник и сразу же заглянет в самый конец, чтобы

выяснить, что автор добровольно спрыгнул за борт парохода. А может быть, он закончит историю моей жизни, которая, я надеюсь, была мало-мальски интересной. В таком случае уверен, что вы уже догадались о постигшей меня участи.

Элле больше нет рядом.

Мой худший кошмар воплотился в действительности, и груз бытия стал невыносимо тяжелым.

Ранним утром покинув комнату Элле, я направился в свой номер. Я сделал запись в этом дневнике, а потом забрался в постель с мечтами о нашей будущей свадьбе, погрузившими меня в подобие священного сна. Я проснулся в восемь утра, встал и заплатил по счету в отеле, а также за доставленные билеты для нас обоих. Потом я поднялся на борт «Ориента» и нашел нашу каюту. Я даже восторженно поведал молодому стюарду, который помог с багажом, о своих планах сыграть свадьбу на борту корабля, и он заверил меня, что капитан будет только рад. Потом я выпил кофе и вышел на палубу в ожидании Элле.

У края воды собралась громадная толпа. Люди с явной неохотой расставались со своими любимыми и близкими, которые уплывали в Австралию. Боль человеческой разлуки ощущалась почти физически, и я поблагодарил звезды за то, что уплываю с единственным членом семьи, который мне когда-либо понадобится.

Когда время приблизилось к половине десятого, я спустился по трапу туда, где мы собирались встретиться. Когда на моих часах было без двадцати десять, я начал беспокоиться, что Элле проспала. Я объяснил ситуацию стюарду, и тот заверил меня, что времени еще вполне достаточно, чтобы сбегать в гостиницу «Вояджер» и вернуться на борт до отплытия.

Я бегом спустился по трапу, едва не отправив в воду целую семью, которая поднималась на борт. Ворвавшись в холл, я устремился по лестнице к номеру Элле и забарабанил в дверь, но никто не ответил.

– Элле! – крикнул я. – Элле, пароход скоро отчалит!

Я понял, что мои усилия бесплодны, и спустился в холл, где вчерашний администратор в очках заступил на смену.

– Доброе утро, сэр! Вам предстоит большой день. Но почему вы еще не на борту? Трап поднимут через пятнадцать минут.

– Я знаю, но моя невеста по-прежнему в постели. Мы должны были встретиться у парохода, но она так и не пришла. Вы не могли бы

отпереть дверь ее спальни, чтобы я разбудил ее?

Администратор озадаченно покачал головой.

– Вообще-то, сэр, я видел, как она ушла полчаса назад. Она вышла из гостиницы с чемоданом в руке.

Я нахмурился.

– Но это невозможно; она так и не поднялась на борт. Должно быть, вы обознались. Пожалуйста, нужно открыть ее спальню!

– Право же, сэр, вы должны мне поверить. Я...

– Сейчас же! – выкрикнул я, и все взгляды в холле устремились на меня.

– Как пожелаете, сэр. Мой коллега проводит вас...

– Дайте ключ, я сам открою. – Я выхватил ключ у него из рук и побежал наверх, где поспешно отпер замок и распахнул дверь. В номере было пусто, кровать аккуратно заправлена, на столике стояла чашка с остатками кофе и следами розовой губной помады Элле на ободке. Она явно была здесь утром и ушла, как мне и сказали.

На короткое время я обрадовался. Это означало, что Элле, по всей видимости, поднялась на борт, и мы просто разминулись друг с другом. Поскольку до отплытия оставалось меньше десяти минут, я оставил ключ на конторке и поспешно вернулся к трапу.

– Вы видели молодую блондинку в темно-синем пальто и с чемоданом в руке? – обратился я к помощнику, стоявшему возле трапа. – Она должна была подняться на борт.

Тот задумался и покачал головой.

– Прошу прощения, сэр, но я не сопровождал никого, кто соответствовал бы этому описанию. Но, если она на борту, ее должны были проводить в каюту. Это можно проверить у стюарда.

Я торопливо прошел в каюту второго класса, где стоял мой одинокий чемодан. Потом нашел стюарда в коридоре и пристал к нему с просьбой подтвердить, что Элле находится на борту.

– Ее фамилия Лепэн, но, может быть, она назвала фамилию Танит. Невысокая блондинка в синем пальто. Она моя невеста... – Я понимал, что от паники начинаю заговариваться. До отплытия оставалось всего лишь пять минут. Я бегом вернулся к трапу, безуспешно пытаюсь описать внешность Элле всем встречным. Мое сердце бешено колотилось в груди, в глазах потемнело от подскочившего давления.

Я услышал рокот паровых двигателей.

– Нет, нет, пожалуйста! – Я вцепился в руку какого-то члена команды в морском кителе. – Нужно остановить двигатель! Я не знаю, успела ли моя невеста подняться на борт!

– Прошу прощения, сэр, но трап поднимается ровно в десять утра. Никаких исключений.

Я ухватился за поручень и принялся отчаянно высматривать людей на берегу в надежде увидеть мою возлюбленную. Так ничего и не увидев, я снова обратился к мольбой к помощнику у трапа, который сочувствовал мне, но был связан служебными обязанностями.

– Сэр, я понимаю ваше положение. – Он попытался успокоить меня. – Я правда хотел бы помочь вам, но могу предложить лишь покинуть судно, пока еще не поздно.

– Но она может находиться на борту! – воскликнул я.

– В таком случае, сэр, есть другой пароход, отбывающий в Австралию через несколько недель. Вы сможете последовать за ней.

Я развернулся и оказался лицом к лицу с пожилой дамой. У нее были высокие скулы, бледная кожа и пронзительные голубые глаза, что делало ее похожей на Элле. Хотя ее кудри почти совсем поседели, в них оставалось несколько огненно-рыжих прядей.

– Поднять трап! – крикнул стюард. К нему присоединились двое помощников, потянувших за канаты. Пароходный гудок возвестил об отплытии.

– Где она? Мы должны были встретиться здесь! – Я снова повернулся к пожилой женщине, которая смотрела на меня. – Прошу прощения, мадам, вы случайно не видели блондинку, поднявшуюся на борт за несколько минут до отплытия?

– Трудно сказать, – ответила она с шотландским акцентом. – Очень много людей приходило и уходило, но я уверена, что она где-то здесь.

После следующего гудка пароход начал медленно отваливать от причала. Я подумал, не стоит ли прыгнуть за борт. Возможно, стюард был прав, и если я останусь на суше, то в худшем случае Элле благополучно доберется до Австралии и окажется в безопасности, а я смогу несколько недель скрываться от Крига. Но если Элле осталась на берегу, я должен остаться в Англии и защищать ее. Мои мысли бессвязно кружились в голове.

– Боже мой, где ты? – закричал я, обратившись лицом к ветру, но мой голос потонул в грохоте двигателей и криках чаек.

Я побрел по палубе, хватая ртом воздух.

– Элле! Элле! – беспомощно восклицал я, испытывая ощущение падения в черную бездну. Когда я снова перегнулся через поручень, стараясь набрать в грудь побольше воздуха, то заметил на причале нечто знакомое. Трудно было поверить, но за толпой людей, махавших платками и посылавших воздушные поцелуи, лежал голубой бумажный пакет из модного ателье, где мы с Элле побывали вчера.

Это был ее пакет, правда?

Мне было нечего терять.

– Извините! Извините! – крикнул я, обращаясь к толпе провожающих. – Я забыл на берегу пакет!

Я кричал и размахивал руками, пока не привлек внимание какого-то мальчишки.

– Голубой пакет, прямо у тебя за спиной! Пожалуйста, брось его на борт!

Он протолкался через взрослых и подхватил пакет.

– Да! Бросай сюда!

Пароход отошел от причала не больше чем на три метра, и расстояние увеличивалось с каждой секундой. Мальчишка подбежал к краю берега и посмотрел на меня снизу вверх. Я осознал, что нахожусь слишком высоко, и ему не хватит сил на бросок. Тогда я протолкался через пассажиров к стюарду у поднятого трапа.

– Пожалуйста! У этого мальчишка мой пакет!

Это был стюард, который раньше хотел помочь мне. Он кивнул и с молниеносной скоростью скрылся за поручнем. Сначала мне показалось, что он спрыгнул за борт, но на самом деле он спустился по железному мостику, прикрепленному к корпусу судна. Стюард поравнялся по высоте с береговой линией и протянул руку, чтобы поймать пакет. Мальчик замешкался.

– Теперь или никогда! – крикнул стюард. Мальчик посмотрел на меня, и я кивнул. Он с силой бросил пакет, и мое сердце ушло в пятки, стюард пытался удержать добычу. Потом ему это удалось, и он начал подниматься на палубу. Мальчишка издал радостный крик, и я наградил его аплодисментами, прежде чем вернуться к пакету.

– Спасибо, спасибо! – повторял я.

– Это от вашей невесты? – спросил он.

– Да, от нее.

– Ну, поскольку вещь лежала на причале, она явно находится на борту, сэр.

– Да. Еще раз спасибо. – Я протолкался через шумную толпу на палубе, где бушевали самые разные чувства. Пассажиры прощались со своей родиной на долгие месяцы или навсегда.

В конце концов я оказался на корме, где было достаточно места, чтобы открыть пакет. Я достал белое шелковое платье и заметил внизу два бумажных листа. У меня перехватило дыхание, когда я увидел угольный портрет Элле, который нарисовал вчера. Рядом лежала записка.

«Как ты знаешь, знакомство с тобой было честью для меня.

Рано или поздно, но я хочу избавить тебя от бремени забот о моей безопасности.

Извини. Навеки твоя,

Элле

(Где бы мы ни находились, живи своей жизнью, а я буду жить своей)».

Я оцепенел. Все казалось нереальным. Из записки следовало, что Элле *сама* ушла от меня. Она *решила* бросить меня.

– Нет, – прошептал я. – Не может быть...

Я моментально перебрал в уме события последних суток. Все казалось настолько идеальным...

У меня вдруг подкосились ноги, и я упал на палубу. Я ожидал слез, но они не пришли. У меня не осталось сил даже на это. Мой внутренний свет погас.

– Пардон, дяденька. Вы как, нормально?

Я приподнял веки и увидел яркоглазую, болезненно худую девочку с нездоровой мучнистой кожей и свалывшимися пегими волосами. Ей было от силы пятнадцать.

– Эй, мистер! Вот черт, ему совсем плохо. Давай, Эдди, найди какого-нибудь местного служаку, а?

Мальчик лет пяти, сидевший на корточках рядом с ней, сорвался с места и убежал.

– Эй, помогите, пожалуйста! Этот парень свалился на палубу. Вы меня слышите? – Девочка склонилась надо мной.

– Тебе нельзя выходить на палубу, – рокочущим басом произнес кто-то наверху. – Твое место в трюме.

– Прастити, миста, мы хотели последний раз посмотреть на Англию, – ответила она, коверкая слова на манер лондонских кокни. – А этот мужик упал рядом. Можете помочь?

Обладатель глубокого баса выглядел явно раздраженным.

– Найдите стюарда, им платят за это, – пророкотал он и удалился.

Девочка всплеснула руками.

– Да, фиг с тебя возьмешь. Эй, мистер, – обратилась она ко мне и широко улыбнулась, показав желтые зубы. – Не волнуйтесь, Эдди кого-нибудь приведет.

– Не знаю... Я не могу... – промямлил я.

Девочка взяла меня за руку и энергично встряхнула ее. Думаю, она хотела подбодрить меня.

– Все в порядке, мистер? Как вас зовут? Я – Сара.

– Сара... – пробормотал я.

Она кивнула.

– Верно, мистер. Немного ошалели, да? Я тоже, но в Австралии все будет славно. Там всегда хорошая погода, и, говорят, можно каждый день купаться в море.

Я заглянул в карие глаза Сары.

– Элле...

– Кто это? – Сара озадаченно нахмурилась.

– Она ушла, ее больше нет, – простонал я.

– Ушла? – Сара огляделась по сторонам. – Куда она ушла, мистер?

– Ушла от меня...

Она закатила глаза.

– Батюшки-светы, он зашиб голову! Не волнуйтесь, мистер, все наладится. Смотрите, тут есть парень, который знает, что делать.

К нам приближался стюард в форменной тужурке. Когда он подошел, я заметил раздосадованное выражение у него на лице.

– Что ты здесь делаешь? – прошипел он, обращаясь к Саре.

Она вызывающе рассмеялась.

– Мы хотели сказать Англии «прощай». Не обращайтесь внимания, лучше посмотрите на этого беднягу. Ему нужна помощь!

Стюард опустил на колени возле меня.

– Я разберусь. А ты забери своего мальчишку и ступай вниз. Ты знаешь, что вам здесь не место. У нас уже есть жалобы от пассажиров.

Сара вздохнула.

– Ну, ладно. Пошли, Эдди. – Маленький мальчик помахал мне, и я постарался ответить. – Надеюсь, вам полегчает, мистер, – добавила Сара. – Увидимся в Австралии!

Она взяла Эдди за руку и увела его в сторону. Прежде чем они скрылись из виду, я заметил, как она бежит к краю палубы и приподнимает мальчика, чтобы он мог заглянуть через борт. Потом Сара помахала свободной рукой.

– Прощай, Англия! – воскликнула она. – Помаши ей, Эдди!

– Вниз, кому я сказал! – рявкнул стюард. Дети подчинились. – Простите, сэр; это больше не повторится.

Я постепенно приходил в себя.

– Нет, я должен поблагодарить ее... Кто она такая?

Стюард закатил глаза.

– Это сироты, сэр. Их там около сотни, в каютах третьего класса. Правительство отправило их из Англии, чтобы они смогли найти новые семьи в Австралии.

– Сироты?

– Да, сэр. Еще раз извините; они больше не будут беспокоить вас.

Его поведение начинало раздражать меня.

– Нет, я...

– Вы упали, сэр. Не беспокойтесь, мы приведем вас в порядок.

Я попытался встать.

– Мне нужно... сойти на берег.

Стюард поддержал меня.

– Полегче, сэр. Теперь уже нельзя никуда сойти, ближайшая остановка будет в Египте.

Я пытался воспротивиться, но напряжение оказалось чрезмерным для меня.

– Нет, я... – Это все, что мне удалось выдать из себя, прежде чем мой мир снова погрузился во тьму.

Я очнулся в своей каюте. Надо мной склонился мужчина в твидовом пиджаке.

– Здравствуйте, мистер Танит. Ну как, вам лучше?

Я заморгал.

– Да. Что происходит?

Мужчина в пиджаке улыбнулся.

– Я – доктор Лайонс, корабельный врач. Честно говоря, я не ожидал, что мои услуги понадобятся так скоро, но ничего не поделаешь. Мистер Танит, вы помните, что упали на палубу?

– Да.

Врач достал из кармана фонарик и осветил мне в глаза.

– Думаю, это вполне объяснимо. Должно быть, у вас выдался кошмарный день. – Он изогнул бровь и выразительно посмотрел на меня. – Стюард с вашей палубы говорит, что вы собирались обратиться к капитану с просьбой о свадебной церемонии, верно?

Я растерянно кивнул.

– Знаете, я прочитал записку, которую вы держали в руке. Мне жаль, старина; я понимаю, что это очень трудно принять.

Я задрожал от ужаса, когда вспомнил события, предшествовавшие моему падению.

– О, нет! Нет!

Врач успокаивающе положил руку мне на плечо.

– Все будет хорошо, мистер Танит. Вот, примите это. – Он протянул таблетку и стакан воды. – Это слабое успокоительное средство, которое поможет вам поспать несколько часов.

– Но я не хочу спать. Мне нужно сойти на берег!

Доктор Лайонс сочувственно пожал плечами.

– Это невозможно, мистер Танит, а потому я предлагаю принять снотворное. Обещаю, это поможет вам скоротать время. – Он практически засунул таблетку мне в рот, и я проглотил ее. – Вот, молодец. Это временно успокоит вас, а потом я снова приду.

Когда доктор Лайонс вышел за дверь, мои глаза закрылись.

Очнувшись, я вернулся к дневнику, чтобы записать мои последние мысли.

Ради собственного здравомыслия я продолжал верить, что моя жизнь не была сплошным обманом и что Элле действительно любила меня. Что касается причины ее ухода... Я мог лишь предполагать, что ей не хотелось продолжать жизнь под постоянной угрозой, исходившей от Крига Эсзу и его желания причинить мне вред. И кто я такой, чтобы винить ее? Наша жизнь проходила под грозовыми

облаками, и небеса угрожали разверзнуться в любой момент. Элле заслуживала гораздо большего. Я искренне любил ее и должен был радоваться этому.

Но я понимал, что без нее для меня больше ничего не осталось.

Так завершается история Атласа Танита, или Бо Деплеси, или некоего сплава из нас обоих, в зависимости от вашего выбора, читатель. Я отложу перо и выйду на палубу. Надеюсь, что Семь Сестер последний раз осветят мне путь.

Я не боюсь смерти, но надеюсь, что процесс умирания будет сравнительно быстрым, и что холодные воды Атлантики избавят меня от мучительных часов плавания над бездной.

Что мне сделать с алмазом? Следует ли... завещать его кому-нибудь? Интересно, есть ли способ доставить его мистеру Кехлеру в Швейцарию, возможно, как наследство для юного Георга и Клавдии? Но если Криг разузнает, где находится алмаз...

Перед тем как прыгнуть за борт, я напишу завещание. Я оставлю свое состояние Гофманам при условии, что они позаботятся о детях. Возможно, будет лучше, если этот проклятый алмаз отправится вместе со мной в водную могилу. Так он не сможет причинить больше вреда, чем уже причинил.

Прежде чем я закончил эту запись, что-то начало донимать меня, дорогой читатель. Мой дневник начинается в Париже в 1928 году. Сейчас забавно думать о том, с какой осторожностью я писал первые страницы. Я даже не упоминал собственное имя. Разумеется, любые предосторожности пошли прахом после того, как Эсзу нашел меня в Лейпциге. Если вы продержались вместе со мной до этого момента, то, пожалуй, я обязан представить вам полную картину моей жизни и описать события, которые привели к хаосу, отравившему мое существование.

Криг, если ты когда-нибудь найдешь этот дневник, я собираюсь еще раз описать обстоятельства смерти твоей матери. Я прошу тебя принять во внимание, что нижеследующий рассказ написан человеком, чья жизнь близится к концу. Мне нечего скрывать, и для меня нет никакой выгоды от лжи.

~~Сибирь, Тюмень, апрель 1918 года~~

~~Если подумать, то я родился в благоприятный день, хотя тогда и не подозревал об этом. Конец династии Романовых привел к большой смуте...~~

Прошу прощения, читатель. Пока я писал это предложение, меня прервал стук в дверь; это был доктор Лайонс, который пришел проверить мое состояние. Он сообщил, что девочка-сирота по имени Сара осведомилась о моем здоровье во время медицинского осмотра детей, ехавших внизу.

– Она была очень добра ко мне, – искренне сказал я. Внезапно меня осенило, и я нащупал алмаз, по-прежнему надежно скрытый в кошельке у меня на груди. – Мне хочется поблагодарить ее. Вы знаете, как можно попасть в помещения третьего класса?

– Да, если вы уверены, что хотите рискнуть. Все наши сироты вполне здоровы, но боюсь, что личная гигиена не входит в число их приоритетов, мистер Танит.

Я слабо рассмеялся.

– Для меня это не проблема, доктор Лайонс. Пожалуйста, покажите, куда нужно идти.

Я спустился в недра «Ориента» через запутанную анфиладу коридоров и помещений. Наконец несколькими палубами ниже моей собственной каюты я достиг третьего класса. Самой поразительной особенностью этих помещений было отсутствие естественного света. Гладкие беленые стены блестели в больничном свете люминесцентных ламп, что оказывало дезориентирующее влияние на ощущение времени.

Общее помещение третьего класса состояло из комнаты, заставленной обшарпанными столами и стульями разного размера. В трюме висела плотная пелена табачного дыма. Вокруг самого большого стола собралась разношерстная детская компания. Среди них я заметил Эдди, маленького мальчика, которого раньше видел на палубе, но Сары там не было.

Я подошел к детям.

– Прошу прощения, что вмешиваюсь, но я хотел узнать, где Сара.

– Она снова улизнула, – сказал один из мальчиков, прежде чем изобразить ужас от такого признания. – Но не держите на нее зла, мистер; она просто любит смотреть на океан.

Я одобрительно улыбнулся.

– О, все в порядке. Я тоже люблю смотреть на океан.

– Значит, вы не станете бить ее? – спросил мальчик.

– Бить? Боже мой, нет. Скорее, наоборот: я хотел кое за что поблагодарить ее. – Я показал Эдди большие пальцы, и он ответил таким же жестом. – На самом деле я не член команды, а обычный пассажир.

– Шикарный пассажир, да? Вы говорите как богач! – пропищал другой мальчик под общее хихиканье за столом.

– Ну, не такой шикарный, как некоторые. Значит, я смогу найти Сару на палубе?

– Наверное, – отозвался первый мальчик.

На палубе было тихо – лишь бескрайняя черная вода и пронизывающий январский ветер. Я со вздохом облокотился на поручень и посмотрел в небо. Сегодня вечером Келено сияла особенно ярко. Плеск воды за кормой парохода был успокаивающим, а холодный, свежий воздух оказывал на меня бодрящее действие.

– Это вы, мистер? – раздался знакомый голос из тени. Я оглянулся и увидел Сару, которая появилась из-за спасательной шлюпки. – Тот, кто едва не дал дуба на палубе?

– Привет, Сара. Я хотел поблагодарить тебя за сегодняшнее утро.

– Шшш, потише! – Она приложила палец к губам. – Мне не положено быть здесь.

Она подошла ко мне и взялась за поручень. Мы немного постояли рядом, вдыхая соленый ночной воздух.

– Ну как, вам полегчало? – спросила она.

Я кивнул.

– Спасибо, мне гораздо лучше. Ты была единственной, кто обратил на меня внимание и помог мне. Это было замечательно с твоей стороны.

– Не стоит благодарностей, мистер. Это обычная человеческая порядочность, так? Но все эти богачи наверху больше боятся запачкать коленки, чем протянуть руку помощи. – Она комично щелкнула языком.

Ровный шум парохода, разрезавшего воду, был успокаивающим, и я почувствовал, как мое давление начало снижаться. Мне действительно очень нравилось находиться в открытом море.

– Интересно, сколько сирот плывут в Австралию на «Ориенте»? – спросил я у Сары.

Она немного подумала.

– Пожалуй, около сотни. Мне пятнадцать лет, так что у меня нет никаких проблем. Но здесь есть и малыши не старше трех. Вот кого мне жалко на самом деле!

Она устремила взгляд в темноту. Я был тронут ее заботливостью; в конце концов, она тоже была еще ребенком.

– Можно спросить, что случилось с твоими родителями? – мягко поинтересовался я.

Сара обвела глазами пустую палубу, словно хотела убедиться, что никто не подслушивает. Я подозревал, что ее воспоминания были болезненными, поэтому она не часто делилась ими.

– Во время войны на Ист-Энд падало много бомб. Последняя убила десятерых на нашей улице, включая мою маму. Мы спрятались в подвале, когда завывали сирены, но потом она вспомнила, что оставила наверху свое вязанье и поднялась в комнату, когда эта штука упала на крышу. Меня выкопали из-под кучи мусора целехонькой и невредимой. Тогда мне было всего шесть лет. Тот мужик, который услышал мое жалобное мяуканье, сказал, что это было настоящее чудо.

Мне хотелось положить руку на плечо Сары, но я боялся, что это будет неуместно.

– Какой ужас. Я сожалею о твоей утрате, но... что ты делала потом?

Она набрала в грудь побольше воздуха и медленно выдохнула, прежде чем продолжить:

– Моя тетя взяла меня к себе. Предполагалось, что я буду жить у нее до тех пор, пока мой отец не вернется с военной службы во Франции. Да только он не вернулся, а у тети не хватало денег на мое содержание, и меня отдали в сиротский приют. Там было нормально, потому что мы держались вместе. А однажды нам сказали, что нас отправят в Австралию, где мы начнем новую жизнь. И вот мы здесь.

«Ориент» столкнулся с блуждающей волной, и нас с Сарой окатило мелкими солеными брызгами. Она хрипло захохотала, и я невольно рассмеялся в ответ. Ее оптимизм был воодушевляющим и немного заразительным.

– Вы кого-то потеряли на войне, мистер? – спросила Сара.

Перед моим мысленным взором промелькнули Пип, Карин и Арчи Воган.

– Да, потерял.

Она рассудительно кивнула.

– Я так и думала. У вас есть та самая грустинка в глазах.

– Вот как? – спросил я. Сара сочувственно улыбнулась, и я повернулся лицом к океану. – Недавно я действительно потерял очень близкого человека, но не из-за войны.

– Кто это был?

– Ее зовут Элле. – Я закрыл глаза. – Она была моей возлюбленной.

Сара подбоченилась.

– Ее зовут Элле? То есть она не отбросила коньки?

Я снова невольно улыбнулся из-за ее манеры речи.

– Нет, вовсе нет. Она... ее просто нет на этом пароходе.

Сара всплеснула руками.

– Тогда о чем печалиться? Просто вернитесь и возьмите ее с собой!

– Если бы все было так просто, Сара. Она не хочет быть вместе со мной. – Я нащупал алмаз в кошельке, висевшем на шее. – Так или иначе, я снова хочу поблагодарить тебя, Сара. У меня есть кое-что особенное для тебя.

Я начал снимать шнурок вместе с кошельком, но Сара подняла руку, останавливая меня.

– Нет, мистер, я не возьму ваши деньги. Только не за доброе дело; это было бы неправильно. То есть, если вам нужно заштопать носки или подшить брюки, я буду рада, когда вы мне заплатите. Но не раньше.

Я был немного ошарашен.

– Ты не понимаешь, Сара. С такими деньгами ты сможешь изменить всю свою жизнь...

– Мистер, я плыву на другой конец света. Поверьте, мне пока хватит и такой жизненной перемены. Я уже сказала, что занимаюсь рукоделием, так что надеюсь получить работу и заработать собственные деньги. Да, и найти парня!

Я заправил шнурок под рубашку.

– В таком случае желаю тебе приятного вечера. И... еще раз спасибо, Сара.

Я направился на другую сторону палубы, но тут Сара окликнула меня.

– Вы верите в Бога, мистер?

Ее вопрос застиг меня врасплох. Я повернулся к ней.

– Что ты имеешь в виду?

– Недавно я много думала об этом, а вы кажетесь умным парнем.

Я просто спросила, что вы думаете по этому поводу?

Я медленно пошел к Саре, размышляя над вопросом.

– Думаю, это зависит от того, что ты подразумеваешь под «Богом». Я верю в силу Вселенной. Может быть, это одно и то же?

Сара фыркнула.

– Значит, вы не считаете его седобородым стариканом?

– Похоже на описание Деда Мороза, – улыбнулся я. – Вот в кого я определенно верю.

– Ха! Что-то он нечасто навещался в наш приют.

– Понимаю. – Я запрокинул голову и посмотрел на звезды. – А знаешь, Элле была сиротой. И я тоже... в некотором смысле.

Сара забавно скривила лицо.

– Как можно быть сиротой «в некотором смысле»?

– Отличный вопрос. – Я снова улыбнулся. – Это трудно объяснить.

– Чего у нас хватает, так это времени. Я постараюсь сбегать сюда каждую ночь, чтобы не задыхаться в трюме. Мы можем встречаться здесь, и вы расскажете свою историю.

– Мою историю? Я никому не рассказывал ее целиком, кроме Эллы. Она очень длинная и довольно грустная.

– *Была до сих пор*, мистер. Она же еще не закончилась, да?

Я замешкался, не зная, как лучше ответить. У Сары вытянулось лицо.

– Обождите минутку... мне знаком этот вид. Вы же не собираетесь броситься за борт, так?

– Я...

Сара вдруг пришла в ярость.

– Не будьте самовлюбленным болваном. Вы же знаете, кого любите прямо сейчас? Я люблю маму, но ее больше нет, потому что

бомба упала ей на голову. То же самое относится к родителям всех детей, которые едут вниз. Эти дети могли бы отдать все, что угодно, лишь бы вернуть тех, кого жестоко отобрали у них. А вы тут разгуливаете и думаете, как бы лучше покончить с собой.

Я отступил на шаг от нее.

– Сара, я не собирался расстраивать тебя...

– Расстраивать меня? Фигушки, со мной все будет в порядке. Но вы знаете, кто пострадает? Люди, которые хорошо знают вас. Как насчет Элле, когда она узнает, что вы расстались с жизнью из-за нее? Как она справится с таким грузом на совести?

Она смотрела на меня, широко распахнув глаза и подняв брови. Признаться, я даже не думал, каково будет Элле, когда она узнает обстоятельства моей смерти.

– Более того, если она и впрямь любила вас – а похоже, так и есть, – то последнее, чего она хочет, – это вашего самоубийства.

Мне не хватало слов для ответа.

– Ну... да, – признал я. – Опять-таки, мне очень жаль, что я так расстроил тебя. Особенно потому, что я тоже потерял родителей в юном возрасте.

Вместо того чтобы умиротворить Сару, мои слова лишь сильнее распалили ее.

– Ну, так и на хрена вам это сдалось? Думаете, ваши родители будут рады, когда увидят, что их сын бросился в океан? – Она указала на небо. – А я, черт побери, так не думаю!

Прямодушие этой юной девушки оказало на меня отрезвляющее действие.

– Ты совершенно права, Сара. – Мне вдруг стало очень стыдно за мое намерение.

Сара шагнула ко мне и прошептала:

– Мистер, вы должны помнить, что жизнь – это бесценный дар. Независимо от обстоятельств.

Я кивнул, и мои глаза наполнились слезами.

– Элле говорила то же самое.

– Она была права. – Сара пожала плечами и легонько ткнула меня в грудь. – Знаете, когда мы приплывем в Австралию, вы сможете найти себе новую подружку, которая не бросит вас на борту. Хорошо?

Я рассмеялся сквозь слезы.

– Хорошо, Сара. Я понял.

– Мистер, я на самом деле хочу слышать вашу историю, начиная с завтрашнего вечера. Вы не подведете меня, правда?

Я покачал головой.

– Договорились, Сара.

Я пожелал ей спокойной ночи и вернулся в свою каюту, к дневнику. Я решил сдержать свое обещание. Саре каким-то образом удалось поднять меня из темных глубин отчаяния. Несмотря на трудную жизнь, она во всем ищет светлую сторону и, более того, находит в себе силы помогать другим.

Она немного похожа на Элле.

Вселенная снова бросила мне спасательный круг. Следующим вечером и много раз после этого я встречался с Сарой на палубе «Ориента». В результате я целиком и полностью рассказал ей свою историю. Она жадно впитывала каждое слово. Мне даже пришлось показать ей алмаз.

– Черт меня побери! Жаль, что в тот вечер я отказалась от подарка. Господи, да он размером с жирную крысу!

– Обещаешь никому не рассказывать о нем, Сара? Деньги и алмазы доводят людей до безумия; думаю, я смог наглядно объяснить это.

Она постучала пальцем по носу.

– Не беспокойтесь, мистер Т., ваш секрет под надежной охраной. – Сара сложила руки на груди и опустилась на деревянную скамью. – Знаете, чего я никак не пойму? Если она собиралась бежать, зачем ей было покупать свадебное платье?

Я обдумал этот аргумент и нашел его весьма проницательным.

– Она не торопилась с выбором?

Я призадумался.

– Нет, не торопилась.

Сара со свистом втянула воздух сквозь зубы.

– Очень странно, мистер Т. Как и то, что пакет просто остался на пристани, как будто она растворилась в воздухе.

– Я согласен, Сара. Наверно, это было сиюминутное решение.

Она кивнула.

– Да, должно быть. Как думаете, вы будете искать ее?

Это был вопрос, в размышлении над которым я провел много бессонных ночей.

– Я всегда обещал, что буду защищать Элле. Боюсь, мое возвращение снова подвергнет ее опасности. Я стараюсь примириться с тем, что ее отстранение от меня было самым безопасным вариантом, – грустно ответил я.

Сара похлопала меня по спине.

– Сочувствую, мистер Т. Вы собираетесь сойти на берег завтра, когда мы встанем на причал в Порт-Саиде?

Я постарался собраться с духом.

– Само собой. Я никогда не упускаю возможности ступить на незнакомую землю. Полагаю, ваши «тюремщики» разрешат тебе и другим детям сойти на берег и поразмяться?

– Да! – Сара рассмеялась. – Мы ждем не дождемся, когда это случится. Тут есть одна богатая шотландка, даже богаче вас, потому что она путешествует первым классом, она собирается купить нам всем конфеты и турецкие сладости. Представляете?

Я улыбнулся.

– Правда? Это отличная новость. Как ее зовут?

Сара задумчиво прищурилась.

– Уверена, что кто-то называл ее Китти Мерсер. Ее муж то ли умер, то ли бросил ее, то ли еще что-то. Точно не знаю, но она сорит деньгами.

Я немного подумал.

– Знаешь, мне интересно, не связана ли она с австралийской жемчужной империей Мерсеров? Я читал о них в газете.

– Возможно. Во всяком случае, у нее есть большой особняк в Австралии, хотя она начинала вроде нас, я имею в виду, ни гроша за душой. Все говорят, что там можно построить новую жизнь, а вы как думаете?

Без моей любимой... это будет жестокая и душераздирающая пустота.

– Думаю, это будет великолепно, но самое важное, что твои дела там пойдут в гору.

На следующий день я увидел, как Китти Мерсер вывела маленькую армию детей с корабля на берег, на улицы Порт-Саида. Когда я посмотрел на нее, до меня дошло, что я уже видел миссис Мерсер в тот день, когда мы покинули Тилбери. Она была одной из тех, у кого я отчаянно выпрашивал любую информацию об Элле.

Поскольку «Ориент» постоянно находился в движении, легкий ветерок на борту означал, что никто не мог представить настоящую температуру воздуха. Но на причале африканская жара накрыла нас всех, и я миновал целое море разгоряченных и покрасневших лиц, пока спускался по трапу на берег. Потом на меня обрушился запах невымытых тел и гниющих фруктов. Я пробирался по оживленному порту, глядя на непрерывный поток ящиков и животных, перемещавшихся между берегом и пришвартованными парходами.

Я покинул пределы порта и оказался в старом городе. Вскоре я очутился на местном рынке с обилием пряностей, фруктов и лепешек, выпекаемых в раскаленных цилиндрических печах. Воздух вокруг них буквально дрожал от жары. Местные жители в ярких халатах и фесках толпились вокруг меня, и я старался запомнить все.

И тут на меня вновь нахлынула меланхолия. Насколько приятнее было бы это зрелище, если бы Элле находилась рядом со мной! Купленные мною турецкие сладости внезапно стали безвкусными, а разноцветные ларьки с таким же успехом могли бы быть однообразно серыми.

В тот вечер, когда мы вернулись на борт, Сара не присоединилась ко мне для нашей привычной полуночной беседы. Я не винил ее за это. Миссис Мерсер помогла ей и другим сиротам гораздо лучше провести время. Тем не менее я каждый вечер по привычке возвращался на палубу и беседовал с Семейю Сестрами. Через пять суток Сара вновь присоединилась ко мне.

– Привет, мистер Т.!

– Здравствуй, Сара! Я думал, ты уже забыла обо мне.

– Что за глупости? Я всего лишь помогала миссис Мерсер отскоблить малышей в ее ванной и пошить им новые одежды. Она разрешила мне раскрыть ее дорогие платья, можете поверить?

– Похоже, она очень добрая женщина, – сказал я.

– Да уж, мистер Т. Вы тоже добрый человек; мне повезло познакомиться с вами обоими.

– Нет, Сара, это мне повезло встретиться с тобой, – честно ответил я.

Она подмигнула мне.

– Вообще-то, мистер Т., здесь вы и впрямь не промахнулись. Я беседовала с миссис Мерсер насчет вас, и она хочет встретиться с вами.

Мое сердце пропустило один удар.

– Ты говорила с ней *обо мне*?

– Успокойтесь, мистер Т. Я ничего не сказала о Криге или о том большом камушке, который вы носите с собой. Я лишь сказала, что вы хороший человек, которому не повезло в жизни и которому не помешала бы небольшая помощь.

Она поставила меня в неловкое положение.

– Я не хочу никого обременять.

Сара закатила глаза.

– Мистер Т., человек становится бременем для других, когда ему не нужна помощь, но он все равно просит об этом. Мне кажется, вам не помешает ее содействие. У нее отличные связи в Австралии. И что нам терять? Нечего! Насколько я понимаю, если она хочет поспособствовать нам, то зачем отказываться?

Я не находил изъяна в ее рассуждении.

– Наверное, ты права насчет ее связей в стране Оз. Будет здорово иметь какую-то опору для начала.

Она хлопнула в ладоши.

– Вот и отлично. Завтра, в семь вечера, мы увидимся в ее каюте. Просто отправляйтесь на палубу первого класса и спросите, где миссис Мерсер. Сомневаюсь, что старший стюард будет смотреть на вас с таким же отвращением, как он смотрит на меня и других сирот, когда мы приходим к ней.

На следующий вечер я прошел в каюты первого класса по коридору, застеленному толстым ковром, и старший стюард проводил меня до двери Китти Мерсер. Когда я постучал, дверь открыл мужчина во фрачном костюме.

– Добрый вечер, сэръ. Меня зовут Макдауэл, и я слуга миссис Мерсер. Заходите, пожалуйста.

Он проводил меня в элегантно обставленную каюту.

– Боже, какая прекрасная комната, – заметил я. Хрустальная люстра, обитые шелком диваны и панорамное окно создавали впечатление сухопутной гостиницы. – Но, осмелюсь спросить, где здесь место для сна?

– Это гостиная комната, сэр, – пояснил Макдауэл. – Спальня находится за следующей дверью. Миссис Мерсер скоро выйдет к вам. Могу я предложить напитки?

– Английский чай, пожалуйста.

– Хороший выбор, – раздался благозвучный голос с шотландским акцентом. Дверь спальни отворилась, и появилась Китти Мерсер, облаченная в бордовое вечернее платье с ниткой шикарных жемчужных бус на шее, что неудивительно, учитывая ее семейный бизнес. – Но, мистер Танит, не соизволите ли вы присоединиться ко мне в чем-то покрепче? Джеймс превосходно делает джин с тоником.

– Добрый вечер, миссис Мерсер, – сказал я. Что касалось ее предложения, я не находил ничего плохого в употреблении крепких напитков с любезной хозяйкой. – Если вы рекомендуете, я буду рад присоединиться к вам.

– Отлично. Спасибо, Джеймс. – Макдауэл кивнул и подошел к шкафчику с напитками, укомплектованному лучше, чем в большинстве баров, где мне приходилось бывать.

– Прошу вас, садитесь, мистер Танит, – сказала Китти с мягким шотландским акцентом.

Я разместился на краю одного из диванов, обитых серым шелком, а Китти устроилась на таком же диване напротив меня.

– Миссис Мерсер, вы делаете много добра для детей внизу, – начал я. – Спасибо за такую заботу о них.

Она улыбнулась.

– Я делаю лишь то, что сделал бы любой другой в моем положении. Мне известно о вашей дружбе с Сарой. Она весьма необыкновенная девушка.

– Да, мне было очень приятно беседовать с ней, – согласился я и постарался как можно тактичнее сформулировать следующий вопрос: – Можно спросить, что она рассказала вам о моей... ситуации?

– Мистер Танит, она сказала только, что вы хороший человек, который обращался с ней достойно и уважительно, хотя большинство пассажиров из высших классов не снисходят до этого. Когда я

спросила, как вы зарабатываете на жизнь, она сказала, что вы пережили личную трагедию и намерены начать новую жизнь в Австралии. Это более или менее точное резюме?

Я издал короткий смешок.

– Да, более или менее.

Джеймс принес джин с тоником и поставил бокалы на стеклянный стол между диванами.

– Ваше здоровье, – сказала Китти и подняла свой бокал.

– Ваше здоровье, – отозвался я и сделал щедрый глоток. Напиток был горьким, но бодрящим и освежающим. – Боже мой, это правда. Джеймс, вы настоящий чудесник.

Слуга кивнул.

– Спасибо, сэръ. Я оставляю вас наедине. Миссис Мерсер, позвоните в колокольчик, если вам что-нибудь понадобится.

Он направился к двери.

– Ваши жемчуга бесподобны, миссис Мерсер. – Я отсалютовал ей бокалом. – Надеюсь, вас не покоробит, что мне известно о вашем семейном бизнесе в Австралии. В лондонской «*Financial Times*» часто появлялись статьи о ваших успехах.

– Спасибо, хотя меня всегда забавляло мое положение главы «семейного бизнеса». Я всего лишь вышла замуж за магната из семьи Мерсер. Потом, в силу непреодолимых обстоятельств, я стала блюстительницей финансовой империи, построенной другими людьми.

– Это оказалось тяжело? – осведомился я.

Китти немного подумала.

– Нет, это было честью для меня. Но теперь я в последний раз еду в Австралию. Я собираюсь передать бизнес моему брату, Ральфу Маккензи. За последние три года он показал себя талантливым управляющим с превосходной деловой хваткой. К тому же мы с ним одной крови, а это редкость в наши дни. Думаю, никто лучше не позаботится о нашем бизнесе.

В течение следующего часа Китти поведала мне сложную историю о сердечных утратах, новых начинаниях и самое необыкновенное – о ее отношениях с двумя близнецами, Эндрю и Драммондом Мерсерами.

Когда она закончила, я на некоторое время погрузился в молчание.

– Миссис Мерсер, до сегодняшнего дня я еще не встречал человека, чья история могла бы соперничать с моей собственной. – Пока необыкновенные события из жизни Китти Мерсер кружились у меня в голове, один аспект оставался чрезвычайно любопытным... подробность, которая больше всего увлекала и поражала меня. – Розовая жемчужина... вы действительно считаете ее проклятой?

Китти медленно отпила глоток джина с тоником.

– Когда Эндрю заставил Драммонда высадиться с «Кумбаны», она затонула, и Эндрю пошел ко дну вместе с ней. Потом дочь моей горничной, молодая Алкина, погибла после того, как выкопала эту жемчужину в австралийском захолустье. – Китти посмотрела на меня. – Скажите, мистер Танит: после всего, что я рассказала, вы хотели бы владеть этой жемчужиной?

– Ни за что на свете, – без раздумий ответил я.

Китти мрачно усмехнулась.

– И я тоже.

– Вы знаете, где сейчас находится эта жемчужина? – поинтересовался я.

– Нет, понятия не имею, – ответила Китти. – Думаю, это к лучшему, а вы?

Я энергично кивнул.

– Так или иначе, теперь вы знаете о моем намерении передать дела Ральфу. Я вполне уверена, что ему понадобятся умные головы, чтобы справляться с повседневными решениями, которые придется принимать. Возможно, вы хотите устроиться на работу? Я бы без колебаний рекомендовала вас Ральфу, но, разумеется, окончательное решение остается за ним.

Я был тронут ее добротой.

– Большое спасибо, миссис Мерсер, но мы только что познакомились. Откуда у вас такая уверенность во мне, чтобы предлагать помощь?

Китти тепло улыбнулась.

– Юная Сара очень расположена к вам, мистер Танит. Судя по тому, что она рассказывала, меня изумляет, что вашим единственным преступлением является разбитое сердце. После знакомства с моей историей вы понимаете, что я хорошо разбираюсь в этой теме.

– И то правда. У меня нет слов, чтобы как следует отблагодарить вас, миссис Мерсер.

Она встала и подошла к серебряной конторке в углу комнаты.

– Вот адрес Алисия-Холл в Аделаиде. Это самый большой дом на Виктория-авеню, где вы сможете найти Ральфа и его жену Рут. Мистер Танит, после нашего прибытия я отправлюсь туда и сообщу Ральфу о своем решении, а потом поеду к Айерс-Рок. – Она с тоской посмотрела в окно каюты. – Я еще девочкой собиралась совершить паломничество туда, но жизнь имела относительно меня другие планы. Поскольку это мое последнее путешествие к берегам Австралии, я собираюсь наконец посетить это место. – Ее глаза засияли от радостного предвкушения. – Если не возражаете, дайте мне несколько дней, чтобы уладить дела, прежде чем вы появитесь в Алисия-Холл. Это было бы очень любезно с вашей стороны.

– Разумеется, – ответил я. – И я очень рад, что вы наконец доберетесь до Айерс-Рок. Кажется, у аборигенов это место называется Улуру?^[21]

Она удивленно посмотрела на меня.

– Да, мистер Танит. Не знала, что вы интересуетесь наследием аборигенов.

Я допил остатки джина с тоником.

– Должен признаться, мне известно меньше, чем хотелось бы. Но мой отец однажды назвал Улуру духовным центром.

Китти кивнула.

– Так и есть, особенно для коренных австралийцев. По их словам, Улуру уходит корнями во времена Творения.

– Во времена Творения?

Она вернулась на свой диван.

– Иногда это называют временем сновидений. Не обижайтесь, мистер Танит, но люди со стороны плохо разбираются в этом. Аборигены верят, что время сновидений существовало в самом начале Вселенной. В их культуре земля и люди были созданы духами, которые сотворили реки, скалы, холмы...

– И Улуру, – добавил я.

– Вот именно. Именно поэтому скала имеет такое важное значение.

Мы оба замолчали, представляя громадную песчаниковую формацию посреди пустыни, которая была видна за многие мили вокруг.

– Вы знаете, что в определенное время года Улуру меняет свой цвет и на закате светится ярко-оранжевым?

– Должно быть, это волшебное зрелище.

– Я всегда так думала. – Глаза Китти засверкали, когда она подумала о зачарованном месте, которое так долго ускользало от нее. – Прошу прощения, мистер Танит. Теперь, когда вы все знаете об Алисия-Холл, я сообщу Ральфу, что рано или поздно вы придете к нему.

Я встал и пожал ей руку.

– Спасибо, миссис Мерсер. Я глубоко благодарен вам, и Саре, разумеется. Извините, – продолжил я с некоторым трепетом, – но не могли бы вы оказать ей некоторое содействие в Австралии? Хотя вы уже и так достаточно сделали.

Китти одарила меня лукавой улыбкой.

– У меня есть очень странное ощущение, что мы с юной Сарой будем еще долго общаться.

Я еще раз поблагодарил ее и отправился к себе в каюту.

*Австралия, Аделаида,
Алисия-Холл.*

Мне еще не приходилось находиться в такой жаре. В отличие от приятных теплых лучей Средиземноморья австралийское солнце было грозным и удушающим. Здесь, где даже земля спекалась от зноя, обитали странные существа, которые за тысячи лет адаптировались к высоким температурам. Увы, я был лишен подобной роскоши. Будучи уроженцем холодного климата, я привык удерживать тепло внутри, а не рассеивать его в окружающем пространстве.

Не считая местной погоды, Австралия поражала своей красотой. Красная пустынная охра гармонично сочеталась с первозданными скальными породами и зеленым кустарником. Многие территории

покрыты спекшейся оранжевой глиной, которая превращается в порошок под палящими лучами солнца, и ветер разносит ее по дорогам, как волшебную пыль.

Что касается Алисия-Холл, мне редко приходилось видеть такие прекрасные оазисы. После нескольких дней, проведенных в порту Аделаиды, я проехал по дорогам среди лачуг с жестяными крышами, которые перешли в ряды бунгало и наконец в широкую улицу с просторными особняками. Алисия-Холл был самым впечатляющим из них. Белый особняк в колониальном стиле, построенный с учетом местной дневной жары, со всех сторон был окружен прохладными тенистыми верандами и балконами с изящными коваными оградами.

Пышный сад распланирован по секциям, с дорожками среди подстриженной травы, иногда под сенью деревянных рам, увитых глицинией. Темно-зеленые кусты с фигурной стрижкой чередуются с клумбами и растительными бордюрами, где распускаются ярко-розовые и оранжевые цветы, глянцевиито-зеленые листья и багряные соцветия с медовым ароматом. Границы сада обсажены высокими деревьями с необычной призрачно-белой корой, испускающей свежий бальзамический запах, который проникает в дом с порывами вечернего бриза, когда хор насекомых производит целую какофонию звуков.

* * *

У Ральфа Маккензи были пронизательные голубые глаза, волевой подбородок и густые темно-русые волосы. К моему удивлению, он был значительно моложе Китти, пожалуй, лет на двадцать или около того. Когда я постучался в его дверь через неделю после прибытия в Аделаиду, он оказал мне самый теплый прием.

– Мистер Танит? Добро пожаловать в Алисия-Холл!

Он приветствовал меня энергичным рукопожатием и провел через центральный вестибюль. Когда мы устроились в гостиной, он попросил свою экономку Килару принести горячего чая.

– Вообще-то, мистер Маккензи, мне лучше выпить воды, – вмешался я.

– Ага! Очевидно, мистер Танит, что мы оба прибыли сюда из холодных краев. После приезда я не мог представить себе ничего хуже

горячего чая в таком жарком климате. Но сестра моей жены заверила, что горячий чай дает возможность потеть и активизирует природную систему охлаждения организма.

Я пожал плечами.

– Никогда не думал об этом.

– Австралия полна сюрпризов, мистер Танит, – с улыбкой отозвался Ральф. – Здесь вы сможете по-новому взглянуть на мир.

– Надеюсь на это.

– Итак, моя сестра сообщила, что вам нужна работа. Сразу должен сказать, что рекомендации от Китти вполне достаточно. Вы можете приступить к работе... если захотите принять ее. – Ральф немного помедлил. – Уверен, она дала вам понять, что сделала для меня, поэтому мне не терпится вернуть эту доброту любым возможным способом.

– Я буду благодарен за любую работу, мистер Маккензи, – честно ответил я. – В этом смысле я непритязателен.

Ральф наклонился вперед:

– Что вы знаете об опалах, мистер Танит?

Я вспомнил ожерелье с подвесками, которое носила мать Крига.

– Только то, что это редкий и ценный минерал, используемый в ювелирном деле.

– Совершенно верно, мистер Танит. Из-за уникальных геологических условий Австралия является главным мировым поставщиком опалов с тысяча восемьсот восьмидесятых годов. Мы производим девяносто пять процентов опалового сырья. Если говорить откровенно, то жемчужный бизнес в Бруме^[22] почти рухнул в послевоенные годы. Он восстанавливается, но очень медленно. – Ральф снова выпрямил спину и неосознанным движением поправил жилет. – Как новый глава корпорации, я намерен восстановить бывшую славу Мерсеров в ювелирной области.

– Ясно.

– Мой племянник Чарли был толковым молодым человеком, но слишком рано ушел из жизни, погиб на войне. Он видел, откуда дует ветер, и вложил средства в виноградники и опаловую шахту в Кубер-Педи^[23]. Прибыль достаточно хорошая, но мы еще не вышли на полную мощность. Я лишь недавно оттуда. – Тут вернулась Килара,

которая принесла чай на декоративном серебряном подносе. – Килара, Кубер-Педи находится на территории аборигенов, не так ли?

– Да, сэр, – она кивнула. – *Куна пити*, что значит «колодец для мальчиков». – Она налила чай. – С лимоном или с молоком, сэр?

Килара посмотрела на меня, и меня поразили ее карие глаза, сиявшие, как лунный камень.

– Спасибо, мне с молоком.

– Как я сказал, Кубер-Педи является месторождением опалов. По моему убеждению, мы едва поскребли по поверхности того, что находится под землей. Когда я находился там, мне предложили докупить подешевевшие земельные участки. Я собираюсь вложиться в этот бизнес.

Я отпил чаю.

– Звучит многообещающе, мистер Маккензи. Чего бы вы хотели от меня?

– Мне нужен человек, который вел бы дела на месте. Это... непростая вакансия. Как и при любых шахтных работах, она связана с риском. И вы обнаружите, что стандарты здоровья и безопасности в Австралии не такие высокие, как в Европе.

– Ну, что же. – Я с улыбкой поставил чашку на блюдце. – По крайней мере, под землей будет прохладнее, чем наверху.

– Могу я считать это проявлением интереса, мистер Танит? – с надеждой поинтересовался Ральф.

– Да, мистер Маккензи. Благодарю вас.

– Отлично! Но я не хочу недооценивать потенциальную опасность этой работы. У нас уже есть глубокие шахты, и я намерен проложить новые.

– Мистер Маккензи, я недавно потерял любимую женщину, – со вздохом сказал я. – Заверяю вас, то, что я еще дышу и нахожусь здесь, это настоящее чудо. Более того, во мне больше не осталось страха. По правде говоря, нынешняя жизнь мало что значит для меня. Я рад возможности быть полезным вам.

Ральф выглядел немного смущенным.

– Мне жаль это слышать, мистер Танит.

– Прошу вас, называйте меня Атласом.

– Атлас... Что за превосходное имя! И вполне уместное, поскольку вы отправитесь под землю и будете держать на плечах

опаловые шахты. – Ральф подался вперед, чтобы пожать мне руку. – Я гарантирую вознаграждение за ваш труд, Атлас. – Он изогнул бровь. – В сущности, у меня есть идея. Кроме зарплаты, я готов предложить вам часть прибыли от продажи опалов. Что скажете насчет десяти процентов?

Я был поражен.

– Это очень щедро с вашей стороны, мистер Маккензи. Право же, нет надобности...

– У нас в Шотландии есть поговорка: «Дареному коню в зубы не смотрят», – перебил Ральф и широко улыбнулся. – Мне хочется воодушевить вас. Я считаю, что это может стать действительно крупным бизнесом. Если вы справитесь с работой, то сможете заработать кучу денег. Вы будете отвечать за расширение шахт, увеличение выработки, экспортные операции и заключение выгодных контрактов... У вас будет масса дел. Уверяю, что вы будете в полной мере отрабатывать эти десять процентов от прибыли.

Я кивнул.

– Спасибо, мистер Маккензи. Значит, мы договорились.

– Превосходно! Я собираюсь подтвердить свое намерение как можно скорее приобрести земельные участки в Кубер-Педи. – Он встал. – Готов поспорить, что этот чемодан... – Он указал на мой поношенный саквояж, покрытый дорожной пылью. – В общем, вам нужно где-то остановиться, прежде чем мы пошлем вас на север?

– Мне и впрямь некуда податься, – признался я.

– Значит, пока что мы будем рады принять вас в Алисия-Холл.

– Мистер Маккензи, ваша доброта поистине не знает границ. Я в неоплатном долгу перед вами.

– По правде говоря, вам понадобится любой комфорт, который только можно получить. – Ральф выглядел немного смущенным. – Я еще кое-что не упомянул о Кубер-Педи.

– Вот как?

– Вы совершенно правы, под землей гораздо прохладнее, чем наверху. Поэтому люди строят подземные жилища, чтобы защититься от пустынного зноя. Они в буквальном смысле слова зарываются в холмы. Тот парень, у которого я собираюсь купить землю, продает ее вместе со своим домом, где вам предстоит жить.

Он с беспокойством посмотрел на меня, как будто я собирался отвергнуть его предложение.

– Мистер Маккензи, мысль о том, чтобы скрыться под землей от остального мира кажется мне странно успокаивающей. Это будет в самый раз для меня.

Ральф облегченно вздохнул.

– Похоже, мы с вами превосходно сработаемся. А теперь мне нужно заняться неотложными делами, Килара устроит вас на новом месте. – Я допил чай и встал. – Килара, вы проводите мистера Танита в главную комнату для гостей?

– Да, сэр, – кивнула служанка.

– Спасибо. Встретимся за ужином, Атлас.

Ральф повернулся, собираясь выйти из комнаты, и тут же столкнулся с мальчиком, в котором я узнал маленького Эдди с «Ориента».

– Осторожно, Эдди! – Ральф потрепал его по голове.

– Эдди! – воскликнул я, расплывшись в улыбке. – Что ты здесь делаешь?

Мальчик улыбнулся в ответ и прижался лбом к ноге Ральфа, чье моментальное замешательство быстро прошло.

– Конечно же, вы должны были познакомиться на пароходе!

– Это правда. И я очень рад видеть его в Алисия-Холл, Ральф.

– Мы с удовольствием приняли его. – Ральф положил руку на плечо Эдди. – Он сразу же подружился с нашим кокер-спаниелем Тинки, правда, Эдди? – Тот энергично кивнул. – Пойдите-ка; наверное, вы не знали, что они с Сарой появились здесь в поисках Китти через два дня после ее приезда?

– Нет, не знал. Насколько я помню, они должны были познакомиться со своими новыми семьями вскоре после нашего прибытия в Аделаиду.

Ральф вздохнул.

– Таков был первоначальный замысел, но никто не пришел за ними. Их с Сарой забрали в здешний богомерзкий приют, но они сбежали оттуда и добрались до Алисия-Холл. – Он с гордостью посмотрел на Эдди.

– С Сарой все в порядке? – нервозно поинтересовался я.

– В полном порядке, мистер Танит. Китти взяла ее себе в горничные, и сейчас они вместе.

Я почувствовал облегчение.

– Вот это *хорошая* новость.

Ральф тихо рассмеялся.

– Они прекрасно поладили друг с другом. Но, богом клянусь, мистер Танит, я добьюсь закрытия сиротского приюта Сент-Винсент-де-Поль в Гудвуде, даже если это будет последним делом в моей жизни. Судя по всему, тамошние монахини обращаются с детьми как с рабами. Но здесь Эдди в безопасности, правда, старина?

– Да! – пискнул Эдди, повернулся и выбежал из комнаты.

– Знаете, Ральф, я впервые слышу его голос.

– Это особенный мальчик. Надеюсь, однажды он... Это может показаться глупостью, ведь он только что познакомился с нами, но для меня было бы честью официально усыновить его. – Ральф откашлялся. – Меня нельзя назвать особенно верующим человеком, но, должен признать, я верю в целительную силу Алисия-Холл и здешних мест. Это настоящий оазис для размышлений и самосозерцания. Он может послужить целебным средством и для вас. – Он похлопал меня по плечу и вышел из комнаты.

– Отнести ваш чемодан? – с улыбкой спросила Килара.

– Спасибо, я справлюсь. Только покажите, куда идти.

Килара пожалала плечами. Я подхватил саквояж и двинулся за ней по роскошной изогнутой лестнице. Заглядевшись по сторонам, я споткнулся на второй ступеньке. Килара молниеносно подхватила меня под руку и выхватила чемодан, как будто пуховую подушку.

– Не беспокойтесь, я отнесу.

– Прошу прощения, обычно я не такой неуклюжий.

Килара отвела меня через мезонин в просторную комнату с красивым видом на сад.

– Вот ваша спальня, сэр.

– Спасибо, Килара.

Она кивнула и повернулась к выходу. Когда она проходила мимо, то посмотрела мне в лицо, и я вновь был зачарован гипнотическим блеском ее глаз.

– Вы знаете про время Творения, сэр? – спросила она.

Ее вопрос ошеломил меня.

– Да... Я знаю о времени Творения и уверен, что это нечто особенное.

Я мысленно выругал себя за покровительственный тон.

– Вы сами из времени Творения, мистер. Духи знают о вас.

Килара мягко положила руку мне на локоть. Не знаю, почему, но ее дружелюбное лицо и легкое прикосновение едва не довели меня до слез.

– Отдохните здесь. Отдохните сейчас.

Она убрала руку и тихо закрыла за собой дверь спальни.

Внезапно обессиленный, я рухнул на кровать. Должно быть, я сразу же заснул, потому что увидел сразу несколько кошмаров. В одном из них я оказался лицом к лицу с Элле. Мы держались за руки, когда какое-то темное и зловещее существо увлекло ее в глубокую тень. В другом сне я находился в церкви; очевидно, это был день моей свадьбы. Повернувшись, я увидел Элле, идущую между рядами скамей, она приблизилась к алтарю, но как будто не заметила меня. Она произнесла брачные обеты, но так и не посмотрела в мою сторону. Когда я отошел от алтаря, то увидел, что она обращалась к другому мужчине, я не мог разглядеть его лицо.

В последнем сне я оказался под куполом ночного неба, где Семь Сестер из скопления Плеяд приняли человеческий облик и танцевали надо мной. Они взяли за руки и окружили меня, смеясь и кружась все быстрее и быстрее, пока я не перестал различать их. Когда я открыл глаза, передо мной находился младенец, хныкавший и пускавший пузыри в корзинке. Мне хотелось взять его на руки и утешить, но, едва я потянулся туда, младенец исчез. Я безнадежно огляделся по сторонам и увидел знакомое лицо. Это была женщина в красном платье, с длинными волнистыми волосами. Потом она пропала, и мир снова закружился вокруг меня. На этот раз перед моим взором вспыхнула череда буйных цветов. Вращавшиеся галактики и узоры возникали у меня на глазах, становясь все ярче, пока весь мир не потонул в белом сиянии.

Когда я проснулся, солнце светило мне прямо в лицо.

*Кубер-Педи,
1951 год*

Пустыня в Кубер-Педи – самое засушливое и знойное место, где мне приходилось бывать, но здесь, несомненно, добывают лучшие в мире опалы. Великая ирония судьбы заключается в том, что для образования этого драгоценного камня нужен дождь. Когда это случается – раз в десять лет – и дождь орошает высохшую землю, вода просачивается в поры и трещины древних пород, создавая насыщенный раствор кремния и кислорода. Потом, во время долгой засухи, вода испаряется и оставляет отложения кремния в трещинах между слоями осадков. Эти отложения создают радужные переливчатые цвета опалов, за которые люди готовы платить деньги. Мои наемные сотрудники часто спрашивают, какое волшебство порождает наш товар. Я даю им научное объяснение, но они редко верят мне и предпочитают легенду аборигенов.

Там говорится о прекрасном, похожем на бабочку существе с мерцающими радужными крыльями по имени Палла-Палла. Однажды Палла-Палла прилетела на вершину самой высокой горы, но тут начался снегопад, погребший ее под сугробом. Когда снег растаял, Палла-Палла лишилась своей волшебной расцветки, которая впиталась глубоко в землю.

Думаю, со временем я начну склоняться к этому варианту истории. Но пока все, что я вижу, когда изучаю шахтные выработки, это микроскопические сферы, преломляющие свет. Логичное и простое объяснение научного феномена. Во многом такое же, как звезды, сияющие в ночном небе. Мне пришлось примириться с тем, что это не таинственные маяки надежды и небесного величия, а шары раскаленного газа, удерживаемого силой тяготения. Правда, лучше считать их таковыми, чем полагать, что Семь Сестер, мои хранительницы, навеки покинули меня.

В этом отношении мне стала нравиться жизнь под землей. «Дома» (если их можно так называть, ибо они больше похожи на норы) создаются с помощью направленных взрывов, после чего раздробленная порода извлекается кирками и лопатами. Наши потолки достигают четырехметровой высоты, чтобы предотвратить обрушение, но редко бывают более высокими. В результате получается нечто вроде

подземной пещеры. Некоторые прорубают световые колодцы, но я не позаботился об этом. Теперь мне нравятся сумерки.

Местные умельцы превратили свои жилища в сносное подобие наземных домов, высекая арки, стенные ниши, дверные проемы и даже скульптуры или искусную резьбу. Я не испытываю потребности в таком домашнем уюте. Я сплю на ветхом, запыленном матрасе и храню одежду в старом чемодане на полу. У меня нет даже письменного стола. За последние два года я не испытывал желания возвращаться к этому дневнику.

Когда я приехал сюда, все только начиналось. Первым делом я нанял пятерых шахтеров, работавших на другую корпорацию. Имея за спиной обширные средства бывшей жемчужной империи Мерсеров, я смог предложить больше денег в обмен на профессиональный опыт. В первое время приходилось тяжело. Нам предстояло исследовать огромную территорию, и дело продвигалось очень медленно.

Зимой 1949 года меня посетила блестящая идея.

Для расширения шахтных работ с той скоростью, какую требовал Ральф Маккензи, мы нуждались в людях, привыкших работать в тяжелых подземных условиях. Я послал одного из шахтеров в порт Аделаиды для найма молодых мужчин из Европы, выдержавших превратности недавней войны и желавших начать новую жизнь. Мой агент беседовал с ними и предлагал срочную работу за достойное жалованье.

Этот план сработал. Через год на наших шахтах в Кубер-Педи работало более ста человек.

Ральф Маккензи просто не мог поверить моим докладам, поэтому лично посетил Кубер-Педи. В те дни я редко чему-то радовался, но его изумление при виде размаха шахтных работ стало настоящим подарком.

– Боже милостивый, Атлас! Я не верю своим глазам. Мне показалось, что это бухгалтерская ошибка, или...

Он замешкался.

– Или что я пытаюсь обвести вас вокруг пальца, – ледяным тоном закончил я. Только когда эти слова прозвучали, я понял, как сильно изменился за это время. Целый год без Элле в адских условиях пустыни ожесточил меня.

Ральф нервно рассмеялся.

– Ну... да. – Он опустил голову. – Но я здесь, и с фактами не поспоришь. – Он протянул руку. – Вы настоящий титан индустрии, Атлас Танит.

– Спасибо, Ральф.

– Я понимаю, как паршиво каждый день выходить на работу в местных условиях. Как вы смотрите на то, чтобы взять отпуск на несколько недель и отдохнуть в Алисия-Холл. Разумеется, с полным содержанием. Это меньшее, что я могу сделать.

Я покачал головой.

– В этом нет надобности. Здесь еще полно работы, и я рад заниматься ею.

– Ну, как бы то ни было, иногда полезно отступить в сторону и оценить свои достижения.

– Нет, – жестко ответил я, несмотря на его беспокойство. – Но спасибо за предложение.

Он пожал плечами.

– Ладно. Я не специалист, в отличие от вас, но, с моей непросвещенной точки зрения, наш участок полностью загружен.

– Вы правы. Для новых шахт почти не осталось места. Нам не помешали бы новые участки для разработок.

– Все ясно, Атлас. Я займусь приобретениями. Только тех денег, которые вы приносите нашей корпорации, будет более чем достаточно, чтобы удвоить или даже утроить добычу. – Он слегка подтолкнул меня. – Вы с вашими десятью процентами скоро станете миллионером. Как вам это нравится?

Я твердо выдержал его взгляд.

– Мне нравится эта работа. Я согласился бы и на меньшее.

Он вздохнул.

– Господи, неужели вас вообще ничто не радует? Откровенно говоря, я беспокоюсь за вас. Год назад, когда мы познакомились, я увидел отчаявшегося и сломленного человека. Но человек, которого я вижу сейчас, стал... гораздо жестче. Вы здесь отлично поработали, Атлас. Но стоит помнить, что настоящая жизнь происходит на земле, а не в подземелье.

Я прищурился.

– Такой образ жизни устраивает меня.

– Прошу прощения за некоторую грубость, Атлас, но здесь почти нет женщин, чисто мужское общество, – упорствовал Ральф. – Здесь нет нормальных возможностей для общения с противоположным полом. А в Аделаиде я знаю множество приятных молодых женщин, которые будут рады познакомиться с вами.

Я медленно повернулся к нему.

– Мистер Маккензи, я прошу больше никогда не предлагать мне ничего подобного. У меня нет *абсолютно* никакого интереса к этому.

– Хорошо.

Ральф Маккензи уехал и через месяц приобрел десять гектаров новой земли. Я направил новых агентов в порт Аделаиды, и вскоре опаловые копи Мерсеров в Кубер-Педи были на устах у всех, кто имел отношение к этой индустрии. Я был занят только текущими операциями и ежедневно сосредоточивался на конкретных задачах. В моей голове оставались только кирки и лопаты, деревянные крепи и крошечная тьма. Таким образом мое воображение не могло проникнуть на ту территорию, куда я не хотел идти.

Сегодня я едва не погиб.

Утром, когда я готовил экспортные документы в лачуге с жестяной крышей, которая служила моим офисом, в панике прибежал наш прораб Майкл.

– Сэр, у нас обрушение! Три человека под обломками в седьмой шахте!

Я рефлекторно вскочил на ноги.

– Они живы?

– Если еще живы, то скоро погибнут, сэр. Думаю, скоро обрушится весь свод шахты.

Я поспешно направился к выходу.

– Собери как можно больше людей и направь их к седьмой шахте. Поспеш!

– Да, сэр, – отозвался Майкл и выбежал передо мной. Потом меня посетила жуткая мысль, и я окликнул его:

– Говоришь, свод может обрушиться?

– Я слышал ужасный скрип и треск, сэр. Думаю, крепежные столбы прогнили изнутри.

Я глубоко вздохнул.

– Отмена, Майкл. Я не могу рисковать жизнями без крайней необходимости. Я сам отправлюсь туда.

– При всем уважении, сэр, вы сами ничего не сможете поделаться. Они погребены под грудями щебня и ломаного дерева.

Я согласился с его оценкой.

– Тогда вызови добровольцев и подробно объясни ситуацию. Никаких приказов, только по желанию.

– Сэр. – Майкл кивнул и побежал дальше. Я тоже пустился бегом по оранжевой земле, пока не достиг входа в седьмую шахту, откуда, как и говорил Майкл, доносились жуткие скрипящие звуки. Тогда я без колебаний начал спускаться по стальным скобам, закрепленным в горной породе. Когда я достиг дна, меня встретили клубы глинистой пыли. Я едва различал огоньки масляных ламп и следовал за ними на ощупь. Вытянув руки перед собой, я вскоре наткнулся на человека.

– Кто это? – крикнул шахтер.

– Атлас Танит. А ты?

– Эрни Принс, сэр!

– Покажи, где завалило людей.

– Прямо перед нами, сэр!

Он схватил меня за плечо и указал вперед и вниз, где я разглядел пять или шесть фигур, разгребавших кучу щебня.

– Раздался громкий треск, поэтому я велел всем подниматься наверх. Но трое не успели.

– Скоро здесь все обрушится! – крикнул я. – Вам самим пора спасаться.

– Это моя шахта, сэр, и мои люди. Я должен попробовать!

Я услышал приглушенный крик, доносившийся из-под земли. Это помогло мне собраться с мыслями.

– Оставайся, если хочешь. Но подумай о своей семье.

– Эй, парни! – крикнул Эрни, обращаясь к людям, пытавшимся разгрести завал из щебня и грязи. – Выбирайтесь отсюда. Вверх по скобам!

Они неуверенно замерли.

– Это чертов приказ! Отправляйтесь немедленно!

Они подчинились и побросали свои кирки и лопаты. Эрни стоически остался на месте и передал мне кирку.

– Просто копайте, сэр. Это все, что мы можем сделать.

Скрип и треск усиливались, пока мы яростно вгрызались в твердую землю.

– Постой! – крикнул я. – Мы колотимся в деревянную балку, поэтому дело не двигается. Земля засыпала балку; нам нужно копать сверху, а не снизу!

Эрни кивнул и последовал моему примеру, когда я начал расчищать завал на высоте груди, продвигаясь сверху вниз. К моей радости, крики людей стали громче, когда мы убрали больше земли.

– Продолжай! Мы приближаемся к ним!

Казалось, прошли часы, но на самом деле не больше двух минут энергичных раскопок, когда я увидел какое-то движение внизу.

– Это рука! Хватай и тяни, Эрни!

Он последовал моему совету, а я продолжал копать. В конце концов, из грязи и щебня показалось чумазое лицо. Эрни вытащил парня наверх, и тот застонал.

– Ты можешь идти, Рон? – спросил Эрни. Рон покачал головой. Внезапно из клубов пыли у входа в шахту появился Майкл с тремя добровольцами.

– Вытащите его отсюда! – крикнул я. – Нам осталось освободить еще двоих.

Я приложил ухо к земляной куче и прислушался. Снизу донесся хриплый оклик.

– Он здесь!

К моему изумлению, человеческая нога торчала из кучи земли, которую мы уже расчистили. Хотя на этот раз извлечение шло быстрее, человек был в плохом состоянии и постоянно терял сознание.

Из шахты послышался самый тошнотворный скрип, и земля затряслась. Я понял, что происходит, и обратился к шахтерам:

– Этого будет труднее доставить на поверхность; понадобятся ваши общие усилия. Я найду последнего шахтера.

Шахтеры потащили пострадавшего к выходу, а Эрни снова подхватил лопату.

– Эрни... – Я положил руку ему на плечо. – ...спасибо, но ты им нужен. Я найду последнего человека. Как его зовут?

– Джимми, сэр. Он совсем молодой, всего лишь девятнадцать лет!
– Понимаю. А теперь иди.

Эрни развернулся и исчез в клубах пыли. Я снова приложил ухо к земле, но на этот раз не услышал приглушенных криков. Разбивая киркой новую кучу земли перед собой, я примирился со своей участью. Свод шахты обрушится и похоронит меня вместе с Джимми. В надежде на то, что он услышит меня и поймет, что ему не придется умирать в одиночестве, я закричал:

– Джимми! Ты слышишь меня, Джимми? Все будет хорошо, мы идем за тобой! – К моему удивлению, в ответ послышался отчетливый стон. – Джимми, это ты?

– Охxxx, – снова услышал я. Я разбросал землю, ориентируясь по звуку, и вскоре увидел парня в полубессознательном состоянии, чье туловище было свободно. Однако его ноги застряли под рухнувшей балкой. Я схватил его за руку, мое сердце грозило выскочить из груди.

– Держись крепче, Джимми! – крикнул я и потянул изо всех оставшихся сил. Он закричал от боли, и стало ясно, что его ноги прочно зажаты. Я начал окапывать землю вокруг его пояса, но толку от этого было мало. Тогда я поднял масляную лампу и убедился, что опорная балка отвалилась от стены шахты под острым углом, поэтому она не раздавила Джимми до смерти, но заперла его внутри. Я ухватился за балку и попытался поднять ее, но это было выше моих сил.

– Пожалуйста, – промямлил Джимми. – Пожалуйста, пожалуйста...

Я провел пальцами по балке, нащупывая трещины в древесине. Если бы мне каким-то образом удалось сломать балку, этого могло оказаться достаточно, чтобы освободить Джимми и удержать землю наверху, чтобы его не засыпало. Через несколько секунд я нащупал трещину. Я снова взялся за кирку и застучал по балке. Земля у меня под ногами осыпалась так сильно, что удары были слабыми и неточными.

– Проклятье! – вскричал я. Если бы только у меня было что-то острое, чтобы расклинить балку! Я шарил по полу в поисках подходящего камня и тут вспомнил про один предмет, который всегда носил с собой.

– Алмаз, – выдохнул я. Сняв кожаный кошелек через голову, я достал изнутри драгоценное содержимое. Потом нащупал самую широкую часть трещины и засунул алмаз внутрь. Я отступил на шаг, размахнулся киркой и с безмолвной молитвой нанес удар изо всех сил, которые у меня еще оставались. Раздался треск, и нижняя часть балки откололась от верхней. Против всех ожиданий, мой план сработал. Нижняя часть балки отвалилась в сторону, а верхняя продолжала удерживать землю наверху. Я ухватил Джимми за руку и вытащил его.

Мне повезло, что я действовал быстро, ибо верхняя часть балки тоже раскололась пополам. Я потащил Джимми через груды щебня и облака пыли.

– Помогите! – завопил я, когда мы достигли входа в шахту. – Помогите, пожалуйста!

Я пришел к выводу, что никто не услышал меня из-за жуткого грохота. В последний раз собравшись с силами, я поднял безвольное тело Джимми и забросил его на плечо. Потом взялся за железные скобы и начал выбираться из этого ада. Это было настоящей мукой, но я преодолел какую-то часть пути. Через несколько метров я услышал голоса.

– Эй, кто-то поднимается сюда!

– Не может быть. Тебе привиделось!

– Только посмотри вниз!

– Черт побери, спускайтесь и помогите ему! Мы идем, только держитесь!

Я продолжал карабкаться к свободе, а потом вес Джимми постепенно ушел с моих плеч.

– Мы держим его, – сказал Эрни. – Вытягивай его, Майкл!

Но освобождение от Джимми вывело меня из равновесия, и мои ноги соскользнули со скобы. Я висел на руках и видел, как Джимми вытягивают из вертикального штрека. Потом глухой рокот внизу превратился в рев, и мусор сверху полетел мне в лицо.

– Шахта рушится! – завопил Эрни. – Быстрее, хватайте его!

Я посмотрел вниз и увидел безумный водоворот из сухой глины и деревянных щепок. Рев стал оглушительным. Последним, что я увидел, когда поднял голову, была протянутая рука Эрни, он отчаянно пытался дотянуться до меня. Я попробовал ухватиться за его руку, но

расшатанная скоба выскочила из стены. На какой-то момент я оказался в свободном падении, а потом окружающий мир скрылся из виду.

* * *

Я очнулся и с изумлением обнаружил, что нахожусь в одной из самодельных лачуг над землей и лежу на куче разбросанной рабочей одежды.

Дыхание причиняло нестерпимую боль.

– Моя грудь... – простонал я.

– Это ваши ребра, сэр. Думаю, вы сломали несколько штук. Как ваши ноги? – осведомился Эрни. – Можете пошевелить ступнями?

Я попробовал, и мне удалось.

– Да. Люди из седьмой шахты...

– Все в порядке, сэр, не считая нескольких сломанных костей и контузий. И это благодаря вам.

Я положил руку на голову, пульсировавшую от боли.

– Шахта обрушилась.

– Да, сэр, когда вы находились в трех метрах от поверхности. К счастью, мы следили за вами и сразу же начали копать. Понадобились почти все рабочие руки, чтобы вытащить вас. Остальное было делом техники.

– Спасибо, – сказал я и попытался пожать руку Эрни. – Ох! – вырвалось у меня, когда вспышка боли пронзила локоть.

– Постарайтесь не шевелиться, сэр. Мы сообщили о случившемся мистеру Маккензи в Аделаиде, и он заверил нас, что пришлет лучших врачей к вам и к остальным пострадавшим. Но до тех пор... в общем, у Майкла есть идея.

Он указал на прораба, который стоял у выхода. Майкл смущенно откашлялся.

– Вы не возражали бы против встречи с нганкари?

– Нганкари? – переспросил я.

– Это целители из аборигенов, сэр. Я слышал, что они живут в поселке в нескольких милях отсюда. Врачи из Аделаиды приедут через несколько дней, но один из нганкари может прийти уже сегодня вечером.

Я изобразил кивок.

– Все, что угодно, лишь бы избавиться от боли в груди.

Майкл облегченно вздохнул.

– Не беспокойтесь, мистер Танит. Я вернусь попозже вместе с целителем. Вы очень храбрый человек.

Он выбежал наружу.

– Он очнулся? – спросил кто-то за дверью.

– Обождите, мистер Танит, – сказал Эрни и вышел посмотреть, кто там. До меня донеслись приглушенные звуки разговора, потом он вернулся.

– Я знаю, что вы лишь недавно пришли в себя, сэр, но кое-кто очень хочет увидеться с вами и убедиться, что у вас все в порядке.

– Кто это?

– Джимми, сэр. Ему не терпится поблагодарить вас.

– Пожалуйста,пусти его.

Эрни вышел, и вскоре на его месте появился румяный паренек, который выглядел не старше подростка. Он заметно хромал. Джимми снял широкополую шляпу, защищавшую от солнца, и со скромным видом выставил ее перед собой.

– Джимми, – сказал я. – Как ты себя чувствуешь?

– Я живой, сэр, но только благодаря вам. Остальные рассказали, что вы остались внизу, чтобы откопать меня, а потом вынесли наверх на своих плечах. Я всем обязан вам. – Он смотрел в пол.

– Вы все работаете на меня, поэтому я отвечаю за вашу безопасность. Я просто выполнял свою работу. – Молодой человек смущенно переминался с ноги на ногу. – С тобой все в порядке?

– Да, сэр. – Он оглянулся на вход. – Просто я должен кое-что вернуть вам.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

Джимми осторожно запустил руку в карман и достал знакомый предмет. Я невольно рассмеялся, хотя в следующий момент меня скрутило от резкой боли в груди.

– Ох, – пробормотал я. – Вот уж не думал снова увидеть это, Джимми. Ты знаешь, что это такое?

Алмаз был покрыт грязью и сапожной смазкой.

– Да, сэр. Мальчишкой я работал на алмазных копях в Канаде. Настоящий камень можно узнать где угодно, но... – он покачал

головой, – ...мне еще не приходилось видеть ничего подобного.

– Полагаю, что так. – Я попытался привести себя в сидячее положение на куче одежды. – Но как же тебе удалось подобрать его? Я уже попрощался с ним там, внизу.

– Я видел, как вы что-то достали из кошелька, который сняли через голову. Потом, когда вы ударили киркой по балке, эта штука буквально упала мне на грудь, сэр. Я сохранил ее для вас. – Джимми подошел к моей импровизированной постели. – Вот, держите. – Он протянул мне алмаз.

Я несколько секунд смотрел на камень.

– Мне показалось, что лучшим предназначением для этого камня будет спасение чьей-то жизни. Но он вернулся ко мне. – Я повертел алмаз в руках и посмотрел на Джимми. – Почему ты не забрал его себе? Ты мог бы отправиться куда угодно, вести безбедную жизнь... но ты предпочел вернуть его мне.

Джимми энергично замотал головой:

– Сэр, я даже не думал об этом. Он мне не принадлежит.

– Ну, что же, – сказал я. – Спасибо, что вернул его мне.

Он робко посмотрел на меня:

– Я мог бы задать вам такой же вопрос, сэр.

– Прошу прощения?

– Вы сами сказали: с такой драгоценностью можно стать кем угодно. Но вместо этого вы остаетесь здесь, посреди пустыни, с кучей грязных шахтеров. Сегодня вы едва не погибли. Почему бы вам не продать камень и не начать новую жизнь?

Я задумался о том, какой чуждой могла бы показаться этому молодому парню моя жизненная концепция.

– Ты сказал «он мне не принадлежит», так, Джимми? – Юноша кивнул. – Так вот, я могу сказать то же самое. Еще раз спасибо, что вернул его.

Джимми повернулся к выходу.

– Эй, Джимми, – окликнул я. – Если не возражаешь, не стоит говорить об этом с остальными, ладно?

– О чем, сэр? – отозвался Джимми. Я кивнул, и он вышел наружу.

Я снова посмотрел на алмаз.

– Хотя я попытался избавиться от тебя, ты вернулся ко мне. Разве ты не послужил своей цели?

Я осторожно убрал камень в карман, потом закрыл глаза и заснул.

* * *

Майкл разбудил меня.

– Мистер Танит? К вам пришел один из нганкари.

Я протер глаза и увидел рядом с Майклом высокого мужчину в юбке из длинной сухой травы. Его тело было разрисовано поразительными красочными узорами. Он посмотрел на меня сверху вниз и помахал мне. Я ответил на приветствие.

– Здравствуйте. Спасибо, что пришли ко мне.

Он указал на себя:

– Ярран.

– Атлас. – Я указал на себя, и он кивнул. – У меня сильно болит в груди. Думаю, сломано несколько ребер. У вас есть какое-нибудь обезболивающее?

Ярран молча смотрел на меня, и Майкл поспешил на помощь.

– Он почти не говорит по-английски, мистер Танит.

Ярран указал на мою грудь.

– Да, – сказал я. – Больно.

Ярран кивнул и похлопал Майкла по спине.

– Думаю, он намекает, что ты можешь выйти, Майкл.

Тот озабоченно взглянул на меня.

– Вы уверены, что все в порядке, сэр?

– Да, спасибо.

Когда Майкл ушел, Ярран положил руки мне на грудь.

– Осторожно! – вскрикнул я в страхе от того, что любое прикосновение причинит острую боль. Он помедлил и улыбнулся.

– Ох, – произнес он.

– Да, ох, – ответил я. – Больно.

Ярран снова кивнул, потом сделал глубокий вздох и снова поднес руки к моей диафрагме. Я внутренне сжался, но прикосновение было легким, и его ладони едва скользили по ребрам, словно ласкали кошку.

– Пожалуйста, – сказал Ярран и указал на мою заляпанную грязью рубашку. Я аккуратно расстегнул пуговицы и посмотрел на кожу, покрытую черными и синюшными пятнами.

– Ох, – повторил Ярран. Он снова положил руки мне на грудь и закрыл глаза. Его дыхание становилось все медленнее и глубже.

– Мммм... – протянул он звучным, даже мелодичным тоном. Я посмотрел на него и увидел, как он хмурится.

– Все в порядке? – спросил я.

– Внутри, ох, – отозвался он.

– Знаю. Сломанные ребра.

– Нет, глубоко внутри. Ох.

Меня охватила легкая паника.

– Еще глубже? Думаете, у меня что-то с сердцем? – Я указал на левую сторону груди.

– Тело очнется, – сказал Ярран. – Дух сломан.

Он смотрел на меня темно-карими глазами, переливчатыми, как у Килары.

– Предки, – продолжил он и указал вверх. – Предки заботятся.

– Не понимаю. Я...

Прежде, чем я успел закончить фразу, Ярран положил руки мне на голову и стал массировать виски большими пальцами. Потом его пальцы крепко сжали мой череп, но я не почувствовал боли.

Очень трудно описать, что случилось со мной дальше, но я постараюсь. Пальцы Яррана давили все сильнее и сильнее, пока не показалось, что они проникли в мой череп и достигли средоточия моего ума. Я повторяю, что ощущение вовсе не было болезненным, больше было похоже на то, что меня убаюкивают изнутри. Оно проникло из моей головы в шею, потом в грудь. Внезапно я почувствовал, что мне стало легче дышать, как будто в моих легких открылись дополнительные полости, о которых я не подозревал. Комната передо мной наполнилась ярким сиянием. Я ощущал покой и безмятежность. Потом я услышал голос Яррана, словно порхающий вокруг.

– Ваша душа глубоко страдает, – сказал он. – Я с вашими предками помогу вам выздороветь.

– Вы отлично говорите по-английски, Ярран! – восторженно прошептал я.

– Физический мир делает нас ограниченными, Атлас. Боюсь, вы забыли, что наше бытие гораздо обширнее.

– Где мы? – спросил я.

– Там, где вы пожелаете быть, – ответил он.

Я на мгновение задумался.

– Я хочу быть вместе с Элле. Но она ушла, Ярран, и я до сих пор не понимаю, почему.

– Она пропала, – тихо сказал Ярран.

– Да, пропала из моей жизни.

– Она пропала... отовсюду, – возразил он. – Хммм.

– Что это значит?

– Есть нить, которая связывает нас с любимыми людьми, даже если они далеко. Хотя мы не видим эту нить, она дает знать, что мы всегда связаны друг с другом. Вы до сих пор связаны с ней.

– А она? – ошеломленно спросил я.

– Хммм, – снова протянул Ярран. – Вам нужно много сделать. Очень много.

– Хотите сказать, что я должен отправиться на поиски Элле?

Ярран помедлил, тщательно обдумывая свои следующие слова.

– Предки считают, что вам нужно выполнить предназначение. Они помогут вам.

– Я правда не понимаю, Ярран.

– Пока поспите. Предки присмотрят за вами.

Белый свет медленно угас, и я погрузился в блаженный сон. Когда я проснулся, внутри было темно. Я глубоко дышал и отметил, что боль в груди значительно уменьшилась. Я не сомневался, что мои ребра по-прежнему сломаны, но теперь я хотя бы мог свободно дышать. Я даже мог садиться и вставать с относительной легкостью. Застегнув рубашку, я отворил дверь хижины и вышел в пустынную ночь. Полная луна ярко светила над шахтными выработками, озаряя чужеродный ландшафт, наполненный огромными кратерами.

Пронзительные крики пустынных лягушек эхом разносились над равниной, перемежаясь с завываниями собак динго. Чья-то рука легла мне на плечо; я повернулся и увидел Яррана.

– Спасибо, Ярран. Мне стало гораздо лучше. – Я показал большие пальцы.

Ярран кивнул и протянул мне пучок недавно собранных трав и цветов.

– Это чтобы пить, – пояснил он.

– Спасибо, я сделаю настой. – Я немного помедлил. – Было замечательно побеседовать с вами.

Он непонимающе уставился на меня, и я укорил себя за то, что приписал свое сонное видение духовной силе Яррана.

– Так или иначе, мне стало гораздо лучше, – повторил я.

Ярран повернулся и махнул рукой через плечо.

– Пойдем, – сказал он и направился в пустыню за хижинкой. Я последовал за ним. Около десяти минут мы шли вперед по земле, ярко освещенной лунным светом. Потом Ярран остановился и опустился на землю со скрещенными ногами. Я последовал его примеру.

– Предки. – Он указал на небо.

Я запрокинул голову, и у меня перехватило дыхание. Звезды сияли так ярко, как никогда раньше. Орион, Телец, Персей, Плеяды... Небосвод был полон чудес.

– Звезды, Ярран... Я никогда не видел их такими...

– Всегда здесь, – отозвался Ярран. – Но ты не видишь. Дух сломан. Сейчас лучше.

Грандиозное величие звездного неба повергло меня в шок. В этот момент я увидел жизнь во тьме и тепло посреди холода. Я обратил взор к Семи Сестрам.

– Здравствуйте, старые друзья.

Я впитывал их великолепие, безмолвно извиняясь за то, что забыл все, сделанное ими во время моего жизненного странствия. В конце концов, именно они защитили меня и довели до надежного места, когда я был маленьким мальчиком. Без них я бы давно умер в сибирских снегах. Я по-прежнему верил, что сестры послали мне Элле, Ландовски и Бройли, Пипа, Карин и Арчи Вогана. Не говоря уже о Китти Мерсер и о ее брате Ральфе.

– Хорошо, – сказал Ярран и встал. – Теперь домой.

Не попрощавшись, он пошел прочь от шахтерского поселка.

– Обожди, Ярран, поселок в другой стороне! – Ярран лишь отмахнулся. – Пожалуйста, давай подождем до утра. Завтра мы доставим тебя домой на лошади!

– Нет, *ты* домой. – Он снова указал на небо.

– Что ты имеешь в виду? Куда «домой» – в Кубер-Педи? Или ты имеешь в виду *мой* дом? Швейцарию? Ярран!

Он остановился и снова повернулся ко мне с широкой улыбкой на лице.

– Нужно много сделать.

Эти три слова... он произнес их во сне.

– Я знал это... Мне нужно искать Элле, Ярран? – Он продолжал идти, больше не оборачиваясь. – Постой, пожалуйста! Я не хочу, чтобы ты уходил; в пустыне может быть опасно.

Ярран громко рассмеялся и исчез в австралийской ночи. Я понял, что уговоры бесполезны, и кое-как вернулся в свое подземное жилище.

После моей встречи с нганкари я ощущал себя более живым и, может быть, даже... обнадеженным? Я снова мог свободно дышать, чего нельзя было сказать о людях, которых я потерял. Отец, Пип, Карин, Арчи... Я был обязан им своей жизнью, поэтому должен был жить дальше.

Теперь я понимал, что должен сделать.

Я должен найти Элле. И вернуть ее.

Во что бы то ни стало.

Июнь 2008 года

Стар отложила страницу рукописи и повернулась к Сиси, у которой в глазах блестели слезы. Это было необычное зрелище, поскольку ее сестра всегда была оплотом силы и здравомыслия.

– Ох, иди сюда. – Стар привлекла ее к себе. – Так трогательно читать о наших семьях, правда?

– Да. – Сиси шмыгнула носом. – На тот случай, если ты еще не поняла: Сара, та девочка с парохода, – это моя прабабушка. Я понятия не имела, что она была знакома с Па Солтом.

– Более того, Сиси, она спасла его. Без нее он бы бросился в океан. Без твоей прабабушки он бы ничего не добился... и нас бы здесь не было. – Стар крепко сжала руку сестры. – Это поразительно!

Сиси слабо улыбнулась в ответ.

– Ты права, это необыкновенно. Но я могу сказать то же самое о семье Воган. Похоже, Па Солт был очень счастлив в Хайвельде.

– Да, это верно, – улыбнулась Стар. – Флора вела себя потрясающе, но дедушка Тедди едва не погубил его. – Стар призадумалась над своими следующими словами. – Что за мерзавец! – заключила она, к изумлению Сиси.

– Что поделаешь, Стар, – хмыкнула Сиси. – Не все наши предки были героями.

Сиси встала и протерла глаза, прежде чем подойти к мини-холодильнику в своей каюте, где она хранила минеральную воду.

– Хочешь бутылочку? Ты читала эту историю больше двух часов. – Стар кивнула, и Сиси бросила ей пластиковую бутылку, та упала на двуспальную кровать. – Ну, вот. Как ты думаешь, что случилось с Элле?

Стар открыла бутылку.

– Пока не знаю. Все кажется таким странным. Ясно лишь, что они с Па сильно любили друг друга.

Сиси опустила на краешек низкого письменного стола.

– Да, если он не заблуждался.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Стар.

– Мы принимаем все написанное в дневнике Па Солта за чистую монету. Но это лишь его часть истории. Что, если чувства Элле к нему не были такими уж сильными? Этот псих Криг действительно преследовал Па по всему свету и старался убить его. Думаю, даже если бы ты кого-то любила, такое было бы слишком для тебя, правда?

Сиси отхлебнула глоток воды. Стар задумалась над ее словами.

– Они многое вынесли вместе. Не понимаю, почему она бросила его на причале. Это выглядит слишком загадочно.

– Это похоже на Па Солта; он всегда был слишком загадочным! – со смехом отозвалась Сиси. Она растянулась на кровати рядом с сестрой.

В дверь постучали, и появилась Электра в оранжевом сарафане.

– Вы тут закончили? – поинтересовалась она.

– Да, – ответила Сиси. – Стар прочитала мне вслух, сколько смогла.

Электра присоединилась к сестрам на кровати.

– Черт возьми, мне нужно многое осмыслить. Знаете, кто была эта женщина, с которой он познакомился в Нью-Йорке во время протестного митинга? Это моя прабабушка! Она ухаживала за моей бабушкой, когда та была маленькой. Как это вам?

– Это удивительно, Электра. Мы как раз гадали, связана ли с тобой эта нью-йоркская история. – Стар взяла сестру за руку.

– О да, еще как! Но давайте лучше обсудим Георга и Клавдию. Что за чертовщина?

Стар покачала головой, словно не верила услышанному.

– Да, это настоящее откровение. Неудивительно, что Георг и Клавдия были так преданы Па Солту. Он спас их обоих.

– Благодаря своей богатой бабушке, – фыркнула Электра. – Да, ему выпала большая удача.

– Полагаю, Па заслужил кое-какую удачу, Электра, – едко заметила Сиси. – Не знаю другого человека, с которым случилось столько несчастий.

– И то правда, – согласилась Электра. – Кто о чем, девочки, но мне больше всего любопытно, что случилось в России.

Стар захлопала в ладоши.

– И мне тоже! У нас есть маленький кусочек, правда? Отец Па Солта работал на царя Николая II. Только подумать, как взвьется Орландо, когда узнает об этом.

Электра вздохнула.

– Не буду тебя обманывать, Стар: я совсем не разбираюсь в таких вещах. Что это значит?

– Я тоже не специалист, но кое-что помню со школы. Царь Николай II был последним российским императором. Он отрекся от престола в тысяча девятьсот семнадцатом году.

– Почему? – спросила Сиси.

– В основном из-за революции, – ответила Стар. – Царь был невероятно могущественным человеком. Он был верховным правителем страны и управлял ее богатствами.

– Вроде диктатора? – осведомилась Электра. – Иными словами, плохой парень?

Стар пожала плечами.

– Не совсем. Определенно, это была автократия. Русским приходилось очень несладко. Они страдали от холода и голода, поэтому в конце концов свергли царя.

Сиси и Электра некоторое время обдумывали услышанное.

– Что он сделал потом? – спросила Электра.

– Его казнили вместе с членами семьи. Власть захватили большевики во главе с Владимиром Лениным.

– Почему они так ненавидели его? – спросила Сиси.

- Большевики считали монархию раковой опухолью на теле рабочего класса. А что делают с раковой опухолью?
- Ее вырезают, – ответила Электра, и сестры кивнули.

* * *

Майя откинулась на спинку стула и потянулась всем телом.

– Ох, Па, – прошептала она. – В какую заварушку ты попал!

Она встала и подошла к панорамному окну в салоне яхты. Океан становился все более беспокойным по мере того, как «Титан» приближался к острову Делос.

– Майя, ты здесь? – донесся голос от двери салона.

– Заходите, Мерри. Как вы себя чувствуете?

Мерри подошла к своей недавно обретенной сестре и положила руку ей на спину.

– Ну, не так уж плохо. Просто не могу поверить, что Атлас так внезапно потерял Элле. Это противоречит всякой логике.

Майя обдумала ее слова.

– В общем-то да. Мне казалось, они были очень счастливы вместе... – Она заметила, что Мерри смотрит в пол. – Боже мой, Мерри, простите! Я даже не подумала, что вы читали о собственной матери. Должно быть, это было вдвойне тяжело.

Мерри махнула рукой.

– Ох, да будет тебе. Я даже не знала ее. Скорее, я беспокоюсь за тебя, Майя. Мне известно, что сын этого злодея Эсзу очень плохо обошелся с тобой. – Она ласково обняла Майю. – Не могу представить, как это было ужасно.

Майя положила голову ей на плечо.

– Спасибо, Мерри. Мне это было нужно.

– Знаю, милая. – Мерри с улыбкой отстранилась и подбоченилась. – А теперь я хочу кое-что сообщить тебе.

– Давайте.

– Как тебе известно, мои координаты на армиллярной сфере указывали на дом в Западном Корке, которым какое-то время владела семья Эсзу.

– Да, – подтвердила Майя.

– Так вот, я рассказала об этом моему другу Амброзу, и он обещал провести небольшое расследование. Он обзвонил половину жителей Западного Корка, его направляли от одного дома к другому. В конце концов ему удалось вступить в контакт с семьей из Баллинаскарти.

Майя непонимающе посмотрела на сестру.

– Простите, я не знаю, где это.

– Ну, конечно. – Мерри закатила глаза. – Это деревушка поблизости от Аргидин-Хауса.

– Теперь понятно, – кивнула Майя.

– Выяснилось, что их дед Сонни в тысяча девятьсот пятидесятых годах работал садовником в Аргидин-Хаусе. Сейчас ему почти сто лет, но он был рад вспомнить то время.

Майя широко распахнула глаза.

– Что он сказал, Мерри?

Ее сестра пожала плечами.

– Не слишком много. Он редко видел хозяина дома, поскольку тот постоянно находился в отъезде. Судя по всему, там работали два других садовника, но никого из них не пускали в дом ни при каких обстоятельствах. Он также помнит местную экономку.

Майя задумчиво приподняла брови.

– Известно, как ее звали?

– Сонни не смог припомнить. По его словам, она почти не выходила из дома и ни с кем не разговаривала. А однажды она исчезла. После этого он несколько месяцев не видел хозяина, но ему продолжали платить, поэтому он и остальные садовники продолжали работать.

Майя, как могла, постаралась совместить эти фрагменты информации, но у нее ничего не вышло.

– Какое отношение это может иметь к вам, Мерри? Почему ваши координаты привели к дому Эсзу? Я никак не пойму.

– Я тоже, Майя, – со вздохом отозвалась Мерри.

Какое-то время они смотрели на океан, погружившись в свои мысли. Потом за дверью салона раздался громкий стук, привлечший их внимание, и они обе направились туда. К своему изумлению, они увидели Алли, которая загнала Георга в угол коридора и тыкала пальцем ему в лицо.

– Я серьезно, Георг. Мы сделаем это, прямо сейчас! Мне наплевать на ваши драгоценные инструкции. Вы понимаете, что на борту этой яхты есть люди, которые...

Георг заметил Майю и Мерри.

– Здравствуйте, девочки, – спокойно сказал он. Алли развернулась к ним.

– Все в порядке, Алли? – спросила Майя. – Что тут происходит?

– Да, все хорошо, – ответила Алли, хотя было заметно, как она разволновалась. – Все замечательно, правда, Георг?

– О, да, – невозмутимо подхватил нотариус. – Просто мы с Алли обсуждали... будущее «Титана».

– Вот-вот, – согласилась Алли, совладавшая со своими чувствами. – Георг считает, что мы можем сдавать «Титан» в аренду на зимний сезон, поскольку не пользуемся яхтой в это время.

Майя понимала, что ее сестра лжет.

– Алли, я бы не стала так горячиться из-за этого.

– Да, прошу прощения. – Алли снова покраснела. – Ты же знаешь, Майя, что я неравнодушна к яхтам... Вот и все.

Майя некоторое время смотрела на сестру, прежде чем повернуться к Георгу.

– Идите сюда. – Она обняла его. – Почему вы ничего не рассказывали про вас и Клавдию?

– Ах, этот дневник, – произнес Георг с видом покорности судьбе. – Ваш отец уже встретился с нами?

– Безусловно, – ответила Майя.

– Вы стали жить у старых помощников Агаты, – добавила Мерри.

Он улыбнулся, вспоминая.

– Гофманы были очень хорошими людьми.

– Неудивительно, что вы были так близки к Па Солту, – продолжала Майя. – Вы почти всю жизнь были знакомы с ним. Это поразительно, правда, Алли?

Та выглядела искренне растерянной.

– Ну, да, – пробормотала она. – Я...

– Ты прочитала еще сто страниц дневника? – настойчиво спросила Майя. – Мы ведь договорились.

– Нет, Майя, извини. – Алли вздохнула. – Мы с Георгом долго беседовали о... о «Титане».

– Вот как?

– Похоже, Алли, тебе нужно прочитать эту часть, чтобы быть в курсе дела, – вмешалась Мерри. – Займись этим, а мы с Майей пока выпьем кофе.

Она взяла Майю за руку и увела в коридор.

– Интересно, что все это значит.

– Странно, не правда ли? – отозвалась Майя. – Но здесь определенно что-то происходит, и я не думаю, что это имеет отношение к аренде «Титана».

* * *

– Ужасно, что случилось с Элле, Ма. – Тигги смахнула слезинку и опустилась рядом с Мариной на кушетку с бархатной обивкой, стоявшую на носу верхней палубы.

Ма поудобнее устроила Бэра, дремавшего у нее на руках.

– Знаю, знаю, *chérie*. Но я стараюсь помнить, что без этих событий он бы никогда не нашел тебя... или меня.

Тигги опустила голову на руки.

– Ты знала насчет Георга и Клавдии? О том, что он нашел их, когда они были детьми?

– Да, разумеется, – кивнула Ма.

– И про Крига тоже? – грустно спросила Тигги.

– Да. – Ма понизила голос: – Мне не нужно объяснять, почему я никогда не говорила об этом. Ты читала, какой он опасный человек. После всего, что произошло с Зедом...

– Я знаю, – сказала Тигги. – Но когда ты появишься в его жизни, Ма? Я дочитала до того места, где Па Солт уезжает из Австралии ради поисков Элле. Когда он познакомился с тобой?

Марина посмотрела на своего дремлющего «внука».

– Скоро, *chérie*, довольно скоро. Надеюсь, ты не будешь слишком резко судить обо мне. Тебе еще многое предстоит узнать во время этой поездки.

Тигги придвинулась ближе и обвила рукой ее плечи.

– Ох, Ма! Что бы мы ни узнали, одно останется неизменным: я люблю тебя.

Тигги ласково поцеловала мягкую щеку Марины.

– Спасибо, милая, я тоже тебя люблю.

Они посмотрели друг другу в глаза, прежде чем Тигги снова заговорила:

– Могу я задать тебе личный вопрос?

– Ты знаешь, что можешь спрашивать о чем угодно.

– Ты много лет прожила рядом с папой. У тебя когда-нибудь... ну, понимаешь...

– Что, дорогая? – озадаченно просила Марина.

– Ты когда-нибудь влюблялась в него? – Тигги нервно хихикнула.

– Ох... Ты не предупредила, что вопрос будет таким бесцеремонным!

– Извини, Ма. Но ты знаешь, я всегда *ощущала* подобные вещи. Я всегда чувствовала, что ты сильно тоскуешь по кому-то.

Ма приподняла брови.

– Ты и сейчас это чувствуешь, моя маленькая непоседа?

Тигги медленно кивнула, и Марина испустила глубокий вздох.

– Твой отец был очень симпатичным человеком. Он был безупречным во многих отношениях: красивый, добрый, интеллигентный... действительно хороший человек. Но я уверяю тебя, что никогда в жизни не думала о нем *таким образом*.

Тигги немного смутилась.

– В самом деле?

– Я говорю чистую правду, как перед Богом, – твердо сказала Ма.

Тигги нахмурилась.

– Обычно я не ошибаюсь в подобных вещах.

Щеки Ма покраснелись от замешательства.

– Перестань, *chérie*, ты заставляешь краснеть старую женщину.

– Не смейся меня, Ма, какая же ты старя? – Тигги перешла на шепот: – Но я могу узнать, кто этот загадочный человек, по которому ты тоскуешь?

Марина пожевала губами, но, когда показалось, что она собирается что-то сказать, из-за угла появилась элегантная фигура Чарли.

– Вот ты где, дорогая! – Он улыбнулся Тигги.

– Здравствуй, Чарли. Все в порядке?

– Спасибо, все тип-топ, как выражается молодежь. – Тигги закатила глаза. – Прошу прощения, если помешал, но Алли дала мне задание сообщить всем, что нужно завершить чтение дневника до сегодняшнего ужина.

– Правда? – удивилась Тигги. – У нас еще масса времени перед прибытием на Делос.

– Не убивайте гонца! – Чарли поднял руки. – Seriously, она на самом деле настроена на то, чтобы вы не отставали друг от друга. – Тигги приподняла брови. – Ну, хотя бы держались вровень.

– Спасибо, Чарли. Я уже собираюсь приступить к чтению. Все остальные заняты тем же самым?

– До сих пор жалоб не поступало. – Чарли нагнулся и принял Бэра из рук Марины. – А малыш растет, правда? – Он провел пальцем по щеке ребенка. – Ладно, я оставляю вас наедине. Поговорим позже.

Он направился к трапу и исчез внутри яхты. Тигги нахмурилась.

– Если Алли хочет, чтобы мы как можно скорее дочитали дневник, тому должна быть какая-то причина. Ты не знаешь, какая?

Ма снова покраснела.

– Нет, не знаю.

– Ма, ты обещала рассказать мне, если что-то будет происходить на борту. Ужасно ощущать себя не в курсе событий.

– Я не лгу тебе, *chérie*, – тактично ответила Марина.

– Ну, ладно. – Тигги хлопнула себя по коленям и встала. – Знаешь, я чувствую, как что-то внутри меня пузырится и поднимается вверх. Иногда кажется, что я вот-вот пойму... сама не знаю, что.

– Возможно, это из-за Мерри? – предположила Ма. – Родная дочь Па Солта здесь, на борту его яхты! Может быть, дело в этом?

– Наверное. – Тигги пожала плечами. – В общем, мне лучше вернуться в свою каюту и закончить чтение.

– Хорошо, *chérie*. Тогда поговорим позже.

Как только Тигги скрылась из виду, Марина положила Бэра на мягкую подушку и торопливо отправила сообщение Георгу Гофману.

Дневник Атласа

1951–1992 гг.

42

Обратное путешествие в Англию я провел за составлением списка тех мест, где могла бы находиться Элле. Я понимал, что это грандиозная задача, поскольку она включала повторение всех наших странствий в Европе. Тем более не существовало никакой гарантии, что она не могла оказаться в другом месте, где мы еще не бывали. Но нужно было с чего-то начинать.

Ральф Маккензи проявил себя самым достойным образом, когда я связался с ним и сообщил о своем отъезде из Австралии. Он даже приехал в порт Аделаиды, чтобы проститься со мной, как будто я был его старинным другом или братом.

– Спасибо, Атлас. Вы почти в одиночку возродили былую империю Мерсеров. Опаловые шахты позволили нам сделать многое, в том числе восстановить обветшавшую миссию в Хермансберге^[24],

которая так много значит для Китти. Я от всего сердца благодарен за все, что вы сделали.

Он обнял меня.

– Взаимно, Ральф. Спасибо вам.

– Надеюсь, теперь вы будете путешествовать первым классом? – Я рассмеялся и показал свой билет второго класса. – Но, Атлас, вы теперь мультимиллионер! Ваши десять процентов гарантировали это.

– Похоже, старые привычки умирают тяжело. Кстати, мне может понадобиться ваша помощь для перевода моих средств в Европу.

– Не беспокойтесь, я окажу всяческую помощь. Мне жаль расставаться с вами, и я знаю, что в Кубер-Педи тоже сожалеют о вашем отъезде. Тот день, когда вы спасли шахтеров из обрушившейся шахты, навсегда сохранится в их памяти. Вы настоящий герой.

Он не на шутку расчувствовался.

– Вообще-то, Ральф, я думаю, что это они спасли меня. Кроме того, Майкл превосходно справится в мое отсутствие.

– До следующей встречи. – Он протянул руку, и мы обменялись рукопожатием, я повернулся к причальному трапу и снова поднялся на палубу «Ориента».

Само плавание прошло как во сне. Боюсь, что впервые в жизни я предался поглощению оупляющего количества алкоголя. В первый же вечер я направился в бар, чтобы отметить отплытие из Австралии рюмкой виски, а в результате провел там целый вечер. На следующий вечер я вернулся, и потом тоже. Довольно скоро я стал торчать в баре целыми днями.

По прибытии в Англию я сразу же пошел в «Артур Морстон Букс», где Руперт был так потрясен моим появлением, что пролил чашку чая на коробку с новыми книгами.

– Боже мой, старина, вы меня напугали до икоты! Как ваши дела?

Я постарался как можно короче описать события последних двух лет.

– Подумать только! Бедный вы, бедный малый! Хотелось бы порадовать вас хорошими новостями и сказать, что она была здесь. Но, увы, нет.

– В любом случае, дело стоило визита. – Я повернулся к выходу.

– Обождите, старина. Судя по вашему виду, вам не помешает чашка крепкого кофе, а возможно, и уютная постель для ночлега. Вы

знаете, что мы с Луизой будем рады...

– Руперт... Когда мы расставались, вы сказали, что займетесь Кригом.

У него был слегка виноватый вид.

– Да, и я сдержал слово. Но, как вы и предсказали, этого прохвоста как будто вообще не существует. В наших архивах не нашлось никаких зацепок. Мои коллеги из Цирка^[25] нашли упоминание о Криге Эсу в старой российской переписи, но вам от этого никакой пользы.

– Да, – вздохнул я. – Он возвращался сюда?

– Больше нет, старина. Мы держали магазин под наблюдением еще несколько недель после вашего отъезда, но он как сквозь землю провалился.

Я обвел взглядом книжный магазин. Полки были выкрашены в белый цвет, из-за чего возникало ощущение лучшей освещенности и простора. Элле бы одобрила это.

– Спасибо, Руперт. – Меня посетила одна мысль. – Интересно, можно ли будет связаться с Флорой и узнать, не выходила ли Элле на контакт с ней?

– Разумеется, – ответил Руперт и направился в заднюю часть магазина. – Я сейчас же позвоню ей. Сейчас она живет в Лэйк-Дистрикт^[26].

Он трусцой поднялся по лестнице, но вскоре вернулся, качая головой.

– Извини, старина, Флора не подошла к телефону. Но она будет рада видеть тебя; она говорила, что ее дом всегда открыт для вас.

– Спасибо, Руперт, – проямлил я и пожал его руку.

– Ты уверен, что не хочешь выпить чашку крепкого...

Но я закрыл дверь магазина, прежде чем мой друг успел закончить фразу. Оттуда я направился в гостиницу «Кларидж», где снял номер и попросил консьержа организовать следующий этап моего путешествия в Швейцарию.

Несомненно, мистер Кехлер был не так рад видеть меня, как Руперт. Когда я вошел в офис «Кехлер и Швейткарт» на рю де Рон, секретарша сначала не узнала меня.

– Мистер Танит? – ахнула она, стараясь осознать, что изможденный бородатый мужчина в прихожей – это на самом деле я. Я кивнул, и она поспешно взяла трубку телефона. Эрик Кехлер выбежал из кабинета и недоверчиво покачал головой, прежде чем пропустить меня к себе.

– Атлас! Где вы пропадали, человеке? О чем я убедительно просил вас в самом начале процесса? Не исчезать с лица земли! Но вы, друг мой, решили поступить именно так. Ей-богу, лучше я передам вас на попечение нового молодого юриста, потому что семья Танит доведет меня до смерти...

Я поднял руку, призывая его к молчанию.

– Элле. Она связывалась с вами?

– Нет, – сердито признал он. – Точно не связывалась. А теперь вам предстоят крупные объяснения, особенно перед швейцарским бюро по гражданству, которое два года задерживало вашу заявку! Где вы были, Атлас?

Я опустился на диван в задней части комнаты и рассказал историю моей разлуки с Элле и работы в Австралии. Эрик внимательно выслушал, но остался недовольным.

– Простите, Атлас, но что вообще заставило вас остаться в Австралии? Если вы хотели перемен, почему бы не вернуться в родную страну, особенно с вашим гражданством и с таким состоянием?

Я вспомнил, что ни разу не говорил Эрику о Криге, но сейчас у меня просто не было сил для этого.

– Я собираюсь посетить Гофманов и посмотреть, как идут дела у детей. Вы не могли бы заблаговременно позвонить им?

Эрик вздохнул.

– Хорошо. Уверен, они будут рады встретиться с вами. Георг подает особенно большие надежды. В сущности, мы с ним подружились, и раз в неделю он помогает мне. У него превосходный ум, и он хочет стать юристом.

– В таком случае я уволю вас и найму его! – слабо пошутил я.

– Может быть, однажды так и будет. Но, Атлас...

– Что, Эрик?

– Вы пока что остаетесь моим клиентом, и я не хочу давать непрошенные советы. Но сейчас вам не помешало бы принять холодный душ и побриться. А также выпить побольше воды. Помните, что вы спасли этих детей. – Он строго посмотрел на меня. – Не портите их представление о вас как об их ангеле-хранителе.

Его слова попали в точку.

– Хорошо, я так и сделаю. Завтра я первым делом собираюсь повидаться с детьми. Пожалуйста, позвоните в гостиницу и сообщите мне, устраивает ли это Гофманов. Я остановился в отеле «Бориваж».

– Как пожелаете, мистер Танит. – Эрик проводил меня к выходу.

Я вернулся в гостиницу, сгорая от стыда, и в тот вечер не прикасался к спиртному. На следующее утро я взял такси до городского дома Агаты, который до сих пор было легко заметить по розовому фасаду. Жильцы очень тепло встретили меня.

– У вас есть все необходимое, миссис Гофман? – поинтересовался я. – Хочу убедиться, что вы не тратите собственные деньги на содержание детей.

Она энергично кивнула.

– Ни пенни, мистер Танит. Агата очень гордилась бы вашими благотворительными наклонностями. Это фамильная черта вашей семьи.

Дети приветствовали меня как давно пропавшего дядюшку. Я был ошеломлен тем, как они выросли за годы моего отсутствия, хотя чему удивляться – эти годы пришлись на переходную фазу их подросткового развития. Гофманы явно настояли на том, чтобы они нарядились в пух и прах ради своего благодетеля, и я был полон раскаяния за то, что не принимал участия в их жизни.

– Здравствуйте, мистер Танит! – ломающимся голосом произнес Георг. Его глаза находились почти вровень с моими, когда мы обменялись рукопожатием.

– Боже правый, это юный Георг или его отец? – спросил я в попытке пошутить, прежде чем вспомнил о судьбе, постигшей его родителей. Георг заметил мое крайнее смущение и добродушно улыбнулся.

– Вы помните мою сестру Клавдию? – Он указал на девушку, которая тоже заметно подросла, но имела такое же нежное лицо, как и

раньше.

– Приятно видеть вас снова, мистер Танит. – Она сделала книксен. – Мы с братом бесконечно благодарны за вашу доброту.

– Мне тоже очень приятно видеть вас, Клавдия. И не надо меня благодарить; это Гофманы заслуживают вашей благодарности. Вам нравится жить в Женеве? – Оба дружно кивнули. – Как продвигаются ваши занятия?

– У меня все очень хорошо, мистер Танит, – серьезно ответил Георг.

– Я слышал, что ты посещаешь мистера Кехлера. Это правда, что тебе хочется стать юристом?

Георг пошаркал ногами.

– Да, это стало моей мечтой. Я хочу влиять на устройство мира, чтобы жизнь была более справедливой.

Его слова вызвали у меня улыбку.

– Не могу придумать ничего более благородного. Я рад за тебя, Георг. Если такова твоя мечта, она обязательно сбудется.

– Я постараюсь, мистер Танит. – Он помедлил и покосился на миссис Гофман, стоявшую в углу комнаты и сурово смотревшую на него. – Но мистер Кехлер говорит, что в университетах и юридических школах очень высокие расценки за обучение.

– Георг! – воскликнула миссис Гофман. – Мистер Танит пробыл здесь не больше пяти минут, а ты имеешь дерзость требовать еще денег, когда он и без того обеспечивает вашу жизнь!

Я улыбнулся.

– Пожалуйста, миссис Гофман, не надо кричать на него. Настоящий юрист должен быть храбрым, изобретательным и должен уметь задавать неудобные вопросы. Я считаю, что Георг соответствует всем трем критериям.

– Я обещаю, что когда-нибудь верну ваши деньги, – сказал Георг. – До последнего пенни!

Я положил руку ему на плечо.

– Не сомневаюсь, что ты так и сделаешь, если будет возможность. Но сейчас в этом нет надобности. Если ты продолжишь учебу и не будешь огорчать мистера и миссис Гофман, то, уверяю тебя, для твоего образования не будет никаких материальных препятствий.

– Спасибо, мистер Танит! – воскликнул Георг. – Спасибо вам!

– Разумеется, то же самое относится к тебе, Клавдия. Тебе нравится учеба?

– Некоторые уроки довольно трудные, – неуверенно ответила она. – И я пока не говорю по-французски так же хорошо, как мой брат.

– Это *пока*. – Я подмигнул ей. – Продолжай стараться.

Я протянул им руки.

– Было очень приятно встретиться с вами, но, боюсь, мне пора идти. Продолжайте радовать ваших приемных родителей, ребята.

Я обменялся рукопожатием с Георгом, а Клавдия удивила меня, заключив в объятия.

Супруги Гофман проводили меня до парадной двери.

– Вы замечательно относитесь к детям, мистер Танит, – сказал мистер Гофман и похлопал меня по спине.

– Пожалуйста, называйте меня Атласом. И я не устану повторять, что это вы заслуживаете благодарности.

– Как бы то ни было, немногие пользуются своим наследством для того, чтобы устроить жизнь двух сирот. Двух совершенно незнакомых людей. Вами движет только доброта, а это достойно похвалы.

– Спасибо, – сказал я, когда проглотил комок в горле.

Когда я уладил дела с Эриком Кехлером, в том числе связал его с Ральфом Маккензи для безопасного перевода в Европу моего крупного банковского счета в Австралии, то подписал последние документы, позволявшие мне получить швейцарское гражданство.

Потом я вернулся в Англию.

Читатель может обоснованно задаться вопросом о моих опасениях столкнуться с Кригом Эсзу во время обратного путешествия по Европе. Но, должен признать, я практически не испытывал страха. Из этого дневника вы уже знаете, что без Элле я не держался за жизнь. Я вдохновлялся своими поисками, и более ничем. Я добьюсь успеха или умру, пытаюсь это сделать.

* * *

Паромная переправа из Ньюкасла в Берген проходила в плохую погоду при сильном волнении, но была милосердно короткой, и мы пришвартовались к берегу через двадцать четыре часа. Что я мог

сказать Астрид и Хорсту после той невообразимой трагедии, которую им пришлось пережить? Мое беспокойство усугублялось перспективой снова посмотреть в глаза маленькому Феликсу и увидеть его душевную боль. В результате я заглушил беспокойство с помощью бутылки виски во время переправы.

Я знал, что должен пройти этот путь до конца. Если Элле куда-то вернулась, то Берген казался наиболее очевидным выбором. Карин была ее лучшей подругой, а Халворсены стали для нас родными людьми. Я прошел знакомым путем из гавани в холмы, где когда-то стоял коттедж, приютивший нас.

Я постучал в дверь.

– *Ett minutt!* – послышался ответ. Я немного подождал, собираясь с силами для трудного разговора.

Вскоре появилась Астрид. Она сильно постарела. Ее когда-то румяные щеки обвисли, а густые светлые волосы сваялись и поседели. Мало-помалу она узнала меня: ее зрачки расширились, глаза заблестели от слез.

– Здравствуй, Бо, – сказала она.

– Астрид... Никакие слова не скажут, как мне жаль... – Но прежде, чем я закончил фразу, Астрид обняла меня и так крепко прижала к себе, что я задохнулся.

– Хорст! – крикнула она и потащила меня в дом. – Хорст!

Отец Пипа показался из-за угла в конце коридора и недоуменно заморгал.

– Неужели это... Бо Деплеси? – пробормотал он. – Здравствуй, старый друг!

Теперь Хорст ходил с тростью. Он медленно подошел ближе и тоже обнял меня. Потом постучал по груди рукояткой трости.

– Рад видеть тебя, не-такой-уж-молодой человек!

– Садитесь, пожалуйста, я заварю чай, – сказала Астрид. – Ты по-прежнему любишь «английский для завтрака»?

Прежде чем я успел ответить, Астрид скрылась в крохотной кухне. Я последовал за Хорстом в гостиную, которая совершенно не изменилась за десять лет моего отсутствия.

– Хорст, – начал я, – не могу выразить, как мне жаль...

Он поднял трость, останавливая меня.

– Пожалуйста, не будем говорить об этом. Все в Бергене знают, что нам пришлось пережить. Когда мы проходим мимо, то повсюду видим сочувственные лица. С нас достаточно, на всю оставшуюся жизнь.

– Понимаю, – тихо ответил я.

Хорст опустился в кресло и пригласил меня сесть.

– Итак, расскажи мне о своей жизни, Бо. Как твоя рука? Ты теперь виолончелист в Лондонском симфоническом оркестре?

Я и забыл, когда последний раз играл на виолончели.

– Увы, нет. Рука больше не болит, но через несколько минут активных занятий сухожилия начинают протестовать. Я примирился с тем, что никогда не стану виртуозом.

Хорст разочарованно покачал головой.

– Какая печальная утрата. У меня были большие надежды на тебя. Но как же ты провел последние десять лет?

Я рассказал ему о Хайвельде, об «Артур Морстон Букс» и об Австралии.

– Боже мой, Бо! Опаловые шахты! Никогда бы не подумал, что милый и робкий юнец, которого я знал, станет главой такого большого бизнеса! Но жизнь не перестает удивлять нас неожиданными поворотами... пока вы с Элле счастливы друг с другом. Кстати, где она? Приехала в Берген вместе с тобой?

Я уперся взглядом в пол.

– Нет, Хорст, ничего подобного. На самом деле я здесь, потому что разыскиваю ее. Полагаю, ваш вопрос означает, что она не появлялась в Бергене за последние два года?

– Нет, – беспокойно ответил он. – Что-то произошло между вами? Когда вы были здесь, то явно любили друг друга. Мы были уверены, что ваш брак не за горами.

Я тяжело сглотнул.

– Мне тоже так казалось. Но у меня уже два года не было никакой связи с ней.

Хорст не знал, что сказать, но, к счастью, Астрид принесла чай.

– Кажется, я застала самый конец вашего разговора, – с грустной улыбкой сказала она. – Вы больше не вместе? – Я покачал головой. – Я и подумала, как необычно, что она не упомянула о тебе в последнем письме, которое мы получили.

Я вскинул голову.

– Письмо? Когда вы получили его?

– Должно быть, месяцев шесть назад.

– Только полгода назад? – Мое сердце учащенно забилось. – Можно посмотреть?

– Разумеется, Бо, – ответила Астрид. Она прошла к столу, открыла верхний ящик и перебрала бумаги в поисках нужной. – Вот оно. Довольно короткое, но нам было приятно получить весточку от нее.

Астрид протянула мне письмо. Было приятно снова увидеть аккуратный, изящный почерк Элле.

«Мой дорогие Хорст и Астрид.

Надеюсь, у вас все хорошо. Я ужасно скучаю по вам и по Бергену, а также по моим дорогим друзьям, Карин и Пипу.

В последнее время я часто вспоминала о вас и о наших музыкальных вечерах на вершине холма.

Вечера в Норвегии были волшебными, и я тоскую по ним, но все осталось в прошлом.

Музыка Грига наводит меня на мысли о вас и о прекрасной земле, которую я недолго имела честь называть своим домом.

Миновала еще одна жизнь, но я хочу, чтобы вы знали, что по-прежнему дороги моему сердцу.

Никогда не забуду наши общие воспоминания. Никогда.

Дорогой Феликс уже вырос! У него все впереди.

Но я желаю, чтобы его родители тоже гордились им.

Ваша Элле».

Я положил письмо на колени и нахмурился.

– Довольно необычное послание, вы не находите?

Астрид пожала плечами.

– Правда? Возможно, немного бессвязное, но я отношу это на тот счет, что норвежский язык не был родным для вас обоих.

– Да. Но ко времени нашего отъезда она свободно разговаривала по-норвежски, как и я. Не знаю, в чем дело, но что-то в ее письме настораживает меня. Это не похоже на ту Элле, которую я знал. – Я посмотрел на Астрид. – Вы имеете полное право отказать мне, но могу я забрать это письмо?

– Разумеется. – Она ласково улыбнулась.

Меня озарило.

– Астрид, вы сохранили конверт от этого письма? Там должен быть почтовый штемпель!

Она покачала головой.

– Прости, Бо, но я выбросила его. Осталось лишь письмо. Я помню, что оно пришло из-за рубежа...

– Откуда? Из Англии?

– Нет, не из Англии. – Она прикрыла глаза и задумалась. – Или... Я точно помню, что надпись на штемпеле была на английском. Но, боюсь, больше не могу сообщить ничего полезного.

– Все в порядке, – сказал я, скрывая разочарование. Пора было сменить тему: – Как поживает Феликс? Кажется, ему уже одиннадцать?

Астрид и Хорст обменялись взглядом.

– Ему тринадцать, – сурово произнес Хорст.

– Господи, как летит время. У него все хорошо?

– Как тебе сказать, Феликс – трудный ребенок, – дипломатично ответил Хорст. – Он... довольно неуживчивый мальчик.

– Значит, он настоящий сын своего отца!

На губах Астрид появилась слабая улыбка.

– Это правда. Но юный Феликс причиняет гораздо больше неприятностей, хотя и не виноват в этом. Он сильно тоскует по отцу и матери.

– Могу представить, – искренне сказал я.

Словно по сигналу, громко хлопнула входная дверь коттеджа, и в гостиную заглянул подросток – точная копия Пипа, но с темными волосами и темно-кариими глазами Карин.

– Феликс Халворсен! – воскликнула Астрид. – Осталась еще половина учебного дня; что ты делаешь дома?

Феликс небрежно пожал плечами.

– Мне не хотелось там оставаться. Сегодня уроки слишком скучные. – Его взгляд уперся в меня. – А вы кто такой?

– Феликс, не груби! – отрезал Хорст.

– Все в порядке, – отозвался я. – Этот молодой человек имеет право знать, кто находится в его доме.

Я встал и протянул Феликсу руку.

– Здравствуй, Феликс, меня зовут Бо. Я был близким другом твоих родителей и помню тебя еще совсем маленьким.

Он неуверенно пожал мою руку.

– Вы знали Пипа и Карин?

– Да, хорошо знал. Они были необыкновенно добры ко мне, когда я больше всего нуждался в этом. Я их никогда не забуду... не говоря о ваших бабушке и дедушке, которые согласились приютить у себя и накормить совершенно незнакомого человека.

Он окинул меня взглядом.

– Если вы так дружили с моими родителями, то почему я никогда не встречался с вами раньше?

– Ради всего святого, Феликс, будь повежливее с нашим гостем, – одернула его Астрид.

– А что? Я всего лишь заметил, что, если его не было здесь раньше, откуда ему близко знать моих родителей?

Я понимал его гнев.

– Ты прав, Феликс. За прошедшие годы мне бы следовало время от времени возвращаться сюда, но не получилось, и я искренне сожалею об этом. Рад, что ты вырос таким откровенным и прямым молодым человеком. Родители гордились бы тобой.

– Только не его школьными прогулами, – вставил Хорст.

Феликс нахмурился.

– Да ладно тебе, дедушка! Если я проведу один день за фортепиано вместе с тобой, то смогу узнать гораздо больше. Кстати, я собирался заняться музыкальными упражнениями.

Он вышел из комнаты и поднялся в свою спальню, громко топая по лестнице. Я невольно улыбнулся своевольному духу этого юноши, который так часто проявлялся у Пипа и Карин. Да, его родители *определенно* гордились бы своим сыном.

– Юный Феликс тоже музыкант? – поинтересовался я.

Хорст пожал плечами.

– Что тут скажешь? Это фамильная черта. Хотя Феликс вечно попадает в разные истории, он чрезвычайно одаренный пианист. Думаю, в музыкальном смысле он даже превосходит Пипа. – Хорст вдруг глубоко опечалился. – И это кое о чем говорит.

Я подошел к старому другу и положил руку ему на плечо.

– Я знаю, как он был бы благодарен за то, что вы с Астрид делаете для его сына. И Карин тоже. – В глазах Хорста блеснули слезы. – Приятно было снова встретиться с вами. Спасибо за чай, Астрид.

– Подожди, ты же только что пришел!

– Не хочу обременять вас, – отозвался я. – В моей жизни такое случалось слишком часто.

– Не глупи, молодой человек! – строго сказала Астрид. – Ты присоединишься к нам за ужином; это даже не обсуждается. Где ты остановился?

– Я...

Астрид погрозила мне пальцем.

– Ради всего святого, Бо! Только не говори, что тебе негде жить.

– Я собирался зарегистрироваться в Гранд-отеле и завтра отплыть на пароме во Францию.

– Во Францию? – повторил Хорст. – Но почему?

– Это родина Элле. Я думаю, что она могла вернуться в Париж, где мы познакомились.

Астрид подошла и положила руки мне на плечи.

– Хорошо. Возвращайся во Францию, если так нужно, и продолжи поиски, но мы с Хорстом настаиваем, чтобы ты на несколько дней остался с нами.

Она умоляюще посмотрела на меня.

– Спасибо, с радостью, – ответил я.

Я провел в Бергене несколько благословенных дней. Я совершал великолепные прогулки по холмам в парке Фьеллстрекниир, вечерами грелся у костра и уплетал знаменитую тушеную баранину с капустой, которую готовила Астрид. Ближе к концу моего визита даже Феликс стал более благосклонен ко мне, особенно после того, как я настроил фортепиано, раньше принадлежавшее Пипу.

Когда пришло время отъезда, я поднялся на борт парома Берген – Амстердам, а потом воспользовался железнодорожными пересадками, чтобы добраться до Парижа. Если Элле вернулась в город, то с кем она могла связаться? С Ландовски? С Бройли? Может быть, с мадам Ганьон? Мне хотелось поговорить с мсье Иваном, но я понимал, что возвращение в Парижскую консерваторию будет нежелательным на фоне того, что произошло между мной и мсье Туссенем, хотя с тех пор

минуло немало лет. В итоге я решил начать с мастерской Ландовски в Буйонь-Билланкуре.

Дом остался точно таким же, каким он сохранился в моих воспоминаниях. Белый каменный фасад немного потускнел, но по-прежнему был покрыт фиолетовыми цветами пышно разросшейся глицинии. Я немного постоял на улице, проникаясь ощущением места, где обрел дом после своих детских странствий. Мой взгляд остановился на скамье, где я учился играть на скрипке. Я подошел туда, опустил на скамью, закрыл глаза и погрузился в прошлое...

– Что вы тут делаете, а? – раздался знакомый женский голос. Я открыл глаза и увидел сильно поседевшую и расплывшуюся Эвелин, которая с решительным видом направлялась по лужайке ко мне. – Это частная собственность!

Я широко улыбнулся при виде одной из моих добрейших спасительниц. Как хорошо было снова видеть ее!

– Повторяю, что вам тут понадобилось? Не заставляйте меня гнать вас отсюда поганой метлой! – Я продолжал сидеть неподвижно и смотреть на нее. – Кто вы такой?

– Здравствуйте, Эвелин, – сказал я и встал, возвышаясь почти на целый фут над ее головой. Когда она заглянула мне в глаза, я увидел проблеск узнавания. Выражение ее лица моментально смягчилось.

– Не может быть... – прошептала она. – Бо?

Я протянул руки, и она крепко обняла меня.

– Бо, ох, Бо! Не думала, что когда-нибудь снова увижу тебя. – Она на короткое время отстранилась и снова посмотрела мне в лицо. – О, мой дорогой мальчик, как ты вырос! Что за счастливый день!

В ее глазах заблестели слезы, и было ясно, что она действительно рада видеть меня, как и пожилые супруги в Бергене. Если бы я хотел польстить себе, то назвал бы это закономерностью.

– Я очень скучал по вам, Эвелин.

– А я по тебе. Но заходи же, заходи! Мистер Ландовски сейчас дома. Осторожно, маленький Бо, а не то у него будет сердечный приступ!

Эвелин взяла меня за руку и повела по знакомому коридору.

– Я по-прежнему здесь, но мсье Ландовски работает по всему миру. А что стало с тобой? Ты теперь знаменитый музыкант? Как

насчет другого парня, который преследовал тебя? И как поживает маленькая Элле? Что с ней случилось?

Град ее вопросов дал мне понять, что Элле не возвращалась сюда после нашего отъезда из Франции. Я постарался скрыть разочарование.

– Многое изменилось, Эвелин.

– Это понятно. Например, ты болтаешь гораздо свободнее, чем раньше!

– Что там за шум?

Гулкий (но теперь немного осипший) голос мсье Ландовски эхом прозвучал в коридоре. Он появился из-за угла в том же рабочем халате, который носил двадцать пять лет назад. Остатки волос у него на голове совершенно поседели, точно так же, как и его усы и знаменитая борода. Какое-то время мы стояли лицом к лицу.

– Мальчик! – наконец произнес он. – Ха! – Он покачал головой, потом развернулся и поманил меня за собой. – Пошли, мне не помешает твоя помощь. Эвелин, ты приготовишь чай? Потом можешь присоединиться к нам в мастерской.

Она сжала мою руку и исчезла на кухне. Я последовал за мсье Ландовски в его мастерскую, где на столе стояла почти законченная каменная скульптура танцующей женщины. Ее рука была изящно вскинута над головой, а лицо опущено.

Ландовски взял долото и стал аккуратно постукивать по развевавшимся волосам танцовщицы.

– Передай мне самый тонкий резец с верстака, – попросил он, и я моментально исполнил его просьбу. – Ну, что ты думаешь? – Он отступил от стола и кивнул в сторону скульптуры.

– Вы не утратили вашу уникальную манеру, – сказал я. – Это танцовщица фламенко?

– Да. – Он отошел подальше, чтобы полюбоваться своей работой. – Я весьма горжусь этой вещицей.

Он повернулся ко мне.

– Ты вернулся, мальчик. Значит ли это, что ты наконец в безопасности?

Я вздохнул.

– Это трудный вопрос, мсье Ландовски.

– Хммм... Ну, можешь не волноваться начет этого безобразника Туссена из консерватории. Твой бывший учитель мсье Иван разобрался с ним.

Я улыбнулся при упоминании этого имени.

– Правда? Каким образом?

– Иван приехал в Париж из Москвы, и он не был склонен цацкаться с доносчиками, – хохотнул Ландовски. – Нужно ли что-то добавить к этому?

Я пожал плечами.

– Пожалуй, нет.

– В итоге Туссен уехал из Парижа, и мы больше не слышали о нем. Крысы в конце концов прячутся в канализации.

– Как поживает мсье Иван? Мне бы очень хотелось встретиться с ним.

Ландовски облокотился о верстак.

– Прости, Бо, но он умер несколько лет назад. Мы с ним общались после твоего отъезда в Германию. Он часто говорил о тебе и предсказывал великие свершения. – Ландовски окинул меня внимательным взглядом. – Но ясно, что ты больше не занимаешься музыкой.

– Откуда вы знаете, мсье Ландовски? – ошеломленно спросил я.

– Ты выглядишь безрадостным и каким-то... бездушным. Поэтому я пришел к такому выводу. – Тут Эвелин принесла чай. – Спасибо, Эвелин. Не знаю, что бы я без нее делал, мальчик. Она управляет всей моей жизнью во Франции, от постельного белья до рабочего графика. Моя память уже не такая, как раньше, да, Эвелин?

Она рассмеялась.

– Вы проницательны, как всегда, мсье Ландовски.

– Ну, тебе приходится так говорить, если ты у меня на жалованье! Но садись же, а наш старый друг поведаст о своей жизни.

Эвелин направилась к пыльному старому дивану в глубине мастерской.

– Мсье Ландовски... Прежде, чем я начну, можно узнать, где находятся остальные члены вашей семьи?

– Большинство из них до сих пор живут в Риме. – Ландовски указал на свою скульптуру. – Я приехал в Париж только ради окончания работы над этим заказом. Приступил к нему после того, как

утомился от болтовни моей больной тещи на прошлое Рождество. – Он нежно погладил каменное лицо. – Это предназначено для частного клиента из Испании. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я продолжу работу, пока ты будешь говорить, Бо. Я уже задержал сроки и сегодня должен все закончить.

– Совершенно не возражаю, мсье Ландовски.

– Спасибо. – Он снова взялся за резец. – Ах, да! Марселю все-таки удалось поступить в консерваторию. Сейчас он учится на композитора у Маргариты Лонг^[27].

Я немного поаплодировал.

– Вполне заслуженно. Передайте ему мои искренние поздравления при следующей встрече.

Мсье Ландовски лукаво улыбнулся.

– Уверен, он будет очень рад услышать их.

Пока я рассказывал свою историю, мсье Ландовски работал, и я ассистировал ему, каким-то образом безо всяких усилий вернувшись к рабочей рутине четвертьвековой давности. Он почти не реагировал на мои откровения, хотя я рассказал почти все – от боли в сломанной руке, разрушившей мою профессиональную карьеру, до драматической операции по спасению людей из опаловой шахты в Кубер-Педи. Он был всецело сосредоточен на своей работе. Эвелин ахала и бурно жестикулировала при каждом повороте сюжета.

– Ох, Бо, – сказала она, когда я замолчал. – Я так сожалею обо всем, что с тобой случилось. Жизнь бывает очень несправедливой.

– Полагаю, мне не стоит спрашивать, связывалась ли Элле с кем-либо из вас? – спросил я. Ландовски покачал головой. – А как насчет мсье Бройли? Думаете, такое возможно?

– Я регулярно беседую с ним, – ответил Ландовски. – Он стал директором скульптурного отделения при Школе изящных искусств. Уверяю тебя, он бы упомянул об этом.

– А я по-прежнему держу связь с мадам Ганьон, – добавила Эвелин. – Она теперь на пенсии, но мы время от времени устраиваем совместные чаепития. Извини, Бо, но она тоже не упоминала об Элле.

– Как насчет Крига? – поинтересовался Ландовски. – Ты больше не боишься его?

– Не знаю, что еще он мог бы у меня отнять, – честно ответил я. – Это было моей последней надеждой. Я не знаю, где еще может

находиться Элле. Я думал, что если она посещала места из нашего прошлого, то могла бы остановиться в одном из них. Но теперь я не знаю, что делать.

Я провел пальцами по шевелюре. Ландовски посмотрел на меня.

– У тебя больше нет цели. – Он хлопнул в ладоши. – Ты бы не взялся за небольшую работу?

Его предложение застигло меня врасплох.

– Вы очень добры, мсье Ландовски, но я не уверен, что смогу так же помогать вам в мастерской, как раньше.

– Я имел в виду нечто гораздо более краткосрочное. Мой заказ нужно доставить в Гранаду, в город Сакромонте. Я уже говорил, что задержался с его исполнением. Ты можешь довольно быстро доставить его на поезде либо морем, что займет гораздо больше времени. – Он изогнул бровь. – Тогда ты окажешь большую услугу своему престарелому наставнику.

Я подумал над его предложением и не нашел причин для отказа.

– Отлично, мсье Ландовски. Я буду рад сопровождать ваш шедевр.

– Вот и хорошо. Не могу представить, что сопровождение в грузовом вагоне может быть удобным, но уверен, ты справишься. – Он выглянул в окно мастерской. – А знаешь, у моих скульптур не было личного сопровождения с тех пор, как Бройли доставил в Бразилию статую Христа Спасителя.

– Кажется, что это было в прошлой жизни, – отозвался я.

– Потому что так и было, мальчик. – Он вернулся к работе. – Так или иначе, поезжай в Сакромонте и понежься под испанским солнцем. Отдохни и подумай как следует. Я предсказываю, что это будет полезно для тебя.

– Кто заказчик?

– Члены правления дворца Альгамбры. Судя по всему, он славится своими танцевальными конкурсами. Как это называется, Эвелин?

– Concurso de Cante Jondo, – ответила она.

– Да, именно так. В общем, там была молодая цыганка, которая победила на конкурсе и пошла по пути к славе. Она стала чем-то вроде символа Гранады после Гражданской войны. – Он пожал плечами. – Но определенно, она настоящая красавица. Вот. – Ландовски протянул

мне фотографию, лежавшую на верстаке. – Это прототип для моей работы.

На фотографии была изображена поразительно красивая темноволосая женщина в красном платье, запечатленная в кружении танца.

– Как ее звали? – спросил я.

– Не позорь меня, мальчик! Мой мозг превратился в банку желе. – Он быстро пощелкал пальцами. – Как ее звали, Эвелин?

– Лусия Амайя Альбейсин.

– Да. Она была знаменита в Южной Америке.

– Как интересно. Что ж, для меня будет честью доставить ее статую к месту постоянной экспозиции.

– Отлично. Разумеется, тебе заплатят за работу.

Я выставил ладони перед собой.

– Нет, мсье Ландовски, я никогда не соглашусь на это. Как я сказал, теперь у меня нет недостатка в деньгах. Пожалуйста, разрешите мне оплатить мое обучение в консерватории и стоимость моего проживания у вас за все эти годы.

Ландовски вздохнул и закатил глаза.

– Не смей меня, мальчик. У тебя ничего не было! Эвелин, будь добра связаться с железнодорожной транспортной компанией и заключить договор с ней.

– Да, мсье Ландовски. – Эвелин было трудно подняться со старинного дивана, так что я пришел ей на помощь.

– Простите, Эвелин. Я не спросил, как поживает ваш сын Луи.

Она грустно улыбнулась.

– Он исполнил свою мечту и теперь занимает высокое положение в концерне «Рено».

– Превосходно! А как его семейные дела? У него есть жена?

Эвелин вздохнула.

– Да, ее зовут Жизель. – Она украдкой взглянула на Ландовски, который ответил ей сочувственным взглядом. – Она очень темпераментная женщина, никогда не одобрявшая моих близких отношений с сыном. С годами я все реже встречаюсь с ним.

Мне было больно слышать это.

– Ох, Эвелин. Сочувствую вам.

Она кивнула.

– Хуже того, я так и не познакомилась с моей внучкой. Ей уже пять лет, но Жизель не разрешает мне общаться с ней.

Я пребывал в недоумении. Луи когда-то был очень близок со своей матерью.

– Но ваш сын обожает вас. Неужели он не может это устроить, что бы там ни говорила Жизель?

– Влюбленный мужчина бывает отравлен любовным ядом. К несчастью, Жизель стала отравой для моего сына. – Она шмыгнула носом.

– Как зовут вашу внучку?

– Марина, – печально ответила Эвелин.

– Какое красивое имя. – Я не знал, что еще сказать. – Надеюсь, однажды вы встретитесь с ней.

– И я надеюсь, Бо. Итак, я постелю тебе? Твоя комната осталась такой же, как двадцать лет назад.

– Думаю, мы можем переселить его из мансарды в гостевую комнату, – сказал Ландовски. – Что скажешь, парень?

– Не хочу вас беспокоить. Я буду рад остаться в гостинице...

Ландовски громко рассмеялся.

– Ты жил у нас все эти годы! Уверен, мы как-нибудь переживем еще одну ночь, правда, Эвелин?

Мы провели вечер, распивая бутылки вина из апелласьона^[28] Côtés du Rhône и разговаривая о жизни моих прежних знакомых. Ландовски и Эвелин по-прежнему сохранили кипучую энергию, хотя физически состарились... впрочем, как и я. После ужина я поднялся в свою старую спальню в задней части дома. Кровать, которую я когда-то считал верхом роскоши и комфорта, теперь казалась миниатюрной и жестковатой. Тем не менее я провел ночь без сновидений, чему способствовало обильное количество вина, выпитого накануне вечером.

На следующее утро три человека прибыли для упаковки статуи Лусии и ее транспортировки на Северный вокзал Парижа.

– Я сообщила в Альгамбру о твоём отправлении и о том, что ты будешь на месте через пять дней, – пояснила Эвелин. – Будет еще одна пересадка в Барселоне, но об этом позаботятся местные грузчики. Они организуют перевозку от вокзала Гранады до дворца Альгамбра.

– Спасибо, Эвелин. Вы по-прежнему направляете мою жизнь, несмотря на прошедшие годы. – Я крепко обнял ее и пожал руку мсье Ландовски.

– Славно было встретиться с тобой, паренек. И неизбежный вопрос: ты еще вернешься сюда?

– С благоприятным ветром, мсье Ландовски. Очень надеюсь, что наши пути пересекутся еще раз.

Он рассмеялся.

– И то правда. Я рад, что ты многому научился, пока жил в этом доме. – Он положил мне на плечо немного дрожавшую руку. – Но любовь – это самое главное. Отправляйся с богом и найди ее, мальчик... во что бы то ни стало.

Ландовски поднял палец, как будто о чем-то вспомнил, и исчез в доме. Вскоре он вернулся с плетеной корзинкой, позвякивавшей на каждом шагу. Когда я заглянул внутрь, то увидел четыре бутылки вина Côtés du Rhône, которым мы угощались вчера вечером.

– Это тебе в дорогу, – сказал он и подмигнул.

– Спасибо!

– Но будь аккуратен. – Он положил ладонь мне на щеку и заглянул в глаза. – Все хорошо в умеренном количестве, так?

Я кивнул.

– До свидания, мсье Ландовски.

* * *

Красное вино сделало мое путешествие по Европе вполне безболезненным, и воспоминания о нем сохранились лишь в виде размытых фрагментов. Я подружился с охранниками грузового поезда; мы обменивались историями, запасами вина и играли в карты. Мне повезло выиграть у них определенное количество песет, поскольку до меня дошло, что я отправился в Испанию, не имея местной валюты. Я вернулся к привычному существованию: постоянно в движении, без напряженных размышлений. Вероятно, в этом заключалось мое будущее.

Пересадка в Барселоне прошла успешно, как и обещала Эвелин. Я проспал последнюю часть поездки, мягко укачиваемый в темном

вагоне под мерный перестук колес.

Меня разбудил яркий свет, бьющий в лицо, когда двое сотрудников отодвинули в сторону боковую дверь вагона. Кровь стучала у меня в висках.

– Señor? Por favor apártate del camino^[29].

Я не знал практически ни одного испанского слова. И, в отличие от того раза, когда я впервые оказался в Норвегии, рядом со мной не было друзей, говоривших на местном языке.

– *Salga, por favor.* – Они жестами показали, что я должен выйти из вагона.

Я принял вертикальное положение и оказался на утренней жаре, отчего почувствовал тошноту и головокружение.

– *¡Tiene Resaca!*^[30] – воскликнул один из мужчин, а другой посмотрел на меня и рассмеялся.

У меня совершенно пересохло во рту.

– Дайте воды, – попросил я, но это не возымело никакого действия. Я изобразил питье из бутылки.

– *Agua? Sí.* – Один из мужчин указал на питьевой фонтанчик, установленный на вокзальной платформе, и я благодарно кивнул.

К тому времени, когда я утолил жажду, мужчины извлекли статую и выкатили ее на платформу. Я последовал за ними и с жалким видом стоял рядом, пока они загружали ящик со статуей в старенький грузовик с открытым верхом.

– Альгамбра? – спросил я.

– Sí, señor. Alhambra. Treinta minutos^[31].

– *Gracias,* – выдавил я, прежде чем забраться в грузовик.

Гранада оказалась поразительным местом. Город с сотнями побеленных домов сиял, как бриллиант, под лучами утреннего солнца. За городскими стенами открывался вид на высокий горный хребет. При более тщательном рассмотрении ближайший склон холма оказался усеянным множеством каменных пещер. Я удержал взгляд и заметил маленькие фигуры, двигавшиеся перед ними. Были ли эти пещеры человеческими жилищами?

Вскоре мы приблизились к величественному дворцу. Старинные красные башни Альгамбры поднимались среди зеленого леса, и я испытывал благоговение перед этим чудом архитектуры. Грузовик

подъехал к большим воротам и остановился. Водитель вышел из кабины и обратился ко мне.

– *Esto es lo más lejos que puedo ir*^[32], – сказал он и пожал плечами. – Дальше хода нет, – добавил он по-английски и указал на арку в виде замочной скважины, что вела к оживленной площади. Я кивнул и соскочил на землю. В голове у меня по-прежнему гудело из-за бутылки вина, жадно выпитой сегодня ночью. Когда я прошел за ворота, меня окружили местные жители, предлагавшие свои товары, продававшие воду, апельсины и жареный миндаль. Посреди хаоса я заметил человека в холщовой рубашке, который трусцой бежал ко мне от ворот на другой стороне площади. Он указал на грузовик.

– Статуя? – спросил он по-французски.

– Да, сеньор, это статуя от мсье Ландовски.

Двое мужчин в комбинезонах помогли перенести статую в центр площади и раскрыли ящик. После того, как были сняты слои ткани, статуя Ландовски гордо встала на площади Альгамбры.

– Она великолепна! – произнес человек в холщовой рубашке. – Еще лучше, чем я думал. Мсье Ландовски – настоящий гений. Как будто юная Лусия снова находится среди нас.

– Простите, я не из местных. Мсье Ландовски говорил, что Лусия победила на танцевальном конкурсе, это правда?

Он хохотнул.

– *Concurso de Cante Jondo* был большим танцевальным конкурсом, сеньор. Это была музыкальная фиеста, праздник фламенко, начавшийся в тысяча девятьсот двадцать втором году. Четыре тысячи людей пришли сюда отпраздновать это событие. Оно было совершенно особенным.

– Разумеется, поскольку вы говорите о нем тридцать лет спустя, – пробормотал я.

– Сеньор, в тот вечер четыре тысячи человек стали свидетелями первозданной силы *duende*^[33], – сказал он и прикоснулся к щеке статуи. – Она живет в Лусии.

– *Duende*? – спросил я.

– Это трудно объяснить тем, кто не понимает нашу культуру. *Duende* – это страсть и вдохновение, которые проявились у Лусии через ее ощущение ритма и танца.

Судя по всему, она была поразительной женщиной.

– Я буду рад встретиться с ней и сообщить мсье Ландовски о том, как она отреагирует на статую.

Мужчина вздохнул.

– Увы, она вернулась в Америку, чтобы танцевать и зарабатывать деньги для своей семьи. После войны жизнь была очень трудной, и никто не испытывал жалости к *gitanos*^[34] из Сакромонте. – Он грустно покачал головой. – Поэтому мы с коллегами из членов правления заказали эту статую.

– Прошу прощения. – Я был смущен необходимостью задать вопрос насчет очередного непонятого слова. – Кто такие *gitanos*?

– Это цыгане, сэр, некогда жестоко изгнанные из города. – Он указал на холмы за городскими воротами. – Возможно, вы заметили их пещеры на горе Сакромонте.

– Понятно. – Я кивнул. – Кстати говоря, сеньор, у вас есть рекомендации для туриста в Гранаде? Теперь, когда статуя благополучно доставлена, у меня нет других обязанностей.

Мужчина немного подумал.

– Обязательно посетите центральную площадь. Там всегда происходит что-нибудь интересное.

Мы обменялись рукопожатием.

– Спасибо, сеньор. – Я повернулся и вышел из Альгамбры в надежде на то, что прогулка по склону холма окончательно избавит меня от затянувшегося похмелья. Аромат кипарисов в сочетании с легким ветерком оказался прекрасным лекарством, и, когда я вышел на площадь, в голове у меня прояснилось.

Я ненадолго остановился, отдавая должное самому впечатляющему зданию на площади, старинному собору с открытой колокольней, а потом направился по гладким, блестящим мозаичным плиткам к величественному фонтану в центре. Заглянув в фонтан, я увидел, что дно усыпано песетами, каждая из которых символизировала желание бывшего владельца. Я сунул руку в карман, отвернулся от фонтана и бросил монетку через плечо. Не стоит и говорить, что моя безмолвная молитва заключалась в желании найти Элле.

День становился все более знойным, и меня потянуло в прохладу. Я побрел по одной из узких улочек, расходящихся от площади, в надежде найти кафе. Довольно скоро я заметил уютное место, где

продавалось мороженое всевозможных оттенков, явно популярное среди местных туристов. Когда я подошел ближе, то обратил внимание на темноволосую девушку, которая с небрежным видом прислонилась к стене и мечтательно смотрела куда-то вдаль.

– Хотите мороженого, сеньорита? – спросил хозяин кафе из-за большой холодильной витрины с мороженым.

– *Si*, – ответила девушка. – Но у меня нет денег, сеньор.

– Тогда уходи! – крикнул он. – Ты распугиваешь посетителей.

Девушка пожалала плечами и отвернулась. Я поспешил ей на помощь.

– Ну, меня она не отпугнула, – сказал я и подошел к витрине, где осмотрел радужные сладости. Зеленое мороженое показалось мне наиболее соблазнительным, и я указал на него.

– Две порции, пожалуйста.

– Хорошо, сеньор, – отозвался раздражительный хозяин кафе.

Сзади на площади зазвонил колокол; я повернулся и увидел толпу, выходящую из собора. Судя по всему, закончилась утренняя месса. Я вручил продавцу несколько песет, взял мороженое и повернулся к девушке, которая смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

– Вот, сеньорита. – Я протянул ей один рожок.

– Это для меня? – удивленно спросила она.

– *Si*, – кивнул я.

– *Gracias a Dios*, – сказала она и лизнула мороженое, которое уже начало таять на солнце и капать ей на руку. – *A usted le gustaría que diciera su destino?*^[35]

Насколько я понял, она задала вопрос.

– *No comprendo*^[36], – с улыбкой признался я. – *Hablo Ingles*^[37].

Мне показалось, что она скорее понимает английский, нежели французский.

– Вам нравятся предсказания? – с умильным выражением спросила она.

– Вы можете предсказать мою судьбу? – Я посмотрел на девушку, которая ответила вопросительным взглядом.

– *Mi prima*^[38], Ангелина. – Девушка указала в сторону площади. – Она очень хороша. – Она протянула руку ладонью вверх и изобразила чтение линий.

– Почему бы и нет? – Я кивнул, облизывая мороженое, и жестом предложил девушке указывать дорогу. Мы вернулись по узкой улочке на многолюдную площадь, где я последовал за новой знакомой к молодой женщине в ярко-красном платье. Она сидела на крыльце собора и заканчивала гадание для другой клиентки. Когда деньги перешли из рук в руки, от меня не ускользнуло, что уходящая женщина выглядела немного потрясенной, и я задался вопросом, что уготовано мне.

– *Toma, tengo un hombre para ti. Su español no es bueno*^[39], – сказала девушка.

– *Hola, señor*^[40], – сказала гадалка и повернулась ко мне.

У меня закружилась голова. Я знал эту женщину. Я несколько раз видел ее раньше. Я ошеломленно смотрел на ее лицо сердцевидной формы с огромными переливчатыми глазами в обрамлении темных ресниц. У нее была длинная грива блестящих волос и цветочный венок на голове.

Она выглядела точно так же, как в тот вечер, когда впервые появилась передо мной.

В огне пожара.

В Лейпциге.

Она широко улыбнулась.

– Можно посмотреть вашу руку?

Загипнотизированный ее лицом, я продолжал глядеть на нее, а она взяла мою руку и изучила ладонь.

– Тогда я расскажу о вашей дочери, – продолжала она.

– О моей дочери? – ошеломленно спросил я.

– *Sí, señor*, – ответила она. – Пожалуйста, сядьте рядом со мной.

Младшая девушка кивнула мне и отошла доедать мороженое в тени навеса на другой стороне площади.

– Ваше лицо... – пробормотал я. – Я знаю его. Вы появлялись... в моих снах.

Женщина рассмеялась.

– Уверяю вас, сеньор, мы с вами встретились впервые. Но вы не первый, кто настаивает на знакомстве со мной. Иногда это случается; таков путь *bruja*.

– *Bruja?* – повторил я.

– Да, моих духовных предков. – Она вздохнула. – Это трудно объяснить иностранцу, сеньор, но я попробую. – Она посмотрела на собор, словно набираясь вдохновения. – Нам с вами суждено было встретиться. Наши судьбы переплетены, пусть даже самым незначительным образом. Поэтому наши души уже танцевали вместе, понимаете?

Я лишь еще шире разинул рот.

– Нет, – засмеялась она. – Думаю, не понимаете.

– Я правда не понимаю. Вы разговаривали со мной, я слышал ваш голос!

– Если и так, сеньор, это было неосознанно. Я уверена, что мое тело было всего лишь сосудом для передачи сообщения, которое Вселенная решила направить вам.

Остатки моего мороженого вывалились из рожка и плюхнулись на ступени.

– Вы хотите сказать, что вообще не узнаете меня?

– Нет, не узнаю. – Она снова взяла мою ладонь. – Сны и видения очень могущественны, сеньор. Мы не можем управлять ими, но мы переживаем их. Что я вам сказала во время нашей предыдущей встречи?

Я закрыл глаза и постарался вспомнить тот жуткий вечер.

– Вы сказали, что я должен жить... что у меня есть цель.

– Как интересно, – задумчиво произнесла гадалка. – Давайте посмотрим, была ли я права.

Она пристально всмотрелась в мою ладонь.

– Рада нашему личному знакомству, Атлас. Меня зовут Ангелина.

Мое сердце бешено стучало в груди.

– Откуда вы знаете мое имя?

– Я вижу его. Оно начертано звездами, как и большая часть вашей судьбы. – Она отвела взгляд от ладони и посмотрела мне в глаза. – Не бойтесь того, о чем я расскажу вам, или того, что я знаю. – Она подбодрила меня улыбкой. – *Bruja* может видеть все, что будет. Это дар, который передается в нашей семье от поколения к поколению.

Я был совершенно сбит с толку.

– Но никто не предполагал, что я окажусь в Гранаде. Я просто доставил статую по месту назначения, а здесь оказался по чистой случайности.

– Статую? – спросила Ангелина. – Во дворец Альгамбра?

– Верно, – кивнул я.

– Лусия Амайя Альбейсин – это моя тетья.

– Ваша тетья?

Женщина снова залилась смехом.

– Правильно, сеньор. Теперь вы понимаете, что я имею в виду, когда говорю, что наши судьбы переплетены и что нам суждено было встретиться? Вам это кажется чистой случайностью, но для меня это часть более великого плана.

– Боже милосердный, – прошептал я.

– К сожалению, тети Лусии больше нет с нами. Но теперь она поистине свободна и танцует среди облаков.

– Джентльмен из Альгамбры полагал, что она жива.

– Да, как полагает и ее мать... и ее дочь.

– Ее дочь? – озадаченно повторил я.

Ангелина указала на девушку, которой я купил мороженое.

– Это Айседора, моя кузина. Она не *bruja*, поэтому не чувствует, что Лусии больше нет с нами.

Я посмотрел на юную девушку, почти подростка, которая пребывала в блаженном неведении о смерти своей матери. Боль, которую ей предстояло испытать, отзывалась болью в моей душе.

– Почему вы ей не скажете?

Ангелина вздохнула.

– Что лучше: знать правду и чувствовать себя опустошенной или жить с надеждой? В конце концов, это единственное, что позволяет нам оставаться в живых.

Воздух наполнился приятным цитрусовым ароматом, и мимо прошел пожилой мужчина, кативший деревянную тачку с апельсинами.

– Необычно, сеньор, очень необычно. – Взгляд Ангелины перемещался между моим лицом и ладонью. – Никогда не встречала здесь других людей, похожих на вас. Вы – это нечто особенное.

– Что вы имеете в виду? – с растущим беспокойством поинтересовался я.

– Как правило, я даю людям советы и наделяю их властью изменять свою жизнь. Но ваш путь четко определен, Атлас. Он неизменен.

– Что же это значит?

Теплая улыбка Ангелины оказала успокаивающее воздействие.

– Это значит, что вы совершите великие дела. И у вас подходящее имя – Атлас, который держит на плечах бремя всего мира, – не так ли?

– Так гласит легенда, – отозвался я.

Ангелина прищурилась.

– Когда у событий не остается живых очевидцев, они часто становятся мифами.

– Понятно, – ответил я. Соборный колокол зазвонил, отмечая полдень, и я вздрогнул от неожиданности. Ангелина крепко сжала мою руку.

– Знайте одно, Атлас. Вес мирового бремени дается лишь тем, кто способен вынести его. – Она закрыла глаза, и ее лицо страдальчески искривилось, как будто она увидела нечто болезненное перед своим мысленным взором. – Маленький мальчик, замерзающий в снегу, бежавший от преступления, которого он не совершал...

– Вам многое известно обо мне, – прошептал я.

Она распахнула глаза и посмотрела на меня.

– Ваше путешествие было мучительным, но вам удалось выжить. Поскольку, несмотря ни на что, многие были добры к вам. Я права?

– Да. – Мой голос задрожал от нахлынувших чувств. Мне не хотелось плакать перед Ангелиной, поэтому я постарался сосредоточиться на происходившем вокруг. Я видел двух мальчиков, перебрасывавших друг другу футбольный мяч, молодых влюбленных, взявшихся за руки у фонтана, и мужчину, отгонявшего стайку скворцов от витрины своего магазина.

– Вселенная готовит вас к предстоящей задаче, – продолжала Ангелина.

– К какой задаче? – Я недоуменно посмотрел на нее.

– К задаче воспитания ваших дочерей.

Внезапно волшебная аура Ангелины утратила власть надо мной.

– Думаю, вы ошиблись, Ангелина. У меня нет никаких дочерей.

Она снова широко улыбнулась.

– О, у вас есть дочери; просто они еще не появились на свет. – Она вдруг нахмурилась и посмотрела в ясное голубое небо. – Кроме... одной. – Она кивнула, словно подтверждая свою мысль.

Казалось, мое сердце в любой момент было готово выскочить из груди.

– Пожалуйста, скажите, что вы имеете в виду.

Ангелина глубоко заглянула мне в глаза.

– Ваша первая дочь уже родилась, Атлас. Она ходит по земле точно так же, как мы с вами.

Площадь вокруг меня начала вращаться.

– Элле... – выдохнул я. – Элле родила нашего ребенка? Поэтому она покинула меня? Потому, что боялась за безопасность ребенка? Боже мой, боже мой... Но почему она мне не сказала?

Ангелина обхватила меня за плечи.

– Успокойтесь, Атлас, успокойтесь.

– Где она? Пожалуйста, скажите, Ангелина! Я должен знать!

Ангелина покачала головой.

– У меня нет ответа на этот вопрос, – твердо сказала она. – Но мне известно, что вы вырастите семь дочерей и что одна из них уже живет на свете.

Я не знал, то ли мне упасть на мостовую, то ли сплясать веселую джигу.

– Но... это же замечательная новость! Значит, я найду Элле и у нас будет еще шесть детей?

Скворцы, которых отогнали от магазина, расселись на ступенях собора и выжидающе смотрели на Ангелину. Она полезла в карман, достала кусок хлеба и бросила им крошки.

– Как я и сказала, вы вырастите семь дочерей, – наконец ответила она.

– Это *должно* означать, что я найду Элле. Она – единственная женщина, которую я любил и буду любить.

Ангелина заговорщицки улыбнулась.

– Несмотря ни на что, Атлас, вы способны на прочную любовь. Это делает вас особенным.

Я посмотрел, как скворцы дерутся за хлебные крошки, брошенные Ангелиной.

– У меня есть еще один вопрос. Недавно вы назвали меня маленьким мальчиком, бежавшим от преступления, которого он не совершал. Я хочу знать о Криге Эсзу.

Ангелина глубоко вздохнула.

– О вашем преследователе?

– Да. Если Элле рассталась со мной ради того, чтобы защитить от него нашего ребенка, мне нужно знать, где он.

Взгляд Ангелины переместился на Айседору, которая смотрела на нас обоих. Ангелина слегка помахала ей, и та помахала в ответ.

– Я не вижу, Атлас. Некоторые вещи невозможно различить. – Она заметила, как я сторбился. – Но я предсказываю, что ваши дочери смогут найти покой под надежным кровом. Их ждут такие же штормовые моря, как было в вашей жизни. Им понадобится...

– Свой уголок, скрытый от мира? – перебил я. Эти слова произвели впечатление на Ангелину, как будто я тоже мог угадывать мысли.

– Вот именно, – сказала она.

По моей спине пробежала дрожь, когда я подумал о земельном участке Агаты на берегу Женевского озера. В своем письме она предсказала, что мне понадобится такое место.

– Что мне теперь делать, Ангелина?

Она обвела площадь широким жестом.

– Найдите ваших дочерей, Атлас.

Я кивнул.

– Разумеется, это значит, что я должен найти Элле. – Я с надеждой посмотрел на гадалку. – Вы видите так много... не можете ли вы сказать, где она находится?

Скворцы защибетали, требуя новой еды. Ангелина покрошила им еще хлеба, а я пристально наблюдал за ее лицом. Она слегка нахмурилась и как будто тщательно обдумывала ответ. Наконец она покачала головой:

– Нет. Как я сказала, ваш путь предопределен, и вы пройдете его без моего содействия.

Какое-то время мы смотрели друг на друга. Я надеялся, что это поможет мне вытянуть какие-то дополнительные подробности из Ангелины, но это было самообманом.

– Ваше гадание завершено, сеньор.

– Хорошо. – Охваченный неожиданным восторгом, я обнял ее. – Спасибо, Ангелина. Вы спасли меня!

– Пожалуйста, сеньор, но... – Она ненадолго замаялась. – Прошу вас, выходите в мир с открытыми мыслями и со щедрой рукой.

– Обещаю, так и будет. Я чувствую себя Эбенезером Скруджем^[41] в рождественское утро! О, и не беспокойтесь: я брошу пить. – Я подмигнул ей. – Мне нужно находиться в лучшей форме для воссоединения с Элле и с моей дочерью!

Она вздохнула.

– Сеньор, я...

Я вскочил на ноги.

– Поверить не могу, что я стал отцом. *Я отец!* Ха!

– Да, но я...

– Пожалуй, я назову ее Ангелиной. Ох, о чем я говорю? Конечно же, Элле дала ей имя. Интересно, какое?

Я увидел, что Айседора идет к нам. Она откуда-то взяла черно-белого котенка и несла его к собору.

– Пожалуйста, поблагодарите вашу младшую кузину. Без нее мы бы так и не познакомились.

Ангелина кивнула, и я пошел прочь.

– Вы совершенно правы! – крикнул я, остановившись через несколько шагов. – Вам не нужно говорить мне, что делать дальше. Теперь я знаю, что прежде всего должен построить надежный дом для Элле и для моего ребенка. Не бойтесь, я знаю, что делать! – Я настолько преисполнился новой энергией, что побежал трусцой. – Спасибо, Ангелина, я никогда вас не забуду!

С этими словами я побежал дальше. Передо мной разворачивались миллионы возможностей, новые мечты и новые параллели.

1965 год

Я очень горжусь Атлантисом. Когда я сижу на краю причала и смотрю на золотистое солнце, которое садится за домом, то невольно восхищаюсь собственным замыслом. Мистер Кехлер познакомил меня с десятком архитекторов, прежде чем я смог уверенно выбрать одного для создания проекта. Безусловно, в интересе не было недостатка: возможность застройки уединенного мыса на Женевском озере была

привлекательной перспективой для многих энтузиастов. Хотя несколько человек предложили увлекательные проекты, моим главным требованием к подрядчику было абсолютное доверие.

Безопасность и уединение находились во главе моей повестки. Амбициозные планы требовали безупречного исполнения. Во-первых, мне хотелось, чтобы дом выглядел так, как будто он простоял сотни лет. Я понимал, что могут пойти слухи об эксцентричном богаче, который строит огромное поместье на озере, и меньше всего мне хотелось, чтобы мой дом выглядел как замок злодея в одном из романов мистера Флеминга о Джеймсе Бонде. Поэтому я заказал постройку дома в стиле Людовика XV. В сущности, мое намерение заключалось в том, чтобы у любого, кто мог заинтересоваться реестром недвижимости, сложилось впечатление, что Атлантис стоит на своем месте с XVIII века. Просто удивительно, что люди могут сделать для вас, когда вы предлагаете много денег.

Из реестра недвижимости любопытные также могли узнать, что собственность принадлежит холдингу «Икар» – подставной компании под руководством двух директоров, Эрика Кехлера и Георга Гофмана. За последние пятнадцать лет Георг стал превосходным юристом. Как и было обещано, я оплатил его учебу в университете и в юридическом колледже. Мистер Кехлер нанял его почти сразу же после получения диплома и явно рассматривал как своего протеже, которого он лелеял с юного возраста. Эрик вышел в отставку пять лет назад, и Георг теперь присматривает за моими делами.

Если Криг когда-нибудь разнюхает про Швейцарию, я уверен, что принял все разумные предосторожности, чтобы сбить его со следа.

Случайный наблюдатель не смог бы определить, что все постройки в Атлантисе были совершенно новыми. Я приложил немало усилий, чтобы при строительстве использовались старинные материалы, вплоть до каменной плитки и дверных ручек. Благодаря этому Атлантис может похвастаться элегантным величием. Его бледно-розовые четырехэтажные стены прочерчены рядами высоких многостворчатых окон и увенчаны коньковой красной крышей с башенками по углам.

Интерьер дома наполнен современной роскошью; толстые ковры и мягкие диваны украшают двенадцать спален, расположенных внутри. Мой любимый этаж расположен наверху, там я обустроил семь

спальных комнат. Из каждой комнаты открывается превосходный вид на Женевское озеро. Я надеялся, молился и наивно *предполагал*, что к этому времени все спальни будут заняты моими дочерьми, обещанными мне Ангелиной много лет назад. Однако они остаются пустыми.

Никто не знает, что Атлантис хранит множество секретов, которые, по моему настоянию, совершенно невидимы для невооруженного глаза. Вероятно, теперь вам ясно, почему доверие было главным качеством, которое я требовал от архитектора. Если бы я или кто-либо из обитателей Атлантиса подвергся угрозе от нежеланного посетителя (в виде Эсзу), были приняты меры для безопасного отступления. По очевидным причинам я не стану разглашать эти домашние секреты, но, если бы кому-то понадобилось быстро покинуть поместье, система потайных лифтов и тоннелей гарантировала надежную защиту.

Я также хотел, чтобы дом был окружен садом, которым могла бы гордиться Флора Воган. Теперь в Атлантисе есть широкие лужайки, которые раскинулись перед домом и простираются до края воды. Я насадил мириады деревьев и кустарников, образующих скрытые проходы и укромные гроты. Весной, в пору цветения, это место кажется мне самым прекрасным на земле.

Мне хочется лишь с кем-то поделиться всей этой красотой.

Когда я уезжал из Гранады в 1951 году, то поклялся, что на следующей странице этого дневника будет рассказано о моем счастливом воссоединении с Элле и ребенком, которого она родила. Сегодня я нарушил это обещание.

После встречи с Ангелиной я вернулся в Женеву и приступил к строительству Атлантиса. Когда работа развернулась полным ходом, я возобновил поиски моей любимой женщины и моей дочери.

Я методично приступил к делу, начиная с Франции, где посещал города и поселки, о которых Элле упоминала раньше. В Реймсе я познакомился с официанткой, рассказавшей мне о женщине с ребенком, которая направилась в Италию в поисках новой жизни... так что дальше я поехал туда. Я следовал за смутными намеками, слухами и историями по всему континенту: по Испании, Португалии, Бельгии и Германии.

Для дополнительной помощи я проинструктировал Эрика Кехлера о поиске в архивах европейских стран всех имен, содержащих слова «Лепэн», «Элле», «Танит» и «Деплеси» в любых возможных сочетаниях. Когда Эрик отошел от дел, эта обязанность перешла к Георгу. Молодой человек проявил похвальное усердие. Он исполнен решимости заниматься этой весьма скрупулезной и скучной работой. Каждый раз, когда он обнаруживает след, пусть даже зыбкий, я арендую самолет и направляюсь на место. Потом я подробно расспрашиваю сконфуженных жителей, пока не убеждаюсь, что след остыл или ведет в тупик. В ходе моих поисков я посещал страны, где никогда не рассчитывал побывать. Кения, Южная Африка, Индия, Китай...

Читатель, я никогда не прекращал поиски. Я побывал в каждом уголке земного шара, убежденный в том, что однажды я сверну за угол на перекрестке или выйду на пляж и снова увижу прекрасное лицо Элле. Но мои поиски оказались бесплодными.

Без сомнения, вы спросите, почему тогда я вернулся к своему дневнику. Сегодня утром я получил письмо от старого друга, переправленное мне через Георга. Привожу его содержание.

«Дорогой Бо.

Надеюсь, это письмо дойдет до тебя через юридическую фирму. Перед смертью мсье Ландовски передал мне их контакты вместе с его любимым резцом. «На тот случай, если вы понадобится друг другу», – написал он. Ты знаешь, каким предусмотрительным человеком он был.

Как думаешь, мы сможем встретиться в Париже? Судя по адресу юриста, я полагаю, что теперь ты живешь в Женеве, поэтому надеюсь, поездка будет не слишком утомительной. Я бы и сам приехал к тебе, но мои шестидесятилетние кости не позволяют этого сделать.

Было бы славно в последний раз встретиться с тобой, Бо.

Твой друг

Лорен Бройли».

Я продолжал смотреть на страницу. Мистер Кехлер отправил адрес своей фирмы всем моим друзьям и знакомым из прошлого, от

мсье Ландовски до Ральфа Маккензи, на тот случай, если Элле появится у них на пороге. Одной из моих маленьких радостей было получение писем от тех, кто так много значил для меня в прошлом.

Мсье Ландовски умер в 1961 году. К моему стыду, я не присутствовал на его похоронах, так как полагал, что Криг посчитает это идеальным местом, чтобы устроить засаду на меня. Знание о дочери воскресило мое желание оставаться в этом мире, и я вернулся к чрезвычайной осторожности. Когда я получил сообщение от Марсея, то в одиночестве проплакал три дня и попросил звезды позаботиться о мсье Ландовски в иной жизни.

Что касается Лорена Бройли, то я не видел его после того рокового дня в Париже, когда мы с Элле были вынуждены бежать из города.

* * *

Я приехал по адресу, указанному в письме Бройли, и постучался в дверь его скромного городского дома на тихой мощеной улице в районе Монпарнаса. Дверь открыла девушка в синей медицинской униформе. Она вопросительно посмотрела на меня.

– Здравствуйте, мадам. Я не ошибаюсь, здесь живет мсье Бройли?

Она улыбнулась.

– Да, это дом профессора Бройли. Он ожидает вас?

Я немного подумал.

– Знаете, я не вполне уверен. Не могли бы вы сообщить ему, что старый друг Бо приехал навестить его?

– Разумеется. – Она закрыла дверь на задвижку, но быстро вернулась. – Он был очень взволнован, когда я назвала ваше имя, Бо. Пожалуйста, заходите.

Я вошел в маленький дом Бройли, такой же захламленный, как и его крошечная квартира много лет назад. Повсюду в коридоре валялись старые холсты, пыльные простыни, наполовину законченные скульптуры... Это было логово настоящего художника.

– Что бы вы ни услышали, мсье Бо, его здоровье довольно хрупкое. Будьте внимательны к нему. – Я кивнул. – Прощу сюда.

Девушка аккуратно распахнула дверь в комнату, наполненную зелеными растениями. Посреди листвы я увидел болезненно худую фигуру пожилого Лорена Бройли, лежавшего на широком бархатном диване. По правде говоря, он выглядел так, словно его могло унести в окно порывом ветра.

– Что-то не припомню, – сказал Лорен. – Ты уже заговорил?

Я открыл рот, не зная, что сказать.

– Я шучу! – хрипло рассмеялся Бройли.

Облегчение буквально затопило меня.

– Здравствуй, Лорен. – Я подошел к дивану и пожал его руку, которая оказалась легкой, как перышко.

– Увы, мое рукопожатие не такое крепкое, как раньше, – сказал он. – От скульптурной работы пришлось отказаться несколько лет назад, однако я продолжаю рисовать. Садись, пожалуйста. – Он указал на свободный угол дивана. – Ты по-прежнему играешь на скрипке... или на виолончели?

– Иногда. Выдерживаю около пятнадцати минут, прежде чем старая травма дает о себе знать.

– Да, Ландовски рассказывал об этом.

Он пристально посмотрел на меня, и я был рад тому, что, несмотря на седину и старческую хрупкость, его пронизывающий взгляд ничуть не изменился.

– Спасибо, Элен, – обратился Лорен к девушке, стоявшей в дверях.

– Просто крикните, если я понадобится, профессор. – Она вышла из комнаты.

Я приподнял брови, глядя на старого друга.

– Профессор, вот как?

– Я дорос до директора скульптурного отдела Института изящных искусств. Можешь поверить?

– Вполне могу, Лорен. – Я помедлил, прежде чем задать трудный вопрос. – Ты написал, что хочешь «последний раз» встретиться со мной. Что, черт побери, это может означать? Сколько тебе, шестьдесят один год?

– Уже шестьдесят два. Но ты же не слепой и видишь, что я болен. Проклятые врачи не обещают выздоровления. Они не могут точно

предсказать, сколько это продлится, но мне осталось не больше нескольких месяцев.

– Лорен... Прости.

Он беспечно пожал плечами.

– Легче примириться с раком, чем с утратой Бел много лет назад.

Я мягко положил руку на его ногу и покачал головой, когда почувствовал выпирающую кость.

– Ты все еще думаешь о ней? – спросил я.

– Каждый день, каждую минуту, – тоскливо ответил он. – Но... – На его губах заиграла улыбка. – Несмотря ни на что, мне повезло в жизни. Я расскажу историю, в которую даже тебе будет трудно поверить... – Он прикрыл глаза. – Много лет назад я закончил лекцию о творчестве Донателло. Когда я собирал книги, ко мне подошла студентка. Бо, как только я увидел ее лицо... я понял, что смотрюсь в зеркало. Она представилась как Беатрис Айрис-Кабрал.

Бройли покачал головой.

– Айрис-Кабрал? – повторил я. – Это была фамилия Бел?

– Вот именно. – Он посмотрел мне в глаза.

– Бог ты мой, – недоверчиво пробормотал я.

– Она спросила, помню ли я, как создавал скульптуру ее матери для ее отца Густаво, отправленную в Бразилию в качестве свадебного подарка. – Он хохотнул. – Если бы она знала! Моя собственная дочь стояла передо мной в учебной комнате.

Некоторое время мы сидели в молчании.

– Я... не знаю, что и сказать.

– Да. Она сообщила мне, что потеряла мать, когда ей было лишь полтора года. В Рио была эпидемия малярии, и... – Его голос прервался, глаза затуманились. – Бел умерла в двадцать один год. После всех беспорядков и трагедий умереть такой молодой... Прости меня. – По пепельно-серой щеке Бройли скатилась слеза. – Так или иначе, я осведомился насчет ее *отца*, вернее, того, кого она считала своим отцом. Она сказала, что их отношения были тяжелыми и что с годами он все больше увязал в пьянстве. Густаво запретил Беатрис развивать ее художественные способности, но он умер, когда ей было семнадцать лет. После его смерти она поступила в Школу изящных искусств, как раньше сделала ее мать.

– И оказалась в твоём классе, – пробормотал я. Мы переглянулись и обменялись улыбками.

– Вселенная движется своими неведомыми путями, не так ли, Бо? Так или иначе, Беатрис пять лет оставалась в Париже. Естественно, я взял ее под крыло. Она часто посещала меня здесь, на Монпарнасе. Мы даже устраивали еженедельный ланч в «*La Closerie des Lilas*», куда я ходил с ее матерью. – Он хмыкнул. – О, какое блаженство! Знаешь, я приводил ее в мастерскую Ландовски. Он с гордостью показывал ей фотографии нашей работы над статуей Христа Спасителя и рассказывал истории о моей юности.

Мне не терпелось задать следующий вопрос:

– Ты... когда-нибудь говорил ей правду о своем отцовстве?

Бройли опустил глаза и покачал головой:

– Какое право я имел говорить, что Густаво не был ее настоящим отцом? Нет, мсье, нет.

Я откинулся на спину и уставился на пыльный потолок. Мне было трудно сдерживать чувства. При виде умирающего Лорена у меня встал комок в горле, а история о его дочери еще больше расстроила меня. Но какой урок хотела преподать нам Вселенная? Примерно через минуту я овладел собой.

– Ты все еще переписываешься с Беатрис?

– Мы ежемесячно обмениваемся письмами. Я все знаю о ее жизни, Бо. Она вышла замуж за хорошего человека, который любит ее и прекрасно относится к ней. – Бройли вздохнул. – Увы, ее первый ребенок умер, но она родила второго, девочку.

– Как ее зовут? – спросил я.

– Кристина, – тихо ответил Лорен. Его лицо вдруг омрачилось. – Судя по тому, что рассказывала Беатрис, это очень трудный ребенок. Хотя ей всего лишь семь лет, она дурно относится к матери. – Лорен посмотрел в окно, подыскивая слова. – Кристина чрезвычайно умна, но лишена сочувствия и сопереживания, когда речь идет о других людях. С ней почти невозможно иметь дело.

– Как это ужасно, – пробормотал я. – Беатрис и так пришлось столько вынести.

– Да. – Бройли медленно повернулся ко мне. – И это приводит меня к тому вопросу, из-за которого я попросил тебя приехать сюда.

– Продолжай, пожалуйста.

Бройли сделал глубокий вдох, и я услышал клекот в его груди.

– Я хочу обеспечить моей дочери всевозможную поддержку, но мне осталось недолго. Я оставлю ей деньги, какие у меня есть, хотя и небольшие. Хотелось бы... – Его голос сорвался, и я положил ладонь на его руку. – Хотелось бы, чтобы ты время от времени присматривал за этой семьей. Я больше никого не могу попросить без риска раскрыть секрет рождения Беатрис, а это недопустимо.

Я кивнул.

– Разумеется, Лорен. Хочешь, чтобы я связался с Беатрис?

– Нет. Это лишь вызовет новые вопросы. Вероятно, ты сможешь... наблюдать издали, и, если семья будет отчаянно нуждаться в помощи, я буду очень рад, что кто-то окажет ее.

– Понимаю, мсье Бройли. – Серьезность задачи, возложенной на меня Лореном, только начала проясняться у меня в голове. Его семья жила в Бразилии, а я обитал в Швейцарии. Это подразумевало многочисленные практические затруднения, не говоря уже о помехах, которые это могло создать в моих поисках Элле. Я перехватил умоляющий взгляд Лорена. Его единственным преступлением была безраздельная любовь, и я был знаком с этим феноменом. Тогда я решил, что не подведу его.

– Не сомневайся, я сделаю все, как ты попросил.

Его лицо озарилось благодарностью.

– Спасибо тебе, Бо. – Он похлопал меня по руке. – Знаешь, я устал, но, может быть, перед уходом ты хочешь узнать что-то еще?

Я на секунду задумался.

– Эвелин, – сказал я. – Что тебе известно о ней.

Лорен поморщился.

– Мне жаль, Бо, но Эвелин умерла вскоре после мсье Ландовски.

У меня заняло сердце. Эвелин была очень добра ко мне, и в моем яростном увлечении поисками Элле я утратил связь с ней.

– Когда я беседовал с ней пятнадцать лет назад, она упомянула о том, что даже не встретила со своей внучкой. Скажи, эта проблема разрешилась?

Бройли покачал головой:

– Нет. Я видел Луи на похоронах, но там не было Жизели или Марины.

– Марина, – вспомнил я. – Да, так ее звали. Должно быть, ей сейчас больше двадцати?

– Да. Это грустная история. Как ты слышал от Эвелин, Жизель была похожа на природную стихию. Ходили слухи, что она поддерживает себя выпивкой. Ее отношения с Луи совершенно испортились. Однажды она просто забрала Марину и ушла от мужа. По его словам, с тех пор он часто пытался связаться с дочерью, но Жизель как следует промыла ей мозги и настроила против него.

– Ужасно.

– Да. Но, согласно доходившим до меня историям, Жизель постоянно ссорилась с дочерью и в конце концов выгнала ее из дома. Судя по всему, с тех пор... – Бройли замолчал.

– Пожалуйста, скажи, Лорен.

– Недавно я слышал от Марсея Ландовски, что Марина часто бывает на рю Сен-Дени. – Я непонимающе посмотрел на него, и он вздохнул. – Очевидно, она торгует своим телом ради жилья и пропитания.

– Ох, Лорен. – Я потер виски. – Мне нужно как-то помочь ей... ради Эвелин.

Бройли кивнул.

– Я бы вмешался, если бы у меня остались силы. – Он глубоко задышал и вздрогнул, потом приложил руку к груди. – Можешь позвать Элен?

– Конечно, Лорен. – Я встал, и он схватил меня за руку.

– Ты сдержишь обещание, правда? Клянешься?

– Клянусь звездами, Лорен.

Он одарил меня прощальной улыбкой.

– Тогда я знаю, что ты говоришь правду.

Брусчатка на рю Сен-Дени стала скользкой от дождя, и мигающие красные огни отражались на мостовой. Дюжие мужчины попыхивали сигаретами под ветхими навесами, и я ощущал на себе их взгляды, когда проходил мимо. Неподалеку накрашенная женщина в меховом

пальто привалилась к двери захудалого кафе. Я скрипнул зубами и подошел к ней.

– Прошу прощения, я кое-кого ищу.

– Можете больше не искать, мсье. – Она подмигнула. – За сто франков я сделаю для вас все, что угодно.

– Нет, я имел в виду другое. Я ищу девушку по имени Марина.

Она закатила глаза.

– Какой вам прок от этой крошки, если вы можете взять женщину вроде меня? – Она ухватила за отвороты моего плаща.

– Я здесь не ради *этого*. Просто я старый друг ее семьи, и мне сказали, что я могу найти ее здесь. Вы знаете, где она?

Она нахмурилась и презрительно фыркнула.

– Как скажете, мсье. – Она указала на следующий дом впереди. – Марина сейчас в «Ящерице».

– Спасибо, вы мне очень помогли.

Женщина пожала плечами и отвернулась, а я направился к мерцающей неоновой вывеске.

Когда я попытался войти внутрь, громадный мужчина в кожаном пальто вытянул руку и остановил меня:

– Чем могу помочь, мсье?

– Мне нужно кое с кем встретиться, – ответил я.

– Прошу прощения, мсье. Сначала вам нужно записаться на прием у меня. Но не беспокойтесь, я весьма сговорчивый.

Я непроизвольно вздернул подбородок.

– Спасибо, но мне не нужно ничего подобного. Я хочу лишь поговорить с Мариной.

– С Мариной? – скептически повторил он.

– Да.

Мужчина смерил меня взглядом.

– Хорошо. Не знаю, почему я до сих пор соержу ее на учете. Она привередливая, а нищие не могут себе этого позволить, мсье.

Я с трудом удержался от резкого ответа – естественной реакции на пренебрежение, с которым этот сутенер говорил о людях, находившихся в отчаянном положении. Он распахнул дверь.

– Она в задней части комнаты.

Я вошел в тускло освещенный «клубный зал», где находилось несколько мужчин в костюмах и девушек в коротких юбках. В

застоявшемся воздухе воняло сигаретным дымом и хлоркой. Я прошел в заднюю часть помещения, где у стены рядом с изогнутой лестницей стояла длинная кожаная кушетка. Там сидела худощавая девушка, ворковавшая над ребенком, которому не могло быть больше полугода.

– Шшш, милый, – прошептала она. – Все будет хорошо, мама скоро вернется.

– Здравствуйте, – сказал я. – Вы Марина?

Девушка со страхом посмотрела на меня.

– Пьер должен был предупредить меня, если я кому-то понадоблюсь.

Я поднял руки.

– Прошу вас, я здесь не поэтому. Я – старый друг вашей бабушки.

Марина выглядела озадаченной.

– У меня нет бабушки. Они обе умерли до моего рождения.

Я глубоко вздохнул, понимая, что мне предстоит трудная задача.

– Да, хотя на самом деле это было не так.

Она нахмурилась.

– Что это значит? Кто вы такой?

Ребенок заплакал, и какой-то мужчина громко крикнул с другого конца комнаты:

– Заткни этого паршивца! Господи, я пришел сюда, чтобы отдохнуть от подобных воплей!

Марина покачала головой.

– Успокойся, миленький, осталось недолго. – Она нежно укачивала ребенка и напевала колыбельную, пока плач не успокоился. – Вот, так-то лучше. – Марина взглянула на меня. – Просто скажите, что вам нужно.

– Можно сесть? – спросил я, и она кивнула. – Это ваш ребенок?

– Нет, моей подруги Селины. – Марина посмотрела на часы, висевшие на стене над головой. – Сейчас она занята, вернется примерно через десять минут.

– Ясно. – Я неуклюже отодвинулся. – Как я сказал, ваша бабушка Эвелин была моей близкой знакомой. Верите или нет, но она присматривала за мной, когда я был маленьким мальчиком.

– Хм. Какое отношение это имеет к вашему приходу сюда?

Я сложил руки на груди.

– Недавно от старого друга я узнал о ваших семейных обстоятельствах, и мне хотелось сказать, что я сожалею о случившемся. Должно быть, все это очень тяжело для вас.

Марина поджала губы.

– Я не нуждаюсь в вашей жалости, мсье.

– Моя жалость тут ни при чем, но, если хотите, я могу помочь.

Она посмотрела мне в глаза.

– Я слышала о мужчинах вроде вас, которые приходят и обещают с три короба. Девушки уходят с ними, а потом к ним относятся, как к личной собственности. Спасибо, но мне и здесь хорошо.

Было унижительно слышать такое от нее.

– Нет, Марина, ничего подобного. Ваша бабушка, мать вашего отца, очень любила вас. И она не умерла до вашего рождения. На самом деле она стремилась познакомиться с вами, но ваша мать не позволяла это сделать. Думаю, она ревновала вас к бабушке.

Марина удержала мой взгляд, прежде чем вернуться к ребенку.

– Могу в это поверить.

– Эвелин была чрезвычайно добра ко мне, и я должен отплатить за услугу, как только могу. Скажите, Марина, что вам нужно? Деньги, внимательный слушатель; я могу обеспечить то и другое.

Марина закатила глаза.

– Я не настолько наивна, чтобы не подозревать личные мотивы, мсье. И мне определенно не нужны ваши деньги.

Не находя другого выбора, я решил проявить настойчивость:

– Я всего лишь друг, готовый помочь... и да, отплатить добром за все, что было когда-то сделано для меня.

Внезапно по лестнице спустился дородный мужчина с багровым потным лицом, который прикоснулся к своей шляпе, когда проходил мимо Марины. Следом за ним появилась высокая стройная женщина с рыжими волосами, одетая в легкий плащ, трико и чулки в крупную сетку.

– Боже, от него воняет, – обратилась она к Марине, когда мужчина вышел за пределы слышимости. – Здравствуй, мой маленький! Ты хорошо себя вел с тетей Ма?

Она приняла малыша из рук Марины.

– Он был лапочкой, Селина. Он такой славный!

– Но когда он перестает быть лапочкой, то становится ужасным крикуном, правда? – Селина нежно поцеловала ребенка в лоб. – Вот, держи. – Она порылась в кармане и вручила Марине несколько франков. – Это твоя доля.

– Спасибо, Селина.

Селина окинула меня взглядом.

– У тебя появился клиент, Ма? Вам очень повезло, мсье. Вы первый, кого она согласилась принять за несколько недель.

– Право же, Селина, – жеманно отозвалась Марина.

– В этом нет ничего постыдного. Но Ма главным образом заправляет местными яслями, правда? Кое у кого из нас есть маленькие дети. Она ухаживает за ними, пока мы зарабатываем денежки.

Я кивнул.

– Это прекрасно.

Селина рассмеялась.

– Ей это нравится! Даже не знаю, почему ты не стала нянькой, Ма.

– Никто не захотел принять меня, – прошептала Марина.

Здоровенный мужчина в кожаном пальто вошел в клуб и кивнул Селине.

– Уже новый клиент, – простонала она. – Сегодня у меня удачный вечер!

Селина вернула ребенка Марине и поднялась наверх.

– Марина, я больше не буду досаждать вам, но, поверьте, я только хочу помочь. – Я сунул руку в карман. – Вот визитная карточка с адресом моего друга Георга. Вы можете позвонить по этому номеру в любое время, и он соединит вас со мной.

Марина кивнула, прежде чем снова обратиться к ребенку Селины, на которого она глядела с искренней любовью. Я вышел из «Ящерицы», надеясь на то, что однажды она свяжется со мной.

* * *

После возвращения в Женеву я велел Георгу Гофману связаться с юридической фирмой в Рио-де-Жанейро, чтобы я мог регулярно получать новые сведения о Беатрис Айрис-Кабрал и о ее дочери. Он

был чрезвычайно озадачен, когда я выдвинул это требование во время нашей беседы в офисе новой фирмы «Швейткарт и Гофман» на рю де Рон.

– Я буду рад организовать это, Атлас, но сомневаюсь, что это наиболее эффективный расход средств. Для вас будет гораздо дешевле один или два раза в год вылетать в Бразилию и лично проверять, как идут дела.

– Спасибо за заботу, Георг, но меня попросили соблюдать дистанцию. Кроме того, в наших сундуках еще водятся деньги?

Георг добродушно рассмеялся.

– В сущности, сегодня утром мне позвонил наш биржевой брокер из Нью-Йорка. Ваши инвестиции растут в цене с беспрецедентной скоростью. – Он достал блокнот из верхнего ящика старого письменного стола Кехлера. – Telex, Control Data, Teledyne, University Computing, Itek... наступает бум технологий. Горшочек варит и варит.

Он протянул мне свои записи.

– А ведь ты, Георг, старался убедить меня, чтобы я вкладывал деньги в золото и серебро.

Его щеки порозовели.

– Да. Боюсь, моя финансовая интуиция еще далеко не так хороша, как требуется.

– Как и моя, дорогой друг. Ты знаешь, почему я инвестирую в технологии. – Я опустился в кресло напротив Георга. Было по-прежнему немного странно видеть его в кабинете, некогда принадлежавшем Эрику Кехлеру.

– Да, – повторил он. – Вы надеетесь, что однажды это поможет нам найти Элле.

– Вот именно. – Я ткнул пальцем в его сторону. – Каким бы надежным ни было золото, оно не может обеспечить мне компьютерные базы данных и глобальную поисковую систему. – Я пожал плечами. – Даже если мои акции не принесут прибыли, лучше отдать миллионы долларов умным людям, которые двигают прогресс.

– Абсолютно верно. Так какой запрос я должен отправить в эту бразильскую фирму насчет семьи Айрис-Кабрал?

Георг задал разумный вопрос. Лорен оставил мне лишь смутные указания. Я сложил руки на груди и посмотрел на озеро.

– Пусть они следят за здоровьем членов семьи и за их материальным положением.

Георг кивнул.

– Считайте, что это сделано, Атлас.

– Спасибо, Георг. Кстати, еще ты можешь в любой момент услышать звонок из Парижа. Я встретился там с молодой дамой по имени Марина. Она – внучка Эвелин.

– Ого, – удивленно пробормотал Георг.

– Я дал ей номер твоего телефона. Если она позвонит, а я надеюсь на это, – пожалуйста, немедленно соедини ее с Атлантисом. Проверка безопасности не требуется. – Я вернул Георгу его блокнот, и он начал записывать. – Кстати, как поживает Клавдия?

– По-прежнему работает в булочной. Между прочим, она недавно познакомилась с молодым человеком, постоянным покупателем, и испытывает нежные чувства к нему... – Георг выглядел довольным. – Без шуток.

Я хохотнул.

– И как ты относишься к этому, старший братец?

Он отложил ручку и задумался.

– Если она будет счастлива, то я точно не возражаю.

– Превосходно. Пожалуйста, передай ей мои наилучшие пожелания. – Я встал. – Кстати, появились ли какие-нибудь другие имена на прошлой неделе?

Он поднял палец и открыл другой ящик стола.

– Мне удалось найти «Элеонору Леопольд» из Гданьска. Насколько мне известно, она жила там с самого рождения, но вы лучше других знаете, как можно, при желании, подменять архивные записи.

Он вручил мне листок бумаги с новой информацией.

– Значит, Гданьск, – вздохнул я. – Никогда не бывал в Польше. Тебя не затруднит заказать перелет туда?

– Будет сделано.

– Спасибо тебе, Георг. Думаю, пора заканчивать наше марафонское совещание; я свяжусь с тобой на следующей неделе.

– Есть... еще одно. – Георг, обычно такой спокойный и деловитый, сейчас выглядел нервным и нерешительным. Он открыл чемоданчик и передвинул мне через стол еще один лист бумаги.

– Что это?

– Кроме Элле, мы также следим за любыми упоминаниями имени «Криг Эсзу», согласно вашим инструкциям.

Я посмотрел на бумагу, и кровь отлила от моего лица. Документ, обнаруженный Георгом, был похож на сертификат об учреждении новой компании под названием «Лайтинг Коммуникейшенс». В графе «директор» значилось имя Эсзу.

Май 1974 года

Расследование деятельности «Лайтинг Коммуникейшенс» заняло много дней. Штаб-квартира компании находилась в Греции, с зарегистрированным адресом в Афинах. Мы с Георгом предприняли упреждающие меры, наняв юридические конторы и частных сыщиков. До сих пор информация, полученная от них, была ничтожно малой. Сама компания находилась в замороженном состоянии, как и в предыдущие десять лет. Тем не менее бухгалтерские отчеты подавались ежегодно и не показывали никаких доходов или расходов.

Что касается самого Крига, наши люди установили, что теперь Эсзу живет в большом огороженном поместье на окраине города. Мне присылали размытые фотографии в тех редких случаях, когда он выезжал за пределы территории, и у меня не было сомнений, что это тот человек, который несколько раз совершал покушения на мою жизнь. За последние десять лет, со времени предыдущей записи в этом дневнике, Криг не предпринимал попыток связаться со мной или (насколько мы смогли определить) найти меня. Он просто живет в огромном поместье, где занимается какими-то своими делами.

За прошедшие годы, пока моя команда наблюдала за действиями Крига, моя первоначальная паника сменилась беспокойством, которое перешло в замешательство, а через десять лет я обрел душевное спокойствие в точном знании о его местонахождении и положении в этом мире. Мы обнаружили, что он женился на невероятно богатой гречанке по имени Ира, которая унаследовала состояние от своего предыдущего мужа, нефтяного магната. Ира Эсзу умерла в 1973 году,

во время родов их единственного ребенка. Архивные записи свидетельствуют, что Ира родилась в 1927 году, значит, ей было 47 лет. Неудивительно, что при родах возникли осложнения.

Тем не менее ребенок выжил и был зарегистрирован под именем Зеда Эсзу. Мы продолжаем внимательно наблюдать за обстановкой.

Вероятно, вас порадует, что Марина, внучка Эвелин, в конце концов связалась со мной. Почти через два года после моего отъезда из Парижа Георг направил ее звонок в Атлантис. Я с тревогой выслушал ее историю о побеге от агрессивного клиента из «Ящерицы», из-за чего ей пришлось покинуть рю Сен-Дени. Я заверил Марину, что могу немедленно перевести деньги, но она не согласилась. Вместо этого она попросила меня найти ей какую-нибудь работу, чтобы она могла уехать из Парижа и самостоятельно оплатить дорогу. Я пригласил ее в Атлантис и предложил должность экономки. Это неизбежно оказалось скучной работой, поскольку я оставался единственным обитателем поместья. Марина прилежно пылесосила и гладила белье, но было ясно, что ее это не устраивает.

– Мне не хватает детей, Атлас, – поведала она мне однажды вечером за бокалом розового вина.

Я спросил Георга, сможет ли он помочь Марине с частичной занятостью в его старой школе, куда я могу направить пожертвование для этой цели. Я обнаружил, что молодой Гофман готов лезть из кожи вон, лишь бы что-то сделать для Марины. Он смотрит на нее, как щенок на хозяйку: преданно, покорно и с обожанием. Не стоит и говорить, что Георг успешно справился с поставленной задачей. Последние несколько лет Марина ведет кружки продленного дня для детей из Женевы, чьи родители работают допоздна. Воспитанники без ума от нее.

Марина живет в Павильоне здесь, в Атлантисе, и продолжает ухаживать за главным домом в знак благодарности. Она готовит для меня, занимается стиркой и в целом поддерживает мой домашний распорядок. Ее общество с годами становится все более ценным для меня. Нет ничего, чего бы она не знала о моей жизни, и наоборот. Я рассказал ей о своем происхождении, о поисках Элле и о причине злобы со стороны Крига Эсзу. Наряду с Георгом она стала частью нашей эксцентричной семейной троицы, и оба они очень дороги мне.

Что касается семейных дел, внимательный читатель этого дневника помнит о моем добровольном обязательстве присматривать за семьей Айрис-Кабрал в Рио-де-Жанейро. Увы, Лорен Бройли умер через несколько недель после моего визита на Монпарнас. Я решил не подводить его.

С годами поведение Кристины, внучки Лорена, стало внушать все большую тревогу. Наши бразильские осведомители сообщали, что она устроила настоящий ад своим родителям. Еще подростком она начала посещать дешевые бары в Рио и связалась с дурной компанией. Мне направляли факсы полицейских рапортов о ее задержаниях, которые заканчивались тем, что Кристину возвращали родителям в пьяном и непристойном состоянии. В конце концов ее исключили из школы, и она стала проводить много времени в *фавелах*. В юридической конторе полагали, что она пристрастилась к какому-то наркотику.

В итоге группа из Рио уведомила нас, что Кристина перестала возвращаться домой и выбрала жизнь среди холмов Рио. Вскоре выяснилось, что она полюбила молодого человека из *фавел*. Мне это показалось закономерным. Теперь Беатрис и Кристина были свободны друг от друга и могли жить отдельно, не причиняя друг другу душевной боли. Так было до тех пор, пока мы не получили фотографию Кристины, сделанную длиннофокусным объективом. Она сидела посреди грязной улицы и гладила собаку, но ее выпирающий живот бросался в глаза. Она явно забеременела.

Вчера утром я получил лихорадочное сообщение от Георга.

– Атлас, вы должны знать об этом.

– Говори, Георг.

– У Кристины были преждевременные роды. Насколько нам известно, она даже не обращалась в больницу. Ребенок родился в *фавелах*.

– Господи. Нужно как можно скорее вытащить ее из *фавел*. Это не место для новорожденного ребенка. Люди в Бразилии могут найти подходящее жилье, которое мы арендуем для Кристины?

Георг вздохнул.

– Это еще не все. Мне сказали, что Кристина отнесла ребенка в сиротский приют. Судя по всему, она просто оставила ее там и убежала.

У меня голова шла кругом, пока я обдумывал следующий ход. Новая жизнь начиналась в самых жестоких условиях, какие можно было представить.

– Думаю, мы должны связаться с Беатрис. Дайте ей знать, что у нее появилась внучка. Я уверен, что она будет рада этому.

– Не сомневаюсь, Атлас, но я обязан сохранить здравомыслие и напомнить вам о последствиях такого выбора.

– Продолжай.

– Во-первых, Кристина абсолютно неуравновешенна. Вы знаете, что она рассорилась с родителями. Судя по всему, она украла материнские драгоценности, чтобы платить за наркотики... что лишь усугубило ее неврологические проблемы. Я опасаясь, если она когда-нибудь обнаружит, что мать забрала ее ребенка, то может...

– Понимаю. Кристина однажды может заявить о себе и попытается забрать ребенка, если это покажется выгодным для нее. – Я принялся расхаживать по комнате. – Кроме того, если я свяжусь с Беатрис, возникнут вопросы о ее происхождении, которое я поклялся хранить в тайне.

– Мне трудно что-то посоветовать, – серьезно произнес Георг. – Я могу попробовать найти подходящую семью в Бразилии, которая согласится принять ребенка. Но это будет нелегко. Сиротские приюты в Рио полны новорожденных из *фавел*. Там очень трудно найти постоянную семью.

Я поежился, когда подумал об Элле из «*Apprentis d'Auteuil*», которая не могла найти приемную семью. Мое сердце снова разрывалось на части, и бездействие было неприемлемым.

– Нет, Георг, я должен взять личную ответственность за ребенка. – Я посмотрел на озеро, блестящее под лучами утреннего солнца. – Мы привезем ее сюда, в Женеву, и я найду для нее подходящую семью, – так же, как сделал для вас с Клавдией. Я хочу вылететь в Бразилию сегодня вечером.

– Я организую билет, – тут же сказал Георг.

– Два билета. Марина будет сопровождать меня; я ничего не знаю о младенцах. И сделай все необходимое, чтобы мы смогли как можно скорее забрать ребенка.

Через два часа мы с Мариной приземлились на моем личном реактивном самолете в новом парижском аэропорту имени Шарля де

Голля, где поднялись на борт авиалайнера, вылетающего в Рио. Моя спутница ахнула от изумления, когда мы приблизились к «Боингу-747», стоявшему на летном поле.

– Вы уверены, что эта махина полетит, *chéri*?! Она больше, чем Триумфальная арка!

– Могу заверить, что я много раз летал в брюхе этой птички, и она всегда доставляла меня по назначению в целостности и сохранности. Кроме того, мы полетим в салоне первого класса. Вы почти не заметите, что находитесь в воздухе.

Во время полета я рассказывал Марине истории из моего детства и много говорил о доброте ее бабушки Эвелин и Лорена Бройли.

– Как думаете, сколько времени малышка пробудет у нас? – спросила Марина. За годы, проведенные у меня на службе, я еще не видел ее такой взволнованной.

– Пока я не подыщу ей подходящий дом. Это может занять от нескольких недель до месяца.

Она постаралась скрыть улыбку.

После посадки нас встретил представитель юридической группы, которую я нанял в Рио-де-Жанейро, и доставил нас в отель «Копакабана Пэлэс». Это было впечатляющее здание на Авенида Атлантика, возвышавшееся над самым знаменитым пляжем в Рио. Его внешний вид немного напоминал Белый дом в США. Я не сомневался, что элегантный вестибюль с кондиционерами окажется разительным контрастом по сравнению с *фавелами*, куда нам предстояло отправиться завтра.

– Рад сообщить, что все уже устроено, сэр, – сказал адвокат по имени Фернандо. – Здесь мы считаемся весьма уважаемой фирмой, поэтому ваших документов вместе с нашими рекомендациями оказалось достаточно, чтобы директор приюта незамедлительно согласился удовлетворить ваше прошение об удочерении ребенка. Откровенно говоря, многим детям чрезвычайно трудно найти приемные семьи, и руководство приюта благодарно за освободившееся место. – Он покачал головой. – Так или иначе, завтра вас ждут в приюте, и вы сможете уехать вместе с ребенком.

– Спасибо за содействие, Фернандо. И, пожалуйста, передайте мою благодарность всей команде за отличную работу, которую вы проводили для меня последние десять лет.

– Обязательно, мистер Танит. – Он поклонился и вышел на улицу.

В тот вечер Марина повела меня по жарким улицам Рио, она выбирала ползунки, бутылочки, детское питание, муслиновую ткань и все, что нам могло понадобиться для возвращения с ребенком в Европу. Я бездумно следовал за ней и выделял деньги на все, что она считала необходимым. Эта экскурсия была настолько утомительной, что, несмотря на разницу во времени, той ночью я спал как младенец под тихий плеск океанских волн, доносившийся из открытого окна.

На следующее утро мы с Мариной поехали на такси в *фавелу* Росинья^[42]. Водитель не хотел доставлять туристов в огромные городские трущобы, но я заверил его, что знаком с рисками.

– Посмотрите, – обратился он к нам через несколько минут. Водитель указал на гору Корковадо, где стояла знакомая белая статуя с широко раскинутыми руками, словно обнимавшая город. – Это наш *Cristo Redentor*. Наверное, вы раньше видели его на фотографиях.

– Да! – с улыбкой ответил я, глядя на светлую, элегантно очерченную скульптуру Ландовски, которая как будто парила среди облаков наподобие ангела. Хотя я видел статую вблизи в парижской мастерской, реальность была гораздо более захватывающей. Я посмотрел на небо, ставшее вечной обителью моего старого друга, и моя душа преисполнилась гордости и благоговения.

Пока мы поднимались в холмы, бетон и кирпич сменялись деревом и гофрированным металлом. По захламленным улицам текла подозрительная жидкость, и было похоже, что в большинстве жилищ нет даже элементарной канализации. После пятнадцатиминутной поездки – столько времени понадобилось, чтобы пышное величие превратилось в нищету, – изможденная женщина встретила нас перед детским приютом. Под глазами у нее залегли темные круги, а рубашка была покрыта пятнами разных оттенков и размера.

– Ребенок? – спросил она, когда мы подошли ближе. – Европа?

– Да... *si*, – ответил я.

Она кивнула и сделала паузу, чтобы окинуть нас взглядом. Явно удовлетворенная, она пригласила нас внутрь.

– Хорошо. Заходите.

Мы оказались в здании, похожем на большую коробку с бетонным полом и стенами. Все вокруг было сумрачным и обшарпанным; по правде говоря, это место напоминало тюрьму. Мы последовали за

женщиной во вторую дверь, и я был шокирован зрелищем, открывшимся перед нами. Тридцать или сорок детей разного возраста ютились в единственной комнате. Сбивавшиеся с ног сотрудники пытались сохранять спокойствие посреди какофонии криков и плача. На мой взгляд, у большинства детей просто не было игрушек, на которые они могли бы отвлечься.

– Боже мой, – выдохнула Марина. – Бедные, бедные дети!

Пока мы шли по комнате, за нами следили десятки глаз. Стыдно сказать, но я старался не смотреть в глаза детям, опасаясь того, что мое сердце разорвется пополам. Прошло больше сорока лет с тех пор, как я бывал в сиротском приюте. Я наивно предполагал, что за это время условия содержания детей должны были уллучшиться. Больше денег, больше возможностей, больше знаний... больше любви. Но к моей безмерной печали, условия в приюте Рио-де-Жанейро были еще хуже, чем в «*Apprentis D'Auteuil*» сорок лет назад.

Нас с Мариной отвели в отдельную комнату, где находилось около десяти младенцев. За ними присматривала женщина, которая старалась вовремя менять детские пеленки. Мы остановились возле кровати в конце комнаты.

– Ваш ребенок, – сообщила женщина, которая встретила нас.

Мы с Мариной посмотрели на малышку. Меня изумила прядь темных волос на макушке девочки и огромные глаза, которые испуганно заморгали при виде двух незнакомых людей.

– *Bonjour*, здравствуй, малышка! – сказала Марина. – Или мне нужно сказать *olá*? Посмотрите на ее глаза, Атлас, какие они громадные! И так широко раскрыты для ее возраста.

– Она похожа на свою прабабушку, – искренне сказал я.

– Правда? Как замечательно.

Женщина указала на малышку, и Марина осторожно взяла ее на руки.

Мы вернулись обратно через переполненную детскую комнату. Перед самым выходом женщина хлопнула в ладоши, как будто что-то вспомнила.

– *Un momento, por favor!* – воскликнула она и убежала обратно. Ребенок захныкал, и вскоре недовольное мяуканье превратилось в полноценные рыдания.

– Шшш, тише, миленькая, – успокоила Марина. – Все будет хорошо, обещаю.

– Вам нужна бутылочка? – Я торопливо полез в кожаную сумку, переброшенную через плечо.

– У меня кружится голова, – призналась Марина. – Все от жары и от вида этих несчастных детей. Можете немного подержать малышку?

– Ох, я не уверен. Я много лет не держал на руках младенца...

– Очень просто, каждый с этим справится. Вот так... – Марина аккуратно передала мне ребенка. – Будьте осторожны с ее головкой; пусть она ляжет вам под локоть. Вот и все.

Марина быстро направилась к ржавому металлическому стулу в углу комнаты. Я посмотрел на малышку, которая открыла глаза. Подчинившись первобытному родительскому инстинкту, я принялся укачивать ее. К моему удивлению, девочка перестала плакать, и ее лицо сложилось в удовлетворенную гримасу.

– Ну вот, Атлас, у вас все получилось само собой. – Марина подмигнула мне, энергично обмахиваясь веером.

– Она очень красивая, – заметил я.

Женщина вернулась, держа в руке нечто похожее на подвеску. Она попыталась вручить ее мне, но я неловко уклонился, не зная, как высвободить руки. Марина мужественно поднялась на ноги и взяла предмет.

– Что это такое? – обратилась она ко мне. Я непонимающе посмотрел на женщину.

– Для ребенка, от матери, – сказала она.

– Теперь понимаю, – ответил я. – Спасибо... *Obrigado*.

Марина сунула подвеску в мой задний карман.

– Нам пора уходить. До свидания.

Женщина кивнула.

– Позаботьтесь о ней, пожалуйста. – Она сложила руки в умоляющем жесте.

Срок нашего пребывания в Рио быстро истекал, и до конца дня мы втроем снова оказались в салоне авиалайнера. Марина укачивала малышку, которая проспала у нее на руках почти всю вторую половину дня. Когда мы поднялись в небо над Бразилией, меня посетила мысль.

– Марина... Думаю, мы обязаны дать ей имя.

Она вздохнула и одарила меня усталой улыбкой.

– Я не знаю. Все произошло так быстро, что я даже не подумала об этом.

Примерно через полчаса полета, когда свет в салоне стал меркнуть, чтобы пассажиры могли поспать, девочка начала проявлять признаки беспокойства, скорее всего, из-за перепада давления. Я поерзал в кресле, ощутил подвеску в заднем кармане и достал ее.

Это на самом деле была поразительная вещь. Я осмотрел переливчатый центральный самоцвет, восхищаясь его голубоватым сиянием. Это почти наверняка был лунный камень. Такие камни обладали неким романтическим флером – во многом из-за названия – и ассоциировались с любовью и защитой. У меня подкатил комок к горлу при мысли о том, что Кристина оставила подвеску вместе с ребенком как связь с прошлым.

Несмотря на усердные попытки кормления, укачивания и напевания, предпринятые Мариной, крики ребенка становились все громче. Несмотря на свой опыт, Марина выглядела немного растерянной.

– Давайте я попробую? – предложил я.

– Пожалуйста, – ответила она.

Я встал, и Марина передала мне девочку.

– Иди сюда, малышка. Я тоже нервничал, когда в первый раз летал на самолете.

Я покинул салон первого класса и понес ее в заднюю часть самолета. К счастью, она положительно отреагировала на движение и перемену обстановки. Когда мы достигли служебного помещения, где стюардессы готовили кофе в тускло освещенной бортовой кухне, я остановился.

– Прошу прощения, я не хотел вас беспокоить.

– Ничего страшного, сэр, – ответила молодая блондинка. – Ах, только посмотрите на нее? Какая милашка!

– Спасибо, – улыбнулся я.

– Так приятно видеть, когда отец ухаживает за новорожденным ребенком. Многие воротят носы и ждут, пока дети не научатся ходить. – Стюардесса наклонилась над девочкой. – Поглядите, как она смотрит на вас. Такая маленькая, но уже любит своего папу.

Когда она закончила свою воркотню, я вернулся в салон первого класса с притихшей, хотя и бодрствовавшей малышкой. Марина

свернулась в своем кресле и сладко спала. Я не мог винить ее. Последние два дня определенно были нелегкими, как в душевном, так и в физическом смысле. Я осторожно переступил через ее ноги и занял свое место, прежде чем посмотреть на ребенка.

– Теперь мы оба будем вести себя очень тихо, потому что Марине нужно поспать. Ты согласна? – прошептал я. Девочка понимающе моргнула, и я заулыбался. – Вот и молодец.

До меня наконец дошло ощущение покоя, которое исходило от ребенка на руках у взрослого. Этот маленький сверток символизировал новое начало, надежду и возможности... Мне хотелось, чтобы ее жизнь была наполнена любовью и радостью.

Она начала агукать.

– Шшш, маленькая, – прошептал я.

Зная о долгом, десятичасовом перелете, я огляделся по сторонам в поисках вдохновения, и мой взгляд остановился на иллюминаторе слева. Луна ярко освещала слой облаков внизу, наполняя небо блистающим сиянием.

– Хочешь, я расскажу тебе историю о звездах, малышка? – Я аккуратно переместил ее головку с левого локтя на правый, чтобы она немного наклонилась к иллюминатору. – На небе больше звезд, чем песчинок на всех пляжах в мире. Мне всегда казалось невозможным поверить в это, но это правда. С детства я был зачарован созвездиями, каждое из которых – это символ возможности. Видишь ли, малышка, звезды даруют жизнь. Они заполняют темное небо своим теплом и светом.

Мой голос возымел желаемый эффект, и девочка заморгала медленнее.

– Но есть одно созвездие, которое для меня волшебнее, чем все остальные, – это Плеяды. Легенда гласит, что они были семью сестрами. Их отец Атлас, от которого я получил имя, был титаном, которому Зевс приказал удерживать Землю. Хотя сестры были очень разными, они жили счастливо на первозданной Земле в доисторические времена. Но после случайной встречи с жестоким охотником Орионом сестры подверглись его неустанному преследованию. Смотри, вот они! – Я наклонил голову, чтобы посмотреть на небо из маленького иллюминатора, и смог заметить своих вечных спутниц. – Всю жизнь я искал их в небе для утешения и

наставления. Они мои защитницы и путеводные маяки. Интересно, что сегодня Майя сияет ярче остальных. Говорят, что раньше она затмевала сестер своим блеском, но потом Альциона засияла еще ярче. Вообще-то «Майя» значит «Великая» в некоторых переводах. Римляне даже считали ее богиней весны, поэтому наш пятый месяц называется «май»...

Я посмотрел на девочку, уснувшую у меня на руках.

– Ох, малышка, я утомил тебя, – пробормотал я.

– Возможно, *chéri*, но только не меня. – Я обернулся и увидел Марину, смотрящую на меня из соседнего кресла.

– Прошу прощения, Марина. Я не хотел будить вас.

– Я всего лишь задремала. – Она посмотрела на малышку. – Боже мой, вы и впрямь волшебник. Она любит вас.

Я слабо улыбнулся.

– Вы так думаете?

– Я знаю, *chéri*, вы спасли ее от тяжелой и безрадостной жизни.

– Мы оба сделали это.

Марина улыбнулась.

– Это вы годами следили за ее семьей и приступили к действию в опасный момент. Не знаю никого, кто смог бы сделать нечто подобное. Вы невероятный человек, Атлас.

– Спасибо, Марина. Очень приятно слышать это от вас.

Она посмотрела в иллюминатор.

– Вы спросили, должны ли мы дать ей имя. Сейчас я думаю, что вы уже в тот момент знали, как ее зовут.

Она указала на облачный ландшафт в лунном сиянии.

– Майя... – прошептал я.

Август 1977 года

В первые несколько недель мы едва не потонули в водовороте подгузников, отрывков и ночных кормлений. Я настоял на переезде Марины в главный дом, чтобы обеспечивать поддержку в неурочное время. Думаю, это были мои любимые моменты, когда мы с Майей

оставались одни в тихой ночи, где слышался лишь плеск волн на берегу озера. Она многому меня научила, не проронив ни слова. В течение тридцати лет я был так сосредоточен на поисках Элле и на исполнении пророчества Ангелины, что совершенно отгородился от остальных. Я стал узколобым, прямолинейным и одержимым. Маленькая Майя открыла мне глаза. Сейчас я чувствую себя живым, впервые за долгие годы.

По словам Марины, она сразу поняла, что Майя останется у нас навсегда. Я примирился с судьбой прежде, чем самолет приземлился в аэропорту Шарля де Голля. Все это время Майя вела себя тихо и выслушала весь мой репертуар из мифологии Семи Сестер. Возня с хрупким и невинным человеческим существом напомнила мне о самом утешительном уроке этого мира: что бы ни случилось, жизнь побеждает.

Я нервничал, не зная, как сообщить Марине о своем решении, опасаясь, что она сочтет меня плохо подходящим для родительских обязанностей. Мне не стоило беспокоиться. Ее лицо озарилось радостью.

– О, *chéri*, это замечательная новость! Разумеется, будет правильно, если вы официально удочерите Майю. Она нужна вам так же, как вы нужны ей.

Я обнял Марину, а потом признал неизбежное:

– Я не справлюсь в одиночку, Марина.

Она рассмеялась.

– И не надо! Я видела, как вы пытались поменять подгузник. Думаю, у орангутанга получилось бы лучше!

– То есть вы останетесь и будете ухаживать за Майей? – восторженно спросил я.

– Разумеется, *chéri*.

Георг окончательно оформил документы об удочерении. По его предложению, Майю зарегистрировали под фамилией «Деплеси», что исключало нежелательное внимание к ней Крига Эсзу.

Вот так я стал отцом.

Поскольку я приближаюсь шестидесятилетнему возрасту, то прихожу к мысли о том, что пророчеству Ангелины едва ли суждено сбыться. Разумеется, Георг все так же фильтрует базы данных по всему миру, но поездки для расследования смутных зацепок и

указаний стали менее частыми. Когда мне все-таки приходится уезжать, я не могу дождаться возвращения в Атлантис, где провожу время с маленькой Майей. Больше всего мне нравится брать ее на прогулки в сад и на берег озера, где я рассказываю ей перед сном длинные истории о моих приключениях.

Разумеется, это не значит, что я не испытываю душевной боли от того, что где-то во внешнем мире живет моя *родная* дочь, та, которая нуждается во мне еще больше, чем маленькая Майя. Просто я стараюсь не слишком часто думать об этом. Уже много лет я вкладывал свою веру в звезды и пророчества; возможно, пришла пора жить в реальном мире.

Сегодня ранним вечером я получил четкое напоминание об этом, когда прозвучал телефонный звонок. Обычно, когда я беру трубку, на другом конце линии оказывается Георг. Мои звонки перенаправляются через его фирму для профилактики любых нежелательных контактов с Эсзу (который, кстати, продолжает сидеть тихо, как мышь).

– Добрый вечер, Георг, – сказал я, ответив на звонок.

– Алло? – отозвался голос с норвежским акцентом.

– Хорст? – спросил я. Они с Астрид, а также семья Форбс и Ральф Маккензи были единственными людьми, имевшими прямую линию связи с Атлантисом.

– Добрый вечер, Бо. Надеюсь, я не побеспокоил тебя?

– Вовсе нет, мой дорогой друг. – Я польстил себе тем, что без особых усилий перешел на норвежский. – Как вы поживаете?

– Ну, физически я здоров, как и Астрид.

Я взял телефонный аппарат и устроился в кожаном кабинетном кресле.

– Я читал о последней композиции Феликса в журнале «Инструменталист». Bravo! Должно быть, вы очень гордитесь им.

– Гордость – это последнее чувство, которое я испытываю к моему внуку, – мрачно ответил Хорст.

– Вот как? – Он застиг меня врасплох.

– Прежде чем я перейду к этому, сначала расскажи, *папаша*, как поживает юная Майя?

– Великолепно! Спасибо, что спросил, Хорст. Сегодня утром я застал ее за чтением вслух «Винни-Пуха». Она не просто *читала* книгу, хотя ей всего лишь три года, но и меняла голос для разных

персонажей, точно так же, как делаю я, когда рассказываю ей о себе... – Я с трудом удержался от дальнейших словоизлияний.

– Дети – это наше благословение, – добродушно хмыкнул Хорст.

– Она каждый день учит меня чему-то новому, – сказал я, бездумно накручивая на палец телефонный провод. – Даже если это умение соскребать шоколад с рубашки.

– Рад слышать, что вы так замечательно ладите друг с другом. – На линии повисла пауза. – А что насчет Элле?

– Увы, мне нечего сообщить, Хорст. С каждым днем я понемногу теряю надежду. Как вы понимаете, я никогда не откажусь от поиска, но сейчас мне нужно заниматься Майей.

– Понимаю.

Голос старого друга звучал очень тихо, и мне приходилось напрягать слух.

– Прошу прощения, Хорст, я плохо слышу. Не могли бы вы говорить немного погромче.

– Э-э, боюсь, что нет. Астрид спит наверху, а вопрос, который я хочу обсудить, должен оставаться строго между нами.

Я выпрямился в кресле.

– Все в порядке?

В трубке послышался вздох.

– Честно говоря, старый друг, совсем не в порядке. – Хорст цокнул языком. – Дело в Феликсе. Он оказался в довольно затруднительном положении.

– Ясно. Постараюсь помочь, хотя бы советом.

– Как тебе известно, Феликс стал знаменитым здесь, в Бергене. Фактически во всей Норвегии. Люди знают его как осиротевшего сына великого Пипа Халворсена и его прекрасной жены Карин, трагически погибшей, когда Феликс был младенцем. Выходили статьи об этом, и смею сказать, что блудный сын поверил в собственную легенду.

– Ясно, – повторил я, не вполне понимая, как следует отреагировать на это.

– Это усугублялось тем обстоятельством, что он получил преподавательскую должность в Бергене. В местной консерватории много девушек...

Мне не нравилось направление этого разговора.

– Девушек?

– Да. Каждый раз, когда мы с Астрид видим его, а это редко случается в наши дни, он расхаживает под руку с новой девушкой. Кроме того, он слишком много пьет, – с раздраженным вздохом добавил Хорст.

Я немного подумал.

– Молодой человек получил определенную славу и скандальную известность. Было бы наивно ожидать от него чего-то иного, – заметил я в надежде подбодрить Хорста. – Надо надеяться, с годами он перерастет такие вольности.

Хорст горько рассмеялся.

– Нет, если он будет и дальше пить такими темпами. У него наступит распад личности.

Я задумался, какую помощь можно было бы предложить.

– Знаете, в Европе есть респектабельные клиники, где занимаются реабилитацией людей с вредными привычками. Друг мой, если дело в деньгах, то для меня это не проблема. Может быть, вы разрешите мне профинансировать лечение для Феликса?

– Спасибо, Бо. Но, насколько я понимаю, залогом успешного выздоровления является желание выздороветь, которого у Феликса определенно не наблюдается. Так или иначе, мы столкнулись с более сложными обстоятельствами, – продолжал Хорст.

Меня охватило недоброе предчувствие.

– Пожалуйста, расскажите, что происходит.

– Два дня назад, когда я занимался покупкой бакалейных товаров в Бергене, ко мне подошла молодая женщина. Она выглядела бледной и изможденной, как будто провела много бессонных ночей. Она назвалась Мартой и сказала, что беременна близнецами.

– Ага, – пробормотал я, начиная понимать, в чем дело.

– Я пожелал ей здоровья и поинтересовался, какое это имеет отношение ко мне. Тогда она сообщила, что отцом является Феликс.

– Ох, Хорст...

– Она сказала, что была его студенткой и что они были крепко влюблены друг в друга. Но, очевидно, мой внук не ответил на ее призывы о поддержке.

Я глубоко сочувствовал пожилым супругам, которые были так добры ко мне.

– Это последнее, что нужно вам с Астрид, Хорст.

– Да, но дело еще хуже. Когда я познакомился с Мартой, она выглядела... глубоко обеспокоенной. Тон ее голоса, загнанное выражение глаз... Я попросил ее не волноваться, дал ей наш телефонный номер и обещал связаться с Феликсом, чтобы выиграть немного времени. Несмотря ни на что, я сохранял за моим внуком презумпцию невиновности. В тот вечер я отправился в его коттедж для разговора. Он был потрясен моим визитом и безуспешно попытался спрятать пустые бутылки, когда я вошел внутрь. Я рассказал ему о женщине, которую встретил в супермаркете.

– Как он отреагировал?

– Рассерженно и недоверчиво. Он сказал, что Марта влюбилась с первого взгляда, когда увидела его в университете, и домогалась его как одержимая. Я спросил, спал ли он с ней, и он признался в этом. Естественно, я предложил ему пойти со мной и принять ответственность за свои поступки.

– Что он сказал на это?

– Он категорически отказался. Сказал, что у Марты был давний ухажер, поэтому логично считать, что она забеременела от этого человека, а не от него.

Я потер глаза свободной рукой.

– Понятно.

– Феликс также сказал, что Марта страдает многочисленными психическими расстройствами. Он умолял поверить, что она представляет опасность для него.

Я обдумал ситуацию.

– Вы поверили ему?

Хорст снова вздохнул.

– После очной ставки с Феликсом я встретился с Мартой в загородном ресторане. Она описала романтические свидания с моим сыном, даже с чрезмерными подробностями, включая даты, и у меня остается мало сомнений, что отцом является Феликс.

Было очень трудно что-то посоветовать.

– Ясно, – только и сказал я.

– Но... – Разговор явно становился для Хорста все болезненнее. – Но думаю, что Феликс прав насчет Марты. Она совершенно без ума от него, до одержимости, хотя они лишь дважды были вместе. Это не

оправдывает поступки Феликса, но, по крайней мере, я принимаю во внимание его аргумент насчет психического здоровья Марты.

Я подошел к книжному шкафу и взял статуэтку «счастливой лягушки», которую Пип подарил мне на пароходе «Хуртигрутен».

– Ребенок в утробе здоровый? – осведомился я.

– Дети, – угрюмо поправил Хорст. – У нее двойня, во всяком случае по результату ультразвукового обследования.

– Прошу прощения, там могут сказать пол ребенка? Или детей, в данном случае?

– Да. – Хорст помедлил, собираясь с силами. – Здесь ситуация становится немного абсурдной. Я спросил Марту, знает ли она пол будущих детей. Она кивнула и с гордостью сообщила, что ожидает рождения мальчика. Но когда она сказала, что другой ребенок будет девочкой, то закатила глаза и скривилась.

Я нахмурился.

– Значит, она была рада узнать о будущем сыне, но не о дочери?

– Вот именно. Марта сказала, что у них с Феликсом будет идеальный мальчик, следующий великий Халворсен. – Хорст тихо застонал. – Когда я спросил ее о дочери, она лишь пожала плечами, как будто ей было совершенно безразлично, что станет с девочкой.

Я крепко сжал «счастливую лягушку», словно желая исправить положение.

– Боже милосердный. Но почему?

– Говорю же, у этой молодой женщины есть какая-то глубокая психическая травма.

– Астрид знает об этой ситуации?

– Нет. Я не хочу обременять ее этим пока. Но не сомневайся, мне придется это сделать. Это мои правнуки... внуки моего дорогого сына. Я не могу игнорировать Марту и все, что с ней связано.

Я понимал чувства Хорста. Без сомнения, на его месте я чувствовал бы то же самое.

– Что вы собираетесь делать?

Хорст тяжело перевел дух.

– Нет никаких шансов, что Феликс примет на себя ответственность и поведет себя достойно. Я стыжусь его поведения. – Его голос немного сорвался. – И его отцу было бы стыдно.

Хорст откашлялся и восстановил самообладание.

– Прошу прощения, Бо. Так или иначе, я пришел к выводу, что после родов мы должны взять Марту к себе. Я не уверен, что она сможет самостоятельно позаботиться о детях. Я ответственен перед моим сыном и Карин, чтобы наш род не прервался.

Доброта этого человека была действительно безграничной.

– Это... очень благородно с вашей стороны, Хорст, – отозвался я.

– Послушай, Бо. Мне девяносто три года, и мои дни уже почти сочтены. Астрид семьдесят восемь; она проживет дольше, но кто знает? У нас очень мало денег, поскольку большая часть ушла на обучение Феликса и на спасение его от неприятностей, в которые он впутывался.

– Ни слова более, Хорст. Я выпишу чек...

– Спасибо, но я хочу попросить не о твоих деньгах.

– Тогда о чем же, друг мой?

Хорст понизил голос:

– О твоей любви. Я знаю, какую радость доставляет тебе Майя в последние три года. Твой голос обрел былую звонкость, к тебе вернулась внутренняя певучесть, которую я не слышал с тех пор, как мы вместе исполняли музыку у меня дома. Я уверен, что мы с Астрид еще сможем управиться с одним ребенком, но у нас не хватит сил на двоих.

Мой пульс невольно участился.

– О чем вы хотите попросить, Хорст?

– О маленькой девочке. Ты сможешь принять малышку к себе?

Я потрясенно откинулся на спинку кресла. Что я мог ответить на такую невероятную просьбу?

– Я... Хорст...

– Понимаю, это больше, чем одолжение, о котором можно попросить даже близкого друга, – умоляюще произнес Хорст. – Но, по правде говоря, я не знаю, что еще можно поделать. Марта психически больна, и ее дочь не получит той любви и заботы, которых она заслуживает, пока существует ее брат-близнец. – Его дыхание внезапно участилось, и я услышал сдавленный всхлип. – Я не сомневаюсь, что она отдаст девочку в приемную семью. Мы с Астрид с удовольствием согласились бы на роль опекунов, но мы уже старые и немощные.

Некоторое время мы провели в неловком молчании.

– Не знаю, что и сказать, – наконец выдавил я.

– Сейчас не надо ничего говорить, Бо. Пожалуйста, не торопись, пока будешь обдумывать мое предложение. Я обращаюсь к тебе, поскольку знаю, какой ты хороший человек. Более того, ты остаешься единственной живой нитью, связывающей меня с Пипом и Карин. Я помню, как они восхищались тобой, и знаю, что они были бы очень довольны, если бы ты позаботился об их внучке.

Хорст тихо заплакал.

– Это очень добрые слова, Хорст. – Было больно слышать его плач.

– Как бы то ни было, мы всегда жалели о том, что не подарили Пипу брата или сестру. Я не сомневаюсь, что жизнь маленькой Майи станет лучше, если у нее появится младшая сестра, с которой она будет играть.

– Я... Я обещаю как следует подумать об этом.

– Марта может родить в любой день. Когда дети появятся на свет, я обо всем расскажу Астрид, и Марта переедет к нам домой, где мы сможем присматривать за ней. – Хорст собрался с духом. – Если... Астрид необязательно знать о внучке; так будет лучше для нее. Ты же знаешь, какое у нее доброе сердце. Несомненно, она попробует взять обоих детей, и я боюсь последствий, которые это может повлечь за собой.

Я положил трубку, налил себе бокал прованского розового вина и вышел из дома, чтобы посидеть на травке у края воды. Трудно было в полной мере осознать серьезность просьбы Хорста, с которой он обратился ко мне. Я вспоминал себя, Элле, Пипа и Карин в Бергене, какую радость мы испытывали вместе. Я вспоминал, как Элле смотрела на маленького Феликса – с затаенной тоской и желанием создать такую же семью, как ее лучшая подруга.

Однажды я поклялся сделать все возможное, чтобы отплатить за доброту семьи Халворсен.

Я посмотрел в небо.

– Помоги мне, Пип. Скажи, Карин, ты бы этого хотела?

– Па, па, па, па, па! – раздался писклявый детский голосок у меня за спиной.

Я оглянулся и увидел Майю, бежавшую ко мне на коротеньких ножках, и улыбающуюся Марину, которая сопровождала ее.

– Здравствуй, дорогая дочка. – Я подхватил ее и покачал на руках. – Хорошо провела день?

– Да! – энергично ответила Майя.

– До сих пор не верится, но она смогла прочитать мне первые несколько строчек из «Мадлен»!^[43] – сказала Марина и положила руку мне на плечо.

– Боже милостивый! Похоже, у нас растет маленькая ученая дева.

– Очень похоже на то.

Я посмотрел на дочь, которая подпрыгивала у меня на коленях.

– Майя?

– Да-а-а, – протянула она.

Я приподнял ее подбородок, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Ты хотела бы иметь младшую сестренку?

Марина убрала руку с моего плеча, но маленькое лицо Майи тут же озарилось.

– Сестренку? Для меня?

– Верно. – Я улыбнулся. – Именно для тебя.

Майя посмотрела на Марину, и я тоже. Марина подбоченилась и вопросительно глядела на меня.

– Она будет жить в животе у Ма?

Сообразительность Майи неизменно поражала меня.

– Нет. Она появится по волшебству, со звезд. Точно так же, как ты.

Как тебе это нравится?

Майя широко распахнула засиявшие глаза.

– А мы сможем вместе читать истории? – спросила она.

– Конечно, моя милая.

– Тогда да, пожалуйста!

Я рассмеялся.

– Ну, хорошо. Мы с Ма подумаем об этом.

– Точно, Майя, – поспешно вмешалась Марина. – Мы *подумаем* об этом. А теперь пойдем, *chéri*, уже пора купаться.

В тот вечер я пригласил Георга в Атлантис, и мы вместе с Мариной обсудили сложившуюся ситуацию на веранде.

– Я понимаю, Атлас, что вы считаете это вашим долгом, но уверены ли вы, что можете взвалить на себя такую ответственность? – спросил Георг. – Второе удочерение определенно оставит вам меньше времени на поиски Элле.

Я покачал головой.

– Сомневаюсь, что появление нового ребенка повлияет на это обстоятельство сильнее, чем текущая забота о Майе. Мой главный вопрос относится к вам, Марина. Вы справитесь с еще одной новорожденной малышкой?

– Атлас... Вы можете дать мне сотню детей для ухода и кормления, и я буду только рада. Вы же знаете, как я люблю их, *chéri*. – Марина критически изогнула бровь. – Но в следующий раз, пожалуйста, побеседуйте со мной, прежде чем знакомить Майю с подобными мыслями.

Я всплеснул руками.

– Прошу прощения, я просто хотел проверить ее реакцию. Если бы она не отнеслась к этому с таким восторгом, то я бы не уделил просьбе Хорста так много внимания.

Ма кивнула.

– Понимаю. – Она устремила взгляд на тихую гладь озера. – Как бы то ни было, я думаю, ваши друзья будут вечно благодарны вам, – тихо добавила она.

На следующее утро я позвонил Хорсту и подтвердил, что собираюсь выполнить его просьбу. Он расплакался от облегчения и благодарности. Позже в тот же день он снова связался со мной и сообщил, что Марта всецело поддерживает такой план. Я спросил, не стоит ли мне встретиться с ней и лично подтвердить ее согласие, но Хорст заверил меня, что для ребенка будет лучше, если Марта останется в неведении о том, кто я такой. Через три дня мне сообщили, что Марта родила, и мы с Мариной сели на самолет до Бергена.

Голова малышки, которую мы увезли домой в Атлантис, была украшена пучком ярко-рыжих волос. Я обратил внимание, что в течение всей поездки ее кулачки были крепко сжаты, как будто в знак железной решимости. В чем именно заключалась эта решимость, оставалось только догадываться.

Вид Майи, выглядывавшей из-за края кровати, чтобы посмотреть на свою маленькую сестру, растопил мое сердце и подтвердил правильность моего решения.

– Ее зовут Альциона, – прошептал я. – В честь звезды.

– Привет, Алли, – сказала Майя, стараясь как можно лучше выговорить имя своей новой сестры.

– Да, – прошептал я. – Привет, Алли.

Май 1980 года

Не считая нового слоя краски, магазин «Артур Морстон Букс» ничуть не изменился за тридцать лет моего отсутствия. Было чудесно снова встретиться с Рупертом Форбсом. Он приветствовал меня крепким рукопожатием и сердечными объятиями.

– Ей-богу, старина, ты ничуть не состарился! – с широкой улыбкой произнес он.

– Могу сказать о тебе то же самое.

– Ты мне льстишь, Атлас, это ложь. – Он указал на свои виски. – Посмотри на эту чертову седину. Я стал похож на моего деда!

– Не знаю, как и сказать об этом, Руперт, но ты уже *стал* дедом.

– Да неужели? – с улыбкой отозвался он. – Не распространяй клеветнические слухи!

Я рассмеялся.

– Как поживают мальчики?

– Спасибо, отлично. Совсем недавно мы отпраздновали пятый день рождения Орландо. Луиза подарила ему полное собрание сочинений Диккенса. Я назвал ее чокнутой, но, судя по всему, он уже одолел «Рождественскую песню», и это в пять лет!

– Бог ты мой, в ваших рядах прибавилось гениев. А как поживает... э-э, прошу прощения... Оуэнмаус?

– Ничего, старина, мне самому трудно запомнить. Эномай^[44]. Бедняга. Я пытался внушить Лоренсу, что он будет страдать от своего имени, но, очевидно, Вивьен настояла на своем. Хотя надо с гордостью признать, что имя не помешало его успехам. Он капитан команды по регби в средней школе.

После стольких лет бодрый британский настрой Руперта по-прежнему поднимал мне настроение. Тем не менее я отправился в эту поездку не без душевного трепета. Руперт пригласил меня в Лондон, чтобы «поделиться некоторыми важными новостями», которые, как я полагал, были связаны с Кригом. Хотя Руперт вышел в отставку, он

поддерживал связи с британской военной разведкой. Он мог бы связаться с Георгом, если бы случилось нечто примечательное... но вместо этого настоял на моем приезде.

Руперт запер дверь книжного магазина и повернул входную табличку в положение «закрыто».

– Как твоя семья? Полагаю, эти малышки задают вам жару!

– О, да. Им уже три и шесть, можешь поверить? Мы с Мариной называем их ужасной парочкой!

Он передал мне чашку чаю, приготовленного в квартире наверху.

– Правда? Знаешь, я восхищен вами. Сколько тебе лет, шестьдесят?

– Шестьдесят два, – уточнил я.

– Боже ты мой. Шестьдесят два года, и ты приемный отец двух девочек. Не знаю, откуда у тебя столько энергии, старина!

– Конечно, это банальность, но я не преувеличиваю, когда говорю, что мне дали второй шанс. Я чувствую себя таким же молодым, как раньше.

– Приятно это слышать, Атлас, правда, приятно. – Он указал на пару честерфилдских стульев с бархатной обивкой, стоявших в глубине магазина. – Давай присядем.

Я последовал за ним мимо книжных шкафов с табличками «Поэзия» и «Философия».

– Чрезвычайно странно, – заметил я. – Но здесь пахнет *точно так же*, как раньше.

– Вот что делают книги, Атлас. Они надежные и неизменные. Чрезвычайно странно думать, что здесь могут быть экземпляры, которые вы с Элле расставляли по полкам тридцать лет назад и которые остались непроданными.

Мы опустились на стулья с гнутыми спинками.

– Так почему я здесь, Руперт? – нервно поинтересовался я. – Ты обнаружил что-то насчет Элле?

После всех этих лет я больше всего боялся известия о том, что ее местонахождение установлено, но она уже умерла.

Руперт покачал головой.

– Прошу прощения, старина, на этом фронте до сих пор ничего нет. – Он вздохнул. – Мне страшно жаль, что здесь я не смог добыть

ничего ценного. – Он отпил глоток чая. – Где бы она ни находилась, это совершенно секретное место.

Я скорбно кивнул.

– Я знаю. Пожалуйста, не вини себя, Руперт. Георг нанял частных сыщиков и детективные агентства по всему миру, но никто так ничего и не нашел.

Руперт сосредоточенно нахмурился.

– Это крайне странно. Обычно, когда человек исчезает, то остается *нечто*, помогающее в его поисках. Но твоя Элле как будто растворилась в воздухе. Повторяю, Атлас, я восхищаюсь тобой. Сколько ты уже ищешь ее, тридцать лет? И ты никогда не сдавался.

– Я бы никогда не простил себя за это, – тихо сказал я.

– Знаю. Что касается этой занозы в боку, Крига Эсзу... – Он пожал плечами. – Он вроде бы окопался в своем громадном поместье.

– Ну да. – Я смотрел на дверь, которая вела в квартиру, где мы с Элле скрывались больше тридцати лет назад. – Могу лишь предположить, что после смерти жены он утратил волю к жизни. Он просто... забросил свою охоту.

Руперт прищурился, обдумывая эту возможность.

– Полагаю, это справедливое предположение. Сколько сейчас лет его сыну?

Я провел быстрый мысленный подсчет.

– Думаю, он примерно того же возраста, что и Майя. Шесть или семь.

– Бедняга. Тяжело потерять маму и иметь отца-психопата... Не могу представить, каково это для мальчика.

На самом деле я даже не думал об этом.

– Наверное, ты прав, Руперт. Я не завидую Эсзу-младшему.

– Это точно. – Руперт поставил чашку и блюдце на столик. – Теперь, если не возражаешь, я перейду к делу.

– Да, пожалуйста. Я заинтригован.

– Ладно. – Руперт сложил пальцы домиком. – С чего бы начать... Ты помнишь семейный разлад между Воганами и Форбсами в сороковых годах? Когда умер Арчи, отец Луизы, и Тедди унаследовал Хайвельд?

– Прекрасно помню.

– Отлично, тогда обойдемся без объяснений. Тебе известно, что Тедди женился на ирландке по имени Дикси? И что они родили Майкла?

– Припоминаю, но очень смутно. – Честно говоря, родословная Тедди Вогана не числилась в списке моих приоритетов.

– Не беспокойся, подробности не имеют значения. Но, если копнуть поглубже, помнишь ли ты женщину по имени Тесси Смит? В то время вы с Элле жили в Хайвельде.

Я много лет не слышал ее имени, но не забыл тяжелые обстоятельства этой бедной женщины.

– Да, я помню. Она состояла в группе «женской поддержки».

– Совершенно верно, старина, – с довольным видом кивнул Руперт.

Я глотнул чаю и постарался лучше вспомнить ее.

– Кажется, Тесси была очень дружелюбна к Элле.

Руперт понимающе кивнул.

– Я так и думал. – Он набрал в грудь побольше воздуха. – А теперь приготовься: я собираюсь выдать очередной жуткий секрет семьи Воган. Нет способа облечь его в деликатную форму, но...

– Тесси забеременела от Тедди, и Флора заплатила ей за молчание, – невозмутимо отозвался я, развеяв впечатление таинственности. Руперт удрученно кивнул.

– Получается, это было известно работникам фермы...

Я лишь посмеялся над его возмущенной реакцией, и Руперт виновато заморгал, когда осознал смысл сказанного.

– Извини, я не хотел тебя обидеть...

Я поднял руку в успокаивающем жесте.

– Ничего страшного. Что касается твоей догадки... да, боюсь, так оно и было. Мы все знали о случившемся, да и Тесси не делала из этого секрета.

Руперт обхватил голову руками и сдавленно усмехнулся.

– Боже ты мой! Все-таки что за дикарь этот Тедди! – Он собрался с мыслями. – Но ближе к делу; Тесси умерла пять лет назад, в семьдесят пятом году.

– Мне жаль. Известно, родила ли она ребенка от Тедди?

– Да, и этого ребенка зовут Патриция Браун.

– Браун?

– Это фамилия человека, за которого она вышла замуж, кстати тоже покойного.

– Понятно. – Мне было трудновато понять, к чему он клонит, но я старался как мог.

– Если откровенно, то еще несколько недель назад я ничего не знал об этих событиях. Очевидно, Луиза хорошо разбиралась в них, но ничего мне не рассказывала, поскольку считала это личным делом Тесси.

Я улыбнулся при мысли о дружеской верности Луизы. Ее мать гордилась бы ею.

– Почему ты мне все это рассказываешь, Руперт?

Он обвел глазами пустой книжный магазин, как будто опасался, что нас могут подслушать. Я не сомневался, что это вошло у него в привычку за долгие годы службы.

– Несколько дней назад мне позвонили из Букингемского дворца.

– Из Букингемского дворца? – ошеломленно повторил я. – Из резиденции королевской семьи?

Руперта как будто позабавила моя реакция.

– Верно... хотя звонок был не от Ее Величества. Мне позвонил сотрудник королевской службы безопасности. – Он выдержал паузу, явно предназначенную для драматического эффекта. – Короче говоря, я получил кое-какую информацию, о которой, смею предположить, ты *не подозреваешь*.

Я клюнул на приманку.

– И что это за информация?

– Мать Луизы, леди Флора Воган, в девичестве Макникол, была плодом внебрачной любовной связи короля Эдуарда VII.

Надо отдать должное Руперту: его драматическая пауза была вполне заслуженной.

– Какого... дьявола?

Руперт широко улыбался, наслаждаясь эффектом.

– Понимаю, старина. Но меня заверили, что это правда.

Я издал потрясенный смешок.

– Невероятно. Луиза знает *эту* часть ее семейной истории?

– Определенно, нет, мой дорогой друг, и так должно оставаться впредь, – сказал Руперт, напустив на себя строгий вид.

– Она *по-прежнему* не знает?

– Нет. Будучи членом секретной разведывательной службы, я должен, вернее обязан, хранить такую секретную информацию при себе, особенно если она связана с Букингемским дворцом.

Я развел руками и огляделся по сторонам.

– Тогда, Руперт, хорошо, что я не работаю на советскую разведку, да? Но если ты не поделился этой информацией даже с женой, то почему ты раскрываешь ее мне?

– Я скоро перейду к этому. – Он на секунду задумался, формулируя следующую фразу: – Если ты являешься прямым потомком британского монарха, это значит, что королевская семья... следит за положением вещей. – Он неловко поерзал на стуле. – Так сказать, с целью избежать любого *неловкого положения*, которое могло бы...

– Нанести ущерб репутации? – вставил я.

Руперт кашлянул.

– Патриция, дочь Тесси и Тедди, не принадлежит к робким и застенчивым натурам, какие одобряются в Букингемском дворце. Она ревностная католичка, даже в ущерб себе.

– Как там это называется... – Я пошарил в голове, вспоминая английскую фразеологию. – ...«И адский пламень не остановит меня»?

Руперт щелкнул пальцами.

– Вот именно. Судя по тому, что мне сообщили из дворца, у самой Патриции есть две дочери. Старшая, Петула, родилась восемнадцать лет назад. Сейчас ее дела обстоят очень хорошо, и она учится в моей *alma mater* – Кембриджском университете.

Я улыбнулся.

– Замечательное достижение, с учетом проблем, которые должны были возникать в ее жизни.

– Полностью согласен. Теперь что касается второго ребенка... здесь есть значительный разрыв по возрасту. Фактически Патриция лишь недавно родила второго ребенка.

Я припомнил услышанное раньше.

– Разве ты не упомянул о смерти ее мужа?

– Вот именно, – повторил Руперт и выразительно кивнул. – Служба безопасности королевского дворца не нашла никаких записей о личности отца второго ребенка. Таким образом, можно предположить, что девочка была зачата и рождена вне брака, что

должно вызвать глубокое возмущение в католической общине Патриции.

– Что же случилось с ребенком?

Руперт встал.

– Как раз поэтому мне на днях позвонили из дворца, Атлас. По-видимому, миссис Патриция отдала своего новорожденного ребенка в детский приют в Ист-Энде, дабы скрыть свой позор.

Он подошел к старому деревянному столу, за которым когда-то сидел я.

– Мне до сих пор трудно понять, почему служба безопасности сочла уместным позвонить тебе, Руперт. Если они озабочены репутационным ущербом, то каким образом малышка, ничего не знающая о собственной истории, может поведать таблоидам о своих отдаленных притязаниях на трон?

Руперт пожал плечами, перебирая какие-то бумаги.

– Я сам задал точно такой же вопрос. В службе безопасности мне сообщили, что король чрезвычайно заботился о своей семье и что они просто выполняли свой долг, ставя меня в известность. – Он помедлил, глядя в окно на оживленную Кенсингтон-Черч-стрит. – Полагаю, в данном случае их намек состоял в том, что ребенок нуждается в приемной семье и подобающей заботе.

Я встал и подошел к столу.

– Но они бы не обратились к первому встречному...

– Нет. Здесь ты совершенно прав: это потому, что я работал в MI5.

– Значит, они ожидают, что эта информация должна побудить тебя к действию?

Руперт избегал моего взгляда и продолжал возиться с документами.

– Да, в определенной степени это так. – Он наконец нашел то, что искал. – Вот, у меня есть кое-что для тебя.

Он протянул мне белый конверт. На нем была надпись, выведенная корявыми буквами:

«Для вручения Элеоноре Танит через Луизу Форбс из книжного магазина».

Я осмотрел конверт, который оказался открытым.

– Ты читал письмо?

– Нет, старина. Но я читал письма Луизы, и, думаю, это примерно одно и то же.

Я открыл конверт и просмотрел содержание.

«Здравствуй, Элеонора.

Надеюсь, дорогая, у тебя все хорошо. Извини, что я на столько лет пропала. Ты еще помнишь меня?

В последнее время я нездорова и просто хотела написать всем, кто был добр ко мне тогда, в Хайвельде.

Ты всегда проявляла особое участие. Как ты помнишь, тогда я переживала трудное время, и не все считали правильным мое намерение рассказать о Тедди и о ребенке.

Но ты посоветовала мне делать так, как я сочту нужным, чтобы все закончилось хорошо.

И знаешь, ты была права! Я родила чудесную малышку Патрицию, которая радовала меня все эти годы. Хотя иногда она довольно колючая, у нее добрые намерения. Кроме того, они с мужем подарили мне замечательную внучку.

В конце концов, я все сделала правильно.

Однако пора заканчивать, а не то я расчувствуюсь. Просто хотела поблагодарить тебя, пока еще дышу. Передай мои лучшие пожелания твоему парню.

С любовью,

Твоя подруга Тесси».

Я убрал письмо в конверт.

– Не знал, что дружба с Элле так много значила для нее.

– У меня с Луизой было то же самое, – ответил Руперт. – Ей было трудно сдерживать чувства, когда она получала такие письма. Это многое говорит о Тесси и о ее характере, правда?

– Да, – тихо ответил я.

– Я жалею лишь о том, что мы не смогли передать письмо тебе, чтобы ты прочитал его той, кому оно было адресовано.

– Я тоже, – прошептал я. Между нами повисла тяжкая пауза, пока я смотрел на своего старого друга. – Я знаю, о чем ты собираешься попросить меня, Руперт.

Он медленно кивнул.

– Прежде чем ты ответишь, имей в виду, что я рассмотрел все прочие возможности. Я на десять лет старше тебя, и Луиза недалеко отстает от меня. Я думал обратиться к Лоренсу и Вивьен, но они находятся в стесненных обстоятельствах и тратят все свои деньги на обучение мальчиков в частном пансионе, который им вообще-то не по средствам. Хуже того, недавно выяснилось, что юный Орландо страдает эпилепсией. Они не справятся с еще одним ребенком.

Я глубоко вздохнул.

– Как насчет Тедди и его родных, тех, что живут в огромном загородном поместье? Там будет достаточно места для ребенка.

Руперт провел пальцами по волосам.

– Ты прав: Тедди и Дикси до сих пор живут в Хайвельде. Их сын Майкл – достойный человек. Кстати, у него недавно родилась собственная дочь, Маргарита.

– Разве ей не захочется иметь подругу для игр, Руперт? Она же в буквальном смысле кровная родственница!

Руперт положил руку мне на плечо.

– Пожалуйста, поверь, что я обдумывал этот вариант. Но «эффект домино» в том случае, если я поделюсь информацией с Майклом, может вызвать недовольство в Букингемском дворце.

Его замечание раздосадовало меня. Почему неосторожность безответственного человека становилась моей проблемой?

– Нам бы этого не хотелось, верно?

Я отошел в сторону и попытался успокоиться, разглядывая иллюстрации, выставленные в отделе детской литературы.

– Да уж, старина. Королевская служба безопасности может быть весьма агрессивной, если захочет. Поэтому они и выживают до сих пор. – Руперт нервно отхлебнул чай.

Я смотрел на красивый стенд с экземплярами «Алисы в стране чудес», несомненно, созданный умелыми руками Луизы. Я взял одну книжку, понюхал корешок и вдохнул слабый аромат кожи и ванили. Повернувшись, я обвел взглядом магазин и мысленно вернулся в те пьянящие дни, когда мы с Элле целыми днями читали и занимались пополнением книжных запасов. У нас не было никого, кроме друг друга, и мы были счастливы. Все то было бы невозможно без доброты Руперта и Луизы, а до этого – Арчи и Флоры. Точно так же, как было с

Халворсенами, я дал себе слово, что однажды постараюсь отплатить за добро семье Воган.

Я уже знал, каким будет мой ответ, но мне хотелось еще немного посмотреть на стыдливые корчи Руперта.

– Подведем итог, – сказал я. – Семье Тедди неудобно брать на себя груз ответственности за его «былые ошибки», а для садовника Танита это будет в самый раз?

Мой вопрос возымел желаемый эффект, и обычно уравновешенный Руперт сгорбился так, как будто отправлялся на костер.

– Разумеется, нет, дорогой друг. Я не собираюсь ничего навязывать, а тем более давить на тебя. Но ты недавно удочерил двух замечательных девочек. Ты подарил им больше любви, чем можно было мечтать, и к тому же открыл им путь к прекрасной жизни. Когда я узнал о том, что этой малышке нужна семья, то сразу же подумал о тебе.

Я кивнул.

– Да. Когда ты подаешь дело в таком свете, это логичное решение.

Я замолчал и выразительно посмотрел на него.

– Ну, и как? – выдавил Руперт. – В твоём волшебном дворце найдется место для еще одной маленькой принцессы?

Я подошел к нему.

– Флора и Арчи Воган заботились о нас с Элле, когда мы бедствовали. Что касается тебя и Луизы... без твоей помощи я не знаю, был бы я жив сейчас. – Я широко улыбнулся и пожал ему руку. – Для меня будет честью отплатить за услугу.

Руперт выглядел так, как будто был готов рухнуть от облегчения.

Позже в тот день мы оказались в городском приюте для сирот в Ист-Энде. Руперт совершил необходимые телефонные звонки и получил гарантии, что малышка сможет улететь со мной в Женеву вечерним рейсом.

– В Букингемском дворце все очень рады такому исходу событий, – заговорщицким тоном сообщил он.

– Откровенно говоря, плевать я хотел на дворец, Руперт. Дело в твоей семье. – Я посмотрел на малышку, мирно спавшую у меня на руках. – И в моей.

Август 1980 года

Опасность старения заключается в том, что нам приходится наблюдать, как любимые люди один за другим уходят из жизни.

В июле мне позвонил Эдди, мой самый младший спутник по плаванию в Австралию на пароходе «Ориент». Он уже более двадцати пяти лет был официальным членом клана Маккензи, но его звонок в Атлантис не принес добрых вестей. Он дрожащим голосом сообщил мне о смерти Ральфа, своего приемного отца.

Я целый час утешал Эдди по телефону и напоминал ему о том, что члены его семьи сделали для меня. Новость о кончине Ральфа глубоко расстроила меня, и я оплакивал дорогого друга, который оставался надежным и верным до самого конца.

Через неделю я находился перед Алисия-Холл в Аделаиде на поминальной службе по Ральфу. Давно миновали те времена, когда я должен был отправиться в эпический морской круиз для достижения берегов Австралии. Теперь любой при желании мог оказаться на другом конце света в течение двадцати четырех часов. Снаружи поместье выглядело таким же цветущим и роскошным, как и раньше, и, когда я прошел за ворота, ко мне приблизился аккуратно одетый молодой человек с длинными светлыми волосами, он обменялся со мной рукопожатием.

– Мистер Танит? – Это был Эдди Маккензи. – Спасибо, что приехали.

– Эдди! Соболезную твоей утрате.

– Спасибо. – Он наклонил голову.

В этот момент Эдди снова был пятилетним ребенком, и мне захотелось утешительно положить руку ему на плечо.

– Не могу сказать, как славно снова видеть тебя. Уверен, ты уже забыл об этом, но я помню тебя маленьким мальчиком. Я был на борту того корабля, который доставил тебя сюда.

Эдди улыбнулся.

– Так говорил мой отец. Он правда очень высоко ценил вас, мистер Танит. Он часто рассказывал, как вы спасли жизнь тем людям в шахте.

Казалось, что этот драматичный день был в прошлой жизни.

– Что же, я не уверен, что без твоего отца мне бы удалось стать таким, как сейчас. Я многим обязан ему.

На поминальной службе собралось больше ста человек, наблюдавших, как в саду Алисия-Холл священник предает земле урну с прахом Ральфа. После церемонии я встретился с Рут Маккензи, которая была очень тронута моим желанием почтить память ее мужа.

Но оставался еще один человек, с которым мне очень хотелось встретиться, а именно – Сара. Пожалуй, я обязан ее заботливой натуре всем, что сейчас имею. В самый темный период моей жизни ее оптимизм и душевное тепло буквально вытащили меня из бездны отчаяния. Но ее нигде не было видно.

– Вы помните ее, Рут? – спросил я.

– Разумеется, мистер Танит! За прошедшие годы они с мужем несколько раз посещали Алисия-Холл. Она даже вышла замуж за Мерсера!

– Вот как? – Мое сердце возрадовалось такому известию.

– Да. Он обходительный мужчина по имени Фрэнсис Абрахам, сын Чарли, мальчика Китти, и ее приемной дочери, горничной Алкины.

Поистине Вселенная действовала своими загадочными путями. Я никогда не смог бы предсказать, что маленькая сирота по имени Сара станет членом одной из богатейших семей в мире. Я помнил ее честолюбивые устремления во время нашего первого разговора: «Я надеюсь получить работу и заработать собственные деньги. Да, и найти парня!»

– Это очень милая история, – продолжала Рут. – Сара познакомилась с Фрэнсисом в Хермансберге, куда отправилась вместе с Китти. И осталась там.

Я радостно захолопал.

– Очень рад, что все так хорошо закончилось, Рут. Бог знает, Сара того заслуживала. – Я заметил, что Рут слегка поморщилась от моих слов. – Можно спросить, почему они с Фрэнсисом сегодня не приехали сюда?

Рут вздохнула.

– Я знаю, что Эдди изо всех сил старался связаться с ними. Сара особенно много значила для него. Но их оказалось чрезвычайно

трудно найти.

– Почему?

– Их последний адрес находился в Папунье^[45]. Это крошечный поселок, где полно творческих людей. Там у Фрэнсиса и Сары родилась их дочь Лиззи.

– Готов поспорить, ее назвали в честь королевы Елизаветы, – с улыбкой заметил я. – Это вполне в духе Сары.

– В точку, Атлас. Но когда Лиззи выросла, то стала попадать в разные истории. В поселке она познакомилась с местным художником... кажется, его звали Тоба? Очень талантливый живописец из аборигенов, но боюсь, что при этом он был пьяницей и безответственным человеком. Сара и Фрэнсис не дали разрешения на их помолвку, поэтому Лиззи сбежала вместе с ним.

От моего внимания не ускользнуло, что Лиззи унаследовала своевольный нрав матери.

– Понятно. Куда они отправились?

Рут вздохнула.

– В том-то и дело, что никто не знает. Судя по всему, Фрэнсис и Сара неделями путешествуют в дикой глуши, пытаясь найти свою дочь. С ними стало почти невозможно связаться.

Бедная старая Сара. Она не заслуживала ничего, кроме счастья, но теперь частица ее собственной плоти и крови препятствовала этому.

– Мне было бы очень приятно встретиться с ней, – обратился я к Рут. – Когда вы увидите ее в следующий раз, пожалуйста, передайте ей мои самые теплые пожелания. Я буду счастлив восстановить связь с ней после стольких лет.

– Обязательно, мистер Танит. Еще раз спасибо, что приехали к нам.

Я провел остаток дня, гуляя вокруг Алисия-Холл и беседуя с сотрудниками ювелирной империи Мерсеров, повсеместно испытывавших огромное восхищение и уважение к своему бывшему боссу. Некоторые до сих пор работали на опаловых шахтах, и я с удовольствием обменивался с ними историями о былых временах и методах разработки. Когда солнце начало клониться к закату, я попрощался с хозяевами. Для меня было честью в последний раз посетить Алисия-Холл. Но перед самым уходом Эдди трусцой подбежал ко мне.

– Мистер Танит, мама сказала, что вы спрашивали о Саре.

– Да. Насколько я понял, тебе не удалось связаться с ней.

– Нет, но... меня посетила одна мысль. Позавчера я раскладывал некоторые отцовские документы и обнаружил завещание Китти Мерсер. Оказывается, она владела домом в Бруме^[46], который оставила Саре и Фрэнсису, чтобы со временем он перешел к Лиззи. Если бы у меня было больше времени, я бы воспользовался этим как путеводной нитью для поисков. Но теперь я должен управлять бизнесом, и ситуация очень нестабильная. – Казалось, бедного Эдди страшила такая перспектива.

– Очень интересно. Значит, Брум... а где он находится?

– Это шахтерский городок на северо-западе страны, – сообщил Эдди. – Вам понадобится самолет, чтобы попасть туда. Но в прежние времена Китти проводила там много времени; это хотя бы обнадеживает. Вот, разрешите мне записать адрес.

– Спасибо, Эдди.

На следующее утро я сошел с трапа самолета в крошечном аэропорту Брума. Там я сел на автобус и отправился в центр города, который оказался маленьким и пыльным. На главной улице под названием Дампир-Террас стояло здание суда, убогий информационный центр для туристов и покрытый пятнами старый музей. Этот городок появился много лет назад, когда для Мерсеров все только начиналось. Я смотрел на пустую охристую дорогу и рисовал в воображении юную красавицу Китти, таявшую под австралийским солнцем и томившуюся по холодной свежести шотландских ветров.

В итоге я решил обратиться в информационный центр для туристов.

– Вы не подскажете, как найти дом по этому адресу? – обратился я к сотруднику и протянул листок бумаги, полученный от Эдди.

– Разумеется, старина. – Он ввернул австралийское словцо, которое можно было понимать и как «старый приятель». – Просто следуйте из города по главной дороге около мили. Вы не пропустите этот дом, если только не захотите совершить прогулку по бушу!

Я последовал его указаниям. Путь занял почти час по палящей жаре, и я обрадовался, когда наконец увидел относительно скромное сооружение. Впрочем, неудивительно, что дом в Бруме сильно отличался от Алисия-Холл. Деревянный фасад был старым и

обветренным, а балки, поддерживавшие козырек над крыльцом, выглядели так, словно были готовы сломаться в любой момент. Рядом с домом приютилось маленькое бунгало с гофрированной стальной крышей. Если бы мне предоставили выбор, то я, честно, не сказал бы, где бы предпочел жить.

Вокруг было тихо, и я не питал особой надежды на присутствие жильцов. Тем не менее путь был пройден, и я направился к дому. Поднимаясь на скрипучее крыльцо, я заметил, что входная дверь была приоткрыта. Я еще немного распахнул ее.

– Добрый день, кто-нибудь есть дома? Эй! – Дом продолжал безмолвствовать. – Сара! Ты здесь, Сара? Фрэнсис?

Я шагнул в коридор и еще раз окликнул хозяев у лестницы, но не получил ответа, поэтому решил вернуться в город. Возвращаясь к парадной двери, я заглянул на захлавленную кухню. Из крана текло, поэтому я пошел закрыть его. Тут я заметил на столе наполовину выпитую чашку кофе с тонким слоем плесени наверху. Это пробудило мое любопытство, и я открыл холодильник, где обнаружил пинту прокисшего молока, черствый хлеб и кусок сыра.

Кто-то недавно побывал здесь; судя по состоянию продуктов, не более нескольких дней назад. С воспрянувшей надеждой я вернулся в Брум и вошел в первый попавшийся бар, чтобы расспросить местных жителей.

Бар «Люггерс» был угрюмым и сумрачным местом, но служил убежищем от жары на улице. Я опустился на обшарпанный табурет за стойкой и заказал апельсиновый сок. Собравшись с духом, я спросил бармена, знает ли он Сару или Фрэнсиса Абрахама.

Тот сразу же прекратил протирать бокалы и задумался.

– Эти имена мне ни о чем не говорят, старина. Прошу прощения.

– Никаких проблем, – со вздохом отозвался я. – Они хозяева старого загородного дома. Мне показалось, что они недавно побывали там.

Мужчина на другом краю бара, катавший между ладонями кружку пива с шапкой пены, вдруг обратился ко мне:

– Вы имеете в виду старый дом Мерсеров?

Я повернулся к нему.

– Именно так.

Он поскреб подбородок.

– Хммм, странно. Действительно, кто-то недавно побывал там. Но не те двое, которых вы только что описали.

Я слез с табурета и подошел к мужчине.

– Можно спросить, кто же тогда?

Он нахмурился.

– Молодая женщина в тягости.

– То есть она была беременна?

– Верно, дружище, как будто вот-вот собиралась родить. – Он фыркнул и отхлебнул глоток пива. – Моя жена хозяйничает в бакалейном магазине по ту сторону улицы. Она отправляла этой дамочке кое-какие продукты на прошлой неделе.

– Спасибо, вы очень помогли мне.

Мужчина пожал плечами и вернулся к своему занятию. Кто побывал в старом доме Китти? Логично было предположить, что это беглая преступница, но возникали не менее логичные вопросы. Какая беременная преступница будет заказывать продукты из бакалеи и заваривать кофе на кухне? Возможно...

Я допил апельсиновый сок и вышел на улицу, щурясь от яркого солнца. Вернувшись в информационный центр, я спросил дорогу до ближайшей больницы. Это было маловероятно, но я надеялся, что женщина, с которой я разминулся в доме, решила выпить кофе незадолго до того, как у нее начались предродовые схватки.

Читатель, я вынужден заметить, что внезапный визит в городскую больницу Брума с вопросом о незнакомой женщине был одним из самых эксцентричных поступков в моей жизни. Тем не менее когда я вошел внутрь, то с облегчением убедился, что местная обстановка не отличается от любого медицинского центра в Женеве.

Я подошел к сотруднице регистратуры.

– Прошу прощения, но я разыскиваю женщину, недавно родившую ребенка. А возможно, она *рожает* прямо сейчас.

Женщина издала смешок.

– Говорите поконкретнее, дружище! Как ее зовут?

– Элизабет, – почти без колебаний ответил я.

– А фамилия?

– Хммм... – Я обхватил голову руками. – Мерсер. Нет, *наверное*, Абрахам. Минутку, она ведь замужем? Извините, я точно не знаю ее фамилию.

Женщина посмотрела на меня как на сумасшедшего.

– Вы член семьи, сэр? Мы не принимаем людей с улицы, особенно тех, кто даже не знает фамилию пациентки...

– Разумеется, я прекрасно понимаю это. И я не прошу, чтобы меня допустили к ней. Я лишь хочу узнать, была ли у вас пациентка по имени Элизабет, которая недавно родила.

Женщина явно не хотела возиться со мной и узнавать подробности.

– Знаете, я не обязана это делать.

– Понимаю. Я прошу лишь потому, что она дочь моего друга, и ее давно никто не видел. Я лишь хочу убедиться, что с ней все в порядке. Когда я удостоверюсь в этом, то сразу уйду.

Она окинула меня критическим взглядом.

– Что же, это справедливо. Посидите, пока я позвоню в акушерскую палату.

Я провел добрых полчаса, глядя на стену в стерильно-белой приемной и гадая о своих дальнейших действиях, если Лиззи окажется пациенткой. Мои размышления были прерваны женщиной с орехово-смуглой кожей и темно-кариими глазами, которая подошла ко мне. Она была одета в синюю униформу медсестры.

– Вы тот джентльмен, который спрашивал об Элизабет?

– Да, это я.

Медсестра улыбнулась.

– Прошу вас, следуйте за мной. – Она провела меня по коридору в отдельную комнату с кроватью и двумя стульями. – Садитесь, пожалуйста. Меня зовут Инди. – Она протянула руку.

– А меня Атлас. Приятно познакомиться, Инди.

– Вы друг Элизабет?

Я протер глаза.

– На самом деле тут есть небольшая сложность. Мы с Элизабет никогда не встречались, но я... родственник ее матери, Сары. – Я решил, что ложь во спасение позволит мне получить больше информации.

Инди выглядела опечаленной.

– Лиззи много говорила о своей матери.

– Поэтому я и приехал в город, чтобы найти Сару. Я отправился к ней домой, но там было пусто. Потом я узнал, что там недавно жила

беременная женщина, и это привело меня сюда.

– Хорошо, мистер Атлас. – Инди похлопала меня по руке. – Несколько недель назад Лиззи пришла сюда. У нее начались схватки.

– С ней кто-нибудь был? Ее муж?

Инди покачала головой.

– Нет, но она рассказала мне о нем. Он бросил ее за месяц до этого.

– Боже мой. Бедная Лиззи.

– Да. Ее роды были тяжелыми; они продолжались около сорока часов. – Инди вздрогнула при этом воспоминании. – Ребенок, девочка... она оказалась упрямой. Она не реагировала на наши лекарства, поэтому я обратилась за помощью к предкам.

Я приподнял брови.

– Значит, вы из аборигенов?

Инди хихикнула.

– А разве вы не видите, мистер Атлас? В общем, я попросила предков помочь ребенку, и они это сделали. Но они сказали... – Она вздохнула. – Они сказали, что мать не выживет.

У меня вытянулось лицо.

– Значит, Лиззи больше нет... – Инди покачала головой, и мое сердце сжалось от жалости к Саре. – А что с ребенком?

– Малышка бодра и здорова.

– Рад это слышать. Можно спросить, что случилось с Лиззи?

– У нее была очень тяжелая послеродовая инфекция. Я изо всех сил старалась помочь ей, но она реагировала только на традиционные лекарства, которые не могут спасти жизнь, а лишь улучшают ее качество. Лиззи продержалась семь дней. Предки подарили ей неделю жизни рядом с новорожденной дочерью, а потом забрали ее к себе. Мне очень жаль, мистер Атлас.

Некоторое время я сидел в молчании. Я прилетел в Брум, надеясь найти старинную подругу, а вместо этого узнал новости, которые сделают ее безутешной.

– Где ребенок Лиззи? – поинтересовался я. – Ее отдали в специализированное учреждение?

Инди усмехнулась.

– Нет. Малышка находится здесь.

– В самом деле? До сих пор?

Она гордо кивнула.

– Все верно. Я держу ее здесь так долго, как только могу. Предки сказали мне, что это совершенно особенный ребенок, сэр. Она полна огня! Медсестры уже пробовали найти семью, которая бы приняла ее к себе, но пока безуспешно.

– Правда? – Я был удивлен. – При всех печальных обстоятельствах, мне казалось, что потенциальные приемные родители больше всего интересуются новорожденными детьми.

Инди удрученно посмотрела на меня.

– Да, но это ребенок смешанных кровей. Местные люди... не хотят иметь такого ребенка.

– Боже правый, какая несправедливость, – пробормотал я.

– Поэтому я чувствую особую ответственность за нее.

– Прекрасно понимаю. Хочу поблагодарить вас за заботу о девочке, Инди.

– Я приложила все силы, чтобы малышка оставалась под моим наблюдением так долго, как это будет возможно. Но она не может навсегда остаться в нашей больнице. – Инди прищурилась и заговорщицки улыбнулась, как будто мы разделяли некий вселенский секрет. – Только сегодня началась бумажная работа, связанная с ее отправкой в сиротский приют. И тут появляется мистер Атлас. В *тот самый* день. Как думаете, каковы шансы для такого события?

Инди с понимающим видом подмигнула мне.

– Это... интересная мысль.

Она запрокинула голову и рассмеялась.

– Предки сказали, что вы приедете сюда. Похоже, они знакомы с вами, мистер Атлас.

На основании своего жизненного опыта я безоговорочно верил подобным вещам, даже если не вполне понимал их.

– Я безмерно уважаю предков. Много лет назад мне приходилось жить в Австралии. Один из нганкари спас мне жизнь, и не только в физическом смысле.

Инди была потрясена.

– Нганкари? – спросила она, приоткрыв рот.

– Да, именно так.

– Мистер Атлас... Я происхожу из рода нганкари. Мои дедушка и бабушка были целителями у народа *анагу*, поэтому я и стала

медсестрой.

– Подумать только. – По моей спине пробежал холодок.

– Вам известны таланты моего народа. А я здесь стараюсь примирить их... – Она обвела комнату широким жестом. – ...с пенициллином и переливанием крови!

Я рассмеялся.

– Это весьма мощное сочетание.

– Неудивительно, что предки так ясно говорили про вас! Мы связаны через наше прошлое, мистер Атлас. Вы снова с одной из нганкари! – Она сложила руки в молитвенном жесте, потом встала и направилась к двери. – Идемте же!

– Ага. – Я поднялся на ноги. – Но куда?

– Я познакомлю вас с малышкой!

Прежде чем я успел что-то добавить, она взяла меня за руку и повела по больничным коридорам. Наконец мы оказались в комнате с новорожденными младенцами, запеленутыми и лежавшими в плексигласовых колыбелях. Инди подошла ближе и выкатила ребенка, который выглядел немного крупнее остальных.

– Пойдемте. – Она указала направление. – Мы посидим там.

Я последовал за ней в небольшое служебное помещение с диванами, журналами и чайными принадлежностями. Инди достала малышку из колыбели.

– Хотите поддержать ее, Атлас?

– Но я...

– Бросьте, вы же специалист. Вы уже растите трех дочерей.

– Откуда вы знаете?

Она пожала плечами.

– От предков. Они знают обо всем!

Я в недоумении опустился на желтый диван.

– Теперь мне кажется, что так и есть.

Инди передала мне малышку, и я покачал ее на руках. Ее взгляд был испытующим и оценивающим.

– Вы правы, Инди; это в самом деле необыкновенный ребенок. – Я поглядел на медсестру, которая широко улыбалась мне. – Глупо, что я не спросил раньше, но как Лиззи назвала ее?

Инди покачала головой.

– Никак, мистер Атлас. После родов она редко приходила в сознание.

– Просто сердце разрывается. – Малышка захныкала, и я стал мягко укачивать ее. – Я понимаю, что сегодня должны быть готовы документы о ее направлении в сиротский приют, но, раз уж я здесь и мы знаем имена ее старших родственников по прямой линии, разве нельзя будет взять ее под опеку?

Инди вздохнула.

– Боюсь, это не совсем так. Мы уже существенно превысили законодательные нормы, так долго продержав ее в больнице.

– Хорошо. – Я обдумал другие варианты. – Если она действительно отправится в приют, есть ли способ гарантировать, что она останется там до тех пор, пока Сара и Фрэнсис не придут за ней?

Инди досадливо поморщилась.

– Это было бы несправедливо по отношению к ребенку, поскольку нет никакой гарантии, что они когда-либо придут за ней.

Я продолжал стоять на своем:

– Я совершенно уверен, что они придут немедленно, как только узнают о положении дел.

– Как вы собираетесь поставить их в известность? Вы сами сказали, что ищете их. Почему их так трудно найти?

Я объяснил, что Сара и Фрэнсис ведут поиски своей дочери в пустынных районах, где с ними нет никакой связи.

– Мистер Атлас, вам известен размер Австралии? – решительно спросила Инди. – Этот поиск может продолжаться долгие годы.

– Не спорю, – согласился я.

Инди положила руку мне на плечо, и по моему телу пробежала теплая волна.

– Простите за дерзость, Атлас, но, думаю, вы уже понимаете, что сегодня вы не случайно оказались здесь.

– Что вы имеете в виду?

– Предки говорят, что вы будете отцом семи дочерей. – Инди посмотрела на младенца.

Я встал и положил малышку обратно в плексигласовую колыбель.

– Инди, как бы мне ни хотелось помочь, я не могу забрать девочку, потому что знаю, что ее дедушка и бабушка будут счастливы обнаружить ее.

– Они не найдут ее, мистер Атлас.

Я обхватил голову руками и глубоко вздохнул.

– Почему вы так говорите?

Она указала вверх и пожала плечами.

– Я же сказала, это предки.

– Я не могу принять ваши слова на веру.

Инди подошла сзади и положила руку мне на спину. Меня вновь обдало волной тепла, и я осознал, что чувствовал нечто подобное, когда Ярран проводил руками по моим сломанным ребрам в Кубер-Педи.

– Вы сами были свидетелем силы предков. Верьте им и не сомневайтесь в выбранном пути.

– Я...

– Мистер Атлас, если сегодня этого ребенка отправят в приют, как положено по закону, то у Сары и Фрэнсиса не будет шансов найти ее. Они даже не узнают о ее существовании. А вы уже *сегодня* можете увезти ее отсюда и подарить ей любовь и семейный уют.

– Инди, я прилетел в Австралию на похороны моего старого друга. Это все.

– Вы не видите общий замысел. То, что вам кажется рядом примечательных совпадений, было предначертано звездами задолго до нашего с вами рождения. Вы не случайно вернулись в Австралию, когда этой малышке понадобился дом. Вы вернулись потому, что настал нужный момент.

Ее слова нашли отклик в глубине моего существа. Кто я был такой, чтобы сомневаться во всемогуществе Вселенной после всего, что мне довелось повидать в жизни? Меня посетила идея.

– Что, если я возьму временную опеку над ребенком? Я оставлю подробности своему доверенному юристу Георгу Гофману, и, если Сара и Фрэнсис все-таки появятся, они смогут немедленно связаться со мной.

Инди тихо рассмеялась.

– Разумеется, вы можете это сделать, если так вам будет спокойнее. Я все занесу в наши официальные архивы, так что контакты сохранятся. Но, Атлас, они не найдут ее. Никогда. Так сказали предки. Она ваша пятая дочь.

– Четвертая, – возразил я. – Кажется, предки знают не *все*.

Инди смущенно посмотрела на меня.
– Нет, – сказала она. – Они-то знают.

1981 год

Я должен воздать хвалу Георгу за его изобретательность. Кроме того, что он зарегистрировал девочек под фамилией «Деплеси», он благоразумно посоветовал мне быть осторожным насчет того, чтобы мои юные дочери знали о своем отце как об Атласе – «Атланте». Мое имя редкое, и с годами я обнаружил, что оно легко западает в память. Безопасность семьи является моим высшим приоритетом, и, хотя Эсзу по-прежнему таится в своем афинском поместье, я готов предпринимать любые меры для сохранения нашей анонимности.

Георг предложил, чтобы я воспользовался другим именем для общения с моими дочерьми. Я превыше всего люблю моих дочерей, и любая ложь в их отношении отвратительна для меня. Поскольку из моего имени не выходило удовлетворительной анаграммы, я добавил «Па» (так девочки называли меня) и оттолкнулся от этого. После нескольких минут игры с перестановками я остановился на Па Солте и от души рассмеялся.

Вскоре после того, как в нашей жизни появилась маленькая Алли, Майя, сидевшая у меня на колене, заметила, что я «пахну морем».

– Не уверен, что это комплимент, Майя, – улыбнулся я. – Разве море не пахнет рыбой и водорослями?

– Нет, – твердо ответила она. – Оно пахнет... солью.

– Что же, тогда это неплохо, правда? Возможно, это потому, что я много путешествую.

Это было идеальное попадание. С тех пор меня знали в Атлантиде как Па Солта. Я попросил Георга и Марину пользоваться этим прозвищем каждый раз, когда они обращались ко мне в присутствии детей; это касалось и двух новых сотрудников, которые недавно присоединились к нашей странной маленькой семье на берегу Женевского озера.

Клавдия, сестра Георга, поступила на работу в качестве постоянной домохозяйки и кухарки, ответственной за кормление все большего количества голодных ртов. После появления третьей маленькой девочки Марине пришлось стать постоянной няней для них. Однако Клавдия приехала не одна, а с сыном-подростком по имени Кристиан. Его отец ушел от матери вскоре после его рождения, и я дал понять, что этого человека не хотят видеть в Атлантиде. После своего прибытия Клавдия говорит в доме по-немецки, напоминая сыну об их происхождении, и я только приветствую это решение. Моим детям полезно слышать как можно больше разных языков.

После нескольких дней неохотного ухода за газонами и полива цветов я заметил, что Кристиан тоскливо смотрит на лодку, пришвартованную у причала.

– Ты любишь воду? – спросил я.

– Да, сэр, – кивнул он.

– Мы уже говорили, что нет надобности называть меня сэром. Будет вполне достаточно Па Солта. – Он снова кивнул. – Ты когда-нибудь управлял моторным катером?

– Нет, никогда.

– Ладно. – Я пожал плечами. – А тебе хотелось бы? – Он широко распахнул глаза. – Сейчас на озере очень тихо; давай покатаемся для развлечения.

Мы провели вторую половину дня, разъезжая на катере. Я оценил несравненную радость, которую испытывал юноша, когда находился на воде, поэтому сообщил Клавдии, что хотел бы нанять ее сына для управления и обслуживания водного транспорта, в том числе для официального водного сообщения между Атлантидой и Женевой. С тех пор я ни разу не пожалел об этом решении. Кристиан безукоризненно вежлив, трудолюбив и стал ценным приобретением для моего поместья, как и его мать.

Предсказание Инди сбылось; я не получал никаких сообщений от Сары или Фрэнсиса насчет поисков их внучки. Как ни тяжело писать об этом, я отчасти благодарен судьбе, поскольку Астеропа и Келено крепко подружились друг с другом. Вероятно, из-за малой разницы в возрасте, но они кажутся сестрами по духу. Мысль об их разлуке невыносима для меня.

Со времени посещения той больницы в Бруме я не мог забыть слова Инди о том, что Келено станет моей пятой, а не четвертой дочерью. Хотя я давно отказался от веры в давнее пророчество Ангелины, недавно я стал задумываться о своем толковании ее слов. Возможно, она имела в виду, что мне было суждено стать *приемным* отцом семи дочерей... но в то же время эта гипотеза никак не сочеталась с ее уверенностью в том, что моя *первая* дочь уже жила на свете в 1951 году.

В итоге у меня в голове накопилось слишком много нерешенных ночных вопросов, и я заказал перелет в Гранаду. Разумеется, я никак не мог знать, живет ли еще Ангелина на прежнем месте, и если да, то как мне найти ее. Я поступил единственно возможным образом и отправился на площадь, где встретился с ней много лет назад, – в странной надежде, что она еще занимается гаданием. Я был уверен, что смогу узнать ее. В конце концов, ее лицо запечатлелось в моем подсознании, она не раз являлась мне в сновидениях.

Хотя Сакромонте начал окрашиваться в осенние цвета, испанское солнце по-прежнему палило нещадно. Я купил свежий лимонад, опустился на скамью в сомнительной полутени и занялся наблюдением. В отличие от всего остального мира площадь никак не изменилась за время моего тридцатилетнего отсутствия. Соборный колокол точно так же лучился в золотистом свете, а фонтан с той же регулярностью выбрасывал водные струи. Я был готов поспорить, что некоторые монеты на дне фонтана лежат там со времени моего предыдущего визита.

Проходили часы, и я начал понимать, как глупо поступил, приехав без заранее составленного плана. Я обратился с вопросами к нескольким местным жителям, но мой плохой испанский и расплывчатое описание молодой Ангелины не принесли никаких результатов. Поэтому я оставался на скамье, пока день не начал клониться к вечеру. В конце концов журчание воды и приятное тепло предвечернего солнца убаюкали меня, и я задремал.

Я проснулся, когда кто-то положил руку мне на плечо. Вздрогнув, я мысленно выругал себя за беспечность. Ангелина уже могла пройти мимо, и я никогда не узнаю об этом. Я посмотрел на того, кто разбудил меня, и снова вздрогнул от неожиданности.

– Еще раз здравствуйте, Атлас. – Ангелина ласково посмотрела на меня.

– Боже праведный, Ангелина! – Я протер глаза, убеждаясь, что на самом деле не сплю. Тем не менее Ангелина осталась на прежнем месте. Это было поразительно. Прошло тридцать лет, и, хотя в уголках ее глаз собрались тонкие лучики морщин, казалось, что она ничуть не состарилась. Я вскочил на ноги и протянул руку. Она с улыбкой взяла ее, потом привлекла меня к себе и расцеловала в обе щеки.

– Ангелина... – У меня не было слов. – Вы почти нисколько не изменились.

– Вы очень любезны, сеньор. Хотелось бы сказать то же самое про вас, но посмотрите на эту седину! Должно быть, ваши *детки* доставляют много хлопот?

Я все еще не мог поверить, что она стоит передо мной.

– Я просто... Ангелина, как вы узнали, что я здесь?

Она с широкой улыбкой опустила на скамью.

– Вас ожидали.

Я медленно присел рядом с ней.

– Ожидали? – Я указал на небо, и она кивнула. Некоторое время мы сидели, просто глядя друг на друга. – Как хорошо видеть вас снова!

– Взаимно, – отозвалась она. – Во время нашей последней встречи вы несли на плечах очень тяжелое бремя. Теперь, похоже, оно стало гораздо легче. Я права... *Падре Сол?*

Я раздраженно вздохнул: провидение Ангелины выходило за пределы моего воображения.

– Разумеется. Мне нет надобности подтверждать это.

Ангелина усмехнулась.

– Есть, Атлас. Я не могу толковать все на свете.

– Ангелина, – начал я, собравшись с силами, – тридцать лет назад вы сказали мне, что я выращу семь дочерей. Думаю, вы понимаете: тогда я решил, что найду Элле и мы вместе воспитаем этих детей.

Она неловко подвинулась на скамье.

– Я сказала, что вы станете отцом семи дочерей. Это все, что я видела, не более того. Теперь у вас пять дочерей. Мое предсказание почти сбылось, не так ли?

Это утверждение совпадало с тем, что я услышал в Бруме от Инди.

– У меня четыре дочери, а не пять.

Ангелина явно удивилась. Она нахмурилась, потом подвинулась ближе ко мне.

– Можно посмотреть на вашу ладонь?

– Само собой. – Я протянул правую руку.

Она изучила ладонь и покачала головой.

– Это удивительно, но я... – Ангелина как будто хотела что-то сказать, но удержалась в последний момент. – Иногда послания из высшего мира бывают запутанными.

– Как некстати, – сказал я, заметив внезапное замешательство Ангелины. Я убрал руку. – Тридцать лет назад вы сказали, что моя первая дочь жива и ходит по земле, правда? – Ангелина прикрыла глаза и кивнула. – Я понимаю, что это не Майя, которая родилась в 1974 году. Что же вы имели в виду? Я хочу знать, Ангелина.

Она глубоко вдохнула и посмотрела на церковные колокола, обдумывая ответ.

– Я понимаю вашу досаду. Можно... еще раз? – Она указала на мою руку. После секундного колебания я протянул ей ладонь, и она признательно кивнула. После более пристального изучения моей ладони она посмотрела мне в глаза.

– Я не ошиблась, когда сказала, что ваша первая дочь жива.

Мое сердце учащенно забилося.

– Правда?

– Да. – Ангелине было не по себе. – Признаюсь, я предсказала, что вы найдете дочерей поочередно, одну за другой.

Она смотрела в землю.

– Значит, она жива, но... пропала?

Ангелина немного подумала.

– Это хорошее определение. Да. Ее можно называть «потерянной сестрой».

Я обхватил голову руками.

– А я-то надеялся услышать, что вы ошиблись в толковании моей судьбы. Что на самом деле у меня нет дочери, которая родилась тридцать лет назад. – Я шмыгнул носом, сдерживая подступившие слезы. – Я полжизни искал ее и ее мать, но так и не смог найти их.

– Зато в ходе поисков у вас появились другие дети, – осторожно заметила Ангелина.

– Мои приемные девочки? – спросил я. Она медленно кивнула. Я облокотился на спинку скамьи и запрокинул голову к небу. Облака горели оранжевым в предзакатном свете. – Да, я очень люблю их, Ангелина. Вселенная свела нас через самые необыкновенные обстоятельства.

Ангелина немного подумала:

– Вы говорите «необыкновенные», а я скажу «неизбежные».

– В каком смысле?

Ангелина поджала губы, размышляя над вопросом.

– Люди связаны друг с другом задолго до того, как они рождаются в физическом мире.

У меня пересохло во рту, и я потянулся к остаткам лимонада, согревшегося под скамьей. Отхлебнув глоток теплой сладкой жидкости, я поморщился.

– Время беспощадно, Ангелина. С каждым днем «потерянная сестра» становится старше, и мои возможности быть рядом с ней уменьшаются. Я старею, а ей, должно быть, уже больше тридцати.

Ангелина положила ладонь на мою руку.

– Атлас, я только что изучила вашу ладонь. Могу уверенно сказать, что с такой линией жизни у вас впереди еще много лет на этой земле.

Перед нами на площади появилась стайка девочек, которые начали расчерчивать мелками плитку мостовой. Это напомнило мне первый визит в «*Apprentis d'Auteuil*», где несколько детей играли в классики. Спустя пару минут маленький хулиган Жандрет попытался разбить мою скрипку... но Элле спасла меня.

– Я никогда не откажусь от поисков, – твердо заявил я. – И не остановлюсь, пока не найду Элле и «потерянную сестру».

– Знаю, – тихо ответила Ангелина.

Я занервничал, прежде чем задать следующий вопрос.

– Думаете, я найду ее, Ангелина? Только не внушайте мне ложную надежду, как в прошлый раз.

– Ложной надежды не бывает, Атлас. Надежда – это выбор. Человек продолжает надеяться, даже когда положение кажется безнадежным. Если вы *выбираете* надежду, могут случиться поразительные вещи.

Она ободряюще похлопала меня по колену.

– Тогда надежда – мой выбор. – Я посмотрел на фонтан. – Возможно, мне следует бросить туда еще одну песету.

Мой взгляд переместился на узкую улицу, где я покупал мороженое тридцать лет назад.

– Кстати, как ваша младшая кузина? Простите, не припомню ее имени.

Глаза Ангелины моментально утратили лучистый блеск.

– Айседора. Теперь она вместе с духами.

– Соболезную, Ангелина. Без нее мы бы никогда не встретились.

Ангелина провела руками по волосам, таким же блестящим, как раньше.

– Не печальтесь, сеньор. Жизнь Айседоры была полна любви и смеха. Она вышла замуж за своего друга детства Андре, с которым познакомилась прямо здесь, на площади.

– Они были счастливы вместе?

– Я никогда не видела других людей, которые приносили бы столько радости друг другу, сеньор.

– Любовь – это прекрасно.

Ангелина посмотрела на небо, и солнце осветило нежные черты ее лица.

– Да. Но верхний мир часто имеет странные планы, и даже мне не под силу ясно понять их.

– Что вы имеете в виду?

Ангелина встала и протянула мне руку.

– Пойдемте. Мы прогуляемся к Альгамбре, и я расскажу вам их историю.

Я поднялся, Ангелина взяла меня за руку, и мы вместе пошли через площадь в сторону заходящего солнца.

– Андре и Айседора годами старались завести ребенка, но она не могла зачать. Много раз им казалось, что они преуспели, но уже через несколько недель ребенок погибал в материнской утробе.

– Ох, Ангелина. Как это ужасно.

Мы покинули площадь и вышли на дорогу, которая когда-то была сухой и пыльной. Теперь здесь уложили асфальт, который определенно сделал бы более удобной дорогу от вокзала в 1951 году.

– Конечно, я пыталась помочь и обращалась к духам... но так и не получила ответа. – Ангелина грустно пожала плечами. – Я уже думала,

что этому не суждено случиться. Но потом, через двадцать лет их совместной жизни, случилось чудо. Айседора зачала ребенка.

– Ого. – Я повернулся к ней. – Вот *это* звучит чудесно.

Ангелина кивнула, и ее лицо просветлело.

– Сеньор, я никогда не видела такого человеческого счастья, как в тот день, когда моя Айседора сообщила мне, что она на третьем месяце беременности. – Она тоскливо вздохнула. – Андре тоже был на седьмом небе. Мы устроили вечеринку в пещерах.

– Могу себе представить. – Альгамбра выросла у нас на глазах, такая же величественная, как и раньше.

– После того как Андре узнал о беременности, он относился к жене как к драгоценной китайской вазе, – продолжала Ангелина. – Он начал работать сверхурочно, чтобы накопить побольше денег к тому времени, когда родится ребенок. Но потом... – Ангелина замолчала и закрыла глаза. – Несколько месяцев назад Андре погиб; он разбился на мотоцикле. Дорога была очень скользкой после ливня, а он перевозил тяжелый груз.

Она опустила голову, и мне захотелось обнять ее.

– Сердце Айседоры было разбито, ее дух сломлен. После гибели Андре она отказывалась от еды и питья. Я внушала ей, что она должна держаться ради ребенка, но она медленно угасала.

– Как жаль, Ангелина...

– Ребенок родился на месяц раньше срока, – стоически продолжала она. – Я делала все возможное, чтобы спасти Айседору, но не смогла остановить кровотечение, как и врачи «Скорой помощи», когда они наконец добрались до наших холмов. – По щеке Ангелины сползла слезинка. – Айседора умерла на прошлой неделе, на следующий день после рождения младенца.

– Ангелина, у меня просто нет слов.

– Айседора назвала свою малышку *Erizo*. Это значит, как бы сказать... – Она задумалась над переводом.

– Ежик? – догадался я.

– *Si*, да. Ежик. Понимаете, ее волосы торчат, как иголки! – Несмотря ни на что, Ангелина рассмеялась. – Теперь мы присматриваем за маленьким ежиком, Пепе и я.

– Пепе?

– Это наш дядя... Брат Лусии, чью статую вы доставили в Альгамбру.

– Понятно.

Мы достигли развилки на дороге. Один путь вел прямо к дворцу. С того места, где мы стояли, примерно в двухстах метрах, в центре площади я разглядел статую Ландовски.

– Знаете, – сказала Ангелина, – думаю, мы направимся в ту сторону. – Она повела меня по другой дороге, изгибавшейся в сторону холмов.

– Куда мы идем?

Она подмигнула мне.

– Я же сказала, здесь ожидали вашего приезда.

Подчинившись воле Ангелины, я последовал за ней в холмы Сакромонте.

Пещеры, которые я лишь мельком видел тридцать лет назад, вблизи производили внушительное впечатление. Я вспомнил свой подземный дом в Кубер-Педи, но его испанский аналог, несомненно, был гораздо удобнее. Например, отсюда открывался головокружительный вид на долину. С обочины пыльной дороги перед пещерой Ангелины я увидел ряды оливковых деревьев, пересеченные лишь крутыми, извилистыми тропами между жилищами. Еще ниже река Дарро протекала между пышными зелеными зарослями, которые только начали окрашиваться золотом под теплыми лучами сентябрьского солнца.

– Пепе! – позвала Ангелина у входа в пещеру. – Он здесь, – пояснила она.

Я прошел внутрь следом за ней и увидел усатого мужчину, чье лицо с годами запеклось и покрылось морщинами от испанской жары. Он кормил ребенка из бутылочки и напевал без слов.

– *Hola, señor*, – сказал он и приветственно кивнул мне.

– Прошу прощения, но Пепе не говорит по-английски.

– И не надо. Это я нахожусь в его стране и не знаю испанского языка. Пожалуйста, передайте ему, что я сожалею о его утратах.

Ангелина перевела.

– *Gracias por su simpatía, señor*^[47], – сказал он и наклонил голову в мою сторону.

– Как говорится, нет другого времени, кроме сейчас, – сказала Ангелина. – Я начну паковать ее одеяла. Ими пользовались ее мать и бабушка; будет славно, если она заберет их с собой...

Я поспешно ухватил ее за руку.

– Постойте, Ангелина. Мне известно, что вы можете общаться с верхним миром, но я не имею права, а тем более не испытываю желания забирать у вас эту девочку. Я приехал сюда, чтобы получить очередное предсказание от старой знакомой, но не более того!

Ангелина вздохнула.

– Вы можете думать как угодно, но верхний мир отвечает, что вы появились как раз в тот момент, когда были нужны.

У меня застучало в висках.

– Это всего лишь ваша интерпретация событий. Разве вы не понимаете, что мне не хочется отрывать ребенка от его семьи?

Ангелина взяла меня за руку и вывела из пещеры, чтобы избавить Пепе от моих гневных излияний.

– Атлас, – сказала она, – ваш приезд сюда не был случайным. Мы с Пепе не можем подарить *Erizo* такую жизнь, которой она заслуживает. А вы можете.

Я покачал головой.

– Ангелина... За прошедшие годы мне не раз приходилось слышать подобные речи. Члены семей практически умоляли меня взять к себе их потомков. И, когда они это делали, я оказывался в чудовищном нравственном затруднении. – У меня вдруг закружилась голова. – Я... – Прежде чем я успел произнести хотя бы одно слово, я оказался на земле.

– *Agua!* – крикнула Ангелина и побежала в пещеру к Пепе.

Прислонившись спиной к камню, я посмотрел на дворец Альгамбры. Заходящее солнце окрашивало густо-оранжевым сиянием стройные башни, волшебным образом выраставшие из темно-зеленого леса напротив пещер. Ангелина вернулась с кружкой воды, и я благодарно сделал несколько глотков. Ангелина опустилась на каменистую землю рядом со мной.

– Ангелина, меня постоянно беспокоит, что люди могут истолковать мою страсть к удочерению, как нечто... *дурное*. Более того, меня самого глубоко расстраивает мысль, что я лишая девочек возможности расти на родной земле.

Я поставил воду рядом с собой и уткнулся головой в колени. Ангелина сжала мое плечо.

– Я понимаю, Атлас. Если бы у вас не было таких сомнений, вы были бы не тем человеком, которым я вас считаю. Но Вселенная улыбается вам за все, что вы делаете.

Я поднял голову и встретился с ее взглядом.

– При всем уважении, Ангелина, мною от рождения управляла некая сила, которую я не понимаю. Вы сказали, что мой путь был предопределен.

– Это так, друг мой. Но вы могли выбрать нечто иное. Никто не заставлял вас становиться приемным отцом этих девочек. Вы сделали это потому, что хотели помочь другим. Или нет?

Я пригладил волосы руками.

– Наверное, да.

Ангелина сочувственно улыбнулась.

– Вы говорите так, как будто я была первой, кто познакомил вас с силами Вселенной. Но мы оба знаем, что это не так. Еще мальчиком вы смотрели в небо. Звезды хранили вас и направляли ваше невероятное странствие.

– Да, это так, – прошептал я.

Мы долго сидели в молчании, глядя на темнеющий в вечернем свете силуэт Альгамбры. Потом Ангелина тихо заговорила:

– Вы избавили ваших приемных дочерей от жизни, полной нищеты и страданий.

– Знаю, Ангелина. Но я до сих пор не уверен, надо ли было увозить их из родных стран. Я мог финансировать их существование издалека.

– Боюсь, Атлас, иногда вы забываете о том, что *вам* тоже положено кое-какое житейское счастье. С одной стороны, Вселенная много забрала у вас, а с другой – многое дала вам. Ваши дочери приносят вам больше радости, чем вы могли надеяться, правда?

– Да, разумеется. – Теперь вечер был пронизан темными силуэтами стрижей, мелькавших среди деревьев. Я закрыл глаза, прислушиваясь к шелесту их крыльев.

– После нашей первой встречи я много думала о вас и советовалась с верхним миром, – продолжала Ангелина. – Вы *хороший*

человек, Атлас. Даже особенный. Наверное, мало кто говорил вам об этом, поэтому я скажу, хорошо? Можете мне поверить.

– Спасибо. – Я пытался совладать со слезами.

– И еще, – осторожно добавила Ангелина. Она снова взяла меня за руку. – Атлас, вы найдете «потерянную сестру». Клянусь вам в этом.

Я резко выпрямился.

– Прошу прощения?

– Вы еще встретитесь, но... Вам понадобится помощь всех остальных ваших дочерей. Без них ваши пути никогда не пересекутся. – Ангелина серьезно посмотрела на меня, а я уставился на нее. – Шесть дочерей приведут вас к седьмой.

– Ангелина, – прошептал я. – Как я смогу...

Она приложила палец к губам.

– Шшш. Мне больше нечего сказать. Это послание для вас из верхнего мира, поэтому я не могу ответить на ваши вопросы.

Она крепко сжала мою руку и повернулась к Альгамбре. На смену моей панике пришла эйфория. Я обратил взгляд на закат в безмолвной благодарности к верхнему миру.

– Значит, ее зовут *Эризо*? – обратился я к Ангелине.

Она добродушно рассмеялась.

– Нет, это не официальное имя. Просто глупое прозвище. В конце концов, нельзя же называть девочку ежиком! Стоит ли мне понимать, что после заверения из духовного мира вы покинете Сакромонте с пятой приемной дочерью на руках?

Я кивнул, улыбаясь от уха до уха.

– Великолепно. Поистине это счастливый день. – Ангелина встала и отряхнулась от пыли. – Она будет пятой звездой на вашем небосводе. И вы назовете ее...

– ...Тайгете.

– Да. – Ангелина протянула мне руку, и я принял ее. Она снова повела меня в пещеру. – Пойдемте посмотрим на нее.

Я последовал за Ангелиной к Пепе, который одарил меня теплой улыбкой.

– Познакомься с папой, *Эризо*.

Пепе передал мне малышку, и я взял ее на руки.

– Здравствуй, крошка.

– Она особенная, сеньор.

– Я знаю.

– Вряд ли. Эта маленькая девочка обладает способностями *брухи*.

– Такими же, как у вас? – спросил я.

Ангелина кивнула.

– Именно так. Она последняя в нашей семье. – Она твердо посмотрела на меня. – Когда эта малышка вырастет, она будет видеть мир не так, как остальные, и вы должны уважать это.

– Обещаю, – кивнул я.

– Хорошо. – Она ненадолго задумалась. – Но сама она не сможет понять пути *брухи*... – Ангелина посмотрела на ребенка. – Однажды вам придется послать ее ко мне, и тогда я помогу ей раскрыть духовное наследие.

Я покосился на деревянный стул, стоявший в углу комнаты, и пошел туда.

– Можно? – Ангелина кивнула, и я сел. – По правде говоря, я не собирался рассказывать каждой из девочек обстоятельства их рождения и того, почему они стали моими приемными дочерьми.

– Почему? – с легким удивлением спросила Ангелина.

Я посмотрел на новорожденную малышку, которая только что заснула.

– Каждая из девочек, так или иначе, связана с моим бегством от Крига Эсзу. Меня беспокоит, что, если я расскажу им об их прошлом, это может подвергнуть их опасности. Я специально постарался сделать их жизнь как можно спокойнее и безопаснее.

Ангелина сложила руки на груди и прищурилась, погружившись в глубокое раздумье.

– Да, я понимаю. Но, независимо от этого решения, вы должны сдержать слово. Однажды, когда наступит нужное время, отправьте ее ко мне. Обещаете?

Я выпростал руку из-под ребенка и протянул ее Ангелине.

– Да. Я обещаю.

Мы обменялись рукопожатием.

– Спасибо, Атлас; теперь она ваша. – Ангелина нежно погладила пушистые волосы своей племянницы. Потом она запела испанскую колыбельную, и ее нежный голос устремился из пещеры в долину внизу.

1982 год

– По-моему, нет никаких намеков на опасность, – сказал Георг и отпил крепкого черного кофе в офисе на рю де Рон.

– Они звонили в «Артур Морстон Букс»?

– Да, и Руперт Форбс передал мои контакты для связи.

– Руперт не знает, с чем это может быть связано?

– Нет, никоим образом.

Утром Георг сообщил мне о телефонном звонке из Америки от женщины по имени Лейша Джонс. Она хотела поговорить со мной и утверждала, что речь идет об очень важном деле. Георг назвал себя моим представителем, которому можно передать любую конфиденциальную информацию, но Лейша наотрез отказалась. По вышеизложенным причинам я крайне неохотно принимаю телефонные вызовы от загадочных незнакомок.

– Она точно хотела связаться с Атласом Танитом?

Георг кивнул.

– Стопроцентно. Она сказала, что знает о вашей работе в «Артур Морстон Букс», но я не увидел и намека на связь с Кригом Эсзу. Я уверен, что вам не нужно опасаться мисс Джонс.

Я обдумал его слова.

– Довольно необычный выбор времени, не правда ли?

– Да, есть такое, – согласился Георг.

Месяц назад компания «Лайтинг Коммуникейшенс» внезапно очнулась от сна. Они начали строить клиентскую базу в Греции и обещали бизнесу «надежность, согласованность и порядочность». Когда я впервые прочитал эти слова, то невольно расхохотался. Уму непостижимо, как этот человек с каменным лицом мог разглагольствовать о надежности и порядочности своего предприятия. У «Лайтинг Коммуникейшенс» появился логотип: молния, бьющая из облака. Похоже, Криг решил лично держать руку на пульсе. Мы получили фотографии, на которых он проводил презентации и устраивал бизнес-ланчи, а также разные статьи о его компании в местных газетах.

Если в последние годы Эсзу горевал по жене, теперь это закончилось, и он снова начал появляться в свете.

– Ты уверен, что это не какая-то уловка со стороны Крига, чтобы установить мое местонахождение?

Георг покачал головой.

– Моя интуиция подсказывает, что это нечто совершенно иное.

Я доверял интуиции своего нотариуса.

– Ну, хорошо. Тогда давай назначим телефонный звонок на завтра, во второй половине дня.

На следующий день я сидел в кабинете и ждал, когда Георг подключит Лейшу к телефонной линии Атлантика. Между делом я осматривал витринные шкафы, заполненные артефактами и безделушками из моих путешествий по всему свету. Они перемежались с фотографиями моих девочек и меня самого. Я выбрал один из любимых снимков, где мы вшестером уплетали мороженое на причале Атлантика. Ровно в назначенное время раздался телефонный звонок. Я отложил фотографию и взял трубку.

– Атлас Танит слушает.

Мне ответил бархатистый, убаюкивающий голос с американским акцентом.

– Добрый день, мистер Танит. Меня зовут Лейша Джонс. Полагаю, вы ожидали моего звонка?

– Здравствуйте, Лейша. Да, ожидал, хотя не имею ни малейшего представления о предмете нашего разговора.

Женщина на другом конце линии глубоко вздохнула.

– Сожалею, мистер Танит. Я звоню из Хейл-Хауса в Гарлеме, город Нью-Йорк.

Я просканировал архивы моей памяти.

– Прошу прощения, мисс Джонс, я не знаю это учреждение.

– Но, может быть, вы слышали о Матери Хейл? О Кларе Хейл?

– Увы, нет.

Наступила пауза, когда Лейша поняла, что ей придется многое объяснить.

– Я знаю, что вы находитесь в Европе, и там это имя известно гораздо меньше. Хейл-Хаус – это детский дом в Нью-Йорке.

Мое сердце дало сбой. Неужели это тот самый звонок, которого я боялся? Детский дом, который по какой-то причине хотел вернуть одну

из моих дочерей? Я постарался сохранить самообладание.

– Два дня назад к нашему порогу подкинули новорожденную девочку.

Я немного успокоился.

– Это... необычно для детского дома?

– К сожалению, нет, сэр. Но я звоню потому, что мы нашли кое-что рядом с ребенком. А именно – визитную карточку с вашим именем и контактной информацией.

Я не знал, что и сказать.

– Это крайне необычно. У меня нет родственников в Америке или друзей, достойных упоминания.

Лейша зашуршала какими-то бумагами.

– Вот ваша визитка. Она выглядит старой, мятой и потрепанной.

– Это можно понять. Я уже больше тридцати лет не работаю в том книжном магазине. – Я немного подумал. – Полагаю, вы не видели, кто оставил ребенка?

– Нет, сэр, – вздохнула Лейша. – Но на вашей старой визитке сохранилась маленькая надпись, которую мы смогли разобрать.

– Правда? – Я был заинтригован. – Что там написано?

– Там написано «это добрый человек», сэр, – ответила Лейша. – Прямо под вашим именем.

Я беззвучно ахнул и опустился в кресло. В этот момент я мысленно перенесся в ресторан отеля «Уолдорф Астория» в Нью-Йорке и увидел улыбчивое лицо Сесили Хантли-Морган.

«Посмотрите! Я даже написала «добрый человек» на обратной стороне!»

– Вы меня слышите, мистер Танит? – спросила Лейша.

– Да. – Я поморщился. – Послушайте, Лейша... На самом деле я догадываюсь, чей это ребенок. Интересно, а вам что-нибудь известно о семье малышки?

На линии повисла короткая пауза.

– Что же, нам известно одно: Хейл-Хаус предназначен не просто для нежеланных детей. – Я снова поморщился от выбора слов. – Мать Хейл обеспечивает поддержку детям с врожденной наркотической зависимостью. К сожалению, вынуждена сообщить: у нас есть все основания считать, что мать ребенка страдала от кокаиновой зависимости, и эта зависимость передалась девочке.

Я поднес руку ко рту.

– Боже, помилуй!

– Многие люди не в состоянии такое представить, но такова здешняя реальность, сэр. В Гарлеме полно наркоманских притонов. Если бы мне предложили поспорить, я бы поставила на то, что этот ребенок родился в окрестностях Ленокс-авеню.

Ленокс-авеню. Когда-то я уже слышал это название.

– Послушайте, я прилечу в Нью-Йорк завтра.

* * *

На следующий день я стоял перед зданием из старого бурого камня в Гарлеме, здесь располагался Хейл-Хаус. Я постучал в дверь, которую отворила женщина в синем спортивном костюме и с шикарной афроамериканской стрижкой.

– Вы мистер Танит? – спросила она.

– Так точно.

– Я – Лейша Джонс, мы беседовали по телефону.

– Здравствуйте, Лейша, рад познакомиться. – Я протянул руку.

– Нет-нет, здесь мы предпочитаем обниматься. – Лейша привлекла меня к себе и крепко обвила руками.

Я издал удивленный смешок.

– О, это приятный обычай.

– Вы только что прилетели из Швеции?

– Вообще-то из Швейцарии.

Она подбоченилась и изогнула бровь.

– Это рядом со Швецией?

– Это... на одном континенте.

Лейша звонко рассмеялась.

– Шучу, конечно. Извините, сегодня выдалось бурное утро; нужно было накормить массу голодных ртов. – Мне моментально понравилась ее шутливая самоирония. – Заходите же!

Я последовал за ней в Хейл-Хаус, и она направила меня к двери с левой стороны коридора.

– Она здесь.

– Кто?

– Мать Хейл, разумеется! – Лейша открыла дверь, ведущую в небольшой кабинет. За столом перед окном сидела хрупкая седовласая женщина в белом кардигане. Она обернулась, когда я вошел.

– Это джентльмен из Европы? – обратилась она к Лейше, и та кивнула. Женщина проворно встала и подошла пожать мне руку.

– Клара Хейл.

– Атлас Танит. Для меня честь познакомиться с вами.

– Думаю, это взаимно.

– Я оставлю вас, – с улыбкой произнесла Лейша и вышла из комнаты.

– Садитесь, прошу вас. – Клара указала на потрепанный кожаный диван.

– Спасибо.

– Итак, мы имеем дело с тайной визитной карточки. – Она открыла ящик старого письменного стола и достала маленькую картонку. – Вот, мистер Танит.

– Благодарю вас. – Я взял карточку у Клары и внимательно осмотрел ее. – Да, это определенно одна из моих визиток. Но, как я уже сказал Лейше, я не пользовался ими уже тридцать лет, с тех пор, как перестал работать управляющим книжным магазином.

– Тем не менее эта визитка оказалась у нас на крыльце вместе с маленькой живой посылкой. Интересно, каким образом это могло случиться?

– Мне тоже интересно, Клара. Прошу прощения, мисс Хейл... Мать Хейл.

Клара сморщила нос, а потом залилась смехом, как Лейша, и хлопнула себя по коленям.

– «Клара» вполне сойдет. Я согласилась на «Мать Клару» только потому, что... – Она пожала плечами и обвела комнату широким жестом. – Разумеется. Лейша немного рассказала мне о ваших добрых делах. Это невероятно. Пожалуй, тут вы правы. Я не собиралась вести такую жизнь, как сейчас. Дети – это дар божий. Как кто-то может добровольно расстаться со своим собственным ребенком? Это превыше моего понимания, мистер Танит.

– Это каверзный вопрос. Но, я полагаю, при определенных обстоятельствах бывает лучше, когда о детях заботятся другие люди.

Клара сложила ладони домиком и постучала кончиками пальцев.

– Как интересно.

– Что именно? – спросил я.

– Я ухаживаю за детьми уже больше сорока лет и ни разу не слышала, чтобы кто-то высказывал подобное мнение. Обычно люди соглашаются со мной и говорят, что это *ужасно*. – Я ощущал на себе пристальный взгляд Клары и старался не выдавать растущую нервозность. – Так что, мистер Танит, *ваш* жизненный опыт явно отличается от большинства остальных. Каков он?

Лукавая пронизательность Клары обезоружила меня.

– Вы невероятно догадливы, – с улыбкой отозвался я. – У меня пять приемных дочерей.

Клара широко распахнула глаза.

– Господи, не может быть! – Я довольно кивнул. – Ладно, ладно, – рассмеялась она. – Вы – один из моей паствы.

Я вопросительно посмотрел на нее.

– Что это может означать?

Она пожала плечами.

– О, вы понимаете. Вы – благодетель, великодушный человек. Возможно, еще и глуповатый, если занимаетесь тем же самым, чем и мы.

– Честно говоря, Клара, не думаю, что нас можно сравнивать. У меня всего лишь пять дочерей, и я могу обеспечивать им очень комфортную жизнь. А сколько детей прошло через ваши двери?

Она глубоко вздохнула.

– Сотни. Я вырастила около пятидесяти в собственном доме, прежде чем перейти на официальный уровень и получить лицензию на учреждение центра ухода за детьми в тысяча девятьсот семидесятом году. Но тысяча детей или один ребенок – это не имеет значения. Любовь к нелюбимому ребенку – один из благороднейших поступков, на которые способны наши ближние.

Ее лицо как будто светилось изнутри. Хотя ее присутствие было подавляющим, она излучала доброту.

– Я думал об этом, Клара. Но дочери возмещали мою любовь к ним в десятикратном размере.

Клара снова рассмеялась.

– В том-то и секрет, не так ли? – Она откинулась на кожаную спинку офисного стула. – Знаете, мой муж умер, когда мне было всего

двадцать семь. Я была безутешна, как и трое наших детей. Какое-то время хандрила и слонялась без дела, но потом решила, что нужно продолжать дышать... несмотря ни на что. – Она грустно улыбнулась. – Я работала школьной уборщицей, чтобы мы смогли пережить Великую депрессию. Это была ужасная работа, но мне нравились детские улыбки. Они давали надежду. Поэтому я превратила свой дом в детский сад и однажды вдруг обнаружила, что не только *живу*, но и *дышу*.

Ее история была мне знакома.

– Да, дети оказывают такое влияние.

– Точно, мистер Танит. – Клара поднялась со стула и повернулась, чтобы посмотреть в окно. – Вскоре после открытия детского сада я стала выходить на улицы, чтобы помогать бездомным детям. Потом я начала принимать их в семью – иногда по семь или восемь человек зараз. – Она обхватила голову руками. – И все это в одиночку, давным-давно, только представьте!

– Как вы справились?

– Очень просто: я любила этих детей, как собственных. Я стала матерью для тех, у кого ее не было.

Она была поистине замечательным человеком.

– Лейша обмолвилась, что вы... специализируетесь на уходе за детьми наркоманов.

Клара повернулась ко мне с печальным выражением на лице.

– Это верно. Однажды, примерно десять лет тому назад, моя старшая дочь Лорен привела ко мне домой мать и ребенка, имевших героиновую зависимость. – Она уселась на краю стола. – Как вы понимаете, они нуждались в особенном уходе. Тогда я получила официальную лицензию и приобрела это здание. Тут пять этажей, и нам нужно все свободное место после того, как появилась эта новая зараза.

– Новая зараза? – повторил я.

Мать Хейл покачала головой.

– СПИД.

Я читал об этом в швейцарских газетах.

– Здесь это крупная проблема?

– И не говорите. Насколько известно, болезнь передается через кровь. А когда люди делятся шприцами... вы понимаете. И дети

рождаются с этим. Никто особенно не говорит о происходящем; президент даже не упоминает название болезни. Эти люди нуждаются в помощи, мистер Танит. И они не получают ее, если мы не начнем обсуждать эту проклятую заразу.

– Можно спросить, как вы обращаетесь с детьми, у которых был особенно тяжелый младенческий период?

– Очень просто. Обнимаем их, качаем на руках, любим и говорим, какие они замечательные. Я излечиваю их от унаследованной наркотической зависимости. Когда они выздоравливают, а многим это удается, стараемся пристроить их в лучшую семью, какую удастся найти. Я лично забочусь об этом, – гордо добавила Клара. – Мне не стыдно сказать, что я отказывала людям, если считала, что они не могут обеспечить достаточно хорошие условия для ребенка. Вот моя история. – Она шумно вздохнула и присоединилась ко мне на диване. – А какова ваша история, Атлас Танит?

Я предоставил Кларе краткое описание моей жизни, сосредоточившись на том, как мне довелось стать отцом пяти замечательных дочерей. Я также упомянул о своей поездке в Нью-Йорк в 1940-х годах и о знакомстве с Сесили Хантли-Морган... которой, как я был уверен, принадлежала та самая визитка.

– Сесили... Она была чернокожей? – спросила Клара.

– Нет, – ответил я. – Она была белой.

Клара удивленно покачала головой.

– Довольно странно для молодой белой женщины приезжать в Гарлем и поддерживать протесты чернокожего населения в сороковых годах. У меня возникло естественное предположение, что маленькая девочка, оставленная на нашем крыльце несколько дней назад, потомок той женщины, с которой вы познакомились.

Я понимающе кивнул.

– Это логичное объяснение.

– Возможно, кто-то из ее детей полюбил чернокожего, и кому-то из членов ее семьи это не понравилось. Кто знает? Позвольте спросить, можете ли вы связаться с ней?

Я покачал головой.

– Боюсь, что нет. Мой юрист изучал такую возможность, но... она умерла от малярии в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году.

– Хммм... – Клара призадумалась. – Вы узнали, остались ли у нее дети?

– У Сесили была дочь, – ответил я. – Она говорила мне об этом за ланчем больше тридцати лет назад... но она не регистрировала ребенка под собственной фамилией. Насколько я помню, она удочерила брошенного ребенка, которого родила женщина из Кении. Юридически девочка принадлежала к другой семье, поэтому нельзя было найти ее.

Слушая меня, Клара накручивала на палец локон волос.

– Итак. – Она обратила на меня пронизательный взгляд своих карих глаз. – Что дальше?

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что вы собираетесь сделать с ребенком, оставленным у моего порога, мистер Танит?

– Ах, вот что.

Наступило неловкое молчание. Потом Клара хлопнула ладонью по колену и улыбнулась.

– Полно вам! Вы серьезно говорите, что после телефонного звонка неизвестно откуда готовы бросить все и лететь через полмира, чтобы удовлетворить любопытство из-за старой визитной карточки?

Этот взрыв энергии оставил меня бессловесным.

– Я...

Клара придвинулась ко мне.

– Вы говорили о пяти замечательных приемных дочерях, появившихся в вашей жизни благодаря неким мистическим обстоятельствам. Значит, когда вам сообщают о новорожденной девочке, у которой в корзинке лежит ваша визитка тридцатилетней давности, вы серьезно готовы сказать, что не возьмете ее к себе?

Она выразительно приподняла брови.

– На самом деле я не собирался...

Она дружески ткнула меня в плечо.

– Разумеется, вы собирались, Атлас! Можно вас так называть? – Я энергично кивнул. – Не стоит жеманничать или робеть по этому поводу. Только не со мной.

– Полагаю... да, я рассматривал вариант, что Вселенная что-то предлагает мне.

– Вот и хорошо, дорогой мой. И, чтобы вы знали, мне приходило в голову ровно то же самое. Ваша визитка каким-то образом сохранилась, хотя прошло тридцать лет. Разве не удивительно? Сесили думала: «Я сохраню ее на тот случай, если она понадобится», – и вот это случилось. А теперь я думаю, нам стоит пойти и познакомиться с этой малышкой.

Я последовал за Кларой Хейл к старой каменной лестнице, по которой она поднималась неторопливо, но уверенно. По мере того, как мы продвигались выше, плачущие звуки становились все громче. Когда мы достигли третьего этажа, помрачневшая Клара повернулась ко мне.

– Вам нужно собраться с духом. Первое впечатление бывает тяжелым.

Она отвела меня в комнату, где находилось около полутора десятков малышей в колыбелях, над ними хлопотали женщины в медицинских халатах.

– Дети кажутся очень неуравновешенными, очень нервными.

– Так оно и есть, дорогой мой. Мы считаем, что у этих детей врожденная зависимость от наркотиков.

Малыши пронзительно кричали и завывали. Казалось, что звуки исходят из средоточия их существа, и это было душераздирающе.

– Их плач... Я не могу это объяснить, но он отличается от детского плача, к которому я привык.

Клара посмотрела мне в глаза.

– Я знаю. Как ни трудно это постигнуть, но они умоляют о дозе того, что употребляли их матери.

Я содрогнулся.

Клара подвела меня к одной из малышей, дрожавшей в колыбели. Ее крошечное тело буквально тряслось, а ручки и ножки произвольно дергались в разные стороны.

– С ней все в порядке, Клара? – нервно спросил я.

Мать Хейл достала из кармана очки и посмотрела на малышку.

– Ну, ну, девочка. – Она наклонилась над колыбелью и ласково погладила ребенка по голове. – Будь сильной, моя девочка, ты должна оставаться сильной.

Она аккуратно заправила руки девочки под пеленку и покрепче затянула ее.

– Естественно, что дети, страдающие от абстинентного синдрома, становятся раздражительными. Мы стараемся поплотнее пеленать их. – Она положила руку на шею малышки, чтобы проверить ее пульс, потом повернулась ко мне и кивнула. – У нее все будет хорошо. Это самое трудное время для наших подопечных. Хилари! – Она обратилась к одной из медсестер, укачивавшей особенно крикливого ребенка. – Как с припадками у Симеона?

– Сегодня не было ни одного, Мать Хейл, – ответила Хилари.

Лицо Клары озарилось широкой улыбкой.

– Вот это хорошая новость! Синтия! – Она повернулась к другой женщине, наклонившейся над колыбелью. – Грейс смогла проглотить пищу?

– Сегодня четыре раза из пяти, Мать Хейл.

– Хорошо! – Она радостно хлопнула в ладоши, прежде чем посмотреть на меня. – Из-за повышенной двигательной активности этим детям нужны дополнительные калории. Когда они начинают глотать и усваивать еду, то, считайте, полдела сделано.

Она повела меня к последней кровати в углу.

– Ну, вот и она, – сказала Клара, указывая на крошечную обитательницу колыбели.

Я посмотрел на малышку, которая извивалась изо всех сил, как будто старалась выпутаться из пеленки.

– Я обратил внимание, что других детей называют по именам. У нее есть имя, Клара?

– Разумеется. Мы зовем ее Доброй в честь той надписи на визитной карточке.

– Лейша говорила, что... Вы полагаете, что ее мать принимала наркотики?

Мать Хейл пожала плечами.

– Мы никогда точно не узнаем. Но ее зрачки немного расширены, частота дыхания повышена. К сожалению, здесь много таких случаев. Когда эту малышку последний раз кормили, Хилари?

– Около двух часов назад.

– Как раз пора. – Она подошла к деревянному буфету в дальнем углу комнаты и достала несколько пакетиков с порошком, а потом смешала содержимое в чистой бутылочке и протянула мне.

– Вот, держите.

– Вы хотите, чтобы я покормил ее?

Клара кивнула.

– Почему бы и нет?

Я положил бутылочку в колыбель и стал поднимать малышку. Когда я прикоснулся к ней, она яростно закричала и начала извиваться с такой силой, какую трудно было ожидать от новорожденной.

– Шшш, шшш, девочка. – Я начал рефлекторно укачивать ее, как делал это с другими своими детьми. – Передайте бутылочку, пожалуйста, – обратился я к Кларе.

Когда я аккуратно поднес бутылочку ко рту ребенка, малышка присосалась к горлышку с поразительной силой, как будто изголодалась и не могла дождаться этого момента.

– Что же, вы не лгали, – сказала Клара. – Вы делали это раньше.

– Сомневаетесь в моей истории?

– Нет. Просто я не знала, насколько умело вы можете обращаться с детьми. Оказывается, у вас талант. – Она постучала себя пальцем по носу.

Девочка, которую пока что называли Доброй, отличалась совершенно необычной внешностью. Ее поразительные желто-золотистые глаза и кожа цвета черного дерева могли бы ввести в заблуждение постороннего наблюдателя и внушить ему, что девочка совершенно здорова.

– Я понимаю, что она переживает ужасный период, Клара. Но она кажется такой активной и полной жизни.

Клара кивнула.

– Да, Хилари высказывается в том же духе, правда, дорогая?

– Эта малышка заряжена электричеством. – Хилари добродушно усмехнулась, прежде чем переключить внимание на другого ребенка.

– Очень точное определение, – заметил я.

Через несколько минут я вернул Кларе опустевшую бутылочку.

– Итак, вернемся к моему предыдущему вопросу, – сказала она. – Что дальше?

Сесили написала «добрый человек» на моей старой визитке. Я знал, что должен оправдать это прозвище.

– Я могу улететь с ней домой сегодня вечером, – ответил я.

Мать Хейл приоткрыла рот. Она снова сморщила нос, и я понял, что сейчас произойдет. Она рассмеялась от всей души, едва не

согнувшись пополам.

– Вы не сделаете ничего подобного, Атлас Танит! Неужели вы пропустили мои слова мимо ушей?

– Прошу прощения, Клара, – в некотором замешательстве отозвался я. – Я предполагал, что у вас есть намерение передать мне эту девочку.

– О, да! Но улететь с ней в Европу сегодня вечером? Что за безумие! Хилари, Синтия, вы его слышали?

Две другие женщины рассмеялись вслед за Кларой, и я почувствовал, как мои щеки заливаются краской.

– Во-первых, мне все равно, даже если раньше вы уже пять раз так и делали. Мне нужно выполнить дополнительную проверку насчет вас и вашей семьи и окончательно убедиться, что Добрая окажется в любящем доме.

– Да, разумеется. – Я виновато опустил голову.

– И еще одно, – продолжала Клара. – Не люблю подчеркивать очевидное, но этой малышке предстоит расти вместе с пятью белыми сестрами. Я не хочу, чтобы она в каком-либо смысле ощущала себя лишней.

– Боже мой, нет. Но если быть точным, то лишь четверо моих детей белые. Я рассказывал вам о Келено, – мы зовем ее Сиси, – моей дочери из Австралии?

– Нет, – сказала Клара.

– Ее отец был австралийским аборигеном, а мать принадлежала к смешанной расе. Она не белая.

Мать Хейл ненадолго задумалась над услышанным.

– Хммм. Большинство людей, даже если они заводят приемных детей, выбирают подопечных с одинаковым цветом кожи. Но для вас это не имеет значения?

– Ни малейшего, – честно ответил я.

Клара одобрительно кивнула.

– Хорошо, хорошо. Еще остается вопрос о том, как помочь девочке преодолеть ее зависимость. Ей осталось несколько недель лечения, дальше медицинское наблюдение больше не понадобится, но и после этого ей нужно уделять особенное внимание.

– У меня есть возможность приглашать лучших врачей, – заверил я.

– Очень рада за вас, но мне тоже понадобится поговорить с ними. Медицинский диплом престижного университета – это замечательно, но многие не имеют никакого практического опыта в таких ситуациях.

– Разумеется, Клара. Более того, я буду настаивать на этом.

Я привел малышку в вертикальное положение, чтобы она могла срыгнуть после кормления. Клара улыбнулась.

– Ну, хорошо, тогда мы можем приступить к делу. – Она похлопала меня по спине. – Поздравляю, папаша.

1993 год

Дорогой читатель, если вы дошли до этого места, то неизбежно задавались вопросом о громадных пробелах в моем дневнике. В 1920-х годах, когда я впервые начал записывать свои мысли, моей целью было словесное выражение чувств, поскольку в то время я не разговаривал. Это упражнение оказалось настолько успешным, что я продолжал заниматься им в течение всей жизни. Когда я познакомился с Ангелиной в Гранаде, то решил посвятить себя поискам Элле и моей первой дочери. Позабытый дневник лежал на моем письменном столе, потому что мною двигала одна-единственная цель.

Потом удочерение Майи показалось мне таким важным, что чувство ответственности перед моими возможными читателями заставило меня снова взяться за перо. То же самое, разумеется, относилось к Алли, Стар, Сиси, Тигги и Электре. От моего внимания не ускользнуло, что последние несколько глав составляют хронику знакомства с моими детьми; мне нравится думать, что однажды они прочитают эти страницы. Знайте, что пробелы в дневнике были заполнены любовью, смехом и семейными делами. Мои дети дали мне больше, чем я когда-либо смогу выразить словами. Каждый раз, покидая Атлантис, чтобы возобновить поиски их пропавшей сестры, я испытываю глубокую сердечную тоску по обществу моих девочек.

Что касается «потерянной сестры», то вынужден сообщить, что сегодня я взялся за перо не ради того, чтобы отметить нашу долгожданную встречу.

Прошу прощения, читатель, если эти строки покажутся немного бессвязными. Сегодня вечером мы отпраздновали специальным ужином окончание Майей второго курса университета. Ей остается еще один семестр, но она удостоила нас своим посещением во время «библиотечной недели». Примерно в три часа дня я вышел на причал посмотреть, как Кристиан везет Майю домой через озеро. Когда я смог разглядеть ее, то, признаюсь, у меня защемило сердце. Моя маленькая девочка стала женщиной. Не сомневаюсь, что теперь ее визиты сюда для встречи со старым Па Солтом будут все реже и немногочисленнее.

Когда катер легко коснулся деревянного причала, она практически выпрыгнула на берег и трусцой побежала ко мне.

– Привет, Па!

– Майя, моя дорогая! – Я крепко обнял ее после почти трехмесячного отсутствия. – Как хорошо снова увидеть тебя! Добро пожаловать домой.

Она легонько поцеловала меня в щеку.

– И я рада видеть тебя. Смотри, они идут!

Я обернулся к дому и увидел вереницу девочек семейства Деплеси, спускавшихся по склону холма навстречу старшей сестре. Сиси практически тащила Стар за руку, Тигги подпрыгивала на ходу, а Алли следовала позади с чинно сложенными руками. Электра, разумеется, мчалась впереди остальных.

– Ма-аа-айя! – заверещала она.

– Привет, Электра! – выдохнула Майя, когда самая младшая сестра с разбегу врзалась в старшую. – О, я скучала по тебе.

– И мы, и мы! – живо откликнулась Электра. – Знаешь, Тигги нашла бродячую кошку, но у Алли аллергия на шерсть, и Сиси сказала, что нечестно...

– Эй, помедленнее. Мне не терпится узнать новости, но только дома. Пойдем, поможешь мне отнести сумки!

Клавдия приготовила любимое блюдо Майи – мясо по-мексикански с острым красным перцем и фасолью, – и разговор за ужином вращался вокруг новой жизни и увлечений моей старшей дочери. Сначала я с восторгом слушал о ее приключениях за пределами Атлантики. Выросшая Майя превратилась в довольно сдержанную юную даму, но я знал, что она способна на многое. За

первые два года учебы в университете Майя действительно начала расцветать.

– Ты ходишь на вечеринки? – поинтересовалась Сиси.

– Иногда, – ответила Майя. – Но Том и Саманта, мои соседи по общежитию, куда более знатные гуляки, чем я.

Электра выпрямилась.

– Когда я поступлю в университет, то буду каждый вечер ходить на тусовки! – гордо заявила она.

– Думаю, это вполне вероятно, – с усмешкой заметила Алли.

Тигги нахмурилась.

– Там можно иметь домашних питомцев?

– Ох, Тигс, я не вполне уверена, хотя знаю, что одна девушка держит у себя золотую рыбку. Но не думаю, что Багира встретит там теплый прием, – хихикнула Майя.

Тигги пожала плечами.

– Ну, тогда, наверное, я не буду поступать в университет.

– Я присмотрю за ней, пока тебя не будет, – тихо предложила Стар.

– Нет, ты этого не будешь делать, – отрезала Сиси. – Она не будет спать в нашей комнате. От нее воняет.

– Пожалуйста, Сиси, не надо так говорить с сестрой, – вмешался я. – А теперь я хочу предложить тост. Во-первых, за вашу старшую сестру Майю, которая собирается показать превосходный результат в конце этого учебного года. А во-вторых, за Алли, – моя вторая по старшинству дочь выразительно посмотрела на меня, – поскольку сегодня (надеюсь, она не будет возражать, если я поделюсь этой новостью) она получила приглашение от Женевской консерватории, ей предложено обучаться игре на флейте. Они хотят назначить ей стипендию.

Алли покраснела.

– Папа, сегодня мы чествуем Майю! – прошипела она.

– Это ерунда, Алли! – с неподдельным энтузиазмом воскликнула Майя. – Что за потрясающая новость!

– Ого, Алли! Отличная работа, – восхитилась Тигги.

– Спасибо, – смущенно ответила Алли.

– Я очень горжусь моими старшими дочерьми, и всеми остальными тоже. Поэтому давайте поднимем бокалы за очередной

праздничный вечер. У нас потрясающая семья. Гип-гип...

– Ура! – хором откликнулись все.

Ма налила вина себе и старшим девочкам.

– Вы все по-своему похожи на Па Солта, – сказала она.

– Не обижай бедных девочек, Ма. Они гораздо привлекательнее меня.

– Кстати, о привлекательности, – вмешалась Сиси. – Ты уже завела себе парня, Майя? Ма думает, что завела.

– Сиси! – прикрикнула Ма.

– А что такого? Мы недавно говорили об этом.

Майя приподняла брови и вопросительно посмотрела на Марину.

– Это правда, Ма?

– Я... просто беседовала с твоей сестрой. – Она пронзила взглядом Сиси. – Это была *личная* беседа.

– Но почему у тебя сложилось такое впечатление, Ма? – спросила Майя, с деланой медлительностью отпив глоток вина.

Марина залилась краской.

– Ну, каждый раз, когда мы с тобой говорим по телефону, ты кажешься такой... воодушевленной. Вот я и подумала, что в твоей жизни появился молодой человек. – Марина пожала плечами.

– Ну что, появился или нет? – поднажала Сиси.

– Сиси! – На этот раз Стар укорила сестру за несдержанность.

– А что? – отозвалась Сиси. – Мы все хотим знать, разве нет?

Вокруг стола раздались смешки.

– Девочки, я не уверен, что *мне* хочется знать об этом! – простонал я, что лишь привело к новому взрыву смеха.

– Ну, давай, Майя, расскажи нам, – попросила Тигги.

– Да, да, расскажи! Расскажи нам, расскажи! – запела Электра.

Майя посмотрела на Алли, которая пожала плечами, словно хотела сказать «шила в мешке не утаишь».

– Ну, ладно, ладно. Папа, закрой уши.

Я рассмеялся.

– Все в порядке, дорогая; я уверен, что смогу это вынести. Если у него нет татуировок. И если он не ездит на мотоцикле.

Наступила неловкая пауза, после чего Алли взорвалась смехом.

– О, нет, – пробормотал я и театрально прикрыл глаза ладонью. – Давайте, рассказывайте ваши плохие новости. Сколько у него

татуировок?

– Только одна, Па, и мне кажется, что она вполне эстетична, – жеманно ответила Майя.

Я вздохнул.

– Ну да, конечно. Можно узнать, какая?

– Просто маленькая молния, – сказала Майя.

– Я *знала*, что у нее есть дружок! – взвизгнула Сиси, и застолье разразилось смехом и приветственными возгласами.

Майя подняла руки, успокаивая сестер.

– Вообще-то я не готова назвать его своим *ухажером*, – уточнила она.

– Но вы встречаетесь? – с выпученными глазами спросила Тигги.

– Мы... Да, мы иногда встречаемся, – тихо сказала Майя.

Сиси сложила руки на груди.

– Если он не твой ухажер, то кто он?

– Он, знаешь... ну, просто парень!

Алли попробовала урезонить младших сестер:

– Хватит, девочки. Перестаньте мучить ее!

– Как он выглядит? – поинтересовалась Стар.

– Ну, он из Греции. Поэтому довольно симпатичный.

– Значит, ты подцепила греческого бога, Майя? – Я отпил глоток вина. – Вынужден спросить, когда мы сможем увидеть его?

– Па, я не собираюсь приводить его сюда, в львиное логово! С этой шайкой он не продержится и пяти минут. И ты даже не спросил его имя!

– Извини, дорогая. Скажи, пожалуйста, как зовут моего будущего зятя.

Майя застенчиво улыбнулась, глядя в свою тарелку.

– Зед.

Я ощутил внезапную пустоту в животе.

– Прошу прощения?

– Зед, – повторила Майя.

– Прямо как буква? – спросила Электра.

– Наверное, – хихикнула Майя. – З-Е-Д.

Я переглянулся с Мариной, сидевшей на противоположном конце стола. Она кивнула, поощряя меня задать вопрос, который вертелся на языке.

– А его фамилия, Майя? – спросил я.

– Эсзу. Э-С-З-У, – по буквам повторила она.

Я был близок к обмороку.

– Майя Эсзу! – произнесла Стар. – Думаю, это классное имя.

– Но не такое классное, как Делеси, правда? – добавила Электра.

Я решил выйти, пока не потерял сознание на виду у всех.

– Прошу прощения, девочки, мне что-то нехорошо. Нужно немного полежать.

– С тобой все в порядке, папа? – спросила Алли.

– Да, я уверен, что это скоро пройдет. Сегодня днем я слишком долго катался по озеру на «Лазере» и, наверное, перегрелся на солнце.

– Мне кажется, что Па Солту не нравится, что ты завела парня, Майя, – пискнула Сиси.

– Вовсе нет, – твердо ответил я. – Ничего подобного.

Я вышел из столовой и направился в свой кабинет, где запер дверь и рухнул в кресло.

– Господи, боже мой. Этого не может быть! Не может!

Мое сердце стучало так яростно, что, казалось, готово было вырваться из груди. Я пошел за телефоном, чтобы позвонить Георгу, но тут в дверь постучали.

– Извините, девочки, я отдыхаю.

– Это Марина.

Я отпер дверь.

– Заходите, Ма.

Она плотно закрыла дверь за собой и обняла меня.

– Мужайтесь, *chéri*. Мужайтесь.

– Не знаю, что и сказать, – пробормотал я.

– И я тоже, Атлас. Давайте я налью вам выпить. – Марина сняла с полки графин с односолодовым виски «Макаллан», специально привезенным из шотландского высокогорья. – Не думаю, что есть смысл гадать, насколько это случайно.

– Да. На свете сотни университетов, но сын Крига каким-то образом оказывается там, где учится Майя, и становится ее ухажером. Уверен, что это было запланировано.

Я опустил в кресло, и Марина передала мне виски.

– Ваше здоровье. – Мы чокнулись и сделали по глотку. Приятная теплота, разлившаяся по телу от благородного напитка, подкрепила

мои силы. – Но с какой целью это было сделано, Ма? Послать сигнал? Дать мне понять, что он наблюдает за мной? Но что, если он намерен причинить вред девочкам? Господи, моя маленькая Майя...

Я уронил голову на стол, и Марина ласково погладила меня по спине.

– Постарайтесь сохранять спокойствие, Атлас. У нас еще нет полной картины.

– Я как раз собирался позвонить Георгу и получить свежую информацию о Криге-старшем.

В дверь снова постучали, и я поднял голову.

– У тебя все в порядке, Па? – Голос принадлежал Майе. – Я просто хотела проверить.

– Впустите ее, – одними губами прошептала Марина. Я подошел к двери, набрал в грудь побольше воздуха и широко улыбнулся, прежде чем открыть.

– Здравствуй, Майя! – Мой энтузиазм, похоже, был чересчур наигранным. – Прости, что пришлось уйти из-за стола в первый же вечер после твоего возвращения. Просто внезапная слабость; говорю же, наверное, перегрелся на солнце.

Майя вошла в комнату, и я закрыл за ней дверь.

– Как скажешь, Па. – Она посмотрела на бокалы виски, стоявшие на моем столе. – Но все думают, что это из-за разговора о моем... новом друге.

Я энергично покачал головой.

– Нет, Майя, вовсе нет. Я хочу, чтобы каждая из вас нашла свою любовь. На самом деле это единственная вещь, ради которой стоит жить.

– Просто... ты выглядел отлично, но, когда я упомянула имя Зеда, ты встал и ушел.

Я обнял ее, но она не ответила на мою ласку.

– Это просто совпадение, дорогая, не более того. Правда, Ма?

Марина кивнула.

– Па Солт скоро придет в норму. Пожалуйста, возвращайся в столовую и оцени мясо по-мексикански. Клавдия приготовила его специально для тебя.

– Хорошо, Ма. – Майя направилась к выходу, но перед дверью обернулась и посмотрела на меня. – Уверяю тебя, Зед – милейший

человек. Он постоянно расспрашивает о моих сестрах, о тебе и об Атлантисе... Даже не думала, что кто-то может так заинтересоваться моей жизнью!

Она хихикнула и вышла в коридор.

– Ох, боже ты мой, – только и смог выдать я.

– Садитесь, а то вы бледный, как простыня. – Марина подвела меня к креслу, где я какое-то время сидел, обхватив голову руками.

– Без сомнения, Криг велел сыну выудить у Майи информацию об Атлантисе. Надеюсь, что она не выдала точного местонахождения поместья.

– Даже если и так, вы давно подготовились к подобному событию.

– Вы правы, – согласился я. – Но я уже больше десяти лет не проверял пути отхода. – Я покачал головой. – Мне казалось, он оставил меня в покое.

– Мне тоже, *chéri*.

Я побарабанил пальцами по столу.

– Ни к чему сидеть здесь и паниковать. Сначала я хочу проинспектировать все тайные места в доме. Нужно убедиться, что лифты находятся в рабочем состоянии, как и освещение в тоннелях, ведущих к лодочной станции. – Я налил еще порцию виски и предложил Марине, но она отказалась. – Георг усилит слежку за Кригом; я не хочу, чтобы мы стали подсадными утками. И временно поставлю на паузу поиски Элле. Боже упаси, если Эсзу объявится в Атлантисе, а меня не будет рядом, чтобы защитить девочек.

– Вы действительно думаете, что он может причинить им вред? Невинным детям?

– Не знаю, на что он способен. Боюсь, что для него не существует никаких пределов.

– Тогда будьте осторожны и предусмотрительны, как обычно. – Марина взяла меня за руку. – Мы защитим их, Атлас. Вместе мы справимся.

В следующие несколько недель все секретные помещения Атлантиса были изучены и укреплены. Вместе с Мариной я

прорабатывал разные сценарии проникновения Крига в дом и наши меры по защите девочек. Такой исход особенно страшил меня. Как я мог хотя бы приблизительно объяснить им, что происходит? Они начнут задавать вопросы и усомнятся в своем отце. Пока мне даже не хотелось размышлять о такой возможности.

В тот вечер, когда Майя должна была вернуться в университет, я заметил Марину, вышедшую из спальни моей старшей дочери с побледневшим лицом.

– Все в порядке, Ма? – спросил я.

Марина не ожидала увидеть меня в коридоре и вздрогнула всем телом.

– Прошу прощения, я задумалась, – выдохнула она, приложив ладонь к груди.

– Очевидно. Так все в порядке?

– Хммм... О, да. Все замечательно.

Марина не умела лгать, но мне не хотелось давить на нее. Я заговорил о другом.

Георг Гофман, надежный, как всегда, нанял в Греции группу сыщиков, которые следили за каждым движением Эсзу. К моей досаде, почти ничего не изменилось, если не считать того, что «Лайтинг Коммуникейшенс» превратилась во многомиллионный бизнес. Эсзу даже основал головную компанию для обслуживания своих расширяющихся интересов под названием «Афинский холдинг». У меня не было ни тени сомнения, что этим названием он пытался уязвить меня. Когда мы были детьми, он часто подшучивал над моей страстью к греческой мифологии. Зачем еще ему выбирать Афину, богиню войны, как не для четкой декларации своих намерений?

Но Георг ежедневно заверял меня, что Эсзу явно не собирается предпринимать поездку в Атлантис ради долгожданного возмездия. Вместо этого он направлял свое возмездие через потомка.

Поэтому я попросил Георга выяснить все возможное о Зеде Эсзу. То малое, что мы обнаружили, не удивило меня. Молодой человек был высокомерным и сорил отцовскими деньгами, будто завтра никогда не наступит, в противоположность тому, чему я учил моих девочек. Каждая из них имела личное содержание, достаточное для комфортной жизни, но без роскошных излишеств. Определенно речь не шла о

нескольких «Ламборджини», которые Зед регулярно разбивал на афинских улицах.

Судя по всему, Криг-младший был дамским угодником. Сыщики Георга смогли выйти на след нескольких разбитых сердец по всей Европе. Я не столько беспокоился о безопасности моей дочери, сколько об эмоциональном ущербе от дурного обращения Крига-младшего.

Прошел месяц после откровения Майи, и Марина постучала в дверь моего кабинета. Как только она вошла, я понял, что все плохо. Она горбила плечи и избегала моего взгляда.

– В чем дело, Ма? – спросил я. В ответ она налила мне огромную порцию виски из графина. – Боже милосердный, это неспроста. Должно быть, плохие новости.

– Да, это будет трудно принять... – Марина помедлила.

– Пожалуйста, рассказывайте.

– Я долго сомневалась, рассказывать ли вам об этом, Атлас. Но пришла к выводу, что обязана это сделать. Дело в том, что... – Она нерешительно замолчала.

Настал мой черед налить виски.

– Выпейте. – Я протянул ей бокал, и она сделала большой глоток.

– Майя беременна, – сообщила она.

Я осушил свой бокал. Потом постарался сохранить неподвижность, позволив волне холодного ужаса окатить меня, пока я собирался с мыслями.

– Спасибо, Ма. Это очень полезная информация.

– Мне очень жаль, Атлас. Не могу представить, что вы сейчас чувствуете.

– Да, – прошептал я, непроизвольно стиснув кулаки. – Само собой, это наводит меня на мысль, что все было спланировано. Как высшее унижение.

Ма тяжело сглотнула.

– Должна признать, что это вполне возможно.

– Что за отвратительная жестокость! – не выдержал я. По моим щекам вдруг заструились слезы, и я безутешно разрыдался. Марина положила руку мне на плечо.

– Потому что на каждого ангела найдется демон, которого нужно одолеть.

Я вытер слезы носовым платком.

Марина кивнула.

– Она поделилась со мной описанием симптомов, и я заставила ее сделать тест на беременность. Ох, *chéri*, я едва не умерла, когда он оказался положительным. Но я не могла проявить слабость перед нашей дорогой Майей. Мне нужно было оставаться сильной ради нее.

– Конечно, Ма. Не могу сказать, как я благодарен вам за все. – Я похлопал ее по плечу. – И, разумеется, Майя ни в чем не виновата. Но нужно признать, это чрезвычайно тревожные обстоятельства. Как настроение у Майи?

Марина глубоко вздохнула и пожала плечами.

– Она переживает то, что переживает любая девушка в случае неожиданной беременности. Страх. Стыд. Чувство вины.

У меня ныло сердце.

– Моя бедная маленькая девочка. Хочется взять ее на руки и обнять покрепче.

Марина неожиданно взволновалась.

– Она не должна знать, что вам известно о ее положении, *chéri*! Вы для нее самый важный человек в мире, и если она поймет, что вы все знаете, то может не вынести этого.

Я кивнул.

– Да, Марина, и это разбивает мне сердце. – У меня встал комок в горле. – Надеюсь, ты понимаешь, что я не желал этого ни для кого из моих детей. – Я прикрыл глаза. – Если бы я только мог как-то помочь ей! Сейчас ей как никогда нужно больше отцовской любви и поддержки, а я не могу это обеспечить. Зед знает о ребенке?

Марина покачала головой.

– Нет, и Майя твердо уверена, что он не должен знать. – Марина потерла лоб. – Зед глубоко ранил нашу Майю. Он сообщил ей, что их отношения были всего лишь бессмысленной интрижкой. Он не хочет иметь с ней ничего общего.

Я обхватил голову руками. Мои кошмары обретали реальность.

– Пожалуйста, Марина, свяжись с ней. Дай ей понять, что, какое бы решение она ни приняла, у нее есть твоя полная и безраздельная поддержка.

– Пойду позвоню ей.

– Пожалуйста. А потом сообщи о результате.

Майя окончила второй курс университета летом 1993 года. Она вернулась в Атлантис, облаченная в свободные одежды и накидки, чтобы скрыть свой живот, несмотря на пик жаркой погоды. Неделю назад я предложил ей жить в Павильоне, как подобает старшей сестре. Это отдельная резиденция, расположенная примерно в двухстах метрах от главного дома. Раньше там жила Марина.

– Думаю, милая, ты заслужила отдельное жилье, – сказал я Майе.

Она посмотрела на меня так, как будто была готова заплакать.

– Правда, Па? Ох, спасибо, спасибо тебе! Я обожаю это место.

Когда она подошла обнять меня, я заметил, что она держится боком, чтобы прикосновение ее живота не выдало ребенка.

Читателя не должно удивлять, что Майя не вернулась в университет для возобновления учебы на третьем курсе. Она сказала, что у нее сильная ангина и что она вернется к занятиям, как только сможет. Ее беременность развивалась, и мы встречались все реже и реже. По правде говоря, мне хотелось войти в Павильон, крепко обнять ее и заверить, что все будет в порядке. Но я понимал ее потребность в уединении. Я часто повторял Марине, что если Майя захочет видеть меня, то не найдет ничего, кроме любви и сочувствия. Но этот день так и не наступил.

Подозреваю, что Алли все знала. Она проводила много времени в Павильоне, и я был рад, что Марине не приходится в одиночку нести это бремя.

Пожалуй, Тигги тоже догадалась о происходящем. Однажды я заметил, как она смотрит на живот Майи. Из-за «ангины» нам не позволялось подходить слишком близко, но Тигги была способна все разглядеть даже с расстояния в несколько метров.

Однажды вечером, когда Майя находилась на шестом месяце беременности, Марина сообщила мне, что Майя приняла решение о будущем ребенка.

– Она хочет отдать ребенка в приемную семью.

Я не знал, что сказать по этому поводу.

– Она на самом деле этого хочет? Потому что если она принимает такое решение из чувства вины или стыда, то мне придется вмешаться в это дело.

Марина кивнула.

– Она действительно этого хочет, Атлас. От всей души. Она не верит, что готова быть матерью, и считает, что о ее ребенке лучше позаботится кто-то другой. По ее словам, она много думала о решении своей матери. Благодаря этому выбору она обрела такого отца, как вы.

Я качал головой, словно никак не мог поверить в происходящее.

– Какая трагедия. Ужасная, ужасная трагедия.

Ма обняла меня.

– Знаю, *chéri*. Но, если отвлечься от ужаса, вы можете гордиться своей дочерью. Она оказалась храбрее и выносливее, чем я думала. Поразительная девушка.

– Да, – согласился я. – Но если перейти к практическим вещам, то Георгу принадлежит решающее слово, где придется разместить ребенка Майи. Надеюсь, он даже сможет организовать передачу его такой семье, которая будет любить... моего внука и заботиться о нем. – Слово «внук» пронзило мое сердце. – Ведь он, несмотря ни на что, будет моим внуком. Мы должны гарантировать ему наилучшую жизнь.

– Мы так и сделаем, Атлас.

– Я переведу тебе несколько тысяч франков. Пожалуйста, предложи Майе оплатить роды в любой клинике. Как обычно, деньги не проблема.

Ребенок родился через три месяца в частной женевской клинике, и Марина сопровождала Майю на каждом шагу. Без ведома остальных я плотно работал с Георгом, чтобы приемная семья могла обеспечить мальчику любовь и заботу. Надеюсь, что Клара Хейл могла бы гордиться мною.

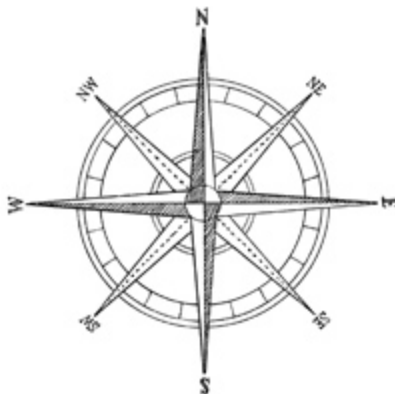
В течение трех недель после родов я не встречался с моей дочерью и с Мариной под предлогом того, что они отправились в развлекательную поездку после долгой «ангины». Когда Майя наконец вернулась на берега Атлантики, мне было непонятно, знает ли она о том, что я посвящен в происходящее. Почему-то мне кажется, что она знает.

– Теперь я достаточно здорова, чтобы вернуться в университет, Па. Я чувствую себя гораздо лучше.

– Это прекрасная новость, Майя. Но возвращайся только тогда, когда будешь готова. Павильон всегда будет ожидать тебя, как только он тебе понадобится.

– Спасибо, Па Солт. Я люблю тебя.

– Но не так сильно, как я люблю тебя, малышка.

Июнь 2008 года

– Боже мой, он все знал! – воскликнула Майя, когда последние страницы дневника упали на пол ее каюты.

– О чем он знал, Майя? – озадаченно спросил Флориано.

– О моем ребенке, которого я отдала. О ребенке от Зеда Эсзу.

Майя увидела, как Флориано непроизвольно напрягся при упоминании о Зеде. Она не винила его. Когда она впервые рассказала Флориано о своем прошлом, он был очень нежным и понимающим собеседником. Но последние несколько дней добавили массу нового к прошлым событиям.

– Мне очень жаль, дорогая Майя. – Он привлек ее к себе.

– Если оглянуться назад, все это выглядит очень глупо. Все эти месяцы, когда я пряталась в Павильоне и делала вид, что болею ангиной. Разумеется, он знал.

– Но ничего не говорил об этом, потому что любил тебя.

– Вот что самое плохое, Флориано. Я подвела его. Он был всем для меня, а я подвела его.

– Не надо так говорить, любимая. Ты ничего не знаешь о прошлом, которое он разделял с этим Кригом Эсзу. Ты была выбрана как мишень, как невинная жертва. Никто не вправе винить тебя.

Флориано встал и раздвинул занавески на иллюминаторе, над «Титаном» сгустились сумерки.

– Па Солт и Георг работали вместе над поисками подходящей семьи. Я могу узнать, кем стал мой сын.

Флориано наклонился над миниатюрным холодильником и достал банку пива.

– Ветры случайностей господствуют над этим судном, – философски заметил он. – Хочешь чего-нибудь выпить?

Майя покачала головой.

– Я очень ценю, что ты просидел со мной последние несколько часов, Флориано. Должно быть, очень скучно наблюдать за мной во время чтения.

– Любимая, я мог бы неделю сидеть рядом с тобой, лишь бы тебе было спокойнее. – Он нежно поцеловал ее в лоб. – Ты получила ответы на все свои вопросы?

Майя протерла глаза.

– Пожалуй, нет. – Она до сих пор ничего не знала о детстве Па Солта в России или о загадочных обстоятельствах смерти матери Крига Эсзу. – Дневник заканчивается девяносто третьим годом, прошло уже больше десяти лет.

Флориано угнездился на кровати рядом с ней и отхлебнул глоток пива.

– Ты знаешь, что случилось с алмазом? – спросил он.

Из-за всех остальных драматических событий она позабыла о судьбе драгоценного камня.

– Знаешь, о нем не упоминалось с пятидесятих годов. Кто может знать, чем все закончилось?

Флориано потянулся на кровати.

– Интересно, удалось ли Кригу в конце концов добраться до камня?

– Возможно, но мы никогда этого не узнаем. – Майя встала. – Так или иначе, до ужина мне нужно повидаться с остальными сестрами.

Флориано быстро поцеловал ее руку.

– Хорошо, любимая. – Майя собралась уходить, но он притянул ее обратно и нежно поцеловал, на этот раз в живот. – Твои мальчики гордятся тобой.

Его слова застигли Майю врасплох, и она сглотнула комок в горле.

– Спасибо. Я немного беспокоюсь об Электре. В дневнике сказано, что она с самого рождения испытывала зависимость от кокаина.

Флориано широко распахнул глаза.

– *Mei Deus!* Как ужасно.

– А отец Сиси бросил ее мать, и та умерла в одиночестве, – продолжала Майя. – Что уж говорить об Алли, с самого рождения разлученной со своим братом-близнецом, поскольку ее мать хотела иметь только мальчика.

– Майя, я...

– Или о Тигги, чья родственница предсказала наше появление в жизни Па Солта. – Флориано разинул рот от изумления. – Так что да, мне еще предстоит многое осмыслить. – Она направилась к двери, но перед самым уходом не удержалась и добавила: – А Ма когда-то была проституткой.

* * *

Алли Деплеси и Георг Гофман спустились по главной лестнице «Титана» на нижнюю палубу, где находился рабочий кабинет Атласа. Когда они подошли к двери, Георг достал из кармана ключ, существовавший в единственном экземпляре.

– Если не возражаете, Алли, я войду один. Мне хочется гарантировать, что, по крайней мере, некоторые из его пожеланий выполнены.

– Хорошо, Георг, я подожду здесь, – ответила Алли.

Когда Георг вошел в кабинет, Алли вынула свой мобильный телефон. Она была рада тому, что Ганс встал на якорь недалеко от вышки мобильной связи, поэтому текстовое сообщение от Джека прошло без затруднений.

«Привет, ты в порядке? Ты выглядела немного подавленной. Я здесь, если понадобится».

Несмотря на все, что она недавно узнала, теплое внимание Джека немного облегчало психологическую нагрузку. Алли задумалась над ответом. Она не могла ничего объяснить в коротком сообщении, как не

могла и посвятить Джека в подробности до встречи с остальными сестрами.

«Извини, я немного измотана. Объясню позже, если придешь в мою каюту после ужина».

Джек ответил мгновенно:

«Ура, это свидание!»

Тем временем в кабинете Георг вдохнул знакомый аромат книг в кожаных переплетах, который у него прочно ассоциировался с Атласом. Он обвел взглядом комнату, останавливаясь на разных безделушках, собранных хозяином за время его путешествий по всему свету: стетсоновская шляпа из Мексики, хоккейная клюшка из Финляндии и статуэтка «счастливой кошки» из Китая, которая по-прежнему весело махала лапкой с письменного стола. Все это болезненно напоминало о том, что в конечном счете Георг подвел своего лучшего друга. Каждый раз, когда ему или его команде удавалось напасть на след Элле Лепэн, Атлас неизменно шел по этому следу, пусть даже самому слабому.

Георг достал из нагрудного кармана другой ключ, поменьше первого. Он отпер центральный ящик стола и вынул конверт, чего не собирался делать до окончания круиза. Потом закрыл глаза и вспомнил, когда они в последний раз находились вдвоем в этой комнате.

– Последние страницы дописаны, Георг, – тихо сказал Атлас. Его дыхание было тяжелым и с каждым днем становилось все более затрудненным.

– Поздравляю, старина. Ваша история завершена.

Атлас рассмеялся с клокочущим присвистом.

– Полагаю, скоро она закончится по-настоящему. Врачи говорят, что это может произойти в любой момент. Они пророчат мне не больше трех месяцев.

– Но вы всю свою жизнь опровергали логические доводы, мой друг.

– Это верно, но бессмертие, пожалуй, будет непреодолимым затруднением. – Атлас улыбнулся. – В любом случае теперь дело сделано. Все концы более или менее связаны. Но, Георг...

– Да, Атлас?

– Меня до сих пор глубоко беспокоит Зед Эсзу. Я пытался заключить сделку, но он будет оставаться угрозой до тех пор, пока ходит по земле. Хотя мои девочки сильны и станут еще сильнее после того, как узнают правду о своем прошлом, ты должен пообещать мне, что сделаешь все возможное, чтобы ослабить его влияние. Защити моих детей, насколько это в твоих силах.

– Я клянусь, друг мой.

– Спасибо, Георг. Ты показал себя... образцовым человеком. – Атлас слегка наклонил голову. – Я очень многим обязан тебе.

Георг едва не лишился дара речи.

– Это было высокой честью для меня. Все, что я делал, было сделано в благодарность за вашу доброту.

– Я горжусь тобой... и Клавдией, разумеется. Нет никого на свете, кому бы я доверял больше, чем тебе.

– Это взаимно, Атлас.

– Хорошо. Итак, ты совершенно уверен, что ясно понял мои инструкции? Принимая во внимание неожиданный оборот событий, я вынужден еще раз пройтись по плану.

Атлас начал вставать, и Георг протянул ему руку для поддержки.

– Спасибо. – Атлас нетвердыми шагами подошел к книжному шкафу и окинул взглядом свою коллекцию. – Пожалуйста, повтори мой план.

Георг кивнул.

– Когда «потерянная сестра» отыщется, сначала я должен вручить ей оригинал вашего дневника. Теперь у нас есть вся необходимая информация, и я найду ее.

Атлас вопросительно приподнял бровь.

– Ты точно получил рисунок кольца с изумрудом?

– Да.

– А координаты Аргидин-Хауса?

– Абсолютно верно.

Атлас достал портрет Элле, выполненный угольным карандашом, и какое-то время смотрел на него.

– Мои письма к девочкам находятся на месте, в Атлантиде? Вместе с подсказками?

– Они в моем офисе. Надежно укрыты и ожидают вручения сразу же после того, как я вернусь.

Атлас немного успокоился, но потом вспомнил кое-что еще:

– Как насчет армиллярной сферы? Дело движется?

– Да. Гравер заканчивает работу сегодня во второй половине дня.

Я лично проверю надписи и координаты.

– Превосходно. А сюрприз?

– Мы об этом позаботились, Атлас.

Он слабо улыбнулся.

– Не терпится увидеть лица всех собравшихся, где бы я ни находился в тот момент. Спасибо тебе, Георг.

Атлас подошел к столу и сложил в стопку свои бумаги, потом с сокрушенным видом посмотрел на страницы.

– Я жалею лишь о том, что не смогу быть рядом и помогать им моими наставлениями. – Он покачал головой. – Майя, Алли, Стар, Сиси, Тигги, Электра... им предстоит много узнать о своем происхождении. – По его лицу пробежала тень легкой тревоги и неуверенности. – Я все сделал правильно, Георг?

– От всего сердца верю, что да.

Атлас осторожно опустил в свое кресло и посмотрел на открытую воду через иллюминатор «Титана».

– Меня беспокоит мысль о том, что я должен был рассказать им всю правду много лет назад.

– Вполне естественно, что вы нервничаете. Но помните, если бы вы все рассказали им раньше, то подвергли бы их опасности.

Атлас медленно кивнул и отпил глоток минеральной воды. Георг был расстроен видом его мелко дрожавшей руки, державшей стакан.

– Итак. Когда меня не станет – и только тогда, – ты отдашь моим дочерям вот это. – Нетвердой рукой Атлас указал на новые страницы с еще подсыхавшими чернилами, разложенные на столе. – Если девочки решат, что я каким-то образом обманул их... – он приложил руку к груди, – ...то всему придет конец.

Между двумя мужчинами повисла долгая пауза. Атлас смотрел на Георга. Несмотря на морщинистую кожу и совершенно седые волосы, карие глаза Атласа оставались такими же пытливыми, как раньше.

– Тебе точно известно, что я собираюсь сделать. Я бы не стал делать ставку на мою жизнь.

– И я тоже, – тихо отозвался Георг.

Атлас открыл ящик стола и достал коричневый бумажный конверт стандартного формата. Он осторожно положил внутрь новые страницы, вернул конверт в ящик и повернул ключ в замке. Потом выпрямился в кресле и передал ключ Георгу.

– Только когда придет нужное время. Когда меня не станет.

Атлас снова начал вставать, но едва не потерпел неудачу. Георг немедленно предложил свою руку, и его старый друг с трудом поднялся на ноги. Они обнялись, и на глаза у обоих навернулись слезы.

– Я рад, что нам удалось еще немного побыть вместе, старый друг. Это дает мне возможность сказать нечто такое, о чем я умолчал бы в другое время.

– Что именно?

Атлас лукаво усмехнулся.

– Ты наконец поспешишь сказать ей нужные слова?

– Прошу прощения, – недоуменно отозвался Георг. – Не вполне понимаю, что имеется в виду.

Его работодатель закатил глаза.

– Ради всего святого, человек! Я имел в виду *Марину*.

Георг моментально покраснел.

– Ах, вот оно что.

– Ты любишь ее уже больше тридцати лет. Пусть это будет для меня доказательством, что вы можете поймать благоприятный момент, мсье Гофман!

Это был последний раз, когда Георг встретился с Атласом Танитом. Георг достал носовой платок из нагрудного кармана и промокнул глаза. Сунув конверт под мышку, он запер ящик стола и вышел из пустого кабинета.

– Это те самые страницы? – спросила Алли, отложив свой мобильный телефон и указывая на конверт.

Георг кивнул.

– Я скопирую их так же, как и оригинал дневника.

– Хорошо. Мы скажем за ужином; тогда все смогут прочитать их.

– Алли... – Георг нервозно переступил с ноги на ногу. – Должен сказать, что я испуган. Не знаю, как отреагируют ваши сестры. Исходя из предыдущего опыта, каждая из них может испытать желание задушить меня и Марину. Я хочу гарантировать ее защиту.

– Успокойтесь, Георг. Да, они будут глубоко расстроены, как это произошло со мной. Но вам хорошо известно, что душевную боль можно смягчить без промедления. Полагаю, вы побеседовали с капитаном Гансом?

– Да. Он внес необходимые навигационные поправки.

– Отлично. – Алли глубоко вздохнула. – Тогда увидимся за ужином.

* * *

В тот вечер семь сестер и их спутники собрались на верхней палубе «Титана» в сопровождении Ма и Георга Гофмана. Все приложили особые старания, чтобы одеться понаряднее. Сегодня они собирались почтить память Па Солта, рассказывая любимые истории из своего детства.

– О, мои милые! – проворковала Ма. – Вы все выглядите замечательно. Теперь мы так редко встречаемся, и сегодняшний вечер будет драгоценным, невзирая на обстоятельства.

– Я хочу знать, Ма, – твердо сказала Стар, – ты в конце концов помирилась со своим отцом?

– Да, солнышко, – с улыбкой кивнула Марина. – Твой отец и, конечно же, Георг поспособствовали нашему воссоединению. Атлас отвез меня в Америку, и мой отец встретил меня в аэропорту. Он ужасно нервничал. Насколько ты помнишь из дневника, моя мать Жизель была подобна природной стихии. Но мы провели замечательную неделю в Детройте и потом посещали друг друга как минимум раз в год до его смерти в восемьдесят седьмом году. Я произнесла речь на его похоронах.

– Это великолепно, – сказала Стар. – Уверена, он бы гордился тобой.

– Надеюсь, *chérie*. Я сожалею лишь о том, что не познакомилась со своей бабушкой Эвелин.

– Судя по дневнику, она была прекрасной женщиной, Ма, – сказала Электра.

– Она ухаживала за Па Солтом, как за родным сыном, – добавила Майя.

– Да, он всегда с любовью вспоминал о ней, – продолжала Ма. – Поэтому в определенном смысле я тоже знала ее. Мы зажигаем свечу в каждую годовщину ее смерти.

Майя прилагала немалые усилия, демонстрируя собравшимся за столом, что знакомство сестер с ее прошлым не затрагивает ее чувства. Она вела беседу и с веселым возбуждением отвечала на любые вопросы.

– Честно говоря, меня гораздо больше беспокоит проект «Атлас» Зеда Эсзу, – сказала она. – Он приобретает всемирную известность.

– Этот ублюдок всегда стремится приобрести власть над нами? – желчно осведомилась Электра. – Что за скотина! – Она кротко посмотрела на Марину. – Прошу прощения, Ма.

– Думаю, *chérie*, в данном случае я могу только согласиться с тобой.

– Было странно читать насчет его матери, – задумчиво сказала Тигги. – Помню, Зед говорил, что она была гораздо моложе его отца. И что она умерла, когда он был подростком.

– Мне он говорил то же самое, – согласилась Майя.

Марина вздохнула и пожала плечами.

– Похоже, это обычные фантазии, но в этом его трудно винить. Смерть матери – это всегда болезненное событие, а с таким мерзким отцом... Неудивительно, что он тосковал по более молодой мамочке, которая была бы рядом с ним, когда он приближался к переходному возрасту.

– Георг, можем ли мы что-то сделать с Зедом по юридической линии? – спросила Тигги. – Я понимаю, что нельзя запатентовать человеческое имя, но можем ли мы как-то доказать, что это было злонамеренное деяние? Как вы думаете?

Георг молчал, опустив голову.

– Георг?

– А? – рассеянно отозвался он. – Извините, Тигги, я заблудился в воспоминаниях.

– У меня есть вопрос, Георг, – сказала Стар, – но я немного нервничаю насчет ответа.

– Без проблем, Стар. Спрашивайте, пожалуйста.

– Когда меня удочерили, Па Солт не знал о моей биологической матери? О Сильвии, которая оставила меня?

Георг покачал головой.

– Конечно же, нет, Стар. Служба безопасности Букингемского дворца сообщила Руперту, что Патриция Браун доставила ребенка в сиротский приют. Тот факт, что вы ей не дочь, а внучка, стал очевидным только после того, как вы расследовали обстоятельства своего прошлого. Ваш отец понятия не имел об этом.

– Ладно, я просто хотела убедиться, – с явным облегчением сказала Стар.

– Возможно, твое волшебное удочерение отчасти утратило бы свой блеск, если бы Атлас знал о твоей любящей матери, которая не захотела бы отдавать тебя, – заметил Маус. Стар пронзительно воззрилась на него, и он съежился.

– Думаю, у меня есть сходный вопрос, – сказала Сиси.

– Задавайте, прошу вас.

– Па Солт оставил свои координаты в больнице Брума? То есть если бы Сара и Фрэнсис вдруг объявились там, они смогли бы выйти на связь?

– Совершенно верно. Я даже звонил туда в течение нескольких лет и проверял, не наводил ли кто-нибудь справки о вас.

– Приятно слышать это, – сказала Сиси. – Спасибо, Георг.

– А как насчет моей бабушки Стеллы? – поинтересовалась Электра. – Я знаю, что она встречалась с папой. В сущности, он рассказал ее часть истории.

– Да, тут вы правы, Электра. Мы с коллегами узнали, что Сесили стала учительницей в гарлемской школе, учрежденной с конкретной целью – направлять неимущих чернокожих детей в престижные колледжи «Лиги Плюща». Как вы можете понять, тогда она была единственной белой учительницей. Она была знаменитой. Люди на самом деле долго вспоминали о ней.

– Не сомневаюсь.

– В конце концов нам удалось выйти на связь с Розалиндой, подругой Сесили, которая оказалась *юридически* зарегистрирована как мать Стеллы. Это она рассказала нам о вашей матери. Колумбийский университет, организация по защите гражданских прав, карьера в ООН... и дочь, Роза.

– Моя мать, – уточнила Электра для остальных.

– Да. Ваш отец сказал Розалинде о визитной карточке, которую они нашли вместе с ребенком в приюте Матери Хейл. Розалинда не могла поверить в это. Она сказала, что Сесили много лет хранила эту карточку как счастливый талисман и передала ее Стелле, когда та вернулась из Африки. Должно быть, Стелла отдала ее Розе.

– У меня голова идет кругом от этих хитросплетений! – хмыкнула Крисси.

– Да, это настоящее кино! – выдохнула Мэри-Кэт и отпила глоток розового вина.

– Когда мы спросили, что случилось с Розой, Розалинда подтвердила смерть Розы от передозировки наркотиков. – При этих словах Электра уставилась в пол, и Тигги обняла сестру. – У меня есть доверенные люди в Нью-Йорке, которые занялись расследованием. Они нашли...

– Кокаиновый притон, – вставила Электра, избавив Георга от неловкости.

– Да. Роза часто посещала это место. Нам сказали, что кто-то унес вас, когда вы начали плакать, чтобы не привлекать внимание полиции. По-видимому, в последний момент ваша мать сунула визитную карточку Па Солта тому, кто забрал вас, а тот человек оставил карточку в корзинке возле сиротского приюта. Если подумать, эта визитка спасла вас.

Все ненадолго замолчали, размышляя о мучительном выборе Розы. Тишину нарушил старший стюард, который появился в салоне и спросил, может ли его команда унести тарелки после ужина.

– Да, благодарю вас, – ответила Ма.

Пока со стола убирали лучшую столовую посуду на «Титане», Майя заметила, как рука Джека тайком передвинулась на колено Алли под скатертью. Майя поймала взгляд сестры и вопросительно изогнула брови. Румянец на щеках Алли подтвердил ее подозрение, и Майя улыбнулась про себя.

– Кто-нибудь хочет еще вина? – поинтересовался Чарли, и некоторые согласно закивали. – Отлично, я разолью остатки красного. Не возражаете, если я попрошу вас подать белое вино, Майлз?

Тот начал подниматься, но Чарли замахал руками.

– Извините, я забыл, что вы не пьете. Флориано, может быть, вы...

Майлз поднял руку, останавливая его.

– Не беспокойтесь, док. Мой статус трезвенника не воспрещает наливать вино другим людям.

Чарли нервозно рассмеялся. Когда мужчины начали обходить вокруг стола с бутылками в руках, Сиси нахмурилась.

– Вам не кажется, что дневниковые записи как-то странно обрываются?

Сестры выразили общее согласие.

– Да, – сказала Стар. – Георг, почему дневник заканчивается в девяносто третьем году?

Георг заметно смутился.

– Ваш отец намеревался оставить подробное описание о том, как каждая из вас появилась в его жизни. И, конечно же, объяснение некоторых странных и необычных обстоятельств вашего взросления.

– Выпьем же за это! – Сиси подняла заново наполненный бокал.

– Вам известно, что случилось с алмазом? – спросила Тигги. – В первой половине дневника есть много упоминаний о нем. Но после того, как Па Солт поселился в Атлантиде, он перестал писать об этом.

– Дельное замечание, Тигс, – сказала Электра. – Алмаз вернулся к Эсзу?

– Ваш отец был очень скрытен насчет местонахождения этого камня, даже со мной. Он не любил говорить об этом и рассматривал алмаз как символ того, что он потерял в своей жизни. Что же касается нынешнего местонахождения... – Георг пожал плечами.

– Может быть, Па просто... бросил его в океан? – предположила Стар, потягивавшая белое вино.

Собравшиеся за столом снова замолчали, каждый член большой семьи Деплеси делал свои выводы насчет судьбы таинственной драгоценности. Наконец слово взяла Мерри.

– Он продолжил поиски моей матери после девяносто третьего года? – спросила она. – Он продолжал путешествовать, когда вы давали ему путеводные нити, Георг?

– Да, Мерри. Он никогда не останавливался, пока в середине двухтысячных годов его здоровье не пошатнулось, и он больше не смог совершать так много перелетов. То, что вы сидите здесь сегодня, результат его неустанных трудов.

– И все же ему так и не удалось найти Элле? – спросила Майя.

Георг тяжело сглотнул.

– Ваш отец так и не нашел ее.

Мерри глубоко вздохнула.

– Хотелось бы знать, что с ней случилось.

– Я до сих пор не понимаю, каким образом вы нашли координаты, которые привели нас к Мерри, – задумчиво сказала Сиси. – Одно не вяжется с другим. Год назад вы должны были получить какую-то новую информацию, которая позволила выгравировать еще одну надпись на армиллярной сфере.

– Да, это правда, – кивнул Георг.

Стар подалась вперед.

– Тогда не томите нас дальше, Георг. Что это за информация?

Нотариус помедлил и воспользовался моментом, чтобы вытереть лоб носовым платком.

– Это имело какое-то отношение к Зеду? – настойчиво спросила Майя. – Ведь координаты указывали на дом, которым владела его семья.

– Нет, это не имело ничего общего с Зедом. Девочки... – Георг набрал в грудь воздуха. – Уверен, что есть лучший способ сделать это, но прямо сейчас я немного не готов. Как известно, дневник вашего отца был завершен в девяносто третьем году. Он больше не делал дневниковых записей, в основном потому, что его жизнь стала тихой и размеренной. Я искренне верю, что последние двадцать лет его жизни были самыми счастливыми.

– Здесь есть какое-то «но»? – спросила Электра.

– После первой встречи с лечащим врачом, когда Атлас узнал, что его здоровье пошатнулось, я спросил, не хочет ли он записать историю своего детства, до парижского периода. – Георг сделал паузу, чтобы выпить воды. – Он сказал, что много раз обдумывал такую возможность, но воспоминания о России причиняют ему слишком сильную боль. Тем не менее он сделал так, чтобы я был готов заполнить пробелы и ответить на ваши вопросы.

– Это хорошо, поскольку мне до сих пор кажется, что мы многого не знаем, – грустно сказала Стар. – Мы даже не имеем понятия о том, что произошло между Кригом и Па Солтом в их детские годы.

Электра сложила руки на груди.

– Ну, Георг, расскажите нам о России.

– Это определенно входило в мои намерения. Но выходит так, что он может рассказать вам об этом своими словами.

Георг встал и быстро удалился в салон. Майя повернулась к Алли:

– Ты понимаешь, что происходит? Недавно мы с Мерри видели, как ты надела на Георга в коридоре.

– После того как мы увидели Зеда в телевизоре, я обратила внимание, что Георг открепил спасательный плот на палубе, – решительно ответила Алли. – Короче говоря, я потребовала ответить, почему он это сделал.

– погоди, так ты поэтому захотела, чтобы мы закончили читать дневник до сегодняшнего ужина? – спросила Электра.

Алли кивнула. Георг вернулся с пачкой бумажных листов, которые он стал поровну распределять между сестрами.

– Что это? – спросила Тигги. – Дополнительные страницы дневника?

– Не совсем так, – сказала Алли.

Стар изучала записи.

– Обратите внимание на папин почерк, совсем не такой четкий, как раньше. После долгих плаваний под парусом у него развился кистевой артрит, поэтому... должно быть, он не так давно сделал эти записи. Я права, Георг?

Нотариус кивнул.

– Когда он это написал? – спросила Мерри. – Незадолго до смерти?

Георг не ответил на вопрос. Вместо этого он с явным усилием овладел собой и постарался отделить чувства от долга.

– Сейчас вы видите подлинную историю последних дней жизни вашего отца и то, как они были связаны с его детством. Должен предупредить, что как только вы приступите к чтению, вы столкнетесь с информацией, которая будет *сильно отличаться* от того, что вам рассказывали мы с Мариной.

– Ма? – с тревогой произнесла Тигги.

– Пожалуйста, *chérie*, послушай Георга.

– Вы должны понимать, что мы с Ма никогда не собирались обманывать вас. Все, что мы делали в прошлом году, было задумано вашим отцом, а я и Марина просто выполняли его план.

– О боже! – простонала Электра.

За столом воцарилось почти физически ощутимое напряжение.

– Вы читали его дневник и знаете, что мы с Мариной всем обязаны ему, – решительно продолжал Георг. – Он вселил в нас... – Георг на мгновение замялся. – ...непоколебимую преданность. И, как вы вскоре узнаете, все наши дела были продиктованы желанием обеспечить вашу безопасность – тогда и сейчас.

– Один поворот за другим, – прошептала Майя, качая головой.

– Знаю, знаю, *chérie*, – сказала Ма со слезами на глазах. – Но ничего не поделаешь. В этих страницах заключена высшая правда.

Георг шумно выдохнул.

– Должен сказать, что ваш отец строго запретил показывать вам эти последние страницы до... особенного момента... но после недавнего разговора с Алли я решил, что это будет правильно.

Стар выглядела сильно расстроенной.

– Георг... что нам предстоит узнать? – спросила она, но тот лишь покачал головой. – Алли?

– Я еще не читала эти страницы, только получила общие сведения от Георга, – ответила она, и Джек демонстративно приобнял ее, как будто защищая от дальнейших расспросов.

Георг сцепил руки за спиной и заговорил:

– Теперь вам известно, что после восьмидесяти пяти у вашего отца начались проблемы с сердцем, тогда вы большей частью не догадывались об этом. Меньше всего ему хотелось причинять вам душевную боль. – Присутствующие замерли, жадно ловя каждое слово. – После знакомства с дневником вы знаете, что Криг Эсзу представлял долгосрочную угрозу нашему благополучию... – Он покачал головой. – И похоже, что эта угроза передалась в следующее поколение. Когда ваш отец понял, что ему остается недолго и что он больше не может лично защитить вас, он придумал план спасения своих дочерей от будущих преследований со стороны как самого Крига, так и его сына Зеда.

– В чем состоял этот план, Георг? – нервно спросила Тигги.

– Он решил встретиться с Кригом лицом к лицу.

– О господи, – пробормотала Мерри.

– Они умерли в один и тот же день... – выдохнула Майя. – Алли, кажется, ты говорила о сообщении, что «Олимпия» находилась поблизости в тот день, когда ты видела «Титан»?

Алли кивнула.

– Значит, он умер не в Атлантиде, как сказал Георг? – в замешательстве спросила Сиси.

– Нет, Сиси, не в Атлантиде.

– Черт побери, Георг! – выкрикнула Электра. – Полагаю, Ма тоже знала об этом? Как вы могли так обмануть нас?

– Понимаю, это обидно, – сказала Алли, – но вы не должны их винить. История гораздо сложнее.

– Криг убил его? – воскликнула Сиси. – Или *он* убил Крига? О боже!

– Пожалуйста, девочки, – попросил Георг. – Вы должны прочитать сами.

– Мы не можем просто сидеть здесь и читать про себя, это нелепо! – заявила Сиси. Она повернулась к сестре. – Стар, ты сможешь прочитать нам эти страницы? Как ты это делала для меня?

– Э-э... все согласны?

Остальные дружно выразили свое согласие. Было видно, что Стар сильно нервничает, принимая на себя такую ответственность. Маус мягко похлопал ее по спине, она сглотнула и сделала глубокий вдох.

– Ну, хорошо.

– Девочки, вы не возражаете, если ваши супруги и близкие останутся здесь? – осведомилась Крисси. – Или нам лучше временно смотаться куда-нибудь?

– Нет, пусть все останутся, – сказала Майя, выделив взглядом Джека и Мэри-Кэт. – Все здесь, так или иначе, причастны к этой истории. Думаю, всем нам важно понять ее концовку.

– Согласна, – сказала Алли и прислонилась к плечу Джека, но остальные даже не обратили внимания на такое откровенное проявление близости.

– Прежде чем мы начнем, – сказала Электра. – Майлз, сделай одолжение и принеси снизу несколько бутылок вина.

– Мне бы не помешал джин с тоником, – заметила Тигги. – Думаю, Па Солт согласился бы с таким выбором.

– И мне тоже, – добавила Сиси.

– Звучит неплохо, – кивнула Стар.

– Ладно. – Маус поднялся из-за стола. – Я смешаю джин с тоником, сделаю покрепче. Пошли, Майлз!

Семь сестер готовились к предстоящему чтению. Каждая из них имела свои подозрения насчет обстоятельств смерти их отца. Мог ли человек, который так любил своих дочерей, лишиться их возможности как следует попрощаться с ним? Это казалось бессмысленным.

Когда напитки были расставлены и все снова заняли свои места за столом, Стар откашлялась.

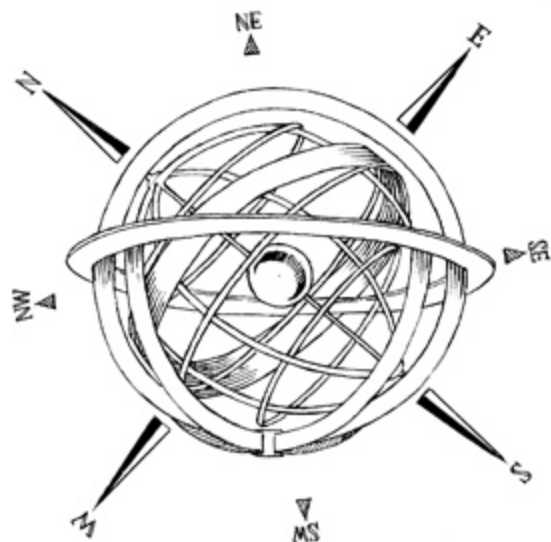
– Мы готовы?

– Да, Стар, – ответила Алли. – Мы все готовы.

Стар переключила внимание на листы бумаги, лежавшие перед ней.

– Итак, приступим. «Мои дорогие, драгоценные девочки...»

Последние страницы дневника Па Солта

«Титан»

Июнь 2007 года

Мои дорогие, драгоценные девочки. Если вы читаете эти строки, значит, Георг исполнил свой долг. Теперь вам известно, что меня больше нет, и вы готовы узнать подробности моего расставания с этим миром. Не сомневайтесь, что я буду присматривать за вами из следующей жизни, в которую я верю всем сердцем.

Если Георг последовал моим указаниям, то каждая из вас недавно совершила удивительное путешествие, выясняя события из прошлого и обстоятельства вашего удочерения. Думаю, что отчасти это был болезненный процесс, но надеюсь, что он доставил вам много радостных моментов. Несомненно, теперь вы уже ознакомились с моим дневником и закрыли все пробелы в историях о том, как мы

встретились и собрались вместе. Все ваши биологические семьи очень дороги мне, и я обязан им своим становлением.

Хочу быть откровенным с вами. Нижеследующие страницы не являются частью моего первоначального замысла. Как я надеюсь объяснить, предсказанные мною события пошли не так, как я ожидал. Совсем не так.

Из моего дневника вам известно, что всю жизнь меня обременяло одно роковое обстоятельство. Криг Эсзу верит, что я, Атлас Танит, убил его мать и украл у нее драгоценный алмаз, когда мы голодали в Сибири в 1920-х годах. Поэтому он преследовал меня на протяжении всей жизни.

Осенью 2005 года я пережил небольшой сердечный приступ, но не захотел излишне тревожить вас этим событием. Однако после обследования в женевской клинике мне сообщили, что самый важный орган начинает отказывать и что, хотя это врачи не могли сказать с уверенностью, мне очень повезет, если я преодолею девяностолетний рубеж. Эта новость не стала обескураживающей для меня. Я прожил долгую, очень долгую жизнь, более долгую, чем рассчитывал. Для меня было величайшей радостью наблюдать, как каждая из вас взрослеет и становится самостоятельной; я благодарю мои счастливые звезды за то время, которое мне было позволено прожить на земле.

Тем не менее новость об ухудшении моего здоровья подтолкнула меня к безотлагательным действиям. Я беспокоился, что без моего оберегающего присутствия вы окажетесь беззащитными перед гонениями либо со стороны Крига Эсзу, либо со стороны его сына Зеда. Поэтому вместе с Георгом и Ма (дружба и работа с ними была честью для меня) я придумал сценарий, который, по моему мнению, должен был помешать Кригу и его сыну снова омрачить вашу жизнь.

Как вы можете догадаться, для Крига Эсзу справедливость прежде всего означает возмездие. Это месть за поступок, которого я не совершал, как было сказано уже неоднократно. Тем не менее мой расчет состоял в том, что если я позволю Кригу осуществить возмездие, к которому он стремился семьдесят лет, то, возможно, мы заключим сделку, которая будет гарантировать, что вас оставят в покое. Весной 2007 года я связался с Эсзу, направив письмо в «Лайтинг Коммуникейшенс». В этом письме я рассказал ему о моем сожалении

из-за всего, что произошло между нами, и предложил дать ему возможность «все исправить».

Меня не удивило, что через двадцать четыре часа Георгу позвонил личный секретарь Крига, и было определено место для нашей встречи: уединенная бухта у побережья Делоса в Эгейском море.

С целью защитить вас от ужасной правды и пребывая в уверенности, что я, так или иначе, отправляюсь на смерть, я распорядился передать вам, что у меня случился еще один сердечный приступ, на этот раз смертельный. Я попросил Ма сообщить вам, что мое тело было сразу же помещено в свинцовый гроб, перевезенный на борт «Титана», где состоялась закрытая похоронная церемония.

Без сомнения, эта часть моего плана была наиболее трудновыполнимой. Я сознаю, какую боль и смятение принесет вам ложное объявление о моей смерти, и глубоко сожалею об этом, как и о многом другом. Но надеюсь, вы сможете понять: это единственное, что я мог придумать, чтобы вы не узнали о моей гибели от рук Крига Эсзу.

Девятнадцатого июня я принял командование «Титаном» у капитана Ганса Гайи в порту Ниццы и сказал, что он должен забрать яхту из укромной бухты у берегов Делоса через четыре дня. Ганс всемерно отговаривал меня из-за опасности и даже законодательного запрета на управление яхтой в одиночку, но я стоял на своем. Будучи владельцем, я временно отправил на берег всех механиков и членов команды.

Несмотря ни на что, мой круиз к Делосу прошел тихо и мирно, наполненный воспоминаниями о нашей с вами жизни. Могу вас заверить, что я пребывал в безмятежном настроении, хотя и был убежден в том, что это мое последнее путешествие.

На третий день плавания я аккуратно направил «Титан» в условленную бухту и увидел, что «Олимпия» уже ждет меня. На ее носу стояла одинокая фигура. Я выровнял яхту так, что мы встали борт к борту, опустил якорь и вышел на капитанский мостик.

Лицо человека, стоявшего напротив меня, долгие годы являлось мне в кошмарах. Я видел это лицо в худший день моей жизни в Сибири, в лейпцигском кафе и перед магазином «Артур Морстон Букс». Некоторое время мы молчали, глядя друг на друга и гадая, что будет дальше.

– Здравствуй, Криг.

– Здравствуй, Атлас. Я очень долго ждал встречи с тобой.

– Знаю. Можно подняться на борт?

Криг улыбнулся и выдвинул металлический трап со своей палубы.

– Спасибо. – Я осторожно забрался на трап и перешел с «Титана» на «Олимпию».

– Вижу, ты уже не такой проворный, как раньше, – ухмыльнулся Криг.

– Я и раньше не отличался проворством. Помню, ты всегда обыгрывал меня, когда мы играли в футбол на снегу.

– Это было неизбежно, – прокашлял он. – Ты слишком много зарывался в свои книги.

Я спустился на палубу.

– Наверное, так. Можно спросить, мы здесь одни?

Криг кивнул.

– Да. – Он медленно завел руку за спину. Я знал, что сейчас произойдет. Эсу извлек маленький пистолет и направил ствол мне в живот. – Узнаешь это, Атлас?

Я покачал головой и спокойно ответил:

– Боюсь, что нет.

– Это пистолет Коровина.

Я вскинул брови.

– Ну да, конечно. Первый советский автоматический пистолет, если я не ошибаюсь? Все охранники носили их, когда мы были детьми. И большевики тоже.

– Рад, что твоя память в целостности и сохранности. – Криг медленно подходил ко мне, пока между нами не осталось лишь несколько дюймов. Он направил ствол мне под ложечку. – Я сохранил эту игрушку, снял ее с тела мертвого солдата. Носил ее при себе все это время в надежде на нашу встречу.

– Хочешь ли ты узнать правду, прежде чем убьешь меня, Криг?

– Правду? – передразнил Криг и разразился гортанным хохотом. – Какое интересное слово. Не волнуйся, Атлас. Я так долго ждал не ради того, чтобы застрелить тебя на месте. А теперь повернись. – Я подчинился. – И подними руки.

– Как хочешь, Криг.

Он прижал ствол пистолета к моей пояснице.

– Мы пойдем на заднюю палубу, где я приготовил стол и два стула для нашей последней беседы.

Мы медленно прошли по палубе «Олимпии» и достигли кормы. Возле стола красного дерева стояли два обеденных стула.

– Садись.

Я подтянул к себе ближайший стул, и Криг сделал то же самое. По-прежнему крепко сжимая пистолет, он положил руку на стол, так что ствол теперь был направлен мне в грудь.

– У тебя очень красивая яхта, Криг.

– Но не такая роскошная, как у тебя, – бросил он.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Его взгляд был полон ненависти. Я попытался успокоить его:

– Итак, я сижу здесь без оружия, я столько лет спасался бегством от тебя. Я ожидаю, что ты осуществишь свое так называемое справедливое возмездие. Но прошу об одном, Криг: после моей смерти ты будешь считать, что наша вражда закончена. А также прошу тебя и твоего сына оставить в покое моих дорогих дочерей.

Криг снова улыбнулся, на этот раз продемонстрировав оскал своих белоснежных протезов.

– Для меня, Атлас, все закончилось много лет назад.

– Вот как?

Эсзу пожал плечами.

– Полагаешь, я не мог в любой момент за последние сорок лет появиться у твоей двери? Атлантис. Личное поместье, названное с характерной помпезностью.

– Ты все это время знал, где я находился?

– Разумеется. С семидесятых годов.

– Тогда почему ты не пришел?

Криг снова ухмыльнулся.

– Всему свое время.

– Поэтому ты используешь своего сына для охоты за моими дочерьми?

– Твои девочки определенно имеют... некоторую привлекательность для него. – Криг покачал оружием. – Так что ты хотел сказать мне перед смертью?

Я пожал плечами.

– Уже не знаю, есть ли в этом какой-то смысл. Я сказал тебе правду восемьдесят лет назад, когда мы стояли над телом твоей матери.

Криг стиснул зубы и прищурился.

– Мы были братьями, Криг. Тогда ты не поверил мне, так почему ты можешь поверить сейчас?

– Чему тут *верить*, Атлас? Я никогда не забуду, как ты стоял над ней с ее любимой иконой в руке, покрытой кровью. Ты забил ее до смерти этой иконой. А кожаный кошель с алмазом, который ты повесил на шею, подтверждал твои намерения.

Я содрогнулся от этого воспоминания.

– Тогда я рассказал тебе, что случилось.

Криг гневно сдвинул брови и засопел.

– Ты сказал, что моя мать была проституткой...

– Нет, Криг. Тебе хорошо известно, что она спала с командиром Красной Армии ради нашего пропитания.

Криг проигнорировал мои слова, отказываясь от собственных воспоминаний.

– Что там было дальше? Как-то вечером она выпила и рассказала этому командиру об алмазе?

– Да, это правда. А потом он убил ее ради добычи.

– Лживая басенка. Ты убил мою мать, чтобы украсть алмаз.

– Нет. Клянусь, я даже не знал про этот камень. Я только слышал, как она говорила, что у нее есть нечто очень ценное. Она просила командира продать алмаз и обещала поделиться с ним, лишь бы мы не голодали. Ты помнишь, какими голодными мы были? И как холодно...

– Ты вечно подслушивал у дверей, словно невидимая тень...

– Нет, я этого не делал! Ты знаешь, что у меня острый слух. Когда ты крепко спал на полу рядом со мной, я услышал, как тот командир прокрался в дом, и...

– ХВАТИТ! – хрипло завопил Криг и треснул кулаком по столу.

– Просто послушай. Той ночью я попытался доказать тебе, что твоя мать поняла свою ошибку и попросила меня отнести «ценную вещь» ее родственнику в Тобольске для сохранения. Чтобы если бы большевики стали обыскивать дом, то не нашли бы ничего ценного. У меня было письмо, написанное твоей матерью, которое я должен был

передать ее родственнику. Но когда ты увидел сцену убийства, то даже не стал читать письмо.

– В этом не было надобности, – отрезал Криг.

– Ты скомкал письмо и запихал его мне в рот...

– Ты *лгал* ради спасения собственной шкуры. Ты *знал* об алмазе! Только не рассказывай, будто ты не знал! Ты хотел заполучить этот камень, поэтому подождал, когда она окажется беззащитной, а потом...

Его голос задрожал, глаза наполнились слезами.

– До той ночи я ничего не знал об алмазе, поэтому убежал из дома, когда ты попытался убить меня, – твердо сказал я. – Но какое это имеет значение теперь? Ты никогда не верил мне на слово. Так что прошу тебя осуществить возмездие, о котором ты так долго мечтал.

Криг тяжело задышал. Не сводя с меня глаз, он запустил свободную руку в карман и достал таблетку. Потом проглотил ее без воды и поморщился.

– Уверен, что ты слышал мой диагноз. О нем говорили в новостях.

Я кивнул.

– Да, я слышал и сожалею об этом. Рак – самая жестокая болезнь.

Он пожал плечами.

– Это ничто по сравнению с тем, что ты отнял у меня.

Я вздохнул.

– Клянусь, я ничего у тебя не отнимал. Но если ты имеешь в виду, что я никогда не знал материнской любви, то ты прав.

Криг ослабился.

– Превосходная мысль, Атлас. Ты убил не только мою мать; несколькими годами раньше ты убил *собственную* мать!

Его слова острой болью отдались в моем теле.

– Знаю, – ответил я. – Я часто думал об этом и желал, чтобы Вселенная забрала меня, а не ее в день моего рождения.

Он откинулся на спинку стула, явно наслаждаясь моей болью.

– По иронии судьбы, ты не остался бы в живых, если бы не моя мать. Она принимала роды.

– Это мне тоже известно. Она много раз рассказывала об этом, и, надеюсь, я смог отплатить ей своей порядочностью, особенно после ухода моего отца.

Криг сверлил меня взглядом.

– Письмо, о котором ты говорил. Письмо моей матери. Очень жаль, что ты не сохранил его, Атлас.

– Оно у меня.

– Что?

– Я хранил его. Хочешь прочитать? – Криг задумчиво кивнул. – Можно мне сунуть руку в карман?

– Только медленно.

Я осторожно вынул письмо из кармана брюк и положил его на стол.

– Вот оно. Все такое же помятое и с отметинами от зубов после той страшной ночи.

Криг уставился на конверт.

– Оно адресовано Густаву Мелину.

– Это кузен твоей матери, – сказал я.

– Открой его, Атлас. Если ты думаешь, что я отложу пистолет, то заблуждаешься.

– Как хочешь.

Я взял конверт и аккуратно извлек старый листок пожелтевшей бумаги, а потом пододвинул его ближе к Кригу. Он прочитал письмо.

«Дорогой Густав!

Надеюсь, у вас с Аленой все по-прежнему хорошо. Сожалею, что не писала вам так часто, как хотелось бы. После смерти Крона наступили тяжелые времена.

Как вам известно, большевики пристально следят за нами. Поэтому, если не возражаешь, я прошу тебя оказать мне услугу.

Если ты читаешь это письмо, то, значит, юный Атлас стоит перед тобой. Он надежный гонец и имеет при себе невероятно ценную посылку.

Густав, ты единственный близкий родственник, который у меня остался. Я прошу тебя сохранить посылку в надежном месте, пока тревожения не улягутся и мы больше не будем находиться под бдительным надзором.

Я прошу тебя не разворачивать посылку. Если ты сделаешь это, у тебя может возникнуть желание продать этот предмет или присвоить его себе. Пожалуйста, Густав, какой бы соблазн ты ни испытывал, помни о том, что на моем попечении находятся два

голодающих мальчика. Когда появится возможность, я сама продам этот предмет и вознагражу тебя щедрыми комиссионными.

Я вынуждена просить тебя об этом, так как совершила ошибку. Я сообщила командиру большевиков о существовании этого предмета. Теперь я боюсь, что они придут с обыском.

Пожалуйста, подтверди Атласу свое согласие, и тогда он передаст посылку.

Спасибо тебе, Густав. Я верю, что ты окажешься честным и верным человеком.

*С любовью,
Рея Эсзу».*

– Ты узнаешь почерк своей матери? – спросил я, когда Криг закончил чтение.

Он кивнул.

– Да, я не сомневаюсь, что это ее рука. Но это никоим образом не оправдывает тебя и ничего не меняет.

– Надеюсь, это объясняет события того дня. Утром твоя мать вручила мне письмо, а потом отдала кожаный кошель, который повесила мне на шею. Клянусь, Криг, я не знал, что лежит внутри.

– Чушь собачья! С какой стати моя мать доверила тебе такую важную задачу? Недавно ты признал, что я был физически сильнее тебя. К тому же я был ее родным сыном!

– Именно поэтому она выбрала меня. Нужно было пройти больше двадцати миль в мороз и пургу. Не было никакой гарантии, что я вообще выживу. Она защищала тебя.

Криг недоверчиво прищурился.

– Удобное оправдание.

– Всего лишь правда. Насколько я помню, в те дни ты вообще редко бывал дома и брал частные уроки у старого учителя в соседнем поселке. Такое было возможно только для одного из нас, и если это не убеждает тебя, что твоя мать ставила твои интересы превыше всего, то не знаю, что тебе еще нужно.

Он слегка шевельнул стволом пистолета.

– Продолжай свой рассказ.

Я тяжело сглотнул.

– Я помню, как открыл входную дверь, чтобы отправиться в путь. Ветер практически заталкивал меня обратно, но я выбрался наружу и за собой закрыл дверь. Когда я отошел примерно на тридцать футов, то увидел их.

– Кого?

– Солдат. Большевиков. Их было пятеро, и я понимал, что это не предвещает ничего хорошего. Я испугался... поэтому побежал в угольный сарай и спрятался там. Они подходили к дому, и я увидел, что их возглавляет тот человек, который спал с твоей матерью. Они принялись стучать в дверь, но твоя мать не открыла. Тогда они отстрелили засов и вломились в дом. Я слышал ее крик... – Мне пришлось на мгновение замолчать и собраться с духом, когда эти крики снова зазвучали в моей памяти. – Они разграбили дом. Они били вазы и лампы, ломали кровати... ты помнишь, как выглядело это побоище.

Криг немного помолчал, прежде чем ответить:

– Да, я помню.

– Мне казалось, что обыск продолжался очень долго, но они не нашли того, что искали, поскольку... ты сам знаешь. Когда они поняли, что поиски бесполезны, то разозлились. Они стали кричать на своего вожака, называть его лжецом и всячески проклинать за то, что он привел их туда. Это заставило его обратить злость на твою мать. Она яростно утверждала, что ничего не знает, но это не убедило его. Я слышал ее мольбы. Она говорила, что у нее маленький сын, который останется сиротой... – Пока я пересказывал эти события, у меня на глаза навернулись слезы. – Последовал ряд глухих ударов, и крики твоей матери становились все тише, пока не наступила тишина. Потом они просто ушли, вернулись в метель, откуда пришли. – Я собрался с духом, не желая упускать никаких подробностей. – Через некоторое время я набрался храбрости и вылез из сарая. Я был так напуган... Потом я зашел внутрь и увидел, что они натворили. Разрушили наш дом. Я звал твою мать, но уже понимал, что она не ответит на мои крики. Я нашел ее рядом с окровавленной иконой, которую царевич подарил твоему отцу за верную службу. Они избивали ее этой иконой, конечно же, в знак своей ненависти к царю и к его соратникам.

Криг побарабанил пальцами по столу.

– Ты держал икону в руке, когда я вошел в комнату.

– Да. Я лишь подобрал ее, чтобы отнести подальше от тела. И это все, клянусь жизнью моих дочерей.

Криг впервые отвернулся от меня и посмотрел на воду залива.

– Когда я подошел к дому, то сразу понял – что-то стряслось, потому что дверь была распахнута. Я прокрался внутрь как можно тише, не зная, кто может оказаться внутри. Но там был только ты. – Он повернулся и посмотрел мне в глаза. – Ты помнишь, что тогда сказал мне, Атлас?

Я с трудом сглотнул.

– «Мне жаль», – прошептал я.

– Не думаю, что ты сожалел о содеянном. Думаю, ты жалел, что тебя застигли с поличным.

– Ты сразу же набросился на меня, Криг. Я хорошо помню, как ты вырывал икону у меня из рук. Ты был очень силен.

– Но ты уцепился за нее...

– ...И ты повалил меня на пол.

Криг облизнулся при этом воспоминании.

– Ворот твоей рубашки разодрался, и тогда я увидел кожаный кошелек. Мать всегда носила его на шее. Тогда я понял, что ты сделал, убийца и вор!

– Разница в том, Криг, что ты знал о содержимом кошелька, а я нет.

– Это ты так говоришь, Атлас. Да, я знал об алмазе. И я слышал, как моя мать говорила о нем в более определенном смысле, чем твои рассказы. Это был мой шанс на выезд. Мой спасательный круг, мой билет на свободу. А ты отобрал его у меня... ты все отнял.

Криг медленно покачал головой.

– Тогда я полез в карман и замахал письмом у тебя перед лицом. А ты постарался задушить меня этой бумагой.

– У меня почти получилось.

– Да, если бы я не схватился за икону...

– И не напал на меня.

– И не *защитил* себя. Иначе я бы давно умер.

Криг оцетинился, как подросток.

– Скоро мы это исправим, Атлас.

– Мы знаем, что случилось потом. Пока ты шатался по комнате, я выбежал на мороз. Но я уже был одет для долгого пути. – Я пожал

плечами. – Правда, тогда я не знал, насколько долгим он будет...

– Когда я пришел в себя, то выбежал за дверь.

– Я помню твои слова, с тех пор они не покидали меня.

– «Я найду тебя, Атлас Танит, где бы ты ни прятался, – повторил Криг. – И я убью тебя».

Я кивнул.

– Я бежал так долго, как только мог, чтобы оказаться как можно дальше от тебя. В конце концов я упал без сил в старом амбаре. – Воспоминания были настолько яркими, что я заново переживал каждый болезненный момент. – Я был вне себя от страха, Криг. У меня никого не осталось. Поэтому я решил сделать единственное, что пришло мне в голову: попробовать найти своего отца.

Криг погладил подбородок.

– Я рассчитывал на это. Хотя надеялся, что сибирская зима приберет тебя... но ты выжил. Понятия не имею, каким образом. – Он вопросительно взглянул на меня.

– Я тоже не знаю, Криг. Мое путешествие по России заняло полтора года. Я знал, что Швейцария лежит к западу от Тобольска, и шел, шел, шел туда.

– Откуда ты знал, куда идти?

Я указал на небо.

– Звезды. Мой отец научил меня ориентироваться по ним.

Криг недовольно фыркнул.

– Все это очень мило, но как ты спасался от голода и холода?

Я прикрыл глаза.

– Я верил, что звезды оберегают меня. Каждый раз, когда у меня больше не было сил, я находил пустую избушку или какой-нибудь добрый человек решал сжалиться надо мной. Но, увы, я был вынужден совершать такие дела, которыми нельзя гордиться.

– Ты крал?

Я кивнул.

– Да, я крал. Я лгал. Я обманывал людей. Но я выжил.

Криг окинул меня пристальным взглядом.

– Едва ли можно поверить, что восьмилетний мальчик смог пережить полтора года скитаний в российской глуши.

Я развел руками, и Криг машинально вскинул руку с пистолетом.

– Мне довелось пережить такие моменты, которые убедили меня, что физическая сторона нашего бытия – лишь часть общего. Не могу объяснить, как это получилось, но я выжил.

Криг хмыкнул, недовольный моим ответом.

– В итоге я умудрился обойти Швейцарию стороной. Мой путь завершился под кустом в парижском саду, где я свалился без сил.

Криг продолжал гнуть свое:

– Итак, ты пытался отыскать своего отца, чтобы отдать ему алмаз. Твой папаша знал об этом камне и велел тебе украсть его! Вы все обговорили заранее.

– Не буду винить тебя, Криг, но ты глух к голосу рассудка. Клянусь жизнью моих дочерей, я ничего не знал об алмазе, пока не оказался в угольном сарае и не заглянул в кошелек, полученный от твоей матери. И даже тогда я подумал, что это оникс или другой полудрагоценный камень, потому что твоя мать намазала его черной сапожной ваксой и обваляла в клее, которым пользовалась для резьбы по кости. Только когда он прилип к моим пальцам и я почистил его ветошью, я увидел скрытое внутри. Вот оно.

Я медленно расстегнул две верхние пуговицы рубашки и снял с шеи потертый кожаный кошелек.

– Что это?

– А как ты думаешь, Криг? Лучше бы ты дал мне шанс вернуть его восемьдесят лет назад, но ты решил убить меня, а я не хотел умирать. Ни тогда, ни потом, когда ты настигал меня, и мне снова приходилось бежать, спасая свою жизнь. В Лейпциге, где ты поджег дом, в котором я жил, или в лондонском книжном магазине... Тем не менее я берег алмаз все эти годы. Я надеялся, что если дело дойдет до крайности, то я смогу вернуть его тебе в обмен на жизнь и безопасность моих дочерей.

Криг взял кошелек и попытался развязать ремешки одной рукой, но это оказалось невозможно.

– Нет надобности держать меня под прицелом, Криг. Мне восемьдесят девять лет, и я не смогу убежать, даже если захочу. Вспомни, что я добровольно явился сюда.

Криг немного подумал и аккуратно положил оружие на стол. Потом развязал кошелек и достал содержимое. Он внимательно осмотрел алмаз и начал обчищать сапожную ваксу об колено своих

брюк. Потом он поднял камень на свет, и тот заиграл ослепительными бликами под лучами средиземноморского солнца.

Криг выглядел не на шутку озадаченным.

– Почему ты не продал его?

– Он не мой, чтобы его продавать.

– Значит, ты признаешь, что украл его!

– Нет. Я признаю, что временно присвоил его в силу непреодолимых обстоятельств.

Криг выдержал паузу, и я впервые заметил, как по его загорелому лицу пробежала тень сомнения.

– Итак, ты сохранил алмаз. Но ты никогда не вернешь мою мать.

– Нет, брат, я не могу этого сделать. Но скажи, пожалуйста, зачем мне было ее убивать, если не ради алмаза? Она была всем, что мы имели. Поверь, что я любил ее так же, как и ты.

Криг поката алмаз на ладони.

– Ты больше любил вкусно пожрать.

Я уронил голову на руки.

– Кто вообще может доказать свою любовь к другому человеку? Она существует в душе и основана на доверии. Если бы ты доверял мне так, как я полагал, то знал бы, что я никогда не стал бы поднимать руку на нее.

– Красивые слова, Атлас. Ты всегда знал в этом толк.

– Слова или не слова, но я вернул тебе алмаз. – Я закрыл глаза. Свежий морской воздух с солоноватым привкусом наполнял мои легкие, и я ощущал на лице солнечное тепло. Я непроизвольно потянулся, и на меня снизошло небесное спокойствие. – Криг... мировое бремя больше не лежит у меня на плечах. Я благодарен тебе за возможность рассказать правду обо всем, что случилось тогда, и не важно, веришь ты мне или нет. Теперь... я свободен. Бери пистолет, брат. Я сдался и готов умереть.

Эсзу помедлил с ответом.

– Ты хочешь еще о чем-нибудь попросить перед уходом?

Я немного подумал.

– Вообще-то да. Ты заиклился на идее, что я знал о существовании алмаза. Только что ты заявил, что мой отец якобы взял меня в сообщники. Криг, он не делал этого. Прошу тебя, объясни, что ты имел в виду.

Эсзу кивнул.

– Как пожелаешь, Атлас. Ты рассказал мне свою историю, а я расскажу свою. Давай начнем с твоего рождения.

Сибирь. Тюмень, 1918 год

Царствование Николая II было омрачено растущим недовольством среди его подданных, которое он не смог смягчить или подавить. Причиной гнева в основном стало распределение земель, большей частью которых владели аристократы.

Глубоко верующие русские люди еженедельно ходили в церковь, где им внушали, что Николай является богоизбранным самодержцем. Но по мере того как пропитание становилось все более скудным, прихожане постепенно начали задаваться вопросом, почему монарх сосредоточил вокруг себя так много власти и богатства, когда их семьи голодают и бедствуют. Революционное движение начало набирать обороты. Кульминация произошла в феврале 1917 года, когда после многодневных протестов и жестоких столкновений Николай II был вынужден отречься от престола. Он передал царские полномочия своему брату, великому князю Михаилу Александровичу. Но тот хорошо понимал, куда ветер дует, и отказался от восхождения на трон, заявив, что сделает это лишь при всеобщем народном одобрении.

Было сформировано Временное правительство во главе с Александром Керенским. Первоначальным решением проблемы отныне бесполезной монархии было изгнание, и после февраля перспективы выглядели многообещающе. Но после долгих дебатов Британия и Франция отозвали свои предложения об убежище, поскольку Александра, жена Николая, считалась настроенной в пользу Германии.

Дискуссии о судьбе царской семьи продолжали бушевать, но во время правления Керенского Романовы оставались в относительной безопасности. После революции семью перевезли в резиденцию тобольского губернатора, где им позволили расположиться с комфортом и получать значительное содержание от Временного

правительства. Несколько человек из царской прислуги тоже получили разрешение переехать в Тобольск вместе с Романовыми; царь и царица выбрали для сопровождения наиболее доверенных спутников.

Через несколько месяцев разразилась Октябрьская революция. Люди были недовольны продолжавшимся участием России в Первой мировой войне и жесткой манерой управления Керенского. Большевики свергли Временное правительство и пришли к власти. Они поставили во главе своего легендарного вождя Владимира Ленина.

Положение царской семьи заметно ухудшилось, когда большевики устроили горячие споры о ее судьбе. Некоторые выступали за экстрадицию, другие ратовали за пожизненное заключение. Многие призывали к публичной казни для устранения того, что они называли «раковой опухолью», препятствовавшей идее равенства и братства для жителей России.

Когда Ленин пришел к власти, то количество времени, которое Романовым разрешалось находиться за пределами губернаторского дома, было строго ограничено. Членам семьи даже запретили ходить в церковь по воскресеньям. Не стоит и говорить, что содержание, выделенное правительством Керенского, было жестко урезано, и такие «роскошества», как кофе и сливочное масло, быстро исчезли из рациона.

Партийные руководители в итоге сошлись на необходимости показательного суда над Николаем II в Москве, чтобы большевики смогли продемонстрировать свою непреклонную власть. Но для этого царь был нужен им живым.

Никаких гарантий не существовало. Среди нижних чинов возрастало недовольство предполагаемой участью царя, и в марте 1918 года соперничающая большевистская группировка захватила Тобольск. Опасения за безопасность царской семьи резко усилились, и правительство назначило комиссара по особым поручениям, который должен был переправить семью на 350 километров западнее, в город Екатеринбург.

Комиссар Василий Яковлев и его люди решили начать опасное путешествие глухой ночью. Николая, Александру и их старшую дочь Ольгу вытащили из кроватей в два часа ночи вместе с несколькими членами царской свиты. Небольшому отряду пришлось пересекать

реки, менять экипажи и спастись от нескольких покушений. Через 150 миль рискованного странствия царская семья вместе с сопровождающими прибыла в Тюмень, где Яковлев реквизирует поезд для ускоренной доставки царской семьи в Екатеринбург.

– Вы подниметесь в вагон, – резко обратился он к бывшему царю.

– Хорошо, – ответил Николай и взял Ольгу за руку. Александра последовала за ними.

Япет Танит, личный астролог царя и учитель царевича и его сестер, обвинил рукой талию своей жены Климены, камер-фрейлины царицы. Климена была на последнем месяце беременности, и Япет всю дорогу переживал за ее благополучие. Тем не менее у них не было иного выбора. Если бы они остались в Тобольске, то красногвардейцы расправились бы с ними.

Климена последовала за Александрой, но скривилась от боли на втором шагу. Япет крепче прижал ее к себе.

– Как ты, милая?

– Нормально, – выдохнула она. – Сегодня он сильно толкается.

– О, мы уже говорим о нем в мужском роде? – Япет вымученно улыбнулся.

– Стоять! – рявкнул Яковлев, когда они подошли к поезду. – Сюда допущены только члены семьи.

– А нам что делать? – спросил Япет.

– Вы поедете в этом вагоне. – Яковлев указал на отдельный вагон, не прицепленный к локомотиву.

– Но... Его Величество знает об этом?

Яковлев рассмеялся.

– Не имеет значения, что он знает. А теперь садитесь в тот вагон. – Он выразительно махнул пистолетом.

– Разве необходимо направлять оружие на беременную женщину? – твердо спросил Япет.

– Разумеется. Как и вы, она служит гнусному узурпатору.

Чья-то рука легла Япету на плечо.

– Пойдем, дружище.

Крон Эсзу был прусским графом и верным членом царской свиты еще со времен восхождения на престол отца Николая II. Он отвечал за обучение царских детей иностранным языкам и зарубежной культуре. Поскольку Япет был учителем музыки и античной литературы, их

уроки часто имели общие аспекты, поэтому Крон и Япет крепко сдружились за прошедшие годы. Крон был женат на Рее, еще одной камеристке Александры, и у них был четырехлетний сын по имени Криг.

Ходили слухи, что Николай II далеко не так расположен к Крону, как его отец, но после революции Крона оставили в ближайшем окружении царя из-за маленького сына, которому царь не хотел подписывать смертный приговор.

– Ты прав, Крон, – ответил Япет. – Разве у нас есть выбор?

Он помог своей жене подняться в соседний вагон, где было темно, сыро и неудобно. Япет принял Крига из рук Крона и поднял его внутрь.

– Ну вот, малыш. – Япет обвел взглядом вагон. – Боже правый, но здесь *холодно*, правда?

– Да, – отозвалась Климена. – Почему-то внутри еще холоднее, чем снаружи.

В вагон загнали семерых членов царской свиты, включая портниху Александры и еще двух камеристок. Когда последний человек забрался внутрь, охранник захлопнул дверь.

– Поехали! – крикнул Яковлев где-то снаружи.

Паровоз зашипел и выпустил клубы дыма. Таниты и Эсуз видели через окно вагона, как большие колеса пришли в движение и состав с Романовыми отправился из Тюмени.

– Думаешь, они на самом деле едут в Екатеринбург? – спросила Рея.

– Кто знает, дорогая, – ответил Крон. – Они слишком заняты междоусобными ссорами и стычками.

– Мы увидим их снова, Япет? – обратилась Климена к своему мужу. В ее глазах блестели слезы.

– Боюсь, что нет, милая. – Он взял жену за руку.

– Но как же бедные, невинные дети, Япет? Я не могу этого понять.

Внезапно люди в вагоне попадали друг на друга после мощного толчка сзади.

– Они переводят нас на запасной путь! – крикнул Крон.

После нескольких минут тяжкого ожидания вагон уперся в буфер, и дверь распахнул солдат в папахе.

– Вы останетесь здесь, – сказал он.

– Можно добыть немного еды для моей жены? – спросил Япет. – Или одеяло? Как видите, она беременна. Вам может не нравиться наша связь с царской семьей, но еще не рожденный ребенок ни в чем не виноват.

Солдат хмыкнул, но вскоре вернулся с грубыми шерстяными накидками и краюхой хлеба.

– Спасибо, – искренне сказал Япет.

Через несколько часов, в течение которых большевики с дальнейшими разъяснениями так и не появились, пассажиры решили немного поспать. Все были изнурены после долгого путешествия. Они собрались в углу вагона и тесно прижались друг к другу, чтобы поделиться малой толикой физического тепла, которая у них оставалась.

Вскоре супруги Эсзу начали похрапывать.

– Япет, ты не спишь? – прошептала Климена.

– Нет, любимая. – Он нашарил ее руку. – У тебя все хорошо?

– Да, но я должна кое-что сказать тебе. Как думаешь, все остальные спят?

Япет изогнул шею, чтобы посмотреть на Крона и Рею, чье ровное дыхание не оставляло сомнений. Для проверки он тихо свистнул, но это не вызвало никакой реакции.

– Да, можешь говорить свободно.

– Хорошо. Той ночью, когда мы уехали из Тобольска, царица кое о чем попросила меня. Теперь я боюсь, что не смогу выполнить ее задание.

– Расскажи.

Климена набрала в грудь побольше воздуха.

– Она знала, что Яковлев собирался той ночью отправить нас в путь. Я спросила, хочет ли она взять с собой какое-либо напоминание о ее прошлом, о ее царственном положении. Она подошла к комоду, достала из ящика маленькую шкатулку и отперла ее. А потом... – Ее слова были прерваны тяжкими вздохами Крона, который снова захрапел через несколько секунд. – ...потом она вынула оттуда самый большой алмаз, какой мне приходилось видеть. Она сказала, что эта драгоценность передавалась в ее семье из поколения в поколение и что это ее любимый камень. Она добавила, что не может взять его с собой,

так как, по всей вероятности, тогда он попадет в руки большевиков. Поэтому она...

– Отдала его тебе, – закончил Япет.

– Да.

– Где он теперь?

– Зашил под подкладку моей юбки.

Япет вздохнул.

– Молюсь о том, чтобы у нас появилась возможность вернуть его царице.

– Никто больше не знает о нем.

– Понимаю, любимая. – Он крепче сжал ее руку. – И никто не узнает.

В конце концов усталость одолела супругов, и Япет с Клименой погрузились в сон.

Когда Климена проснулась, ее живот пронзила острая боль, как будто кто-то получил доступ к ее внутренностям и принялся раздирать их на части. Она закричала от боли, и Япет тут же проснулся.

– Дорогая, что стряслось?

– Ребенок... – простонала Климена.

Он положил руку ей на живот.

– Все в порядке?

– Не знаю. Очень больно... – Ее пронзил еще один резкий спазм, и она не смогла сдержать крик.

– Что происходит? – спросил Крон, едва проморгавшись от сна.

– Ребенок, – коротко ответил Япет, заметивший, что юбка его жены увлажнилась внизу. – Любимая, мне кажется, что у тебя начинаются роды.

Климена в панике посмотрела на него.

– Но роды ожидались только в следующем месяце!

– Думаю, у тебя отошли воды. Крон, ты не принесешь масляную лампу?

– Конечно, уже иду.

Теперь все обитатели вагона проснулись и сидели вокруг. Климена снова пронзительно вскрикнула.

– Все будет в порядке, любимая, – утешил Япет. – Я здесь, я рядом.

Крон вернулся с лампой в руках и передал ее Япету, а потом стал обшаривать карманы в поисках спичек. Когда Япет обратил внимание на одеяло Климены, то, к своему ужасу, увидел не прозрачную, а красную жидкость.

Климена заметила ужас, проступивший на лице мужа.

– Что случилось?

– Ничего, ничего, моя милая, – поспешно отозвался Япет.

– Рея! – воскликнул Крон.

Его жена отбросила одеяло и подошла к Климене. Япет указал на кровь, и Рея кивнула.

– Вера, Галина! – крикнула она другим камеристкам. – Нужна ваша помощь!

Обе женщины повиновались беспрекословно.

– Мама, что происходит? – раздался тоненький голос.

– Все в порядке, Криг, – сказал Крон и взял сына на руки. – Ты немного посидишь со мной, а потом мы поиграем в карты.

– Я еще не проснулся, – проворчал Криг.

– Знаю. Но скоро ты проснешься.

– Япет, собери как можно больше одеял. Нам нужно остановить кровотечение. Вера, мне понадобится вода.

– Но нам почти нечего пить...

– Черт побери, Вера, ты не видишь, что тут творится? – рявкнула Рея. – Хотя бы растопи немного снега!

Женщина выбежала из вагона. Рея запустила руку под юбку Климены, нащупывая признаки наступающих родов. То, что она обнаружила, встревожило ее.

– Климена, все будет хорошо. Твой ребенок скоро появится на свет, но у него неправильное положение. Он выйдет ножками вперед. – Рея глубоко вздохнула. – Это будет нелегко, но мы все будем помогать тебе.

– Поэтому столько крови? – обеспокоенно спросила Галина.

Рея кивнула.

– Ноги ребенка разрывают ее мягкие ткани.

Япет вернулся с охапкой одеял.

– Что еще я могу сделать? – спросил он.

Рея повернула голову так, чтобы только он мог слышать ее.

– Держите ее за руку. Гладьте по голове. И молитесь.

Япет кивнул и занял место рядом с женой.

Роды были долгими и мучительными. Рея несколько раз была уверена, что Климена потеряет сознание, что означало смерть для нее и ребенка. Но, несмотря ни на что, когда заканчивались последние силы, будущая мать находила в себе мужество пробовать снова и снова.

– Хорошо, Климена. Нужно еще раз потужиться, и ребенок выйдет. Но это должно быть мощное усилие. Собери все силы, которые у тебя остались.

Климена кивнула, часто дыша.

– Хорошо. – Рея повернулась к Япету: – Когда появится головка, пуповина будет обвита вокруг шеи. Когда я вытащу ребенка, действуйте как можно быстрее и распутайте ее. Все ясно? – Она подождала, пока тот кивнул, дрожа от волнения. – Тогда мы готовы. Давай, Климена, ты готова?

– Да, – выдавила она.

– Раз, два, три, толкай!

Крики Климены пронзали душу ее мужа. Ребенок внезапно вылетел вперед, но Рея умело подхватила его. Япет находился в ступоре, глядя на серо-синего младенца, только что вышедшего в большой мир.

– Япет, давайте же! – крикнула Рея. Япет без промедления подхватил волокнистый шнур, обвитый вокруг шеи ребенка. – Только без церемоний. Распутайте его, быстрее!

Япет механически подчинился ее призыву и освободил ребенка.

– Почему он... не кричит? – прошептала Климена.

Япет и Рея посмотрели на тельце малыша, так и не сделавшего свой первый вдох.

– О боже, пожалуйста. Только не это, – прошептал Япет.

Рея ухватила ребенка за ногу, как новорожденного теленка, и звонко шлепнула его по заднице. Малыш вдруг ожил, и, когда над Тюменью забрезжил рассвет, его крики уже разносились за пределами вагона.

Рея передала ребенка Климене.

– Ну, вот и он. Ты молодец, Климена. Ты держалась превосходно.

Климена посмотрела на новорожденное дитя, потом на мужа.

– Здравствуй, малыш.

– Ты знала, что будет мальчик, Климена, – сказал Япет. Его глаза наполнились слезами. – Я очень горжусь тобой.

Жена улыбнулась ему точно так же, как в тот день, когда их взгляды впервые встретились в Александровском дворце.

– Ты тоже был неплох. Без тебя я бы не выдержала.

– Ты произвела на свет маленькое чудо.

– *Мы* произвели.

– Нет. Он прекрасен, потому что ты его родила.

К ним подошел Крон, укачивавший на руках Крига.

– Поздравляю, друзья мои. Чем дольше мы живем в этом вагоне, тем веселее. И еще хорошая новость, Япет... – Он указал на вагонный буфет. – Наши соотечественники не подвели нас: там есть бутылка контрабандной водки. Давай выпьем за твоего малыша!

– Ничего подобного, Крон Эсзу! – прикрикнула Рея. – Неси бутылку сюда, нам нужно стерилизовать раны Климены.

– Ну да, Япет, все одно к одному, – хохотнул Крон. – Однако стоило попытаться.

Когда солнце вошло над Сибирью, в вагоне наступила глубокая тишина. Все, кроме новых родителей, попадали от изнеможения, а младенец с довольным видом сосал грудь Климены.

– Такой бойкий, – прошептал Япет.

– Просто голодный, – улыбнулась Климена.

– Я понимаю, что было не время для обсуждения имени, поскольку мы не знали, что может случиться завтра, – сказал Япет. – Но теперь, когда он с нами, как мы назовем его?

– Разве ты не обещал своей матери, что назовешь первенца в ее честь? – хихикнула Климена.

– Правда, так оно и было. Но не думаю, что наш сын похож на *Агату*.

– Август? – предложила Климена.

– Чуть помпезно, тебе не кажется? – отозвался Япет. – Август Танит... нет, не думаю.

Он изогнул шею, словно пытался выглянуть наружу.

– Славно, если его имя будет начинаться с буквы «а». Алексей? Или Александр, в честь царя?

Япет взглянул на жену.

– Ты что, желаешь ему смерти?

Климена покачала головой.

– Просто шучу, мой дорогой. – Она внезапно скривилась. – Ох!

– В чем дело?

– Мне так больно... – Климена запустила руку под юбку и потрогала себя. Когда она вытащила руку, ее пальцы были в крови.

У Япета вытянулось лицо.

– Кровотечение так и не прекратилось...

– Да. – Климена тяжело сглотнула.

– Что мне делать, Климена?

Она посмотрела мужу в глаза и нежно погладила его по щеке.

– Я люблю тебя, Япет. Люблю всем сердцем. Это единственное, в чем я была совершенно уверена в своей жизни.

– И я тебя люблю, Климена.

– Но теперь я устала, – добавила она. – Так... устала.

Климена закрыла глаза, и муж принялся гладить ее по голове.

– Отдохни, моя дорогая. Мы вместе, и наш ребенок в безопасности.

Вскоре после этого мать, отец и младенец спокойно заснули.

Они проснулись от крика: «Встать!» Люди заморгали, когда яркий свет ударил им в глаза, но потом увидели большевика, размахивавшего винтовкой. Они подчинились приказу; все, кроме Климены, которая была смертельно бледной.

– Дорогая? – произнес Япет. Климена тихо застонала.

– Я приказываю: встать, именем Революции!

Новорожденный младенец расплакался.

– Прошу вас, моей жене совсем плохо, – сказал Япет. – Она родила прошлой ночью. Если у вас есть хотя бы капля сочувствия, позовите врача.

Охранник медленно подошел к нему.

– Сочувствие? Где было царское сочувствие, когда люди умирали с голоду на полях? – прошипел он сквозь зубы. – Она. Должна.

Встать.

– Я... хорошо, – выдохнула Климена. – Япет, возьми ребенка.

Муж принял новорожденного на руки, а Рея Эсзу помогла ей встать.

– У меня есть список имен, – сообщил охранник. – Нижеследующие лица должны пойти со мной: Вера Орлова, Галина

Николаева, Климена Танит.

– Что вы собираетесь делать с камер-фрейлинами? – спросил Крон. – Они воссоединятся с царицей?

Охранник расплылся в медленной улыбке.

– Ну, можно сказать и так.

Вера и Галина обнялись и заплакали. По телу Япета как будто пробежал электрический разряд.

– Товарищ, я объяснил, что моя жена родила ребенка только вчера ночью. Новорожденному нужна мать.

Охранник посмотрел на Климену и кивнул.

– Ребенок может отправиться вместе с матерью.

– Нет! – выкрикнула Климена. – Нет!

Япет опустил на колени.

– Пожалуйста, разрешите ей остаться. Какой вред мы можем причинить, сидя в железнодорожном вагоне? Умоляю вас, позвольте нам сохранить семью.

– Ваш драгоценный Николай не беспокоился о судьбах простых семей, и я тоже не буду. Она пойдет с остальными.

– Возьмите меня вместо нее.

Охранник хрипло загоготал.

– Нет, так не пойдет. Мужики будут очень недовольны.

Мышца на щеке Япета непроизвольно задергалась.

– Пожалуйста. Она больна.

– Вы видите мое лицо? – тихо спросил охранник. – Посмотрите хорошенько; это лицо человека, которому наплевать на вас. – Он направился к выходу. – У вас есть простой выбор. Либо вы пойдете со мной, либо вас расстреляют.

Япет поднялся на ноги и обнял Климену. Слезы нескончаемым потоком текли из его глаз.

– Климена...

– Все хорошо, Япет, – прошептала она. – Все будет хорошо.

– Нет, не будет, – прорыдал он. – Мы с тобой столько прошли вместе, любимая... Так много... – Он крепко прижал ее к себе.

– Мы оба понимаем, что в этом мире мне осталось недолго. Кровотечение не остановить.

– Если бы мы могли показать тебя доктору...

– На это столько же шансов, как и на то, что наш ребенок сегодня встанет и начнет ходить. Для этих людей мы являемся воплощением всего, что они ненавидят. – Собрав остатки сил, она обхватила руками голову мужа и поцеловала его. – Теперь мне пора идти, Япет. Будь храбрым, ради нашего ребенка.

– Хорошо, – прошептал Япет.

– Защищай его.

– Обязательно. Я люблю тебя, Климена.

– И я люблю тебя, Япет. Ну, мой маленький... – Климена обратилась к своему ребенку. – Мы совсем недолго знали друг друга, и мне очень жаль нас обоих. Твоя мама любит тебя больше всего на свете. – Единственная слезинка упала на щеку ее сына. – У меня есть время только для одного урока. Будь добрым, малыш; это секрет счастья.

Климена Танит нежно поцеловала головку ребенка. Потом глубоко вздохнула и побрела к выходу. Ее и двух других женщин вывели на обочину и усадили в конный экипаж. Япет смотрел на это, держа своего сына на руках, и безутешно плакал. Кучер хлестнул жеребца, и коляска покатила прочь, унося Климену и двух других девушек в неведомую даль.

Япет посмотрел на сына, агукавшего у него на руках.

– Прости, сынок. Прости! – Тут малыш открыл глаза, похожие на два колодца темно-карего цвета. – Ты будешь держать на плечах бремя всего мира, мой мальчик. Я назову тебя Атласом.

В тот день супруги Эсзу делали все возможное, чтобы успокоить безутешного Япета, который погружался в бездну отчаяния.

– Как я буду кормить Атласа? Боже мой, я не могу потерять и его!

– Вчера я видела коз с козлятами, – сказала Рея. – Они паслись в одной-двух милях от нас. Крон приведет сюда козу; ее молока будет достаточно.

– Куда они все ушли, папа? – спросил Криг.

– Решили немного прогуляться, вот и все. Мы с тобой скоро тоже пойдем гулять и подружимся с козой.

Япет взял друга за руку.

– Крон, это опасно. Я не знаю, куда направились охранники, но если они заметят тебя...

– Тогда они заметят, – мягко ответил Крон. – Но твоему ребенку нужно питание, Япет, как и всем нам. Мы понятия не имеем, как долго нас продержат здесь. Есть то, что необходимо делать.

– По крайней мере, давай я пойду с тобой, – попросил Япет.

– Ты сам сказал: если меня заметят, то, скорее всего, застрелят. Маленький Атлас не может потерять обоих родителей за один день. – Он утешительно похлопал Япета по плечу. – Со мной все будет в порядке. А теперь помоги мне разодрать одеяло. Мне понадобится привязь для козы.

Верный своему слову, Крон вернулся через два часа не только с козой-кормилицей, но еще с козлом и козлятами.

– Эта семья не захотела жить в разлуке, – с добродушным смешком пояснил он.

Рея подоила козу и показала Япету кропотливый процесс кормления Атласа, нужно было окунать палец в молоко и помещать его в рот сына.

К концу дня бедная коза была выдоена досуха, а пятеро обитателей вагона смогли временно утолить свой голод. Когда солнце склонилось к горизонту, снаружи донесся стук копыт.

– Они возвращаются, – сказала Рея и крепко прижала к себе Крига.

Вскоре дверь вагона распахнулась, и появился солдат, которого они раньше не видели.

– Вы можете уходить, – объявил он.

Наступила ошеломленная тишина.

– Прошу прощения? – произнес Крон.

– Вы нас не интересуете. Можете идти.

– Можно спросить, что изменилось? – озадаченно поинтересовался Крон.

Солдат вздохнул.

– Белогвардейцы выслали подкрепления, они хотят выбить нас из этого района. Вы – наименьшая из наших проблем.

– Куда вы предлагаете нам идти? – спросила Рея. – Вы забрали наши документы.

– Это ваше дело. – Он пожал плечами и повернулся, собираясь уходить.

– Минутку, – окликнул Япет. – Возобновится ли движение поездов по этой линии? Имеет ли нам смысл идти на вокзал?

– Транссибирская железная дорога была реквизирована белогвардейцами. Как вы думаете, откуда они посылают подкрепления? Они едут сюда, пока мы тут болтаем.

– Пожалуйста, скажите, где моя жена? – умоляюще произнес Япет.

Солдат молча посмотрел на него, потом повернулся и ушел.

– Поверить не могу, – прошептал Крон. – Кажется, они сами не знают, кто здесь командует.

– Что нам делать? – спросила Рея.

– Думаю, у нас нет выбора, – ответил Крон. – Без официальных документов нам грозит беда. Белые будут думать, что мы красные, и наоборот.

– Думаю, они хотят, чтобы мы оставались здесь, – рассудил Япет. – В этом есть смысл; они знают, что нам некуда податься.

– Боюсь, что ты прав, Япет, – сказал Крон. – Нужно поблагодарить небо за коз, и... – он подошел к буфету и достал бутылку, – ...и за водку.

Следующий месяц был очень тяжелым, но появился заведенный распорядок. Козу доили по утрам, потом Крон выходил на охоту. Хотя ему редко выпадала удача, иногда в его ловушки попадал кролик или какой-нибудь грызун, обитатели вагона поглощали любое мясо. Япет даже смог добыть топливо из брошенной дрезины, поэтому обогрев не представлял трудностей.

Примерно через четыре недели красногвардеец постучался в дверь вагона и протянул Крону какие-то документы.

– Что это? – спросил тот.

– Документы.

Изумленный Крон перелистал бумаги.

– Здесь только один набор документов. Разве они не нужны для каждого из нас?

– Один комплект на пятерых. – Солдат пожал плечами. – Вам лучше держаться вместе.

Он ушел так же поспешно, как и появился. Вечером все стали обсуждать, что делать дальше.

– Это специально так сделано, – сказал Япет. – Они хотят, чтобы мы оставались вместе, чтобы за нами было легче следить.

Крон кивнул.

– Куда мы отправимся?

– В Тобольск, – вздохнул Япет. – Это ближайший городок.

– И что будет, когда мы доберемся туда? – спросила Рея. – Это может показаться странным, но здесь у нас есть хотя бы простая еда и кров над головой.

– В Тобольске у нас появятся лучшие возможности. У нас появится шанс на заработок. Что касается жилья, мы согласимся на любые условия.

Как и можно было ожидать, путешествие в Тобольск оказалось ужасающим. Пятеро обитателей вагона закутались в одеяла, и Япет умудрился изготовить нечто вроде самодельной перевязи для Атласа, которого носил под меховой шубой. Крон взял с собой козу-кормилицу, которую доили несколько раз в день ради пропитания ребенка. Увы, козла и козлят пришлось принести в жертву, чтобы обеспечить остальных едой для путешествия. Через неделю продвижения через сугробы усталые путники на закате оказались в пригороде Тобольска.

– Ищите дома, где в окнах нет света, – посоветовал Япет.

После многочасовых поисков они обнаружили ветхую постройку, явно необитаемую. Назвать этот дом нуждающимся в ремонте было бы явным преувеличением: разбитые окна, выкрошенные кирпичи и взломанная дверь.

Но все-таки это было какое-то убежище.

В следующие несколько недель мужчины постепенно навели порядок, заколотили окна и вставили дверь. Потом их внимание переключилось на заработки. После того, как Япет с Кроном больше часа препирались насчет того, к кому можно обратиться в городе, Рея предложила иное решение.

– Вы знаете, что я одаренная резчица по кости. Мы попробуем продавать мои работы на рынке, – предложила она. – Хотя я сомневаюсь, что моржовые клыки будет легко добыть.

– Это правда, – признал Япет. – Ты можешь работать с крупными оленьими костями? В лесу их полно.

– И с енотовидными собаками, – добавил Крон. – Черепа подойдут?

Рея кивнула, и все трое невольно задумались о том, какой путь они прошли от тронного зала в Александровском дворце до поиска костей животных ради выживания.

Крон и Япет принялись охотиться на животных, с костями которых работала Рея, что обеспечивало не только материал, но и пропитание. Когда очередная порция резных фигурок бывала готова, импровизированная семья отправлялась на тобольский воскресный рынок для продажи своих товаров. Как-то в выходной день на площади играл скрипач. Япет около часа наблюдал, остро тоскуя о своей прежней жизни. Скрипач был талантливым, но неправильно держал инструмент, и это раздражало бывшего учителя. Набравшись смелости, Япет подошел к одинокому артисту.

– Прошу прощения, – сказал он. – Вы весьма одаренный исполнитель, но, если приподнять локоть, вам будет гораздо проще играть. Можно?

Музыкант недоверчиво позволил Япету поправить его стойку, потом заиграл снова.

– Правда, так гораздо лучше. Спасибо.

– Не за что. – Япет улыбнулся в ответ и повернулся к своему лотку.

– Вы даете уроки? – спросил скрипач. – Я не настолько самонадеян, чтобы считать себя виртуозом.

– Когда-то давал, – вздохнул Япет. – Я был учителем музыки, но это осталось в прошлом.

– Очень жаль. – Скрипач пожал плечами. – Мне бы не помешало поучиться у вас. Я не могу много платить, но предлагаю треть от своего заработка в выходные дни.

Япет широко улыбнулся, впервые за несколько месяцев.

Через две-три недели слухи о мастерстве Япета распространились по Тобольску. Он стал давать уроки музыки всем, кто мог платить за это. Таким образом, пятеро оставшихся членов царской свиты стали получать скудный заработок, и это продолжалось не менее пяти лет.

За это время Таниты и Эсзу постарались незаметно вписаться в местное общество. Неопределенность насчет верховной власти в стране, – а значит, и в их собственной безопасности, – преобладала над

всем остальным. Они много раз обсуждали планы бегства из России и репатриации в родные страны: Швейцария – для Танитов, Пруссия – для Эсу. Но любые варианты, которые они изобретали, были слишком опасными, особенно для двух маленьких детей.

Когда настало время, отец маленького Атласа стал учить его игре на старенькой скрипке, полученной от клиента. Мальчик проявлял зачатки огромного таланта, и Япет часто бывал растроган игрой своего сына.

– Честное слово, Рея, – сказал Япет после завершения урока, – за все годы моего учительства у меня не было ребенка, настолько одаренного от природы. Он может стать виртуозом! Климена очень гордилась бы им.

Рея хмыкнула.

– Ему бы лучше выходить с Кроном и Кригом да учиться на охотника. Вот *этот* навык для нас полезнее всего остального.

Япет постарался не принимать ее замечание близко к сердцу.

– Знаешь, я буду только рад обучать и Крига. В конце концов, Атлас ведь учит иностранные языки под руководством Крона. Наверное, нам нужно лишь подобрать нужный инструмент для Крига...

Рея закатила глаза. Действительно, несмотря на усилия Япета, Криг не выказывал интереса к музыке или к языкам. Япет полагал, что это весьма печально. Он заметил оживленный блеск в глазах Крона, когда тот сидел с Атласом и учил его основам французского, английского и немецкого языков. Но, как и сказала Рея, единственным занятием, которое Криг увлеченно разделял со своим отцом, была охота.

Почти сразу же после того как Атлас научился говорить связно, он начал задавать вопросы о своей матери. Япет страшился этого момента, но успел подготовиться к нему. Он взял сына на руки и отнес его на улицу, под усыпанное звездами ночное небо.

– Сейчас она среди звезд, Атлас.

– Почему?

– Потому что люди уходят туда, когда покидают свои тела. Они становятся... звездной пылью.

Его сын изумленно обзирал небосвод широко распахнутыми глазами.

– Я могу увидеть маму?

– Может быть, если присмотришься повнимательнее. – Япет указал вверх. – Думаю, ты сможешь увидеть ее среди Семи Сестер, звездного скопления Плеяд.

– Семи Сестер? – повторил Атлас.

– Да. Видишь эти звезды, которые немного ярче остальных? – Атлас кивнул, и его отец улыбнулся. – Давай я расскажу тебе их историю...

С этого момента Атлас Танит был зачарован небосводом и его обитателями. Его отец поделился своими обширными знаниями в области греческих мифов и легенд, посвященных этой теме, а также научил его основам астрономии.

– Ты никогда не заблудишься, пока сможешь видеть звезды, Атлас.

– Правда?

– Да. Полярная звезда движется по небольшой окружности вокруг небесного полюса. Но, поскольку она кажется неподвижной в ночном небе, ты всегда сможешь определить направление пути.

Япет познакомил своего сына со схемами созвездий и географическими картами, приобретенными у знакомых на рынке по бросовой цене. Атлас был особенно зачарован глобусом. Замечая необычно ранний интерес сына к подобным вещам, Япет старался посвящать каждую свободную минуту развитию его способностей.

Они стали заниматься еще больше в 1922 году, когда начался большой голод. Рынки опустели, и ни у кого больше не оставалось лишних денег на покупку резьбы по кости или на оплату музыкальных уроков. Домашняя обстановка становилась все более тяжелой. Крон начал слабеть, так как часто пропускал трапезы, чтобы другие могли есть побольше. Теперь основная задача по установке силков и ловушек была возложена на Крига.

Япет Танит часто думал об алмазе, зашитом его женой под подкладку юбки. Насколько иной была бы их жизнь, если бы алмаз остался у них... Единственный шанс убежать от ужасов, творившихся в России, был утрачен вместе с его женой, и теперь камень почти наверняка находился в руках большевиков.

Зимой 1923 года положение стало отчаянным. Пятилетний Атлас и девятилетний Криг быстро росли, и их организм требовал все больше еды.

– Это нестерпимо, Япет, – сказал Крон своему другу, рухнув на стул. – Мы все умрем здесь.

– Я этого не допущу, Крон. Мы слишком много вытерпели вместе.

– Нам нужен план для мальчиков. Скоро наступит день, когда мы все слишком ослабеем, чтобы кормить их. Нужно действовать сейчас.

– Что ты предлагаешь, Крон?

– Ты рассказывал мне о своей богатой семье.

– Это правда, мои родители – состоятельные люди. Но они живут в Швейцарии. Я несколько раз писал им и сообщал, что жив и что у них появился внук. Но кто знает, дошли ли эти письма до адресата?

Крон кивнул и с необычной серьезностью посмотрел на своего друга.

– Думаю, Япет... В общем, тебе нужно идти.

– Куда?

– Ты должен добраться до Швейцарии и получить помощь. Для нас это единственный способ выжить.

Япет был ошарашен таким предложением.

– Друг мой, я готов сделать что угодно, лишь бы улучшить наше положение. Но разве ты не понимаешь, что я, скорее всего, умру по пути туда?

Крон приложил руку ко лбу.

– Я признаю, что вероятность успеха... ограничена. Но мне ясно, что *все мы* погибнем, если ничего не будем предпринимать. Твой мальчик, Криг, Рея... мы должны сделать все возможное ради их спасения.

Крон посмотрел на огонь, пылавший на железной решетке.

– Разумеется, – тихо сказал Япет.

– Если бы я мог сопровождать тебя... Но мне не хватит сил.

– Знаю, я единственный, кто может предпринять такую попытку, – отозвался Япет, и его глаза наполнились слезами. – Пожалуйста, позаботься об Атласе. Он совершенно особенный ребенок.

– Мы позаботимся о нем, Япет. Мы будем оберегать его. – Крон с трудом поднялся на ноги и положил руку на плечо старого друга. – Поверь, ты еще увидишь его.

На следующее утро Япет разбудил сына с первыми лучами солнца и объяснил ему, что собирается уйти за помощью.

– Почему, папа? – спросил Атлас, испуганно глядя на него.

– Сынок... Боюсь, у меня нет выбора, уходить или оставаться. Наше положение становится невыносимым. Я должен постараться найти помощь.

Атлас разрывался между удрученностью и острой тревогой.

– Пожалуйста, папа, ты не можешь уйти! Что мы будем делать без тебя?

– Ты сильный, мой мальчик. Может быть, еще не телом, но духом. Это убережет тебя от беды, пока меня не будет.

Атлас бросился в отцовские объятия, еще не зная о том, что в последний раз ощущает их теплоту.

– Сколько времени это займет? – Он всхлипнул, не в силах удержаться от слез.

– Не знаю. Много месяцев.

– Мы не выживем без тебя.

– Тут ты ошибаешься. Если я не уйду, то вряд ли у нас останется какое-то будущее. Клянусь жизнью твоей любимой мамы, что я вернусь за тобой... Жди и молись за меня.

Мальчик робко кивнул.

– Помни слова Лао-цзы: «Если ты не изменишь направление пути, то можешь оказаться там, откуда ты вышел».

– Возвращайся, пожалуйста, – прошептал Атлас.

– Мой дорогой мальчик, я научил тебя ориентироваться по звездам. Если тебе когда-нибудь понадобится найти меня, возьми себе в проводники Семь Сестер из скопления Плеяд. Майя, Альциона, Астеропа, Келено, Тайгете и Электра защитят тебя. И, конечно же, Меропа: это особая звезда, и ты лишь иногда сможешь видеть ее. Но когда ты увидишь ее, знай, что ты находишься на пути домой.

Тобольск, 1926 год

Криг Эсзу передвинул слона на поле F3.

– Шах и мат, – объявил он и усмехнулся.

– Что? – в замешательстве произнес Атлас. – Как тебе это удалось?

– Это называется «дебют гиппопотама». Он позволяет выиграть за шесть ходов.

– Ты можешь научить меня? – умоляюще спросил Атлас.

– С чего бы я стал выдавать тебе мои секреты? – осклабился Криг. – Какой интерес играть в шахматы, если я не могу выиграть?

– Ладно тебе, Криг! Я хочу знать!

– Ну, я подумаю... Может быть, если ты порубишь дрова за меня.

– Хорошо. – Атлас вздохнул.

– Мальчики! – позвала Рея. – Максим придет сюда через полчаса. Вам нужно убрать шахматы; вы знаете, как он любит порядок.

Криг сверкнул глазами на мать.

– Что, Максим и сегодня придет? – Он делано застонал. – Похоже, он теперь всегда здесь.

– Так надо, если вы хотите есть, – еле слышно прошептала Рея.

– Что? – спросил Криг.

– Ничего. Да, Максим будет приходить, и вам лучше не попадаться ему на глаза. Криг, ты давно не посещал своего отца. Иди и отдай ему дань уважения.

Старший из мальчиков выглядел удрученным.

– Мне становится очень грустно от этого.

– Ничего, Атлас поднимет тебе настроение. Он это умеет, правда? – Рея подошла к сыну и взъерошила ему волосы. – Возьми с собой скрипку и что-нибудь сыграй, Атлас, – добавила она и отхлебнула водки из почти опустевшей бутылки.

Крон Эсзу умер примерно через четыре месяца после того, как Япет Таниг начал свое путешествие в Швейцарию. Слабый и истощенный от постоянного недоедания, он замерз в снегу, когда проверял свои ловушки на зайцев и крыс. Это Атлас нашел его. Он до сих пор помнил пронзительный вопль Крига, когда прибежал в дом и стал звать на помощь.

Что касается Япета, от него не было никаких вестей после того, как он растворился посреди метели в 1923 году. Атлас горько тосковал по нему. Хотя трое оставшихся в Сибири держались так, словно он мог вернуться в любой день, глубоко внутри они знали о том, какая участь постигла его.

Довольно скоро после смерти Крона положение семьи поправилось, поскольку Рея взяла в любовники большевика Максима,

который обеспечивал их пропитанием (хотя и скудным). Но, что для Реи было даже важнее, он приносил водку, к которой она пристрастилась за последние месяцы.

Криг и Атлас надели ботинки на меху, шарфы и перчатки и начали подъем по склону холма, где они похоронили старого Крона Эсзу. Атлас знал, насколько тяжелыми для его брата были эти визиты, поэтому каждый раз пытался завязать разговор.

– Кем ты хочешь стать, когда вырастешь, Криг? – спросил он.

Тот хмыкнул:

– Мне все равно, если у меня будет много еды и много денег. Я хочу большой дом и буфет, всегда забитый провизией.

– Это было бы здорово, – отозвался Атлас. – А мне бы, наверное, хотелось стать капитаном. Я бы ходил под парусом по всему свету.

– Мне казалось, ты хочешь стать музыкантом?

– Так и есть! – с энтузиазмом воскликнул Атлас. – Но, может быть, я стану еще и капитаном!

Криг тихо рассмеялся, чем порадовал младшего брата.

– Может быть. Говорят, что, когда «Титаник» шел ко дну, струнный квартет продолжал играть. Так что, когда твоя яхта будет тонуть, ты сыграешь для пассажиров прощальную мелодию.

– Моя яхта никогда не утонет, – гордо заявил Атлас.

– О «Титанике» говорили то же самое...

– Да, но я буду гораздо осторожнее, чем капитан Смит.

– Как скажешь, Атлас.

Мальчики продолжали идти и в конце концов приблизились к могиле Крона, которую Криг отметил большой деревяшкой, найденной неподалеку. Они немного постояли в молчании; Криг неловко переминался с ноги на ногу.

– Я никогда не знаю, что сказать, – признался он.

– Ты скучаешь по нему?

– Ну конечно, – отозвался Криг.

– Тогда скажи ему об этом, – посоветовал Атлас.

Криг откашлялся.

– Я скучаю по тебе, папа. – Он повернулся к Атласу: – Знаешь, я слышал, как ты обращался к своему отцу на улице, – тихо продолжал он. – Иногда мне кажется, будто ты разговариваешь с ним.

– Именно так.

Криг кивнул.

– Тогда ты счастливчик. Ладно, пошли отсюда.

Он начал спускаться по склону холма, и Атлас поспешил за ним.

– Я думал, ты ненавидишь Максима, – сказал Атлас.

– Так и есть, но лучше уж быть дома, чем здесь.

– Ты ведь знаешь, что твоя мать не любит его? – спросил Атлас, и

Криг пожал плечами. – Она делает это ради хлеба на столе.

– Тогда я бы предпочел, чтобы хлеб был получше, – улыбнулся Криг.

Когда мальчики вернулись домой, Максим прижимал Рею к стене и крепко целовал ее.

– Дети, я же сказала, чтобы вы погуляли на улице, – прошипела Рея, расправляя платье.

– Но мы живем здесь, – огрызнулся Криг. – Ты не можешь заставить нас уйти.

– Ты непочтительно говоришь с матерью! – сказал Максим, повернувшись к Кригу.

– Я никогда так не поступаю. Мне просто не нравится компания, которую она водит.

Максим медленно прошелся по кухне, пока не оказался лицом к лицу с Кригом.

– Скажи-ка, почему?

– Потому что эти люди похожи на свиней у поилки.

После напряженной паузы Максим запрокинул голову и рассмеялся.

– Это я свинья? Ты слышала, Рея? Твой сын назвал меня свиньей!

Внезапно Максим отвесил Кригу пощечину с такой силой, что тот упал на пол.

– Криг! – выкрикнула Рея.

– Рея, дети должны учиться вежливому разговору со взрослыми. – Он развернулся к ней. – Не так ли?

– Да, Максим. – Рея потупилась. – Криг, бери пример с Атласа. А теперь, мальчики, идите спать.

Атлас подбежал к Кригу и помог ему встать на ноги. Как ни странно, по лицу старшего брата текли слезы. До сих пор Атлас видел их лишь однажды, в день смерти Крона. Мальчики поспешно ушли в их общую комнату, которая была не более чем переоборудованной

кладовкой. Максим добыл для них старинный двуспальный матрас; теперь Криг упал на матрас и беззвучно заплакал.

Атлас присел на другом краю и обхватил руками колени.

– Как ты, Криг? Он сильно ударил тебя?

– Все в порядке, – проворчал Криг.

– Ты поступил очень храбро, – сказал Атлас. – Думаю, я еще не видел такой смелости.

Криг перевернулся на спину.

– В самом деле?

– Да. Ты назвал Максима свиньей! – с улыбкой сказал Атлас.

Криг вытер нос рукавом.

– Ну да, я это сделал, правда?

– Это было изумительно!

– Это ерунда. – Криг пожал плечами.

– Думаю, твой отец очень гордился бы тобой, – осторожно сказал Атлас.

Криг опустил глаза и какое-то время сидел тихо.

– Пожалуй, завтра я научу тебя, как разыгрывать «дебют гиппопотама», – наконец сказал он.

– Вот здорово!

– Ладно, я устал. Давай немного поспим.

Мальчики достали одеяла из закуртка за матрасом и положили головы на подушки.

Криг проснулся, у него пересохло во рту, и язык ворочался как бревно. Когда он потянулся, то вспомнил, что ничего не пил до своей шахматной партии с Атласом, и теперь его мучила жажда. Криг зевнул и решил тихо добраться до кувшина с водой на импровизированной кухне. В их крошечной комнате было темным-темно, но Криг руководствовался проблесками света из-за двери. Он встал и осторожно перелез через Атласа, постаравшись не разбудить его. Криг собирался повернуть ручку, но услышал приглушенный голос матери:

– Так ты бы продал его для меня, Максим? – У Реи сильно заплетался язык, и Криг понял, что мать сильно пьяна.

– Объясни-ка еще раз. Ты хочешь, чтобы я что-то продал? – Речь Максима тоже была немного бессвязной и замедленной. Судя по всему, оба выпили немало водки.

– Это алмаз семьи Романовых, Максим. Самый большой, какой я только видела!

– Ба! Сама продай его.

– Ты же понимаешь, что я не могу. Если я попытаюсь продать его в Тобольске, меня обвинят в связи с белогвардейцами. В городе известно о моей связи с Романовыми. Но если ты продашь камень, то они решат... что ты просто украл его.

– Скажи-ка, Рея, как тебе достался алмаз Романовых?

– Я увидела возможность и воспользовалась ею.

– Объясни.

– Когда забрали царя и царицу, нас оставили гнить в отцепленном вагоне, включая женщину на последнем сроке беременности. Той ночью у нее начались роды, и я приняла ее сына, Атласа.

Максим звучно рыгнул.

– Продолжай.

– Когда я принимала роды, то нащупала твердый комок в подкладке ее юбки. Я раскроила шов, увидела, что было внутри, и положила в карман.

– Ты украли его?

– Да, – вздохнула Рея.

– И ты не боишься последствий?

– Я живу в России и боюсь любых последствий, за что угодно. Я просто сделала то, что считала необходимым для выживания. Кроме того, у роженицы открылось сильное кровотечение. Она в любом случае должна была умереть.

– Что случилось с отцом мальчика?

– Я уже рассказывала: он ушел от нас, чтобы обратиться за помощью. Его семья живет в Швейцарии.

– Пустая затея. Он не продержался бы и трех дней в здешней глухомани.

– Я думала о том, чтобы вернуть алмаз Япету, – продолжала Рея. – Но полагала, что если Климена рассказала о нем своему мужу, то Япет должен был прийти к выводу, что алмаз сгинул вместе с ней, когда ее вывели из вагона и увезли после родов.

– Если ты вернешь камень ему, он будет знать, что ты украли его.

– Да.

– Так где он?

– Я открою этот секрет только после того, как ты согласишься продать его. Конечно, я дам тебе щедрые комиссионные. Плюс все... все, что захочешь.

– Покажи его мне.

– Максим, я не могу...

– Скажи мне, где он, Рея.

– Ты не веришь мне?

– Я просто хочу увидеть его.

– Его здесь нет.

– Нет?

– Да. Я спрятала его в надежном месте.

– Какая жалость. А мне так хотелось взглянуть на него! Ну ладно, уже поздно, и мне пора идти.

Криг услышал, как Максим поднялся на ноги.

– Максим... это останется между нами, правда? Ты больше никому не расскажешь про алмаз?

– Конечно, нет. До скорого.

Криг услышал быстрые шаги, потом звук захлопнутой двери. Раздумав пить, он вернулся в спальню. Голова шла кругом от услышанного. Он вдруг осознал, что побег от этой жизни возможен и, более того, вероятен, если его мать сказала правду. Он посмотрел на спавшего мальчика, которого считал своим младшим братом, его грудь ритмично вздымалась и опускалась.

Хотя мысли метались в голове, как крысы в затопленном подвале, было ясно одно: Атлас ни при каких обстоятельствах не должен был узнать, что сделала Рея.

*«Олимпия»,
июнь 2007 года*

Когда Криг закончил свою историю, мы оба посидели в молчании, глядя на голубое Эгейское море, тихо плескавшееся у бортов яхты.

– Отец всегда говорил, что моя мать умерла при родах, – наконец пробормотал я.

– Он лгал тебе, – заявил Криг.

– Чтобы защитить меня. – Я сглотнул комок в горле. – Ты помнишь тот момент, когда большевики забрали ее? – Он кивнул. – Она была испугана?

Криг немного помешкал.

– А ты бы не боялся на ее месте?

– Да, – прошептал я. Последовала очередная длинная пауза, и мой взгляд переместился на огромный камень, лежавший на столе. – Все эти годы я берег этот алмаз и верил, что он принадлежал Рее. Но... оказывается, он принадлежал моей матери.

– Он принадлежал *царице*.

– И был подарен. Но потом твоя мать тайком забрала его.

– А ты насильно отобрал его у нее, – отрезал Криг.

– Ты по-прежнему считаешь, будто мой отец знал, что Рея забрала алмаз у моей матери, и велел мне отобрать его обратно?!

– Да.

– Но если он знал, что Рея вырезала алмаз из юбки моей матери, то почему же он не отобрал его у нее задолго до своего ухода?

Криг нахмурился и покачал головой:

– Пустые слова. Все это было давным-давно. После той ночи, как я услышал слова матери об алмазе, я спросил ее об этом, когда ты находился за пределами слышимости. Она сказала, что хранит камень на будущее, на тот день, когда мы покинем Россию. Она не могла продать его в Тобольске. Я...

Пока он пересказывал свою историю, по его лицу несколько раз пробежала тень неуверенности.

– Криг, у меня есть просьба, – тихо сказал я. – Ты дашь мне право на последний ужин? Может быть, на борту «Титана»? Мы поедем вместе, как раньше. Я не шеф-повар и приплыл сюда один, но у меня в холодильнике есть икра, о которой мы мечтали, и бутылка лучшей водки.

Эсзу обдумал мое предложение.

– Почему бы и нет? Мы росли как родные братья и каждый вечер преломляли хлеб друг с другом... если было, что преломлять! – Криг мрачно усмехнулся. – Ты расскажешь мне о своей жизни и о том, как тебе довелось насобирать дочерей со всех концов света... как будто ты коллекционировал почтовые марки.

Его слова не могли уязвить меня.

– Мне можно встать и проводить тебя на «Титан»?

Эсзу кивнул. Я встал и медленно пошел к мосткам, которые Криг перекинул между нашими яхтами. Я переполз на карачках, прежде чем опуститься на палубу «Титана». Криг замешкался, не зная, что ему делать с пистолетом.

– Давай его мне, – предложил я.

– Думаешь, я спятил? – огрызнулся Криг.

– Понимаю. Но если ты не передашь его мне, то оставь на борту «Олимпии». Клянусь, что я не представляю угрозы для тебя. Этого не было и нет.

Криг окинул меня взглядом, прежде чем осторожно убрать пистолет в задний карман. Потом он тяжело подтянулся на мостки; задача явно была непростой для него. Пока он полз между яхтами, его руки начали дрожать. Мостки заходили ходуном, и Криг потерял равновесие. Он бездумно выбросил руку вперед, но не нашел никакой опоры. Я быстро метнулся к нему, ухватился за его руку и втащил на палубу «Титана».

– Ты в порядке? – спросил я, когда он выпрямился.

– Сойдет. – Он отмахнулся от моей руки и расправил плечи. – А у тебя красивая яхта. Отделка немного... старомодна, на мой вкус, но вполне подходит для тебя.

Я сунул руки в карманы и небрежно кивнул.

– Я попытался соединить прошлое и настоящее.

– Именно то, что я имел в виду.

Я натянуто рассмеялся.

– Прошу следовать за мной.

Я подвел Крига к обеденному столу на корме «Титана».

– Садись, пожалуйста. Я принесу еду.

Я спустился на кухню и расположил на подносе икру, копченую лососину, сыр и вяленое мясо вместе с бутылкой водки «Руссо-Балт», которую сберег для этого случая. Когда я вернулся к столу, пистолет снова лежал рядом с Кригом.

– Вижу, у тебя появился изысканный вкус, – язвительно заметил Криг.

– И это говорит человек, чью многомиллионную яхту мы недавно покинули.

Криг налил нам обоим по стопке водки.

– Твое здоровье, – сказал он и поднял свой бокал.

– Твое здоровье, – ответил я. Криг подождал, пока я выпил, прежде чем последовать моему примеру.

– Если бы я хотел отравить тебя, будь уверен, я бы поставил куда более дешевую водку.

Криг издал хриплый смешок.

– Тут мы с тобой похожи.

Мы вместе насладились икрой и начали осушать бутылку, стоявшую между нами.

– Вот что, Атлас, – сказал Криг. – Ты сказал, что определенные события в твоей жизни заставили тебя усомниться в простоте реального мира вокруг нас. Будь добр, объясни.

Я проглотил икру и вытер губы белой столовой салфеткой с логотипом «Титана».

– Во время моих странствий по миру, убегая от тебя, я однажды оказался в испанской Гранаде. В то время я был сломлен и находился на грани нервного срыва. Там, на площади перед собором, я встретил молодую цыганку по имени Ангелина, она погадала мне по ладони и предсказала будущее. Она рассказала такие вещи о моей жизни, какие просто нельзя было узнать. Она знала о тебе и о твоей неустанной погоне за мной по всему земному шару... Потом она сказала, что я стану отцом семи дочерей, и одна из них уже ждет, когда я найду ее. Я... – Мой голос прервался. – Но довольно об этом.

Криг налил очередную порцию, и мы дружно выпили.

– Ты так и не нашел своего отца? – поинтересовался он.

Я покачал головой.

– Нет... Хотя я потратил много лет на его поиски. В итоге меня уведомили, что он погиб во время путешествия. Он смог добраться только до Грузии. Но я получил известие о моей бабушке в Швейцарии. Она завещала мне свое имущество, включая земельный участок на берегу Женевского озера, где был построен Атлантис. Там я накапливал свое состояние. – Атлас грустно улыбнулся. – Все, к чему я прикасался, превращалось в золото, но для меня это ничего не значило.

Криг прикончил тарелку блинов со сметаной и аккуратно отложил нож в сторону.

– А мне приходилось стоять в стороне и наблюдать за тобой.

Я поерзал на стуле.

– Мне тоже. Расскажи о своей жене.

– Ты имеешь в виду Иру? – спросил Криг после небольшой паузы.

– Кого же еще?

– Мы познакомились вскоре после похорон ее мужа. Она горевала, я был готов поддержать ее. Что тут еще можно сказать?

Он увенчал блин ломтиком копченого лосося и отправил его в рот.

– Ты женился на ней из-за денег?

Криг проглотил еду и покачал головой.

– Нет. Я любил ее.

– Тогда мне очень, очень жаль. Ты испытал худшую боль, какую только можно пережить.

Он налил себе еще водки.

– Возможно. Но смерть моей матери послужила щитом, уберегавшим меня от большинства жизненных шипов. Полагаю, мне нужно поблагодарить за это тебя. Но я отклоняюсь от темы: расскажи, как ты нашел своих дочерей.

За следующие два часа я рассказал Кригу обо всем, что привело к удочерению сестер, начиная от Бел, которая нашла меня под кустом в саду Ландовски, и заканчивая визитной карточкой, которую Сесили Хантли-Морган сохранила как счастливый талисман.

– Хотя ты преследовал меня в молодости, теперь я понимаю, что наша постоянная борьба подарила мне величайшее благо – моих дочерей. Я благодарен тебе за это.

Я поднял тост за Крига, но он не ответил. По какой-то причине долгая история о том, как я разыскивал и принимал в семью моих девочек, вывела его из равновесия. Если бы я не знал его досконально, то подумал бы, что мой бывший брат... был потрясен до глубины души.

– Я сожалею только об одном, – добавил я.

– О чем? – тихо спросил он.

– Я так и не нашел свою драгоценную седьмую дочь. Мою плоть и кровь. Не знаю... – тоскливо продолжил я. – Наверное, Ангелина ошиблась и она так и не пришла в этот мир.

Криг хранил молчание. Он медленно долил себе водки и разглядывал меня, как будто надеялся увидеть что-то новое.

– Я познакомился с моей любимой Элле в Париже, когда мы были детьми. Должно быть, ты помнишь, ты однажды видел ее, когда мы пили с друзьями в лейпцигском кафе. Ты вошел, и я сразу понял, что ты узнал меня. Я сказал Элле, что нам нужно немедленно уехать. Как тебе известно, мы этого не сделали, и ты поджег дом, где я жил. Ради спасения мне пришлось выпрыгнуть в окно; я сломал руку и больше уже не мог играть на виолончели.

– Прошу прощения, – сказал Криг. – Ты был очень талантлив. Но, как бы то ни было, тебе удалось бежать.

– Разумеется, я знал, что твой отец был родом из Пруссии, – решительно продолжал я, подстегнутый действием водки. – Но шок, который я испытал, когда увидел тебя в эсэсовском мундире... мой старый друг, мой брат стал нацистом!

– Голод и бедность вкупе с ожесточенностью делают человека бессердечным, Атлас.

Я посмотрел на него.

– Со мной так не получилось.

Криг сложил руки на груди.

– Элле была очень красивой, – заметил он.

– В этом я с тобой согласен. – Я глотнул водки. – Как ты уехал из Германии после войны?

– В сорок третьем году я увидел, к чему идет дело, и сбежал в такое место, куда до меня не могли дотянуться цепкие лапы Гитлера, в Лондон. Я прикинулся русским эмигрантом, и придворное воспитание послужило мне отличным прикрытием. Кстати, я познакомился с «белой принцессой», бежавшей в Лондон в 1917 году^[48]. Она была стара, богата, и я льстил ее самолюбию. Я переехал в ее апартаменты, вонявшие от множества кошек, с которыми она нянчилась, как с маленькими детьми. Незадолго до этого она взяла меня к себе в любовники. При возможности я сбегал оттуда и шлялся по барам в районе Сохо, где как-то разговорился с этим жутким Тедди. Можешь представить мое удивление, когда я услышал фамилию «Танит».

– И наши пути пересеклись снова.

– Я никогда не забуду страх в твоих глазах, когда ты увидел меня на улице за витриной магазина. – Криг одарил меня маслянистой улыбкой. – Это доставило мне громадное удовольствие.

– После твоего появления в книжном магазине мы решили навсегда покинуть Европу и приступить к строительству новой жизни на другом конце света, раствориться в австралийской глуши. Нам хотелось только одного: покоя.

Криг фыркнул и налил себе новую порцию водки.

– Тебе был нужен покой, когда ты лишил покоя меня?

– Мы организовали поездку в Австралию и договорились встретиться на борту парохода, – продолжал я. – Но... она так и не пришла. К тому времени, когда я обыскал судно и убедился, что ее нет на борту, мы уже отчалили...

Я вдруг обессилел и немного помолчал, прежде чем продолжить:

– Из всех мрачных времен плавание в Австралию было худшим периодом в моей жизни. Даже долгое путешествие из Сибири во Францию не сравнится с той внутренней опустошенностью, которую я испытывал. Я... в конце концов я утратил надежду.

Криг продолжал молчать, но напряженность его взгляда заметно усилилась.

– Тем не менее девочка-сирота спасла мне жизнь, когда я собирался прыгнуть за борт. Она заставила меня вспомнить о врожденной человеческой доброте. Если бы незнакомые люди в тот или иной момент не были бы добры к нам, мы бы не сидели здесь сейчас, наслаждаясь нашим последним ужином.

– Я уже давно перестал верить в человеческую доброту...

– А моя вера была *восстановлена* другими людьми... Но мы с тобой всегда были разными, Криг.

– О, да! – Криг неожиданно хлопнул свою стопку водки о стол. – Ты всегда был добрым, идеальным сыном. А я, плоть от плоти моей матери, был вечным смутьяном. Сердитым молодым человеком. С самого начала было ясно, что она больше любила тебя: тихого, умного, милого мальчика. Она хлопотала над тобой и всегда давала тебе лучшие крохи еды, которые мы могли достать... Она даже доверила тебе, а не родному сыну, роль посланца, который должен был доставить алмаз Густаву!

Меня искренне поражала его неверная интерпретация событий.

– У тебя искаженное восприятие реальности. То, что ты говоришь, просто неправда. Я уже объяснил, что Рея выбрала меня посланцем,

чтобы защитить тебя. Ради всего святого, это же тебя послали к учителю!

– Да, чтобы она могла проводить больше времени с тобой!

Криг схватил бутылку водки и сделал несколько больших глотков из горлышка. Я впервые ясно понял, насколько глубокую обиду он питает ко мне с раннего детства. Он действительно ненавидел меня.

– Мы разные, Криг, только и всего.

– Я ненавидел тебя за непоколебимую веру в человеческое добро. Тогда... и сейчас.

Я покачал головой.

– Этого ты никогда не сможешь отнять у меня. Этого и мою любимую Элле. Я признаюсь, что убил бы тебя, но не позволил бы, чтобы ты причинил ей вред.

Криг что-то пробурчал, не отрываясь от своей водки.

– Что ты сказал?

Криг насмешливо взглянул на меня. Он был уже сильно пьян.

– Я сказал, что забрал ее.

– Как?

Криг помедлил, собираясь с мыслями. Когда он заговорил, его голос был глубоким и прочувствованным:

– Я забрал ее, Атлас. У тебя.

У меня тут же подскочило давление, хотя я старался оставаться спокойным.

– Скажи, что ты имеешь в виду. Сейчас же!

– Она не присоединилась к тебе на пароходе в Австралию, потому что я похитил ее. – Я попытался заговорить, но не смог. – Я следовал за тобой от магазина до порта. Ты не должен был расставаться с ней, Атлас. Это было твоей ошибкой.

Я схватился за бешено бьющееся сердце.

– Ты... Ты лжешь.

Криг поднял палец, как будто вспомнил о чем-то.

– Ты хотел бы увидеть мою фотографию с Элле в день нашей свадьбы? Уверен, она где-то завалялась у меня...

– Нет, пожалуйста. О господи, нет.

Криг полез в карман и достал из бумажника выцветшую черно-белую фотографию. Там был молодой, неулыбчивый Криг Эсзу и... да, то самое лицо, которое я не видел больше шестидесяти лет. К моему

полному ужасу и ощущению безнадежности, Элле была в свадебном платье. Я был готов упасть в обморок.

– Но как?! Моя Элле знала, кто ты такой и что ты сделал со мной. Она никогда бы не согласилась выйти замуж за тебя. Я...

Криг наклонился ко мне и тихо сказал:

– Я просто объяснил ей, что если она не согласится пойти со мной, то я поднимусь на борт парохода и застрелю тебя на месте. Видишь ли, мне было известно о вашем отъезде.

*Тилбери-Порт, Эссекс, Англия,
1949 год*

Это была долгая ночь для Крига Эсзу. Проследив за автомобилем Руперта Форбса, он издали увидел, как Атлас Танит и его прелестная подруга входят в гостиницу «Вояджер», а потом занимаются покупками в городе. Он наблюдал за этой парой, пока они сидели вместе в порту, и Атлас рисовал портрет девушки, несомненно, пылая от любви. Потом они вернулись в гостиницу, и Криг расположился на скамье у набережной, не более чем в пятистах футах от входа в «Вояджер».

Он всю ночь просидел там.

Было ясно, что парочка решила отправиться в Австралию на пароходе «Ориент», который должен был отплыть через несколько часов. Долгая ночь предоставила Эсзу возможность рассмотреть варианты действий. Откровенно говоря, он не ожидал, что так просто выследит Танита. По какой-то причине на этот раз Атлант не стал скрывать свою личность под псевдонимом. Как странно и неосторожно с его стороны.

На самом деле Криг не занимался активными поисками своего врага, посвятив свое время обхаживанию «белой принцессы» и привыканию к жизни в новом городе. Но судьба снова вмешалась – похоже, так бывало всегда, когда речь шла об Атласе, – и их пути пересеклись раньше, чем ожидалось.

Много лет Криг мечтал увидеть, как свет угасает в глазах Атласа, и в этих глазах отражается его лицо. Но во время войны Криг видел слишком много смертей. Жизнь за жизнью просто исчезали перед ним, люди падали, как костяшки домино. Иногда он завидовал погибшим. По крайней мере, они были свободны от разрухи, окружавшей его со всех сторон.

Криг пришел к выводу, что одной смерти для Атласа будет недостаточно. Нет, *жизнь* должна была стать наказанием для него. Теперь Криг жаждал, чтобы его брат испытал такую же обездоленность, какую он сам пережил со смертью матери. Эта боль была... мучительной. И Кригу хотелось, чтобы Атлас страдал точно так же.

Он лишь надеялся, что успеет отомстить, прежде чем Танит и его женщина поднимутся на борт «Ориента». В противном случае он тоже будет вынужден проникнуть на судно и сопровождать их в Австралию. Его передернуло от этой мысли.

Около девяти утра Тилбери-Порт превратился в оживленное и многолюдное место. Криг поднялся со скамейки, купил газету и расположился на уличном перекрестке почти напротив отеля. Его сердце забилось немного быстрее в предвкушении грядущих событий, и он постарался успокоиться. Да... это все, что нужно. В 9.25 утра Криг заметил высокую мускулистую фигуру Атласа, выходящего из гостиницы со своим чемоданом. К несказанному облегчению Крига, светловолосая женщина не последовала за своим спутником. Танит взошел по трапу и поднялся на борт.

Через пять минут появилась блондинка с чемоданом и голубой картонной коробкой в руках. Это его шанс. Криг быстро направился к ней. Пользуясь газетой как прикрытием, он сунул руку в карман пальто и достал пистолет системы Коровина. Сложенная газета надежно скрывала оружие, и Криг подходил все ближе, пока блондинка не оказалась на расстоянии вытянутой руки.

Криг всю ночь обдумывал свой план и превосходно исполнил его. Он ухватил женщину за плечо и ткнул ей в спину ствол пистолета. Она беззвучно ахнула.

– Только закричи, и я пристрелю тебя, – прошептал он ей на ухо. Женщина кивнула.

– Следуй за мной. – Криг развернул ее и заглянул в испуганные голубые глаза. – Ну, здравствуй, моя милая! – воскликнул он. – Не ожидала увидеть меня здесь?

Он обнял ее, нацелив пистолет ей в грудь.

– Пожалуйста, не делай этого, – тихо сказала Элле.

– Слишком поздно, – прошептал Криг. Он снова развернул ее лицом к кораблю, твердо удерживая руку. – Ты пойдешь со мной.

– Куда, Криг?

– Объясню потом.

– Что, если я сейчас закричу? Вокруг много людей.

– Это неразумно. Прежде чем ты замолчишь, я успею подняться на борт и всадить пулю в голову Атласа. Не говоря уже о той пуле, которая войдет в твой позвоночник.

– А если я просто откажусь сопровождать тебя?

– Опять-таки, я поднимусь на борт и пристрелю его на месте.

– Куда бы ты ни собирался отвезти меня, он найдет тебя. Я это знаю.

– Пусть попробует. А теперь пошли, моя дорогая.

– Подожди. Дай мне написать ему послание.

Криг фыркнул.

– Послание? Хочешь объяснить, что с тобой случилось? Он рассказывал тебе, что я тупица? Это меня не удивляет.

– Нет. Ты хочешь сделать ему больно, да? Поэтому ты не даешь мне подняться на борт.

Криг приподнял бровь.

– Как пронизательно с твоей стороны.

– Что может быть для него болезненнее, чем поверить в то, что я оставила его по собственному выбору? Я напишу ему прощальное послание. Тогда, по крайней мере, со мной будет покончено, а мучения моего жениха возрастут многократно.

Криг обдумал ее предложение.

– Можешь назвать это моей последней просьбой.

– Думаешь, я собираюсь убить тебя?

– Ты приставил пистолет к моей спине.

Криг мрачно хохотнул.

– Что же, пиши свое прощальное послание.

Элле наклонилась, чтобы открыть сумку, и достала лист бумаги и ручку из гостиницы. Криг смотрел из-за плеча, что она писала.

– Вот. Этого будет довольно?

Криг прочитал:

«Как ты знаешь, знакомство с тобой было честью для меня.

Рано или поздно, но я хочу избавить тебя от бремени забот о моей безопасности.

Извини. Навеки твоя,

Элле.

(Где бы мы ни находились, живи своей жизнью, а я буду жить своей)».

Он кивнул.

– Хорошо, теперь мне нужно найти того, кто передаст мое послание.

– Что? Ну, нет. Пошли, нам пора. В любом случае, это была бесполезная идея.

Он схватил ее за руку и потащил прочь.

– Ох! – Элле выронила голубую коробку с шелковым платьем, но успела сунуть записку внутрь. Когда Эсзу тянул ее через толпу, Элле смотрела на пароход. Потом она в последний раз заметила любимого человека, который обшаривал взглядом пристань и окрестности.

– До свидания, любимый, – прошептала она. – Найди меня.

Криг увел ее за несколько улиц от порта, где усадил в черный «Роллс-Ройс».

– Садись передо мной. – Элле подчинилась приказу, и, как только она захлопнула дверь, Криг убрал газету, скрывавшую его пистолет. – При попытке к бегству ты будешь убита.

Элле тяжело дышала, но не утратила присутствия духа.

– Куда мы направляемся?

Криг нервно рассмеялся.

– Тебя удивит, если я скажу, что не загадывал так далеко?

– В общем-то, да, – ответила она. Криг завел двигатель и поехал, держа пистолет на коленях. – Он не делал того, в чем ты его подозреваешь, Криг. Он хороший человек. Самый добрый из всех.

Криг покосился на нее.

– То есть он рассказал, кто я такой и почему преследую его?
– Разумеется. Мы знакомы с детства.
– Правда? – спросил Криг. – Значит, тебе тоже известно, каким самонадеянным интриганом он был.
Элле о чем-то задумалась.
– А знаешь, алмаз до сих пор у него. Он хочет вернуть его тебе. Если ты повернешь обратно, мы сможем получить его прямо сейчас.
Криг изогнул бровь.
– Алмаз до сих пор у него?
– Клянусь жизнью.
Криг как будто заколебался, но потом лишь сильнее вцепился в руль.
– Даже если он не продал камень, это не оправдывает убийство.
– Он не убивал твою мать, Криг. Это большевистские солдаты...
– Молчать! – взвизгнул Криг. – Я вижу, что он затуманил тебе мозги своими байками. Атлас Танит безобразен так же, как ты красива.
– Что ты собираешься сделать со мной? – Криг не ответил. – Если ты собираешься убить меня, лучше не тяни.
Эсзу покачал головой:
– Я видел достаточно смертей. В убийстве нет надобности, если оно бесполезно.
– Тогда в чем состоит твой план?
– Ты же знаешь, что я хочу причинить Атласу как можно больше вреда.
– И что с того?
– Я не собираюсь убивать тебя. Ты понадобишься для другого.

*«Титан»,
июнь 2007 года*

Не стыжусь признаться, что я разрыдался.
– Криг, ты добился своего. Ты отнял у меня все.
– Знаю, – холодно отозвался он.

– Разве она не понимала, когда уходила с тобой, что убивала меня на месте?

– Возможно, но это был ее выбор. Я поклялся, что если она выйдет за меня, то я больше не буду преследовать тебя. Как тебе известно, я сдержал слово.

– Но только не твой сын! – выпалил я. – Он охотился на моих дочерей, словно на куропаток... – Тут мне в голову пришла ужасная мысль. – Господи! Скажи, что твой сын – это не сын Элле!

– Нет. Зед – ребенок Иры.

У меня кружилась голова.

– Послание от Элле... я всегда хранил его.

Дрожащими руками я полез в карман и вынул листок бумаги. Криг удивленно посмотрел на меня.

– Откуда это у тебя? Она уронила письмо на причале.

– Я узнал синюю картонную коробку. Мальчишка забросил ее на борт, когда пароход отчаливал.

Криг взял у меня записку и изучил ее, напряженно щурясь в тускнеющем вечернем свете. Через минуту-другую его губы скривились в насмешливой улыбке.

– Думаю, я был о тебе слишком высокого мнения, Атлас. В этом послании зашифрована анаграмма. Если прочитать заглавные буквы каждой строчки, то получится «КРИГ».

– Но это значит... Ведь потом она отправила письмо Хорсту и Астрид. Оно тоже было зашифровано? О боже, что еще я упустил за эти годы? – Я стиснул кулаки и стукнул себя по коленям. – Прошу тебя, расскажи, что случилось с Элле.

Криг откинулся на спинку стула.

– Она умерла примерно через три года после нашей свадьбы.

Острая боль пронзила меня до самого средоточия моей души.

– Как?! – закричал я. – Говори, я должен знать!

Криг поморщился.

– После родов... она была уже не такой, как прежде. Она стала слабой. В итоге она скончалась от воспаления легких. Врач сказал, что у больного человека должна быть *воля* к выздоровлению. Но у нее не осталось душевных сил.

– После родов? Так, значит, у вас все-таки *был* ребенок? – Я схватился за голову. – Какой кошмар!

Криг сохранял полнейшую невозмутимость.

– Нет. У нас не было общего ребенка.

Я поднял голову.

– Что? Значит... это значит...

– Да. Вскоре после того, как я отобрал у тебя Элле, она обнаружила, что беременна твоим ребенком. Та цыганка была права.

Я цеплялся за каждое слово Крига.

– Что случилось с нашим ребенком?

– Элле считала, что ребенок умер во время родов. Это было грязное дело: ее прооперировали в больнице, и она находилась под наркозом. Тем временем я придумал план. Естественно, я не хотел, чтобы твой мелкий ублюдок висел у меня на шее.

– Ты убил еще и моего ребенка? Собственными руками? Господи, боже мой, что ты за животное?

– Прошу тебя, Атлас, во мне все-таки есть крупица сострадания. Даже я не стал бы хладнокровно убивать младенца. Я оставил малышку на крыльце дома местного священника. Можно сказать, верил ее на попечение твоему драгоценному Богу.

– Это была девочка?

– Да.

– «Потерянная сестра». Моя драгоценная Меропа...

– При этом я нашел способ уязвить тебя. Я положил кольцо, которое ты купил Элле, в корзинку с ребенком в надежде, что когда-нибудь ты обнаружишь его... и поймешь, что ты потерял.

– Кольцо Элле с изумрудом и семью маленькими бриллиантами?

– Оно самое.

Бросившись вперед со всей возможной быстротой, я схватил пистолет, лежавший на столе, и выпрямился во весь рост. В тот момент моя ярость была беспредельной.

– Скажи мне, где находится тот дом священника, или, клянусь, я пристрелю тебя на месте.

Крик поднял руки. Его глаза вдруг наполнились страхом, когда он осознал свою ошибку.

– Не помню. Мне... – Я взвел курок, готовый стрелять. – Ирландия, – промямлил Криг. – Западный Корк. Туда я увез Элле после того, как мы покинули Тилбери-Порт.

– Почему Ирландия? Зачем было увозить ее туда? ГОВОРИ!

Он развел руками.

– Мне было нужно какое-то далекое и уединенное место. Куда ты и не подумал бы совать свой нос... А что могло быть лучше, чем глухая европейская окраина? Западный Корк в пятидесятые годы был сельской глубинкой, Атлас. У нас даже не было электричества, но это место подходило идеально.

– Идеально... – прошептал я, крепко сжимая пистолет.

– С деньгами, украденными у «белой принцессы», я смог купить запущенный особняк в самой глуши.

– Где был этот дом?

– Возле городка под названием Клонакилти.

– Как он назывался?

– Аргидин-Хаус.

– Ты забрал все... *все*, что было моим!

Криг вскочил и уставился мне в глаза.

– Ты убил мою мать!

– В глубине души ты знаешь, что я этого не делал. Ты пользовался этим для самооправдания, потому что с самого начала ненавидел меня. Ты считал, что я украл материнское внимание, которое должно было принадлежать тебе.

Глаза Эсзу покраснели.

– Все любили тебя. Ты был совершенством.

– А я любил *тебя*, брат. Я смотрел на тебя снизу вверх, защищал тебя, когда ты попадал в беду, прикрывал тебя...

Теперь уже Криг разрыдался.

– Атлас – герой! Атлас – сильный! Атлас – храбрый! И добрый...

– Нет. – Я устало покачал головой. – Ты уничтожил того Атласа, которым я был когда-то. Ты позволил мне нести бремя мира на своих плечах. Ты наказывал меня за то, кем я был на самом деле. Теперь ты доволен, разве нет?

– Я никогда не буду доволен, пока мы с тобой дышим одним и тем же воздухом. Теперь пистолет у тебя: застрели меня, и покончим с этим! – Криг задрожал. – Теперь я понимаю, что у тебя есть все основания для этого. Конечно, даже *ты* не сможешь простить мне то, что я рассказал тебе сегодня.

Я переминался с ноги на ногу, взвешивая свой выбор.

– Мне трудно удержаться. Да, я признаю это.

– Тогда УБЕЙ меня! – хрипло завопил Криг. – Будь человеком для разнообразия! Накажи тех, кто грешил против тебя, кто стремился уничтожить тебя... нажми на спусковой крючок!

Какое-то время я целился Кригу в голову, потом моя рука затряслась мелкой дрожью, и я положил оружие на стол.

– Нет. Никогда.

– Что? Я не понимаю...

– Ты не заставишь меня измениться. Мы разные. – Я обхватил голову руками и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы избавиться от головокружения. – Все кончено, Криг.

– Кончено?

– Да. Я... прощаю тебя. А теперь мне нужно прилечь. Я старик, и я очень, очень устал.

– Что ты делаешь? – выкрикнул Криг.

Я повернулся и медленно побрел в салон.

– Вернись, Атлас! В любом случае все закончится сегодня!

Я спустился вниз и рухнул на кровать.

Когда я проснулся, восходящее греческое солнце ярко светило мне в лицо. Перевернувшись на спину, я понял, что умудрился заснуть прямо в одежде, чего со мной не случалось с раннего детства. Я осторожно сел, ощущая знакомую сосущую тяжесть в груди. Мысленно я выбрал себя за отдых, поскольку сейчас в Атлантике мой план должен был разворачиваться полным ходом. Марина обзванивала девочек и сообщала им, что я умер от сердечного приступа.

Предполагалось, что Криг убьет меня. Но я был жив и продолжал дышать.

Мне нужно было как можно скорее связаться с Георгом. Я с трудом встал на ноги, вышел из каюты и медленно поднялся на обзорную палубу, где не обнаружил никаких признаков моего противника.

– Эй, Криг! – позвал я. Потом прошел с носа на корму, щурясь от яркого солнца. В конце концов я подошел к трапу, перекинутому на

«Титан» с борта «Олимпии». Убедившись в том, что на моей яхте больше никого нет, я переполз по трапу на «Олимпию», несмотря на усилившуюся боль в груди.

– Эй, Криг! Это Атлас. Где ты?

Его нигде не было. Я спустился во внутренние помещения яхты, продолжая окликать его. Я осмотрел каюты, кабинеты, камбуз и помещения для персонала, но везде было пусто. Наконец я поднялся на капитанский мостик. Когда я осматривал помещение, некий предмет привлек мое внимание. На приборной панели лежал знакомый кожаный кошелек. Я подошел и увидел рядом белый конверт с надписью «Для Атласа».

Я развязал ремешки кошелька; к моему неподдельному изумлению, алмаз остался внутри. С некоторым трепетом я открыл конверт, где лежала визитка с письменного стола Крига. На оборотной стороне было написано:

ТЫ ПОБЕДИЛ, АТЛАС. МЕНЯ БОЛЬШЕ НЕТ, Я УШЕЛ В ОКЕАН. ВСЕ НАКОНЕЦ-ТО ЗАКОНЧИЛОСЬ.

Я медленно положил визитку в нагрудный карман и повесил на шею кошелек с алмазом. После тщательных поисков я был уверен, что Крига нет на борту «Олимпии». «Ушел в океан»... Означает ли это, что он бросился за борт? Я вышел на верхнюю палубу и посмотрел на море, но не увидел тела и вообще ничего необычного. Было ли это очередной уловкой?

Я чувствовал, что нет.

Криг оставил алмаз. Если бы он сбежал с яхты, то обязательно взял бы камень с собой.

– Прощай, Криг, – прошептал я. – Надеюсь, ты обрел покой, несмотря ни на что.

Что можно было сделать? Очевидно, я должен был связаться с греческой береговой охраной, но я не мог рисковать тем, что меня обнаружат здесь с пистолетом, ведь оружие могло остаться на борту. Справившись с растущей паникой, я принял компромиссное решение. Я вернулся к приборной панели и настроил радио на нужную частоту.

– Береговая охрана, это моторная яхта «Олимпия». Наши координаты – 37 градусов 4 минуты северной широты, 25 градусов 3 минуты восточной долготы. Человек за бортом. Прием.

Последовала короткая пауза, потом мне ответили:

– Моторная яхта «Олимпия», сообщение принято. Подтверждаете координаты Делоса?

– Подтверждаю.

– Вы видите человека за бортом?

– Никак нет. Один пассажир пропал без вести.

– Подтверждаю прием, «Олимпия», – прожужжал голос. – Помощь в пути.

Я положил рацию на подставку и поспешил вернуться на борт «Титана», убрав трап. Власти не должны были зарегистрировать присутствие другой яхты. Оказавшись на собственном судне, я поспешил на нос и поднял якорь. Физические усилия увеличили нагрузку на сердце, которое теперь болезненно ныло в груди. Тем не менее я постарался как можно быстрее подняться на мостик «Титана», завел двигатели и начал разворачивать яхту в открытое море. Неожиданно я услышал громкий гудок по правому борту. Я подбежал к окну. К своему ужасу, я увидел небольшой катамаран, полный молодых людей, которые очень старались убраться с моего пути. Я помахал рукой в знак извинения, но больше не мог тратить время и снова дал полный ход. Катамаран отошел на безопасное расстояние, и его пассажиры, без сомнения, на все лады ругали богача на роскошной яхте, не испытывавшего никакого уважения к другим мореплавателям.

Пока «Титан» направлялся в открытое море, я гадал, куда отвести яхту. Мне нужен был тихий причал и время для исправления моих планов. К сожалению, многопалубная круизная яхта имеет ограниченные возможности по части укромных мест. Пока я размышлял, затрещал микрофон рации.

– Вызываю «Титан». «Титан», вы на связи?

Я похолодел. Неужели береговая охрана знала, что моя яхта находится неподалеку? Может быть, стоит выключить двигатели и просто выпрыгнуть за борт, как поступил Криг?

– Вызываю «Титан». Это моторная яхта «Нептун»; пожалуйста, ответьте.

– «Нептун»... – пробормотал я себе под нос. – Кто ты такой?

Я взял бинокль и осмотрел морскую гладь впереди, по левому и по правому борту, но ничего не заметил, поэтому ненадолго покинул мостик, чтобы обозреть пространство за кормой. Там действительно появилось белое пятнышко. Подняв бинокль, я определил судно как

небольшую яхту типа «Сансикер», которая полным ходом направлялась ко мне.

Вернувшись на мостик, я вывел двигатели «Титана» на максимальную мощность, зная о том, что мои преследователи не могут соперничать с круизной яхтой, сошедшей со стапелей концерна Бенетти. Но кто они такие?

– Повторяю, «Титан», отзовитесь. На борту «Нептуна» находится драгоценный груз!

– Драгоценный груз? – пробормотал я, не выходя на связь.

– На борту находится ваша дочь, Алли, – прожужжала рация. – Ей интересно, не пожелаете ли вы остановиться и вместе выпить чаю?

Я едва не упал на месте. Алли? Какого черта она здесь делает? Нет, нет, нет, нет... Все мои тщательно продуманные разработки трещали по швам.

– Давай, старина, – прошептал я, уговаривая «Титан» поскорее унести меня прочь.

Рация снова зажужжала.

– Па? Это Алли! Мы тебя видим! Тебе нравится рандеву в Эгейском море? Прием.

Голос Алли был одновременно живительным и пагубным для меня. Мне было сладостно слышать ее голос, но больно от того, что я не мог ответить.

В моем кармане завибрировал мобильный телефон. На экране высветился неизвестный номер. Понимая, что, скорее всего, это звонит Алли с «Нептуна», я проигнорировал звонок. И точно, через несколько секунд телефон снова подал сигнал, извещая о приеме звукового сообщения. Я был рад снова услышать голос дочери.

– Привет, Па, это Алли. Слушай, ты не поверишь, но я прямо позади тебя. Я... сейчас я с другом и надеялась, что ты остановишься. Может быть, мы вместе сможем устроить ланч? Как сможешь, сообщи мне, что ты думаешь по этому поводу. Люблю тебя. Пока!

– Я тоже люблю тебя, Алли, – прошептал я.

Мои глаза наполнились слезами. По правде говоря, больше всего на свете мне хотелось остановить «Титан», крепко обнять Алли и обо всем ей рассказать. Но в глубине души я признавал, какой это будет глупый поступок. Ожидалось, что сегодня я умру, а Криг останется жить. Теперь вышло наоборот. Ради защиты моих дочерей они

должны были поверить в мою кончину. Если сегодня Зед узнает о моем присутствии здесь... Я содрогнулся при мысли о последствиях для моих девочек.

После того как «Титан» около часа продержался на полном ходу, «Нептун» Алли скрылся из виду. Я перевел двигатели на малые обороты, достал телефон и позвонил единственному человеку, которому мог довериться. Которому я *всегда* доверял – Георгу Гофману.

- Атлас?! – слегка задыхаясь, вымолвил он. – Вы живы?
- Да, Георг. Я жив. И, как вы понимаете, у нас огромная проблема.
- Что с Кригом?
- Скончался. Нам нужно немедленно перейти к плану «Б».
- Ясно, Атлас.

* * *

Мой дорогие девочки. На этом моя история заканчивается. С помощью Георга, Ма, Клавдии, Ганса Гайя и многих других членов моей команды, «Титан» вернулся в Ниццу. Вас уведомили о моем сердечном приступе, о закрытых похоронах, вручили вам письма и показали ваши координаты на армиллярной сфере.

Несомненно, вы захотите спросить: «Но куда ты отправился, Па Солт?»

Я вернулся на остров Делос, чтобы провести свои последние дни посреди красот греческого побережья. С помощью Георга я приобрел маленький беленый дом с прекрасным видом на море и стал ждать, пока не выйдет мой срок. Знайте, что мои последние дни, несомненно, будут наполнены радостными воспоминаниями о нашей совместной жизни и о волшебных берегах Атлантиды.

Теперь вы знаете все.

Историю Атласа.

Историю Па Солта.

Вашу собственную историю.

Величайшим подарком во время моего затянувшегося пребывания в этом мире были сообщения, получаемые от Георга, где он подробно описывал ваши успехи, когда каждая из вас отправлялась в

путешествие и узнавала о прошлом своей биологической семьи. Я, как никогда, люблю вас и горжусь вами. Хотя вы не мои родные дети, я надеюсь, что вы унаследовали мою страсть к путешествиям, мой дух приключений, но самое главное – мою глубокую любовь к человечеству и веру в его врожденную доброту. Мне очень жаль, что пришлось обманывать вас. Полагаю, что, ознакомившись со всеми обстоятельствами моего нынешнего положения, вы сможете простить меня.

Больше всего я надеюсь, что Георг привел вас к «потерянной сестре». Мне известно, что он неустанно трудился над ее поисками после того, как я дал ему координаты Аргидин-Хауса и рисунок кольца, подаренного ее матери.

Но у меня есть ощущение, что ему понадобится ваша помощь. Когда вы найдете ее, мои дорогие девочки, отнесите к ней по-доброму. Скажите, как сильно я люблю ее. Как долго я искал ее. Что я никогда не сдавался. Скажите ей, как я счастлив быть ее отцом, так же, как я счастлив быть вашим отцом.

Мне больше нечего сказать. Но знайте: вы наполнили смыслом мою жизнь. Хотя я пережил немало трагедий и душевной боли, каждая из вас принесла мне больше радости и надежды, чем я мог ожидать. Если знакомство с моей историей чему-то научило вас, надеюсь, вы прислушаетесь к советам, которые я давал вам на протяжении всей вашей жизни.

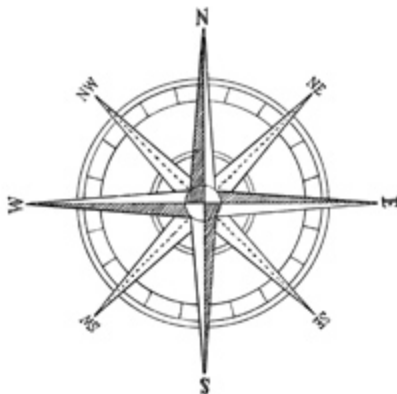
Ловите момент!

Живите одним днем!

Наслаждайтесь каждым мгновением жизни, даже самыми трудными моментами.

С любовью,

Ваш отец, Па Солт.

Июнь 2008 года

Стар отложила последнюю страницу и обвела взглядом собравшихся за столом. Большинство ее сестер плакали, а спутники утешали их. Рука Мауса легла на спину Стар.

– Я... не знаю, что и сказать, – пробормотала Алли.

– Что за подонок, – выдохнула Электра. – Он отобрал у него Элле; все ради зависти.

– Мерри... вы как, в порядке? – озабоченно спросил Майлз.

Мерри тяжело сглотнула.

– Думаю, да. – Ее голос прервался сдержанным всхлипом. – Ох, простите, – добавила она, помахав рукой перед лицом.

– Ох, мама, иди сюда, – сказала Мэри-Кэт и обняла ее.

– Мне так жаль, Мерри, – добавила Тигги. – Он чудовищно поступил с вашей матерью.

– Бедный Па Солт, – прошептала Майя. – Узнать такое под конец жизни...

– В это трудно поверить, – сказала Алли, шмыгая носом. – Ведь я находилась так близко от него! Если бы только яхта Тео была побыстрее...

– Он до последнего защищал нас, – сказала Стар. – Он пожертвовал жизнью ради нашей безопасности. Это очень похоже на Па Солта.

– Вы понимаете, почему ему пришлось «остаться мертвым»? – спросил Георг. – Он боялся, что если бы Зед обнаружил, что ваш отец присутствовал при смерти Крига, то он нашел бы способы причинить вам вред.

Сестры дружно кивнули.

– Когда он умер, Георг? – спросила Электра. – На самом деле?

– Да, сколько времени у него оставалось после прибытия на Делос? – поинтересовалась Сиси.

Георг немного помешкал.

– Я последний раз видел его через три дня после встречи с Кригом. Я помог ему оформить недвижимость. Как вам известно, остров очень маленький. Там только один или два дома. Мы предложили прежнему владельцу в четыре раза больше реальной стоимости, и он со своими козами уехал почти сразу же.

– Это не ответ на мой вопрос, – твердо сказала Электра. – Когда умер Па Солт?

Георг покачал головой и умоляюще посмотрел на Алли. Та поглядела на Ма.

Марина выпрямилась и набрала в грудь побольше воздуха, прежде чем заговорить:

– Мои милые девочки, теперь пора быть сильными. Ваш отец еще не умер.

На палубе наступила мертвая тишина. Тигги широко распахнула глаза.

– Я знала...

– Не может быть, – ахнула Электра. – Ты говоришь, что Па Солт жив? Сейчас?

– Да, – ответила Ма.

– Ты скрывала это от нас... – выдохнула Стар. – Как это жестоко!

– *Chérie*, я...

– Он все еще на Делосе? – спросила Майя.

Георг кивнул.

– Да, Майя. Но он очень слаб.

– Эти телефонные звонки... – пробормотала Сиси. – Вы беседовали с ним, Георг?

– Не совсем так. Клавдия последние несколько недель находится рядом с ним. Поэтому ее не было в Атлантиде. Она регулярно звонит мне. Ваш отец очень быстро слабеет.

– О боже! – воскликнула Сиси.

– Теперь все ясно, – прошептала Стар.

– Никто не мог предвидеть, что он проживет так долго, – сказал Георг. – Мы предполагали, что он лишь на несколько недель останется на Делосе. Но он пережил прогнозы всех врачей.

– Очень похоже на Па, – прошептала Алли.

– Он отказался от любой медицинской помощи, – продолжал Георг. – Он не принимает лекарства и не соглашается на анализы.

– Как же он до сих пор жив? – изумленно спросила Электра.

Георг посмотрела на Ма, а та улыбнулась Мерри.

– Думаю... нет, я *знаю*, что на этом свете его удерживает находка «потерянной сестры».

– Сила веры, – понимающе кивнула Тигги.

Стар посмотрела на Алли.

– Ты давно знала об этом?

– С сегодняшнего утра. Я настояла на том, чтобы Георг рассказал всем и показал последние записи Па Солта, которые он не должен был раскрывать до смерти своего работодателя.

Руки Георга заметно дрожали, когда он отпил воды из стакана.

– Поверьте, девочки, мне всегда хотелось сказать вам правду. Но вы знаете, что ваш отец сделал для меня. Я поклялся быть верным ему до последнего вдоха.

– Есть разница между преданностью и жестокостью, Георг, – возразила Сиси.

Нотариус кивнул.

– В глубине души я понимал, что должен был сказать вам правду, – признал Георг, борясь со слезами. – Но зато теперь это значит, что вы встретитесь с ним, пока еще не все кончено.

Никто не знал, что сказать.

– Почему мы стоим на месте? – осведомилась Электра. – Если он умирает, то нам нельзя терять время. Найдите капитана Ганса. Я не

собираюсь ждать до утра, раз мы снова сможем увидеть Па Солта. Все согласны?

– Да, конечно, – сказала Майя и поднялась на ноги. – Теперь у нас есть два пути. Мы можем рассердиться и ожесточиться на весь мир. Это легкий выбор. Или мы можем принять все, что случилось, и сохранить любовь и доброту, несмотря на любые воображаемые или реальные несправедливости. Итак, что бы выбрал Па Солт?

Она протянула руку Тигги, которая взяла за руку Алли, и так продолжалось, пока Семь Сестер не образовали нераздельное кольцо.

– Георг, вы слышали, что сказала Электра, – обратилась Алли к нотариусу. – Свяжитесь с Гансом. Нам нужно как можно скорее встретиться с Па Солтом.

Георг встал и поспешно вышел из столовой. Все остальные какое-то время сидели в потрясенном молчании. Спутники сестер находились в особом замешательстве; у них не было слов, способных успокоить бурю эмоций, переживаемых любимыми. В конце концов Алли заговорила:

– Мне показалось, что я слышала папин голос по телефону, когда ответила на звонок в его кабинете. – Она посмотрела на остальных. – Возможно, так и было на самом деле.

Электру посетила мысль.

– Ма? – спросила она. – Когда я столкнулась с Кристианом в Париже, он что-то делал для Па Солта?

Марина кивнула.

– Да, *chérie*. Он искал Манон Ландовски, внучку Поля.

– Зачем?

– Перед смертью Па Солт хотел поблагодарить семью, которая спасла его в начале жизненного пути, хотел, чтобы это доброе дело не было забыто следующими поколениями Ландовски.

– Кристиан нашел ее?

– Да, – кивнула Ма. – Она оказалась сочинительницей песен! Кристиан передал ей письмо, и она сказала, что ее отец Марсель часто и с нежностью вспоминал «молчаливого мальчика».

– С нежностью?! – воскликнула Майя. – Кто бы мог подумать?

Когда вернулся Георг, рокот двигателей «Титана» раздавался по всему судну.

– Ганс рассчитывает, что мы подойдем к Делосу на рассвете. Я позвоню Клавдии и сообщу ей о нашем прибытии. – Он сделал паузу. – Девочки... мы поступаем правильно?

Человек, который за последний год был источником уверенности для сестер, сейчас выглядел абсолютно растерянным.

– Совершенно правильно, Георг, – заверила Стар.

– Мы можем поговорить с ним по телефону прямо сейчас? – спросила Алли. – Просто на тот случай, если что-то произойдет?

Георг грустно покачал головой.

– Ему трудно говорить по телефону. Фактически у него почти не осталось сил. Я думаю, будет лучше, если Клавдия не сообщит ему о нашем скором прибытии.

– О боже, – прошептала Стар. – Что, если он не переживет эту ночь?

– Переживет, Стар, – пообещала Тигги. – Обязательно переживет.

Когда «Титан» приблизился к Делосу, крошечный остров купался в предрассветном сиянии, солнце еще не выглянуло из-за горизонта. Островок был каменистым, с пятнами зеленой и желтой травы, которые поднимались к одинокой вершине. Это в сочетании с отдельными древнегреческими колоннами, стоявшими здесь и там, создавало атмосферу старинного чуда.

Не было никакой возможности завести «Титан» в миниатюрную гавань, поэтому Ганс Гайя опустил якорь как можно ближе к острову и подготовил катер, чтобы доставить сестер на берег. Пока Алли вела к причалу маленький катер, на берегу появилась знакомая фигура. Клавдия помогла девушкам выбраться из катера и поочередно обняла их. Самые долгие объятия она приберегла для своего брата Георга. Обычно сдержанная экономка Атлантиса разрыдалась в его руках.

– Девочки, – всхлипывала она. – Ваш отец – настоящий ангел-хранитель.

– Отведи нас к нему, Клавдия, – попросила Майя.

Экономка повела группу по пыльной тропе к подножию большого зеленого холма, где дорожка стала настолько узкой, что сестры

выстроились вереницей. На вершине появилось отдельно стоявшее бунгало с выбеленными стенами. Как и писал Па Солт, оттуда открывались величественные панорамные виды на античный остров и морские просторы.

– Как он себя чувствует, Клавдия? – поинтересовалась Алли.

– Ему становится хуже; на прошлой неделе он перенес очередной сердечный приступ. Когда я подумала, что это его последний день, то рассказала ему, что Мерри нашлась и что вы все собираетесь возложить венок на море. Это поддержало его силы. Он всю свою жизнь не хотел сдаваться, но теперь... – Клавдия повернулась к Мерри и взяла ее за руку. – Моя дорогая... Наверное, будет лучше, если девочки сначала подготовят его к вашему появлению. Он очень слаб.

– Разумеется, – кивнула Мерри.

– Ма, ты можешь зайти первой и сказать ему, что все мы здесь? – спросила Майя.

– Что-то мне подсказывает, что он уже знает, – прошептала Тигги.

– Конечно, *chérie*. – Ма грустно улыбнулась. – Я зайду первой и скажу ему.

Клавдия вошла с Мариной в прохладный, тенистый дом и повела ее по коридору в спальню, расположенную позади.

– Ты готова? – спросила Клавдия. Марина кивнула, и Клавдия открыла дверь.

Атлас дремал на двуспальной кровати в углу комнаты, обложенный несколькими белоснежными подушками. Когда Марина подошла ближе, он медленно открыл глаза и повернул голову, чтобы лучше видеть ее. Его кожа посерела, глаза запали, но радужки сохраняли обычный карий блеск.

– Здравствуйте, *chérie*, – тихо сказала она и взяла его хрупкую руку. – Это я, Марина.

Атлас улыбнулся.

– Здравствуйте, Ма.

Она осторожно обняла его, расстроенная его худобой. Потом выдвинула деревянный стул и опустилась рядом с ним.

– Марина, я... простите, – прошептал он. – Простите... за все.

– Шшш, *chérie*, – утешила его Марина. – Тут не за что просить прощения.

– Девочки... с ними все в порядке?

– Все *замечательно*, Атлас.

Эта новость успокоила его.

– Они знают, что я жив?

– Да, Атлас, они знают. Они стоят снаружи и ждут встречи с вами.

Плечи Атласа расслабленно опустились.

– Девочки здесь? Они приехали ради меня?

– Да. Они *все* здесь.

– Вы хотите сказать... – Марина кивнула. – Она здесь? – надтреснутым голосом спросил Атлас. – Моя первая дочь?

– Да.

Атлас попытался собраться с силами, борясь с поверхностным, прерывистым дыханием.

– Им известно, что я при смерти?

– Не будьте смешным, *chéri*. Как будто вы сами в это верите.

– Ма. – Он чуть крепче сжал ее руку. – Все в порядке. Они знают?

Марина сдерживала слезы. Атлас до последнего старался защитить своих дочерей.

– Да. Они хотят попрощаться с вами. Как и я, мой дорогой человек. – Она ласково погладила его по голове. – Сколько трудностей вы пережили!

– Трудностей, Марина? – Атлас умудрился покачать головой. – Нет. Только жизнь и люди, хорошие и плохие, которые появлялись и пропадали за эти девяносто с лишним лет.

– Прежде чем войдут девочки, я хочу отдельно поблагодарить вас за то, что вы доверили мне их воспитание. За то, что приняли меня на работу без квалификации и рекомендаций...

– Моя дорогая Марина. – Он улыбнулся. – Я видел, как вы ухаживали за теми детьми в Париже. Я знал, как много в вас нерастроченной любви.

– Но я делала и ужасные вещи, за которые мне стыдно до сих пор.

Он похлопал ее по руке.

– Я много раз говорил девочкам: нужно судить о людях не по их делам, а по тому, *какие они* на самом деле. Кстати, Георг здесь? – Ма кивнула, и Атлас вздохнул. – Вы когда-нибудь задавались вопросом, почему он так и не смог признаться вам в любви, хотя все эти годы его чувства к вам были совершенно очевидны?

Ма тихо рассмеялась.

– Я бы солгала, если бы сказала «нет». Но он многого не знает обо мне. Меня беспокоит, что он будет... *стыдиться* меня.

– Умоляю вас, поговорите с ним. Вы оба можете оставить прошлое в покое. Пожалуйста, Марина, жизнь так коротка... обещайте, что хотя бы попробуете. – Атлас кротко посмотрел на свою старинную знакомую.

– Обещаю. – Марина немного помолчала, собираясь с мыслями: – Итак, у вас есть силы для встречи с девочками?

Улыбка вернулась на его лицо.

– Если нет, то я найду их. Как думаете, девочки справятся?

– О, да. Мы вырастили сильных женщин. – Марина встала, снова взяла руку Атласа и поцеловала ее. – Пойду приглашу их к вам.

Атлас откинулся на подушки и призвал на помощь последние крохи энергии, которые у него еще оставались. Он закрыл глаза и вознес короткую молитву:

– Спасибо тебе, что ниспослал их ко мне.

Потом дверь спальни снова отворилась, и слезы заструились по его лицу, когда он поочередно приветствовал шесть своих дочерей. Он брал каждую из них за руки и легонько целовал в макушку, как делал это раньше, когда они были детьми. Хотя все они плакали, это были слезы радости, а не страдания. Несмотря на ход событий, неоднократно разделявший членов семьи, Вселенная напоследок свела их вместе.

Сестры расположились вокруг отцовской кровати. Он был безмерно рад находиться в окружении людей, которых любил больше всего на свете.

– Мои дорогие, отважные, прекрасные девочки. Я хотел только, чтобы вы оставались в безопасности.

– Мы знаем, Па, мы все знаем, – утешительно произнесла Стар.

– Мы просто... так рады снова видеть тебя! – всхлипнула Алли.

Атлас посмотрел в потолок.

– Это долгая история. Я не ожидал, что выживу... – Он повернулся к сестрам. – Но я описал все последние события и передал бумаги Георгу. Вы узнаете правду.

– Мы уже знаем, Па, – тихо сказала Электра. – Георг ознакомил нас с этими записями перед прибытием сюда.

– Ах, вот как? – Атлас изогнул бровь. – Пожалуйста, напомните мне, чтобы я не забыл уволить его.

Сдавленные смешки перемежались со всхлипываниями сестер.

– Кстати, где он? – пробормотал Атлас.

– Ждет снаружи, – ответила Сиси. – Мне позвать его?

Атлас улыбнулся.

– Спасибо, Сиси.

Майя наклонилась к отцу.

– Па, через твою «смерть» все мы выросли и заново обрели себя. Теперь мы взрослые люди, такие, какими ты хотел нас видеть.

Атлас слабо кивнул.

– Я очень горжусь вами. Георг сообщил мне, что каждая из вас нашла свою биологическую семью.

– Да, – ласково сказала Майя. – Но еще важнее, что мы нашли свое будущее. И счастье тоже.

– Тогда это лучший подарок, который я мог вам преподнести, – выдохнул Атлас.

– Один вопрос, Па, – сказала Алли. – За прошлый год всем нам казалось, что мы видели или слышали тебя.

– Или даже чуяли, – прошептала Электра.

– Ты возвращался в Атлантис? – спросила Алли.

– А может, ты был в Бергене? – добавила Стар. – Мне показалось, что я видела тебя на концерте Алли.

Их отец улыбнулся.

– Увы, нет, хотя я следил за вашими успехами. Можно сказать, что душевно я был с вами, и так будет всегда... Только посмотрите на Семь Сестер из скопления Плеяд, и я буду там. Атлас – ваш отец, присматривающий за вами.

– Для нас ты всегда будешь Па Солтом, – всхлипнула Тигги.

– Разумеется, – усмехнулся он. – От меня до сих пор пахнет морем, маленькая Майя?

Девушки снова рассмеялись. Они чувствовали, что он старается выглядеть сильным ради них.

Кто-то тихо постучал в дверь, и Георг Гофман вошел в комнату.

– Здравствуйте, Атлас, – произнес старый друг.

– Снова здравствуй, Георг. Очень приятно, что ты в третий раз пришел попрощаться со мной. – Он подмигнул Георгу. – Извините,

девочки, вы не освободите нам немного места?

Майя и Алли подвинулись так, чтобы Георг смог вплотную подойти к кровати. Он взял Атласа за руку, но тот осторожно привлек его к себе для объятия. Потом он прошептал что-то на ухо Георгу, который энергично кивнул, прежде чем выпрямиться.

– Спасибо, друг мой, что привел их всех ко мне. Это самый чудесный подарок.

– Кстати, о подарках, – сказал Георг. – Алли? Мы принесли Бэра.

– Па... Ты хотел бы увидеть своего внука?

– Твоего мальчика, Алли? Он на Делосе?

Она кивнула.

– Капитан Ганс только что доставил его с «Титана».

Глаза Атласа влажно блеснули.

– Пожалуйста, принеси его.

Алли моментально исчезла и вернулась с сыном на руках.

– Па, это Бэр. Бэр, познакомься со своим дедушкой.

– Здравствуй, мой драгоценный. Можно мне подержать его? – Алли замешкалась. – Пожалуйста, я ни разу не уронил ни одну из вас и теперь не собираюсь!

Алли улыбнулась и аккуратно поместила сына на руки своего отца.

– Бэр... что за славное имя. Боже мой, Алли. – Атлас посмотрел на дочь. – Он так похож на тебя.

Сестры смотрели, как их отец воркует и возится с малышом, который каким-то образом наделил Атласа новой энергией, словно тот черпал силы от молодой жизни и будущего, которое укачивал на руках. С новым энтузиазмом Атлас принялся расспрашивать дочерей об их избранниках. Конечно, он получал подробные сообщения от Георга, но было гораздо приятнее слышать из уст дочерей рассказы о судьбах семей, с которыми он был знаком много лет назад.

Когда Майе показалось, что пришел нужный момент, она обвела сестер выразительным взглядом. Они согласно кивнули.

– Па, – сказала Майя. – Здесь кое-кто еще хочет встретиться с тобой. Она ждет снаружи.

Атлас часто задышал. Тигги взяла его за руку.

– Не пугайся, Па: это подарок от Вселенной.

Девушки встали одна за другой, и он послал им воздушный поцелуй, когда они выходили из комнаты. Потом дверь снова медленно приоткрылась, и Мерри вошла внутрь.

– Здравствуй, Па, – с улыбкой сказала она. Потом подошла к нему и нежно поцеловала в лоб.

Глаза Атласа широко распахнулись.

– Элле... – прошептал он.

Мерри покачала головой.

– Боюсь, что нет. Ирландская семья, которая удочерила меня, дала мне имя Мэри. Но все стали называть меня Мерри, потому что я была очень веселой. Ваши девочки сказали, что вы назвали бы меня Меропой, если бы нашли раньше.

– Меропа... Мерри. – Атлас просиял от этого совпадения и восторженно посмотрел на дочь. – Это и впрямь ты?

– Да, это я. Плоть от плоти.

Атлас был настолько взволнован, что не мог говорить. По его щекам текли слезы. Он протянул руку, и Мерри крепко сжала ее. Вскоре она тоже расплакалась. Оба какое-то время сидели в молчании, отец и дочь, которые впервые увиделись и узнали друг друга.

– Ты похожа на свою мать, – выдавил Атлас. – Элле была такой красивой... Видишь, вот она. – Он указал на угольный рисунок из Атлантиды, который теперь висел напротив его кровати.

– Я видела копию у Георга, – ответила Мерри. – По словам девочек, они узнали меня сразу же, как я поднялась на борт «Титана». – Она кивком указала на рисунок. – Все гадали, куда подевался оригинальный портрет.

– Я попросил Клавдию доставить его сюда. Это все, что у меня осталось от нее. – Атлас смотрел на свою дочь, задыхаясь от нахлынувших чувств. – Теперь ты здесь, и частица Элле вместе со мной. Это чудо. Прости, дорогая, что я не смог защитить тебя. Долгие годы я искал тебя по всему свету, но не ожидал, что ты окажешься в Ирландии. Я...

Мерри видела, что расстройство Атласа плохо влияет на его состояние.

– Шшш, папа, все в порядке. Теперь все хорошо. Лучше расскажи мне об Элле, о моей маме.

Атлас широко улыбнулся.

– Это будет честью для меня.

Он взял Мерри за руку и рассказал ей все, что мог. Старшая дочь наблюдала за игрой света в его глазах, пока он вспоминал свою самую большую любовь и все, чем она была для него. В конце концов Атлас утомился, и Мерри увидела, как он погружается в дремоту, по-прежнему держа ее за руку. Его хватка постепенно ослабла, и Мерри ощутила, что ее отец уходит куда-то далеко. Она поспешно встала и вышла, чтобы привести остальных на церемонию прощания.

Сестры поочередно поцеловали отца и расселись вокруг кровати, держась за руки и беззвучно рыдая.

Наконец солнце взошло над Делосом, и его лучи осветили лицо Атласа. Он открыл глаза и огляделся с широкой улыбкой, излучавшей волны тепла и доброты.

– Я вижу ее, – сказал Атлас. – Она ждет меня. Элле ждет меня...

Потом, прощаясь со своей жизнью, полной безмерной красоты, страданий и добрых дел, Атлас в последний раз закрыл глаза.

Эпилог

Атлантис, год спустя

Несмотря на тесноту, семь сестер умудрились поместиться в маленьком катере Кристиана.

– Ты уверена насчет управления судном, Алли? – спросил он.

– Да, спасибо, – ответила она и устроилась за рулем.

– Ладно, Ма, мы готовы, – сказала Майя и изогнулась, чтобы обернуться к причалу. Потом протянула руки.

– *Oui, chérie.* – Ма передала ей урну с прахом Атласа. Потом она отступила назад, и Георг нежно положил руки ей на плечи.

– Вы уверены, что не хотите отправиться с нами? – спросила Электра. – Кристиан может быстро подготовить другой катер.

– Спасибо, нет, дорогая, – ответила Ма. – Будет правильнее, если вы одни отправите его на покой.

– Мы будем ждать вас здесь, – заверил Георг.

Алли кивнула Кристиану, который отвязал причальный канат. Она завела мотор и медленно выплыла к центру озера. Июньский день был сухим и ярким, солнечный свет плясал на стеклянистой водной глади. Убедившись в том, что они достигли нужного места, Алли выключила двигатель, и сестры оказались посреди изысканной красоты горного озера.

Как ни странно, никто не испытывал скорби. Напротив, они были исполнены спокойствия и уверенности в том, что наконец смогли устроить своему отцу такие проводы, которых были лишены в прошлый раз. Катер плавно покачивался на волнах.

– Алли, ты сыграешь? – наконец спросила Майя.

Ее сестра кивнула и достала из-под скамьи футляр с флейтой. Она раскрыла футляр, приложила ко рту губную пластинку и заиграла. Сестры выбрали «Юпитер» из «Планетной сюиты» Густава Хольста, одну из любимых отцовских мелодий.

Звуки музыки доносились через озеро до берегов Атлантиса. Сестры закрыли глаза и мысленно обратились к своему отцу. Они

поблагодарили его за избавление от той жизни, которую они могли бы иметь, и за его беззаветную любовь.

– Спасибо, Алли, – сказала Стар, когда сестра прекратила играть.

– Ну, пора, – сказала Майя и осторожно открыла крышку урны. Она взяла пригоршню пепла и развеяла его над озером.

– До свидания, Па, – произнесла она со стоической выдержкой.

Урну передавали по очереди каждой из сестер. Некоторые много говорили, другие молчали. Наконец урна оказалась в руках Мерри.

– Спасибо. – Она улыбнулась и сделала глубокий вдох. – Па, хотя мы были едва знакомы, я очень горда быть твоей дочерью.

Она высыпала в воду последнюю пригоршню пепла.

Через некоторое время Алли завела мотор и неторопливо доставила своих сестер на берег. На травянистой площадке за причалом целая толпа друзей и членов семьи собралась почтить память необыкновенного Атласа Танита. Кристиан отвязал причальный канат, протянул руку Майе, и она вышла на деревянные сходни. Валентина пробежала по доскам и крепко обняла ее. За нею последовал Флориано, баюкавший на руках их трехмесячную дочь Бел, радостно засопевшую, когда она оказалась у матери.

– Привет, милая, – проворковала Майя. – Пойдем, давай освободим место для остальных.

Сестры одна за другой вышли на берег и оказались в объятиях своих любимых людей. Это был воистину торжественный день для встречи в Атлантиде семей со всех концов света.

– Иди сюда, Алли, – сказал Джек и привлек ее к себе.

После смерти отца Джек стал несокрушимой скалой для Алли. Никогда в жизни за ней так не ухаживали. Когда после того рокового дня на Делосе все вернулись в Атлантиду, Мерри первой предложила тост в их честь:

– Я хочу поздравить Джека и Алли! Вы, э-э... стали другими за последние дни, и замечательно видеть, как вы счастливы.

– Да, выпьем за них! – воскликнула Мэри-Кэт под приветственные возгласы сестер и повернулась к покрасневшей Алли.

Джек нежно поцеловал ее.

– Мы слышали, как ты играла на озере, – сказал Том, брат-близнец Алли, который был следующим в очереди на объятия. – Это было безусловно.

– Он прав, – подтвердил Феликс, который потягивал апельсиновый сок, а не «Вдову Клико». – Том всегда слышит, когда я не попадаю в ноты. – Он издал смешок. – Очень хорошо, правда. Отец бы гордился тобой.

– Спасибо, Феликс.

– Мама! – воскликнул Бэр, который подошел к Алли, цепляясь за руки Марины и Георга.

– Ты бегаешь слишком быстро, *chéri!* Бабушке за тобой не угнаться, – со смехом сказала она.

– И дедушке тоже. – Алли улыбнулась Георгу. – Привет, Бэр!

Она подхватила сына на руки.

– Он старается попевать за своим новым другом Рори, – рассмеялся Джек. – Они бегают повсюду!

– Можно предложить шампанского, Алли? – спросил Том.

Она помедлила и покосилась на Джека.

– Вообще-то я лучше присоединюсь к Феликсу с апельсиновым соком.

– Уже иду, – откликнулся Том, направляясь к дому.

На зеленой лужайке Орландо Форбс дивился поразительной архитектуре Атлантиса.

– Превосходно и утонченно! – восклицал он. – Очень изысканно! И вы говорите, что особняк был построен в тысяча девятьсот шестидесятых годах? Просто не могу поверить, мисс Стар. У меня есть вкус к подобным вещам, и я бы уверенно предположил, что это постройка восемнадцатого века. – Он подбоченился. – Это архитектурный шедевр.

– Он был бы очень рад услышать твое одобрение, Орландо, – ответила Стар. – И, конечно, ему бы не удалось этого достигнуть без вашего деда и бабушки.

– Добрый старый дедушка Руперт, да? – отозвался Орландо.

– Очевидно, храбрость и порядочность у Форбсов передаются по наследству, – пошутил Маус.

– Да. Как жаль, что между вами целое поколение, – хихикнула Стар.

– Ах, мисс Стар! – воскликнул Орландо, театрально схватившись за грудь. – Вы поразили меня в самое сердце!

– Если ты будешь хорошо себя вести, я позволю тебе пользоваться папиной библиотекой, – заметила Стар.

– Как ты можешь подозревать меня в *дурном* поведении? – шутливо поинтересовался Орландо.

– Когда речь идет о тебе, братец, никакие предположения не бывают излишними. – Маус допил шампанское.

Стар оглянулась через плечо на свою новообетенную сестру.

– Мне пришла в голову мысль, Орландо. Ты уже познакомился с Мерри надлежащим образом?

Мерри обернулась при упоминании ее имени.

– Меня осуждают? – поинтересовалась она и подошла к ним. – О, кто это, неужели виконт собственной персоной?! – Она рассмеялась. – Как поживает ваше увлечение винной журналистикой?

Орландо съезжился и как будто стал на несколько дюймов меньше.

– Мерри, примите мои смиренные извинения за эту невинную уловку. Но уверен, вы согласитесь, что я исходил из наилучших побуждений... – Он с поклоном протянул руку, и Мерри пожала ее.

Мэри-Кэт присоединилась к матери:

– Боже мой, значит, вы Орландо? Тот, который изображал виконта? Вы прямо-таки легенда нашей семьи!

– В самом деле? – отозвался Орландо и горделиво выпятил грудь.

– Да! Мы постоянно шутим на эту тему. Если кто-то начинает травить побасенки, мы говорим, что он «играет в Орландо»!

Маус взорвался смехом, глядя, как самоуверенность брата сдулась прямо на глазах.

– Извините за вмешательство, – сказал Георг. – Я только что сообразил, что мне понадобятся подписи на некоторых документах, связанных с наследством. Не возражаете, если я ненадолго займу ваше время? – обратился он к Мерри.

– Ведите, Георг! – Мерри помахала группе родственников и последовала в дом за нотариусом.

– Я рад, что вы наконец отправились в мировое турне, Мерри.

Она тихо рассмеялась.

– Я тоже рада, Георг. Хотя маршрут оказался совсем не таким, как я предполагала! Только вчера вечером я прилетела из Гранады.

– Да, я слышал. Должен сказать, это замечательно, что вы решили посетить все места, где бывал ваш отец.

Мерри кивнула.

– Я хотела все увидеть своими глазами. Его дневник был самой поразительной историей, какую мне приходилось читать.

– И вы побывали везде?

– О, да, – с гордостью ответила Мерри. – Я видела железнодорожный вокзал в Тюмени, старую мастерскую Ландовски, гавань Бергена, Кубер-Педи... это длинный список. Теперь я чувствую себя очень близкой к отцу.

Георг положил руку ей на спину.

– Я уверен, что он с вами. Кстати говоря... я слышал, что Джек и мсье Питер сопровождали вас в путешествии по Европе?

Он изогнул бровь, и Мерри цокнула языком.

– Не заставляйте меня краснеть, Георг.

– Прошу прощения, – искренне отозвался он. – Но я был рад это слышать.

– А я рада за вас и за Марину.

Георг расплылся в улыбке.

– Мы любили друг друга больше тридцати лет. Все это время я любовался ее красотой, терпением и великодушием... но мне не хватало смелости что-то сказать. Как оказалось, с ней происходило то же самое.

Георг проводил Мерри в кабинет Атласа. Она лишь однажды бывала здесь раньше и теперь поежилась, ощущая духовное присутствие своего отца. Хотя блоки компьютеров и большие мониторы выглядели впечатляюще, ее взгляд останавливался на личных сокровищах, бессистемно расставленных на полках за письменным столом. Она улыбнулась, когда заметила нескольких «счастливых лягушек» Грига, потрепанную старую скрипку и кусок опала, заключенный в породу.

Вслед за Георгом Мерри подошла к столу, и он показал ей документ.

– Если вы поставите подпись в указанном месте, то официально войдете в состав трастового фонда Атласа, как он и хотел.

– Со стороны девушек было очень любезно дать разрешение на это. Я никогда не ожидала...

– Как вам известно, шесть сестер *настаивали*, чтобы к вам относились как к равной, – перебил Георг.

Мерри кивнула и сняла колпачок ручки.

– Кстати, нужно ли покидать нас уже сегодня вечером, Мерри? Нам будет вас не хватать.

Она вздохнула.

– Боюсь, мне нужно уехать. Но уеду только я; Мэри-Кэт останется вместе с Джеком и Алли. Я пообещала, что приеду в Дублин и навещу Амброза. – Мерри грустно покачала головой. – Его здоровье быстро ухудшается. Он так много сделал для меня, что сейчас я обязана быть рядом с ним.

Георг сочувственно кивнул.

– Знаю, все поймут вас.

– К тому же... – Мерри подписала документ и опустилась в глубокое кожаное кресло Атласа, стоявшее у окна.

– Да, Мерри?

– Вы помните, что в своем дневнике мой отец упоминает о брате Элле... о моем дяде? Атлас написал, что его усыновили в младенчестве и отвезли куда-то в Европу.

– Да, я помню, – ответил Георг, прислонившись к письменному столу.

– Я пыталась выяснить, что с ним случилось. Провела небольшое расследование.

На губах Георга заиграла улыбка.

– Вы что-нибудь обнаружили?

Мерри пожала плечами.

– Несколько разрозненных фрагментов информации. Я начала расследование вместе с Амброзом, чтобы ему было чем занять свой интеллект. Но теперь мне чрезвычайно хочется узнать, что стало с моим дядей. Конечно, это маловероятно, но... – Глаза Мерри блеснули. – Все-таки возможно, что он жив.

Георг кивнул.

– Вижу, что яблоко от яблони недалеко падает, Мерри. Не стоит и говорить, что, если вам понадобятся мои услуги, я почту за честь помочь вам. – Он посмотрел в окно на группу людей, которых они оставили несколько минут назад. – Мне также известно, что Орландо Форбс весьма полезен в том, что касается запутанных расследований.

Мерри хихикнула.

– В самом деле?

– О, да, – кивнул Георг.

Их разговор был прерван голосами Сиси и Крисси, которые проходили мимо открытой двери кабинета.

– Эй, я хочу узнать насчет секретных тоннелей и тайников в этом доме! – воскликнула Крисси.

– Видишь ли, мы запечатали их, – ответила Сиси. – Пора все начинать сначала.

Она заметила Георга и Мерри, сидевших в кабинете.

– День добрый. Вы, случайно, не видели где-нибудь поблизости дедушку Фрэнсиса?

Георг кивнул в сторону окна.

– Он на веранде, Сиси.

– Отлично, спасибо! – Они с Крисси направились на кухню, а оттуда через стеклянные раздвижные двери вышли на веранду. Фрэнсис Абрахам сидел за старинным бронзовым столом; когда он увидел девушек, то выдвинул пару стульев.

– Ах, девочки, – сказал он. – А я уже гадал, куда вы пропали. Хотел поблагодарить вас за то, что пригласили меня. Для меня большая честь увидеть ваш дом и почтить память твоего отца, Сиси.

– Спасибо, что приехал, Фрэнсис! – Сиси крепко сжала руку своего деда. – Я очень рада, что ты здесь.

– Мне хотелось бы написать пейзаж с видом на озеро. Как думаешь, это возможно? – спросил он.

– Разумеется! У меня наверху есть холсты и палитры. Потом пойдем посмотрим.

На другом конце стола Зара, дочь Чарли, неустанно возносила хвалы Атлантису.

– Мы можем немного пожить здесь, да? Это же *супер!* – Она уселась рядом с Чарли и Тигги.

– Не уверена, что тебе так уж понравится, – сказала Тигги. – Каждый раз, когда ты захочешь отправиться на вечеринку, тебе придется выезжать на катере.

Зара рассмеялась.

– Тогда мы будем устраивать вечеринки прямо здесь!

– Думаю, бедная старая Клавдия не управится с вашими буйными сборищами, – сказал Чарли, энергично потрепав дочь по голове.

– Прекрати, папа! – воскликнула Зара.

– Да, прекрати это, Чарли, – согласилась Тигги и протянула руку, чтобы поправить волнистые темно-русые волосы Зары.

– Ладно, ладно, я все понял. – Чарли задумался. – Девочки, вы меня извините, если я отлучусь минут на десять? Я обещал побеседовать с Алли. Ты помнишь, где я оставил свою большую сумку, Тиггс?

– Кажется, на кухне.

– Отлично. Скоро вернусь! – Чарли встал и вошел в дом.

Зара вопросительно посмотрела на Тигги, та пожала плечами и улыбнулась.

В другой части Атлантиды Электра гуляла в одном из заповедных садов Па Солта вместе со Стеллой Джексон и Майлзом, внимательно слушая их.

– Я помню, как он говорил о своих цветах, когда мы встретились за ужином, – задумчиво сказала Стелла. – Он так гордился ими, и теперь я понимаю, почему!

– У него было много талантов, – заметила Электра.

– Без шуток, – улыбнулась Стелла. – Столько людей собралось здесь из-за одного человека! Это настоящая дань уважения ему.

– Ты права, – отозвалась Электра. – Но вот что поразительно: большинство сегодняшних гостей ни разу не встречались с ним! Ты находишься в меньшинстве, бабушка.

Стелла приложила ладонь к сердцу.

– Это на самом деле честь для меня. Он был невероятно добрым человеком, с таким невыразимым ощущением... достоинства. Это трудно объяснить.

– Тем не менее я понимаю, что ты имеешь в виду, – кивнула Электра.

– Как вы думаете, что будет с этим местом? – спросил Майлз, указывая на дом.

– С Атлантидой? Мы навсегда сохраним его. Когда жизнь обернется темной стороной, у нас будет безопасное место, куда мы сможем вернуться.

– Это замечательная мысль, – улыбнулась Стелла. – В точности так, как он бы хотел.

Майлз, вечный прагматик, продолжил свои расспросы:

– А как насчет Ма, Клавдии и Кристиана? Что будет с ними?

– Алли и Майя говорили с ними. Все они хотят остаться здесь. Атлантис – такой же их дом, как и наш. Кроме того, поскольку Ма и Георг теперь... э-э, как бы то ни было, я точно не беспокоюсь о том, что она будет чувствовать себя одинокой в наше отсутствие.

* * *

Георг и Мерри услышали стук в дверь кабинета.

– Заходите! – крикнул нотариус.

Майя просунула голову в комнату.

– Извините, я не помешала?

– Вовсе нет, дорогая, – сказала Мерри.

– Можно ли ненадолго умыкнуть у вас Георга?

– Разумеется! – жизнерадостно сказала Мерри. – Кстати, я почти готова к еще одному бокалу шампанского. Увидимся, Георг. – Она прошла по комнате и запечатлела легкий поцелуй на щеке Майи. – Мы тоже скоро встретимся.

– Спасибо, Мерри. – Майя аккуратно закрыла дверь и разгладила платье. – Итак, у нас есть какой-то прогресс?

Георг кивнул.

– Я собирался поговорить с тобой попозже. Понимаю, что это очень насыщенный день...

– Все в порядке, Георг. Какие новости?

– Я получил ответ от родителей. Рад сообщить, что он такой, как ты и надеялась. Родители действительно сказали своему сыну, твоему сыну, что он является приемным ребенком.

Майя нервно передернула плечами.

– Хорошо.

– Но, – продолжал Георг, – они хотят, чтобы по достижении восемнадцати лет или позже он самостоятельно решил, нужны ли ему твои координаты. Он еще не выказывал интереса к своей биологической матери, и они благоразумно не хотят расстраивать его.

Майя кивнула.

– Это и впрямь очень разумно.

Георг утешительным жестом положил руку на плечо Майи.

– Ты осторожна и проницательна, как всегда. Твой сын будет гордиться тобой.

Глаза Майи заблестели.

– Я надеюсь на это, Георг. Я решила, что, когда ему исполнится восемнадцать, я напишу ему письмо и предоставлю выбор, захочет он узнать свое прошлое или нет. Точно так же, как Па Солт сделал для нас.

– Не сомневайся, что тогда я буду твоим верным посланцем.

– Спасибо, Георг. – Она обняла его.

Двумя этажами выше, в детской спальне Алли, доктор Чарли Киннард посмотрел на устройство, которое привез с собой из хирургической клиники по просьбе Алли.

– Готово, – сказал он.

Джек сидел на кровати рядом с Алли, крепко держа ее за руку.

– Итак? Что скажете, доктор?

Чарли улыбнулся.

– Еще минутку, чтобы узнать наверняка.

Алли опустила голову на плечо Джека.

– Как поживает ваш белый олень, Чарли? – спросила она.

– Мы редко видим его, но, когда встречаем... это славное зрелище. Наш егерь Кэл хотел пометить его электронным чипом, но... – Чарли пожал плечами. – Мне показалось, что это разрушит волшебство.

Врач уловил нервозность в глазах будущей супружеской пары. Ему уже не раз приходилось видеть нечто подобное.

– Как дела на ваших виноградниках, Джек?

– В этом году урожай был особенно хорош, – отозвался Джек. – В начале следующего месяца нам нужно будет вернуться обратно, чтобы посмотреть на новые посадки.

Чарли улыбнулся.

– Жизнь между Норвегией и Новой Зеландией... Я жутко завидую вам!

– Вообще-то нам нужно благодарить Мэри-Кэт, – пояснила Алли. – Она замечательно справилась со всеми делами в зимний сезон.

Она выжидающе посмотрела на Чарли. Тот поднес устройство к окну, чтобы подтвердить результат.

– Ну что же, теперь это официально. Поздравляю вас обоих.

Джек и Алли дружно рассмеялись и обняли друг друга.

– Ох, спасибо, Чарли! Спасибо тебе! – Алли встала и подошла поцеловать Чарли.

– Не стоит благодарности. Это прекрасная новость, и я знаю, как все внизу обрадуются ей.

– Надеюсь. Но интересно, если... – Ее прервал громкий звук лодочного мотора, приближавшегося к берегу.

Чарли посмотрел в окно.

– Похоже, у нас посетитель, – объявил он.

– Кто это? – спросила Алли, глядя, как маленький катер подходит к причалу. Джек присоединился к ней у окна. Внизу, на лужайке, все устремили взоры к загадочному посетителю. Потом он поднялся на причал.

– О, нет, – прошептала Алли.

Тигги, стоявшая снаружи, уставилась на причал.

– Не может быть... – выдохнула она.

– Прости, Тигги, – сказала Электра, подойдя к ней. – Думаю, что может.

Зед Эсзу, облаченный в шикарный серый костюм, в авиаторских очках, с набриолиненными волосами, появился перед ними.

– О, нет, – прошептала Алли.

– Черт побери, – сказал Майлз и решительно зашагал в сторону Эсзу. Флориано и Маус присоединились к нему.

– Лучше остановитесь здесь, старина, – сказал старший из братьев Форбс.

– Кто дал вам разрешение находиться здесь? – крикнула Марина с веранды. – Вы нарушаете границы чужой собственности!

– Какой теплый прием! – со слащавой улыбкой отозвался Зед. – Я всего лишь заглянул на огонек, чтобы осведомиться о здоровье любимых сестер и отдать дань уважения их отцу. Наш общий друг в соцсети опубликовал видео о том, как вы развеивали его пепел над озером.

Майя решительно пробилась через толпу, чтобы оказаться лицом к лицу с Эсзу. Когда она заговорила, в ее голосе не было и тени страха:

– Ты можешь уходить, Зед. Здесь для тебя ничего нет. Ты явился сюда, чтобы запугивать нас, но это больше не работает.

– Запугивать вас? Это я-то, такой маленький и немощный? Как может бывший любовник позволить себе такое неуважение, моя милая? – При этих словах Флориано стиснул кулаки. – Я лишь хотел убедиться, что с тобой все в порядке после такого... болезненного периода.

– Мы ждали известий от тебя, – прошипела Электра. – Но вот забавно: ты совсем притих после того, как провалился твой проект «Атлас». Последнее, о чем я читала в газетах, – это переход «Лайтинг Коммьюникейшенс» под внешнее управление.

Зед гневно ощетинился.

– Действительно, переосмысление глобальной инфраструктуры интернета во время финансового кризиса было не лучшим моментом моей карьеры. – Он сжал губы. – Особенно потому, что нас субсидировал... «Бернерс».

– Который обанкротился, – с удовольствием заметила Стар.

– Да. Очевидно, я не обладаю деловой сметкой моего отца.

– Мы больше не боимся тебя, – сказала Тигги и взяла Майю за руку.

– В самом деле? – отозвался Зед, пристально глядя на нее.

– Нет, Зед, ты больше не имеешь власти над нами, – твердо сказала Майя. – А теперь уходи из Атлантиды и больше не возвращайся.

– Как пожелаешь, дорогая. – Зед начал поворачиваться, но остановился. – Кстати, можно поделиться кое-чем, о чем вы не читали в газетах? – Он хищно улыбнулся. – Видите ли, я стал владельцем неплохого состояния после смерти моего делового партнера, Дэвида Раттера.

– Похоже, вас не слишком огорчила смерть партнера? – Мерри покачала головой.

– Именно так. Не хочу, чтобы вы тревожились о том, что Зед Эсзу разорился, вот и все.

Сиси нахмурилась.

– Дэвид Раттер... готова поклясться, что мне знакомо это имя.

Зед фыркнул.

– Возможно, потому что ты интересуешься новостями? Все знают о Дэвиде Раттере. Он был генеральным директором «Бернерс».

– О боже, да... – пробормотала Сиси. – Так он умер?

Зед кивнул.

– Да. Недавно у него случился инсульт. Это чрезвычайно странно, поскольку он был абсолютно здоров. У него был личный тренер, диетолог, но в один прекрасный день... бац, и все.

– Точно так же, как империя Эсзу, – добавила Алли, которая вышла из дома.

– Не совсем так, моя дорогая. Потому что старина Дэвид оставил мне маленький сюрприз в своем завещании. – И Зед сунул руку в карман.

Каким-то образом Сиси уже знала, что он собирается показать. Зед достал самую большую жемчужину, какую сестрам приходилось видеть. Солнце осветило шелковистую бледно-розовую поверхность камня.

– Вы догадываетесь, сколько стоит эта маленькая красавица? – спросил он.

Сиси тяжело сглотнула.

– Гораздо больше миллиона евро, – сказала она, все еще не веря своим глазам.

– Возможно, ты не так глупа, как я полагал, Сиси. Что ж, ты права, поскольку это не просто жемчужина. Это знаменитая *Розовая Жемчужина!* – Услышав название, некоторые сестры выразительно переглянулись. – Она много лет считалась пропавшей, но команда Дэвида нашла ее. И он завещал ее мне; кто бы мог подумать?! Я всегда считал, что старый мерзавец ненавидит меня. Он винил проект «Атлас» в крушении своего банка.

– Надо же, какой хороший друг, – пробормотала Сиси.

– Да уж! Так что, несмотря на все неудачи, я остаюсь миллионером. – Зед нежно посмотрел на жемчужину. – Уверю вас, я все восстановлю. Проект «Атлас» будет продолжаться в память о моем отце.

– Пора уходить, Зед, – сказала Майя и шагнула вперед.

Зед состроил грустную физиономию.

– Ты уверена, что мне не разрешат остаться на бокал шампанского, Майя? Как в добрые старые времена? – Он подмигнул.

В следующую секунду кулак Флориано с сочным хрустом врезался в лицо Зеда.

– Ты ее слышал? Уходи! – крикнул он.

Зед отшатнулся, прикрывая окровавленный нос.

– Я тебя засужу за нанесение телесных повреждений!

– Я адвокат и могу заверить, что нарушение границ чужой собственности и отказ покинуть ее означают, что мой друг действовал в рамках самообороны, – сказал Майлз. – А теперь уноси свою задницу подальше на этой чертовой лодке.

Зед в бешенстве зашагал по лужайке к причалу. Минуту спустя он завел мотор, и катер помчался от берега.

– Все в порядке? – спросила Алли. – Майя?

– В полном порядке, – ответила Майя и подбежала к Флориано. – Мой герой!

– Расшиб костяшки об этого придурка, – признался тот с легким смешком. – Первый раз в жизни ударил кого-то.

– Спасибо, Флориано, – сказала Электра. – Вы сделали то, что мы уже долгие годы хотели сделать. Но я просто... не могу поверить, что он имел наглость явиться сюда.

– Жемчужина... – пробормотала Сиси. – Жемчужина у него...

Тигги положила руку на плечо сестры.

– Все в порядке, Сиси?

– Эта жемчужина проклята, Тигги. О ней ходит много слухов. Возможно, ты помнишь...

– О господи! – воскликнула Стар. – Это та самая проклятая жемчужина, о которой ты нам рассказывала? Из Австралии?

– Да, – сказала Сиси. – Просто не верится, что она у него.

– Если он сможет восстановить свой проект, то снова обрушится на нас, – сказала Майя. – Но мы справимся с этим, правда?

– Разумеется, – подтвердила Алли.

– Вам действительно не стоит беспокоиться о новой встрече с ним, – прошептала Сиси.

Тигги смотрела на воду.

– Да, Сиси, ты права. Мы не будем беспокоиться об этом.

– Послушайте, – сказала Алли, – поскольку сейчас мы все вместе... – Она посмотрела на Джека, и тот кивнул. – Хотите узнать кое-какие новости?

Она протянула ему руку.

– Наверное, тебе стоит подготовиться, мама, – обратился Джек к Мерри.

– Мы с Джеком недавно побеседовали с Чарли, и он подтвердил, что у меня будет второй ребенок, – объявила Алли своим сестрам, с нетерпением смотревшим на нее.

Все разразились приветственными возгласами и аплодисментами, а потом бросились обнимать Алли и Джека. Первой, конечно же, была Мерри.

– Поздравляю, поздравляю! – Ее глаза быстро наполнились слезами. – Боже мой, я стану бабушкой! Если бы только твой отец мог это увидеть, он был бы счастлив. – Она заглянула в глаза Алли, потом посмотрела на Джека. – Оба отца были бы счастливы.

– О, *mon dieu, chérie!* – воскликнула Марина. – Ты понимаешь, что это значит, да?

– Да, Ма, – кивнула Алли.

– Род Па Солта и Элле продолжается, – с широкой улыбкой сказала Майя. – Как это вовремя!

– Я пойду и открою еще шампанского, – предложила Клавдия. – Правда, Алли сейчас нельзя...

Она поспешно ушла в дом.

– Что за восхитительная новость! – произнес Георг. – Думаю, это идеальный момент для еще одного, последнего откровения... Я прошу сестер ненадолго расстаться с остальными и следовать за мной.

Сестры переглянулись и последовали за Георгом, который уверенным шагом пересек лужайку. Они прошли сбоку от дома и оказались перед рощицей безупречно подстриженных тисов, обозначавшей вход в «тайный сад» Па Солта. Там их встретил нежный аромат лаванды, исходивший от ухоженных цветочных клумб. Оказавшись здесь, каждая из сестер невольно начинала вспоминать свое детство. Их взгляды устремились к короткой лестнице, которая вела к выложенному галькой бассейну.

Сад выходил прямо на озеро, с живописным видом на окрестности и беспрепятственным доступом для солнца, которое только начинало клониться к закату между горами. Неудивительно, что это было любимое место Па Солта.

– Итак, – сказал Георг. – Прошло два года, и мы снова собрались здесь.

Армиллярная сфера ярко блестела перед ними. Полоски с координатами пересекались друг с другом и окружали небольшой

золотистый шар в центре сооружения, который символизировал глобус, нанизанный на тонкий металлический стержень со стреловидным наконечником.

– Я должен показать вам еще одно чудо. – Георг медленно подошел к армиллярной сфере. – От вашего отца я получил подробные указания об устройстве этой конструкции.

Он протянул руку между полосами, ухватился за центральный шар и начал медленно поворачивать его, пока запястье не задрожало от напряжения. Девушки потрясенно смотрели, как шар начал раскрываться. Георг продолжал свою работу, пока верхняя половина шара не оказалась у него в руке.

Там, внутри сферы, находился огромный алмаз, посылавший по всему саду лучи отраженного света. Сестры безмолвствовали. Каждая из них точно знала, на что она смотрит.

– Ух ты... – наконец выдохнула Майя.

– Невероятно, – прошептала Алли.

– Как вам теперь известно, ваш отец долгие годы носил этот алмаз с собой, – сказал Георг. – Он мог бы продать камень, когда голодал и бедствовал, но не сделал этого.

– А мы гадали, куда он мог подеваться! – рассмеялась Тигги. – Я предполагала, что после очной ставки между Па Солтом и Кригом он оказался на дне Эгейского моря.

– Я тоже, – кивнула Стар.

– Но он все это время был здесь, – тихо сказала Мерри.

– Все верно, – продолжал Георг. – Когда я в предпоследний раз встретился с Атласом, он передал мне алмаз и велел закрепить камень внутри армиллярной сферы. Мне было велено вручить его вам, когда наступит подходящий момент. Я подумал, что сегодня как раз такое время.

– Финальный росчерк пера... – сказала Майя.

– Что же нам с ним делать? – поинтересовалась Алли.

Георг немного подумал.

– Атлас оставил это на усмотрение своих дочерей. Он верил в вашу принципиальность.

– Сколько он может стоить, Георг? – спросила Сиси.

– Утраченный алмаз последней русской царицы? – Георг рассмеялся. – Я не специалист, но после подтверждения его

подлинности, – а она несомненна, – я бы дал самую скромную оценку в десять миллионов евро.

– С такими деньгами мы могли бы изменить жизнь, – заметила Майя.

Алли посмотрела на сестру.

– Много жизней, – поправила она.

– Возможно, это звучит глупо, но в ранней юности мы с Сиси беседовали о том, что хорошо было бы основать благотворительное учреждение, – сказала Стар. – Ты помнишь, Сиси?

Та улыбнулась.

– Ты имеешь в виду благотворительный фонд Семи Сестер?

– Точно! – рассмеялась Стар. – Мы... мы хотели помочь каждому осиротевшему ребенку найти такую же прекрасную семью, как наша, в какой бы стране он ни жил.

Сестры задумались над этой идеей, но каждая уже точно знала, что именно так она и хотела бы поступить.

– Благотворительный фонд Семи Сестер, – повторила Майя. – Думаю, это прекрасно.

Она протянула руку Алли, та взяла за руку Сиси, и вскоре семь сестер встали вокруг армиллярной сферы, держась за руки. Георг тихо вышел из сада.

Сестры еще какое-то время постояли вокруг армиллярной сферы, черпая силы и уверенность друг в друге. Сфера начала вращаться, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, и сад наполнился смехом.

* * *

Мерри взяла Кристиана за руку и ступила на борт катера.

– До скорой встречи! – крикнула она, когда катер начал отходить от причала, заполненного членами ее новой семьи. Они энергично махали ей, а она махала в ответ и посылая всем воздушные поцелуи. Когда Кристиан обогнул полуостров и вывел катер на полную мощность, направляясь к Женеве, сестры Мерри и Атлантис скрылись из виду.

Мерри позволила себе расслабиться на мягких кожаных сиденьях катера и закрыла глаза, наслаждаясь теплым ветром. Когда она снова открыла глаза, ее взгляд остановился на скалистом выступе, где она ясно увидела высокого мужчину в белой рубашке, который махал ей. Без раздумий она широко улыбнулась и помахала в ответ. И тут она поняла, что знает этого человека.

Потом рядом с мужчиной появилась прекрасная светловолосая женщина и взяла его за руку.

– Мама... – изумленно прошептала Мерри. – Кристиан! – крикнула она. – Кристиан, останови катер! Останови его!

Кристиан без промедления выключил двигатель.

– Все в порядке, Мерри?

– Пожалуйста, отвези меня туда... – Мерри указала на пару, все еще махавшую ей.

– Конечно, – ответил Кристиан и начал медленно приближаться к скале.

– Я люблю тебя! – крикнул мужчина.

– Я тоже тебя люблю, – прошептала Мерри.

Кристиан подошел к скалам так близко, как только смог. Мерри удерживала взгляд на фигурах родителей, пока они не начали тускнеть и не растаяли в воздухе.

Она знала, куда они ушли.

Благодарность автора

После смерти Люсинды мы сразу же столкнулись с вопросами читателей о судьбе обещанной восьмой книги. Мама просила меня завершить серию, но не было никаких гарантий, что результат окажется приемлемым для ее издателей дома и за границей.

К счастью, моя первая встреча с Джереми Треватаном и Люси Хейл из Pan Macmillan убедила меня в том, что они уверены в нас, а остальные издательства последовали их примеру. Я особенно благодарен блестящей Люси, продолжавшей оказывать громадную поддержку на протяжении всего процесса. Фактически вся команда Macmillan проявила себя феноменально. Особое спасибо Джейн Осборн, Саманте Флетчер, Лоррейн Грин и Бекки Ллойд.

Что я могу сказать издателям Люсинды по всему земному шару? Мама находилась в довольно уникальном положении благодаря тесной дружбе с вами, и я знаю, что она хотела бы выразить благодарность за ваш потрясающий вклад в создание «Семи Сестер». Многие из вас начали этот проект вместе с ней более десяти лет назад, и «Атлас» представляет собой окончание этого замечательного совместного путешествия. Спасибо тем, кто присылал ободряющие письма и сообщения во время работы над книгой, особенно Клаудии Негеле, Грюш Джанкер, Фернандо Меркаданте и Сандеру Кнолю. Также благодарю Гнута Говелла, который открыто признал, что не испытывает уверенности в моем начинании, но стал одним из самых горячих энтузиастов после прочтения рукописи! Я также хочу отдать дань уважения блестящим переводчикам, которые прилежно работали над «Семью Сестрами» все эти годы. Их роль часто недооценивают, но только не мы с Люсиндой.

Я понимал, что мне понадобится превосходный редактор, и Сьюзен Опи оказалась как раз той, кто был мне нужен. Я обнаружил, что жизнь романиста достаточно одинока, особенно в моем случае, поэтому мысли, соображения и находки Сьюзен были бесценными для меня. Я не смог бы сделать это без вас!

«Атлас» не является завершением вселенной «Семи Сестер», которая постоянно расширяется. «Атлас» оказался для меня

поучительным в области киносценариев, и я хочу поблагодарить Шона Гаскойна, Бенджамина Мирник-Вога, Фай Уорд и Кэролайн Харви за их терпение и опыт.

Большое спасибо Жаклин Хэслоп, Натану Муру, Чарльзу Дину, Мэттью Сталворси, Джеймсу Гэмблину, Элли Бреннан, Дэвиду Даннингу, Кафалу и Мэг Дайнен, Керри Скотт, Кристи Кеннеди, Тори Харди, Анне Эванс, Мартину Уэстону и Ричарду Стейплзу, которые, каждый по-своему, оказывали мне поддержку в течение прошлого года.

Период с июня 2021 по июнь 2022 года оказался ужасным, моя семья перенесла еще две неожиданные смерти. Моя бабушка (мамина мама) Джанет Эдмондс умерла в феврале 2022 года. Бабушка обладала искрометным чувством юмора и доставляла нам несказанную радость все эти годы. Потом, в мае 2022 года, мы потеряли мою сводную сестру Оливию. Она была не просто замечательной сестрой, но и много лет выполняла роль личного секретаря и пиар-менеджера Люсинды Райли. Она была первой на связи с читателями и блестяще умела возбуждать их интерес. Она с безупречной эффективностью вела офисные дела. С моей стороны было бы непростительно не упомянуть о ее огромном вкладе во все, что творилось за кулисами, включая создание этого романа. Спасибо тебе, Ливи.

notes

Примечания

1

Сапфо. «Уж месяц зашел...» (пер. Вячеслава Иванова).

Китайский революционер и политический деятель, основатель партии Гоминьдан. Один из основателей и первый президент Китайской Республики, один из наиболее почитаемых в Китае политических деятелей.

3

За здравье (*фр.*).

4

Французская игра в шары с разными региональными вариациями.
(Прим. пер.)

5

Хороший скрипач (*фр.*).

Судя по всему, имеется в виду «Клара Милич» И. С. Тургенева.
(Прим. пер.)

«Контесса» – тип стеклопластиковой спортивной яхты длиной 26 или 32 фута, разработанный конструктором Дэвидом Садлером в середине 1960-х годов. (*Прим. пер.*)

Benetti – итальянская судостроительная компания, изготовитель многопалубных океанских яхт длиной от 37 до 110 метров.
(Прим. пер.)

Gatorade – серия изотонических напитков компании «Пепси», разработанная для восстановления потери жидкости после спортивных тренировок. (*Прим. пер.*)

Вруја (*исп.*) – знахарка, целительница, колдунья.

Маленькая принцесса (*фр.*).

Густав Холст (1874–1934) – английский композитор. Оркестровая сюита «Планеты» – его наиболее известное произведение. (*Прим. пер.*)

Часть музыкальной сюиты «Пер Гюнт» Эдварда Грига.
(Прим. пер.)

Игра слов: bow по-английски произносится как «Бо» и означает «смычок», хотя есть и другие значения. (*Прим. пер.*)

Метафорическое выражение, означающее «преодолеть себя и поверить в удачу». (*Прим. пер.*).

«Чувство и чувствительность» – роман Джейн Остин. Но Бо ошибается, главную героиню зовут Элинор. (*Прим. пер.*)

Вита Сэквилл-Уэст (1892–1962) – английская романистка, поэтесса и журналистка. (*Прим. пер.*)

Амброз пользуется ирландским словом, имеющим сходное значение. (*Прим. пер.*)

Беатрис Поттер (1866–1943) – известная английская сказочница и художница. (*Прим. пер.*)

Атлас вольно пересказывает стихотворение Сафо, которое он записал в начале своего дневника. (*Прим. пер.*)

Айерс-Рок (Улуру) – песчаниковый монолит в центре Северной территории Австралии, священное место для аборигенов. (*Прим. пер.*)

Брум – город в Западной Австралии. (*Прим. пер.*)

Кубер-Педи – полуподземный город в штате Южная Австралия, где до сих пор ведется добыча алмазов. (*Прим. пер.*)

Хермансберг – община аборигенов на Северной территории Австралии, где существует европейская миссия. (*Прим. пер.*)

Жаргонное название службы МІБ. (*Прим. пер.*)

Лэйк-Дистрикт, или Лэйкс – гористый регион в северо-западной Англии. (*Прим. пер.*)

Маргарита Лонг (Шарлотта-Мария Лонг, 1874–1966) – известная французская пианистка. (*Прим. пер.*)

Аппелласьон – официально признанная зона выращивания винограда со своей экосистемой и требованиями к изготовлению марочного вина. (*Прим. пер.*)

Сеньор? Отойдите, пожалуйста (*исп.*).

У него похмелье! (*исп.*).

Да, сеньор. Альгамбра, полчаса езды (*исп.*).

Это все, что я могу сделать (*исп.*).

В общем значении – волшебство (*исп.*).

Цыгане (*исп.*).

Большое спасибо. Хотите узнать ваше предназначение? (*исп.*)

36

Не понимаю (*исп.*).

Говорю по-английски (*исп.*).

Моя кузина (*исп.*).

У меня есть мужчина для тебя. Он не говорит по-испански (*исп.*).

Здравствуйте, сеньор (*исп.*).

Эбenezер Скрудж – скряга-миллионер из произведения Ч. Диккенса «Рождественская история». (*Прим. пер.*)

Самая большая фавела в Рио-де-Жанейро. (*Прим. пер.*)

Книга, написанная и проиллюстрированная Людвигом Бемельмасом в 1939 году. Считается одной из классических книг на английском для детей от трех до восьми лет. (*Прим. пер.*)

В греческой мифологии Эномай был сыном бога Ареса. Видимо, английское написание этого имени (Oenomaus) привело к уменьшительному прозвищу «Маус». (*Прим. пер.*).

Папунья – община аборигенов в провинции Северная Территория, где работает сезонная галерея местного искусства. (*Прим. пер.*)

Брум – город в северо-западной части штата Западная Австралия.
(Прим. пер.)

Спасибо за сочувствие, сеньор (*исп.*).

Непонятно, кого имеет в виду автор. По возрасту и местоположению подходит только великая княжна Ксения Александровна Романова. (*Прим. пер.*)